

Централизованная религиозная организация
ДУХОВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ МУСУЛЬМАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Частное учреждение — образовательная организация высшего образования

МОСКОВСКИЙ ИСЛАМСКИЙ ИНСТИТУТ

Частное учреждение — образовательная организация высшего образования

НИЖЕГОРОДСКИЙ ИСЛАМСКИЙ ИНСТИТУТ ИМ. ХУСАИНА ФАИЗХАНОВА

XIII Фаизхановские чтения

НАСЛЕДИЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

Материалы Международной научно-практической конференции
(Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г.)

К 750-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Издательский дом «Медина»
Москва, 2017

УДК 93/94
ББК 63.3
3-80

Печатается в рамках реализации плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углублённым знанием истории и культуры ислама в 2014-2016 годах, утверждённого распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 мая 2014 г. № 815-р

Редакционная коллегия:

Д. М. Мухетдинов (пред.), И. В. Зайцев, В. В. Тишин (отв. ред.),
А. Ю. Хабутдинов, Д. З. Хайретдинов, А. Н. Юзеев

Рецензенты:

М. Г. Крамаровский,
доктор исторических наук, профессор, вед. научный сотрудник отдела
Востока Эрмитажа (Санкт-Петербург, Россия).

В. В. Трепавлов,
доктор исторических наук, профессор, гл. научный сотрудник Института
русской истории РАН, руководитель Центра истории народов России
и межнациональных отношений (Москва, Россия).

XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии: материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г. / [редкол.: Д. В. Мухетдинов (пред.), В. В. Тишин (отв. ред.) и др.]. – М.: ООО «Издательский дом „Медина“», 2017. – 568 с.

Сборник содержит тексты и тезисы докладов, сделанных на конференции 4–6 мая 2016 г. в г. Санкт-Петербурге в рамках XIII Фаизхановских чтений «Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии», состоявшейся в рамках Дней мусульманской культуры и приуроченной к 750-летию образования Золотой Орды. В конференции принимали участие историки, востоковеды, археологи, филологи, этнологи, искусствоведы — всего свыше 60 человек исследователей из России, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Украины, Азербайджана, Финляндии.

Рекомендовано исследователям, занимающимся историей и культурой Золотой Орды и постордынского периода, преподавателям и студентам, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами истории народов СНГ.

ISBN 978-5-9756-0149-0

УДК 93/94
ББК 63.3

ISBN 9785975601490

9 785975 601490

- © ООО «Издательский дом „Медина“», 2017
- © ЧУ — ООВО Московский исламский институт, 2017
- © ЧУ — ООВО Нижегородский исламский институт им. Хусаина Фаизханова, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	7
---------------------	---

ПЛЕНАРНАЯ СЕКЦИЯ

<i>Р. Гайнутдин, Д. Мухетдинов</i> Некоторые вопросы изучения истории государственности Золотой Орды (приветственное слово)	11
---	----

<i>Трепавлов В. В.</i> Золотая Орда в общественном сознании и историографии	14
---	----

<i>Крамаровский М. Г.</i> Золотоордынский Солхат (Крым): опыт межэтнического и культурно-религиозного взаимодействия в XIII–XIV вв. (тезисы)	22
--	----

<i>Кушкумбаев А. К.</i> «Болат босағалы Боз орданы Шәйбанғә салды»: «Йуз Орда» или «Боз Орда» в восточных источниках	26
--	----

<i>Кадырбаев А. Ш., Сыздыкова Ж. С.</i> К вопросу об исторических преемниках Золотой Орды	54
---	----

СЕКЦИЯ «ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОРИОСОФИЯ ИСТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ»

<i>Бондарев А. В., Сараев А. С.</i> Русско-ордынские отношения в концепции Л. Н. Гумилева и интерпретации его критиков	66
--	----

<i>Бурханов А. А., Нигаматзянов И. Р.</i> Вклад Г. А. Федорова-Давыдова в изучение истории Золотой Орды (памяти и 85-летию со дня рождения патриарха золотоордынской археологии и истории, профессора МГУ им. М. В. Ломоносова Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931–2000)	90
--	----

<i>Гатин М. С.</i> Внешняя политика Крымского ханства в XVI в. в трудах немецких историков (тезисы)	112
---	-----

<i>Зайнуддинов Д. Р.</i> ас-Сафади Салах ад-дин и его труды в изучении истории Золотой Орды (тезисы)	118
--	-----

<i>Калимуллина Ф. Г.</i> Концепция истории Касимовского ханства В. В. Вельяминова-Зернова	120
<i>Махмудов О. А.</i> Изучение Золотой Орды в русской исторической науке в XVIII — начале XX в. (краткий обзор)	132
<i>Овчинников А. В.</i> Политика памяти в СССР: А. П. Смирнов и проблемы изучения истории и археологии Улуса Джучи (по материалам писем А. М. Ефимовой)	140
<i>Пачкалов А. В.</i> Монеты Золотой Орды в коллекциях Западной Европы	150
<i>Петров П. Н., Бугарчев А. И.</i> О болгарском дирхеме с изображением змея	155
<i>Сабитов Ж. М., Джунисова З. М.</i> Казахские шежиры как источник по истории Золотой Орды	160
<i>Севастьянов Ф. Л.</i> Образ Золотой Орды в учебных исторических курсах: задача уточнения Историко-культурного стандарта, разработанного Российским историческим обществом	167
<i>Хасьянова Л. С.</i> Битва под Легницей (1241). Историческое событие и отражение его в изобразительном искусстве	171
<i>Хафизов З. Т.</i> Сравнение общеизвестного и «казанского» списков «Дафтар-и Чингиз-наме» (тезисы)	207
СЕКЦИЯ «КУЛЬТУРА И ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОСУДАРСТВ»	
<i>Беляков А. В.</i> Ислам и христианство в Мещере XVI–XVII вв.	212
<i>Бурханов А. А.</i> Золотоордынские памятники Куня-Ургенча и Хорезма (некоторые итоги и перспективы изучения, сохранения и использования объектов тюрко-мусульманского историко-культурного наследия в Туркменистане)	225
<i>Зиливинская Э. Д.</i> Новые культовые памятники золотоордынского времени в Западном Казахстане (тезисы)	248
<i>Миргалеев И. М., Зайнудинов Д. М.</i> Мавляна Зада ас-Сараи — знаток шариатских наук (тезисы)	252
<i>Мусаханова М. З. / Mussakhanova M.</i> Monuments of Material Culture of Kazakhstan during Golden Horde Period	253

Недашковский Л. Ф., Шигапов М. Б. Материальная культура
малого золотоордынского города Нижнего Поволжья
(на примере Хмелевского I селища) 264

Нуриева Ф. Ш. Языковая норма в литературных
памятниках Золотой Орды (тезисы) 286

Сайфетдинова Э. Г., Гиниятуллина Л. С. Региональные
особенности становления богословско-правовой культуры
мусульман Золотой Орды (на примере сочинения «Нахдж
ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари) 297

Сейдалиев Э. И., Сейдалиева Д. Э. Мавзолей Эски-
Дюрбе в Бахчисарае: проблемы изучения, хронологии
и реставрации (тезисы) 307

Хайдаров Т. Ф. Мор 1396 года 313

СЕКЦИЯ «ОТНОШЕНИЯ ЦЕНТР–ПЕРИФЕРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ»

Кириченко Д. А. Монголы в Азербайджане. Археология
и палеоантропология 322

Курникова О. М. Торгово-экономическая жизнь
Крымского ханства 329

Миргалеев И. М. Бек Булат: из полководца в мятежники 339

Моисеев М. В. Крах Большой Орды и формирование новой
системы межгосударственных отношений (1502–1521) 346

Никитин А. П. Червлёный Яр в политической истории
Джучиева Улуса 353

Пилипчук Я. В. Крымский улус Золотой Орды в войне
Феодоро и Генуи 1433–1441 гг. 365

Рахимзянов Б. Р. Базис и эволюция отношений «Орда–
Москва» (XIII–XVII вв.) 381

Ускенбай К. З. Левое крыло Улуса Джучи в XIII — начале
XV века: периферия или начало самостоятельной
государственности? 388

Фукалов И. А. Взаимоотношения алтайских кыргызов
с Золотой Ордой и Ак Ордой 410

Худайбердыева О. А. Крымскотатарско-ногайская
антропонимия. К вопросу о месте ислама в культуре
у крымских татар и ногайцев (тезисы) 415

СЕКЦИЯ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОСУДАРСТВ»

<i>Аксанов А. В.</i> К вопросу о политическом статусе первых казанских ханов	420
<i>Атыгаев Н. А.</i> О некоторых символах власти (трон и корона: от Монгольской империи к Казахскому ханству)	426
<i>Исхаков Д. М., Габбасова К. А.</i> Институт сеййидов в позднезолотоордынских тюрко-татарских юртах как историческое наследие Золотой Орды	446
<i>Маслюженко Д. Н., Рябина Е. А.</i> Шибаниды и Тайбугиды в 1563 г.: значение в истории и историографии сибирской государственности	457
<i>Махмудов О. А., Кенжаева Н. С.</i> Религиозная ситуация и предпосылки принятия ислама в Золотой Орде	469
<i>Нигматзянов И. Р.</i> Град Сибирь — Сибирское царство и Сибирский юрт: идеологические образы и политические реалии в контексте исторической традиции	476
<i>Почекаев Р. Ю.</i> Между «чингизизмом» и шариатом: политико-правовые взгляды мухаммада Шайбани-хана	485
<i>Сабитов Ж. М.</i> Административная реформа Бату в контексте противостояния с Гуюком	502
<i>Тимохин Д. М., Тишин В. В.</i> К вопросу о локализации сражения «на Тургайской равнине» между армией Хорезма и монгольским корпусом Джучи-хана	516
<i>Р. Хаутала</i> Католический прозелитизм в Золотой Орде как отражение религиозной толерантности джучидских ханов	534
Резолюция конференции	551
Список авторов	555
Фотогалерея	561

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Настоящий сборник содержит материалы XIII научно-практической конференции «Фаизхановские чтения» по теме «Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии», состоявшейся 4–6 мая 2016 г. в Санкт-Петербурге.

Конференция была приурочена к 750-летию Золотой Орды. Несмотря на очевидную условность этой даты, мы рассчитывали на масштабное мероприятие, в рамках которого будет осуществлено обсуждение широкого круга вопросов, связанных с историей собственно Золотой Орды и постзолотоордынского пространства.

Наши ожидания вполне оправдались и в 2016 г. запланированная нами конференция приобрела широкий масштаб и вышла на международный уровень. В ней приняли участие свыше шестидесяти гостей — это ученые из России, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Украины, Азербайджана, Финляндии. Мероприятие объединило специалистов различного профиля. С докладами выступили востоковеды, историки, археологи, филологи, этнологи, искусствоведы.

Заседание прошло по четырем секциям: «Источниковедение, историография и историософия истории Золотой Орды», «Культура и внутренняя жизнь Золотой Орды и золотоордынских государств», «Отношения центр–периферия и международные связи Золотой Орды» и «Политическая и социальная история Золотой Орды и золотоордынских государств». Начиная уже с пленарного заседания, последовала интересная научная дискуссия, обнаружившая ряд острых вопросов, по которым специалисты имеют совершенно полярные точки зрения. Бурному обсуждению подверглись многие доклады и во время работы секций.

Мы полагаем, мероприятие во многом способствовало сближению специалистов различных школ и направлений, а плодотворное обсуждение представленных докладов, несомненно, благоприятствовало если не выработке каких-то общих парадигм, связанных с восприятием Золотой Орды и ее историко-культурного наследия, то, по крайней мере, позволило обнажить

наиболее животрепещущие темы и узловые моменты дискуссий по ряду вопросов.

По нашему мнению, данная конференция может считаться удачной, если рассматривать ее не только как научное мероприятие, но и если воспринимать ее как событие, характеризующееся важностью с точки зрения социальной актуальности. Мы надеемся, что материалы конференции привлекут не только ученых, но и станут интересны для самой широкой читательской аудитории.

Редакционная коллегия

ПЛЕНАРНАЯ СЕКЦИЯ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (приветственное слово)

Уважаемые участники мероприятия! Дорогие коллеги и гости!

Мы искренне рады приветствовать вас и благодарны вам за то, что вы откликнулись на предложение об участии в сегодняшнем мероприятии.

Наша конференция, как уже известно, приурочена к 750-летию основания Золотой Орды, государственного образования, существование которого не только знаменует очень важный этап в истории Российской Федерации и ряда современных стран-участниц СНГ, но также является важной вехой для истории, прежде всего, народов, населявших ту часть евразийского пространства, которое так или иначе входило в сферу влияния Золотой Орды — будь то непосредственное политическое управление, экономическое или культурное влияние. Историческое значение золотоордынского периода несомненно велико, хотя в разных историографических традициях мы можем встретить различные его оценки, что, впрочем, естественно, учитывая непосредственную зависимость выводов научных работ от субъективного фактора. Но ведь научное знание и существует только в условиях постоянных дискуссий, в ходе которых совершается обмен взвешенными аргументами на пути к общей истине. Совершенно другое дело — когда научные изыскания подменяются тенденциозными построениями, приспособленными под заранее готовую, как правило, идеологически обусловленную концепцию. Впрочем, и это тоже является объективным фактором, ибо человек не может быть свободен от каких-то предпочтений, симпатий или антипатий.

Отчасти, конечно же, и повод для организации нашего мероприятия в данном случае может быть подвержен справедливой критике, поскольку дата, выбранная нами в качестве своеобразной точки отсчета существования Золотой Орды, носит очень условный

характер. Однако, как хорошо известно, наука не может существовать без условностей — схем, моделей, в рамках которых ученые могли бы осуществлять свои изыскания, в том числе и историческая наука. Мы — организаторы данной конференции, выбрали начальный год правления Менгу-Тимура, отнюдь не первого правителя Золотой Орды, но того, с кем может быть связано обретение Золотой Ордой суверенитета. Нам монетах, относящихся к периоду его правления впервые упомянут официальный титул «хан», а до этого Золотая Орда была одним из улусов другого единого государства — Монгольской империи, где, как известно, хан (или *хаган*) был только один — сидящий в Каракоруме и утверждавший своей властью правителей тех или иных улусов. История распорядилась так, что именно на 60-е годы XIII в. выпало время раздоров между правителями улусов, приведших к окончательному распаду этого государства как единой политической системы.

Много вопросов у историков не одно десятилетие вызывает и сам характер административно-территориального устройства Золотой Орды — начиная с соотношения статусов внутренних уделов собственно улуса Джучи, руководимых представителями соответствующей ветви династии Чингисидов, и заканчивая статусом в ее составе территорий народов, попавших сюда в результате военных походов 20–40-х гг. XIII в., в частности, русских княжеств. Нам представляется несомненным тот факт, что Золотую Орду следует рассматривать именно как единое политическое образование, включавшее в свой состав территории народов различного происхождения, сохранявших в рамках единой политической системы свою культуру, религию, традиции социальных отношений. Давно уже устарела долго господствовавшая в имперской, а позже, соответственно, в советской и отчасти российской историографии концепция о так называемом «татаро-монгольском иге», несостоятельная по ряду причин. Мы не говорим уже о непонятном много раз обсуждавшемся историками искусственном понятии «татаро-монголы». Мы хотим в очередной раз обратить внимание на то, что подобный взгляд на отношения господствующей и подчиненных этнических групп основывается только на одностороннем рассмотрении в качестве субъекта этих отношений лишь находившиеся в политической зависимости этнические группы и их

территориальные образования, что само по себе влечет достаточно субъективную оценку исторического периода в целом.

Исследователи давно подошли к необходимости рассмотрения золотоордынского периода как эпохи существования общего для ряда евразийских народов политического объединения, а именно — единого государства с полиэтническим, поликультурным и, соответственно, многоконфессиональным населением. Вместе с тем, для истории России следует отметить и тот факт, что Золотая Орда стала, в сущности, первым централизованным государственным образованием, где при этом статус государственной религии с определенного периода (я имею в виду, разумеется, правление хана Узбека, 1313–1341 гг.) приобрел ислам, что в то же время не привело на этой почве ни к каким раздорам среди элементов общей политической системы. Нам бы хотелось, таким образом, обратить внимание именно на то обстоятельство, что *общая для множества народов нашей страны государственность восходит именно к мусульманскому государству*, и что, как нам кажется, дает основание выделять соответственно этот особый этап в истории российской государственности.

Так или иначе, озвученная выше методологическая парадигма, как нам кажется, выглядит гораздо более приближенной к научной объективности и позволяет адекватно рассматривать различные аспекты истории Золотой Орды и взвешенно оценивать значение периода ее существования в истории.

Именно для этого собрались сегодня все мы здесь, историки, востоковеды, филологи, археологи, нумизматы, антропологи. Большая честь и великая радость приветствовать здесь такое количество специалистов в различных научных областях, прибывших сюда, в Санкт-Петербург, столицу российского востоковедения, как из различных регионов России, так из стран дальнего и ближнего зарубежья. Многие приглашенные коллеги в силу обстоятельств, к сожалению, не смогли нас почтить своим присутствием, но мы очень рады, что удалось собрать значительное количество исследователей, избравших сферой своей деятельности те или иные аспекты истории Золотой Орды. Мы надеемся на интересные выступления и плодотворные обсуждения докладов, тематика которых характеризуется широтой и глубиной затронутых проблем.

ЗОЛОТАЯ ОРДА В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ И ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация: В историографии неоднократно предпринимались попытки определить проявления цивилизационной связи России с Востоком. Ярким показателем такой связи считаются заимствования из Золотой Орды и из более ранних тюркских государств. Некоторые авторы абсолютизируют размах восточных заимствований. Методика определения восточных заимствований была сформулирована Г.В. Вернадским и использована Ч. Гальпериным и Д. Островски. Рядом казахстанских исследователей недавно предложена новая «парадигма» происхождения казахской государственности, в соответствии с которой Казахстан является непосредственным историческим преемником Золотой Орды.

Ключевые слова: государственность, преемственность, заимствования, золотоордынское наследие, система управления.

Abstract: There have been several attempts in historiography to determine the existence of civilizational relations of Russia with the East. A strong indicator of such relationship is considered to be borrowings from the Golden Horde and of earlier Turkic states. Some authors exaggerate a sweep of Eastern borrowings. The method of determining the loans was formulated by G. Vernadsky, and used by H. Halperin and D. Ostrowski. Beside Kazakhstan researchers recently proposed a new „paradigm“ for the origin of the Kazakh statehood, according to which Kazakhstan is a direct historical successor of the Golden Horde.

Key words: statehood, continuity, borrowing, Golden Horde heritage, management system.

Прежде всего хотелось бы отметить корректность повода, по которому организована конференция. 1266 г. — дата действительного появления Улуса Джучи (Золотой Орды) в истории как самостоятельного государства. Популярная в литературе датировка 1242 или 1243 г. (возвращение Бату в Дешт-и Кипчак из европейского похода) не может считаться обоснованной, так как в то время Улус еще составлял часть единой Монгольской империи.

Актуальность и сложность проблемы, которая вынесена на обсуждение, бесспорны. Российские государственность и культура на протяжении столетий впитали множество привнесенных, неславянских элементов. Наиболее крупными и долговечными блоками заимствований обычно считаются явления и институты происхождений византийского, восточного (прежде всего золотоордынского) и западного (европейского и американского).

Наша конференция посвящена самому малоизвестному компоненту этой триады — историческому и цивилизационному наследию Золотой Орды. Причем, дело здесь даже не столько в самой Орде, сколько в методологии изучения, преподавания, да и всей интерпретации российской истории. Традиционно, с начала XIX в., в нашей исторической науке царит руссоцентризм — гипертрофированное внимание к особенностям развития только русского народа, его социальной организации и духовной жизни — в ущерб многонациональному компоненту российской цивилизации. На страницах школьных и вузовских учебников народы Поволжья, Кавказа и Сибири появляются, как правило, лишь при описании присоединения соответствующих регионов к России — после чего вновь исчезают из повествования.

Между тем существенное влияние неславянского компонента на организацию российской государственности, культуры, да и этнодемографического облика страны было несомненным. По различным письменным и фольклорным текстам разбросаны свидетельства тесной и исконной связи русских с их восточными и южными соседями (впоследствии соотечественниками). Чтобы разобраться в формах, степени интенсивности, хронологии восточного влияния на Россию, нужно изучать источники и носителей этого влияния, т. е. те государства и народы, которые в разные времена соседствовали с Россией на юге и востоке. Крупнейшим из таких государств по праву считается Золотая Орда.

Вопрос о разнообразных формах ордынского исторического и культурного наследия давно поставлен в науке. Впервые законченная концепция такого наследия была создана историками эмигрантской школы евразийцев. Большинство их занималось не скрупулезными историческими штудиями, а общим осмыслением исторического пути России. Поэтому евразийская идея появилась на свет (и полагаю, продолжает существовать) не как историографическая теория, а скорее как историософская концепция, еще ждущая своего наполнения фактическим материалом. Общая схема евразийской идеи сводится к исторической преемственности великих континентальных держав — Тюркского каганата, Монгольской и Российской империй, которые последовательно передавали друг другу функцию собирания народов в общих границах.

При такой трактовке Россия (иногда добавляют: и СССР) выступает в качестве наследницы великой объединительной миссии предыдущих сверхдержав Евразии.

Неоднократно предпринимались попытки определить многообразные проявления цивилизационной связи России с Востоком. Как правило, ярким показателем такой связи считаются заимствования из Золотой Орды XIII–XIV вв. и из более ранних тюркских государств. Разумеется, бесспорные примеры существуют — прежде всего, в русской титулатуре и социальной терминологии (каган, тархан и т. п.), в финансовой системе средневековой Руси, в организации ямской службы и пр. Хотя некоторые европейские и американские авторы абсолютизируют размах восточных заимствований, приписывая татарское происхождение, например, русскому поместью и Земскому собору (Pelensky 1980: 162, 163).

В отечественной историографии также имеются подобные попытки. Недавно в архиве Института российской истории была обнаружена рукопись неизданной монографии преподавателя Горьковского педагогического института С. С. Аверкиева «Влияние татар на жизнь русского народа», написанной в 1950-х гг. Стараниями доктора исторических наук И. В. Зайцева она была подготовлена к печати и вышла в свет в Казани в 2015 г. (Аверкиев 2015). Автор видит влияние Востока в очень многих аспектах политической жизни и культуры России. Правда, не всегда это влияние однозначно можно приписать именно татарам, так как Аверкиев рассматривает также турецкие и персидские заимствования (вопреки названию книги). Тем не менее, многие указанные им аналогии выглядят новыми и интересными, особенно для времени, когда создавался этот труд (тогда, в послесталинском СССР, позитивное внимание к какому-либо восточному, тем более золотоордынскому воздействию на Россию было почти невозможным).

В околону научной литературе и публицистике укоренилось немало стойких заблуждений насчет ордынского (или шире: татарского) «следа» в истории России. Например, общим местом стало утверждение о татарском происхождении Бориса Годунова. Оно, однако, вызывает серьезные сомнения у историков. В работах ведущего российского медиевиста Р. Г. Скрынникова показано, что истинные корни рода Годуновых лежат в среде русского

костромского дворянства (Скрынников 1978: 5), а их легендарный прародитель — мурза (или князь) Чет был «изобретен» для придания этому клану знатности и престижа (очень распространенное явление в средние века).

Напрасно связываются с татарами истоки знатных родов Лопухиных и Ушаковых. По генеалогическим сведениям, родоначальники этих семей происходили из «Касуйской Орды», от касожского богатыря Редеди («Редеди»). Но касоги, которых возглавлял Редедя, — это не татары и вообще не турки. Данный этникон служил в русских текстах обозначением одного из народов Северного Кавказа — раннесредневековых предков адыгов (современных черкесов, кабардинцев, адыгейцев).

Столь же мало доказуемо татарское происхождение Козьмы Минина. Никаких документов на этот счет не обнаружено. Этимология имени Мина не имеет отношения к тюркским языкам (и уж, конечно, не восходит к татарскому местоимению «мин»). Это распространенное христианское имя, означающее по-гречески «лунный, месячный». В православных святцах числится около десятка мучеников и подвижников с таким именем. Да и факт монашеского пострига Мины Анкудинова (отца Кузьмы) свидетельствует о его глубоких православных корнях.

К сожалению, здесь часто сказывается отсутствие необходимых навыков в работе с источниками. Например, с полным доверием авторы относятся к аристократическим реестрам Российской империи. Однако на протяжении последних двухсот лет историками многократно было показано, что «Бархатная книга» и прочие официальные родословные изобилуют малодостоверными легендами, содержат путаницу в сведениях и откровенные фальсификации. Поэтому каждую родословную нужно тщательно анализировать с привлечением независимых источников (там, где это возможно).

Методика определения восточных заимствований впервые была сформулирована Г. В. Вернадским: если какого-то явления или института не было в домонгольской Руси, но они фиксируются в XIV–XV вв., значит, они возникли в ордынский период и могли быть переняты у ордынцев (Вернадский 1997: 340–345). Рискованность такого способа анализа очевидна, но пользуясь им, Вернадский сумел выделить ряд позиций в экономической, политической

и военной сферах жизни Руси, где явно просматривались азиатские прототипы. На основании этой же методики исследовали влияние Золотой Орды на Русь Ч. Гальперин и Д. Островски (Островски 2001: 24, 25; Halperin 1985: 90–112). Но для полноценного применения такого подхода нужно знать, существовали ли, и если да, то в каком виде, рассматриваемые явления в Золотой Орде. А вот это пока является пока труднодостижимым из-за слабой изученности ее истории.

Заимствования из Орды могут свидетельствовать разве что о привлекательности и целесообразности, с точки зрения русских, элементов восточных политических культур в то время. Однако сами по себе они, очевидно, не могут служить аргументом в пользу золотоордынского «наследия» или какой-то исторической преемственности России по отношению к Золотой Орде. Ведь импорт идей и институтов — общекультурное явление, присущее всем народам и государствам, не исключая Россию. Восточные заимствования служат лишь иллюстрацией специфической геополитической ситуации, которая сложилась на Евразийском континенте в результате монгольских завоеваний. Пересмотр привычной интерпретации событий той эпохи, думаю, способен помочь определить действительное место восточной парадигмы в организации многонациональной цивилизации России.

С ослаблением Монгольской империи, в течение второй половины XIII в. от нее постепенно отделилась Золотая Орда (Улус Джучи). Соответственно Русь утратила связи с имперским центром (в юрисдикции которого находилась) и стала подчиняться только правилам этого Улуса. На вопрос: входила ли Русь (Северо-Восточная: великие княжения Владимирское, Тверское, Рязанское, Суздальско-Нижегородское) в состав Золотой Орды или нет? — я сейчас склонен отвечать утвердительно. От империи Орда унаследовала управление русскими данниками. Они теперь составляли часть ее подданных, но в не в рамках обычной улусной системы, а как владения иного рода — как плательщики «выхода», управляемые на основании жалованных ярлыков, без непосредственного контроля ханской администрации. Русь находилась в ряду прочих автономных владений разного статуса и ранга, подчиненных монголам. В таком же положении находились Рум (сельджукская Малая

Азия), Грузия, Уйгурия, страна енисейских кыргызов. Все эти государства сохраняли собственных правителей и домонгольское внутреннее устройство.

Историки традиционно проявляют большой интерес к джучидской системе управления. Почему? Во-первых, она оказалась настолько устойчивой, что надолго пережила государство, в котором была создана, и продолжала функционировать (в основных чертах) в наследных ханствах и ордах. В других бывших улусах Монгольской империи — в Китае и Иране — этого в целом не произошло; правда, в Средней Азии некоторые устои имперской государственности периодически возрождались.

Во-вторых, система управления Улуса Джучи объективно оказывала значительное воздействие на русские княжества. Поэтому изучение истории Руси XIII–XVI вв. оказывается неполным без учета этого фактора. Хотя в целом я считаю неоправданным ставшую традиционной неременную привязку истории Золотой Орды к русской истории. Все-таки Золотая Орда — это самостоятельный субъект истории, и она обладала собственной исторической ценностью, безотносительно к судьбам «Русского улуса».

В-третьих, Улус Джучи обнаруживает достаточно редкий исторический пример длительного бесконфликтного сосуществования на огромной территории подданных, принадлежащих к разным сферам экономики (кочевые скотоводы и оседлые земледельцы), исповедующих разные религии и говорящих на разных языках.

При изучении данного круга вопросов на пути историков встают труднопреодолимые препятствия. Известно, что практически не сохранилось хроник, актов, документов делопроизводства, созданных непосредственно в Золотой Орде. Почти все известные источники о ней написаны за ее пределами — нередко за тысячи верст от Орды и людьми, никогда в ней не бывавшими. Основная информация исходит из арабских и персидских сочинений, многие из которых не переведены на европейские языки. С учетом этих сложностей возникает необходимость объединения и координации усилий ученых разных дисциплин: востоковедов, историков-русистов, археологов и пр. — как из России, так и из других стран.

Среди последних на первое место я поставил бы Казахстан, поскольку географически половина Золотой Орды располагалась на

его современной территории. Сейчас в Казахстане развернулись активные исследования средневековой истории, в том числе периода «Улыса Жоши». Мысль коллег работает в несколько непривычном для нас, россиян, направлении. В ходе ведущейся уже несколько лет подготовки многотомной академической «Истории Казахстана» и особенно в период широкого празднования 550-летия образования Казахского ханства (2015) рядом исследователей была предложена новая «парадигма» происхождения казахской государственности и казахского народа. В соответствии с ней Казахстан является непосредственным историческим преемником Золотой Орды, а ее изучение должно рассматриваться в курсах преподавания национальной, а не всемирной (т. е. иностранной) истории (Сабитов, Кушкумбаев 2014).

Кроме того, казахстанские историки предложили отметить 750-летие Орды в 2019 г. За точку отсчета взят Таласский курултай 1269 г., после которого, по мнению авторов данной инициативы, Джучиев улус обрел независимость (чеканка своей монеты, ханский титул). Мне же по-прежнему представляется, что начало правления Менгу-Тимура служит более веским основанием для маркировки самостоятельности государства, чем сговор трех улусных правителей против каана Хубилая на Таласе. Все-таки монеты с именем Менгу-Тимура стали чеканиться в Булгаре, Крыму и Укеке с 1266/1267 г., причем с демонстративной надписью «правосудный великий хан» (Григорьев 2004: 19). Этот его новый титул Ипатьевская летопись отобразила как «великий цесарь» (Полное собрание 1962: 871).

Хотелось бы подчеркнуть успешные исследования ученых Татарстана. Казанские коллеги обладают достаточной языковой подготовкой и источниковедческой квалификацией, чтобы возглавить деятельность по координации исследований Золотой Орды. В последние годы роль такого координатора все более заметно играет Центр исследований истории Золотой Орды им. М. А. Усманова в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ во главе с И. М. Миргалеевым. Одним из показателей успешной работы данного Центра является его активная издательская деятельность, в том числе периодические издания «Золотоордынская цивилизация» и «Золотоордынское обозрение».

Список литературы

Аверкиев С. С. Влияние татар на жизнь русского народа. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; ЯЗ, 2015. 292 с.

Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь: ЛЕАН; Москва: АГРАФ, 1997. 480 с.

Гальперин Ч. Татарское иго. Образ монголов в средневековой России. Воронеж: Б. изд., 2012. 230 с.

Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 276 с.

Островски Д. Монгольские корни русских государственных учреждений // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси. Антология. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. С. 143–171.

Полное собрание русских летописей. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 2. Ипатьевская летопись. 393 с.

Сабитов Ж. М. Кушкumbaев А. К. О новой парадигме истории происхождения казахского народа // Второй конгресс историков Казахстана. Астана: Изд-во Евразийского нац. ун-та, 2014. С. 274–283.

Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М.: Наука, 1978. 192 с.

Halperin Ch. J. Russia and the Golden Horde. The Mongol Impact on Medieval Russian History. Bloomington (Ind.): Indiana univ. press, 1985. 192 p.

Pelensky J. State and Society in Muscovite Russia and Mongol-Turkic System in the Sixteenth Century // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1980. Bd. 27. P. 156–167.

ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ СОЛХАТ (КРЫМ): ОПЫТ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНО- РЕЛИГИОЗНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

1. В сообщении мы хотим показать некоторые проблемы развития так называемого «монгольского» города в Крыму, структура которого развивалась в рамках трех общин — *исламской, христианской и иудейской*. Из них *мусульманская* была самой молодой, поскольку до XIII в. Северное Причерноморье не знало ислама как вектора развития. Важно подчеркнуть, что складывание новой для Крыма религиозной общины шло одновременно с формированием городских структур Солхата.

2. Наши представления об исторической топографии Солхата основаны на сопоставлении натурных наблюдений и плана города, снятого русским военным топографом около 1783 г. Согласно этому плану градообразующая магистраль перерезает пятно городской застройки XV–XVIII вв. с запада на восток, расчлняя средневековое городище на две неравные части. При этом куст христианских памятников оказался в юго-западном секторе поселения, а синагога, обозначившая центр еврейского Солхата, указана на плане в юго-восточном секторе. Исламские кварталы, расположившиеся вдоль трассы, заполнили всю центральную часть города, потеснив застройку инокультурных общин. Примечательно, что два из шести христианских храмов, вероятно, принадлежавших армянской общине, после 1363 г., когда город опоясал оборонительный ров, остались за линией городских укреплений. Необходимость строительства рва (инициатива крымского улусбека *Кутлуг-Буга*) была вызвана боязнью наступления на Крым Великого Княжества Литовского, нанесшего поражение ордынцам под Синими водами (1262) Спустя двенадцать лет ров и вал были заменены беклярибеком Мамаем (1380) каменными стенами с башнями. Этим Солхат на время уравнил воинский потенциал генуэзской Каффы. Протяженность нового оборонительного пояса беспрецедентна для Крыма и достигает 6734 м.

3. Помимо тюрок, основного населения Солхата и исламизированных монголов, составляющих тонкую прослойку элиты вплоть до конца XIV в., здесь проживали *аланы, греки, славяне, иудеи (караимы и евреи), армяне, латиняне (выходцы из Латинской Романии и Лигурии)*. Все они группировались, как уже отмечалось, в трех религиозных общинах. Каждая не была едина ни этнически, ни исповедально. Так, христианские кварталы были населены представителями нескольких конфессий — *ортодоксально православной (византийской), несторианской, греко-католической, католической и армяно-григорианской*. В иудейских кварталах проживали представители двух сект. *Караимы* жили по законам *Торы, раббаниты*, следовали Устному Закону, позднее внесенному в *Талмуд*.

4. Общая повседневная жизнь горожан (в период расцвета города в первой половине XIV в. их число, вероятно, достигало восьми тысяч) определялась несколькими главными факторами: властью представителя золотоордынского хана — *баскака* (тюрк.), общим для всех горожан рынком, развитие которого подхлестнуло введение с начала 1260-х гг. общегосударственного монетного чека-на, и единой системой водопользования. В отношениях с властью был бесспорен приоритет исламской общины.

5.1. Мусульмане не сразу заняли доминирующие позиции в городе. По-видимому, до последних лет XIII в. положение исламской и христианской общин было если и не равновесно, то близким к паритету. Об этом можно судить по отголоску споров о запрете колокольного боя в христианских кварталах Солхата, сохранившихся в документах Ватикана. Попытка запрета удалась не сразу. В 1280-х гг. в Крыму францисканцы окрестили жену всесильного ордынского темника Ногая *Яйлак* и нескольких крупных монгольских беков. Усиление позиций общины позволило сохранить церковную традицию праздничных перезвонов в Солхате вплоть до начала XIV в. Колокольный звон, так испугавший в марте 1333 г. Ибн Баттуту в Керчи, в Солхате уже был упразднен.

5.2. Первая квартальная мечеть появляется в Солхате только осенью 1263 г. Она была построена рядом с рынком на благотворительные средства сына хаджи Омера ал-Бухари. Это событие, несомненно, отразило настроения, существовавшие в поволжской столице в окружении хана-мусульманина Берке (1257–1266). При хане Менгу-Тимуре

Солхат и Судак были переданы в «кормление» освобожденному Ногаю из византийского плена в 1265 г. иконийскому экс-султану 'Изз ад-дину Кейкавусу II, родственнику берковичей. В этот период в городе сформировался исламский вектор, определивший его культурное лицо на несколько будущих столетий. Около середины 1330-х гг. на средства матери правителя Солхата *Кутлуг Тимура Инджи-бек Хатун* (ум. 1375) малоазийской артелью было возведено величественное здание медресе. Одна из последних крупных мечетей, вероятно, построена в годы короткого периода восстановления золотоордынского единства при хане Токтамыше (1381–1395).

5.3. Солхат, в отличие от большинства городов Поволжья, не был razoren дотла Тимуровским погромом 1395 г. и на протяжении всего периода средневековья развивался главным образом как исламский город. В 1396 г. на благотворительные средства внушки *Кутлуг Тимура Бай Буглы Хатун* построен странноприимный дом для дервишей — *текие*, позже переделанный в мечеть, получившую название «*Курушун Джамии*» («Свинцовой»).

6.1. Центром *исламского города* остался архитектурный комплекс, состоящий из медресе и восстановленной на новом месте «старой» мечети Узбека (первая треть XIV — вторая половина XV вв.). «Новая» мечеть Узбека сохранила портал, *михраб* и основные детали аркады первоначальной постройки, датированной 1314 г. Мечеть была перенесена к северной стене медресе первой трети XIV в. скорее всего на исходе XV в. В 2014 г. «мечети Узбека» (а значит и всему архитектурному комплексу) исполнилось 700 лет.

6.2. Имя золотоордынского хана и дата постройки первоначальной мечети взяты из надписи на портале. В ленте над полуаркой входа арабская надпись с датой 714 г. х. (= 1314 г. н. э.) содержит имя хана Мухаммеда Узбека *вместе с именем строителя (архитектора?)* Абдул-Азиза Ибраима ал-Ирбили. *Нисба* Абдул-Азиза Ибраима «*ал-Ирбили*» указывает на его родину — город Ирбиль (Арбела) в Северной Сирии. *Михраб* мечети повторяет структуру портала, но украшен еще богаче. В эпиграфическом фризе читается коранический текст. Обмеры и графический анализ портала и *михраба*, их декоративного убранства приводит нас к истокам — художественной традиции, сложившейся в северной части Центральной Анатолии в период сельджукских эмиратов.

7.1. В городе господствовал тюркский язык. Об этом можно судить по надписям на монетах местного чекана, где известно четыре варианта пулов с фразой «*сорок восемь — один ярмак*». Тюркский уже на раннем этапе становления Солхата стал языком межэтнического общения.

7.2. Ономастикон мусульманской общины свидетельствует, что среди жителей города большее распространение получили общеисламские имена: *Урус, Бейрам, Кутлу, Буджук, Лачин*. Однако в просопографии Солхата и его округа XIV в. семьи анатолийского происхождения все же определяются по *нисбам* отцов. Их немного — всего пять. Это, прежде всего, *Эль Кастамуни* (№ 70), *Эль Ахлати* (№ 94), *Эт-Токати* (№ 190), *Эс-Сиваси* (№ 22), и имя шейха *Якуба Коневи* из Отуз (Акчокраклы 1927, с. 15, № 1). Очевидно, к этому списку нужно добавить надгробие 776 г. х. = 1374 г. н. э. (№ 25 по списку Акчокраклы; Эрмитаж, Инв. № Сол. 11) с тюркской надписью. Имя владельца, к сожалению, все еще не прочтено, но упоминание — *алемдара* (знаменосца) *эхи* (?) связывает его (или его отца?) с традицией исламской Малой Азии. Надгробие шейха из Отуз датировано 729 г. х. (= 1328 г. н. э.). Приведенные имена — убедительное проявление малых диаспор, связавших Солхат и близкие к нему поселения с отдельными провинциями сельджукской Малой Азии в XIII–XIV вв., включая столицу Румийского султаната Конию.

8. В городской культуре исламская анатолийская диаспора ярко проявила себя как в духовной жизни, так и в облике материальной культуры. Один из ярких представителей анатолийской диаспоры шейх Абу Бакр Руми, представитель *шафиитского* меньшинства и автор суфийского трактата «*Каландарнаме*» служил *имамом* в одной из соборных мечетей города. Абу Бакр родился в Акхешире (Анатолия), но до конца жизни жил в Солхате.

Свидетельства марокканского шейха Ибн Баттуты (1333) позволяют констатировать, что исламская община города, сформировавшаяся в короткое время на новой для себя почве, оказалась все же привержена не арабской, а тюркской модели ислама, что, безусловно связано с тюркским большинством молодой общины.

«БОЛАТ БОСАҒАЛЫ БОЗ ОРДАНЫ ШӘЙБАНҒӘ САЛДЫ»: «ЙУЗ ОРДА» ИЛИ «БОЗ ОРДА» В ВОСТОЧНЫХ ИСТОЧНИКАХ

Аннотация: В статье рассматривается один из недостаточно изученных вопросов раннего этапа истории Золотой Орды связанный с появлением основных политических центров – Орд (ставок) империи Джучидов. К числу таких слабо освещенных историческими источниками проблем относится возникновение таких терминов как «Йуз Орда» или «Боз Орда». Анализ редких свидетельств из источников, таких как «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи, «Родословия тюрков» Абу-л-Гази, «Бахр ал-асрар» Махмуда бен Вали показал, что в написании термина «боз» произошла ошибка, которую долгое время читали как «йуз». Ознакомление со сведениями письменных, устных источников и специальной востоковедной литературой показало, что понятие «Боз Орда» (Светлая Орда) применялось в отношении джучидской ставки «Ак Орда».

Ключевые слова: Йуз Орда, Боз Орда, Ак Орда, Золотая Орда, Бахр ал-асрар, Чингиз-наме, Шибан, Тука-Тимур.

Abstract: The article deals with one of the insufficiently studied questions of the early stage of the history of the Golden Horde related to the appearance of the main political centers – Horde (headquarters) Jochids Empire. Among these dimly lit historical sources relate the occurrence of problems such terms as «Yuz Horde» or «Boz Horde». Analysis of rare evidence from sources such as «Chingiz-name» Utemish Hadji, «Genealogy of Turks», Abu-al-Ghazi, «Bahr al-Asrar» Mahmud b. Wali has shown that an error occurred in the writing of the term «boz», which for a long time read as «yuz». Familiarization with the information written, oral sources and special oriental literature has shown that the concept of «Boz Horde» (Light Horde) applies to Jochid headquarters «Ak (White) Horde».

Key words: Yuz Horde, Boz Horde, Ak (White) Horde, the Golden Horde, Bahr al-Asrar, Chingiz-name, Shibani, Tuka-Timur.

Термины «Йуз Орда» и «Боз Орда», так же как и проблема параллельных, часто используемых названий: «Золотая Орда», «Ак Орда», «Кок Орда» в истории Джучиева улуса, уже много раз анализировались в востоковедческой литературе. Эта тема затрагивалась в работах В. В. Бартольда, Б. А. Ахмедова, Г. А. Федорова-Давыдова, В. П. Юдина, Т. И. Султанова, К. А. Пищулиной Ю. А. Зуева и др. В новейшей литературе последнего времени круг вопросов, связанных с «Йуз Ордой» или «Боз Ордой», привлек внимание К. З. Ускенбая, Ж. М. Сабитова, Ж. М. Тулибаевой и автора этих строк. В ходе проведенных изысканий и возникших на этой основе дискуссий

единого понимания по этому вопросу среди исследователей не сложилось, но, тем не менее, думается, правильное поисковое направление уже наметилось.

В одной из своих работ, а именно в «Отчете о командировке в Туркестан», В. В. Бартольд обратил внимание на третью часть сочинения «Бахр ал-асрар» Махмуда бен Эмир Вали, повествование о династии Джучидов. «О сыне и преемнике Шейбана, Бахадуре, говорится, что он „избрал местом своих зимовок и летовок Ак-Орду, известную под названием Юз-Орды, считал обязательным для себя повиноваться потомкам Тугай-Тимура, получивших прозвание „ханских сыновей“ и в течение всей своей жизни не выходил из повиновения им“». Уже тогда В. В. Бартольд обратил внимание на очевидную тенденциозность сообщаемых сведений «в пользу Тугай-Тимура и его потомков» (Бартольд 1903: 256).

Наиболее обстоятельно вопрос о «Йуз Орде» исследовался в трудах казахстанских востоковедов В. П. Юдина и Т. И. Султанова. В 1969 г. был издан большой корпус восточных источников по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персо- и тюркоязычных письменных памятников). В рамках этого большого проекта было включено произведение «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» («Море тайн относительно доблестей благородных») или «Бахр ал-асрар фи ма’рифат ал-ахйар» («Море тайн относительно познания добродетельных людей»)¹, написанное на фарси. В разделе о повествовании истории династии Шибанидов² (потомки пятого сына Джучи — Шибана) дважды встречается информация об «Ак Орде» и так называемой «Йуз Орде». Перевод извлечений из «Бахр ал-асрар» был выполнен известным казахстанским иранистом К. А. Пищулиной.

¹ О самом сочинении, времени его создания и биографии автора изложено в книге Ж. М. Тулибаевой и Г. Т. Исахан (Тулибаева, Исахан 2013: 37–42; см. также: Тулибаева 2003: 80–89; Пищулина 1983: 37–40). Подробные сведения о жизни Махмуда бен Вали и его трудах отражены в монографии А. К. Алексеева (Алексеев 2006: 12–51).

² В сочинении Махмуда бен Вали эта династия именуется как Шайбаниды (потомки Шайбан-хана). Поэтому в «Материалах по истории казахских ханств» Шибан (Шайбан) и его потомки названы Шайбанидами. В современной литературе потомков Шибана принято называть Шибанидами или Шейбанидами. Еще В. В. Бартольд было отмечено правильное написание имени «Шибан» (см.: Бартольд 1964: 545). О военной и политической биографии Шибана и истории его потомков В. П. Костюковым было подготовлено подробное и очень информативное исследование (см.: Костюков 2008: 42–96).

Целесообразно привести интересующий нас эпизод: «Что касается Бахадура, сына Шайбан-хана, ... то, когда его знаменитый отец переселился из бренного мира в обитель вечности, он вместо отца стал главенствовать над элем и улусом. Повелев собраться близким родственникам, племенам и четырем каучинам, он выбрал для зимовок и летовок *Ак-Орду*, которая известна также как *Йуз-Орда*» [курсив здесь и далее наш. — А. К.] (Материалы 1969: 347).

В тоже время во вступительной биобиблиографической статье-справке, выполненной В. П. Юдиным к этому изданию «Бахр ал-асрар», дан перевод этого сюжета из другой рукописи (собрание Джурабека): «[Бахадур] для зимовки и летовки *избрал Ак-Орду*, которая известна под [названием] *Йуз-Орда*, считал своим обязательным и неперменным долгом подчинение и повиновение потомкам Тукай-Тимур-хана, которые были известны под [именем] ханских сыновей (букв. „ханский сын“ — В. Ю.), и в течение жизни не убирал ногу из того круга [повиновения]»¹ (Материалы 1969: 327). Не вдаваясь сейчас в правильность написания (прочтения) термина «*Йуз-Орда*» (ودرا زوید) и, соответственно, его перевода как «Орда-Сотня» или «сто орд», необходимо отметить, что согласно правомерному мнению В. П. Юдина, автор «Бахр ал-асрар» использовал «какие-то тюркские источники, скорее всего устные предания, бытовавшие в среде аштарханидов и их окружения» (Материалы 1969: 327).

Действительно, источником сведений, откуда Махмуд бен Вали мог почерпнуть такую информацию, была тюркоязычная среда средневекового Дашт-и Кыпчака из разряда знатоков устной истории улусов Джучидов, очень близкая к потомкам Тука-Тимура (тринадцатого сына Джучи). Такое понимание исходит из того, что в этом эпизоде особо настоятельно подчеркнуто, что Бахадур — сын Шибана, «считал своим обязательным и неперменным долгом *подчинение и повиновение* потомкам Тукай-Тимур-хана». На самом деле, здесь, как правильно заметил сам В. П. Юдин, «задним числом»

¹ Как видно из перевода этого фрагмента, В. П. Юдин использовал другой список «Бахр ал-асрар». В примечании к термину «Йуз-Орда» он ссылается на рукопись из собрания восточных сочинений генерал-майора Джурабека (Материалы 1969: 551) и перевод, сделанный В. В. Бартольдом в его «Отчете о командировке в Туркестан» (см.: Бартольд 1903: 256).

указано, что Тука-Тимур был ханом (Юдин 1983: 136: см. также История 1997: 111). В действительности, Тука-Тимур при своей жизни, что совершенно точно известно из других источников, ханским статусом не обладал. Поэтому наследник Шибана никак не мог быть «из того круга [повиновения]» новоявленного хана.

Безусловно, такая политическая концепция с акцентом на подчиненное положение Шибанидов по отношению к потомкам Тука-Тимура могла исходить только из окружения последних, которые жили намного позднее тринадцатого сына Джучи, а именно из числа властной элиты степного Дешт-и Кыпчака XV — начала XVII столетия, когда борьба между Тука-Тимуридами (Аштраханидами)¹ и Шибанидами была актуальной повесткой дня. Думается, собственно в это время, — период острого политического противостояния между двумя династиями, — была выработана концепция о давнем (прошлом) «подчиненном» положении Шибанидов перед Тука-Тимуридами. Тем не менее, для нас здесь важным является то, что устные сведения об «Ак Орде» и «Йуз Орде» из ранней истории улусов Джучидов Махмуд бен Вали мог получить только от тех тюркоязычных информаторов, которые были носителями такой степной устно-исторической традиции истории джучидской династии, из числа приверженцев Тука-Тимуридов (Аштраханиды).

Т. И. Султанов в 70-е гг. XX в. также занялся разработкой проблематики связанной с названиями Орд и подготовил отдельное сообщение по этой теме. Исследователь, ознакомившись с противоречивыми данными восточных источников об «Ак Орде» и «Кок Орде», предельно ясно и точно провел их географическую локализацию на территории Джучиева улуса. Он отмечает, что «подобно тому как местность, где располагалась резиденция Джучи-хана называлась „Кок-Ордой“, так и коренной юрт Батыя, входивший в состав правого крыла, в знак верховенства над уделами султанов левого крыла, обозначался термином „Ак-Орда“». Тем самым, Восточная Орда называлась Кок Орда, а Западная Орда — соответственно Ак Орда, она же Золотая Орда. При этом общим названием

---

¹ Такой «информационный вброс», вероятно, был сделан со стороны династии Аштраханидов (Джанидов), которые насильно сменили в самом начале XVII столетия Шибанидов в Бухарском ханстве (подробнее о перипетиях этой борьбы между ними см.: Алексеев 2006).

обеих Орд «было Улуг-улус — великий улус, основной удел» (Султанов 1972: 73).

Одновременно Т. И. Султанов обратился к сообщению Махмуда бен Вали об Ак Орде, известной также как Йуз Орда. При этом, он, в противовес мнению Б. А. Ахмедова¹ и Г. А. Федорова-Давыдова² (Федоров-Давыдов 1968: 230), которые перевели данный термин как «сто орд», а также переводу В. П. Юдина «Йуз-Орда» — «Орда-Сотня», предложил иное понимание этого слова. Согласно его трактовке, «тюркское слово *йуз*, *жуз*, употреблено не в значении числительного, обозначающего именно сто единиц, а в номинативном значении [курсив наш — А. К.] совокупного множества с акцентом не на дробности этого множества, а на внутренней силе и сплоченности его, происходящих от величины и многочисленности. Метафорическое развитие этого употребления могло привести к тому, что этим словом обозначалась группа, заметно выделяющаяся силой, могуществом и значимостью». Далее исследователь отмечает, что *«не обладая пока фактами, могущими безусловно доказать справедливость такого вывода, мы, тем не менее, полагаем, что при переводе выражения Йуз-Орда не как „сто орд“ или „Орда-Сотня“, а как основная, главная Орда получается логически ясная характеристика термина „Ак-Орда“»* (Султанов 1972: 73–74). То есть тем самым Т. И. Султанов под Йуз Ордой понимал второе или другое обозначение Ак Орды как «основной, главной» Орды, которое отражает (подчеркивает или усиливает) номинативное и метафорическое значение его содержания. Примечательно, что исследователь явно оставил без перевода термин «йуз», не видя здесь числительное обозначение. На наш взгляд, именно Т. И. Султанов наиболее близко подошел к разгадке внутреннего содержания термина «Йуз Орда», увязывая название последнего с «Ак Ордой».

Вместе с тем, при всей кажущейся очевидности перевода термина «Йуз Орда» — «сто орд» или «Орда Сотня» возникают сомнения в правильности самого орфографического написания/прочтения этого словосочетания. Стоит обратить внимание на то, что «Йуз

¹ «Ак-Орда была известна под названием Юз-Орда — сто орд» (Ахмедов 1965: 163).

² Чуть позднее Г. А. Федоров-Давыдов в своей обобщенной работе по истории Золотой Орды согласился с переводом В. П. Юдина: «Йуз-Орда» — «Орда-Сотня» (Федоров-Давыдов 1973: 144).

Орда» (именно в такой огласовке) встречается только в сочинении «Бахр ал-асрар» и нигде в других источниках не повторяется. Ни Утемиш-хаджи в «Чингиз-наме», ни Абу-л-Гази в «Родословии тюрок», равно как и другие источники, не знают термина «Йуз Орда», что ставит под сомнение реальное бытование такого названия.

Наиболее детально проблема названия «Йуз Орда» рассматривалась в обстоятельном исследовании В. П. Юдина «Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая...» (Юдин 1983: 106–165). В. П. Юдин обратил внимание, что в двух разных списках «Бахр ал-асрар» упоминается «Йуз Орда»: 1) второй сын Шибана Бахадур «повелев собраться близким родственникам, племенам и четырем каучинам, он выбрал для зимовок и летовок Ак-Орду, которая известна также как Йуз-Орда»¹ (Материалы 1969: 347); 2) «[Бахадур] для зимовки и летовки избрал Ак-Орду, которая известна под [названием] Йуз-Орда» (Материалы 1969: 327). Из этих текстов следует, что «Ак Орда», которая, что более всего вероятно, географически находилась в Восточном Дешт-и Кыпчаке, и имела другое название — «Йуз Орда». Вместе с тем, В. П. Юдин, критикуя толкование термина Йуз Орда, предложенное Т. И. Султановым, и буквальное отождествление им понятий Йуз Орда и Ак Орда, высказал мнение, что Махмуд бен Вали «хотел только сказать, что Улус Тука-Тимура в его, Тука-Тимурово, время располагался на землях Белой Орды, и не более»². Попутно он объяснял «ошибочную традицию» размещения Белой Орды на востоке Махмудом бен Вали влиянием «Анонима Искандера». Тем самым, для В. П. Юдина понятия «Йуз Орда» и «Ак Орда» не являются ни синонимами, ни «равновеликими категориями». Далее он предложил развернутое обоснование перевода данного термина как «Орда Сотня». Причем исследователь считал, что не только улус Тука-Тимура имел такое обозначение, но и допускал, что и все улусные владения других сыновей Джучи равного с ним статуса (за исключением Бату и Орда-Эджена) носили такое наименование (Юдин 1983: 134–135; 136–139).

¹ К. А. Пищулина, комментируя это известие, обратила внимание на то, что «сын Шайбана Багадур сам, без повеления хана правого крыла, отправляется в Ак-Орду как в уже принадлежащее ему владение» (История 1997: 110).

² Сеем заметить, что точка зрения В. П. Юдина вряд ли здесь может быть принята, так как контекст повествования позволяет недвусмысленно говорить именно о тождестве этих понятий.

Трудно согласиться с аргументацией В. П. Юдина о том, что улус Тука-Тимура и других Джучидов носил название «Йуз Орда» — «Орда Сотня», так же, кстати, как и принять вариант «сто орд» предложенный Б. А. Ахмедовым. Думается, что существование такой «Орды Сотни» не находит пока подтверждения в других параллельных источниках. Например, у того же Абу-л-Гази, сообщения которого по основной сюжетной линии совпадают со сведениями «Бахр-ал-асрар», нет никаких данных (ни прямых, ни косвенных), которые позволяли бы подтвердить или дополнить сведения о реальном существовании «Йуз Орды»¹.

Между тем, в «Чингиз-наме» есть отдельный рассказ о выделении Чингиз-ханом старшим сыновьям Джучи: Бату, Орда-Эджену и Шибану символических «Юрт-Орд». «Когда они прибыли на служение к своему [деду] хану, хан поставил им три юрты: „Алтун босағалы ақ өргәні Сайын-ханға салды, күмүш босағалы көк орданы Ежәңгә салды, болат босағалы боз орданы Шайбанға салды“, т. е. „белую юрту с золотым порогом поставил для Саин-хана; синюю орду с серебряным порогом поставил для Иджана; серую орду со стальным порогом поставил для Шайбана“» (Утемиш-хаджи 1992: 92, 121). Нас в этом сюжете интересует упоминание «Боз Орды» («Серой орды со стальным порогом»), которую по этому повествованию получил Шибан (Шайбан). Вопрос, который мы сейчас ставим, также состоит в том, существовала ли «Боз Орда» в действительности? Чтобы прояснить это, необходимо, вновь обратиться к сведениям других источников, где встречается информация об Ордах.

Согласно данным Абу-л-Гази, о преемнике Берке, Менгу-Тимуре, придя к власти, «в отношении родственников своих, как старших, так и младших в роде, он действовал согласно распоряжениям Бату-хана: владение в Белой Орде отдал он Багадур-хану, сыну Шибан-ханову²;

¹ Ранее, в одной из работ нами было высказано предположение, что вопрос о числовом значении «йуз» (сотня), безусловно, связан с военно-административной системой монгольского времени, но эта проблема хотя и поставлена, но пока далека от своего решения (Кушкумбаев 2012: 130).

² Комментируя это известие, В. П. Костюков совершенно правомерно считал, что здесь речь не может идти о владениях Орда-Эджена, так как ставка последнего (по Абу-л-Гази) называлась «Синяя Орда». Исследователь считал, что в период правления Берке прежнее распоряжение Бату о выделении Шибану и представителям его дома земель в Зауралье было отменено, но с приходом к власти Менгу-Тимура это решение было вновь подтверждено новым ханом (Костюков 2010: 85).

области Кафу и Крым отдал Уран-Тимуру. Уран-Тимур был сын Тукай-Тимура» (Абу-л-Гази 1906: 152). Немного иной перевод этого эпизода был предложен Т. И. Султановым: «Со старшими и младшими своими братьями он [Менгу-Тимур] *поступил* таким же образом, *как это сделал Бату-хан*. Область (мамлакат) под названием Ак-Орда он пожаловал Бахадур-хану, сыну Шибан-хана, вилайеты Кафа и Крым передал Уран-Тимуру, который был сыном Тукай-Тимура...»¹ (Цит. по: Кляшторный, Султанов 1992: 191). Эти данные совпадают с изложением Махмуда бен Вали: Менгу-Тимур-хан, распределяя уделы, «вручил область (мамлакат) Ак-Орда Бахадур-хану, сыну Шибана, вилайеты Кафа и Крым вверил Уран-Тимуру, сыну Тукай-Тимура» (Цит. по: Кляшторный, Султанов 1992: 191). Опять же, что примечательно, здесь нет никаких сведений о подчиненном положении Бахадура (Шибанидов в целом) Тука-Тимуридам. Тем самым, можно понять, что и Бахадур и Уран-Тимур владеют выделенными им уделами автономно.

В тоже время в другом списке «Бахр ал-асрар» (рукопись Джуробека) известия о Бахадуре и Ак Орде поданы в ином политическом контексте. Так, «когда скончался Шибан-хан, *вместо отца* за дело управления элем и улусом взялся Бахадур-хан. Повелев собраться родственникам, племенам и четырем каучинам, он избрал для зимовки и летовки Ак-Орду, которая также известна как Йуз-Орда, считал своим обязательным и неременным долгом подчинение и повиновение потомкам Тукай-Тимур-хана, которые были известны под именем „Хан оглы“ (букв. „ханский сын“), и в течение всей жизни не убирал ногу из того круга повиновения» (Цит. по: Кляшторный, Султанов 1992: 191–192). Причем, Т. И. Султанов особо отметил, «что в рукописи Джуробека, фотокопией которой мы пользовались, *весь текст после слов „известна как Йуз-Орда“ зачеркнут* (переписчиком?, владельцем?)» (Кляшторный, Султанов 1992: 192). Это наводит на мысль, что после написания (переписки) сочинения неизвестный редактор пытался корректировать изложенную информацию, вероятно, указывая на недостоверность отмеченного отрывка, что также дополнительно ставит под сомнение

¹ Согласно Ж. М. Тулибаевой, «во всем следуя Бату, Менгу-Тимур-хан стал распределять уделы; в частности, „он вручил область (мамлакат) Ак-Орда Бахадур-хану, сыну Шейбана, вилайеты Кафа и Крым вверил Узан-Тимуру, сыну Тукай-Тимур-хана“» (Тулибаева 2014: 129).

представленную политическую субординацию между Тука-Тимуридами и Шибанидами.

Расхождения в этом месте рукописи «Бахр ал-асрар» из собрания Джурабека со сведениями, переданными Абу-л-Гази вполне очевидны. Вместе с тем, по-видимому, не приходится сомневаться в том, что данные Махмуда бен Вали о Бахадуре и Ак Орде вполне достоверны и подтверждаются «Родословием тюрков» Абу-л-Гази. Но в тоже время окончание предложения этого сюжета в источнике, с открытым упором на подчиненное положение наследника Шибана Тука-Тимуридам, было явно сообщено позднее лицом из аштраханидского круга и искусственно приписано автором с целью поднять династийный статус потомков Тука-Тимура по отношению к их политическим соперникам из Шибанидского клана.

Напомним, что, согласно компетентному мнению В. П. Юдина, Тука-Тимур назван ханом в «Бахр ал-асрар» «задним числом», так как это сочинение по своей политической ориентации является аштраханидским (тука-тимуридским). Более того, титул «хан оғлы» (ханыч, ханский сын), который носили потомки Тука-Тимура, в сложившейся иерархической структуре Джучидов говорит о том, что они вообще не имели право претендовать на титул хана¹ (Юдин 1983: 136; см.: также Тулибаева 2013: 132).

Из этих сведений следует, что Шибаниды, а именно Бахадур и, видимо, его преемники, получили на легитимной основе (распоряжение Бату и установление его наследника Менгу-Тимура) «владение» (область, «мамлакат») «Ак Орда» или на ее территории, расположенную в Восточном Дешт-и Кыпчаке.

В «Бахр ал-асрар» есть также дополнительное сообщение о Ак Орде. По Махмуду бен Вали, Пулад-хан², «проявив осторожность, дабы не совершить непоправимое, построил свои отношения

¹ Сам Тука-Тимур был рожден от наложницы (кумайан) по имени «Кагри-хатун из племени меркит» (Му'изз ал-ансаб 2006: 38; Алексеев 2006: 57). Уже по факту своего происхождения, он, конечно, никак не мог быть обладателем ханского достоинства.

² Генеалогия Пулад-хана дана в нескольких источниках: Тука-Тимур→Кай-Тимур→Абай→Нумкан→Кутлук-Тимур→Тимур-хан (сын Алгуйа?)→Пулад (Му'изз ал-ансаб 2006: 46); по «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме»: Тука-Тимур→Уз-Тимур→Абай Ходжа→Томган (он же Нугма)→Кутлук-Тимур→Тимур-бек→Тимур-Кутлук-хан→Пулад (Материалы 1969: 40). Подробнее о Пулад-хане (Пулат,

с близкими людьми и войском на основе старинной Йассы и древнего обычая. Когда его [Пулад-хана] благородная мысль освободилась от управления государственными делами, вознамерился проучить и наказать киргизские племена, занимающиеся волчьим разбоем в *окрестностях Ак-Орды*. Направив свои высокие помыслы на это важное дело, с победоносным войском выступил в ту сторону. В том походе потомки Орда-хана поддерживали [Пулад-хана] и приложили много усилий. Однако Шейбаниды по причине того, что во время правления Сахибкирана прибегали к их покровительству и они [киргизы] предоставляли им защиту и оказывали им внимание, [Шейбаниды] чрезмерно преувеличивали достоинства того семейства. И из-за этого начали уклоняться от участия [в походе] и начали просить прощения. Пулад-хан, поняв [их] лукавство, принял их извинения. Хан, отмеченный счастьем, с божьей помощью и поддержкой, одержав в том походе победу над противником, очистил окрестности того государства от колючек существования неприятеля. Поручив охрану тех пределов эмирам [племени] бахрин, полностью преградил пути прохождения презренных. Когда [Пулад-хан] благополучно и невредимым вернулся из того похода в Сарайчик, [у него] появилось желание совершить поход против страны Русь» (Цит. по: Тулибаева 2013: 130).

Вопрос о том, что же понимали восточные авторы (Абу-л-Гази, Махмуд бен Вали) под понятием «Ак Орда», до сих пор остается открытым в джучиведении и требует отдельного дополнительного исследования¹. Думается, нужно прояснить, прежде всего,

---

Булат-хан и его правлении в 1407/09–1411 гг. в Золотой Орде (см.: Почekaев 2012: 222–224).

¹ Т. И. Султанов, внимательно сопоставив восточные источники по истории Джучиева Улуса пришел к следующему интересным наблюдениям: «а) словосочетание Ак-Орда впервые упоминается при описании событий 1266–1267 гг., но употребляется в таком контексте, который предполагает существование этого термина до начала правления золотоордынского хана Менгу-Тимура, то есть до 1266 г.; б) термин Ак-Орда прилагался к области, составлявшей основную часть владений потомков Шибана, сына Джучи ... в) войско царевичей Ак-Орды входило в состав правого крыла армии Джучидов» (Кляшторный, Султанов 1992: 195). В. В. Трепавлов, обосновывая концепцию института соправления в Монгольской империи, Улусе Джучи и других крупных государствах Чингизидов, наоборот, отождествил улус Шибана с правым подкрылом большой левокрыльной (восточной) Кок Орды Орда-Эджена и его потомков (Трепавлов 1993: 93–94). В тоже время, здесь, на наш взгляд, есть противоречие, так как данные говорят о том,

могла ли Ак Орда быть названием обширного владения (удела, улуса) того или иного джучидского властителя, или это было известным обозначением отдельной ставки-орды, с небольшой прилегающей местностью. В пользу последнего представления больше доводов.

Далее, необходимо вернуться к понятию «Йуз Орда». Выше мы поставили вопрос о бытовании Орды с таким названием. Если существование таких «терминов-наименований» (выражение В. П. Юдина) как «Золотая Орда», «Ак Орда», «Кок Орда» вполне реальны и засвидетельствованы источниками, то с такой же уверенностью нельзя сказать о «Йуз Орде». Еще раз повторимся, что как ни странно, факт упоминания о ней единичный и пока не подтверждаемый другими синхронными источниками. Здесь все же стоит отметить, что В. П. Юдин, как и другие исследователи, не ставил под сомнение, существование Орды с приставкой «йуз» и почти безоговорочно согласился со сведениями из «Бахр ал асрар».

Предположение В. П. Юдина о существовании целого социального института по этому поводу, им, как нам представляется, не вполне обоснованы и потому приняты быть не могут. Во-первых, пока однозначно не выявлено параллелей (сходных явлений) существования такого института во времена Золотой Орды¹. Во-вто-

---

что все-таки «наделение Шибана улусом произвел Бату» (Трепавлов 1993: 129 (прим. 116)). Получается, что сам Бату, нарушая «автономные» права восточных Джучидов, разделил кок-ордынские владения на две части: левую, во главе с Орда-Эдженем и правую с Шибаном. Куда более логично, говоря словами автора, «остается искать в Деште еще одну Белую Орду» (Трепавлов 1993: 92). К. А. Пищулина подвела итог по этому вопросу следующим образом: «термин „Ак-Орда“, как реальность XIII столетия, в представлении упомянутых двух авторов [Абу-л-Гази, Махмуд бен Вали – А.К.] XVII в., представлении, почерпнутом из каких-то тюркских рукописей, в передаче устной степной „историографии“ относится к территории Восточного Дешт-и Кыпчака, но к улусу Шайбана (Шейбана). Речь у них идет о владении в этой Ак-Орде Шайбанидов, а не потомков Орда-Эджена, как это показано у Натанзи на начало XIV в.» (История 1997: 110–111). Исходя из этих данных, вряд ли возможно отдавать предпочтение сведениям Муин ад-Дина Натанзи (История 1997: 111). В свете указанной устной исторической традиции, экстравагантной сейчас выглядит точка зрения Н. Н. Мингулова об отнесении удела Шибана к Кок Орде (Мингулов 1981: 86, 95). М. Г. Крамаровский как-то заметил, что «актуализация проблематики принадлежности орды Шибана к левому крылу Золотой Орды едва ли перспективна до подтверждения новыми, в том числе и археологическими материалами» (Крамаровский 2003: 506).

¹ Сам В. П. Юдин, резюмируя свои рассуждения, отметил, что «из разбора значений слова *йуз* и его производных можно сделать вывод, что выявление его

рых, не совсем ясен вопрос об исторических корнях института «йузлик-сотни» в социальной жизни насельников Дешт-и Кыпчака предшествующего чингизидскому периоду¹. В-третьих, что вполне вероятно, произошла банальная ошибка в графическом написании и прочтении этого слова, как это часто бывало в рукописных текстах восточных авторов.

Следует вспомнить, что изначальный смысл понятия «Орда» (в XIII столетии) как «дом», «юрта», «парадный шатер», и особенно его политическое содержание в значении «двор», «стан», «ставка», «резиденция» хана и пр. Но если поставить в один ряд с известными нам цветовыми номинациями «Ак Орда», «Кок Орда», «Алтын Орда» наименование «Йуз-Орда» («Орда-Сотня», «сто орд»), то оно, так сказать, выбивается из этой стройной последовательности и явно не вписывается в эту степную ценностно-иерархическую властную систему.

Чтобы прояснить этот аспект нужно вновь обратиться к упоминанию «Боз Орды» в повествовании Утемиша-хаджи. Как известно, в «Чингиз-наме» парадная юрта Шибана названа «Боз Орда», что В. П. Юдин перевел как «Серая Орда». Конечно, вполне закономерно появился вопрос о названии улуса и, главное, занимаемом местоположении Орды Шибана в джучидской иерархии.

Достоверность существования ставки-орды Шибана с таким обозначением можно было бы поставить под сомнение и допустить, что полулегендарное известие о «Боз Орде» является поздней вставкой прошибанидских сказителей XVI в., также как и в собранном выше сюжете из «Бахр ал-асрар». То есть пришлось бы считать, что это как бы феномен одного порядка, который наглядно

истинного значения, причин семантических сдвигов в каждом особом случае требует сугубо индивидуального подхода и совершенно конкретного текстологического и исторического анализа» (Юдин 1983: 139).

¹ Ю.А. Зуев выдвинул на базе широкого исторического материала оригинальную концепцию бытования в общественном устройстве кочевых народов Центральной Азии древности и средневековья военизированного института «дружины-сотни» (возрастной категории), характерной для «периода формирования племенных объединений и создания государственных» (Зуев 1998: 96). Попытка автора исследования доказать наличие такого института как «Орда-Сотня» в рассматриваемую нами золотоордынскую эпоху нельзя назвать удачной. На наш взгляд, Ю.А. Зуев некритически доверившись свидетельствам Махмуда бен Вали, произвольно смешал два разных понятия: «Йуз Орда» (Бахр-ал-асрар) и «Боз Орда» (Чингиз-наме), не совсем корректно поменяв их местами.

демонстрирует кланово-династийное соперничество двух ведущих политических групп в позднем Дешт-и Кыпчаке XV–XVI столетий¹. Понятно, что каждая из противоборствующих сторон, для легитимации выгодной им политической позиции, апеллировала к давнему прошлому, и, следовательно, информацию о Боз Орде следовало бы считать вымышленной шибанидскими историками. Но в тоже время в тюркских источниках устно-эпического жанра есть сообщение о Боз Орде, где она, однако, выступает другим идентификатором белоордынской ставки золотоордынских ханов рубежа XIV–XV вв. Именно это обстоятельство не дает возможность просто игнорировать сообщение о Боз Орде Шибана из «Чингиз-наме».

В связи с вышеизложенным интересно, что и В. П. Юдин предположил, «что некоторые упоминания Йүз-Орды — *это в действительности фиксация названия Серой Орды*, так как Серая Орда в передаче арабской графикой будет иметь вид [ودرا زوی] *боз орда*, а Йүз-Орда — [زوی ودر] *йүз орда*, т. е. они отличаются друг от друга в арабском написании *только одной лишней точкой* под первым зубчиком слова [زوی] *йүз*, которая в скорописном тексте часто сливается со второй точкой, почему слова *боз* и *йүз* становятся графически не различимыми»²

¹ Политическая ангажированность этих сочинений отмечено еще В. В. Бартольд (Бартольд 1964: 545).

² Абсолютно противоположное мнение высказал Ю. А. Зуев: «Включение в этот ряд орды Шибана состоит в придании ему и его наследникам „законноханских“ прав наравне с наследниками Бату и Орда-Эджена и в оправдании престольных претензий шибанидов в Степи. С этой целью использован и графический прием: Вместо ожидаемого йүз „сотня“ (в словосочетании йүз-орда) автор пишет тоже слово без одного диакритического знака, второй точки под первой буквой буз/боз. В результате на политической карте Дешт-и Кыпчака появляется доселе неизвестное и, по-видимому, никогда не существовавшее государственное образование Боз-Орда (“Серая Орда”») (Зуев 1998: 95). Конечно, следует признать, что этот сюжет из «Чингиз-наме», мастерски выполненный прошибанидскими авторами (или автором), является попыткой (опять же «задним числом») включить «Боз Орду» Шибана в один политический ранг со старшими Джучидами. Вместе с тем, особенно, в контексте устно-поэтической живой исторической традиции степняков, дожившей до XIX в., достоверность наименования «Боз Орда», как второго синонимичного обозначения «Ак Орды» выглядит вполне реально. Поэтому, нам представляется, что более предпочтительной и обоснованной выглядит точка зрения В. П. Юдина, но в той лишь части, что наименование «Боз Орда» использовалось в устном повествовании. В нашей совместной с Ж. М. Сабитовым статье также отмечено, что «Йүз Орда, в нашем понимании (в данном случае опять же можно поддержать мнение В. П. Юдина) — искаженное написание термина Боз Орда» (Сабитов, Кушкумбаев 2013: 64). Но в вопросе локализации «Боз Орды» у нас с ним имеются расхождения. Ж. М. Сабитов

(Юдин 1983: 128). Такая версия с ошибочным написанием и прочтением искомой «Боз Орды» как «Йуз-Орды» видится достаточно реалистично. Безусловно, следует еще раз проверить оригинальный текст и все копии «Бахр ал-асрар», где есть упоминание о «Йуз-Орде». Вероятность такой ошибки, допущенной переписчиками, которые невнимательно копировали чужой текст, не исключена¹.

У нас сейчас вызывает возражения перевод термина «*Боз Орда*» как «*Серая Орда*», предложенный в свое время В. П. Юдиным. В блестящем исследовании видного востоковеда мы не нашли лексико-терминологического пояснения слова «боз»². Юдин ориентировался только на одно значение этого понятия, которое отражает едва лишь (не) значительный цветовой оттенок в тюркских языках кыпчакской подгруппы. В этой связи, определительное значение переводимого слова как «серый» для тюркоязычной аудитории мало-содержательно и не несет необходимой примечательно-образной смысловой нагрузки. Едва ли можно представить в условиях тогдашнего кочевого общества, чтобы парадно-церемониальная юрта-шатер джучидского властителя носила бы ничем неприметную (не выразительную) характеристику — «серая орда-юрта».

Между тем, эпитет «*Боз Орда*» четко отражен в тюркском эпическом жыре «Едиге», применительно к юрте-ставке верховного хана Золотой Орды конца XIV в. Несколько версий жыра были записаны Чингизом и Чоканом Валихановыми у казахов, а в 1842 г. ими подготовлен отдельный общий свод этого произведения. Жыр посвящен ожесточенной борьбе за власть между золотоордынским ханом Токтамышем и бием Едиге (Идегей, Едигей) рубежа XIV–XV вв. Приведем интересующий нас эпизод полностью:

считает, что правое крыло Джучидской империи носило название «Боз Орда» (Сабитов, Кушкумбаев 2013: 60). На наш взгляд, такая уверенная привязка недостаточно аргументирована и нуждается в дополнительном обосновании.

¹ Так, например, К. А. Пищулина особо обратила внимание на то, что в рукописи 2-го отдела 6 тома «Бахр ал-асрар» (инвентарный номер № 7418 ИВ АН Узбекистана), текст «переписан очень неряшливо, различными почерками, с большими пропусками... из-за небрежности переписчика некоторые географические названия, имена собственные написаны с ошибками» [курсив наш. — А.К.] (Пищулина 1983: 39).

² О значении слова «боз/boz» в тюркских языках см.: Севортян 1978: 171–173.

Әй Едіге сен енді қайт сана.

Қайтып Еділ өт сана,

Еңсесі биік боз орда

Еңкейіп сәлем бер сана,

Еріні жұқа сары аяқ

Ер сарқытын іш сана¹

(Валиханов 1904: 226)

Эй, Едыге, теперь ты возвращайся,

Возвращайся, переправляйся через Едил.

Высокая просторная Белая Орда

Приветствуй, низко поклонясь

Из тонкой желтой чаши

Отпробуй напиток богатыря

(пер. Н. Ж. Сагандыковой)

Эта же версия жыра «Ер Едіге» с незначительными изменениями отражена в последнем казахском издании:

Эй, Едіге, сен енді қайт-сана,

Қайтып Еділ өт-сана!

Еңсесі биік боз орда,

Еңкейіп сәлем бер-сана!

Ерні жұқа сары-аяқ

Хан сарқытын іш-сана!

(Бабалар сөзі 2006: 21)

Эй, Едыге, теперь ты возвращайся,

Возвращайся, переправляйся через Едил

Высокая просторная Белая Орда,

Приветствуй, низко поклонясь

Из тонкой желтой чаши

Отпробуй напиток хана

В другом варианте жыра «Ер Едіге» вместо «Боз Орда» указана уже собственно «Ақ Орда»:

Эй, Едіге, сен енді қайт сана,

Қайтып Еділ өт сана,

Еңсесі биік ақ орда,

Еңкейіп сәлем бер сана,

Ернеуі жұқа сары аяқ

Ер сарқытын іш сана

(Ер Едіге 1995: 43–44)

*Эй, Едыге, ты, однако (кажется), воро-
тишься, и переплывешь назад Волгу.*

В высоковерхой Белой Орде, *склонясь
отдай-ка ты свой салям.*

*Из тонкогубой деревянной чашки ты опять
будешь пить остатки хана*

(Ер Едіге 1995: 108–109)

В татарском дастане «Идегәй» также упомянута «Боз Орда» в форме «Бүз Урда»:

---

¹ Транскрипция текста дана в соответствии с современными правилами казахского правописания.

Жанбай анда тулгайдыр:
– Идегэй би, дусым, ай!
Идегэй би, дусым, ай!
Ханың-ияң чакырадыр,
Борылып Идел кичсәнә!
Кайтсана, Идегэй, кайтсана!
Каерылып атың башын тартсана!
Кайтып өең тапсана!
Иңсәсе биек Бүз Урдага
Иңкаеп салам бирсәнә!
(Идегэй 1988: 78–79)

У Кин-Джанбая лицо темно,
Пышной шубы ворсится сукно.
По-иному решил говорить
Крикнул он вдруг: «Идегей, вернись!
Лучший мой друг, Идегей, вернись!
Хан-владыка тебя зовет.
С ханом-владыкой примиришь,
Эй, вернись, Идегей, вернись!
Эй, вернись, по речной воде,
Поклонись, Идегей, орде,
Великовершинной орде!
(Идегей 1990: 71–72)

Причем, в примечании к татарской версии сказано, что «Бүз Урда» — это собственно и есть «Ак Урда». Но при переводе на русский язык видно, что «Бүз Урда» стало просто «Великовершинной ордой», без пояснения ключевого слова «бүз». Сравнение казахской и татарской версий дастана о Едиге позволяют полагать, что «Боз Орда» («Бүз Урда») это то же самое понятие, что и «Ак орда» («Ак Урда»).

Как видно из этих повествований, речь идет именно об «Ак Орде» золотоордынского хана Токтамышша, но просто выраженной другим словом-синонимом «боз».

К этой теме мы обращались недавно, анализируя вопрос о названии политического центра Джучиева Улуса. Изученный материал показал, что под «Еңсәсі биік боз орда» следует видеть «Высокую просторную Белую Орду» или как вариант «Большую (превысокую) светлую Орду», которая указывает на верховный статус носителя ханского достоинства (Кушкумбаев 2015: 40–41).

Понятие «Еңсәсі биік» (Высоковерхая, Высокая, Великовершинная) подчеркивает главный (ведущий) статус и высший ранг обладателя такой юрты-шатра в джучидской потестарно-политической иерархии. Естественно, возникает вопрос: почему неизвестный автор жыра характеризуя один и тот же объект — ханскую юрту использует в одном случае слово «ак», а в другом «боз»? Разбираемый сюжет, несомненно, свидетельствует о разнообразии лексико-семантического запаса языка степного Дешт-и Кыпчака, отражающего богатый вну-тренний (ментально-вербальный) мир тюркоязычных номадов. Что

касается понятий «ақ» (белый) и «боз» (светлый) в тюркских языках, то они очень близки друг другу и могут быть взаимозаменяемы, в зависимости от контекста употребления содержательной части слов. Так, в казахском языке слово «боз» имеет (несет) несколько смыслов передающих в целом светло-белый оттенок (цвет). Например, о масти лошади говорят «боз айғыр» (бук. «белый жеребец»), «боз ала» («светло-пегий»), «боз бие» («белая кобылица»), как вариант «боз ат» («сивый конь», в смысле серый или точнее седой) и т.д. В таком ракурсе, с нашей точки зрения, термин «Боз Орда», который так художественно-образно подчеркивает цветовую символику, можно перевести на русский язык как «Светлая Орда» имеющее то же самое значение, что и «Белая Орда» («Ақ Орда»).

Как видно, понятия «Ак Орда» и «Боз Орда» являются идентичными категориями, которые в таком образно-метафорическом стиле устно-поэтического повествования тюрков Дешт-и Кыпчака характеризуют официальную ставку-резиденцию (юрта-шатер) золотоордынских ханов. Поэтому мнение Т. И. Султанова об Ак Орде (ошибочно прочитанной как «Йуз-Орда») как о главной или основной Орде-ставке, чье обозначение выражено в такой номинативно-метафорической форме, можно считать убедительно-веским.

Если «Боз Орда» является другим (устным) эквивалентом «Ак Орды», то вполне резонен вопрос о том, какое владение («область», «мамлакат») в «Ак Орде» получил сын Шибана — Бахадур от Менгу-Тимура в изложении Абу-л-Гази и Махмуда бен Вали? По Абу-л-Гази, при жизни Бату, Шибану как герою западного похода монголов 1236–1242 гг. были пожалованы земли восточнее реки Яик, вплоть до территорий, примыкающих к среднему и нижнему течению р. Сырдарья, так что его йурт-владения стали огромной разделительной («буферной») зоной между улусом самого Бату и их старшего брата Орда-Эджена. До западного похода Чингизидов эти земли являлись территорией первоначального (старого) правого крыла Улуса Джучи, находящиеся под контролем Бату¹. После 1242 г. Бату

¹ В литературе уже высказывалось мнение о том, что до Западного похода Чингизидов 1236–1242 гг. правое (западное, «древнее») крыло Улуса Джучи, главой которого с самого начала был Бату, находилось в Восточном Дешт-и Кыпчаке. Впервые, насколько нам известно, на это обратил внимание Г. А. Федоров-Давыдов (Федоров-Давыдов 1973: 144). «...название „Ак-Орда“ оказывается отнесенным к территории современного Казахстана, т. е. к территории древнего улуса

обосновался на вновь завоеванных землях в Поволжье. Как видно, именно территории раннего (старого) правого крыла Бату передал в управление Шибану¹ (подробнее см.: Кушкумбаев 2012: 129–134). Исходя из имеющегося фактического материала о расположении основных джучидских орд-ставок применительно к XIII столетию, следует полагать, что Менгу-Тимур, опираясь на прежние «*распоряжения Бату*», «вручил область (мамлакат) Ак-Орда Бахадур-хану, сыну Шибана». Совершенно очевидно, что Бахадuru, как наследнику отца, были отданы земли с «владением» (локальным районом?) «Ак Орда» или в этой «области», ранее принадлежавшие самому Шибану. Тем самым, согласно данным «Чингиз-наме», совершенно очевидно, что ставка-Орда Шибана это «*Боз Орда*», которая имела и другое общеупотребительное название, в передаче Абу-л-Гази и Махмуда бен Вали — «*Ак Орда*».

С другой стороны, встает вопрос о том, где именно располагалась «*Ак Орда*», первоначально принадлежавшая Бату, но затем переданная им младшему брату Шибану вместе с обширными владениями. Речь, еще раз подчеркнем, в данном случае может идти только о территории Восточного Дешт-и Кыпчака, но, естественно, не обо всем пространстве, который он занимал².

правого крыла, которым владел дом Шибана» (Федоров-Давыдов 1973: 144; см.: также Юдин 1983: 124). К. З. Ускенбай конкретизировал его расположение северным Приаральем, Торгайскими степями и р. Яик на западе (Ускенбай 2006: 360). Вероятность такого районирования вполне реальна. В этой связи, вряд ли есть возможность считать, что р. Яик стал границей между улусами Бату и Орда-Эджена, так как восточнее нее размещался улус Шибана. Ведь там «на территории прежнего юрта Бату в Западном Казахстане остается его младший брат Шибан» (см.: Ускенбай 2006: 360).

¹ Альтернативное объяснение получения Шибаном владений в Дешт-и Кыпчаке было предложено В. П. Костюковым. Он, разбирая начало противостояния Гююка и главы западных Джучидов, середины 40-х гг. XIII в., предположил, что, опасаясь реальной военной угрозы со стороны Каракорума, Бату намеренно направил Шибана, которому вполне доверял, в Восточный Дешт-и Кыпчак (Костюков 2008: 77). Согласно пониманию исследователя, с учетом тех вызовов, «с которыми должен был считаться Бату, резонно предположить, что главной задачей корпуса Шибана являлось боевое дежурство на восточных границах джучидских владений» (Костюков 2007: 177 (прим. 30)). Что же именно послужило причиной размещения улуса Шибана именно в этом районе, сказать пока трудно, так же, как и объяснить порядок наделения уделами других Джучидов. Иначе говоря, из каких рациональных принципов исходил Бату при распределении владений для братьев, однозначно определить сейчас сложно.

² Ранее Ю. А. Зуев ошибочно считал, «что в удел Шибана был включен весь Восточный Дашт-и Кыпчак» (Зуев 1981: 77). Географическая привязка улуса Шибана (и наименований Ак Орда и Кок Орда) к территории восточнее р. Яик в

Территориальные пределы владений Шибана и его первых приемников были проанализированы в монографии В. П. Костюкова (Костюков 2010: 86–99). По его мнению, пространственное размещение улуса Шибана на западе начиналось, вероятно, с р. Урал (Яик), на севере достигало горно-лесных и лесостепных районов уральских гор, на востоке доходила до области Ибир-Сибир, с центром Кызыл-Тура на р. Ишим, на юге до Западного Приаралья, с летними пастбищами в районе рек Сарысу и Чу (Костюков 2010: 97–98).

Ж. М. Сабитов, опираясь на новый перевод некоторых эпизодов более полного лондонского списка «Таварих-и гузида — Нусрат-наме», сделанный И. А. Мустакимовым¹, пришел к заключению о наличии у ранних Шибанидов двух групп уделов-владений: западных и восточных улусов. Причем, в его понимании, именно западные земли Улуса Джучи, где располагались шибанидские улусы (Кара улак, Крым, Джулат), назывались «Боз Орда». Не соглашаясь с маркированием западных (р. Урал) и восточных («доходили до Иртыша») границ владений Шибана, предложенных В. П. Костюковым, он считает, что восточные улусы Шибанидов, являвшиеся крайними восточными территориями «Ак Орды» (центральные

казахстанской исследовательской литературе давно стала канонической (История 1997: 110; Ускенбай 2013: 94–95, 113). К. А. Пищулина, автор соответствующего раздела «Истории Казахстана с древнейших времен», рассматривая историографию вопроса о принадлежности улуса Шибана к правому и левому крылу Джучидов, считает, что улусы Шибана и Орда-Эджена даже были объединены «в одном государстве Ак-Орда» (такое объединение произошло по ее мнению в XIV столетии (см.: Пищулина 1977: 231), Н. Н. Мингулов считал, что объединение двух улусов произошло в период правления Абу-л-Хайр-хана в XV в. (Мингулов 1981: 85–86)). Согласившись с концепцией В. В. Трепавлова о вторичном делении левого крыла Орда-Эджена (восточная Кок Орда), К. А. Пищулина так же отождествила его правое подкрыло («Ак Орда») с владениями Шибана, охватывавшими территории Западного и частично Центрального и Южного Казахстана (История 1997: 112–113). При всей логичности такой структуры джучидских крыльев, пока нет никаких ни прямых, ни косвенных сведений источников которые позволили бы, применительно к XIII в., принять такое видение статуса улуса Шибана. Несоответствие здесь кроется в том, что, согласно точке зрения казахстанских историков «Ак Орда», это весь улус Орда-Эджена (левое крыло Джучиева улуса) (см., напр.: Мингулов 1981: 85). Но как это соотносить с кок-ордынским центром этого улуса (по В. В. Трепавлову)? Хотя видно также, что такое строгое соотношение противоречит сведениям о местоположении улуса Шибана («Ак Орда» из «Родословия тюрков» Абу-л-Гази и «Бахр ал-асрар» Махмуда бен Вали), занимавшего значительную часть территории Восточного Дешт-и Кыпчака. В этой связи, стремление отнести владения Шибана и его приемников к левому крылу Джучидов нельзя признать безупречной.

¹ См.: Мустакимов 2011: 230–231; см. также: Мустакимов 2010: 22–23; 2013: 232–233).

земли Золотой Орды), граничили непосредственно с «Кок Ордой» или левым крылом Джучиева улуса. При этом первоначально (40-е — середина 60-х гг. XIII в.), улусу Шибана, видимо, принадлежали, согласно отчету Плано Карпини, города на юге — «Янгикент, Ургенч и Барчкенд». В правлении Менгу-Тимура, примерно в 1266–1269 гг., улус Шибана был смещен севернее Хорезма и эти земли подробно описаны в сочинении Абу-л-Гази. Обобщая полученные сведения, Ж. М. Сабитов считает, что восточные владения Шибанидов состояли из трех улусов: 1) «Янгикент», с вышеуказанными городами, где правил Шибан, и, возможно, его сын Бахадур до 1266–1269 гг.; 2) «Приаральский» улус, полученный Бахадуром (его география описана у Абу-л-Гази), но в XIV столетии переданный Мангутаю и его преемникам; 3) «Когедей Йасбуга»¹, предположительно (по И. А. Мустакимову) располагавшийся в Северном Казахстане или Западной Сибири (Сабитов 2014: 31–37).

Принять полностью такую версию вряд ли возможно, так как, например, по данным Абу-л-Гази, указанные северные (приаральские) территории были уже (до Менгу-Тимура) переданы Шибану самим Бату. На каком основании западные владения Шибанидов назывались «Боз Ордой», не совсем понятно. Далее не вполне ясен вопрос о географическом расположении улуса «Когедей Йасбуга»². Такая трактовка, очевидно, требует дополнительной аргументации. В новейшей литературе дискуссии о местонахождении и статусе улуса Шибана продолжаются и пока полной и ясной картины не дают (см.: Антонов 2015а; 2015б).

Примечательно, что на протяжении более 130 лет Шибанидские (по сути, коренные) йурты неизменно располагались в этом регионе. Согласно Абу-л-Гази, сыновья Шибанида Пулада, «Ибрагим и Арабшах, разделив отцовы владения, *вместе в одной земле и кочевали*

¹ Данный термин «Кюкедей Йисбуга-Кюг[e]дей Йасбуга» (двойной антропоним, перешедший в топоним), ставший названием одного из шибанидских улусов анализировался И. А. Мустакимовым (Мустакимов 2010: 23; 2011: 242; 2013: 232–234).

² Вопрос о местонахождении улуса «Когедей Йасбуга» («Кюкедей Йисбуга-Кюг[e]дей Йасбуга») специально разбирался И. А. Мустакимовым, который предположил, исходя из сообщений Утемиша-хаджи и Кырыми, что данное шибанидское владение (йурт) располагалось где-то на территории Западной Сибири и Северного Казахстана (Мустакимов 2011: 242; 2013: 233). Думается, такая локализация вполне допустима. Основанием так считать являются сведения из «Чингиз-наме», которые следует еще раз тщательно изучить.

и имели свои станы; лето проживая при вершине Яика, а зиму при устье Сыра» (Абу-л-Гази 1906: 162). Тем самым, еще во второй половине XIV в. владения Шибанидов — Ибрахима и Арабшаха, а именно их летние пастбища находились в верховьях Урала (Яика), а зимники «на нижнем течении Сыр-Дарьи» (Бартольд 1964: 546). Основываясь на этом известии Абу-л-Гази, Т. И. Султанов считает, что и Ибрахим (Аба-оглан) и Арабшах, «каждый из них имел свою орду (ставку)» (Султанов 2006: 285). Но где именно располагались они, также как и орды ставки других шибанидских огланов, он не уточняет.

Ответ на этот вопрос, как нам сейчас представляется, следует искать у Утемиша-хаджи. По «Чингиз-наме», потомок Шибана — Мангутай, отец Хы(зы)р-оглана, имел йурт (удел) в местности (урочище?, озеро?) *Ақ көл* (Ак-Куль). *«Шайбан-// хан нәслідін Маңқ [ут] ай оғлы Хызр-оғлан тәрләр әрді, Сайын-хан // салғаған Маңқутайның йурты Ақ-көл тегәнде болур әрді»* («Юрт Мангутая, назначенный [ему] Саин-ханом (sic), находится в [местности] под названием Ак-куль») (Утемиш-хаджи 1992: 109, 136).

Подтверждение местопребыванию этого йурта в этом регионе можно найти там же, в «Чингиз-наме». Так, после того как хан Узбек сел на золотоордынском престоле, он подверг репрессиям джучидских огланов за то, что они якобы согласились на воцарение «черного человека» Баджир Ток-Буги и отдал царевичей Джучиева рода на услужение Кыйату Исатаю. Но гонения не коснулись потомков славного Шибан-бахадур, который *«қылыч чабқан, йурт ачған»* («рубил саблей и покорял врагов [и] вилайеты»). При этом, получив двухсоставной эль — карлык и буйрак, Шибаниды «взяли те два эля, [и он] [т. е. Кыйат Исатай — А. К.] предоставил нас [Шибанидов — А. К.] самим себе в нашем юрте, определенном [нам] Саин-ханом», так «что пребывали они в юртах, назначенных им Саин-ханом» (Утемиш-хаджи 1992: 92–95, 105, 121).

Думается, сейчас трудно сразу идентифицировать местность Ак-куль (*Ақ көл* — «Белое озеро») на географической карте, так как под ней может пониматься, как следует из текста источника, либо название местности (урочища) или озера (водоема)¹. Назва-

¹ В. П. Юдин в одной из статей определил «Ак-Куль» как озеро, но без конкретной географической привязки (Юдин 1992: 84). В комментариях к переводу «Чингиз наме» указано, что «Ак-Куль — небольшое озеро на северо-востоке от

ние с таким топонимом или гидронимом очень часто встречается в местах расселения тюркских кочевых племен. И таких объектов может быть несколько. Так, к примеру, озеро и населенный пункт под названием «Ақ көл» есть в 100 км севернее столицы Казахстана — Астаны. Другое озеро с аналогичным названием, являющееся частью целой озерно-водной системы с обильными летними пастбищами Торгайского региона, имеется на территории современного Жангельдинского района Костанайской области¹. Причем здесь, по старой карте периода Российской империи, поблизости, встречается сразу два озера: «Ақ көл» и «Жаман Ақ көл»². Не исключено, что разыскиваемая нами «Ак Орда» (Боз Орда) Шибанидов могла в ранний период истории Джучиева улуса базироваться рядом с этими озерными водоемами Торгайского бассейна. Тем более, что такая локализация шибанидской ставки вполне согласуется в целом с занимаемым пространством улуса Шибана и его потомков в XIII–XIV вв., располагавшемся на огромной территории восточнее верхнего течения реки Яик (Урал), летние кочевья которых начинались с восточных пределов Западного³ (верховья Яика, реки Ирғиз, Орь, Илек) и захватывали частично земли Северного и Центрального Казахстана, с зимними стоянками в арало-присырдарьинском регионе (Кара-кум, Ара-кум), вплоть до рек

современного г. Ташауза (Туркмения), озеро, в которое впадает река Желаншик (Джиланчи)» (Чингиз-наме 1992: 156). Такая идентификация неверна. Это озеро, несомненно, находилось в степной части Дешт-и Кыпчака, на территории современного Казахстана.

¹ Интересно, что современные казахстанские археологи, которые занимаются поиском и изучением памятников золотоордынского времени, локализуют ставку Шибанидов именно на Торгае, в районе впадения реки Жиланшик в озеро Ак кол.

² В «Шараф-нама-йи шахи» есть упоминание этого озера в связи походом 1582 г. войск бухарского хана Абдаллаха в Дешт-и Кыпчак. По сообщению Хафиз-и Таныша Бухари, хан отправил в рейд, на поиски мятежника Баба-султана, двухтысячный отряд под командованием Ходжам-Кули-кушбеги, в сторону мангытов. Этот отряд настиг противника в «Ак-Куле», где разыгралось жестокое сражение (Материалы 1969: 299). Комментатор отметил, что «Ак-Кул – озеро, в которое впадает река Желаншик» (Материалы 1969: 543 (прим. 197)). По дореволюционным и современным географическим картам Тургайской области, река Улы-Джиланшик как раз впадает в озеро Ак кол (Жаман Ак кол).

³ Западные пределы восточных владений Шибана не совсем ясны. Вероятно, здесь территория Шибанидских улусов на западе начиналась восточнее Мугоджарских гор. После консультаций с С. Закировым мы склонны считать, что только крайние восточные районы Западного Казахстана могли входить в состав их владений.

Сарысу и Чу на юге. Географически, Торгайская ложбина, где расположено озеро «Ақ қөл», как раз приходится примерно на срединную часть шибанидских йуртов.

Таким образом, несмотря на дискуссионность проанализированного эпизода из ранней истории империи Джучидов, следует полагать, что написание в «Бахр ал-асрар» термина «йуз» вместо «боз», вероятно, является графической погрешностью автора или, что, скорее всего, это ошибка переписчиков рукописи, которые допустили такой досадный промах. Как следует из устно-поэтического памятника «Ер Едіге», в живой речи тюркоязычного населения поздней Золотой Орды использовалось словосочетание «*Биік боз орда*» (Высокая светлая Орда, как вариант применения «*Болат босағалы боз орда*» Шибана из «Чингиз-наме»), являвшееся равнозначным или иным обозначением ханской (главной) Белой ставки-Орды (Ақ Орда). Тогда вполне понятно почему автор «Бахр ал-асрар», упоминая Ак Орду, тут же избирательно дает знакомое его информаторам другое ее название «Боз Орда» (ошибочно прочитанное как «Йуз-Орда»), которое было хорошо известно степным сказителям-знатокам истории Джучиева Улуса. Тем самым, термины «Ақ Орда» (Белая) и «Боз Орда» (Светлая) являются вполне взаимозаменяемыми и равнозначными понятиями, которые использовали кочевники Дешт-и Кыпчака, характеризуя на сравнительно-тонком вербальном уровне официальную резиденцию-ставку джучидских властителей.

Степной информатор Утемиша-хаджи, зная традицию наименования Орд старших Джучидов: Бату («*Алтун босағалы ақ өргә*», смысле главной, основной), Орда-Эджена («*Күмүш босағалы көк орда*», второй по рангу), для обозначения ставки Шибана использовал хорошо понятное среди степняков, но малознакомое для других, устное словосочетание «*Болат босағалы боз орда*», которое следует понимать как «Светлую Орду со стальным порогом», известную по другим источникам как (условно) первая или изначальная «Ак Орда» — старый политический центр Бату в Восточном Дешт-и Кыпчаке, существовавший примерно в 1227–1236 гг. Думается, именно такая интерпретация вполне допустима. Все это говорит об исторической достоверности степного предания, записанного Утемишем-хаджи и сведений сообщаемых им.

И, наконец, позволим себе выдвинуть предположение, не претендуя на окончательность решения этого непростого вопроса, сама «Ақ Орда» Шибанова улуса, располагалась вблизи озера Ақ көл, что в южной части современной Костанайской области Казахстана. С учетом мобильности кочевых улусов, искомая шибанидская «Ақ Орда» (она же «Боз Орда») как символический статус (цветовой идентификатор клана) могла располагаться и в других районах, которые контролировали потомки Шибана, но только в пределах Восточного Дешт-и Кыпчака. При этом, Шибанидские владения, хотя и занимали срединное положение между двумя центрами улусов — Бату (запад), Орда-Эджен (восток), но применительно к XIII столетию, были составной частью правого крыла империи Джучидов, где правили Бату и его преемники. В столичном золотоордынском центре — Сарае Великом, располагалась Главная ставка (Золотая «Белая» Орда), известная в тюркских источниках как «*Алтун босағалы ақ өргә*» или «*Алтыннан соққан Ақорда*». Наличие в Джучидской империи двух Орд-ставок с приставкой «Ақ» (ранней и поздней) с аналогичным названием не должно нас смущать. Это явление, вероятно, было типичным для многих государств и требует дальнейшего изучения.

Список литературы

Абу-л-Гази. Родословное древо тюрков / Пер. и предисл. Г. С. Саблукова // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. XXI. Вып. 5–6. Казань, 1906. 224 с.

Алексеев А. К. Политическая история Тукай-Тимуридов: По материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асрар. СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2006. 229 с.

Антонов И. В. О месте Южного Урала в административно-территориальной системе улуса Джучи // Вестник Челябинского государственного университета. 2015а. № 2 (357). История. Вып. 62. С. 8–17.

Антонов И. В. К вопросу о статусе улуса Шибана (историографический обзор) // Научный альманах. № 7 (9). 2015б. С. 1185–1195.

Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М.: Глав. ред. вост. лит-ры, 1965. 194 с.

Бабалар сөзі. Жүз томдық. Батырлар жыры. Жауапты шығарушы Қ. Алпысбаева. Астана: Фолиант, 2006. Т. 39. 448 б.

Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан // Записки Восточного отделения императорского Русского археологического общества. СПб., 1903. Т. XV. Вып. I. С. 173–280.

Бартольд В. В. Шейбаниды // Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. М.: Наука, 1964. Т. II. Ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. С. 545–548.

Валиханов Ч. Ч. Идиге (джир). Вступление // Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Сочинения Ч. Ч. Валиханова. Изданы под ред. Н. И. Веселовского. Т. XXIX. СПб: Тип. Главного управления уделов, 1904. С. 223–264.

Ер Едіге. Қ. И. Сәтбаевтың алғы сөзімен 1927 жылы Мәскеуде жарияланған басылым. Алматы: Ғылым, 1995. 152 б.

Зуев Ю. А. Историческая проекция казахских генеалогических преданий (К вопросу о пережитках триальной организации у кочевых народов Центральной Азии) // Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории) / Отв. ред. А. Х. Маргулан. Алма-Ата: Наука КазССР, 1981. С. 63–78.

Зуев Ю. А. О формах этносоциальной организации кочевых народов Центральной Азии в древности и средневековье: Пестрая Орда, Сотня (сравнительно-типологическое исследование) // Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана (эпоха древности и средневековья): сб. ст. / отв. ред. Н. Ж. Шаханова. Алматы, 1998. С. 49–100.

Идегәй: Татар халык дастаны / Нәшрият редакторлары Г. Гыйльманов, Х. Әюпов. Казан: Татар. кит. нәшр, 1988. 254 б.

Идегей: Татарский народный эпос / Пер. С. Липкина; науч. ред. М. А. Усманов. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. 256 с.

История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): в пяти томах. Алматы: Атамұра, 1997. Т. 2. 624 с.

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992. 376 с.

Костюков В. П. Улус Джучи и синдром федерализма // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Научный журнал. 2007. № 1. С. 169–207.

Костюков В. П. «Железные псы Батуидов» (Шибан и его потомки в войнах XIII в.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. № 1. С. 42–96.

Костюков В. П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV веках. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. 200 с.

Крамаровский М. Г. Джучиды и Крым: XIII–XV вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины, 2003. Вып. X. С. 506–532.

Кушкумбаев А. К. «Алтун босағалы ақ өргәні Сайын-ханға салды...» (крыльевая модель в военно-политической организации империи Джучидов) // Военное дело Улуса Джучи и его наследников: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А. К. Кушкумбаев. Астана: Фолиант, 2012. С. 109–164.

Кушкумбаев А. К. «Ақ орда» в тюркском эпическом жыре «Ер Едіге» // Золотая Орда: история и культурное наследие: сб. науч. мат-лов / Отв. ред. А. К. Кушкумбаев. Астана: ИП «BG-PRINT», 2015. С. 36–42.

Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин; отв. ред. Б. Сулейменов. Алма-Ата: Наука КазССР, 1969. 655 с.

Мингулов Н. Н. К некоторым вопросам изучения Ак-Орды // Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории) / Отв. ред. А. Х. Маргулан. Алма-Ата: Наука КазССР, 1981. С. 79–95.

«Му‘изз ал-ансаб» (Прославляющие генеалогии) // История Казахстана в персидских источниках / Отв. редактор А. К. Муминов. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. III. 672 с.

Мустакимов И. А. Владения Шибана и Шибанидов в XIII–XV вв. по данным некоторых арабографичных источников // Средневековые тюрко-татарские государства. 2010. Вып. 2. С. 21–32.

Мустакимов И. А. Джучи и Джучиды в «Таварих-и гузида — Нусрат-наме» // Тюркологический сборник. 2011–2012: Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств / Ред. кол.: С. Г. Кляшторный (пред.), Т. И. Султанов, В. В. Трепавлов. М.: Вост. лит.-ра РАН, 2013. С. 231–254.

Мустакимов И. А. Сведения «Таварих-и гузида — Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник.

2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье / Ред. кол.: С. Г. Кляшторный (пред.), Т. И. Султанов, В. В. Трепавлов. М.: Вост. лит-ра РАН. С. 228–248.

Пищулина К. А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI веков (вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата: Наука КазССР, 1977. 288 с.

Пищулина К. А. «Бахр ал-асрар» Махмуда бен Вали как источник по социально-экономической истории Восточного Туркестана XV–XVII вв. // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. / Отв. ред. Б. А. Тулепбаев. Алма-Ата: Наука, 1983. С. 34–88.

Почekaев Р. Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Евразия, 2012. 464 с.

Сабитов Ж. М. Улусы Шибана и Шибанидов в административной структуре Золотой Орды в XIII–XIV веках // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы II Всероссийской научной конференции (Курган, 17–18 апреля 2014 г.) / Отв. ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татауров. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. С. 31–38.

Сабитов Ж. М., Кушкumbaев А. К. Улусная система Золотой Орды в XIII–XIV веках: или вновь к вопросу о локализации Ак-Орды и Кок-Орды в Джучиевом улусе // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 60–72.

Сагандыкова Н. Ж. Ч. Ч. Валиханов «О формах казахской народной поэзии» // Қазақстан Республикасы ұлттық ғылым академиясының хабарлары (Известия НАН РК. Сер. Общественных наук. 2013. № 2. С. 82–87.

Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978. 349 с.

Султанов Т. И. О терминах Ак-Орда, Кок-Орда и Йуз-Орда // Известия АН КазССР. Сер. общественная. 1972. № 3. С. 71–74.

Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. 445 с.

Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблемы исторической преемственности. М.: Наука, 1993. 168 с.

Тулибаева Ж. М. «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» как исторический источник // Вестник КазНУ. Серия востоковедения. 2003. № 4 (25). С. 80–89.

Тулибаева Ж. М., Исахан Г. Т. Арабиграфические источники по истории Казахстана: Фонд Института востоковедения Академии наук Республики Узбекистан. Астана: РГУ «Национальный центр археографии и источниковедения», 2013. 154 с.

Тулибаева Ж. М. История Казахстана в Аштарханидских источниках // Доклады Национальной академии наук РК. 2013. № 4. С. 126–140.

Ускенбай К. З. Улусы первых Джучидов. Проблема терминов Ак-Орда и Кок-Орда. Тюркологический сборник. 2005. Россия и Великая Степь / Ред. кол.: С. Г. Кляшторный (пред.), Т. И. Султанов, В. В. Трепавлов. М.: Вост. лит-ра РАН, 2006. С. 355–382.

Ускенбай К. З. Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII — начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013. 288 с.

Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсим., пер., транск., текстол. прим., исслед. В. П. Юдина; подг. к изд. Ю. Г. Баранова; комм. и указ. М. Х. Абусеитовой. Алма-Ата: Ғылым, 1992. 296 с.

Федоров-Давыдов Г. А. «Аноним Искандера» и термины «Ак-Орда» и «Кок-Орда» // История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968. С. 224–230.

Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973. 180 с.

Юдин В. П. «Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая...» // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. Отв. редактор Б. А. Тулепбаев. Алма-Ата: Наука, 1983. С. 106–165.

Юдин В. П. О строительстве мавзолея Кыята Джир-Кутлу на Сырдарье в XIV в. в связи с историей Дашт-и Кыпчака // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсим., пер., транск., текстол. прим., исслед. В. П. Юдина; подг. к изд. Ю. Г. Баранова; комм. и указ. М. Х. Абусеитовой. Алма-Ата: Ғылым, 1992. С. 83–86.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕЕМНИКАХ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Аннотация: В данной статье рассматриваются проблемы, связанные с наследием Золотой Орды, которые до сих пор вызывают большой интерес у широкого круга исследователей. Подчеркивается, что спор о евразийском наследии Улуса Джучи и сегодня имеет свое продолжение, в том числе, и в трудах отечественных историков. Делается вывод о том, что все тюркские народы России и постсоветского пространства — поволжские, сибирские и крымские татары, ногайцы, башкиры, кумыки, карачаевцы, балкарцы, казахи, каракалпаки являются наследниками Золотой Орды и там находятся истоки их этногенеза и национальной государственности.

Ключевые слова: Золотая Орда, Евразия, власть, эпоха, государство, язык, история, культура, традиции.

Abstract: The articles deals with problems connected with the Golden Horde heritage that still concern many researchers. It is stressed out that debates about the heritage of the Ulus of Jouchi are continued in national historiography. The authors conclude that all Turkic peoples of Russia and post-soviet states — the Volga tatars, Siberian Tatars, Crimean Tatars, Nogais, Bashkirs, Kumyks, Karachay-Balkar, the Kazakhs, the Karakalpaks — are the inheritors of the Golden Horde that was the source of their ethnogenesis and national state construction.

Key words: Golden Horde, Eurasia, power, age, state, language, history, culture, traditions.

Истоки феномена российской имперской государственности, наглядным олицетворением которой было Московское царство в период его расцвета и Российская империя, имеют в своей основе синтез трех компонентов: древнерусской государственности Киевской Руси, идеологической и культурной традиции Византийской империи через посредство православной христианской религии, и имперского наследия Золотой Орды.

Спор о евразийском наследии Улуса Джучи, государства, образовавшегося в итоге распада мировой Монгольской сверхдержавы, у истоков которой стояли Чингиз-хан и его первые наследники, на степных просторах Дешт-и-Кипчака от Алтая до Дуная, а также на землях Руси, Поволжья, Крыма, Северного Кавказа, Западной Сибири, Северного Хорезма, не утратил злободневности и в наши дни. Свидетельством этого являются попытки определенных научных и официальных кругов современного Татарстана отнести историческое наследие Золотой Орды к отождествлению, в первую

очередь, с историей современных татарских народов, что отразилось в третьем томе фундаментального научного труда «История татар», изданного в 2009 г. в Казани, авторами которого вместе с историками Татарстана являются ученые России и других стран СНГ, а также дальнего зарубежья.

Спорным, на наш взгляд, является утверждение историков Татарстана, что «наиболее тяжелую часть ноши», т. е. «моральной ответственности» за историческое наследие Золотой Орды «несли и несут» татары (Усманов 2009: 14). Если, в отношении крымских и сибирских татар данное утверждение справедливо, то в отношении казанских татар этот тезис дискуссионен. Непонятно, по каким причинам историки Татарстана причисляют к «собственно татарским государствам» Ногайскую Орду, а ногайцев к татарам. Это с точки зрения русских летописцев так и было, но они до конца XVII в. называли среди «татар, лутчих людей» и казахов. Однако, Золотую Орду, прежде всего, олицетворяли тюркские степные народы, прямыми потомками каковых ныне являются ногайцы, казахи, каракалпаки, крымские и сибирские татары, башкиры, часть узбеков — потомков кочевых племен, не говоря уже о том, что основателями этой империи были монголы, прямые потомки которых такие народы России, как буряты и калмыки. В степной зоне Дешт-и-Кипчака от Алтая до Дуная — будущих Ногайских и Казахских степей находились зимняя столица и летняя ставка Улуса Джучи — Сарай и Сарайчик. Предки же современных казанских татар, ядро этногенеза которых составили не степные, а оседлые тюркоязычные булгары, смешавшиеся с отюреченными и исламизированными финно-угорскими и восточнославянскими племенами Поволжья и Урала, обитали во владениях Золотой Орды на ее периферии, в лесной зоне на границе с русскими землями и местами проживания финно-угорских народов. Поэтому, не отрицая право казанских татар на культурное наследие Золотой Орды, представляется, все же, что не только татарские народы «несли и несут» «моральную ответственность» за историческое наследие Джучиева Улуса. Интересно в этой связи отметить, что только у трех, в прошлом степных народов, крымских татар и казахов, а также у части узбеков — потомков выходцев из кочевых племен, вполне в духе золотоордынской традиции

наследования верховной власти существовал институт Чингизидов, представителей «золотого рода» Чингиз-хана, олицетворявших ханскую власть, которые имели право на верховное правление на всем обширном постордынском пространстве. Поэтому неудивительно, что крымские Чингизиды, потомки младшего сына Джучи-хана Тукай-Тимура — Гиреи оказывались на троне ханов Казани, а казахские Чингизиды, потомки старшего сына Джучи-хана Орду-Эджэна, были ханами не только своих соплеменников-казахов, но и ногаев, башкир и Хивинского ханства, порой тесня в борьбе за престолы Узбекских ханств узбекских Чингизидов, потомков сына Джучи-хана Шейбани (Шибана) (Султанов 2015). В этой связи представляет немалый интерес проблема золотоордынского наследия по отношению не только к тюркским народам Восточной Европы и Центральной Азии, но и к восточнославянским и угро-финским. А истоки данной проблемы уходят в эпоху монгольских завоеваний XIII в.

При всем трагизме монгольская эпоха не была проста и однозначна. Это относится и к таким сложным конгломератам, как империи Чингиз-хана и его первых наследников, в числе которых Золотая Орда. Поэтому абсолютно негативное отношение к монгольскому завоеванию и всему, что с ним связано, видимо, не совсем правомерно. Этого мнения, в частности, придерживался такой серьезный исследователь данной эпохи, как В. В. Бартольд (Бартольд 1963: 526–530). Создаваемые в основном в результате кровавых завоеваний, эти империи в дальнейшем играли и цивилизующую роль. Ведь создание империй, при всем неприятии насилия и крови, это и попытки, хотя и далеко несовершенные, человечества к интеграции. Примеры тому не только державы Ахеменидов и Александра Македонского, Рим, Арабский халифат, Османская, Британская и Российская империи, но и сами результаты монгольской экспансии. Созданные в итоге походов Чингиз-хана и его первых наследников государства, ярким примером которых стал Улус Джучи, включивший в свой состав и Русь, являют собой пеструю картину во всех отношениях. Более того, отмечается возникновение гораздо большей политической устойчивости после образования этих государств во всей Евразии от Восточной Европы до Центральной Азии и Китая.

К тому же, отсутствие пространственных перегородок в пределах этих обширных империй создавало возможность сближения народов Евразии. Культуры тюркских, монгольских, восточнославянских, угро-финских, кавказских и других народов Евразии длительное время формировались, находясь в единой системе связей, что сближало их, определяя во многом сходство жизненного уклада и менталитета этих народов, и это приводило к объединению их в многонациональные государства, каковыми и были империи потомков Чингиз-хана, такие как Улус Джучи. Поэтому лишь отрицательный взгляд на них как на «дикие орды» будет исторически несправедлив.

После распада империи Чингиз-хана древнерусские земли вошли в состав Улуса Джучи. Монголы принесли собственное общественное устройство только в подвластные им пространства степей Дешт-и-Кипчака, в отношении же Руси завоеватели довольствовались ее полным подчинением, учредив на ее землях институт баскаков-сборщиков налогов, но не меняя общественное устройство. Довольно быстро и сбор налогов перешел в ведение местных русских князей, признающих власть Джучиева Улуса. От выплаты дани была освобождена Русская православная церковь, получив специальные ярлыки, которые защищали церковное имущество от произвола ордынцев. Такая ситуация сохранялась в Джучиевом Улусе и после объявления ханом Узбеком ислама государственной религией, явление невиданное в других мусульманских империях, где все немусульмане платили специальный налог — «джизью». Казалось бы, что для мусульманской империи была вполне естественной политика исламизации своих «неверных» подданных — жителей Руси, но, тем не менее, ханы Золотой Орды не совершили насилия над душами своих православных подданных, сохранивших в эпоху ордынского владычества свою веру, язык, культуру, государственность, в отличие от русских правителей, в течение более чем двух веков, со взятия в 1552 г. русскими войсками Казани и до вступления на русский трон Елизаветы Петровны, с упорством, достойным лучшего применения, искоренявших ислам в России и проводивших политику принудительной христианизации и ассимиляции татарской знати.

В 1261 г. в золотоордынской столице Сарае возникла православная епархия. Так, Джучиды, потомки Чингиз-хана, выполняли

его завет терпимо относиться к представителям различных вероисповеданий. Поэтому представляется спорным утверждение, что Русская православная церковь вдохновляла русское общество на борьбу с золотоордынской властью, как и мнение, что поражение ордынцев Мамаю на Куликовом поле подорвало могущество Улуса Джучи на Руси. Победа коалиции русских княжеств во главе с Москвой над Мамаем, который не был даже ханом Золотой Орды, поскольку не принадлежал к числу потомков Чингиз-хана, (по праву рождения имевших право на трон на всем постордынском пространстве) и возглавлял только часть золотоордынских войск, имела больше моральное и психологическое значение, но не для Джучиева Улуса, а для Руси, как ее первая крупная победа над ордынцами за более чем 150 лет. В 1381 г., через год после Куликовской битвы золотоордынский хан Тохтамыш взял и разрушил Москву, восстановив статус-кво, существовавший до этого. Улус Джучи сокрушил правитель Самарканда Тимур, основатель мировой империи от Малой Азии до границ Китая, совершивший три похода в его пределы. Были разрушены города Джучиева Улуса, караванные пути переместились на юг, во владения Тимура. От этих потрясений Золотая Орда уже не смогла оправиться и в первой половине XV в. распалась на отдельные владения: Большую Орду, Великое княжество Московское, Крымское, Казанское, а затем Астраханское ханства, Узбекский улус, на руинах которого возникли Ногайская Орда, Казахское и Узбекские ханства. В Великом княжестве Московском, где по золотоордынским образцам функционировала военная организация, фискальная система, посольский обычай, протокольная традиция государственных канцелярий, ценилось ханское звание и принадлежность к роду Чингизидов. Русская знать легко находила соответствия своей титулатуре в золотоордынской системе и устойчиво вписывалась в ордынские порядки (Трепавлов 1998). Сходство порядков в Улусе Джучи и на Руси было столь значительно, что еще в «Задонщине», русской повести XV в., Русь называлась «Залесская Орда». В свою очередь, в государственной структуре Великого княжества Московского Чингизиды считались «честью бояр выше» (Ланда 1995: 56–73).

В сознании тюркской знати постордынских ханств, да и среди потомков ордынской знати в числе московской аристократии,

еще долго, вплоть до середины XVI в., было живо убеждение в праве господствовать над Москвой и ее землями. В конце концов, оно воплотилось во временном, пусть и номинальном, «царствовании» на Руси ордынца — Чингизида Саина Бекбулатовича, при крещении взявшим имя Симеон, в течение почти года до января 1576 г., которому русский царь Иван IV Грозный, известный на Западе как Иоанн «Ужасный», на время был вынужден «отдать» трон, а также в восхождении на русский трон Бориса Годунова, потомка золото-ордынца Чет-мурзы (Баскаков 1979: 34, 58). Именно Годунов своим официальным царским указом уравнил Чингизидов, ханов вассального от Москвы Касимовского ханства, являвшихся к тому же мусульманами, с грузинскими православными царевичами, жившими в Москве, и с высшими иерархами Русской православной церкви. При этом Борис Годунов опасался Симеона Бекбулатовича, как соперника, тем более что после смерти Ивана Грозного, бояре собирались венчать на царство Симеона, чтобы не допустить к власти Годунова, который де-факто управлял бы страной, если царем становился сын Грозного Федор Иванович, что и произошло. Уже после смерти государя Федора Ивановича, женатого на сестре Годунова, когда Борис Годунов сам стал царем, Симеон Бекбулатович к этому времени уже давно не имел никаких властных полномочий и был удален от московского двора в село Кушалино под Тверью. Тем не менее, он обладал титулом великого князя и поэтому де-юре имел право на русский престол, что сыграло роковую роль в его судьбе. По свидетельству Никоновской летописи, от царя Бориса Годунова ко дню рождения Симеона Бекбулатовича было послано милостивое письмо и бутылка испанского вина, выпив которое, Симеон и его слуга ослепли.

До сих пор историки спорят, что вынудило Ивана Грозного отдать на время трон Симеону Бекбулатовичу: то ли боязнь стать жертвой заговора разоренных им бояр, то ли стремление отобрать у монастырей дарованные им богатства не от своего имени, а от имени Симеона, то ли страшное пророчество волхвов, что в 1576 г., тот, кто будет на царском троне, погибнет от руки убийцы. Вместе с тем, интересна и версия, что Симеон был временно возведен на трон с целью ослабить угрозу со стороны Гиреев — ханов Крыма, также, как и он, бывших Чингизидами, чьи орды тогда поставили

под вопрос само существование Московской Руси как независимого государства, захватившие даже резиденцию Ивана Грозного — Александрову слободу. Возможно, Грозному представлялось, что Симеону будет легче договориться со своими сородичами и соплеменниками и для этого он временно предоставил крещеному ордынцу царские полномочия, что не было лишено смысла. И позднее, потомки ордынской знати играли видную роль при царском дворе, породнившись в середине XVII в. с правящей в России династией Романовых. Прием, к которому прибегнул Иван Грозный, использовался и позже, например, когда на русский трон вступил Михаил Романов, сын патриарха Русской православной церкви Филарета, реально управлявшего страной от имени своего официально коронованного сына.

Хотя Чингизиды создали империю военным путем, тем не менее, их государство опиралось не только на военную силу, что объясняет их почти 300-летнее владычество на Руси. Воистину пророческими оказались слова древнего китайского мудреца Лу Цзя, приписываемые зачастую Конфуцию: «Можно завоевать империю сидя на коне, но нельзя с коня управлять ею». На Руси потомки Чингиз-хана сумели лучше адаптироваться к местным условиям и создать более эффективную систему управления завоеванными территориями, чем в Китае — в Юаньской империи или в Персии и Азербайджане — Улусе ильханов Хулагуидов, где они были у власти гораздо меньше времени — примерно 100 лет.

Со своей стороны, Русь имела в лице метрополии, каковой была для нее Золотая Орда, духовную и военную поддержку в многочисленных войнах с католической Европой, объявившей крестовый поход против Руси и ордынцев. Таким образом, выбор князя Александра Невского, победителя шведов и тевтонцев, «приемного сына» и фаворита Бату-хана был сделан в пользу союза с Золотой Ордой. Этого выбора придерживались и другие видные деятели Руси золотоордынской эпохи, например, московский князь Иван Калита, воспользовавшийся отстранением от власти восставшего против Золотой Орды и носившего тогда титул великого князя Руси Михаила Тверского, когда титул великого князя перешел к Калите, активно помогавшего ордынским войскам подавлять восстание в Твери силами своей московской дружины. Именно

золотоордынская система сделалась прообразом российской имперской государственности. Это проявилось в установлении авторитарной традиции правления, в жестко централизованной общественной системе, дисциплины в военном деле и веротерпимости. Хотя, конечно были и существенные отклонения от этих принципов в определенные периоды российской истории. Помимо этого Русь и другие, подвластные Джучиевому Улусу земли, были вовлечены в находящуюся на более высоком уровне финансовую систему золотоордынской империи; завоеватели создали эффективную, пережившую века ямскую систему путей сообщения, сеть почтовых организаций на значительной части Евразии, в том числе на территории России. Наследием Золотой Орды стало обыкновение (хотя и не всегда на всем протяжении истории России) не ассимилировать новые, завоеванные и включавшиеся без кровопролития в состав Российского государства земли, не изменять жизнь, религию и язык покоренных народов.

Вместе с тем, историческая память русского народа о времени монгольского завоевания и владычества Золотой Орды непроста. Достаточно сказать, что опасения возрождения мощи кочевых народов и объединения их в единую империю сохранялись в российском обществе до конца XVIII в., что можно объяснить только «золотоордынским синдромом». Русь была под владычеством Золотой Орды 242 года, и этот период ее истории ознаменовался тяжелыми материальными и человеческими жертвами. Древнерусские летописи изобилуют описаниями разрушений, грабежей, беззаконий и жестокостей, творившихся на Руси ордынцами. Древнерусские летописцы для описания их действий применяли только черную краску. Ею же, не смягчая тонов, пользовалась в отношении ордынцев и вся дальнейшая русская литература, а беллетристика, в особенности. Все это, включая неизбежные и частые в таких случаях преувеличения, вполне понятно и психологически легко объяснимо: древнерусский народ, попав под тяжелое владычество степных завоевателей, разумеется, не мог не испытывать к ним ничего, кроме ненависти и страха. Ордынец мог быть только «поганим» — диким, коварным, грабителем и насильником. И подобный образ его, не всегда близкий к истине, стал традиционным в русской литературе и в представлениях русского народа,

не изжитый и поныне, хотя прошло более шести столетий со времени падения ордынского владычества на Руси.

Вместе с тем, если отнестись к этому делу объективно, следует признать, что, кроме отрицательных качеств, ордынцы, по свидетельству российского историка М. Д. Каратеева, обладали и другими — и как люди, и как правители. Прежде всего, они отличались честностью, верностью долгу и дисциплинированностью, и, в этом отношении, влияние их на русский народ могло быть не только негативным. Иго их было тяжелым, хотя ордынцы не старались изменить образ жизни покоренных, не покушались на их веру, язык и культуру, не пытались их ассимилировать, а после принятия ислама исламизировать, и косвенно оказало Руси большую услугу: из губившего страну удельного раздробления привело ее к единству в рамках обширной евразийской империи, вызванного необходимостью общими силами свергнуть это иго.

В то же время тюркские народы России и постсоветского пространства — поволжские, сибирские и крымские татары, ногайцы, башкиры, кумыки, карачаевцы, балкарцы, казахи, каракалпаки, видят во времени Золотой Орды истоки своего этногенеза и возникновения своей национальной государственности.

Российская имперская идея во многом представляет синтез золотоордынских и византийских имперских традиций, между которыми есть и общее, и существенные различия. Как Византия, так и Золотая Орда, были великими евразийскими державами, и Российская держава унаследовала от них эту особенность. Что касается отличий, то византийское наследие прослеживается больше в духовной жизни, а золотоордынское — в практике государственного строительства и управления, хотя и далеко не исчерпывается только этим. Отличие состоит также и в том, что Российская империя была единственной, именно имперской наследницей Джучиева Улуса, в то время как среди имперских преемников Византии, наряду с Россией, была и Османская империя. Но подлинное величие России, как великого государства, при всем значении древнерусской и византийской традиций, было заложено не столько восточными славянами, варягами и византийцами, сколько ордынцами. В силу исторических обстоятельств, древнерусская государственность не развилась до имперского уровня, а пошла по пути

«дробления» и пала под натиском тюрко-монгольских завоевателей, создавших мировую евразийскую державу — Золотую Орду, ставшую предтечей Московского государства и Российской империи.

Оказавшись в составе Джучиева Улуса, подвластные этой империи народы не остановились в своем развитии. Были радикально изменены пути этого развития, что в итоге привело Русь, например, к принятию от Улуса Джучи эстафеты гегемонии среди евразийских держав, когда к концу XV в. Русь в лице Московского государства становилась решающей силой в великом состязании «царств-наследников» Золотой Орды. Эта борьба за гегемонию в евразийском наследии Золотой Орды затянулась до конца XVII в., когда Московское государство прекратило выплату дани, правда нерегулярную, так называемых «поминок», Крымскому ханству, своему основному сопернику в борьбе за наследие Джучиева Улуса.

Став частью исторического прошлого, это соперничество оставило о себе память и в виде многочисленных российских княжеских родов тюркского происхождения, истоки формирования которых относятся, как ко времени Золотой Орды, так и к более поздней эпохе (Баскаков 1979: 13–279). Окончательная точка в этом многовековом состязании в пользу Российской державы была поставлена во второй половине XIX в., когда последнее тюркское государство — наследник Золотой Орды — Хивинское ханство на землях древнего Хорезма стало частью Российской империи. История совершила очередной виток по спирали — все вернулось «на круги своя» (Кадырбаев 2003). Евразийская держава возродилась, хотя и в ином обличье. Таким образом, ответ о путях возрождения России как великой державы во многом следует искать, обращаясь к исторической традиции формирования ее имперской государственности, где весьма заметно наследие Золотой Орды.

Список литературы

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. М.: Наука, 1963. Т. I. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. 760 с.

Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979. 279 с.

Кадырбаев А. Ш. Золотая Орда как предшественница Московского государства и Российской империи // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов: материалы международной научно-практической конференции 10–11 апреля 2003 г. М.: Социум, 2003. С. 66–75.

Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М.: Восточная литература РАН, 1995. 312 с.

Султанов Т. И. Центральная Азия в конце XV — середине XVIII вв. // Султанов Т. И., Сыздыкова Ж. С., Кадырбаев А. Ш., Зайцев И. В. История Центральной Азии: Учебное пособие. Изд. 2-е, доп. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2015. Т. I. С. 104–299.

Трепавлов В. В. Тюркская знать в России (Ногаи на царской службе) // Вестник Евразии. 1998. № 1–2 (4–5). С. 101–114.

Усманов М.А. Введение. § 1. История Улуса Джучи и некоторые особенности ее интерпретации в новейшее время // История татар с древнейших времен: в семи томах. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). С. 3–15.

СЕКЦИЯ

**«Источниковедение,
историография и историософия
истории Золотой Орды»**

РУССКО-ОРДЫНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕПЦИИ Л. Н. ГУМИЛЕВА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЕГО КРИТИКОВ

Аннотация: Доклад посвящен анализу концепции русско-ордынских отношений, разработанной Львом Николаевичем Гумилевым (1912–1992), а также дискуссии, развернувшейся вокруг его оценки и интерпретации татаро-монгольского нашествия.

Ключевые слова: Л. Н. Гумилев, монголо-татарское нашествие, русско-ордынский симбиоз, слависты и номадисты, дискуссии, А. Г. Кузьмин, И. Н. Данилевский.

Abstract: The report focuses on the analysis of L. N. Gumilev's (1912–1992) concept of the relations between Golden Horde and Russia, as well as the debate that raged around his assessment and interpretation of the Mongol invasion.

Key words: L. N. Gumilev, the Mongol invasion of Rus', the Russian-Horde symbiosis, Slavists and Nomadists, discussion, A. G. Kuzmin, I. N. Danilevsky.

В историю отечественной науки Л. Н. Гумилев вошел как автор новаторских исследований, посвященных прошлому кочевых народов Великой степи. Л. Н. Гумилев одним из первых заговорил о самобытности и высоких достижениях тюрко-монгольской культуры. Он внес несомненный вклад в опровержение так называемой «черной легенды», которая оправдывала предвзято негативное отношение к степнякам Евразии как к патологически жестоким дикарям-варварам, с маниакальной навязчивостью постоянно стремящимся к разрушению благодушных высокоразвитых цивилизаций. В значительной мере благодаря именно работам Гумилева были закрыты «белые пятна» истории евразийских народов почти за двух тысячелетний период (преимущественно — с III в. до н. э. до XV в.). Благодаря своим исследованиям истории евразийских народов Гумилев в 1930–1940-х гг. самостоятельно пришел к осознанию тех историософских и геополитических принципов, которые были сформулированы в рамках одного из эмигрантских философско-идеологических течений, получившего название *евразийства*. Дальнейшее знакомство и дружеское общение с его основоположниками П. Н. Савицким и Г. В. Вернадским, а также собственные углубленные историко-географические и этнологические

изыскания, позволили Гумилеву существенно развить теоретический фундамент евразийства, показать его практический потенциал для настоящего и будущего евразийских народов (Бондарев, Панченко 2012).

Фактически Л. Н. Гумилев был единственным авторитетным историком, отстаивавшим в советское время идею симбиоза народов Евразии, под которой он понимал «не только огромный континент, но и суперэтнос с тем же названием, расположенный в центре его» (Гумилев 1992: 255). В то же время официальная советская историография твердо стояла на позициях европоцентристской схемы об извечном противостоянии славян/Руси и Степи (печенегов, половцев, монголо-татар). Тем досаднее ныне признавать, что после масштабной переоценки устаревших схем прошлого, результатом чего стала, в том числе, замена понятия «татаро-монгольское иго» на более нейтральное «ордынское иго», причем с оговоркой «так называемое» (Концепция 2013: 17), имя Л. Н. Гумилева оказалось «отставленным» от этого, несомненно, положительного процесса. Более того, наметилась тенденция низводить взгляды Гумилева до уровня тривиальных. Так, по мнению О. В. Творогова: «[Гумилев] занимал особую позицию в освещении русско-тюркских отношений в средневековье, считая, в частности, что враждебность русско-половецких отношений преувеличена: упрек Гумилева может быть отнесен лишь к тем ученым или литераторам, которые действительно игнорируют как тесные родственные связи русских князей с половцами, так и военные союзы с ними» (Энциклопедия «Слова о полку Игореве» 1995: 73–75). Кто из авторов помимо Гумилева это не игнорировал, не уточняется.

Но даже в случае признания определенного влияния Гумилева на историографию ему отводят, в лучшем случае, роль «разрушителя догм», не признавая за его работами позитивного научного вклада: «Особого упоминания заслуживают оригинальные труды Л. Н. Гумилева... Наиболее важные из них... не только прорвали монополию официальной науки на трактовку истории Золотой Орды, ...но и аргументировано и последовательно отвергали современные политические оценки, навязываемые прошлому. Недаром труды „последнего евразийца“, не лишённые, конечно, ошибок и концептуальных изъянов (особенно в анализе источников и теории

этногенеза), вызвали откровенную ненависть, едва прикрытую академической научностью, со стороны официальной историографии...» (История татар 2009: 31–32). Несмотря на, казалось бы, положительную оценку ошибочным в работах Гумилева объявляется именно то, что и позволило ему по-иному посмотреть на характер отношений Руси и кочевников, — оригинальная теория этногенеза и его же авторская методология исторического синтеза.

Таким образом, наш доклад будет посвящен анализу методологии научного исследования проблемы татаро-монгольского нашествия в двух аспектах:

- мировоззренческом, заключающемся в выборе одностороннего угла зрения на научную проблему и, в соответствии с этим, — одностороннем подборе фактов, искажающем результат исследования;
- полемическом, когда опровергаются не взгляды оппонента, а собственное сфальсифицированное их изложение.

Л. Н. Гумилевым была поставлена проблема влияния исходной установки ученого на весь ход и конечный результат научного исследования применительно к истории взаимоотношений Руси и кочевников. Он последовательно опровергал концепцию «извечного антагонизма» между кочевниками и земледельцами и пришел к выводу, что куда реальней антагонизм не между ними, а между исследователями их истории и культуры: «Повышенное внимание к русско-половецким отношениям породило много частных концепций... Разбор их увел бы нас из этнологии в область историографии. Но это дает повод для характеристики не славян и тюрок, а славистов и тюркологов...» (Гумилев 1989: 474). «Обе группы ученых во многом не согласны между собой, те и другие создали обширную литературу вопроса, причем номадисты внимательно изучают труды славистов, а слависты на номадистов не ссылаются» (Гумилев 1988б: 228).

Наметившийся в первые десятилетия XX в. методологический поворот в сторону более объективного рассмотрения истории восточной границы Руси (работы А. Е. Преснякова, В. А. Пархоменко, К. В. Кудряшова, А. Н. Насонова и ряда других, не говоря уже о евразийцах), которой бы мог примирить «славистов» и «номадистов», оказался вскоре вне магистральной линии развития историографии. Немало места кочевникам отвел в своей капитальной «Історії

України-Руси» М. С. Грушевский, но общая националистическая направленность авторской концепции помешала плодотворному использованию многих частных находок его труда. Все это в послевоенный период сменилось догматизмом работ Б. А. Рыбакова, И. Б. Грекова, В. В. Каргалова, А. Г. Кузьмина, В. Л. Егорова, фактически вернувшихся к концепции борьбы «леса» и «степи» в ее традиционной для середины XIX в. форме. Также интересна обратная эволюция взглядов А. Н. Сахарова, ранние монографии которого о дипломатии Руси демонстрировали всесторонний подход к анализу источников и литературы, в том числе востоковедной, тогда как в последних своих обобщающих работах этот автор утверждает, например, о 600-тысячном войске Батыя, превосходя тем самым даже «оценки» средневековых хронистов.

Не меньший архаизм взглядов характерен для вышедшей уже в 2000-е годы книги украинского академика П. П. Толочко. Ее методологический уровень определяется уже первыми строками введения, где автор, сославшись на Блока и Пушкина, утверждает: «Несмотря на попытки ряда историков [имеется в виду Л. Н. Гумилев — А. С., А. Б.] изменить это хрестоматийное представление о характере нашествия монголо-татар..., реальная жизнь, отраженная в ... источниках, подтверждает правоту гениальных поэтов. Более того, сказанное ими справедливо и по отношению к предшествующим периодам...» (Толочко 2003: 5). Таким образом, определив основным своим источником вдохновение поэтов, автор, несомненно «славист», в дальнейшем не стремится соотносить приводимые им сведения о кочевниках с последними работами «номадистов». Так, автор разделяет давно устаревшее мнение Ю. Клапрота о родстве авар и гуннов (Толочко 2003: 13), вполне возможно, на том основании, что последний был современником Пушкина.

Место Л. Н. Гумилева в этом споре, конечно, на стороне номадистов. Однако не в споре дело, а в том, как подходить к пониманию государственных, культурных, этнических корней России. По сути, большинство историков России являлись западниками даже тогда, когда клеймили буржуазную дореволюционную и современную им западную науку. По мнению же Гумилева, Русь и Россия ни в какой период своей истории не могли быть определены как европейское национальное государство.

Востоковедами и археологами (В. В. Бартольд, М. И. Ростовцев, М. И. Артамонов, С. П. Толстов, В. А. Гордлевский, А. Ю. Якубовский) в период становления Л. Н. Гумилева как ученого (до конца 1940-х гг.) было убедительно доказано наличие у Руси восточных корней, что практически не учитывалось в последующий период (а Д. С. Лихачев вовсе отрицал восточное влияние на Русь). Поэтому нельзя утверждать, что Гумилев открыл принципиально новое направление в историографии, — скорее он развивал начатое своими учителями и ближайшими предшественниками.

Непосредственно Руси Гумилев посвятил немало исследований. Уже первый его заход на эту почву вызвал бурный протест славистов. Опираясь на ряд фактов, Гумилев определил время создания «Слова о полку Игореве» 1249–1252 гг., а в содержании произведения находил следы завуалированной полемики его автора с несторианством — еретическим течением в восточном христианстве, распространенном и среди монголов. Соответственно, жанр «Слова...», которое Гумилев сопоставил с написанной в те же годы «Тайной историей монголов», был определен им как политический памфлет против союза с монголами.

Именно эта интерпретация «Слова...», как и концепция русско-татарских отношений в целом, вызвала жесткую реакцию Б. А. Рыбакова, которая после непродолжительной дискуссии (Рыбаков 1971; Гумилев 1971; 1972; 1973; Дмитриев 1972; Белявский 1973) надолго закрыла для Л. Н. Гумилева саму возможность публиковать что бы то ни было. По свидетельству Р. Б. Рыбакова его отец в конце жизни жалел, что занял излишне жесткую позицию в отношении Гумилева (Рыбаков 2008: 547).

«Особый» взгляд Л. Н. Гумилева на взаимоотношения Руси и Орды, пожалуй, известен наравне с его теорией этногенеза и вызывает не меньше споров. Гумилев отрицал татаро-монгольское иго в традиционном его понимании и не считал XIII–XV вв. эпохой безвременья и порабощения русского народа. В его концепции русско-ордынских отношений необходимо выделить следующие важные положения:

Во-первых, Гумилев обоснованно опроверг извечные суждения о несметных «батыевых полчищах». По его оценке, армия Батыя составляла не более 30–40 тысяч человек, что обосновывается

объективными демографическими данными. Во-вторых, Гумилев считал, что соседство с Золотой Ордой уберегло Русь от натиска как с Запада, так и с Востока. Русь сохранила свою самобытность, на которую монголы не покушались. В-третьих, Гумилев рассматривал историю русско-татарских отношений отнюдь не как сплошную череду благостных событий, а делил ее на два непохожих периода. Первый (40-е гг. XIII — первое десятилетие XIV в.) — он назвал «симбиозом», когда сожителство на Восточноевропейской равнине было выгодно и русским, и татарам. Второй (XIV–XV вв.) — собственно «ига», наступившее после объявления ислама при хане Узбеке государственной религией Золотой Орды и последовавшего за этим раскола в среде монгольской аристократии, что также сказалось на отношениях с Русью. Поворотным моментом Гумилев считал набег Тохтамыша на Москву, после которого инерция старых доброжелательных отношений между князьями и ханами была окончательно прервана. Не меньшее значение для всей истории Восточной Европы Гумилев придавал битве на Ворскле (1399), которая ослабила на время Литву и окончательно (вкупе с походами Тимура) — Золотую Орду. Именно поэтому с начала XV в. Русь выступает равной обеим силам, а стояние на Угре представляется далеко не главным эпизодом в русско-ордынских отношениях, лишь закрепившим приоритет за Москвой, но преобладание ее началось раньше. Опираясь, между прочим, на В. В. Каргалова, Гумилев считал, что сама идея «ига» возникла в русской науке лишь в XVIII в. под влиянием западноевропейской историографии (Гумилев 1988а: 198), в недрах которой сформировалась «черная легенда» о неполноценности как кочевников, так и русских.

Такова в общих чертах концепция русско-татарских отношений Л. Н. Гумилева. Полностью маргинальной ее назвать нельзя. Некоторые оппоненты, не упоминая имени Гумилева, тем не менее, высказывают чрезвычайно схожие мысли. Например, критично относящийся к Гумилеву современный исследователь Золотой Орды Р. Ю. Почекаев фактически поддержал его периодизацию ига: «Ко времени правления Узбека я бы отнес установление ига с наибольшим основанием» (Почекаев 2010). Надо сказать, что и другие выводы Р. Ю. Почекаева во многом созвучны гумилевским (о причинах внезапного завершения западного похода Батыя, о роли Батыя

в возведении Мункэ на престол Великого хана) (Почекаев 2007: 13–14), хотя ссылки на его работы при этом отсутствуют.

Уже упоминавшийся А. Н. Сахаров в кратком обзоре внешней политики Руси до XV в. освещает в положительном тоне встречу Александра Невского и Батые, говоря, что «оба властелина, видимо, понравились друг другу», между ними установилось взаимопонимание, и, в итоге, оба «извлекли из этого союза в тогдашних политических реалиях лишь пользу — для русских земель, и для Орды» (История внешней политики 1999: 94). Пожалуй, мнение А. Н. Сахарова мало отличается от концепции симбиоза на первом этапе русско-татарских отношений. Общий взгляд Гумилева на преувеличенность проблемы «ига» разделяет В. В. Трепавлов (Трепавлов 2010: 5–11).

Особую роль в установлении союза Руси с Ордой Гумилев отводил Александру Невскому, который умело маневрировал в сложнейшей и тяжелейшей международной обстановке середины XIII в. Оппоненты часто упрекали Гумилева в чрезмерном возвеличивании князя Александра Ярославича и в том, что он преувеличивал немецкую угрозу (некоторым подчинение католической Европе даже казалось благом!) и неверно трактовал отношения с Литвой. Например, смерть Александра и Миндовга в один и тот же год (1263) Гумилев был склонен относить к проискам агентов Ливонского ордена (Гумилев 1989: 540; 1992: 121). По этому поводу в различных интернет-форумах можно встретить указания на поверхностность знаний Гумилева истории Литвы. В частности указывается, что союз Александра и Миндовга был изначально эфемерным, а убийца Миндовга «Тренёта — как раз тот человек, который убедил Миндаугаса прервать союз с немцами и начать против них военные действия» (Medieval Lithuania 2005). Такие возражения были бы уместны, если бы не два обстоятельства: 1) Гумилев анализировал международные отношения той эпохи панорамно, и в данном аспекте не так важно, кто убил Миндовга и Александра (если Александр был на самом деле убит). Гумилев отмечал, кому это оказалось выгодно, если бы даже обе смерти совпали случайно; 2) критикам Гумилева часто недостает общей эрудиции, иначе бы они просто не нашли предмета для критики. Дело в том, что Гумилев не первым связал смерть обоих политических деятелей.

В популярном изложении истории России XIII–XV вв. И. Б. Грекова и Ф. Ф. Шахмагонова также отмечается сближение между Александром и Миндовгом в начале 1260-х гг., по мнению авторов: «... такой ход событий, видимо, напугал ордынскую дипломатию. Вероятно, не без ее участия в 1263 году в княжеской междоусобице был убит Миндовг, а князь Александр тогда же был вызван в Орду и на обратном пути умер при загадочных обстоятельствах. Молва приписывала его смерть ордынской отраве. <...> Орде выгодна была смерть Александра Невского, и он умер» (Греков, Шахмагонов 1988: 96–97). Из этого следует, что Гумилев оперировал теми же фактами, что и И. Б. Греков, но давал им иную трактовку.

Историк тем и отличается от средневекового хрониста, что дает научное, а не чувственное описание эпохи. Более того, это абсолютное право и обязанность историка искать логику событий, которая, естественно, не видна современникам и потому не фиксируется в летописях. По мнению Гумилева, если современный ученый во всем следует букве источника, он невольно снижает свой уровень исторического видения до античных или средневековых представлений (Историческая наука 1969: 323). Следует сказать, что и лучшие представители историографии XIX в. занимались совсем не только копированием источников и сведением их воедино. Совпадение смертей Александра, Миндовга и Даниила Галицкого отметил еще С. М. Соловьев, писавший, что почти в одно время Восточная Европа лишилась троих знаменитейших своих владетелей. У Соловьева же читаем: «Не трудно заметить сходство в деятельности обоих князей русских — Невского и короля Даниила: оба прославились воинскими подвигами на западе и оба должны были поникнуть пред монголами, причем неудача предприятий Данииловых служит самым лучшим объяснением постоянной покорности Александровой и выставляет с выгодной стороны проницательность и осторожность внука Всеволода III...» (Соловьев 1988: 183). О том же, только лаконичнее, писал Гумилев: «Напрашивается вывод, что Даниил и Александр стоят друг друга. Один обожал немцев, другой — татар» (Гумилев 1989: 534).

Ряд историков строит критику концепции Гумилева на том основании, что он считал Александра Невского побратимом сына Батыя Сартака. Прямого подтверждения в источниках данный

факт не находит, хотя о встрече Александра и Сартака и ее благоприятном результате известно. Фантазией или вымыслом Гумилева это предположение называли многие авторитетные историки: В. А. Кучкин (Кучкин 1991: 7), В. Л. Егоров (Егоров 1997: 52), А. А. Горский (Горский 2001: 72; 2004: 205), И. Н. Данилевский (Данилевский 2001: 339). С другой стороны, ажиотаж вокруг самого утверждения Гумилева возник почти два десятилетия спустя после появления его в книге (Гумилев, 1970: 155, 201, 342, 393) и лишь благодаря нескольким интервью, данным автором, а до того данный факт особой реакции не вызывал. Так, в рецензии на «Поиски вымышленного царства» Н. Ц. Мункуев, авторитетный востоковед, писал: «Сын основателя Золотой Орды Бату-хана (Батия) Сартак, как свидетельствуют армянские источники, был крещен по несторианскому обряду и являлся побратимом (анда) Александра Невского» (Мункуев 1972: 186). Не обратил внимания на данный факт в своей разгромной рецензии и Б. А. Рыбаков. В настоящее время мнение Гумилева о побратимстве прямо поддерживают Ю. В. Кривошеев и Р. А. Соколов (Кривошеев 1999: 240; Кривошеев, Соколов 2009: 139–141). Крупнейший специалист по источникам, связанным с Александром Невским, и вообще его биографии Ю. К. Бегунов также в недавнее время далеко не категорично отметил: «Что же касается питья кумыса с каплями крови кунаков — то мы не знаем, было это или не было. Это уже легенда, повторяемая многими историками...» (Бегунов 2009: 144). А в приложенной к своей книге хронологии прямо указал: «1252, май — вторая поездка князя Александра в Орду... Побратимство с Сартаком» (Бегунов 2009: 285). Таким образом, и с этим «вымыслом» Л. Н. Гумилева все обстоит не настолько однозначно.

Однако критика концепции Гумилева не ограничивается попытками опровержения одного, пусть и важного, факта. Так, В. Л. Егоров в своем более раннем исследовании усомнился в адекватности понимания Гумилевым историко-политической обстановки середины XIII в.: «...можно привести мнение Л. Н. Гумилева о том, что Золотая Орда служила Руси прикрытием от нападений с востока... Такое утверждение основано на явном историко-географическом заблуждении, так как с востока на Русь никто и не пытался нападать: все территории, вплоть до океанского побережья, были подвластны

монголам. Зато сами они на протяжении XIII–XIV вв. неоднократно вторгались в русские пределы...» (Егоров 2010: 5). Из приведенной цитаты следует, будто, по мнению Гумилева, Золотая Орда защищала Русь от мифической восточной угрозы. Но В. Л. Егоров привел только последнее предложение большого абзаца. Если вернуть его в контекст, то смысл окажется иным. Там говорится об обстоятельствах прихода к власти хана Берке, которой не изменил политики в отношении Александра Невского и даже позволил ему организовать убийство чиновников великого хана, после чего сам прекратил отсылать деньги, собираемые на Руси, в Монголию (Гумилев 1970: 202). Таким образом, Гумилев предполагал не какую-то метафизическую угрозу с востока, а писал о совершенно конкретном событии — отделении Золотой Орды от Улуса Великого хана.

Впрочем, на данную критику В. Л. Егорова Гумилев успел ответить в своей статье «Апокрифический диалог». В ней он полемизирует с оппонентами своей концепции, объединяя их в группы: «историк», «искусствовед», «научный сотрудник», «писатель» и др. Слова В. Л. Егорова вложены в уста «палеотопонимиста». Суть ответа Гумилева сводится к тому, что вопреки мнению оппонента на восток от Руси была не единая Монгольская империя, а четыре противоборствующих улуса. Если бы Александр Невский не поддерживал хана в Сарае, то вполне возможно, на Руси бы установилось непосредственное управление из Каракорума и затем, при Хубилае, — Пекина. Затем Гумилев показал, во что выливалось китайское владычество над покоренными странами: оно предполагало даже не «иго», а истребление и частичную ассимиляцию покоренного населения. Если бы не разрыв Золотой Орды с центральной Ордой, то так бы и случилось (Гумилев 1988а: 199).

Структура «Поисков вымышленного царства» сложна, автор частую говорит об одном и том же, освещая события с разных ракурсов и в разной степени приближения. Обоснование такой необычной структуры содержится в самом начале книги, что должно помочь читателю не потеряться, следуя за авторской мыслью. Возможно, В. Л. Егоров читал книгу не до конца, иначе бы нашел более подробную характеристику событий, вызвавших у него недоумение. Зато на более подробную аргументацию обратили внимание А. Л. Хорошкевич и А. И. Плигузов. По их мнению, Л. Н. Гумилев

связывает со смертью Александра освобождение Руси от ордынской власти, что «никак не подтверждается источниками». Они пишут: «Подлинная грань в русско-ордынских отношениях — „татарская“ перепись 1257–1259 гг., когда ордынцы... ввели на Руси подворное обложение... Этот экономический контроль в соединении с политическим верховенством хана... сковал развитие княжеств и определил особое несвободное положение Руси... в составе улуса Джучи» (Хорошкевич, Плигузов 1989: 23).

Во фрагменте, на который направлена эта критика, Гумилев лишь развивает ранее высказанную мысль, причем понимать ее следует буквально: «По существу, это было освобождение Восточной Европы от монгольского ига, хотя оно совершилось под знаменем ханов, потомков старшего Чингисиды Джучи...» (Гумилев 1970: 345). Речь идет об отделении Золотой Орды от Монголии и, соответственно, об освобождении Руси от поборов в пользу великого хана, т. е. об освобождении от *монгольского* ига в прямом смысле слова. Ниже Гумилев уточняет, что это было «первое освобождение России от монголов», а значит, вопреки обвинениям в излишних симпатиях к монголам, он не считал величайшим благом зависимость Руси от Золотой Орды.

Подведем предварительный итог. Концепция русско-татарского симбиоза Л. Н. Гумилева критиковалась, как по частным вопросам, так и в целом. Разобранные примеры, однако, показывают, что проблема не столько в противоречивости концепции, сколько в сознательном нежелании критиков ее понимать вследствие изначально предвзятых установок.

И все же рассмотренная критика не выходила по большей части за рамки правил научной дискуссии. Совсем иной способ полемики избрали некоторые авторы. Так, в своем итоговом сочинении по истории России, опубликованном в качестве учебника для вузов, А. Г. Кузьмин, давний и непримиримый оппонент Гумилева, уделил немало места его критике. Уже в предисловии к учебнику недвусмысленно сказано: «А. Г. Кузьмин не только указывает на грубейшие искажения исторического материала Л. Н. Гумилевым, но и убедительно показывает деструктивный характер его позиции как в научном, так и в общественном плане» (Кузьмин 2004: 12). И видимо для большей убедительности (иного рационального

объяснения найти трудно), А. Г. Кузьмин представил критикуемые им положения работ Гумилева в совершенно *сфальсифицированном* виде. Например, он утверждает, что Гумилев «так или иначе» объединял три степных этноса: хазар, половцев и монголов. По мнению А. Г. Кузьмина, «в реальной истории» эти три этноса противостояли друг другу (Кузьмин 2004: 321). Таким образом А. Г. Кузьмин трижды исказил взгляды критикуемого автора.

Во-первых, хазар Гумилев считал оседлыми земледельцами долин Терека и Волги, тюркизированными либо при посредстве гуннов («Открытие Хазарии»), либо — тюркютов («Древняя Русь и Великая степь»), но не изменившими своего быта. Во-вторых, именно война монголов с половцами, в которой русские княжества поддерживали последних, по мнению Гумилева, была причиной нашествия Батыя на Русь. В-третьих, Гумилев нигде не объединял три указанных народа. Более того, собственное утверждение А. Г. Кузьмина, что в «реальной истории» хазары могли быть врагами монголов или половцев просто нелепо. Стоит ли напоминать, что между падением Хазарского каганата и первым упоминанием половцев в русских летописях почти 100 лет? О монголах и говорить нечего.

На таком же уровне строится и вся дальнейшая критика. А. Г. Кузьмин без ссылок (в конце каждой главы дан лишь общий список литературы) приписывает Гумилеву следующие положения: «У Л. Н. Гумилева образование „Золотой Орды“... отнесено к 1241 году. Из этого делается вывод, что Русь добровольно включилась в новое государственное образование, а татаро-монголы участвовали в защите западных рубежей Руси. Так, Л. Н. Гумилев утверждал, что конница Батыя участвовала в Ледовом побоище на Чудском озере на стороне войск Александра Невского». Опровергает А. Г. Кузьмин это так: «На самом деле, весной 1241 года состоялся поход Батыя в Венгрию и Далмацию, которые татаро-монголы покинули только летом 1242 года. И собственно государственное образование, известное под названием Золотая Орда, сложилось уже после этого времени» (Кузьмин 2004: 344). А вот, что в действительности писал Гумилев: «К 1242 г. Великий западный поход был окончен: войска Батыя вышли к Адриатическому морю. <...> С окончанием похода Батый ушел на Волгу, где и основал свою ставку — Сарай» (Гумилев 1992: 108–109). Кроме того,

в хронологической таблице книги «Древняя Русь и Великая степь» под 1243 г. указано «образование на Волге Золотой Орды». Совершенно очевидно, что взгляды обоих историков не только не противоречат друг другу, но и вовсе идентичны.

Утверждение об участии конницы Батые в Ледовом побоище не стоило бы вообще комментировать. Такое не пропустили бы в издательствах «Наука» и «Мысль», где вышли основные книги Гумилева. Во всех упоминаниях Ледового побоища в работах Гумилева говорится, что Александр привел с собой «низовое» войско (дружины из Суздальской земли) и не более того. Зато в книге И. Б. Грекова и Ф. Ф. Шахмагонова можно найти нечто похожее на вменяемое в вину Гумилеву. Авторы, некритично принявшие свидетельство Новгородской IV летописи, в которой под 1242 г. сказано о поездке Александра к Батю, утверждают, что тот и вправду накануне Ледового побоища посетил Орду и заручился поддержкой ее правителя (Греков, Шахмагонов 1988: 77–78).

Однако если учесть дату побоища — 5 апреля 1242 г., когда Батый достоверно был в Болгарии (Бартольд 1968: 497), и утверждение самих авторов, что в Орду Александр отправился до освобождения Пскова от рыцарей (декабрь 1241), то ему пришлось бы ехать в Венгрию, где тогда находилась «орда». Это, конечно, невероятно. Таким образом, А. Г. Кузьмин ошибся с адресатом (адресатами) своей критики.

Далее А. Г. Кузьмин приводит (снова без прямой ссылки) цитату из Гумилева, согласно которой Михаил Черниговский присутствовал на Лионском соборе, где пытался создать антимонольскую коалицию (за что и был казнен Батыем), тогда как на самом деле в Лион ездил его посол — игумен Петр Акерович (Кузьмин 2004: 345). Теперь приведем *настоящую* цитату из работы Гумилева: «Михаил Всеволодович Черниговский, ...владея очень короткое время Киевом, поставил митрополитом своего человека — игумена Петра Акеровича. ...а Петр Акерович по повелению своего князя отправился в Лион просить у папы Иннокентия IV помощи против татар» (Гумилев 1989: 527). Единственное, откуда А. Г. Кузьмин мог почерпнуть нечто похожее на мнение о личном присутствии Михаила на соборе — хронологическая таблица из «Поисков вымышленного царства», где под 1245 г. указано: «Михаил Черниговский просил на Лионском соборе

помощи против монголов». Но ведь это таблица, куда все уместить невозможно, а просить можно и через посла, что и следует из основного текста этой же книги: «Михаил Черниговский посылал посла на Лионский собор 1245 г. просить помощи против татар, и это объясняет его опалу и казнь» (Гумилев, 1970: 336 (прим. 59)). Значит, А. Г. Кузьмин снова пошел на сознательный подлог, надеясь, что никто не стал бы проверять точность его цитат из работ Гумилева. Таким образом, методы А. Г. Кузьмина показывают несостоятельность лишь его собственной критики.

В связи с эпизодом о деятельности Михаила Черниговского перейдем к последнему в нашем обзоре критику концепции Гумилева — И. Н. Данилевскому. По его мнению, Гумилевым «приводится совершенно фантастическое сообщение о причинах гибели черниговского князя Михаила», отказавшегося пройти между двух костров перед встречей с Батыем, т. к. это могло каким-то образом раскрыть факт тайных переговоров от его имени в Лионе (Данилевский 2001: 339). И. Н. Данилевский не спорит с тем, что Михаил отправлял Петра Акеровича на Лионский собор, но заключает: «Однако к прохождению Михаила между кострами в ставке Батые это никакого отношения не имело. Источники, упоминающие этот обряд, в один голос утверждают, что он имел просто очистительный смысл» (Данилевский 2001: 340). После целого ряда ссылок из Библии и других источников Данилевский приводит свидетельство Плано Карпини, который «утверждает, что между кострами тот все-таки прошел... Полагаю, в этом случае оснований доверять очевидцу гораздо больше, нежели непонятно на чем основанному мнению современного нам историка [Л. Н. Гумилева — А. С., А. Б.], пренебрегающего „мелочеведением“» (Данилевский 2001: 341).

Нам кажется, что здесь «мелочеведение» подвело не Гумилева, а снова — его критика. Начнем с того, что Карпини не был очевидцем гибели Михаила Черниговского (дата известна — 20 сентября 1246 г.). Половину лета и всю осень 1246 г. Плано Карпини провел в Монголии, в ставке великого хана Гуюка (Хенниг 1962: 45–46). Затем в «Очерках по истории СССР», на которые ссылается И. Н. Данилевский, говорится не только о поездке Петра Акеровича в Лион, как это явствует из приводимой им цитаты, но и кое-что еще: «Непосредственные происки папской курии на Руси не

дали результатов. Князя Ярослав Всеволодович и Михаил Всеволодович были вскоре убиты в Орде» (Очерки 1953: 866–867). Значит, не только по мнению Гумилева, но и в официальной советской историографии связывались поездка посла Михаила на собор в Лион и убийство самого Михаила в Орде. Еще показательнее мнение А. Н. Насонова, который писал: «Историки обычно объясняли смерть Михаила отказом выполнить языческий обряд. Причины его гибели лежали глубже, чем принято думать. Документы дают возможность вскрыть исторически сложившиеся отношения, которые привели Михаила к смерти. Отказ пройти через огонь мог только послужить предлогом для казни» (Насонов 1940: 27). Это мнение известного историка мало отличается от признанного «фантастическим» мнения Гумилева.

Но вернемся к И. Н. Данилевскому. Он посвятил разбору и критике идей Гумилева отдельную статью. Методы, как только что показано, он использует те же, а вот риторика куда более яркая и менее однозначная, чем у А. Г. Кузьмина. У читателя должно создаться двойственное впечатление: кажется, автор относится сочувственно к Гумилеву, где-то признает его неординарность, но по большей части его критикует.

Так, одну из заслуг Гумилева И. Н. Данилевский видит в просвещении школьников по истории Великой степи, т. е. довольно невысоко оценивает его главные академические монографии. Безусловно, пренебрежение к объекту критики только этим не ограничивается. Например, неверно указаны даты жизни Гумилева — «1912–1993», хотя год смерти «1992». На той же странице И. Н. Данилевский пишет: «...в последние годы на читателей обрушилась просто-таки лавина монографий Л. Н. Гумилева» (Данилевский 2001: 337), — добавляя в примечании: «...перечислить их все просто невозможно, назову лишь наиболее популярные: Хунны (1960); Открытие Хазарии (1966); Древние тюрки (М., 1967); В поисках вымышленного царства (1970); Хунны в Китае (1974); Этногенез и биосфера Земли (Л., 1989); Древняя Русь и Великая степь (1992); От Руси к России (1992); Ритмы Евразии (1993); Черная легенда (1994); Сочинения Л. Н. Гумилева в 15 томах и др.» (Данилевский 2001: 379).

Из приведенного списка следует, что для И. Н. Данилевского, книга которого вышла в 2001 г., «последними годами» являются

предшествующие ее выходу 40 лет?! Также довольно странно встретить непонимание того, что одна и та же книга, изданная дважды, остается самой собой. По И. Н. Данилевскому выходит, что два издания *одной* книги равны двум *разным* книгам. Иначе не понятно, что имелось в виду под «лавиной монографий». За свою жизнь Л. Н. Гумилев написал 10 монографий, и все они практически перечислены. Упомянутые «сочинения Л. Н. Гумилева в 15 томах» (ряд монографий Гумилева разделен в этой серии на 2 тома) — это не какие-то другие его произведения, а ровно те же самые из первой части списка. Все же для лавины этого маловато.

Анализ всех пунктов критики Данилевского занял бы слишком много места, поэтому остановимся на интересном и показательном ее фрагменте — критике расчетов Гумилевым численности войск Батыя во время нашествия. И. Н. Данилевский пишет: «...вряд ли можно полностью игнорировать данные источников, касающиеся численности врага. Крайностью такого рода представляется точка зрения, высказанная Л. Н. Гумилевым. Он полагал, что численность всех монгольских войск в начале XIII в. не превышала 110 тыс. человек, из которых не более 4% составляло войско Батыя» (Данилевский 2001: 144). Данилевский приводит в подтверждение обширную цитату, составленную из *разных* работ Гумилева, после чего заключает: «Итак, Л. Н. Гумилев пытается уверить своих читателей, что 4-тысячный отряд Батыя покорил 6-миллионную Восточную Европу, а после пятилетнего грабежа Волжской Булгарии, Руси и половецких кочевий наголову разбил объединенные польско-немецко-моравские войска... <...> Конечно, представить себе столь фантастическую картину просто невозможно» (Данилевский 2001: 145).

Мысль Гумилева И. Н. Данилевский не искажил, но его собственная интерпретация, казалось бы, верной цитаты — не более чем искусная подтасовка. И. Н. Данилевский указывает, что, по Гумилеву, монгольская армия составляла 110 тысяч человек и тут же в цитате из Гумилева приводится 130 тысяч. Однако в книге, откуда цитата взята, ни до, ни после нее не говорится о 110 тысячах войска. Только в другой работе Гумилева несколько раз названа эта цифра, но в совершенно ином контексте: «Общее число армии в 1206 г. составляло 110 тыс. человек...» (Гумилев, 1970: 199). Такое количество

войск было у Чингисхана за 30 лет до Западного похода! Понятно, за эти 30 лет численность монгольской армии увеличилась. Но возможно И. Н. Данилевский взял цифру 110 тысяч из известного интервью Гумилева «Меня называют евразийцем». Сказано там, однако, о 110 тысячах *русских* воинов, а численность войска монголов приводится та же — 130 тыс., вообще, и 30 тыс. в армии Батыя (Гумилев 1991: 134). Напомним, последняя цифра получена Гумилевым путем собственных расчетов возможности прокорма конного войска в течение длительного похода по степям.

Но где же в анализе Гумилева говорится о 4 тысячах войск Батыя? Такое место имеется. И. Н. Данилевский правильно приводит сведения из его книги, что у Гуюка было в распоряжении 130 тыс. войска, а Батыю досталось всего 4 тыс. (Гумилев 1989: 529). При этом он замечает, что Гумилев делает такое уточнение «чуть ниже». На самом деле это «чуть ниже» находится через 10 страниц! По-видимому, И. Н. Данилевский рассчитывает на невнимательность своего читателя, независимо от его квалификации. Дело в том, что Русь была покорена при хане Угэдэе, который умер в декабре 1241 г., и именно это стало главной причиной возвращения Батыя обратно в степи после того, как он узнал о смерти хана. Новый хан был избран только через 5 лет (1246). Им стал сын Угэдэя — Гуюк, который поссорился с Батыем во время того похода и был выслан обратно в Монголию. Отсюда следует, что Гуюк, став великим ханом, получил основную часть армии (130 тыс. чел.). У Батыя осталось войска столько, сколько полагалось при разделе общей монгольской армии Чингисханом еще его отцу — те самые 4 тыс. всадников. Но произошло все это только через 10 лет после начала Западного похода. Ни из текстов Гумилева, ни из искусно склеенной И. Н. Данилевским цитаты, вывода, что Батый пришел на Русь с 4 тыс. войска, сделать невозможно. В который раз мы убеждаемся, что текст Гумилева ясен. Для его опровержения И. Н. Данилевскому, как и другим рассмотренным критикам, пришлось прибегнуть к фальсификации. Во всех случаях правильно цитируя Гумилева, И. Н. Данилевский делал из цитат противоположные их смыслу выводы.

В книге И. Б. Грекова и Ф. Ф. Шахмагонова фактически воспроизводится расчет Гумилева (при этом его имя ни разу не упомянуто).

Заметим, что в их пересказе данная трактовка не вызвала возражений у И. Н. Данилевского или других историков-славистов. Авторы указывают: «Каждый монгольский воин должен был иметь не менее трех заводных лошадей... Передвижение войска в 300 тысяч воинов с миллионом голов лошадей, с повозками для оружия, с юртами и стадами для продовольствия войска создавало немало проблем» (Греков, Шахмагонов 1988: 45). В другом месте они возвращаются к этой теме и делают вывод: «Миллион лошадей в зимних условиях на землях Северо-Восточной Руси прокормить было невозможно, и полмиллиона — невозможно, нечем прокормить и триста тысяч лошадей. <...> Исходя из соображений географического, демографического и военного характера, можно предположить, что Батый привел на Русь от 30 до 40 тысяч всадников» (Греков, Шахмагонов 1988: 61–62). Здесь важно то, что обратное заимствование исключается, так как книга Гумилева с подобным расчетом вышла на 16 лет раньше первого издания их книги (Гумилев 1970: 329). Возможен еще и иной вариант заимствования. Источником расчетов И. Б. Грекова и Ф. Ф. Шахмагонова мог стать роман В. Чивилихина «Память», представлявший согласованный удар ряда славистов (среди консультантов автора был В. В. Каргалов) по концепции Гумилева. В романе беззастенчиво заимствовались одни положения работ Гумилева и с их помощью «опровергались» другие. В том числе там присутствует схожий расчет количества войск Батыя. Однако не так важно, каким путем попала цифра в 30 тыс. воинов в книгу И. Б. Грекова и Ф. Ф. Шахмагонова. Главное, что прямыми или окольными путями, без явных упоминаний, идеи Гумилева получали признание в официальной науке.

Было бы неправильно оставить без внимания еще один прием критики И. Н. Данилевского. В самом конце статьи о Гумилеве он прибегает к некрасивому и даже оскорбительному сравнению: «...меня не покидает мысль: а как бы читатели (и почитатели) Л. Н. Гумилева... отнеслись бы к историческому трактату, в котором с аналогичных позиций оценивались бы события, скажем, Великой Отечественной войны?.. Конечно, над ответом на такой вопрос, пользуясь выражением самого Л. Н. Гумилева, „трудно и не хочется думать“. Но все-таки?» (Данилевский 2001: 345).

И это вменяется в вину фронтовику, дошедшему до Берлина, попавшему на войну, между прочим, прямиком из Норильского лагеря?! И все же, отвечая на вопрос И. Н. Данилевского, сравним несколько фактов из истории XIII и XX вв. Точно не известно количество погибших в ходе монгольского нашествия, но факт побед суздальцев и новгородцев в те же годы (1240–1242) над немцами и шведами заставляет усомниться в фатальности его последствий.

Точку зрения о преувеличенности урона причиненного монголами со ссылкой на Гумилева принял британский славист Дональд Островский, прибавив к ней свидетельства о быстром восстановлении земель в Центральной Европе, не менее пострадавших от Батыя (Ostrowski 1997: 109–110). С другой стороны, разрушения, произведенные фашистами, известны и чудовищны, а число погибших советских людей в ходе войны может быть приравнено к населению средней европейской страны. Однако уже немногим более десяти лет после окончания Второй мировой войны отношения СССР даже с ФРГ (не говоря о ГДР) были нормализованы. Никто современных немцев не называет фашистами, проведена жесткая грань между гитлеровским режимом и простым германским населением. В таком случае, закономерен вопрос: почему через 10 и более лет после нашествия Батыя отношения между Русью и Ордой не могли восприниматься современниками тех событий менее трагично, чем это рисует И. Н. Данилевский и другие слависты? Неужели все 300 лет соседства с Ордой русские люди только и вспоминали эту 4-летнюю войну?

Итак, мы на достаточном количестве примеров показали, что Гумилев ничего не придумывал и не подтасовывал, что приводимые им факты и оценки русско-ордынских отношений существовали и в дореволюционной, и советской историографии. Нова и неожиданна была только постановка вопроса. Но почему на это историк не имеет права? По каким-то непонятным причинам в этом праве критики отказывают одному лишь Гумилеву. По нашему мнению, это нечестно и несправедливо. К истории взаимоотношений Руси и Степи Гумилев подошел как русский человек, но востоковед по профессии, желающий разобраться в этой традиционной и крайне дискуссионной проблеме. Он знал и понимал Восток, для него кочевники не были «исчадьями ада», напротив

он впервые на русском языке написал их связную историю, разобрался в тонкостях их социального строя и, прежде чем взяться за проблему их взаимоотношений с Русью, выяснил истоки ритмов кочевой жизни. Именно этого не доставало его предшественникам и современникам-оппонентам, потому что сколько угодно блестящее знание русских источников при полном игнорировании другой стороны проблемы (собственно кочевников) или поверхностной эрудиции по ней не позволяло приблизиться к полноценному разрешению проблемы. К работам Гумилева просто не захотели прислушаться, во многом из-за априорного предубеждения, сформированного и постоянно подкрепляемого недобросовестной критикой его работ.

Идеи Гумилева способствуют развитию и распространению культуры диалога, формированию духа сотрудничества и понимания разных народов. *«Нельзя стремиться сделать всех людей подобными себе, нужно учиться жить с ними в согласии»* — отмечал Гумилев. Развивая свою мысль, ученый приходил к выводу: *«дружба народов — лучшее, что придумано в этом вопросе за тысячелетия»*. Таким образом, можно заключить, что Л. Н. Гумилев в своих работах предвосхитил идеи развития межкультурного и межэтнического диалога, являясь интеллектуальным провозвестником идей Диалога и Альянса цивилизаций и культур, которые стали столь востребованы в последние десятилетия. Глубоко заблуждаются критики Гумилева, пытаясь приписать ему «расизм» и «шовинизм», обнаружив в его взглядах «нацизм» и «национализм», а порой предъявляя и вовсе взаимоисключающие обвинения в «антисемитизме» и «сионизме», «русофилии» и «русофобии». Все это не более чем навешивание ярлыков, использование давно известных технологий мифологизации с целью дискредитировать идейное наследие ученого. *«Я не против критики, — неизменно подчеркивал Гумилев, — тем более, если она конструктивна. А вот дискредитация сильного всегда была уделом слабых и корыстных...»*.

На самом деле в соответствии с концепцией Л. Н. Гумилева, восприятие представителями различных этнических коллективов друг друга как равных и построенное на этом взаимоуважительное общение — являются базовым фундаментом *диалога культур*, главным залогом *взаимопонимания* между народами, осознания

духовной уникальности и признания права на этнокультурную самобытность каждого из них. Эта мысль созвучна мнению М. М. Бахтина, согласно которому диалог возможен лишь между стремящимися понять друг друга. Именно поэтому идеи Л. Н. Гумилева находят большой отклик и применение в Татарстане, Казахстане, Кыргызстане, Турции, Монголии и других странах Евразии, где его имя чтят потомки тех народов, непредвзятому изучению истории и культуры которых он посвятил свою жизнь.

В работах Гумилева было показано, что многообразие культуры народов евразийского региона и налаженное за многие века взаимопонимание — наше стратегическое достояние и главное богатство (Бондарев, Сараев 2012). Поэтому изучение и популяризация евразийства Л. Н. Гумилева способны интенсифицировать и усилить центростремительные тенденции в России и странах бывшего СССР. Идейное наследие Л. Н. Гумилева, его труды, посвященные осмыслению исторических судеб народов Евразии и других народов мира, — несут в себе дух толерантности и наполнены подлинным гуманистическим содержанием, обладая непреходящим значением. Все это свидетельствует о совершенно особой научной актуальности, международно-политической и практической значимости наследия Л. Н. Гумилева, об устремленности его идей в будущее.

Список литературы

- Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. М.: Наука, 1968. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. 758 с.
- Бегунов Ю. К. Александр Невский. М.: Яуза; Эксмо, 2009. 320 с.
- Белявский В. А. По поводу «извечного антагонизма» между земледельческим и кочевым населением Восточной Европы // Славяно-русская этнография: Сборник статей. Л.: Географическое общество СССР, 1973. С. 101–108.
- Бондарев А. В., Панченко А. Б. Евразийская идея в трудах Л. Н. Гумилева: актуальность и проблемы восприятия // Диалог цивилизаций в эпоху становления глобальной культуры / Отв. ред. Н. А. Хренов. М.: Государственный институт искусствознания, 2012. С. 294–320.

Бондарев А. В., Сараев А. С. Ритмы этнокультурной истории кочевых народов Евразийских степей в концепции Л. Н. Гумилева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Спецвыпуск к 100-летию со дня рождения Л. Н. Гумилева. 2012. С. 130–143.

Горский А. А. «Всего еси исполнена земля русская...». М.: Языки славянской культуры, 2001. 175 с.

Горский А. А. Русь: от славянского Расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. 390 с.

Греков И. Б., Шахмагонов Ф. Ф. Мир истории: Русские земли в XIII–XV вв. 2-е изд. М.: Молодая Гвардия, 1988. 334 с.

Гумилев Л. Н. Апокрифический диалог // Нева. 1988а. № 4. С. 195–201.

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989. 764 с.

Гумилев Л. Н. Меня называют евразийцем...» // Наш современник. 1991. № 1. С. 132–141.

Гумилев Л. Н. Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником? // Русская литература. 1972. № 1. С. 73–82.

Гумилев Л. Н. Нужна ли география гуманитариям // Славяно-русская этнография: Сборник статей. Л.: Географическое общество СССР, 1973. С. 92–100.

Гумилев Л. Н. От Руси до России. СПб.: Юна, 1992. 270 с.

Гумилев Л. Н. Письмо в редакцию // Известия Всесоюзного Географического общества. Т. 103. Вып. 6. 1971. С. 568–569.

Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М.: Наука, 1970. 432 с.

Гумилев Л. Н. Слависты и номадисты // Русская литература. 1988б. № 2. С. 228–235.

Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. М.: Аспект Пресс, 2001. 387 с.

Дмитриев Л. А. К спорам о датировке «Слова о полку Игореве» // Русская литература. 1972. № 1. С. 83–86.

Егоров В. Л. Александр Невский и Чингизиды // Отечественная история. 1997. № 2. С. 48–58.

Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды. Изд. 3-е., стереотип. М.: Красанд, 2010. 248 с.

Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения: [сборник] / отв. ред. М. Я. Гефтер. М.: Наука, 1969. 430 с.

История внешней политики России. Конец XV–XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны). М.: Международные отношения, 1999. 448 с.

История татар с древнейших времен: в семи томах. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). 1056 с.

Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории (2013 г.) // http://минобрнауки.рф/документы/3721/файл/2506/13.10.21-Проект_Концепции_УМК.pdf. (дата обращения 12.04.2016).

Кривошеев Ю. В. Русь и монголы: исследование по истории северо-восточной Руси XII–XIV вв. СПб. Изд-во СПбГУ, 1999. 464 с.

Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А. Александр Невский: эпоха и память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 240 с.

Кузьмин А. Г. История России с древнейших времен до 1618 г. в 2 кн. Кн. 1. М.: ВЛАДОС, 2004. 448 с.

Кучкин В. А. Русь под игом: как это было? М.: Панорама, 1991. 28 с.

Мункуев Н. Ц. [Рец. на] Л. Н. Гумилев. Поиски вымышленного царства... // Народы Азии и Африки. 1972. № 1. С. 185–189.

Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1940. 178 с.

Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв. В 2 ч. Ч. I. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 984 с.

Почекаев Р. Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М.: АСТ; СПб.: Евразия, 2007. 352 с.

[Почекаев 2010] Роман Почекаев. «Россия — Европа или Азия?» [Программа «Ночь на пятом». 5 канал. СПб., 06.05.2010] // <http://5-tv.ru/programs/broadcast/504882/> (дата обращения 12.04.2016).

Рыбаков Б. А. О преодолении самообмана (По поводу книги Л. Н. Гумилева. «Поиски вымышленного царства»...) // Вопросы истории. 1971. № 3. С. 153–159.

Рыбаков Р. Б. Сын об отце // Вестник РАН. 2008. № 6. С. 544–548.

Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. Кн. II. Т. 3–4. М.: Мысль, 1988. 765 с.

Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб.: Алетей, 2003. 159 с.

Трепавлов В.В. Золотая Орда в XIV столетии. М.: Квадрига, 2010. 72 с.

Хенниг Р. Неведомые земли: в IV т. Т. III. М.: Изд-во иностр. литературы, 1962. 470 с.

Хорошкевич А. Л., Плигузов А. И. Русь XIII столетия в книге Дж. Феннела // Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М.: Прогресс, 1989. С. 5–32.

Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. Т. 2. Г–И. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 73–75. // <http://feb-web.ru/feb/slovens/es/es2/es2-0731.htm> (дата обращения 28.02.2013).

[Medieval Lithuania 2005] // <http://forum.istorija.net/forums/thread-view.asp?tid=2093&DisplayType=flat&setcookie=1> (дата обращения 12.04.2016).

Ostrowski D. Muscovy and the Mongols: Cross-cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 329 pp.

ВКЛАД Г. А. ФЕДОРОВА-ДАВЫДОВА В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Памяти и 85-летию со дня рождения патриарха золотоордынской археологии и истории, профессора МГУ им. М. В. Ломоносова Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931–2000)

Аннотация: В настоящей статье характеризуется вклад Германа Алексеевича Федорова-Давыдова в изучение истории Золотой Орды. В частности, рассматриваются его научно-организационная деятельность — организация и руководство Поволжской археологической экспедицией, и теоретические разработки. В рамках его теоретических разработок проанализированы его взгляды по проблемам генезиса золотоордынских городов, этническим вопросам и денежным делом Золотой Орды.
Ключевые слова: Герман Алексеевич Федоров-Давыдов, Поволжская археологическая экспедиция, Золотая Орда, Нижнее Поволжье, город, татары.

Abstract: In this article, characterized by the contribution of Herman Alekseevich Fedorov-Davydov in studying the history of the Golden Horde. We consider his scientific and organizational activity and theoretical designs. In the scientific and organizational terms, the result of his activities was the organization and management of the Volga Region archaeological expedition. As part of his theoretical studies analyzed his views on the problems of the genesis of the Golden Horde towns, ethnic issues and monetary business of the Golden Horde.

Key words: Herman A. Fedorov-Davydov, Volga archaeological expedition, the Golden Horde, Lower Volga, the city, the Tatars.

Государство Золотая Орда (Улус Джучи) оставила значительный след в истории и судьбе многих народов Евразии и оказала существенное влияние на ход мировой истории. Однако освещение ее истории часто носило тенденциозный характер. В официальной

советской историографии история этого государства преподносилась как исключительно негативное явление, и фактически ставилось вето на ее изучение. Но и в этих условиях находились лазейки в запретную историю Золотой Орды — это были специализированные исследования в области нумизматики, археологии и источниковедения.

Среди историков и археологов, посвятивших себя изучению истории Золотой Орды, наиболее значительной и крупной фигурой является Герман Алексеевич Федоров-Давыдов (1931–2000) — профессор МГУ, доктор исторических наук, организатор и начальник Поволжской археологической экспедиции. 17 июля 2016 года научная общественность будет отмечать 85-летие со дня его рождения.

Важно отметить, что в последние два десятилетия интерес к истории Золотой Орды значительно возрос в связи с политическими изменениями в стране во второй половине 1980 — начале 1990-х гг., и изучение научного наследия Г. А. Федорова-Давыдова позволяет приблизить адекватное разрешение многих конкретных спорных проблем истории золотоордынского государства.

В настоящей публикации делается анализ научно-организационной деятельности и теоретических разработок Германа Алексеевича Федорова-Давыдова по исследованию генезиса золотоордынских городов Нижнего Поволжья.

В связи с этим, в данной статье мы попытались осветить и проанализировать научно-организационную деятельность Г. А. Федорова-Давыдова и возглавляемой им Поволжской археологической экспедиции по исследованию нижеволжских золотоордынских городищ.

Кроме этого, мы рассмотрели взгляды ученого по ключевым вопросам истории Золотой Орды (проблемы генезиса, упадка, культуры золотоордынских городов, этнические вопросы и денежное дело Золотой Орды).

В рамках настоящей публикации невозможно охватить детально все вопросы, которые ставились и решались Г. А. Федоровым-Давыдовым, т. к. диапазон его научных интересов был очень широким и выходил за рамки золотоордынской тематики. В связи с этим, в работе мы остановились на наиболее важных аспектах темы.

В научно-организационном плане вкладом

Г.А. Федорова-Давыдова в деле изучения истории Золотой Орды является организация (совместно с А. П. Смирновым) и руководство Поволжской археологической экспедицией.

Поволжская археологическая экспедиция была организована в рамках изучения золотоордынских городищ на Нижней Волге в 1957 г. при Институте истории материальной культуры АН СССР (ныне Институт археологии РАН). Организаторами этой экспедиции стали А. П. Смирнов и его ученик Г.А. Федоров-Давыдов. С 1959 г. начинается археологическое изучение нижневолжских золотоордынских городищ. До этого, за исключением раскопок А.В. Терещенко в XIX в. на Царевском городище, эпизодических работ Ф.В. Баллода на некоторых золотоордынских поселениях, систематического изучения Болгарского городища, а также незначительных исследований в Азове, Крыму, Мохше, в Старом Орхее и на других объектах, крупномасштабных и целенаправленных археологических исследований памятников эпохи Золотой Орды не проводилось (Смирнов, Федоров-Давыдов 1959: 129).

Поволжской археологической экспедицией в 1958–1972 гг. руководил А. П. Смирнов. Г.А. Федоров-Давыдов руководил нижневолжскими отрядами этой экспедиции, а затем в 1973–1981 гг. возглавлял ее. С 1982 г. и до начала 2000-х гг. начальником экспедиции являлся В.В. Дворниченко. Г.А. Федоров-Давыдов до 1990 г. был руководителем университетской части Поволжской археологической экспедиции, а затем вплоть до своей кончины в 2000 г. был научным консультантом экспедиции. Хронология работ нижневолжских отрядов Поволжской археологической экспедиции под руководством и консультацией Г.А. Федорова-Давыдова следующая: Царевский — 1959–1973 гг., 1997–2000 гг.; Селитренский — 1965–1994 гг.; Водянский — 1967–1974 гг.; Чернойарский — 1972–1981 гг.; Волго-Донский — 1982 г.; Косикинский — 1983–1989 гг.; Хошеутовский и Лапасский — 1991–1994 гг., 1997–2000 гг. (Дворниченко, Егоров 2001: 14–15; Дворниченко, Егоров, Яблонский 2002: 6–14; Дворниченко, Егоров, Зеленева 2002: 71–79).

В результате многолетних исследований, Г.А. Федоровым-Давыдовым и его учениками были разработаны основные направления археологического изучения золотоордынских городов. Под его руководством сложился творческий коллектив (Н. М. Булатов,

В. В. Дворниченко, В. Л. Егоров, А. Г. Мухамадиев, Ю. А. Зеленева, М. Д. Полубояринова, Э. Д. Зиливинская, Л. Т. Яблонский и др.), детально изучавший различные аспекты городской культуры, вопросы этнического состава городов Золотой Орды, их историческую географию. Материалы исследованных Поволжской археологической экспедицией золотоордынских городов полностью опубликованы в различных научных изданиях.

Итогом работ стало построение классификации золотоордынских жилищ, до этого практически неизвестных. Выявлена принадлежность жилищ представителям социальных групп золотоордынского социума (Федоров-Давыдов 1994: 74). Материалы выявленных и изученных жилищ и усадеб позволили проследить степень социальной стратификации населения, группирование в едином комплексе домов, принадлежавших представителям различных социальных слоев. Кроме жилых зданий Поволжской археологической экспедицией исследовались мечети, медресе и бани, а также система водоснабжения городов.

Было установлено, что размеры золотоордынских городских усадеб значительны и превосходят усадьбы существовавших параллельно русских средневековых городов. Г. А. Федоров-Давыдов связывает это с отсутствием в золотоордынских городах в течение долгого времени оборонительных сооружений (Федоров-Давыдов 1998а: 9). Сильная центральная власть администрации создавала такую обстановку, что города могли обойтись без фортификации. Только во второй половине XIV в., когда обострились междоусобицы, у некоторых городов Золотой Орды появились укрепления.

Исследование золотоордынских погребений дало новые данные по этнической истории и антропологии золотоордынских городов Нижнего Поволжья. По мнению Л. Т. Яблонского, во многом благодаря инициативе Г. А. Федорова-Давыдова Нижнее Поволжье в палеоантропологическом отношении стало одним из наиболее исследованных регионов России (Яблонский 2001: 29; 2009: 6–17).

Значительное внимание было уделено изучению золотоордынского ремесла. Впервые была создана классификация всех видов керамических и стеклянных изделий, архитектурного декора и другого археологического материала из культурного слоя золотоордынских городов.

* * *

В *теоретическом плане*, заслугой Г.А. Федорова-Давыдова является разработка основных направлений изучения истории Золотой Орды.

Эти направления были обозначены в специальной программной статье «Задачи археологического изучения Золотой Орды», которая была опубликована в журнале «Советская археология» в 1959 г. совместно с А. П. Смирновым. Учитывая политическую обстановку того времени (фактический запрет на изучение истории Золотой Орды), выход этой статьи, по мнению ученицы Г.А. Федорова-Давыдова А. З. Сингатуллиной, можно считать актом гражданского мужества (Сингатуллина 2003: 281–292).

Важнейшую проблему изучения Золотой Орды авторы видели в анализе социально-экономической структуры золотоордынского общества, и, исходя из этого, ими были поставлены следующие задачи:

- археологическое изучение золотоордынского города, установление времени его максимального развития и выявление причин упадка государства;
- изучение ремесленного производства — раскопки производственных центров и выяснение уровня производства и культуры Золотой Орды;
- определение корней золотоордынской культуры, влияние на ее становление покоренных территорий;
- изучение денежного дела Золотой Орды, детальная характеристика денежного обращения отдельных городов и экономических районов;
- исследование истории торговли в Золотой Орде;
- выявление роли рабского труда;
- изучение погребений средневековых кочевников;
- изучение социальной структуры и терминологии Золотой Орды (Смирнов, Федоров-Давыдов 1959: 128–134).

В дальнейшем, результаты решения этих задач легли в основу его книг и научных публикаций, а также статей и диссертаций его учеников.

* * *

Главным направлением научного творчества Г.А. Федорова-Давыдова было исследование золотоордынских городов и результатом

его деятельности стало выделение и объяснение феномена золотоордынского города — городской цивилизации, возникшей в кочевой степи.

Г.А. Федоров-Давыдов в вопросах возникновения и генезиса золотоордынских городов выделил и изучил следующие моменты:

1. Вопросы перехода кочевников к оседлости и возникновение нижневолжских золотоордынских городов.
2. Изучение различных аспектов жизни населения городов периода расцвета Золотой Орды — культуры, торговли, организации ремесла, управления и т. д.
3. Выявление причин и последствий упадка золотоордынских городов.

Г.А. Федоров-Давыдов в вопросах о причинах перехода кочевников к оседлости развивал взгляды С.И. Руденко (Руденко 1961). В дальнейшем, эти положения развивались и дополнялись в трудах и других кочевниковедов (Плетнева 1982: 9–10). Согласно этим взглядам, в равнинных степях существовали три главных формы кочевого скотоводства: таборное — с постоянными перекочевками без длительных остановок, полукочевое — с традиционными маршрутами и зимними стоянками и полукочевое, при котором бедные хозяйства ведут оседлый образ жизни, а богатые кочуют по традиционным маршрутам. Второй и третий варианты ведения кочевого скотоводства, по мнению Г.А. Федорова-Давыдова, были наиболее распространены в среде кочевников Восточной Европы X–XIV вв. Дифференциация кочевников ускоряла переход к оседлости, так как слабые хозяйства не могли кочевать и были вынуждены оседать на земле. Возникновение больших торговых городов также способствовало переходу кочевников к оседлости. Золотоордынские города в Нижнем Поволжье в значительной части были заселены половцами (Федоров-Давыдов 1966б: 198–200, 203–204).

В XIII в. степные пространства (Дешт-и-Кыпчак) и ряд оседлых областей (Хорезм, Волжская Булгария, Крым, Кавказ) со старыми центрами ремесла и культуры входят в состав нового государства — Золотой Орды. Областью, которой непосредственно распоряжался сам хан, а также в которой кочевали вассальные ему племена и роды, становится Нижнее Поволжье — «домен» Джучидского хана (Федоров-Давыдов 1994: 7).

В вопросе периодизации истории градостроительства в Золотой Орде Г.А. Федоров-Давыдов соглашался с мнением В.Л. Егорова, считавшего, что первый этап в ней соответствует восстановлению и использованию старых городов (1240-е гг.), второй — началу строительства новых городов (первая половина 1250-х гг.), третий — подъему градостроительства при Берке (вторая половина 1250-х — 1360-е гг.), четвертый — замедлению роста городов (1270-е гг. — начало XIV в.), пятый — подъему градостроительства при Узбеке и Джанибеке, шестой — затуханию и упадку городской жизни (с 1360-х до 1395 гг.) (Егоров 1985: 78; Федоров-Давыдов 1994: 16). Но при этом, Г.А. Федоров-Давыдов, подчеркивает, что дело обстояло сложнее и не одинаково в разных районах (Федоров-Давыдов 1994: 16). С этим мнением Г.А. Федорова-Давыдова соглашаются и современные исследователи (Зеленеев 2010: 115).

Первоначально, в середине XIII в., в землях, оказавшихся в составе Великой Монгольской империи, города управлялись имперской администрацией Каракорума. Улусная кочевая аристократия оставалась в стороне от управления, получала лишь долю доходов, собираемых с городского населения. Когда встал вопрос об организации власти и эксплуатации покоренных земель, вызвавший в среде Чингизидов острую борьбу, наметились две линии. Одна группа стремилась сохранить чисто кочевнический образ жизни и относилась к покоренным оседлым землям только как к объекту периодических грабительских походов. Другая группа аристократии, во главе которой стоял каан Мунке, считала необходимым дать возможность крестьянам и жителям завоеванных городов восстановить хозяйство с тем, чтобы они стали объектом постоянного налогового обложения (Федоров-Давыдов 1973: 28–29; 1994: 9). Во второй половине XIII в. аристократия Улуса Джучи больше склонялась ко второй точке зрения. Центр империи — Каракорум — со времени Мунке через свою разветвленную администрацию и откупщиков осуществлял политику покровительства оседлым землям и городам.

Реформа хана Токты в 1310–1311 гг., целью которой было упорядочение торговли и денежного дела, имела всеобщее значение для Золотой Орды. Она вызвала повсеместную замену старых монет новыми с единым и постоянным весом (Федоров-Давыдов

1960: 102–103). Золотоордынские ханы стали интересоваться городской жизнью, создавали ремесленные мастерские, вступали в компании крупнейших торговцев, организовывали свои торговые караваны. Отделившись от власти Каракорума и став полноправными правителями в своих улусах, они с поспешностью строили новые города в Нижнем Поволжье (Сарай, Бельджамен, Увек и др.), там, где раньше была кочевая степь. Города в степном поясе возникали как форпосты власти завоевателей и центры администрации. Причем города, в основном, строили на месте зимних кочевий, в зимовище, т. е. в южной части этого «домена» (Федоров-Давыдов 1973: 77–78; 1983: 216).

По мнению Г. А. Федорова-Давыдова положение и история золотоордынских городов степной зоны и старых оседлых зон были различными (Федоров-Давыдов 1994: 16).

Ранние золотоордынские города Нижнего Поволжья создавались в монгольской традиции. Возникшие в Нижнем Поволжье Сарай и Увек в XIII в. представляли собой скопление юрт и кибиток, в редком случае здесь находились стационарные жилые сооружения.

Старые города, где хозяйственная жизнь была только приостановлена завоевателями, быстро возродились и стали в первое время главными центрами торговли и ремесла в молодом государстве. В середине XIII в. г. Болгар играл роль экономического и политического центра Джучидов в Поволжье. В нем в 1240–1250-х гг. чеканились новые, собственно золотоордынские монеты, сначала с именем умершего халифа ан-Насир лид-Дина, потом — великих ханов Менгу (1251–1259) и Ариг-Бути (1259–1264) (Федоров-Давыдов 1987: 160–161, 163; 2003: 10).

Быстрый рост городов в конце XIII в. Г. А. Федоров-Давыдов связывал с временным бурным развитием рабовладельческого уклада, возрастанием доли рабского труда в общественном производстве (Федоров-Давыдов 1983: 216). Он считал, что кочевая аристократия Улуса Джучи сгоняла в Нижнее Поволжье тысячи ремесленников из Средней Азии, Руси, Кавказа, Крыма и Болгара (Федоров-Давыдов 1994: 10). Но с этим его утверждением некоторые современные исследователи не согласны. Так, по мнению Э. С. Кульпина, массовые сгоны тысяч ремесленников в начале XIV в. в исторических документах не зафиксированы (Кульпин 2008: 80).

Причины широкого строительства новых городов на пустом месте Г.А. Федоров-Давыдов связывает с тем, что у золотоордынских ханов, видимо, «было живо воспоминание того оскорбительного положения, когда они не могли распоряжаться делами завоеванных городов и вынуждены были довольствоваться только частью налогов с покоренного населения оседлых земель... Им хотелось построить новые „ханские“ города, где не надо было делить власть ни с какими баскаками или даругами от Великого каана, где они были спокойны и единовластны в своих действиях» (Федоров-Давыдов 1973: 77).

Другими факторами были благоприятные природно-географические и геополитические условия. На Нижней Волге, где строились новые города, имелись удобные для земледелия пойменные низины, заросшие лесом берега рек и обширные степи, где можно было пасти огромные стада и вольно кочевать. К тому же, расположившись здесь, золотоордынские ханы держали под своим контролем важную торговую магистраль всей Восточной Европы — Волгу (Федоров-Давыдов 1973: 78; 1994: 11).

В XIV в. при ханах Узбеке и Джанибеке золотоордынские города достигли максимального расцвета. Центрами городской жизни на Нижнем Поволжье в XIV в. были столицы «Сарай аль-Махруса» (араб. «Богохранимый дворец») и «Сарай аль-Джедид» (араб. «Новый дворец»).

Вопрос о том, где расположена столица Золотой Орды, довольно долго дискутировался и продолжает оставаться одним из спорных вопросов истории Золотой Орды. Он был осложнен другим вопросом: были ли в Золотой Орде два Сарая: Сарай Бату и Новый Сарай.

По этому вопросу, в настоящее время, существуют три точки зрения:

1. Существовало два Сарая — Старый Сарай (Селитренное городище) и Новый Сарай (Царевское городище).
2. Существовал один Сарай — на месте Селитренного городища; Царевское городище отождествляется с Гулистаном.
3. В Золотой Орде существовали два Сарая — Сарай (Красноярское городище) и Новый Сарай, или Сарай аль-Джедид (Селитренное городище).

Г.А. Федоров-Давыдов считал установленным наличие двух Сараев в Нижнем Поволжье: Сарая (Сарай аль-Махруса, Селитренное

городище) и Нового Сарая (Сарай аль-Джедид, Царевское городище). По хронологии найденных монет на этих городищах, первую столицу Золотой Орды — Сарай Г. А. Федоров-Давыдов локализовал на месте современного Селитренного городища в Астраханской области. Царевское городище в Волгоградской области представляло остатки Нового Сарая — второй столицы Золотой Орды, возникшей как город при Узбеке, куда была перенесена столица в конце царствования этого хана или при Джанибеке. Чеканка монет в Новом Сарае началась только при Джанибеке с 1339/1340 г. (Федоров-Давыдов 1973: 79).

«Перенос столицы в Новый Сарай при Джанибеке (или в конце правления Узбека) был вызван желанием Джучидов окончательно избавиться от пережитков XIII в. и иметь совершенно независимый, свой, исключительно „ханский“, „джучидский“ город» (Федоров-Давыдов 1973: 80). Современные специалисты отмечают, что не ясно, в силу каких именно причин от «пережитков XIII в.» понадобилось избавляться хану Узбеку в последние годы своего правления (Пачкалов 2007: 40–45).

Г. А. Федоров-Давыдов отмечает, что бытующее в научной литературе мнение о большой урбанизации Золотой Орды (со 110 городами) со ссылкой на работы В. Л. Егорова (Егоров 1985) является реакцией на старое представление о Золотой Орде как о стране совсем без городов, либо с небольшим их числом. Он делает замечание, что в работе В. Л. Егорова названы пункты, где встречаются золотоордынские древности вообще. Это не всегда города, реальных городов было значительно меньше (Федоров-Давыдов 1994: 41).

По мнению М. Г. Крамаровского, на сегодняшний день известно 140 идентифицированных по материалам картографии золотоордынских городов и поселений, из них в Поволжье 47 (Крамаровский 2009: 574). По мнению других исследователей, общее количество золотоордынских поселений, несомненно, больше, чем выявлено к настоящему времени (Котеньков, Котенькова: 2007: 184).

Г. А. Федоров-Давыдов рассматривает эволюцию системы городского управления. В XIV в. резко усилились центральная власть и ее аппарат. Положение городов резко отличается от того, каким оно было в XIII в., когда Джучиды не управляли оседлыми землями и городами.

В городах сидели «городские даруги» — ханские наместники. По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, главным их занятием был сбор дани. Обычно даруга был выходцем из аристократического рода, в прошлом кочевого. Более низкое городское чиновничество — это «диван-битикчи», т.е. секретари или писцы палат; «бакши» — писцы; «тамгачи» — таможенники, сборщики налога — тамги; «тартанакчи» — «весовщики», тоже таможенники или сборщики податей; «побережники» — сборщики подати с судов, пристававших к берегу; «базардэ-турханы» — блюстители порядка и надсмотрщики на базарах (Федоров-Давыдов 1994: 17).

В религиозном отношении Г.А. Федоров-Давыдов подчеркивает, что в среде кочевников в Золотой Орде в XIII–XIV вв. ислам был очень слабо распространен, но в городах исповедовался в полном объеме. Он сохранял определенную терпимость к католическому и православному населению, а также к пережиткам язычества и монгольской ясы. Веротерпимость также была характерна для Золотой Орды. В Средние века она существовала и в странах классического ислама (Федоров-Давыдов 1988: 37).

По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, определяющим во всех областях культуры, в том числе и в искусстве золотоордынских городов Нижнего Поволжья, было влияние Средней Азии.

В прикладном искусстве выделяется многокрасочная поливная керамика золотоордынских городов, подражавшая среднеазиатской и иранской керамике той эпохи. Бронзолитейщики также работали в стиле, типичном для мусульманского искусства. В ювелирном деле сложился выразительный и характерный стиль украшения с применением скани и черни.

Большие общественные здания в золотоордынских городах были покрыты полихромной майоликой. Под влиянием декоративного искусства Хорезма здесь выработался яркий стиль архитектурной мозаики. Исследователь полагает, что этот стиль развивался под влиянием азербайджанского зодчества. Таким образом, монументальная архитектура городов Золотой Орды — ее декоративные формы — развивалась в соответствии с общим направлением мусульманской культовой архитектуры Средней Азии и Азербайджана (Федоров-Давыдов 1974: 402; 1976: 114–188).

Высокая культура золотоордынских городов являлась сплавом традиций мастеров-ремесленников различных стран, оказавшихся

в составе Золотой Орды. На этой культуре сказалось мощное влияние иранской и закавказской культур, а также традиции ремесла Крыма, Волжской Болгарии. В некоторых областях этот сплав достиг уровня синтеза новой культуры — прежде всего, в художественной керамике, а в других областях в значительной степени являлся механическим соединением разнородных традиций (Федоров-Давыдов 1976: 114–188; 1997: 101–103). Согласно современным представлениям, внутри Золотой Орды в ходе развития городов, торговли формируется новая имперская надэтническая культура, которая явилась, по сути, культурой татарской этносоциальной общности, с выделением локально-региональных и социальных субкультур (Измайлов 2009: 62).

Г. А. Федоров-Давыдов особо выделяет роль торговли в жизни Золотой Орды. Золотоордынские города были важнейшими центрами международной торговли и местами оживленного внутреннего торгога. Торговле покровительствовали ханы и аристократия, которые извлекали большие доходы из торговых оборотов. Купцам ханы выдавали в некоторых случаях специальные грамоты, знаки, предоставляющие им привилегии и безопасность. Купцы в ряде случаев ссужали ханов деньгами. Хань не только поощряли торговлю, но и обеспечивали почтовую связь и безопасность дорог (Федоров-Давыдов 1998б: 38).

Золотая Орда была великой торговой державой Средневековья, и торговля велась, главным образом, в городах и через города. Первые трансконтинентальные путешествия связали Средиземноморье с Центральной Азией и Китаем. Золотая Орда пролегла между миром европейских государств Запада, славянским миром, Средней Азией и дальневосточными странами. Связующим оказался тюрко-монгольский этнос. Диалог Запада и Востока получил в XIII–XIV вв. новый мощный импульс (Федоров-Давыдов 1998б: 54; 2001: 224).

Во второй половине XIV в. начался упадок золотоордынских городов. В западной части Орды (Ак Орде), по мнению Г. А. Федорова-Давыдова, развитие феодализма во второй половине XIV в. привело к укреплению наследственных форм держания тарханов. Расширение практики их выдачи привело не только к укреплению экономической и военной мощи крупных феодалов, в первую

очередь улусбеков, но и к усилению их желания получить доступ к рычагам центральной власти, что неизбежно вело к обострению внутренних конфликтов и росту центробежных сил, в результате чего начинался упадок городской жизни (Федоров-Давыдов 1973: 124–127). Ученый на примере постепенной деградации жилищных усадеб на Селитренном городище характеризует упадок города, который в 1370-х гг. стал вполне явственным. Обе раскопанные здесь большие усадьбы погибли не позднее 70-х гг. XIV в. (Федоров-Давыдов 1997: 96). В 1360–1370-х гг. города перестали быть такими центрами, которые могут объединить государство (Федоров-Давыдов 1966а: 32).

Выросшие в условиях покровительства со стороны ханской власти, обильно снабжавшей строительство и ремесло необходимыми ресурсами, золотоордынские города, окруженные кочевой стихией, не были столь устойчивы, как среднеазиатские города или города Ирана, возникшие давно, имевшие традиционное мелкое феодальное ремесло, устойчивые связи с сельскохозяйственными оазисами, в которых они располагались.

В центральной, степной части Золотой Орды, где города были основаны почти «на пустом месте», ослабление центральной власти и быстрая смена ханов были особенно губительными. В окраинных районах Золотой Орды, где было традиционное сельскохозяйственное и городское население, города оказались более устойчивыми. Города и городская культура в целом пережили конец XIV в. и сохранились в XV в. (Федоров-Давыдов 1973: 138). После победы среднеазиатского правителя Тимура над золотоордынским ханом Токтамышем на р. Терек, войска Тимура вышли на Волгу, устроили погром золотоордынских городов. Междоусобная борьба 1360–1370-х гг. и война 1395–1396 гг. Тимура с Токтамышем, окончившаяся поражением Токтамыша, оказались губительными для золотоордынских городов (Федоров-Давыдов 1973: 160–161).

Взгляды Г. А. Федорова-Давыдова в вопросах распада Золотой Орды соответствовали советской историографии, для которой было характерно выделение, прежде всего, социальных факторов (феодальная война). Кроме социальных факторов, на сегодняшний день выделяются природные факторы (аридизация климата, трансгрессия (повышение уровня) Каспийского моря), демографические

изменения (рост населения, который в дальнейшем способствовал социальным взрывам в результате природных кризисов) и эпидемия бубонной чумы (Измайлов, Исхаков, Трепавлов 2014: 78–79).

Еще одним фактором, способствовавшему распаду Золотой Орды стал кризис торговли.

В своих поздних трудах Г. А. Федоров-Давыдов также особо выделяет кризис торговли в качестве основных причин распада Золотой Орды: «Создание империи Тимура и Тимуридов вызвало перенос основных трасс Великого шелкового пути на юг. Они вновь прошли по старым маршрутам через Среднюю Азию, Иран и Левант. Тем самым была перекрыта важнейшая артерия поступления доходов» (Федоров-Давыдов 2001: 224).

Завершая рассмотрение генезиса города и городской жизни, исследователь заключает, что в возникших в XV в. на территории Дешт-и-Кыпчака новых государственных образованиях только в Касимовском, Крымском, Казанском, Сибирском и частично в Астраханском ханствах получила значительное развитие и продолжение оседлая земледельческо-городская экономика — один из основных укладов Золотой Орды (Федоров-Давыдов 1966а: 36).

* * *

Изучение денежного дела Золотой Орды было одним из приоритетных направлений в научном творчестве Г. А. Федорова-Давыдова.

В 1957 г. Г. А. Федоров-Давыдов успешно защитил диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук по теме: «Клады золотоордынских монет» (основные этапы денежного обращения и денежно-весовых систем в Золотой Орде в XIII–XIV вв.). Позднее эта работа была опубликована в качестве большой статьи в первом томе серии «Нумизматика и эпиграфика» (Федоров-Давыдов 1960: 94–192).

Задачи, поставленные 26-летним ученым, были новаторскими и необычайно трудными: «...составление сводки кладов золотоордынских монет, выяснение дат и времени накопления этих кладов и на этой основе установление основных периодов развития денежного обращения и особенностей состава обращения в каждый период в исторически сложившихся экономико-географических зонах» (Сингатулина 2003: 282).

Герман Алексеевич объездил десятки музеев, изучил архивы, проработал огромное количество публикаций, вплоть до мелких заметок в провинциальных газетах, просмотрел тысячи монет. В результате оказались прослеженными судьба и состав 369 кладов, начиная с 40-х годов XIX века. Для сохранившихся кладов указывались места хранения, инвентарные номера, краткие описания; для исчезнувших — максимальные сведения в литературе. Весь огромный монетный материал был сведен в таблицы по этапам денежного обращения, по городам чеканки (Федоров-Давыдов 1957: 3). Итогами трудоемкой работы стали важнейшие выводы, поставившие джучидскую нумизматику на новый уровень развития. Были:

Установлены четыре периода денежного обращения, соответствующие основным вехам истории Золотой Орды. Определены начальный — 50–60-е гг. XIII в. — и конечный периоды — XV в.

Выявлены денежные реформы (резкие смены монет в денежном обращении) ханов Токты — 1310 г., Тохтамыш — 1380 г., Шадибек — 1400 г.

Определены локальные ареалы денежного обращения в различные периоды, интенсивность чеканки. Поставлены и решены вопросы, связанные с взаимопроникновением монет Средней Азии, Северного Кавказа и Золотой Орды.

Прослежены весовые нормы чеканки, рассмотрены обрезанные монеты, имевшие хождение в бывшей Волжской Болгарии.

Поставлен вопрос о взаимоотношениях русской и джучидской монетной чеканки, подвергнута критике теория И. И. Кауфмана о татарском происхождении русской денежной системы.

В последнее десятилетие возникли несколько противоположные взгляды выводам Г. А. Федорова-Давыдова. Так, по мнению П. Н. Петрова, Я. В. Студитского и П. В. Сердюкова, отрицается возможность проведения общегосударственных денежных реформ (Петров, Студитский, Сердюков 2005: 142–147). Однако, по мнению А. Г. Сингатуллиной, при обращении к золотоордынской нумизматике целесообразно придерживаться выводов основных трудов Г. А. Федорова-Давыдова. Выводы, сделанные в его кандидатской диссертации, внесли значительный вклад в деле дальнейшего изучения истории и культуры Золотой Орды и остаются актуальными по сей день (Сингатулина 2003: 283; 2009: 295).

* * *

Г. А. Федоровым-Давыдовым также рассматривались этнические процессы, протекавшие в среде кочевников Восточной Европы. Однако, по мнению Ю. А. Зеленева, вопросы этнической истории Г. А. Федоровым-Давыдовым затрагивались попутно — уделяя большое внимание теоретическим вопросам развития археологии, Герман Алексеевич мало обращался к археологическим критериям установления этнической принадлежности археологических объектов, но, тем не менее, и в этом направлении им были получены значительные результаты (Зеленев 2001: 27).

Г. А. Федоровым-Давыдовым был поставлен вопрос о переселении в Восточную Европу монголов, об их численности в золотоордынских степях и их значении в сложении этнической карты Дешт-и-Кыпчака. Его исследования показали, что пришедшее в степи Дешт-и-Кыпчака монгольское население было сравнительно незначительным. Старое домонгольское население степей, вошедшее в состав Золотой Орды, население, главным образом состоявшее из половецких, кимакских, гузских племен, а также остатков печенежско-торческих (черноклобуцких) племен, подвергалось в течение золотоордынского периода своей истории коренным изменениям (Федоров-Давыдов 1966б: 247).

Монгольское завоевание уничтожило ту оболочку племенных делений, которая была характерна для старого кочевого общества половецкой степи, и поставило население Дешт-и-Кыпчак в рамки улусной системы — формы феодального развития общества в степи.

В связи с этим происходит резкое изменение некоторых черт культуры, например, исчезает существенный для этнографии половцев обычай — ставить каменные изваяния в честь предков.

Государство Золотой Орды было эпохой глубокого изменения как соотношения сил оседлых и кочевых зон Восточной Европы, так и внутренней социальной структуры населения степей (Федоров-Давыдов 1973: 172).

Процессы перемещения масс кочевников, стирания старых традиционных границ между этническими массивами, раздробление их по новым улусам, суюргалам и государствам — все это подготовило к XV в. трансформацию домонгольского (половецкого) населения

в «татар» на западе (Ак Орде) и «узбеков», «казахов» и «ногаев» — на востоке (Кок Орде) (Федоров-Давыдов 1973: 172–173).

По мнению Г. А. Федорова-Давыдова, этнические наименования в Дешт-и-Кыпчак были разными по своему происхождению. Наряду с древними наименованиями племен (найманы, кунграты, кыпчаки и др.), которые стали означать мелкие подразделения населения и утратили обобщающий характер, были старые племенные названия, ставшие в силу особых причин наименованиями новых объединений племен, возникших на основе государственного их объединения или объединения их в составе одного феодального владения. Таковы «татары» — этноним, которым соседние народы в XIII в. называли монгольскую правящую аристократию в Дешт-и-Кыпчак. При этом имя стало названием всех кочевников Золотой Орды. Новые объединения именовались часто также по прозвищам ханов. Таковы были «ногайцы-мангыты», названные так по прозвищу Едигея и по его племенной принадлежности (из племени Мангыт) (Федоров-Давыдов 1973: 173–174).

Механизм изменения этнонимов был следующим: когда кочевая группа входила в состав нового объединения, она получила двойное наименование: старое имя племени и имя того объединения племен, которое оно включалось. Последнее чаще было не самоназванием, а прозвищем, которое давалось соседями. Впоследствии, приходя в соприкосновение с другими народностями, такие племена в конце концов утрачивали свое старое имя и за ними утверждалось название нового объединения (Федоров-Давыдов 1973: 174).

Вопрос этногенеза татар долго и активно обсуждается в исторической литературе и был осложнен политическими тенденционными моментами. В настоящее время большинством историков в качестве основной концепции происхождения татар считается так называемая «тюрко-татарская концепция», разработанная в трудах историков Г. С. Губайдуллина, А. Н. Курата, Н. А. Баскакова, Ш. Ф. Мухамедьярова, Р. Г. Кузеева, М. А. Усманова, Р. Г. Фахрутдинова, А. Г. Мухамадиева, Н. Давлета, Д. М. Исхакова, Ю. Шамильоглу, И. Л. Измайлова и др. (Татары 2010: 574). В качестве ключевого момента этнической истории татарского этноса данная теория

рассматривает период Золотой Орды, когда на основе пришлых монголо-татарских и местных болгарских и кипчакских традиций возникли новая государственность, культура, литературный язык. В Золотой Орде, особенно в среде мусульманизированной знати, возникли новые исторические традиции и татарское этнополитическое самосознание. В процессе их формирования к середине XIII в. исчезли местные домонгольские племенные названия, произошла замена их на тюрко-монгольские (найман, кунграт, керейт, табын, катый, мангыт, оглан, джалаир, уйшун и др.). Стержнем основы культурно-исторических процессов в Золотой Орде стало формирование имперской надэтнической культуры военно-служилой знати, в которой чингисидские традиции частично сочетались с мусульманскими. Все это привело к этнокультурной консолидации золотоордынской аристократии, военно-служилого сословия, мусульманского духовенства и формированию к XIV в. новой этнополитической общности — татары (Исхаков, Измайлов 2007: 89–111; Татары 2010: 574–576).

* * *

Таким образом, в результате многолетних исследований, Г. А. Федоровым-Давыдовым, его учениками и последователями были разработаны основные направления археологического изучения истории Золотой Орды.

По мнению Г. А. Федорова-Давыдова Золотая Орда представляла симбиоз двух миров — городской цивилизации и степной стихии кочевников, со своей специфической культурой и особым строем общества. Рассматривая историю существования степных городов в контексте политического развития золотоордынского государства, исследователь показал, что расцвет городской жизни приходится на момент жесткой централизации государства и сильной ханской власти (первая половина XIV века). Как только она (ханская власть) становилась не способной поощрять и поддерживать ремесло и торговлю — городская жизнь приходила в упадок.

В целом, несмотря на дискуссионность некоторых его выводов, взгляды Г. А. Федорова-Давыдова по истории золотоордынского государства стали основополагающими и получили дальнейшее развитие.

Список литературы

Дворниченко В. В., Егоров В. Л. Г. А. Федоров-Давыдов и Поволжская археологическая экспедиция // Поволжье в средние века: тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931–2000). Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2001. С. 13–18.

Дворниченко В. В., Егоров В. Л., Зеленева Ю. А. Поволжская археологическая экспедиция: история создания, организация и основные результаты исследований. // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Памяти Г. А. Федорова-Давыдова. М., 2002 (Труды Государственного исторического музея. Вып. 135). С. 71–79.

Дворниченко В. В., Егоров В. Л., Яблонский Л. Т. Памяти Германа Алексеевича Федорова-Давыдова // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Памяти Г. А. Федорова-Давыдова. М., 2002 (Труды Государственного исторического музея. Вып. 135). С. 6–14.

Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 224 с.

Зеленева Ю. А. Г. А. Федоров-Давыдов об этнической истории Поволжья // Поволжье в средние века: тез. докл. Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931–2000). Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2001. С. 25–27.

Зеленева Ю. А. Золотоордынские города Поволжья: возникновение, время существования и этнокультурная характеристика // История и современность. 2010. № 1. С. 113–122.

Измайлов И. Л. Вещественные источники // История татар. С древнейших времен: в семи томах. Казань: Рухият, 2009. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в. С. 60–62.

Измайлов И. Л., Исхаков Д. М., Трепавлов В. В. Предпосылки и особенности дезинтеграции Улуса Джучи // История татар с древнейших времен: в семи томах. Казань: Рухият, 2014. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. С. 78–82.

Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар в VI — первой четверти XV в. Казань: Изд-во «Иман», 2000. 136 с.

Котеньков С. А., Котенькова О. Ю. Некоторые особенности возникновения золотоордынских городов в Астраханском

крае // Взаимодействие культур, народов и цивилизаций. Серия «Восток — Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии» / Под ред. А. А. Бурханова. Казань, 2007. Вып. 8. С. 180–184.

Крамаровский М. Г. Город и городская жизнь в Золотой Орде // История татар. С древнейших времен: в семи томах. Казань: Рухият, 2009. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в. С. 567–589.

Кульпин-Губайдуллин Э. С. Золотая Орда: судьбы поколений. (Серия «Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России». Под ред. Э. С. Кульпина. Вып. XXVIII). М.: «ИНСАН», 2008. 192 с.

Пачкалов А. В. Трансгрессия Каспийского моря и история Золотоордынских городов в северном Прикаспии // Взаимодействие культур, народов и цивилизаций. Серия «Восток — Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии» / Под ред. А. А. Бурханова. Казань, 2007. Вып. 8. С. 171–180.

Петров П. И., Студитский Я. В., Сердюков П. В. Проводилась ли Токтой общегосударственная реформа 710 г. х. Кубанский клад времени Узбек-хана // Труды II Международной научной конференции «Монеты и денежное обращение в Монгольских государствах XIII–XV вв.». Муром, 6–12 сентября 2003 г. М., 2005. С. 142–147.

Плетнева С. А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М: Наука, 1982. 188 с.

Руденко С. И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. // Географическое общество СССР. Материалы по этнографии СССР. Л., 1961. Вып. 1. С. 2–15.

Сингатуллина А. З. Г. А. Федоров-Давыдов как нумизмат // Г. А. Федоров-Давыдов. Денежное дело Золотой Орды. М: ПАЛЕОГРАФ, 2003. С. 281–292.

Сингатуллина А. З. Денежное обращение и финансовая система // История татар. С древнейших времен: в семи томах. Казань: Рухият, 2009. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в. С. 295–309.

Смирнов А. П., Федоров-Давыдов Г. А. Задачи археологического изучения Золотой Орды // Советская археология. 1959. № 4. С. 128–134.

Татары. // Татарская энциклопедия: в 6 т. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2010. Т. 5: Р–Т. С. 569–584.

Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело и денежное обращение Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М.: Наука, 1987. С. 158–204.

Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994. 232 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Торговля. Быт. М.: Изд-во МГУ, 2001. 256 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет (Основные периоды развития денежного обращения в Золотой Орде) // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Т. I. С. 94–192.

Федоров-Давыдов Г. А. Клады золотоордынских монет (основные этапы развития денежного обращения и денежно-весовых систем в Золотой Орде. XIII–XIV вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1957. 14 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы в X–XIV веках: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: МГУ, 1966а. 38 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966б. 275 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973. 177 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды // История искусства народов СССР. М.: Изобр. искусство, 1974. Т. III. Искусство XIV–XVII веков. С. 399–402.

Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды: Очерки истории и культуры народов евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 228 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Исторические особенности развития городов в монгольских государствах Азии в XIII–XIV вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии: Материалы Всесоюзного совещания 13–15 мая 1981 г. Алма-Ата, 1983. С. 215–220.

Федоров-Давыдов Г. А. Некоторые итоги изучения городов Золотой Орды на Нижней Волге // Татарская археология. 1997. № 1. С. 92–104.

Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки Поволжской археологической экспедицией золотоордынских городов на Нижней

Волге // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 1998а. Вып. 1. С. 3–15.

Федоров-Давыдов Г. А. Религия и верования в городах Золотой Орды // Исторический архив. М., 1988. С. 28–39.

Федоров-Давыдов Г. А. Торговля нижневолжских городов Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 1998б. Вып. 1. С. 38–59.

Яблонский Л. Т. Значение материалов Поволжской археологической экспедиции для понимания проблем этногенеза народов Поволжья. // Поволжье в Средние века: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931–2000). Н. Новгород, 2001. С. 29–32.

Яблонский Л. Т. Предисловие от редактора // Донские древности. 2009. Вып. 9. Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Мат-лы IV Международной конференции, посвященной памяти профессора МГУ Г. А. Федорова-Давыдова. 30 сентября — 3 октября 2008 года. С. 6–17.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КРЫМСКОГО ХАНСТВА В XVI ВЕКЕ В ТРУДАХ НЕМЕЦКИХ ИСТОРИКОВ¹

Аннотация: Статья посвящена освещению в немецкой историографии основных проблем внешней политики крымских ханов в XVI в.

Ключевые слова: Немецкая историография, Крымское ханство, татарские ханства, Московская Русь, Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, Османская империя. Менгли-Гирей, Мухаммед-Гирей, Сахиб-Гирей, Девлет-Гирей.

Abstract: The article is devoted to the interpretations of the German historiography of the major foreign policy issues of the Crimean khans in the 16th century.

Key words: German historiography, Crimean Khanate, Tatar Khanate, Muscovy, Grand Duchy of Lithuania, Polish-Lithuanian Commonwealth, Ottoman Empire. Mengli Giray, Muhammad Giray, Sahib Giray, Devlet Giray.

Необходимость исследования политической истории Крымского ханства в трактовках немецких исследователей продиктована объективным процессом интернационализации исторической науки. Поэтому важно ознакомить отечественных исследователей с опытом немецкой исторической школы.

Целью статьи является выявление отношения немецких историков к ключевым проблемам внешней политике Крымского ханства в XVI в., а именно:

- 1) борьбе за золотоордынское наследие в первой половине XVI в.;
- 2) реакции на аннексию татарских государств Московским царством Ивана IV Грозным;
- 3) попытке переломить ситуацию в Восточной Европе во второй половине XVI в.

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Республикой Татарстан научного проекта «Приграничные районы средневековья: место пересечения политической и этнической истории разных народов (на примере Московского государства и Казанского ханства)» № 16–11–16011.

Борьба за золотоордынское наследие в первой половине XVI в.

После того как политика Менгли-Гирея привела к гибели Золотой (Большой) Орды, союз с Москвой потерял для крымского хана всякое значение. Менгли-Гирей стал сближаться с Польшей-Литвой (Ernst 1913: 7). Хотя окончательный разрыв произошел лишь после смерти хана в 1515 г. (Rühl 1992: 76; Kusber 1998: 304).

Главная причина разрыва с Россией, по мнению Ф. Шусельки, в том, что «верх одержал природный характер татар, а именно высокомерие и желание грабежа» (Schuselka 1854: 130). Однако большая часть немецких историков видит причину этого события в другом. Крымская Орда пыталась подорвать влияние Москвы в Казанском ханстве (Spuler 1948: 59–60; Rühl 1992: 104–105; Sarkisjanz 1961: 248). Только крымский хан, имевший за спиной Османскую империю, мог вмешиваться в русские дела (Schuselka 1854: 118, 164; Rühl 1992: 52).

После разрыва союза с Крымом русские должны были вновь опасаться татаро-литовской коалиции (Rühl 1992: 76). Казаки на Украине появились именно по причине татарских набегов (Bächtold 1951: 19). Б. Шпулер пишет, что хан Мухаммад-Гирей стремился предотвратить возрастания русского влияния в Казани и Астрахани и достиг при этом значительного успеха, заняв Астрахань (Spuler 1948: 68). По мнению Э. Доннерта, эти действия хана были подчинены плану турецкого султана. На казанский трон удалось посадить сторонника турецкой партии, который формально признал в 1524 году вассальную зависимость от Турции (Donnert 1980: 285). В 1521 году крымский хан дошел до Москвы и потребовал дани (Rühl 1992: 76).

В 1521 году в результате переворота был убит Мухаммед-Гирей, после чего последовало резкое ослабление Крымского ханства (Spuler 1948: 69). Крымские татары во главе с Сахиб-Гиреем (бывшим казанским ханом) и перешедшим к ним русским боярином Семеном Бельским напали на Россию и достигли Оки (Sarkisjanz 1961: 248). Крымские ханы, несмотря на этот поход, все же не смогли предотвратить падение Казанского и Астраханского ханств (Spuler 1948: 68).

Реакция на аннексию татарских государств Московским царством Ивана IV Грозного

С аннексией Среднего Поволжья, а затем и устья Волги Московское государство стало выступать как превосходящий партнер между ордами. Наряду с политикой *divide et impera* Москва проводила планомерную политику окружения Крымского ханства. Крымский хан Девлет-Гирей I находился даже под угрозой русского вторжения в Крым. Одновременно Москва укрепляла свои позиции в Предкавказье. С 1552 г. на русскую службу стали переходить черкесы, которые иногда принимали крещение. После того как через Астрахань установилась непосредственная связь с Москвой, часть черкесов стала надеяться на избавление с помощью России от власти крымских татар. В 1557 г. кабардинские князья, согласно русской летописи, попросили о русском подданстве (Kämpfer, Stöck 1989: 895–897).

Но Иван IV сомневался в успехе. Русский царь хотел избежать столкновения с находящимися с 1475 г. на южном побережье Крыма турецкими вооруженными силами (Rühl 1992: 119).

Попытки переломить ситуацию в Восточной Европе во второй половине XVI в.

Лишь то обстоятельство, что силы Ивана IV были скованы Польшей-Литвой и Швецией, позволило укрепить крымским ханам внутреннее положение. Султан решил, что пришло время для решающего удара по России, который должен был восстановить самостоятельность захваченных татарских ханств. В союзе с Крымом султан выступил в поход в 1569 г. Соединение каналом Дона и Волги на месте максимального сближения должно было открыть путь в Каспийское море его флоту и одновременно облегчить борьбу с Персией. Однако это предприятие потерпело неудачу из-за природных катаклизмов, слабой поддержки со стороны крымского хана Девлет-Гирея I, который был недоволен тем, что на подвластной ему территории разместились турецкие вооруженные силы, а также по причине поражения турецкого флота в битве при Лепанто 7 октября 1571 г. После

этого Девлет-Гирей I, свободный от страха усиления турецкой власти, смог предпринять поход против Москвы (Spuler 1948: 68–69). Девлет-Гирей, правивший до этого в Астрахани, требовал от царя «возврата» Астрахани, а также Казани, в 1571 г. он сжег Москву и принудил Ивана Грозного к ежегодной выплате дани Крыму (Sarkisjanz 1961: 248). Однако крымские татары не вели никакой последовательной политики. Серьезная опасность для России миновала, она сохранила за собой все Поволжье (Brückner 1896: 470).

Мухаммед-Гирей II стремился к отвоеванию Казани и Астрахани и с этой целью вступил в переговоры с польским королем Стефаном Баторием. Требования султана войск для борьбы против Персии и внутренние смуты, в ходе которых в 1584 г. был убит и сам хан, не позволили союзу вступить в силу. Кроме того, частые грабительские нападения крымских татар на Украину и Польшу омрачали отношения обоих государств (Spuler 1948: 69).

Заключение

Итак, рассмотрев трактовки немецких историков, можно выделить общие мнения по ключевым вопросам внешней политики крымских ханов в XVI в. После того как политика Менгли-Гирея привела к гибели Большой Орды, союз с Москвой потерял для крымского хана всякое значение. Менгли-Гирей стал сближаться с Польшей-Литвой.

Отныне Крымское ханство при поддержке Турции пыталось подорвать влияние Москвы в Казанском ханстве.

На первоначальном этапе эта политика имела успех, на казанский трон удалось посадить своих ставленников. Но, несмотря на это, крымские ханы, все же не смогли предотвратить падение Казанского и Астраханского ханств.

С аннексией Среднего Поволжья, а затем и устья Волги Московское государство стало проводить планомерную политику окружения Крымского ханства. Крым даже находился под угрозой русского вторжения. Однако, в конце концов, Иван IV решил избежать столкновения с находящимися на южном побережье Крыма турецкими вооруженными силами.

То обстоятельство, что силы Ивана IV с 1558 г. были скованы Польшей-Литвой и Швецией, позволили сделать удар по России, который решал задачу отвоевания татарских ханств в 1569 г. Поход 1569 г. потерпел неудачу и из-за слабой поддержки со стороны крымского хана Девлет-Гирея, который опасался дальнейшего усиления Османской империи.

Поражение турецкого флота в битве при Лепанто 7 октября 1571 г. способствовало походам Девлет-Гирея на Москву с требованием «возврата» Астрахани, а также Казани. Однако крымские татары не вели никакой последовательной политики. Серьезная опасность для России миновала, она сохранила за собой все Поволжье.

Мухаммед-Гирей II стремился к отвоеванию Казани и Астрахани и с этой целью вступил в переговоры с польским королем Стефаном Баторием. Однако, частые грабительские нападения крымских татар на Украину омрачали отношения обоих государств и сделали совместные действия невозможными.

Список литературы

Bächtold R. Südwestrussland im Spätmittelalter. Territoriale, wirtschaftliche und soziale Verhältnisse. Basel: Verlag von Helbing und Hiltenhahn, 1951 (Basler Beiträge zur Geschichtswissenschaft. Bd.38). 211 S.

Brückner A. Geschichte Rußlands bis zum Ende des 18. Jahrhunderts. Gotha: F. A. Perthes, 1896. Bd. 1. Überblick der Entwicklung bis zum Tode Peters des Großen. 638 S.

Donnert E. Iwan Grosny «der Schreckliche». Berlin: Union Verlag, 1980. 285 S.

Ernst N. Die ersten Einfälle der Krymtataren in Südrussland // Zeitschrift für osteuropäische Geschichte. Berlin, 1913. S. 1–58.

Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth: C. A. Hartleben's Verlag, 1840. 683 S.

Kämpfer F., Stökl G. Russland an der Schwelle zur Neuzeit. Das Moskauer Zartum unter Ivan IV. Grosnyi // Handbuch der Geschichte Russlands / Hrsg. von M. Hellmann. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1989.

Bd.1. Hbd.2. Bis 1613. Von der Kiever Reichsbildung bis zum Moskauer Zartum. S. 854–961.

Kusber J. Um das Erbe der Goldenen Horde: das Khanat von Kazan' zwischen Moskauer Staat und Krimtataren // Zwischen Christianisierung und Europäisierung: Beiträge zur Geschichte Osteuropas in Mittelalter und früher Neuzeit. Festschrift für Peter Nitsche zum 65. Geburtstag. Stuttgart: Steiner, 1998. S.293–312.

Rühl L. Aufstieg und Niedergang des Russischen Reiches: Der Weg eines tausendjährigen Staates. Stuttgart: Deutsche Verlag Anstalt, 1992. 664 S.

Sarkissjanz E. Geschichte der orientalischen Völker Russlands bis 1917. Eine Ergänzung zur ostslawischen Geschichte Russlands. München: Oldenbourg, 1961. 422 S.

Schuselka F. Russland im Joche der Tataren, im Kampf gegen und um die Krim in Demüthigung und Übermuth gegen die Türkei. Dresden: Verlag von Robert Schaefer, 1854. 300 S.

Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland, 1223–1502. 2., erweiterte Auflage. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1965. XVIII, 638 S.

Spuler B. Geschichte der islamischen Länder, ein Überblick. Die Mongolenzeit. Berlin: Wissenschaftl. Edionsges, 1948. 76 S.

Strahl P. Geschichte des Russischen Staates. Hamburg.: F. Perthes, 1839. Bd. 2. Von dem Einbruche der Tataren in Russland bis zum Antritt der Regierung des Großfürsten Iwan III Wasiljewitsch, d. i. von 1224 bis 1505. 444 S.

АС-САФАДИ САЛАХ АД-ДИН И ЕГО ТРУДЫ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Халил ибн Айбек ибн Абдулла ал-Албаки ал-Гари Салах ад-дин Абу ас-Сафа ас-Сафади (рожденный в Сафед) ад-Димашки (живший и умерший в Дамаске) — выдающийся историк, поэт, прозаик, литературный критик и филолог. Родился в семье Изз ад-дина Айбека — одного из высокопоставленных мамлюкских эмиров города Сафед в 696 г. х. / 1297 г. н. э. Положение отца и социальная атмосфера оказали положительное влияние на будущего ученого, и позволили ему впитать с молоком матери любовь к арабскому языку и культуре, развить свои дарования, учиться у выдающихся ученых своего времени. В раннем детстве он выучил наизусть весь Коран, затем изучал филологические науки, грамматику, литературу, каллиграфию, занимался хадисоведением, имел чрезвычайно красивый почерк. Ас-Сафади учился в таких научных центрах Ближнего Востока как: Сафед, Дамаск, Каир и Алеппо.

На протяжении жизни ас-Сафади занимал различные должности административной и финансовой направленности в Сафед, Дамаске, Алеппо, ар-Рахбе и Каире. В том числе, он работал в должности личного секретаря египетского султана в городах Алеппо и ар-Рахбе. Как современники, так и поздние авторы очень тепло отзывались о ас-Сафади.

За 68 лет жизни, — а работал он вплоть до последних своих дней (ум. 10 шаввала 764 / 22 июля 1363), — ас-Сафади Салах ад-дин оставил глубокий след в науке, одарив человечество большим количеством сочинений, которые актуальны и по сей день. Ибн Хаджар сообщил со слов Ибн Са'да: «Он был одним из последних лучших капитанов (научного движения). Своей рукой он зафиксировал: „Я собственноручно написал около 500 томов (книг). Думаю, что написанное мной в государственных канцеляриях в два раза больше этого“. Работы ас-Сафади частично изданы, но также имеется большое количество не вышедших в свет рукописей, находящихся

в книгохранилищах Турции, Египта и Европы. Тематически труды ас-Сафади можно классифицировать по следующим категориям: 1) историко-биографические, 2) поэтические, 3) сочинения по литературной критике, 4) труды по филологии.

Для исследователей Золотой Орды наибольшую ценность представляют его историко-биографические сочинения, а именно «Ал-Вафи би ал-вафият ав тарих ас-Сафади» (دفعلا خيراته وأتايغولاب يفاولا) («Полный сборник некрологов выдающихся личностей или История ас-Сафади») и «'Айан ал-'аср ва 'аван ан-наسر» (صنلا ناوعا و رصعلا) («Выдающиеся личности этого века и поборники победы»). Что касается первого, то в современном издании труд Салах ад-дина представлен 29 томами, в этот сборник вошли биографии около 12 000 личностей живших в период с VII до XIV вв., населяющих разные континенты. Ас-Сафади снабдил свой труд обширным предисловием, в чем Ибн Халдун (732 г. х. / 1332–808 г. х. / 1406) походит на него. Большая ценность биографического словаря ас-Сафади заключается в том, что описывая своих героев, во многих случаях он был знаком с ними лично или собирал сведения от близких к ним людей, заслуживающих доверия. Достоинство труда ас-Сафади связанна еще и с тем, что он содержит ссылки на ранние не дошедшие или малодоступные нам источники.

Второе сочинение «'Айан ал-'аср ва 'аван ан-наسر» было написано автором на территории Египта и Сирии во второй половине XIV в., то есть в период расцвета Золотой Орды. Впервые оно было издано в 1998 г. в Бейруте, в шести томах, последний из которых — это указатели. Объем томов колеблется от 685 (Т. 4) до 736 (Т. 1) страниц, что составляет в общей сложности 3578 страниц (без указателей). В нем ас-Сафади описывает биографии личностей, живших в период самого автора, то есть с 696 г. х. / 1297 по 764 г. х. / 1363 гг.

КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ КАСИМОВСКОГО ХАНСТВА В. В. ВЕЛЬЯМИНОВА-ЗЕРНОВА

Аннотация: В статье анализируется четырехтомный труд известного российского востоковеда XIX в. В. В. Вельяминова-Зернова «Исследование о касимовских царях и царевицах» (1863–1887), посвященный истории Касимовского ханства. Пристальное внимание уделяется особенностям создания данной монографии. Проводятся сравнительно-сопоставительные параллели с работами других авторов. Выявляются научная новизна в разработке вопроса В. В. Вельяминовым-Зерновым, его вклад в отечественную историографию.

Ключевые слова: концепция истории, Касимовское ханство, Вельяминов-Зернов, историография, источники.

Abstract: The article analyses the four-volume work of the famous Russian orientalist of the 19th century V.V. Velyaminov-Zernov, „Research on Kasimov kings and princes” (1863–1887), dedicated to the history of the Kasimov khanate. Close attention is paid to the peculiarities of the creation of this monograph. Conducted comparative Parallels with the works of other authors. Reveals the scientific novelty of the question in view of V.V. Velyaminov-Zernov, his contribution to Russian historiography.

Key words: conception of history, the Kasimov khanate, Velyaminov-Zernov, historiography, sources.

Среди постзолотоордынских татарских государственных образований Средневековья особое место занимает Касимовское ханство (конец 1440-х — 1681 гг.). Причиной его особенности являлся тот факт, что ханство существовало в виде «государства внутри государства». А было ли государство в полном смысле этого понятия? Вот основной вопрос, который ставился исследователями разных поколений. Найти объективный ответ затрудняет отсутствие прямых источников.

Первое комплексное исследование по истории Касимовского ханства появилось во второй половине XIX в. в Русском археологическом обществе (Санкт-Петербург). Член-сотрудник общества, преподаватель тюркских языков Петербургского университета Хусаин Фаизханов, летом 1860 г., совершил командировку в г. Касимов, сделал снимки и копии с надписей 29 надгробных памятников, относящихся к периоду Касимовского ханства. (Известия 1861: 75). В археологическом обществе заинтересовались новой, еще неизученной темой. Продолжить дальнейшее изучение по

этому направлению взялся тюрколог, с 1861 г. ставший экстраординарным академиком Петербургской АН по части мусульманских языков и литератур, В. В. Вельяминов-Зернов (1830–1904). Он почти одновременно с Х. Фаизхановым был избран членом Русского археологического общества и назначен секретарем его Восточного отделения. Так вышла в свет фундаментальная четырехтомная монография В. В. Вельяминова-Зернова «Исследование о Касимовских царях и царевичах (1863–1887)». Она до сегодняшнего дня является настольной книгой историков, изучающих постзолотоордынские татарские государственные образования. Работа впечатляет своей масштабностью, фактически является сводом источников по средневековой истории татар, как русскоязычных, так и восточных, тюркских (Калимуллина 2014: 120).

В отечественной историографии исследователи истории Касимовского ханства по своим взглядам делятся на две условные группы. Первой точки зрения придерживаются те историки, которые считают, что Касимовское ханство было основано около 1452 г., как дарование Касиму за верную службу; по их мнению, ханство не имело своего суверенитета, являлось слугой русских великих князей при завоевании постзолотоордынских татарских ханств. Основоположником этого взгляда считают В. В. Вельяминова-Зернова. Следует отметить, что данное мнение свое зарождение получило уже с XVIII — начала XIX в. в трудах В. Татищева (Татищев 1965), М. Щербатова (Щербатов 1783), Н. Карамзина (Карамзин 1998), С. Соловьева (Соловьев 1990) и др. Дальнейшее развитие получило в работах таких историков, как М. Любавский, К. Базилевич, А. Зимин, М. Тихомиров, А. Беляков (Калимуллина 2014: 100).

Другая группа ученых придерживается того мнения, что Касимовское ханство было образовано около 1446 г. в результате договора «крестным целованием» между Василием II и Улуг-Мухаммадом после суздальского поражения Московского великого князя (Г. Губайдуллин (Гәзиз 1922), М. Худяков (Худяков 1991), Б. Греков, А. Якубовский (Греков, Якубовский 1950), М. Сафаргалиев (Сафаргалиев 1996), Д. Исхаков (Исхаков 1997) и др.)

«Исследование...» В. В. Вельяминова-Зернова привлекает внимание не только масштабностью, но и явными противоречиями во взглядах самого автора. Это обусловлено тем, что каждую

новую статью (раздел) об отдельных ханах он создавал автономно, и, не возвращаясь к прежним текстам, отдавал в печать по мере написания. Информация, которой ученый не располагал в начале исследования и которая становилась ему известной в ходе работы, включалась в раздел (статью), над которым он в тот момент трудился.

В. В. Вельяминов-Зернов впервые восстановил последовательность и время правления всех касимовских ханов, по мере возможности рассматривал их шаджара. В первой части «Исследования...» описывается история Касимовского ханства при первых восьми правителях — от Касима до Шах-Али, история возникновения города Касимова и его строений, поднимаются вопросы образования Касимовского и Казанского ханств и их дальнейшего развития, при этом Казанскому ханству уделено не меньше внимания, чем Касимовскому.

Вторая часть «Исследования...» посвящена трем касимовским правителям — Саин-Булату, Мустафе-Али и Ураз-Мухаммаду, третья — Арслану, Сеид-Бургану, Фатиме-Султан. В четвертой части речь идет о потомках последнего касимовского правителя и истории Касимова после ликвидации ханства. Ученый изложил историю города Касимова, подробно описал существующие к тому времени слободы, используя данные разрядной книги 1627 г.

В первой части «Исследования...» В. В. Вельяминов-Зернов упоминал, что он почти не располагает данными об управлении Касимовским ханством и о жизни народа. Во время подготовки третьей части монографии ученый выявил писцовые книги Касимова за 1627, 1628, 1629 гг., где имелись материалы о внутренней жизни касимовских татар и сведения о местном управлении начала XVII в. Они намного дополнили и обогатили труд, чего, скорее всего, в начале своей работы не ожидал и сам автор.

При анализе историографии Касимовского ханства отчетливо прослеживается, что одним из наиболее спорных вопросов является проблема его образования. Как отмечалось выше, основоположником одной из точек зрения в отечественной историографии считают В. В. Вельяминова-Зернова. Но взгляды, размышления ученого были восприняты однобоко, без учета всей полноты его изысканий; более того, воспринимались как неоспоримые данные.

В начале своего труда В. В. Вельяминов-Зернов писал, что «Касимовское царство основано случайно. Василий II пожаловал выезжему Казанскому царевичу Касиму в удел Мещерский городок на Оке, с целью противопоставления его опасному Казанскому хану». Говоря о заезжих татарских султанах (царевичах), он упоминал, что при «тогдашних обстоятельствах» Московские государи были «обязаны честить и содержать» их (Вельяминов-Зернов 1863: IV). То есть ученый признавал, что татарские султаны являлись на русскую службу не только в результате дальновидной политики московских князей (как думали предшествующие авторы), а исходя из своих интересов, вопреки желанию русских государей. Далее автор отметил, что московские правители нашли выход — «придумали, для своего же облегчения, раздавать им города...» (Вельяминов-Зернов 1863: IV).

В. В. Вельяминов-Зернов также подчеркнул, что образование Касимовского ханства исходило не только от Василия II, преследовавшего военные и политические цели, но и сами татарские царевичи стремились к этому: «Выезжие цари и царевичи охотились на него [Касимов. — Ф. К.]. Вдобавок, государю московскому было выгодно иметь в Касимове преданного хана» (Вельяминов-Зернов 1863: IV). Как видим, стремления Василия II отмечены второстепенной причиной. А «охоту» татарских султанов именно на Касимов он объяснял тем, что в нем проживало много татар и «других иноверцев».

При описании отношений Василия II и татарских царевичей, размышляя о причинах возникновения ханства, В. В. Вельяминов-Зернов, как бы между прочим оговаривался: «Не было ли прежде еще при жизни Улу-Мухаммеда до последнего похода его на Россию, каких либо сделок между Василием и сыновьями ханскими? Великому князю был прямой расчет привлекать в свою сторону царевичей. А быть может и то, что в словах Касима и Якуба заключался намек на пребывание Василия в плену. Не сошелся ли об эту пору Василий с Касимом и с его братом; не оказали ли они каких нибудь услуг ему, и он с своей стороны не обещал ли покровительствовать им в случае нужды?» (Вельяминов-Зернов 1863: 14). Из размышлений автора видно, что он колебался делать окончательные выводы. Он давал общепринятую уже до него в русской

исто-риографии концепцию данной проблемы, но своими размышлениями, критическим подходом впервые ставил их под сомнение. Эта была новизна автора при решении вопроса.

Более неосторожная трактовка взгляда В. В. Вельяминова-Зернова последующими исследователями наблюдается при определении ими даты основания Касимовского ханства. В работе ученого фигурирует 1452 г., но здесь имеются свои нюансы. В. В. Вельяминов-Зернов в своей монографии конкретную дату образования ханства не называл. Он писал, что сведения о Якубе и Касиме весьма скудны, и первое упоминание о Касиме, как о правителе, в имеющихся источниках приходится на 1452 г. Отсутствие информации вынудило его выделить не конкретную дату, а некоторый отрезок времени, не зря автор использовал фразы «об эту пору Касим получил городок» (Вельяминов-Зернов 1863: 27), «...получил город в определенную мною эпоху, то есть — около 1452 г.», «...не позже 1456 г., тотчас по выезде в Россию в 1446 г. едва ли, значит, около 1452 г., немного ранее или немного позже» (Вельяминов-Зернов 1863: 33). Примечательно, что периодизацию истории Касимовского ханства он начал с 1446 г. — с даты приезда татарских султанов на русские земли (Вельяминов-Зернов 1863: IV). Следует отметить, что последующие исследователи приписывали ученому высказывание конкретной даты. Если иметь в виду, что сторонники конкретной даты 1452 г. исходили из «высказываний В. В. Вельяминова-Зернова», то с установлением имеющихся нюансов данная точка зрения теряет свое обоснование. На наш взгляд, в этом случае можно говорить лишь о приблизительной дате — около 1452 г.

В. В. Вельяминов-Зернов провел параллели с другими тюрко-татарскими государственными образованиями того периода, установил общие традиции и пришел к мнению, что Касимовское ханство по структуре копировало Казанское ханство (Вельяминов-Зернов 1864: 410–447). С привлечением значительного количества источников о дани, идущей в пользу касимовских правителей от великих московских великих князей, автор впервые начал разработку проблемы (Вельяминов-Зернов 1863: 48–150). Он перечислил источники, в которых упоминалось о дани, но о природе данного явления вопрос оставил открытым.

В своем труде В. В. Вельяминов-Зернов не поднимал вопрос об определении границ Ка-симовского ханства. Рассматривая вопрос христианизации Рязанского края, он писал: «Епархия Рязанская включала в себе Царство Касимовское с соседними уездами нынешней Тамбовской губернии» (Вельяминов-Зернов 1866: 426). Соседними с Касимовым уездами Тамбовской губернии в XIX в. являлись Елатомский, Темниковский, Шацкий (Касимовский уезд 1901: 557). Если иметь в виду то, что территории Касимовского ханства и уездов Тамбовской губернии были рассмотрены автором раздельно, как соседи, то, можно предположить, что территорией ханства ученый считал лишь сам Касимов и Касимовский уезд.

В. В. Вельяминов-Зернов отмечал, что ханство находилось в Мещере, но он не указывал на полную идентичность двух понятий (Вельяминов-Зернов 1863: VIII). Опираясь на древ-нерусские летописи, автор «Исследования...» писал, что после завоевания Казанского ханства Шах-Али «даровали много сел в Мещере» (Вельяминов-Зернов 1863: 365). К тому времени он уже являлся правителем Касимовского ханства; если допустить возможность идентичности Мещеры и Касимовского ханства, то он безоговорочно владел бы всеми мещерскими землями задолго до завоевания Казани.

Говоря о государственном статусе, суверенитете Касимовского ханства, следует учитывать положение дел в разные периоды его существования. Если в начале «Исследования...» В. В. Вельяминов-Зернов писал, что уже во время обоснования ханство было полностью подвластно русским, то в последующем неоднократно приводил противоположные высказывания. В целом востоковед считал, что с 1620-х гг. Касимовское ханство, потеряв всякую самостоятельность, было лишь номи-нальным. Однако он отметил, что достоин внимания процесс ликвидации ханства, наблюдавшийся в Касимове до официального упразднения. Подчеркивал, что немало интересных моментов было и в этом промежутке времени (Вельяминов-Зернов 1866: 16), и что все же до 1681 г. Касимов официально следует считать ханством.

Размышляя о статусе касимовских правителей, В. В. Вельяминов-Зернов предполагал, что они получали город через шерстные грамоты. По отношению к великому князю, касимовские ханы и султаны, видимо, были «подчинены воинской обязанностью», — писал

ученый (Вельяминов-Зернов 1863: 42). Он проследил, что, кроме военных обязанностей, касимовские татары исполняли и мир-ные поручения: «Их наряжали жожаками к послам, ездившим в Орды, а иногда и их одних посылали туда с грамотами для переговоров» (Вельяминов-Зернов 1863: 290).

Терминология землевладений касимовских правителей в труде В. В. Вельяминова-Зернова не совсем четко проработана. В текстах русских летописей по отношению к землевладению касимовских ханов применялся термин «вотчина» (Вельяминов-Зернов 1864: 393). В. В. Вельяминов-Зернов же данные владения XV–XVI вв. считал уделами (Вельяминов-Зернов 1863: 362). Уделами назывались государственные образования на Руси XII–XVI вв. Видимо, так автор выражал свое отношение к ханству как к государственному образованию, повышая его значимость. С начала XVII в. автор уже употреблял термин «поместье» (Вельяминов-Зернов 1866: 172). Иногда оба термина у него объединялись в одно понятие — «поместные вотчины» (Вельяминов-Зернов 1887: 177). Исходя из этих высказываний, можем предположить, что Касимовское ханство до начала XVII в. он считал государственным образованием, а с начала XVII в. — лишь номинальным институтом, приравненным к остальным административным образованиям.

Исследуя социальную структуру населения Касимова, ученый установил существовавшие в Касимовском ханстве сословия, при этом провел параллели с другими тюрко-татарскими ханствами и выявил сходство (Вельяминов-Зернов 1864: 419). Нужно отметить, что и современная наука дает ту же трактовку, которую в свое время высказал В. В. Вельяминов-Зернов (Татарский энциклопедический словарь 1998: 69, 265, 409).

Ученый обратил внимание на то, что между русскими и касимовскими правителями в разные годы были неоднозначные взаимоотношения, по некоторым вопросам они доходили до союзничества. В качестве особого фактора, указывавшего на сложность отношений между сторонами, ученый отметил содержание письма Ивана IV хану Шах-Али в Касимов от 1 января 1553 г. (Вельяминов-Зернов 1863: 399–402). Сам источник автор не анализировал, ограничился предисловием о том, что в отражении взаимоотношений данное письмо является «весьма любопытным». Суть письма заключалась в следующем:

ногайский мурза Юнус, отец Сююмбике, был недоволен тем, что его дочь и внук находились в русском плену, и просил Ивана IV вернуть ее домой. Иван Грозный не имел намерения выполнить просьбу, но портить отношения с тогда еще сильной Ногайской Ордой также не хотел, поэтому просил Шах-Али, чтобы тот убедил ногайских послов в том, что Сююмбике оказывают все почести, и чтобы Шах-Али от своего имени послал грамоту в Ногайскую Орду. Далее следует намек, какого содержания должна быть грамота хана (Вельяминов-Зернов 1863: 399–402). Бросается в глаза то, что Иван IV обращался к касимовскому правителю «брат наш», причем неоднократно. Как известно, это выражение использовалось, когда равный обращается к равному, и на Руси оно практиковалось при обращении к иностранным государям (Грбавь 1958: 17). Во-вторых, в письме Иван IV неоднократно просил, чтобы Шах-Али прислал копии письма Сююмбике отцу и грамоты Шах-Али Юсуфу. На наш взгляд, этот факт напрямую опровергает выдвинутую В. В. Вельяминовым-Зерновым в начале труда версию о том, что касимовские правители уже со дня основания ханства находились под полным контролем русских, под ведением наместников и воевод. Если допустить, что в 1553 г. таковые имелись при ханском дворе, то Иван IV не просил бы самого Шах-Али оказать данную услугу. Естественно, падение Казани должно было отразиться и на положении Касимовского ханства, но, как видим, касимовские правители еще имели определенный статус. Отношения между сторонами в данном письме и условия, высказанные в шерстной грамоте, пожалованной в 1508 г. казанскому хану Абдул-Латифу во время Московского протектората, значительно отличаются. Приведенный В. В. Вельяминовым-Зерновым «особый источник» подводит читателя к мысли о том, что между русскими и касимовскими правителями в XV–XVI вв. сохранялись неоднозначные отношения, и они, скорее всего, носили союзнический характер. Это же подтверждают и другие источники 1553 г., в которых речь идет о дипломатических связях ногайских и русских послов через посредничество касимовского правителя (Вельяминов-Зернов 1863: 402–404). На наш взгляд, автор не зря подробно привел эти источники, подчеркивая сложность отношений между сторонами. Но эти наблюдения противоречили официально принятой к тому времени в русской историографии версии и некоторым первоначальным высказываниям

самого автора. Не имеющий склонности к искажению фактов ученый, видимо, предпочел здесь промолчать, заставив источники говорить сами за себя.

Со временем, в ходе завоевания Казанского ханства и остальных татарских государственных образований, роль Касимовского ханства должна была сойти на нет. Данную тенденцию проследил и В. В. Вельяминов-Зернов. Рассматривая отношения между Арсланом и царем Михаилом Федоровичем при разборе Дворцовых разрядов того периода, ученый обратил внимание на интересные факты. Оказанные Арслану почести при приеме в Москве в 1616, 1617, 1623 гг. не соответствовали предполагаемому положению касимовского правителя перед русским государем (Вельяминов-Зернов 1866: 14–22). Его ценили выше английских и персидских послов, более того, во время приема 1623 г. государь «пожал ему руку, посадил недалеко от себя» (Вельяминов-Зернов 1866: 20). Как известно, в России, при общении с государем, рукопожатие, означающее отношение между равными, применялось лишь в исключительных случаях. Даже в качестве особой милости послам разрешали только целовать царскую руку (Баскин, Фельдман 1990: 75). Ученый был удивлен данными фактами, отметил, что они вызывают спорные моменты при анализе отношений между касимовскими и русскими правителями.

Особым показателем начала уничтожения ханства В. В. Вельяминов-Зернов считал тот факт, что крещеный касимовский правитель Сейид-Бурган Арсланович (после крещения — Василий) продолжал оставаться в Касимове и после принятия христианства (Вельяминов-Зернов 1866: 317). «Мера была важная и новая. Этого следовало и ожидать. С некоторых времен ханство стало для Русского государства тягостным, вместо пользы приносило вред, дробя понапрасну русскую землю, поддерживая неприязненный мусульманский элемент. Русское правительство знало это, и уже с 1-й четверти XVII в. старалось, по мере сил, стеснять ханов, забрать Касимов в свои руки, распространить в нем начало чисто русское», — отмечал ученый (Вельяминов-Зернов 1866: 317–318). Он проследил процесс ликвидации ханства, при этом подчеркнул, что воеводы значительно ограничивали права касимовских правителей лишь с начала XVII в. (Вельяминов-Зернов 1864: 402),

предположил, что смена ведомств по управлению Касимовым произошла в середине XVII в., при крещении Сейид-Бургана. Правление матери Василия Фатимы-Султан В. В. Вельяминов-Зернов объяснил лишь как уступку пожилой женщине. «Русское правительство не захотело обижать Фатиму-Султан на последних днях ее жизни... и признало царицей Касимова», — писал он (Вельяминов-Зернов 1866: 462). При этом ученый добавлял: «Правительство не хотело признавать власть особой касимовской владелицы, делало все, чтобы эту власть ослабить и уничтожить» (Вельяминов-Зернов 1866: 488). Опять же здесь внимание акцентируется на том, что русское правительство было вынуждено предпринимать некоторые усилия для того, чтобы изъять свою волю и понизить значимость касимовской ханши.

При рассмотрении вопроса о потере статуса касимовских правителей В. В. Вельяминов-Зернов выделил другую значительную проблему — процесс христианизации Рязанского края в XVII в. «Обращение в православие иноверцев в Касимове и прилежавшем к нему крае сделалось со времен Василия [т. е. Сейид-Бургана — Ф. К.] одной из главных забот Русского правительства», «крещение было шагом окончательного слияния Касимовского ханства с Россией» (Вельяминов-Зернов 1866: 425–426), «Василий был орудием для подготовки края к уничтожению», — писал В. В. Вельяминов-Зернов (Вельяминов-Зернов 1866: 421). Детально исследуя события христианизации Рязанского края, он сделал следующий вывод: если при проведении миссионерской политики в Шацком, Елатомском и других уездах применялась грубая сила, то в самом городе Касимове русское правительство действовало очень осторожно и тонко (Вельяминов-Зернов 1866: 426–443). В Касимове миссионерская политика проходила в виде поддержки церквей, для этого с начала XVII в. строились многочисленные православные церкви, храмы, монастыри; давались особые привилегии крещеным людям, имущества их некрещеных родственников отбирались и передавались им. Данная мера в XVII в. применялась не только в Касимове, но и в остальных краях России, где проживало нерусское население.

«Исследование...» В. В. Вельяминова-Зернова высоко было оценено и в России, и за границей. Первая часть была переведена на

немецкий язык. После выхода второй части монографии, учитывая научную ценность труда, Совет Петербургского университета в марте 1866 г. удостоил автора научной степени доктора турецко-татарской словесности (Записки 1867: 47).

Подводя итоги, можно сказать, что, обнаружив источники, противоречащие общепринятым взглядам о Касимовском ханстве, В. В. Вельяминов-Зернов затруднялся открыто критиковать предшествовавших ученых, находился в некотором замешательстве. Нередко он приводил тексты источников без каких-либо объяснений, но дав понять, что это «весьма любопытно». Ему принадлежит заслуга добросовестного изложения сведений, которыми он овладевал в процессе исследования. По мнению В. В. Вельяминова-Зернова, после падения Казани касимовские правители не сразу потеряли свой вес перед Русским государством. Новые выводы В. В. Вельяминова-Зернова противоречили первоначальной концепции истории Касимовского ханства, данную проблему на теоретический уровень он не поднял. Автор сам остался в сложном положении: от первоначальной концепции проблемы отошел, но разработать новую еще не был готов. Этим, видимо, и объясняются недосказанность некоторых моментов и противоречия в труде. Если учесть, что многие проблемы до него практически не были выявлены или рассматривались разрозненно, то труд В. В. Вельяминова-Зернова приобретает особую ценность.

Список литературы

Баскин Ю. Я., Фельдман Д. И. История международного права. М.: Международные отношения, 1990. 206 с.

Беляков А. В. Рождение Касимовского царства // Историографическое наследие провинции. Материалы IV научно-практической конференции, посвященной памяти Д. И. Иловайского и М. К. Любавского. Рязань, 21 февраля 2007 г. Рязань, 2009. Вып. 1 / Отв. ред. И. Г. Кусова. С. 66–74.

Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1863. Ч. 1. 558 с.; 1864. Ч. 2. 498 с.; 1866. Ч. 3. 502 с.; 1887. Ч. 4. 178 с.

Веселовский Н. И. Вельяминов-Зернов В. В. Некролог // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1904. Ч. CCCLII. С. 197.

Гәзиз Г. Татар тарихы. Казан, 1922. 169 б.

Грабарь В. Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). М.: Изд-во АН СССР, 1958. 491 с.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 474 с.

Записки Императорской Академии наук. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1867. Т. 10. 248 с.

Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: очерки социально-политической истории. М.: Мысль, 1982. 333 с.

Известия Императорского русского археологического общества. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1861. Т. 3. 300 с.

Исхаков Д. М. Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах. Казань: Иман, 1997. 78 с.

Калимуллина Ф. Г. В. В. Вельяминов-Зернов как историк Касимовского ханства. Казань: ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования», 2014. 240 с.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Репринтное издание. М.: Рипол классик, 1998. Т. 4–6. 656 с.

Касимовский уезд // Энциклопедический словарь / Издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1901. Т. XXXII. С. 557–566

Сафаргалиев М. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М.: Инсан, 1996. 768 с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Репринтное издание. М.: Голос, 1990. Т. 5–6. 800 с.

Татарский энциклопедический словарь / Гл. ред. М. Х. Хасанов. Казань: Институт Татарской энциклопедии, 1998. 703 с.

Татищев В. Н. История Российская. М.; Л.: Наука, 1965. Т. 5. 344 с.

Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. М.: ИНСАН, 1991. 320 с.

Щербатов М. История Российская с древнейших времен. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1783. Т. 4. Ч. 2. 542 с.

ИЗУЧЕНИЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ В XVIII — НАЧАЛЕ XX В. (краткий обзор)

Аннотация: Рассматриваются вопросы изучения истории Золотой Орды в российской историографии имперского периода на основе применения теории «ориентализма» Эдварда Вади Саида. Проводится анализ этапов изучения, постановки и решения отдельных вопросов золотоордынской истории исследователями. Показано как менялись подходы и степень понимания проблемы.

Ключевые слова: Золотая Орда, Российская империя, историография, изучение, ориентализм.

Abstract: Discusses the study of the history of the Golden Horde in Russian historiography of the Imperial period on the basis of application of the theory of „Orientalism“ by Edward Wadi Said. The analysis of the stages of the study, formulation and solution of certain issues of the Golden Horde history researchers. Shows how varied the approaches and the degree of understanding of the problem.

Key words: Golden Horde, the Russian Empire, historiography, the study, Orientalism.

Интерес к истории Золотой Орды в России существует в течение многих веков. Еще автор летописной «Казанской истории» в 1552 г. задавался вопросом об образовании Золотой Орды. В период до 1917 г. российской наукой было сделано довольно много по изучению ряда проблем истории Золотой Орды. Конечно же, все эти работы, как и их авторы, были «ориенталистскими» по своей сущности, но других в ту эпоху не могло и быть. В значительной мере эти работы укладывались в концепт «знания» на службе у колониальной империи (на основе концепта Мишеля Фуко «знание и власть»), идеологически обосновавшие дальнейшее движение Российской империи на юг к Средней Азии и присоединение новых территорий, бывших когда-то в составе Золотой Орды. На осторожном использовании теории «Ориентализма» Эдварда Саида в случае Российской империи настаивал Натаниэль Найт (Knight 2000: 74–100; Найт 2005: 323–343), которому в довольно резкой форме возразил Адиб Халид (Халид 2005: 310–322). Я не буду вдаваться в подробности этой дискуссии, тем более что она уже достаточно подробно обсуждена в научной литературе (см.: Тодорова 2005: 344–359;

Бобровников 2014; и др). Тем не менее, именно в имперский период были заложены основы для дальнейшего изучения Золотой Орды в советской, а затем и постсоветской науке. Ниже я попытаюсь вкратце рассмотреть этапы изучения истории Золотой Орды в российской историографии имперского периода, выявить ее особенности и основные направления изучения проблемы.

Ряд проблем истории Монгольской империи был затронут еще в трудах историков XVIII в. — В. Н. Татищева (Татищев 1996), Д. И. Иловайского (Иловайский 1996), Н. И. Костомарова (Костомаров 1991.) и др. Самый яркий из плеяды историков и мыслителей начала XIX в. Н. М. Карамзин в IV томе «Истории государства Российского» (Карамзин 1992) посвятил истории Золотой Орды немало страниц. Но Карамзина прежде всего интересовал вопрос русско-татарских отношений, все остальные проблемы он освещал постольку, поскольку это требовалось для рассмотрения основной интересующей его проблемы.

Несмотря на однобокость позиции Карамзина, поднятая им проблема была подхвачена Императорской Академией Наук, объявившей в 1826 г. конкурс на тему «Какие последствия произвело господство монголов в России и именно, какое имело оно влияние на политические связи государства, на образ правления и на внутреннее управление оного, равно как на просвещение и образование народа?». Срок подачи труда для ответа на этот вопрос был определен 1 января 1829 г. В программе Академии был сделан упор, прежде всего, не на историю самих татар, сколько на изучение русско-монгольских отношений, уже в значительной мере рассмотренных Карамзиным в его труде.

Этот недостаток был учтен при возобновлении конкурса в 1832 г. На этот раз, Академия наук наметила более обширные задачи. Подробная программа конкурса, составленная известным востоковедом Х. М. Френом, была разослана всем известным российским и западноевропейским востоковедам (Программа задачи Академии наук 1826 и 1832 гг. см.: Тизенгаузен 1884: 554–563). К назначенному сроку — 1 августа 1835 г. — в Академию наук поступило единственное рукописное сочинение на немецком языке в 1842 страницы, написанное венским востоковедом И. Хаммером-Пургшталем (Hammer-Purgstall 1840). Однако специальная комиссия, включавшая

академиков Х. Френа, Н. Шмидта и Ф. Круга, признала эту работу неудовлетворительной и поверхностной (Журнал 1836).

Одной из основных претензий, предъявленных к работе Хаммера-Пургшталя, было недостаточное использование источников, особенно русских.

Если говорить о выявлении источников по истории Золотой Орды, особо следует отметить заслугу В. Г. Тизенгаузена по розыску и публикации восточных источников. В 1884 г. вышел в свет его «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды» (Тизенгаузен 1884), куда вошли сообщения всех известных арабских авторов о Золотой Орде, за исключением историко-географических сведений Ибн Саида и Абу-л-Фиды. Выход в свет указанного сборника сыграл исключительно важную роль в изучении отдельных проблем истории Золотой Орды. Тизенгаузенем также были начаты подбор и извлечения из сочинений персидских авторов, оставшиеся неизданными при жизни автора. Они были изданы в 1941 г. в обработке А. А. Ромаскевича и С. Л. Волина (Тизенгаузен 1941). К сожалению, во второй том сборника не были включены извлечения из сочинения Хафиза Аbru, Мирхонда и др., а отрывки из сочинения Абдураззака Самарканди даются не полностью, правда, эти авторы повторяют более ранних писателей, писавших о монголах, но в то же время вносят ряд новых данных, отсутствующих у предшественников.

Российская историография многим обязана Н. И. Березину (Березин 1851; 1872), В. В. Григорьеву (Григорьев 1842; 1844), В. В. Радлову (Радлов 1889) и М. Д. Приселкову (Приселков 1916) за публикацию ханских ярлыков, имеющих исключительно важное значение для изучения внутреннего строя Джучиева улуса.

В 40-х гг. XIX в. А. В. Терещенко (Терещенко 1850; 1854) и Г. С. Саблуковым были проведены археологические раскопки в ряде культурных центров Золотой Орды.

Большое значение имели работы Х. М. Френа (Френ 1832; о трудах Френа см.: Савельев П. С. 1855), В. В. Григорьева (Григорьев 1843; 1847; 1850а; 1850б; 1864; 1877), В. К. Савельева (Савельев В. К. 1869; 1885; 1869; 1879; 1882), П. С. Савельева (Савельев П. С. 1857; 1858а; 1858б; 1858б) и А. К. Маркова (Марков 1896а; 1896б) по золотоордынской нумизматике, что являлось чрезвычайно важным для выяснения

экономической жизни Улуса Джучи и без чего невозможно установить хронологию. Имена ряда ханов, правивших в Дашт-и-Кипчаке, стали известны нам только благодаря вышеуказанным публикациям золотоордынских монет Х. М. Френа и П. С. Савельева. Последующее изучение золотоордынских монет позволило А. К. Маркову внести ряд поправок к выводам П. С. Савельева, в частности, о ханах Бердибеке II, Джанибеке II и Джанибеке III, признанных им в качестве ханов Золотой Орды вследствие ошибочного чтения золотоордынских монет (Марков 1896а: 111).

Начало изучению внутреннего строя Золотой Орды было положено работой Г. С. Саблукова «Очерк внутреннего состояния Кипчакского Царства» вышедшей в 1845 г. (Саблуков 1895) Через пять лет была опубликована статья Н. И. Березина — «Внутреннее устройство Золотой Орды», где впервые в науке были привлечены ханские ярлыки (Березин 1850). Тот же исследователь в своей диссертации обратился к вопросам общественного и политического строя Джучиева улуса. В 1864 г. она была опубликована (Березин 1864). В ней Березин подробно рассмотрел политический строй и административную систему Золотой Орды. На основании восточных источников он внес ряд поправок в свою более раннюю работу «Внутреннее устройство Золотой Орды» (Бартольд 1927: 67). По мнению Березина, принятие ислама, направленное на усиление государственной власти, являлось одной из причин приведших к крушению монгольских государств в Иране и Дашт-и Кипчаке (Березин 1864: 96).

Нельзя, конечно же, обойти вниманием книгу В. В. Вельяминова-Зернова «Исследование о касимовских царях и царевичах» изданную в 4 т. в 1863–1887 гг. (Вельяминова-Зернов 1863–1887). Основанная как на русских, так и на восточных письменных и эпиграфических источниках, она дает весьма обширные и, в значительной мере, уникальные сведения по истории Золотой Орды и государствах, возникших после ее распада, значение которых не утрачено до сих пор.

Таким образом, из настоящего краткого очерка видно, что, несмотря на то, что крупнейшие российские востоковеды XIX — начала XX в. в своих трудах рассматривали отдельные проблемы истории Золотой Орды, ни один из них так и не составил работы, где

бы обобщалась вся история этого государства. Но, несмотря на это, накопленный и выявленный в этот период материал, послужил основой для дальнейшего более детального изучения проблемы и обобщения полученных результатов. Даже при всей, часто тенденциозной и ориенталистской составляющей эти работы и по сей день являются весьма важными, и даже основными для изучения многих проблем истории Золотой Орды.

Список литературы

Бартольд В. В. Березин, как историк // Записки коллегии востоковедов. Л., 1927. Т. II. С. 51–72.

Березин Н. И. Внутреннее устройство Золотой Орды // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1850. № X–XII. С. 1–24.

Березин Н. И. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева // Труды Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. СПб., 1864. Вып. VIII. С. 1–122.

Березин Н. И. Тарханные ярлыки крымских ханов. (Ярлык Менгли-Гирея Ходжа-бия) // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса: В городской типографии содержащейся Х. Аликсомати, 1872. Т. VIII. Прибавление к сборнику материалов. С. 1–23.

Березин Н. И. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея, с введением, переписью, переводом и примечаниями. Казань, 1851. 163 с.

Бобровников В. О. Ориентализм в литературе и политике на российском Кавказе XIX в. [2014] // <http://bs-kavkaz.org/>

Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1863. Ч. 1. 558 с.; 1864. Ч. 2. 498 с.; 1866. Ч. 3. 502 с.; 1887. Ч. 4. 178 с.

Григорьев В. В. Еще два десятка неописанных джучидских монет // Известия Императорского Русского археологического общества. СПб., 1877. Вып. VIII. С. 123–128.

Григорьев В. В. Монеты джучидов, генуэзцев и Гиреев, битые на Таврическом полуострове и принадлежащие [Одесскому] обществу [истории и древностей]. Одесса: Городская типография, 1843. 40 с.

Григорьев В. В. Монеты афганских султанов Индии, найденные в развалинах Сарая // Записки Санкт-Петербургского Нумизматического общества. СПб., 1850а. Т. XI. С. 29–39.

Григорьев В. В. Несколько новых видов и вариантов джучидских монет // Труды Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. СПб., 1864. Т. VIII. С. 321–334.

Григорьев В. В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. Историко-филологическое исследование. М.: Университетская типография, 1842. 132 с.

Григорьев В. В. О местоположении столицы Золотой Орды. СПб.; Типография МВД, 1845. 102 с.

Григорьев В. В. Описание клада из золотоордынских монет, найденного близ развалин Сарая // Записки Санкт-Петербургского Нумизматического общества. СПб., 1850б. Т. II. Вып. 1. С. 1–63.

Григорьев В. В. Россия и Азия. Сб. исслед. и статей по ист., этногр. и геогр. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1876. 572 с.

Григорьев В. В. Четырехлетние археологические поиски в развалинах Сарая. СПб, 1847. 27 с.

Григорьев В. В. Ярлыки Токтамыша и Сеадет Геря // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса: В городской типографии содержащейся Х. Аликсомати, 1844. Т. I. С. 301–314.

Журнал Министерства Народного Просвещения. 1836. Ч. XI. 784 с.

Иловайский Д. И. История России. Становление Руси (периоды Киевский и Владимирский). М.: Чарли, 1996. 736 с.

Карамзин Н. М. История государства Российского: XII тт. в 4 кн. М.: Рипол классик, 1998. Кн. 2. История государства Российского: Т. IV–VI / Сост. А. М. Кузнецов, А. Ф. Смирнов. 653 с.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. СПб.: Тип. М. М. Сталюсевича, 1891. Кн. I. Ч. 1–2. 1052 с.

Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб., 1896а. 1031 с.

Марков А. К. О монетах хана Ногай // Труды Московского нумизматического общества. М., 1896б. Т. III. С. 48–56.

Найт Н. О русском ориентализме: ответ Адибу Халиду // Российская империя в зарубежной историографии. М.: Новое издательство, 2005. С. 323–343.

Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам // Записки Историко-филологического факультета Императорского Петроградского университета. Ч. СХХХIII. 1916. Ч. СХХХIII. С. 1–98.

Радлов В. В. Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. 1889. Т. III. С. 3–17.

Саблуков Г. С. Очерк внутреннего состояния Кипчакского Царства. Казань: Типография Императорского университета, 1895. 60 с.

Савельев В. К. О кладах золотоордынских монет в развалинах древнего города Болгар // Труды Археологического съезда в Москве в 1869 г. М., 1869. Т. II. С. 492–500.

Савельев В. К. Описание двух коллекций джучидских монет, принесенных в дар Обществу Археологии, Истории и Этнографии В. М. Эленд и К. Я. Михайловым // Известия Казанского Общества Археологии, Истории и Этнографии. 1882. Т. III. С. 344–349.

Савельев В. К. Сообщение о находках джучидских монет в Казанской губернии // Труды Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. 1858. Вып. III. С. 168–170.

Савельев В. К. Список золотоордынских монет из города Увека, приобретенных летом 1879 г. // Известия Казанского Общества Археологии, Истории и Этнографии. 1879. Т. II. С. 171–175.

Савельев П. С. Монеты Джучидов, Джагатаидов, Джелаиридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. СПб., 1857. Вып. 1. 190 с.; 1858а. Вып. 2. 174 с.

Савельев П. С. Монеты джучидские, джагатайские, джелаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша // Записки Восточного отделения Императорского Археологического общества. Т. XII. Вып. 2. 1858б. С. 181–342, табл. VI–IX [Тетюшский клад].

Савельев П. С. О жизни и ученых трудах Френа. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1855. 83 с.

Савельев П. С. Неизданные джучидские монеты из разных собраний // Труды Восточного отделения Императорского Археологического общества. 1858в. Ч. III. С. 468–528.

Татищев В. Н. История Российская. М.: АСТ: Ермак, 1996. Т. V. 568, [8] с.

Терещенко А. В. Археологические поиски в развалинах Сарая // Записки Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества. СПб., 1850. Т. II. С. 349–575.

Терещенко А. В. Окончательное исследование местности Сарая с очерком следов Дешт-Кипчакского царства // Ученые записки Императорской Академии Наук. Отд. I и III. СПб., 1854. Т. II. С. 89–105.

[Тизенгаузен В. Г.] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1884. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. 564 с.

[Тизенгаузен В. Г.] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. 308 с.

Тодорова М. Есть ли русская душа у русского ориентализма? Дополнение к спору Натаниэля Найта и Адиба Халида // Российская империя в зарубежной историографии. М.: Новое издательство, 2005. С. 344–359.

Френ Х. Д. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой орды, с монетами разных иных Мухаммеданских династий в прибавлении; из прежнего собрания г-на профессора, статского советника и кавалера К. Фухса в Казани, принадлежащего ныне тамошнему Университету: С крат. объясн. и указ. Х. Д. Френа / Пер. с нем. Михаил Волков. СПб.: Тип. Академии наук, 1832. XVI, 80 с., 17 л.,

Халид А. Российская история и спор об ориентализме // Российская империя в зарубежной историографии. М.: Новое издательство, 2005. С. 310–322.

Hammer-Purgstall J. Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist, Der Mongolen in Russland. Pest: C. A. Hartlebe's Verlad, 1840. 746 S.

Knight N. Grigor'ev in Orenburg: Russian Orientalism in the Service of Empire? // Slavic Review. 2000. Vol. 59. № 1. P. 74–100.

**ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В СССР:
А. П. СМЕРНОВ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ УЛУСА ДЖУЧИ
(по материалам писем А. М. Ефимовой)¹**

Аннотация: В контексте политики памяти рассматривается сегмент научного творчества советского археолога А. П. Смирнова, посвященный изучению истории и археологии Улуса Джучи. Вводятся в научный оборот материалы писем ученого его казанской ученице А. М. Ефимовой. Автор пытается обосновать важную роль А. П. Смирнова в возрождении исследовательского интереса к Улусу Джучи в советский период.

Ключевые слова: А. П. Смирнов, Улус Джучи, политика памяти, сессия 1946 г. по этногенезу казанских татар.

Abstract: In the context of the politics of memory the author studies the segment of scientific creativity of Soviet archaeologist A. P. Smirnov, dedicated to the study of history and archaeology of the Ulus of Jochi. Introduced into a scientific turn letters to his Kazan student A. M. Efimova. Author tries to prove the important role of A. P. Smirnov in the revival of scientific interest in the research the Ulus of Jochi in the Soviet period.

Key words: A. P. Smirnov, Ulus of Jochi, the politics of memory, session 1946 to the ethnogenesis of the Kazan Tatars.

Изучение современных концептуальных оснований политики памяти невозможно без обращения к опыту прошлого. Такое обращение позволит предостеречь от ранее уже совершенных ошибок, поможет увидеть опасность там, где, казалось бы, есть место только чистому поиску истины и беззаветному служению исторической науке. Советский Союз за годы своего существования поставил грандиозный эксперимент на выживаемость гуманитарных наук в самых невероятных условиях. Обращение к этому опыту актуально как в современной России, так и в других государствах постсоветского пространства.

Пожалуй, типичным советским ученым можно назвать Алексея Петровича Смирнова (1899–1974) — выдающегося историка и археолога, заместителя директора Института археологии АН СССР,

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 15–33–01003: «Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности».

заместителя директора Государственного исторического музея (Москва), профессора МГУ им. М. В. Ломоносова. Он внес значительный вклад в решение многих проблем древней и средневековой истории Волго-Уралья. Основной сферой научных интересов А. П. Смирнова была история и археология Волжской Булгарии (Овчинников 2008). В отечественной историографии он считается основателем булгароведческой научной школы (Федоров-Давыдов 1999: 3, 4).

В Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского (Приволжского) Федерального университета (ОРРК НБЛ К(П)ФУ) хранится большой объем писем А. П. Смирнова своим казанским ученикам и коллегам: Н. Д. Аксеновой, А. М. Ефимовой и О. С. Хованской (о последних двух см.: Руденко 2010). В ходе исследования будет предпринята попытка рассмотреть взгляды А. П. Смирнова на затронутые им в письмах А. М. Ефимовой (1903–1990) (сотрудник Государственного музея ТАССР, ныне Национальный музей Республики Татарстан) проблемы изучения истории и археологии Улуса Джучи в политическом контексте советской эпохи.

Прежде, чем обратиться к материалам писем, необходимо заметить, что изучение Улуса Джучи проходило в сложной политической обстановке советского времени. Мне представляется, что именно А. П. Смирнову принадлежит заслуга «реабилитации» золотоордынской тематики в отечественной науке (напомню, его ученику Г. А. Федорову-Давыдову (1931–2000) на момент организации Поволжской археологической экспедиции было 28 лет, он был недавно «защитившимся» кандидатом наук, в отличие от А. П. Смирнова, не обладавшим в 1959 г. необходимым «административным весом» для организации масштабной экспедиции, которая намеревалась работать над неоднозначной в политическом отношении проблемой).

Концептуально темой Улуса Джучи Алексей Петрович заинтересовался, скорее всего, после Научной сессии по этногенезу казанских татар (хотя в довоенный период под его руководством и проходило изучение болгарских городов, в том числе, и их золотоордынских слоев). Сессия состоялась 25–26 апреля 1946 г. по решению ЦК ВКП(б) и Татарского обкома ВКП(б) для рассмотрения вопроса

происхождения казанских татар. Сессия проходила в виде совместной научной конференции ученых Отделения истории и философии Академии наук СССР (Б. Д. Греков, Н. Н. Дмитриев, М. Н. Тихомиров, А. П. Смирнов, С. П. Толстов, Т. А. Трофимова, А. Ю. Якубовский и др.) и Института языка, литературы и истории Казанского Филиала Академии наук СССР (Н. И. Воробьев, Х. Г. Гимади, Л. З. Заляй, Н. Ф. Калинин и др.) (Научная сессия 1999: 389).

В ходе разгоревшейся дискуссии профессор М. Н. Тихомиров упрекнул А. П. Смирнова в том, что он в своем выступлении *«говорил, что Золотая Орда не играла почти никакой роли в создании татарского народа... Как же можно, — возмущался Михаил Николаевич, — выкинуть из истории основной стержень, связанный с международной историей, и останавливаться только на одной какой-нибудь детали»*. Алексей Петрович ответил: *«Истории ее [т. е. Золотой Орды. — А. О.] я и не должен был касаться...»* (Смирнов 1948). Другого ответа после постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы татарской партийной организации», в котором, фактически, директивно запрещалось изучение Улуса Джучи, и в преддверии борьбы с космополитизмом, ожидать было невозможно.

Несмотря на неблагоприятную обстановку, в разгар борьбы с космополитизмом, А. П. Смирнов в рецензии на коллективную монографию «История культуры Древней Руси» (под редакцией Б. Д. Грекова) счел возможным сказать о блестящей городской культуре Золотой Орды (Смирнов 1949: 142). В монографии «Волжские булгары» исследователь, по существу, соглашается с мнением А. Ю. Якубовского о большой роли в образовании городов Золотой Орды ремесленников из Ургенча — города, *«который в начале XIV века достиг высшего расцвета своей торгово-промышленной жизни»* (Смирнов 1951: 63, 64). Следовательно, Алексей Петрович присоединяется к точке зрения А. Терещенко, В. Баллода, А. Якубовского о чрезвычайно развитом ремесле в ордынских городах, которое носило «черты промышленного производства» (Набиев 1999: 80). Из анализа монографии «Волжские булгары» можно сделать вывод, что главным фактором упадка Золотой Орды А. П. Смирнов считал походы Тамерлана, а не Куликовскую битву (Смирнов 1951: 70).

В 1956 г. XX съезд КПСС развенчал культ личности И. В. Сталина. Тем самым в жизни всего советского общества наступил новый этап развития. «Хрущевская оттепель» — время относительной либерализации отношений между властью и учеными. Это потепление непосредственным образом повлияло на творчество А. П. Смирнова. В докладе, прочитанном в Казани в декабре 1956 г. на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья, он прямо заявил: *«За последние годы изучение истории Золотой Орды зашло в тупик. Во всех исторических работах учитывается только разгром, только тяжелый гнет золотоордынской знати, только отрицательная сторона ее политики. Благодаря этому мы получаем одностороннюю картину. Этим страдали, в частности, решения сессии отделения истории и философии АН СССР в 1946 г., посвященные этногенезу татарского народа»*. Далее ученый говорит о смешанном характере культуры Золотой Орды (*«Здесь и Иран, и Китай, и Хорезм, и Болгары, и Русь»*) и о культурном воздействии Улуса Джучи на Русь (правда, с оговоркой, что, по сравнению с другими покоренными областями, оно было наименьшим и захватило, преимущественно, господствующие слои общества) (Смирнов 1957: 18).

В исторической литературе постсоветского Татарстана стало «общим местом» указывать на пагубные последствия для науки постановления 1944 г. и научной сессии 1946 г. (см. работы И. Л. Измайлова, Д. М. Исхакова, М. А. Усманова и др.). Однако пример А. П. Смирнова показывает, что уже примерно через 10 лет последствия этого конкретного случая вмешательства власти в дела науки были преодолены. Цитированное выступление А. П. Смирнова 1956 г. является прямой «фрондой» и тексту постановления, и решениям сессии. Видимо, актуализацию и мифологизацию событий 1944 и 1946 гг. следует рассматривать в дискурсе национальных историй как важный аргумент в борьбе «татаристов» с «булгаристами».

В 1959 г. начала работу руководимая А. П. Смирновым Поволжская археологическая экспедиция, главной целью которой было исследование остатков золотоордынских городов. Характеризуя историографическую ситуацию до начала работ экспедиции, Г. А. Федоров-Давыдов верно констатировал, что долгое время

«тема Золотой Орды, ее истории и культуры была полузапретной, нежелательной» (Федоров-Давыдов 1997). Основным пробелом выпущенной в 1950 г. книги Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского «Золотая Орда и ее падение» Герман Алексеевич считал отсутствие нового археологического материала. Авторами бегло и иллюстративно были использованы только коллекции из старых раскопок XIX в. на Царевском городище А. В. Терещенко. «Можно назвать очень незначительные раскопки Ф. В. Баллода на некоторых золотоордынских поселениях и городах Нижневолжского региона» (Федоров-Давыдов 1997). В связи с этим интересны характеристики работ А. В. Терещенко и Ф. В. Баллода, неформально данные А. П. Смирновым в своих письмах. В 1958 г., делясь с А. М. Ефимовой впечатлениями об осмотре мест будущих раскопок, он писал: «...Судя по книге Якубовского [«Золотая Орда и ее падение». — А. О.] — этот автор [Ф. В. Баллод. — А. О.] в Сарае не был. ...Карта составленная Баллодом — и его водоемы с системой каскадов воды — чистая фантазия» (ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 9806 (8). 16 сентября 1958: 9). Однако А. П. Смирнов критически оценивал и свое место в историографии. Говоря об А. В. Терещенко, он констатировал: «...Я думаю, что наши работы, о которых мы говорим с пафосом, будут тоже осуждены последующими поколениями археологов. И только люди, понимающие ход науки, ее развитие, поймут, что все мы составляем ступени развития научного исследования» (ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 9819. 27 ноября 1966 г.: 4).

В конце 1950-х-1960-е гг. в деятельности А. П. Смирнова большое место занимал вопрос охраны архитектурно-археологических памятников Волжской Булгарии золотоордынского периода. К 1950-м гг. положение в этой области сложилось катастрофическое: «...Некто, приехавший из Казани, сделал в Москве такое заявление, полуофициального характера. В Казани все ведущие учреждения глубоко отрицательно относятся к болгарской проблеме и к памятникам старины. Такое мнение существует в обкоме и Сов. Мине. С этой точки зрения отрицательно относятся и к деятельности Смирнова, поднимающего нездоровый шум вокруг Болгар и исторических памятников» (ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 9802 (2). 4 февраля 1955 г.: 2). «...Сами же по себе, как национальная культура, как наше прошлое, они [памятники — А. О.] никому не нужны. Об этом

говорят с откровенным цинизмом» (ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 9819. 29 ноября 1966 г.: 6).

Интересны сведения о защите докторской диссертации известным татарским историком, жившем и работавшем в г. Саранске, М. Г. Сафаргалиевым (Шарифулиным) (1906–1969). А. П. Смирнов выступил одним из трех официальных оппонентов. Как известно, Магомеду Гарифовичу принадлежит интересная работа по истории татарского народа — монография «Распад Золотой Орды», по которой и была защищена диссертация (Сафаргалиев 1960). Современный казанский исследователь Р. Ф. Набиев в своей кандидатской диссертации не акцентировал внимание на борьбе вокруг защиты докторской диссертации М. Г. Сафаргалиева (Набиев 1999). Однако и здесь Магомета Гарифовича встретили серьезные трудности.

М. Г. Сафаргалиеву посвящено два письма А. П. Смирнова, датированных 8 и 30 апреля 1963 г. Из материалов первого письма можно заключить, что в оценке диссертации историки разделились на два лагеря. Положительно принял работу Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина. Д diamетрально противоположную точку зрения занял Казанский Филиал Академии наук СССР (точнее, сотрудники Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова, ИЯЛИ КФАН СССР) по причине, четко сформулированной самим А. П. Смирновым: «*Филиалы считают политически неверной критику взглядов на происхождение татар 1946 г.*» (ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 9811 (6). 8 апреля 1963 г.: 8). В 1946 г. на научной сессии, посвященной этногенезу казанских татар, официально были утверждены их «булгарские истоки» (Происхождение 1948). В 1951 г. с критикой этой версии на страницах журнала «Вопросы истории» выступил М. Г. Сафаргалиев, который упрекал А. П. Смирнова, Н. Ф. Калинина, Х. Г. Гимади и др. в том, что они при решении проблемы происхождения казанских татар почти не учитывали влияния тюркоязычных племен Дешт-и-Кипчака (Сафаргалиев 1951). Вскоре против положений М. Г. Сафаргалиева выступил научный сотрудник ИЯЛИ КФАН СССР Х. Г. Гимади (Гимади 1951).

Издание книги и защита докторской диссертации для Магомета Гарифовича стали возможны только в «хрущевскую оттепель». Однако, к 1963 г. «филиалы» (сотрудники КФАН СССР), видимо,

свою точку зрения не изменили (в отличие от московских коллег, в частности, А. П. Смирнова). Алексей Петрович неуверенно пишет о «разгромном отзыве» на диссертацию М. Г. Сафаргалиева, который пришел из КФАН СССР.

Сам А. П. Смирнов отмечал, что работа Магомета Гарифовича выше среднего уровня. Положительными ее сторонами, по мнению Алексея Петровича, являются постановка и разработка следующих вопросов: о землевладении в Улусе Джучи, о причинах конфликта между Токтой и Ногаем, об этническом составе Улуса Джучи, об «этносе» монгол и татар. Недостатки работы М. Г. Сафаргалиева А. П. Смирнов видит в следующем: неполно представлена историография вопроса, нет серьезной критики письменных источников, нет должного анализа археологических и нумизматических источников. Показательны результаты тайного голосования по диссертации: за 24, против 2, воздержавшихся нет (ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 9811 (8). 30 апреля 1963 г.: 11).

А. П. Смирнов являлся рецензентом классической монографии известного казанского археолога Р. Г. Фахрутдинова «Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория» (Фахрутдинов 1975). Он увидел в ней ряд недостатков методологического характера, касающихся, прежде всего, датировки болгарских памятников — домоногольские или золотоордынские? В одном из предсмертных писем А. М. Ефимовой (также рецензенту труда Р. Г. Фахрутдинова) он пишет следующее: *«Дело с работой Фахрутдинова мне известно. Он мне оставил проспект, на котором значилось „редактор Смирнов“... Я пробовал его провести. Но она [С. А. Плетнева, главный редактор „Свода археологических источников“, в рамках которого должна была выйти книга. — А. О.] стоит на своем. Мне жалко Фахрутдинова, его большого труда. Это его диссертация. Я был на его защите и голосовал „за“. Он прошел единогласно. Но и тогда, и позднее, когда он меня просил быть редактором и я дал согласие, меня мучил вопрос об огромном числе памятников и их датировке. ... Я не знаю, на чем основана датировка: на керамике? Но она очень похожа: ранняя на позднюю. ... Я занимался в молодости разведкой. Пройдешь месяца полтора в хороших топографических условиях, найдешь десятка три, четыре памятников. Позднее всех захватила слава, кто больше открыл. И никто из вышестоящих не ударил*

нас по рукам. ... Я советую дать положительный отзыв. В конце концов, книга будет жить. Нелепости отметутся. Такая книга может сыграть и положительную роль» (ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 9821 (8). 1 марта 1973: 10). Однако по мере знакомства с проспектом работы оценки А. П. Смирнова становятся все более резкими: «...мы по совести должны сказать: все это плохо. Я не могу, я должен исправить свой и своих товарищей грех. Если мне случится быть редактором (чего я не желаю) я займусь этой работой очень серьезно» (ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 9821 (9). 11 марта 1973: 12).

Таким образом, главный недостаток работы Р. Г. Фахрутдинова А. П. Смирнов видит в слабой работе с источниками: по каким критериям один памятник объявлен болгарским домонгольским, а другой болгарским золотоордынским? На основании обработки археологических данных Р. Г. Фахрутдинов сделал вывод о переселении во 2-й половине XIV в. болгар из Закамья в Предкамье, который в настоящее время поддерживается почти всеми исследователями (Аминова 2002).

Приведенный материал позволяет утверждать, что введение в научный оборот материалов писем А. П. Смирнова может внести определенный вклад в изучение проблем источниковедения и историографии Улуса Джучи, а также некоторых особенностей конструирования политики памяти в СССР.

Список литературы

Аминова Г. И. К методике составления административной карты Казанского ханства // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Казань, 2002. С. 117–134.

Гимади Х. Г. О некоторых вопросах истории Татарии // Вопросы истории. 1951. № 9. С. 63–66.

Набиев Р. Ф. М. Г. Сафаргалиев как историк Золотой Орды: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1999. 246 с.

Научная сессия АН СССР, 25–26. IV. 1946. Москва // Татарский энциклопедический словарь. Казань, 1999. С. 389.

Овчинников А. В. Древняя и средневековая история Волго-Уралья в трудах советских ученых: А. П. Смирнов. Казань: КГТУ, 2008. 285 с.

ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 9802 (2). Письмо А. П. Смирнова А. М. Ефимовой от 4 февраля 1955 г. Л. 2.

ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 9806 (8). Письмо А. П. Смирнова А. М. Ефимовой от 16 сентября 1958. Л. 9.

ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 9811 (6). Письмо А. П. Смирнова А. М. Ефимовой от 8 апреля 1963 г. Л. 8.

ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 9811 (8). Письмо А. П. Смирнова А. М. Ефимовой от 30 апреля 1963 г. Л. 11.

ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 9819. Письмо А. П. Смирнова А. М. Ефимовой от 27 ноября 1966 г. Л. 4.

ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 9819. Письмо А. П. Смирнова А. М. Ефимовой от 29 ноября 1966 г. Л. 6.

ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 9821 (8). Письмо А. П. Смирнова А. М. Ефимовой от 1 марта 1973. Л. 10.

ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 9821 (9). Письмо А. П. Смирнова А. М. Ефимовой от 11 марта 1973. Л. 12.

Происхождение казанских татар. Казань: Татгосиздат, сектор науч.-техн. лит.-ры, тип. Татполиграфа, 1948. 160 с.

Руденко К. А. Археология XX века: две жизни — две судьбы: (О. С. Хованская и А. М. Ефимова). Казань: [Изд-во МОиН РТ], 2010. 174 с.

Сафаргалиев М. Г. Один из спорных вопросов истории Татарии // Вопросы истории. 1951. № 7. С. 74–80.

Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжн. изд-во, 1960 (Ученые записки Мордовского гос. университета. Вып. XI). 276 с.

Смирнов А. П. Заключительное слово // Происхождение татарского народа. Казань, 1948. С. 147–150.

Смирнов А. П. История культуры Древней Руси. Под общей редакцией Б. Д. Грекова и проф. М. И. Артамонова. Т. 1. Домонгольский период. 1. Материальная культура. Под редакцией Н. Н. Воронина, М. К. Каргера и М. А. Тихановой. Издательство Академии Наук СССР. Институт истории материальной культуры имени Н. Я. Марра. М. — Л. 483 стр. Рецензия // Вопросы истории. 1949. № 8. С. 141–144.

Смирнов А. П. Волжские булгары // Труды ГИМ. М.: ГИМ, 1951. Вып. 19. 227 с.

Смирнов А. П. Некоторые вопросы средневековой истории Поволжья. Казань: Госмузей, 1957. 36 с.

Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Татарское книжное издательство, 1975. 220 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Алексей Петрович Смирнов — ученый, человек // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: сб. тез. докл. конф. посвященной 100-летию со дня рождения А. П. Смирнова. М.: ГИМ, 1999. С. 3, 4.

Федоров-Давыдов Г. А. Некоторые итоги изучения городов Золотой Орды на Нижней Волге // Татарская археология. 1997. № 1. С. 88–100.

КОЛЛЕКЦИИ МОНЕТ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Аннотация: В статье дается краткий обзор коллекций монет Золотой Орды в музейных собраниях Западной Европы (Париж, Тюбинген, Йена, Хельсинки, Лондон, Берлин и др.). Рассматриваются наиболее интересные собрания, в т. ч. данные о коллекциях, вывезенных с территории России в XIX — начале XX в.

Ключевые слова: Золотая Орда, исламская нумизматика, монеты, музейные собрания.

Abstract: There is short review of Golden Horde coins in the museum collections of Western Europe in the article (Paris, Helsinki, Tuebingen, Jena, London, Berlin and others). The review of main and most interesting collections is present. The most interesting collections including coins of Golden Horde found in Russia in 19th — early 20th centuries.

Key words: Golden Horde, Islamic numismatics, coins, museum collections.

Общеизвестно, что основные коллекции монет Золотой Орды находятся в России и в странах ближнего зарубежья. Вместе с тем интересные золотоордынские нумизматические коллекции имеются в музейных собраниях и других стран, в т. ч. в странах Западной Европы. В течении нескольких лет мне, пользуясь поддержкой различных фондов, в т. ч. Фонда Герды Хенкель и Международной нумизматической комиссии, удалось поработать с музейными собраниями стран Западной Европы на предмет изучения коллекций мусульманских монет, оцифровать значительную часть коллекций монет Золотой Орды.

Первые монеты Золотой Орды оказались в нумизматических собраниях Западной Европы в XVIII в. и в том же веке попали в нумизматические каталоги. Россия и Германия стали родоначальниками мусульманской нумизматики как отдельной отрасли нумизматики (Пачкалов 2009а). Наибольшее количество монет Золотой Орды из западноевропейских коллекций публиковалось в каталогах второй половины XIX — XX вв. Почти все джучидские нумизматические коллекции, опубликованные в XIX — начале XX в., сохранились в музеях до наших дней (в т. ч. полностью сохранилась и нумизматическая коллекция Дрездена, которая после Второй мировой войны была вывезена в СССР, а потом возвращена в Германию).

Однако большая часть коллекций остается до сих пор неопубликованной. Некоторая часть монет была опубликована с ошибочными определениями, т. к. монеты Золотой Орды представляли все же редкость для многих европейских нумизматов, занимавшихся их атрибуцией и публикацией. Наиболее полно и качественно изданы лишь джучидские коллекции Британского музея (Ст. Лен-Пулем) (Lane-Pool 1881) и Йенского университета (Т. Майером). Самые представительные коллекции золотоордынских монет имеются в нумизматических собраниях Парижа, Тюбингена, Йены, Хельсинки, Лондона, Берлина, Рима, Праги, Мюнхена, Дрездена, Оксфорда, Копенгагена, Вены и других городов. Крупнейшие из этих собраний (в Париже, Йене, Хельсинках) насчитывают более тысячи экземпляров джучидских монет. Небольшие коллекции монет имеются также в музеях Швейцарии, Швеции, Испании.

Монеты Золотой Орды в западноевропейских собраниях не были найдены на территории самой Западной Европы, происходят с территории России и стран ближнего зарубежья, в различное время были привезены в европейские собрания. Лишь в редких случаях возможно проследить историю поступления той или иной золотоордынской коллекции в Западную Европу. В музейные собрания Западной Европы поступили личные коллекции известных нумизматов XIX в., содержащие монеты Золотой Орды (среди них коллекции фон Аша, Ф. Соре, О. Блау, Л. Станцани, Шпревица и др.). Некоторые из этих монет использовались в работах Х. М. Френа. История большей части нумизматических собраний неизвестна. Монеты Золотой Орды в европейских собраниях представляют научный интерес в связи с тем, что, во-первых, в коллекциях присутствуют редкие и неопубликованные типы джучидских монет, а во-вторых, в связи с тем, что есть коллекции, представляющие источник по истории денежного обращения на территории Золотой Орды (в тех случаях, когда известны обстоятельства находок монет).

Среди редких джучидских монет, имеющих в европейских собраниях, есть монеты неопубликованных типов, редких монетных дворов. Некоторые из этих монет были опубликованы в различных каталогах XIX — начала XX в. Другие остаются неопубликованными или опубликованными кратко. Среди примеров интересных находок можно выделить, например, монету Мамай, обнаруженную

при работе с коллекциями в Мюнхене. Как известно, Мамай не имел права на титул хана, т. к. не являлся потомком Чингисхана. В публикации 1825 г. Фредерик Соре, известный ориенталист и нумизмат из Женевы, упомянул о существовании монеты с именем Мамай, чеканенной в городе Азаке (Soret 1825: 16). Эта монета содержалась в коллекции московского коллекционера доктора Шпревица. Эту же монету (из коллекции Шпревица) упоминает в своей классической работе о монетах Золотой Орды и Х. М. Френ (в качестве монеты из «нового собрания восточных монет г. Шпревица») (Френ 1832: 20). При работе с коллекцией Нумизматического кабинета в Мюнхене в 2008 г. автору удалось неожиданно обнаружить в собрании указанную серебряную золотоордынскую монету из бывшей коллекции Шпревица (инв. № 84149) (Пачкалов 2012). Наибольшее количество джучидских монет редких типов представлено в коллекциях немецких университетских городов Тюбингена и Йены, специализирующихся на мусульманской нумизматике. Если нумизматическая коллекция мусульманских монет в Йенском университете начала формироваться еще в XIX в., то в Тюбингенском университете коллекция мусульманских монет была создана только в конце XX в., но последняя стала к настоящему времени крупнейшей коллекцией средневековых мусульманских монет в Европе (также в Тюбингене существует исследовательский центр мусульманской нумизматики при Восточном семинаре). Особенный интерес в нумизматических коллекциях Германии и Великобритании вызывают закавказские монеты Джучидов, среди которых есть ряд уникальных (монеты Амуля, Селмеса, Тебриза и других городов с именами золотоордынских ханов). Золотоордынская часть коллекции музея в Праге вызывает интерес в связи с большим количеством монет, выпущенных в Причерноморье.

В европейских коллекциях не удалось обнаружить кладов или фрагментов кладов золотоордынских монет, но судя по косвенным данным (инвентарные номера монет, условия их поступления и состав), некоторые монеты являются частью кладовых комплексов.

В ряде коллекций есть монеты, найденные при археологических исследованиях золотоордынских городов Поволжья и Северного Кавказа.

Среди них можно выделить Кабинет монет и медалей Национальной библиотеки в Париже, где хранится крупнейшая в странах

дальнего зарубежья коллекция монет Золотой Орды, насчитывающая тысячи в основном медных золотоордынских монет XIV в. Автор изучал эту парижскую коллекцию в 2008 г. Состав большей части коллекции напоминает состав находок на золотоордынских поселениях Татарстана, а также Самарской и Саратовской областей. История формирования этой коллекции, по всей видимости, неизвестна (возможно, что архивные исследования позволят в будущем обнаружить данные по этому вопросу). Хотелось бы обратить внимание на то, что в конце XIX в. в археологических исследованиях в Поволжье принимал участие французский археолог барон де Бай (в т. ч. Муранского селища в Самарской области и Увековского городища в Саратовской области). О заинтересованности де Бая в этих работах свидетельствует тот факт, что в 1894 г. им было сделано сообщение о муранских древностях на конгрессе ориенталистов в Женеве. Известно, что де Бай интересовался и другими золотоордынскими памятниками, расположенными в Поволжье (в т. ч. Болгарское городище). Не исключаю, что парижская коллекция монет Золотой Орды связана с деятельностью де Бая. Возможно, что она состоит из монет, найденных на разных памятниках. Не исключаю, что среди них много монет с Муранского селища, а также, возможно, с Увековского городища (Пачкалов 2013). Хочется надеяться, что данные о формировании парижской коллекции золотоордынских монет удастся обнаружить в будущем.

В нумизматической коллекции Геттингенского университета хранятся монеты, найденные в начале XIX в. при исследованиях немецкого востоковеда Генриха Юлия Клапрота на северокавказском Маджарском городище (Пачкалов 2009б).

В коллекции университета Йены — хранятся монеты Золотой Орды, собранные немецким путешественником, этнографом, археологом, лютеранским пастором Генрихом Августом Цвиком в начале XIX в. в Нижнем Поволжье (по всей видимости, на Царевском городище и других золотоордынских памятниках). К сожалению, в случае с коллекцией Цвика также не представляется возможным точно отделить монеты, найденные на различных археологических памятниках Нижнего Поволжья.

Есть информация и о других немецких исследователях, собиравших монеты на золотоордынских памятниках Поволжья. Среди

них, например, ученый-энциклопедист Александр Гумбольдт, посетивший и осмотревший развалины Болгарского городища в Поволжье. Известно, что в 1829 г. крупный коллекционер золотоордынских древностей Карл Фукс передал через Александра Гумбольдта коллекцию монет, найденную в развалинах Болгарского городища, в дар Королевскому музею в Берлине.

Крупная неопубликованная коллекция золотоордынских монет хранится в Национальном музее Финляндии. Видимо, основная часть этой коллекции была вывезена известным финским историком и археологом Арне Михаэлем Тальгреном из Поволжья в начале XX в. Возможно, что в ходе изучения этих материалов удастся установить их связь с конкретными археологическими памятниками Золотой Орды.

Список литературы

Пачкалов А. В. Георг Якоб Кер (1692–1740), первый исследователь нумизматики Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. 2009а. Вып. 2. С. 199–208.

Пачкалов А. В. Из истории находок мусульманских монет на Северном Кавказе: сборы Г. Ю. Клапрота на Маджарском городище // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь, 2009б. Вып. 1. С. 70–74.

Пачкалов А. В. К вопросу об именных монетах Мамая // Нумизматика Золотой Орды. Казань, 2012. Вып. 2. С. 117–119.

Пачкалов А. В. Монетное обращение Муранского селища // XVII Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 2013. С. 50–51.

Френ Х. М. Монеты ханов Улуса Джучиева, или Золотой Орды, с монетами разных иных мусульманских династий в прибавлении. СПб., 1832. 80 с.

Lane-Pool St. Catalogue of the oriental coins in the British museum. L.: Printed by Order of the Trustees, 1881. Vol. VI. 385 p.

Soret F. Catalogue de la collection de medailles orientales du Dr. de Sprewitz. Geneva, 1825. 24 p.

О БУЛГАРСКОМ ДИРХЕМЕ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЗМЕЯ

Аннотация: В статье приводится информация о новом типе болгарских анонимных дирхемов. Монета с изображением змея была опубликована в 2011 г. Через два года, в 2013 г., на Болгарском городище был найден клад в количестве 47 экземпляров, из них 46 монет было со змеем. Авторы, используя метрологию клада, приводят гистограмму зависимости количества монет от значения их веса и устанавливают, что указанный вес данного типа был близок значению 1,41 г. По косвенным признакам время выпуска монет с изображением змея датируется 1290-ми гг.

Ключевые слова: дирхем, анонимная монета, клад, Булгар, XIII век.

Abstract: Information on new type of Bulgar anonymous dirhems is provided in the article. The coin with the image of a dragon has been published in 2011. In two years, in 2013 on the Bulgarian ancient settlement the hoard in number of 47 coins has been found, from them 46 coins were with a dragon. Authors use treasure metrology, provide the histogram of dependence of quantity of coins on value of their weight and establish that the decree weight of this type was close to value of 1,41 g. On indirect signs time of mint of coins with the image of a dragon is dated the years 1290s.

Keywords: dirham, anonymous coin, hoard, Bulgar, 13th century.

Внешние характеристики монетной продукции Булгарского вилайата XIII в. существенно отличаются от таковых в других регионах Джучидского Улуса. Огромное разнообразие типов серебряных монет, развитая система номиналов и в тоже время замкнутость монетного обращения в рамках одного региона — вот основные особенности их функционирования на рынке.

Булгарские монетные дворы одними из первых начали чеканку медных и серебряных денег. По сложившемуся у авторов представлению, это произошло в 1230-х гг. На первых монетах помещалось имя умершего в 1225 г. багдадского халифа ан-Насира, а позднее, с начала 1250-х гг. — каанов Великой Монгольской империи: Мунке и Арыг-Буги. В этот период Улус Джучидов входил в состав Монгольской империи, а власть и полномочия владельцев улуса были ограничены. В 1266 г. к власти пришел хан Менгу-Тимур, внук Бату. С этого времени начинается история нового самостоятельного государства, называемого нами здесь — Золотая Орда. На монетах это событие отразилось появлением тамги Менгу-Тимура, которая ставилась на

продукции всех монетных дворов Золотой Орды, и Булгарского вилайата в частности. На монетных дворах Булгар, Биляр, Керман и, видимо, безымянных было выпущено более 220 типов серебряных монет. Для сравнения, в чекане Хорезма, Сарая, Укека и Крыма этого же периода можно насчитать в сумме лишь около 65 типов.

На монетах Булгарского вилайата выпускные сведения ставились не всегда. Гораздо чаще встречаются анонимные и анэпиграфные монеты. На них на одной стороне помещены либо калима, либо благопожелания, либо различные орнаменты или зооморфные изображения и даже сюжеты с людьми. А на другой стороне обязательно помещалось изображение тамги в центре картуша. По мнению А. З. Сингатуллиной, «...многочисленные монетные сюжеты вовсе не являются плодом фантазии или прихоти резчиков штемпелей. С давних пор монетные изображения несли большую смысловую нагрузку, являясь проводниками идей, необходимых к распространению среди широких народных масс, большей частью неграмотных» (Сингатуллина 2003: 42–43).

При таком разнообразии оформления булгарских монет неизменным оставалось одно — на одной из сторон обязательно ставилась тамга Менгу-Тимура. Она присутствовала в булгарском чекане 70 лет, с 1266 до 1336 гг. Короткое время, около пяти лет, во время правления Тула-Буги (1287–1292) вместо «двуногой» (наследной тамги Менгу-Тимура) ставилась «трехногая» тамга (личная тамга одного из братьев Тула-Буги).

В помещаемых на серебряных монетах изображениях можно усмотреть отголоски культур различных народов. К сельджукской теме тяготеют изображения двуглавого орла и сюжет «лев и солнце» (Сингатуллина 2003: №№ 74, 74 А, 109, 110, 188). В изображении лука со стрелой прослеживается среднеазиатское влияние (Сингатуллина 2003: № 79, № 163). Несколько сюжетов связано с китайской символикой, которая проявляется в монетах с рыбами или «таза с драгоценностями» (Сингатуллина 2003: №№ 75–76, №№ 100–101).

Совсем недавно был выявлен новый тип серебряной монеты — со «змеем» или «драконом». Впервые он был опубликован в 2011 г. в тезисах XVI Всероссийской нумизматической конференции (Степанов, Бугарчев 2011: 62–63 (№ 3)). На лицевой стороне помещена тамга Менгу-Тимура, на оборотной — очень четкое изображение

фантастического змея. Резчик подробно проработал детали головы дракона: открытая пасть с языком, глаз, два уха. В передней части тела — две лапки, само туловище покрыто чешуей.

Кроме находок отдельных экземпляров сейчас стал известен клад таких монет. В 2013 г. в раскопе CLXXIX Болгарского городища был найден клад из 47 дирхемов, 46 из них относились к представляемому типу. О находке клада был сделан доклад, который подготовил и зачитал осенью 2013 г. на конференции в Болгаре научный сотрудник Болгарского музея-заповедника к. и. н. Джамиль Габдрахимович Мухаметшин.

В данном кладе на монетах выявлено две разновидности наследной тамги Менгу-Тимура: правая ножка с перекалиной — 16 штук, левая ножка с перекалиной — 28 штук (у двух экземпляров разновидность не определяется). При изображении змея также выявлены два варианта: 1) хвост змея закругляется над головой, 2) хвост змея поднимается перпендикулярно (рис. 1). На этих дирхемах нет выпускных сведений, что мешает точной датировке монет этого типа. По косвенным признакам можно предположить, что монеты чеканились краткосрочно в 1290-х гг. в правление хана Токты на монетном дворе Булгар.

По материалам клада была составлена гистограмма (рис. 2).

Наблюдаются два почти равнозначных максимума — основной на значении $1,41 \pm 0,01$ г (19,6%) и второстепенный на значении $1,29 \pm 0,01$ г (17,4%). Средний вес — 1,36 г.

Значение веса $1,41 \pm 0,01$ г совпадает с указным весом 1,39 г, с которым чеканились все анонимные монеты Булгарского вилайата с начала 1290-х и до 1328 гг. С 728/1328 г. в регионе снова стали выпускаться дирхемы с датами и с именами эмитентов (см.: Петров, Бугарчев 2012). По нашим данным, указный вес дирхемов 728 г. х. и с именем Узбека равнялся 1,39 г. С 731/1330–1331 гг. в Булгаре началась денежная реформа, и на монетном дворе стали чеканиться дирхемы с указным весом 1,56 г.

Одним из отличий Булгарского чекана XIII — начала XIV в. является использование на монетах изображений различных животных и птиц, таких как лев, заяц, осел, лебедь, гусь, ворон, рыбы и даже человек (Сингатуллина 2003: 145 (№ 158)). Теперь в этот перечень можно добавить змея.

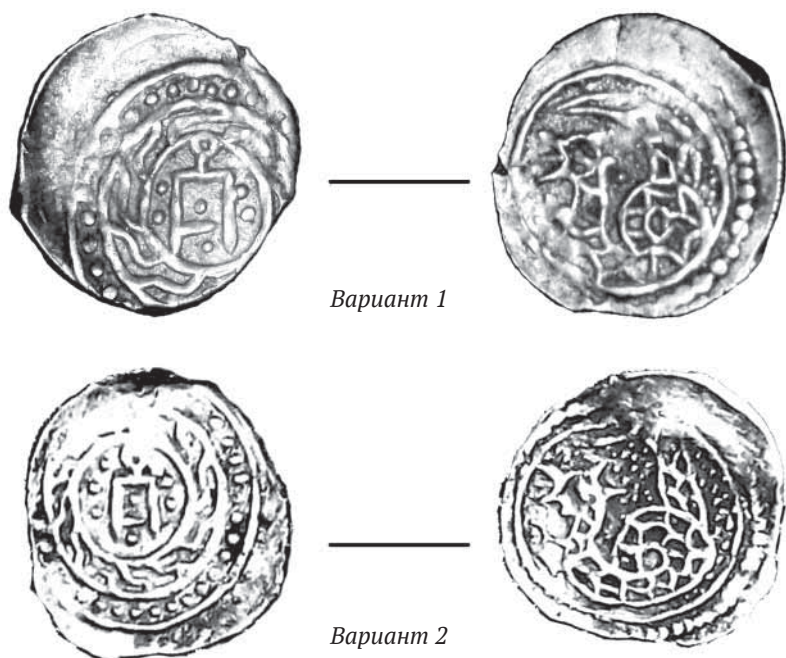

Рис. 1. Булгарские дирхемы с изображением змея

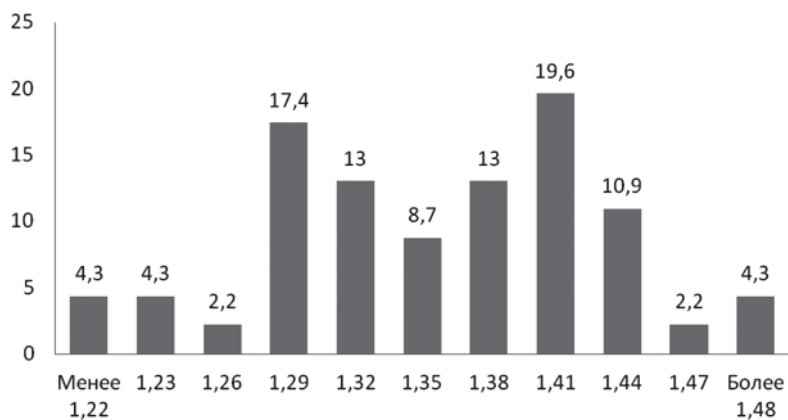

Рис. 2. Зависимость количества монет со змеем-зилантом от значения их веса (46 экз., шаг 0,03 г). Ось X — вес в граммах, ось Y — количество в процентах

Как отдельный сюжет, змей-дракон встречается в искусстве Золотой Орды. Из примеров использования этого изображения можно привести поясные накладки XIII — начала XIV в. (История татар 2009: 192–193 (вклейка между указанными страницами)). Во всей Евразии издавна были распространены витые браслеты со змеиными головами.

В символике Средней Азии змей являлся полисемантическим образом: у ранних земледельцев он был связан с идеей плодородия и бессмертия. Позднее он, с одной стороны олицетворял подземное царство, выступал носителем гибели, с другой стороны, змея — это «охранитель и оберег, что делает ее защитником людей, стражем дома, символом благополучия» (Ремпель 1987: 34). По мнению Д. К. Валеевой, в золотоордынском искусстве Булгара соединялись традиции ранне-булгарского домонгольского искусства и искусства многих древних и средневековых государств — Ирана, Средней Азии и Кавказа (Валеева 2003: 43). Нумизматические памятники позволяют расширить перечень культур и добавить к нему Китай. Сюжеты, изображавшиеся на монетах в Булгарском вилайате конца XIII в., служат зримым подтверждением взаимодействия разных культурных традиций.

Список литературы

Валеева Д. К. Искусство волжских булгар периода Золотой Орды (XIII–XV вв.). Казань: Фикер, 2003. 150 с.

История татар с древнейших времен: в семи томах. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). 1056 с.

Петров П. Н., Бугарчев А. И. Монеты Узбек-хана, выпущенные монетными дворами Булгарского вилайата // *Stratum plus*. 2012. № 6. С. 173–181.

Ремпель Л. И. Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент: Изд-во лит-ры и иск-ва им. Гафура Гуляма, 1987. 200 с.

Сингатуллина А. З. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. Казань: Заман, 2003. 192 с.

Степанов О. В., Бугарчев А. И. Новые монеты булгарского чекана // XVI Всероссийская нумизматическая конференция. СПб. 2011. С. 62–65.

КАЗАХСКИЕ ШЕЖИРЕ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Аннотация: В данной статье рассматривается вопрос о шежире казахов как источнике по истории Золотой орды. Шежиры это легенды и устные рассказы о происхождении того или иного племени. В советское время шежиры казахских племен не использовались как источник в силу ряда причин. В то же время шежиры башкирских племен было введено в научный оборот еще в 1960 г. После 1991 г. шежиры разных казахских родов стали публиковаться. Но при этом, научное качество данных изданий не всегда было академичным и критическим. На данный момент, несмотря на огромное количество шежире разных родов, собранных в разных государственных коллекциях, только малая их часть введена в научный оборот и используется как источник по истории Золотой Орды.

Ключевые слова: Золотая орда, шежиры, казахи, кланы, эмиры.

Abstract: This article discusses shejire of Kazakhs as a source for the history of the Golden Horde. Shejire are legends and oral genealogies and stories about the origin of different tribes. In Soviet times shejire of Kazakh tribes have not been used as a source for a number of reasons. At the same time shejire of Bashkir tribes was introduced into scientific circulation in 1960. After 1991 shejire of various Kazakh tribes were published. But at the same time, the scientific quality of these publications was not always academic and critical. Now, despite the huge number of different kinds shejire collected in different public collections, only a small part of them put into scientific circulation and used as a source for the history of the Golden Horde.

Key words: Golden Horde, shejire, Kazakhs, clans, emirs.

В исторической науке Казахстана сложилось довольно скептическое отношение к шежире как историческому источнику. В советское время в Казахстане существовало негласное табу на изучение шежире (Bustanov 2015: 118–125). При этом стоит отметить, что в других частях СССР шежиры изучались и публиковались (Башкирское шежире 1960). Поэтому вплоть до 1990-х гг. казахские шежиры не привлекались как исторический источник. После обретения независимости в Казахстане было опубликовано большое количество шежире разных казахских родов, но при этом без научных комментариев и источниковедческого анализа. При этом во многом шежиры отличались по тем или иным моментам трактовки генеалогий. Это очень легко можно объяснить характером передачи информации (устная форма вплоть до XIX в.). При такой передаче

информации возможно большое количество искажений. Но, несмотря на все это, шежире является историческим источником, который нужно изучать, применяя приемы внешней и внутренней критики источников. Внешняя критика должна применяться при сверке различных вариантов шежира. Ниже мы перечислим казахские рода и те персонажи из шежира, которые можно будет отождествить с известными золотоордынскими персонажами из других источников:

1. Уйсун, потомки Майкы-бия и его сына Бахтияра. К потомкам Майкы-бия относятся такие казахские подроды как Сржелы, Ошакты, Ысты, Шапрашты, Дулат, Албан, Суан, Сары уйсун, Шакшам (Сәдібеков 1994: 40–41). Согласно шежире З. Садибекова, сын Бахтияра Ойсыл стал предком рода Сржелы. Ранее мы отмечали, что Ойсыл уйсун из казахского шежира идентичен Исе (Айсы, Айсул) из рода Уйсун, который жил в эпоху хана Джанибека (1342–1357) и был отцом Амета (в казахском варианте Бораши). Казахские шежире о потомках Ойсыла идентичны татарским, башкирским и ногайским сказаниям об Амете (Ахмете), сыне Исы. Таким образом, персонажи из Шежира Уйсун: Майкы, Ойсыл и Бораши (сын Ойсыла) известны по другим источникам по истории Золотой орды (Сабитов 2013: 299–302).

2. Алшины, потомки Алау-батыра. Как известно из некоторых источников, Алау-батыр жил в эпоху Золотоордынского Джанибек-хана. Его сын Кудияр (Кудуд, Кудыс) упоминается как советник Барак-хана (1423–1428) (внук Урус-хана). По версии Р. Дж. Темиргалиева Кудеяр, сын Алау, также идентичен разбойнику Кудеяру, отрицательному персонажу русского фольклора. Согласно казахскому шежире, Кудеяр был сватом Кара-ходже из рода Аргын. Его дочь была замужем за его сыном. Согласно Рашид ад-Дину алшины это другое название алчи-татар, который занимали в Золотой Орде статусные позиции (Сабитов 2015).

3. Аргыны, потомки Акжолы и Кара-ходжи. Согласно казахскому шежире, родоначальником рода был человек по имени Аргын, у которого был сын Кутан (Котан, Кутян), у него был сын по имени Акжол (Даир-ходжа), который согласно некоторым легендам правил отдельным улусом после смерти Урус-хана. Он был убит Кара-кыпшаком Кобланды. Его сын Кара-ходжа был соратником

Тохтамыш-хана, его послом к Тамерлану в 1405 г. Кара-ходжа погиб вместе с Тохтамышем во второй половине 1400-х гг. У Кара-ходжи был сын по имени Мейрам, который был женат на дочери Кудеяра Алшина. Сын Мейрама Болат (Каракесек) стал руководителем Среднего жуза, видимо при ханах Джанибеке и Керее, основателях Казахского ханства.

4. Кара-кыпшаки, потомки Кобыланды-батыра. Являются потомками пяти братьев: Бултын, Торы, Узун, Колденен, Карабалык. Согласно нашим исследованиям, существовало два Кобланды из рода Кыпшак. Первый Кобланды, сын Токтарбая, предок казахских кара-кыпшаков жил в эпоху Едиге, Тохтамыша и Тамерлана. Он сам убил Акжолу из рода Аргын и Ер-Кокше из рода Уак. Ер-Косай, сын Ер-Кокше убил Кобланды. Второй Кобланды, сын Кыдырбая, тоже происходил из данного рода, но жил он в начале XVI в. в Ногайской Орде, в эпоху ногайских бек и мурз Хасана, Алшагыра и др.

5. Уаки, потомки Ер-Кокше и Ер-Косая. По мнению Тынышпаева М. Ер-Кокше был убит в 1422 г. в одной из битв и был отмечен в русских летописях как Кокча. Ер-Кокше упоминается как в эпосе Манас, так и в ногайских эпосах.

6. Коныраты (Кунгираты), потомки Нангудая (Наганай), эмира ханов Узбека, Джанибека и Бердибека (Сабитов 2012: 121–124). По фольклорным данным, у Нангудая было 32 сына. Один сын Хусейн Ак Суфи и его брат Юсуф стали основателями династии, правившей в Хорезме с перерывами в 1359–1506 гг. (династия Суфи). Другой его сын Харун мурза стал предком династии Хивинских кунгратов, правивших в 1804–1918 гг. в Хорезме (Хивинское ханство). Что касается казахских кунгиратов, по версии З. Садыбекова, у Наганая был сын Орынбек (Орын би), у которого была два сына Мелде би и Жигалы. Мелде би имел двух сыновей: Танирберди (прозвище Коктинулы) и Кудайберди (прозвище Котенши). У Жигалы была два сына: Кулшигаш и Каракосе (Сәдібеков 1994: 102).

7. Керей, потомки Ашамайлы и Абака уйсуну. Абак был женат на дочери Ашамайлы и был из рода Уйсун (Сәдібеков 1994: 72). Вполне возможно данный Абак идентичен Абаку, предку крымского рода Яшлау, который в 1260-м г. переселился в Крым из Поволжья.

8. Найманы, потомки Укреша. Укреш-найманы уже фиксировались внутри государства Абулхаир-хана (1430–1468). У казахских

найманов сохранилось деление на Терстанбалы, Ергенекты и Толегетай. Из них Толегетай имел четверых сыновей: Каракерей, Садыр, Матай и Тортуйл. Ергенекты состоят из Бура-найманов, Балталы, Кокжарлы, Баганалы и Каратай-найманов. Терстанбалы являются потомками Кит-Буки — наймана, который согласно устным преданиям, был современником Джучи и Чингиз-хана и был тем человеком, который сообщил Чингиз-хану о смерти Джучи.

9. Шанышкылы, потомки Катаганов. Во времена Кадырали Жалаири они составляли 20 тысяч войска, в то время как остальные казахи составляли 30 тысяч войска (алаш мыны). Но после разгрома катаганов Есим-ханом катаганы рассеялись и, по легендам, катаганы приняли новое название Шанышкылы.

10. Канлы. Состоит из двух подродов: Сары канлы и Кара канлы. Судя по шежире, родоначальники основных подродов Канлы жили в начале или первой половине XVIII в.

11. Жалаиры. Состоит из двух подродов: Сырманак и Шуманак. Судя по шежире, родоначальники основных подродов Канлы жили в начале или первой половине XVII в. Таким образом, шежире жалаириров очень трудно соотнести с шежире Кадырали Жалаири, которое начинается со времен Джучи и заканчивается второй половиной XVI в. Скорее всего, найти связи между ними будет затруднительно.

12. Телеу. Согласно казахским шежире, основателями этого рода среди казахов были четыре брата: Ажи-ахмет, Ногай, Самат и Керейлы. Судя по шежире и расчетам поколений, эти четверо братьев жили в середине XVI в.

13. Рамадан. Основателем рода является фольклорный герой Алдар-косе. Его праправнуком являлся Жиренше-шешен. Жиренше-шешен также известен в башкирском фольклоре, где носит название Еренсе-сесен. Сказания про Еренсе-сесена связывают его с казахами. По разным сюжетам Еренсе-сесен попадает в плен казахам или живет среди них. По всей видимости, род рамадан оказался у казахов посредством контактов с башкирами.

14. Табыны. По расчету поколений на основе шежире можно предположить, что основатели рода Табын — Агым, Тогым и Бозым — появились среди казахов в период 1470–1490-х гг. Это совпадает со временем появления Табынов среди башкир. Башкирские

Табыны бежали от вражды двух ханов Мухаммеда Шейбани и Ибака. По всей видимости, казахские Табыны также оказались в Казахском ханстве, бежав от ханов-Шибанидов, во второй половине XV в.

15. Тама. Казахские Тама являются потомками известного Чуры Нарыкова. Скорее всего, данный род вошел в состав казахов после смерти Чуры Нарыкова и падения Казанского ханства.

16. Кердери. Среди казахов основателями рода были братья Смаил и Шагыр.

17. Керейт. Основателем рода среди казахов был Бозаншар, у которого был сын Аксакал. У Аксакала было два сына: Еспембет (Ойык) и Коспембет (Тилик)

18. Жагалбайлы. Среди казахов основателями рода были братья Мырза и Лез.

Также стоит отметить, что среди казахов есть потомки двух каракалпакских родов Мангыт и Кенегес, которые также восходят по своему происхождению к Золотоордынским временам.

19. Мангыты. Мангыты среди казахов проживают в Кербулакском районе Алматинской области среди Жалаилов, а также в Сарыагашском районе Южно-Казахстанской области.

20. Кенегесы. Первая группа Кенегесов живет в Кербулакском районе Алматинской области среди Жалаилов, а вторая группа проживает среди родового подразделения Назар (Алимулы, Алшин) в Актюбинской области.

Помимо трех жузов, у казахов существует аристократия — Аксуйек, состоящая из трех подразделений:

21. Торе — Чингизиды, потомки Джучи, сына Чингиз-хана. Среди казахов существуют три группы Торе: 21.1. Тука-Тимуридская ветвь. Потомки казахского хана Джанибека, который был правнуком Золотоордынского Урус-хана, известного в Казахском фольклоре как Алаша-хан. Урус-хан был потомком Тука-Тимура, сына Джучи. 21.2. Первая Шибанидская ветвь. Сатемир-торе. Потомки Хорезмского хана Шах-Тимура (Сатемир), чья семья в XVIII в. бежала из Хорезма в Казахстан. Сам Шах-Тимур был потомком Хорезмских ханов, которые, в свою очередь, были потомками известного Араб-шаха, потомка Шибана, сына Джучи. 21.3. Вторая Шибанидская ветвь. Жадигер-торе. Потомки каракалпакских Чингизидов, которые в начале XIX в. бежали от каракалпаков и из

Хорезма к казахам. Судя по всему, данная ветвь происходит от Кучум-хана, который, в свою очередь, был потомком Золотоордынского хана Хаджи Мухаммеда.

22. Кожа (Ходжа), Сеид и Сунак. Сословие потомков проповедников ислама среди казахов, часть из которых являлась потомками пророка Мухаммеда.

23. Толенгут. Сословие лично зависимых людей от хана и других Чингизидов. Обычно личная военная дружина, набираемая из представителей других народов (джунгары, калмыки, татары, башкиры, алтайцы и др.).

Из вышеуказанных 20 родов трех жузов только Жагалбайлы и Уаки не встречаются в списке 92 «узбекских» родов (Султанов 1982: 40–44). При этом предки рода Уак фиксируются в Золотой орде. По всей видимости, в то время племя Уак носило другое название. Уак — это антропоним, а сам Уак фиксируется как современник Едиге.

С нашей точки зрения, казахские шежире предельно достоверны, когда речь идет об общем первом предке для двоих родоначальников (от двух или более братьев происходят разные линии). Таким образом, можно резюмировать, что казахские шежире являются историческим источником, который, пройдя все циклы внешней и внутренней критики, может стать источником исторических фактов, которые можно будет использовать при исторических синтетических построениях и реконструкциях. Поэтому ввод в научный оборот казахских шежире (перевод на современные языки и комментарии к шежире) необходим, так как это позволит расширить круг источников по истории Золотой орды в целом и по истории казахов в частности.

Список литературы

Башкирские шежере / Сост., пер. текстов и комм. Р. Г. Кузеева. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1960. 305 с.

Сабитов Ж. М. Алшины (алчи-татары) в истории Поволжья и Приуралья в XIII–XIX веках // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Казань, 2015. Вып. 5. С. 383–393.

Сабитов Ж. М. К вопросу об Амате, сыне Исы // Вестник Евразийского национального университета. 2013. № 3(94). С. 299–302.

Сабитов Ж. М. Кунгираты в восточном Дешти-Кипчаке в XIII–XV веках // Вестник Евразийского национального университета. 2012. № 3(88). Астана. 2012. С. 121–124.

Сәдібеков З. Қазақ Шежіресі. Ташкент: Ўзбекистон, 1994. 144 б.

Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв: вопросы этнической и социальной истории. М.: Наука, 1982. 136 с.

Bustanov A. K. Soviet Orientalalism and the Creation of Central Asian Nations. London; New York: Routledge. 2015. 144 p.

ОБРАЗ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В УЧЕБНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ КУРСАХ: ЗАДАЧА УТОЧНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО СТАНДАРТА, РАЗРАБОТАННОГО РОССИЙСКИМ ИСТОРИЧЕСКИМ ОБЩЕСТВОМ

Каждая эпоха не только чем-то бывает, но и чем-то слывет. Историческая память, то есть образ прошедших эпох в сознании наших современников — важное направление современных исторических исследований. Отражением исторической памяти с одной стороны и институтом ее формирующим — с другой являются учебные курсы отечественной истории. Формируя отношение активного и подрастающего поколений к прошлому своей страны, учебные исторические курсы тем не менее не могут противоречить объективно прошедшему, но лишь расставляют акценты, выделяя важное и затушевывая второстепенное, предписывая объединяющие гражданскую нацию трактовки событий прошлого и препятствуя использованию исторического материала для пропаганды розни или вражды по национальному, религиозному или политическому признаку.

В этом свете особую важность имеет вопрос о месте, которое занимает Золотая Орда в исторических курсах (школьных и вузовских). Не забудем, что сам факт рождения России как многонационального государства связан с присоединением к Великому княжеству Московскому большей части бывшей Золотой Орды — Казанского, Астраханского и Сибирского ханств (а в XVIII в. — и Крыма), после чего само слово Русь начало уступать в языке место современному названию Россия, показывая тем самым новое качество создаваемого государства.

Долгое время в советских учебниках начало истории СССР представлялось как начало русской истории, как история Древней Руси. Так, пропедевтический учебник «Рассказы по истории СССР» Т. С. Голубевой и Л. С. Геллерштейна из семи параграфов первой

главы, содержащих историческое повествование, пять посвящены славянам и Руси (Киеву и Москве), а два — «борьбе Руси с монголо-татарскими завоевателями» и Куликовской битве, преподносимой как итог «ненависти к монголо-татарским захватчикам» (Голубева, Геллерштейн 1982). Пришедшая ему на смену в постсоветской России новая учебная книга «Рассказы по родной истории» не исправила ситуации: из шести параграфов первой главы, посвященной началу родной истории, все повествуют только о славянах и Руси, а девять параграфов второй главы преподносят историю взаимоотношения Руси и Орды (от Батыева до Ермака) исключительно как историю непримиримого противостояния (Воронейкина, Соловьев, Студеникин 1993).

Таким образом можно констатировать, что долгие годы в СССР и новой России ученики школы с младших классов должны были усвоить негативный образ Золотой Орды, не имея при этом никаких представлений о ее истории, государственном устройстве, культуре и т. д. В более старших классах ситуация не корректировалась. Учебники М. В. Нечкиной и П. С. Лейбенгруба (Нечкина, Лейбенгруб 1989) и под редакцией Б. А. Рыбакова (История СССР 1985) по-прежнему формировали негативный образ Золотой Орды. В методическом пособии для учителей прямо ставилась основная задача урока по Куликовской битве: «Раскрыть величие подвига русского народа, сокрушившего на Куликовом поле могучее монголо-татарское войско и положившего начало освобождению Руси от ненавистного ига» (Лейбенгруб 1974: 141).

Казалось бы, что сегодня, в условиях существования новой России, во-первых, и когда уже давно доказана антиисторичность самой приведенной выше постановки вопроса, во-вторых (см. напр.: Горский 2003), такая ситуация не должна быть терпима, но, как увидим ниже, она не исправляется.

Недавно Российским историческим обществом разработан «Историко-культурный стандарт» учебно-методического комплекса по истории России (Историко-культурный стандарт 2015), а решением Министерства образования и науки все учебники должны были быть приведены в соответствие с ним с точки зрения содержания. Но по сути изменения коснулись лишь смягчения формулировок: так, слово «иго» заменено на «зависимость».

Хотя в Стандарте появилась отдельная рубрика: «Народы и государства степной зоны Восточной Европы и Сибири в XIII–XV вв.». Она посвящена в основном истории Золотой Орды, но нет и речи о том, чтобы обозначить в Стандарте то место, которое в реальности занимала Золотая Орда в формировании единой российской многонациональной государственности, а ее государственная религия — ислам — в формировании культуры «многонационального народа России, объединенного общей судьбой на своей земле» (Конституция 1993).

То есть задачу постановки Золотой Орды «на свое место» в истории Российской Федерации, как одного из древних центров нашей общей государственности, наряду с государствами киевских и владимирских князей, Великим Новгородом, Волжской Болгарией, древнейшим Дербентом — Историко-культурным стандартом не решена.

Эта задача не может быть решена в регионах России за счет изучения истории своего региона. Вопрос формирования нашей общей государственности — вопрос не региональный. Общая история немыслима без общих героев и общих мест памяти (Пьер Нора). А это значит, что голос ученых должен звучать достаточно громко, чтобы истории эпоха Золотой Орды в истории России не только была в прошлом, не только являлась судьбоносной для формирования общей российской многонациональной государственности, но и слыла таковой в настоящем историческом знании, в том числе — обыденном знании о прошлом.

Список литературы

Ворожейкина Н. И., Соловьев В. М., Студеникин М. Т. Рассказы по родной истории: Учебник для 5 класса средней школы. М.: Просвещение, 1993. 255 с.

Голубева Т. С., Геллерштейн Л. С. Рассказы по истории СССР для 4 класса. Учебная книга. М.: Просвещение, 1982. 256 с.

Горский А. А. Москва и Орда. М.: Наука, 2003. 214 с.

Историко-культурный стандарт [2015] // Российское историческое общество // <http://rushistory.org/proekty/>

kontseptsiya-novogo-uchebno-metodicheskogo-kompleksa-potechestvennoj-istorii/istoriko-kulturnyj-standart.html (дата обращения: 15.04.2016)

История СССР. Учебник для 7 класса. / Под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Просвещение, 1985. 288 с.

Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с поправками) // Сайт Конституции Российской Федерации // <http://constitution.garant.ru/> (дата обращения: 10.04.2016)

Лейбенгруб П. С. Изучение истории СССР в VII классе. Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1974. 334 с.

Нечкина М. В., Лейбенгруб П. С. К История СССР. Учебник для 7 класса. М.: Просвещение, 1979. 240 с.

БИТВА ПОД ЛЕГНИЦЕЙ¹ (1241). ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Аннотация: В этом году минуло 775 лет со дня этой битвы, оставившей свой глубокий, трагичный след в истории польского народа и вдохновившей многих деятелей изобразительного искусства на создание посвященных ей произведений.

Кем были участники этой битвы с обеих сторон, что явилось основной причиной победы или поражения в этой битве, до сих пор вызывает много вопросов и споров у историков. Что же касается отражения этой битвы в изобразительном искусстве, то в этом случае, тем более, изображенное находится настолько далеко от исторической правды, что можно только говорить о мастерстве художников и о таком немаловажном для настоящего времени понятии, как их патриотизм.

Ключевые слова: Байдар, Орду-Ичен, Кайдан, битва под Турском Великим, битва под Хмельником, битва под Легницей, Силезия, Генрих II Благочестивый, Житие св. Ядвиги Силезской (Vita beatae Hedwig, 1353 г.), Ян Матейко.

Abstract: This year have passed the 775th anniversary of Battle of Legnica which has left its deep, tragic mark in the history of the Polish people and inspired many people of art to create, dedicated to her works.

Who were the participants of this battle on both sides that was the main cause of victory or defeat in this battle, still causes many questions and disputes among historians. As for the reflection of this battle in the fine arts, in this case, moreover, depicted is so far from historical truth that one can only talk about the skill of the artists and such are important for the present concept, as their patriotism.

Key words: Baidar, Orda Khan, Kadan, Battle of Tursko, Battle of Cmielnik, Battle of Legnica or Battle of Wahlstatt, Silesia, Henry II Pious of Silesia, The Hedwig Codex (Vita beatae Hedwig, 1353), Jan Matejko.

На курултае весной 1235 г. было принято решение о завоевании западных земель. Монгольское войско, пройдя огнем и мечом всю северо-восточную Русь, стало готовиться к походу на Венгерское Королевство. «Вторжение в Венгрию было необходимо для решения главных задач похода, поставленных великим ханом Угедэем. Прежде всего, Бату должен был настигнуть и уничтожить кипчакского

---

¹ Легница — город на юго-западе Польши, Вроцлавское воеводство, с середины XIII в. до 1675 г. столица пясковского княжества, впоследствии город находился под господством Габсбургов, с 1742 г. — Пруссии.

хана Котяна¹ вместе с его ордой [...]. Уничтожение Котяна становилось вполне обоснованным и законным предлогом для вторжения в любую страну, которая давала приют этому злейшему врагу монголов» (Почекаев 2006: 136–137). Бату в своем ультиматуме, переданном венгерскому королю в 1237 г. доминиканским монахом Юлианом², писал: «Узнал я сверх того, что рабов моих кыпчаков ты держишь под своим покровительством, почему приказываю тебе впредь не держать их у себя, чтобы из-за них я не стал против тебя. Кыпчакам легче бежать, чем тебе, так как они, кочующая без домов в шатрах, могут быть и в состоянии убежать, ты же, живя в домах, имеешь земли и города, как же тебе избежать руки моей» (Безертинов 2001: 244).

Войско разделили на две части: первая [7 туменов], расположилась на Днестре между Перемышлем и Львовом, вторая [ок. 3 туменов], в окрестностях Владимира Волынского³. Чтобы исключить возможную помощь венграм со стороны Польши, туда было послано войско под командованием Байдара⁴, находящееся в районе Владимира Волынского.

В январе 1241 г. войска Байдара и Орду-Ичена подошли к границе Сандомирской земли. В течение двух недель была осуществлена разведка ее восточной части и заняты Люблин⁵ и Завихост⁶, рейд монгольской конницы вглубь Малой Польши составил 220 км. В февральском походе было взято направление на стратегически важный пункт, защищающий переправу через реку, — город Сандомир⁷. Перейдя Вислу по льду, монголы «в Попелец (13

¹ Котян Сутоевич (?–1241) — половецкий хан из династии Тертеровцев.

² Копию этого письма Бела IV отослал патриарху Аквилеи Бертольд из Андекса, дяде Генриха II Благочестивого.

³ Владимир Волынский — город в Волынской области на реке Луга (приток Буга), известен с 988 г., был столицей Владимиро-волынского княжества, в 1349 г. его захватил Казимир Великий, после его смерти — Литва.

⁴ Байдар (Пейдар, Пета) — шестой сын Чагатай. Участник западного похода (1236–1242), командовал войском, действовавшим в Польше. В *Хронике венгерской* Бонфиниус пишет, что «сам Бату тем временем с большим войском отправился в Венгрию, а Пета [Байдар], с частью войска отправленным из Руси опустошать Польшу, откуда потом, якобы, пройдя через Силезию и Моравию в Венгрию, соединился с Бату» (Kromer 1767: 242).

⁵ Люблин — город в Польше на реке Быстрица, известен с X в.

⁶ Об этом первом набеге монголов (разведывательном?) пишет только Длугош.

⁷ Сандомир (Сандомеж) — город на юго-востоке Польши на реке Висла.

II) разорили [...] город и сандомирские земли не щадя ни женщин, ни детей, ни стариков» (Kronika Wielkopolska 2010: 395). Дальнейшее продвижение согласно польскому историку Длугошу шло вдоль Вислы — через Копшивницу¹, Скальбмеж². Монголы не дошли до Кракова 7 миль, недалеко от которого в местечке Калина³ были сгруппированы малопольские рыцари под предводительством воеводы Владимира, поэтому, проведя разведку⁴, монголы стали отступать в сторону села под названием Поланец⁵ на реке Черной. Они разбили лагерь под Турском Великим, где их настиг краковский воевода Владимир⁶ со своим отрядом, и 13 февраля произошла битва.

Байдар, скорее всего, использовал отступление, как маневр, с тем, чтобы занять выгодные позиции перед боем. Благодаря дисциплине и военной тактике монголам удалось победить многочисленных и хорошо вооруженных малопольских рыцарей⁷. Проведя несколько дней в лесу недалеко от Щечехова, монголы вернулись во Владимир Волинский. Основная задача этого похода была решена: сандомирская земля была разорена и взята под контроль

¹ Копшивница — город в Свентокшиском воеводстве, в 14 км от Сандомира.

² Скальбмеж — город на востоке Польши, у Ниджицы, известен с первой половины XII в., Свентокшиское воеводство.

³ Скорее всего, Малая Калина (Kalina Mała) — повят и церковный приход Мехув, Келецкого воеводства, известный уже с 1262 г. Это место упоминает только Длугош.

⁴ Кромер пишет, что Байдар и Орда-Ичен отступили, потому что на пути к Кракову встретили яростное сопротивление отрядов краковского воеводы Владимира и сандомирского воеводы Пакослава (Kromer 1767: 242).

⁵ Поланец — село в повяте Сташув, келецкого воеводства, река Черная — приток Вислы.

⁶ Владимир (?–1241) — краковский воевода, брат своих предшественников — краковских воевод Марка и Федора. Известно, что он происходил из древнего рода магнатов Gryfitów, но в настоящее время предполагают, что он, скорее всего, был представителем рода Gryfitów, породнившимся с родом Łabędziów, ведущих свой род от Петра Влостовица (1080–1153). Был кастеляном бжегским (упомянут в 1232–1234 гг.) и освенцимским (упомянут в 1238 г.). В 1238 г. стал краковским воеводой и фактически управлял Краковом в отсутствие Генриха Благочестивого. В 1241 г. вместе краковским кастеляном Клементом руководил польскими войсками в битве под Хмельником, где они оба погибли. Его брат Сулислав погиб позже, в битве под Легницей.

Согласно Длугошу, это наступление поляков под командованием краковского воеводы Владимира принесло успех в виде принуждения противника к отступлению и освобождению пленных.

⁷ Поляки понесли большие потери и были не в состоянии оказывать сопротивление вплоть до битвы под Хмельником.

переправа через Вислу. Февральский поход занял 10–12 дней, войска углубились уже на 300 км.

В марте началось основное нашествие: из окрестностей Владимира Волынского двинулись два-три тумена, ставшие правым крыло мощной операции против Королевства Венгерского. На этот раз продвижение армии шло севернее, так как на предыдущем маршруте все уже было разорено. Уже в начале месяца отряды монголов оказались в пригородах Сandomира, после двухдневной остановки в городе они разделились на две части: меньшая, насчитывающая 10 000 человек, под предводительством Кайдана¹ двинулась в сторону Ленчицы и Куяв, большая, около 15 000, под руководством Байдара и Орды-Ичена² направилась в сторону Кракова. Монголы шли через Опатов³ в Хмельник⁴, где произошли столкновения с оставшимся после битвы под Турском Великим краковско-сандомирским отрядом.

Битва под Хмельником произошла 18 марта на восходе солнца в месте под названием Веселое Поле. Войска краковских воеводы Владимира и кастеляна Клемента⁵ из Бжежницы, сандомирских воеводы Пакослава⁶ и кастеляна Якуба Ратиборовича⁷ потерпели сокрушительное поражение. В этом бою Байдар опять применил тактику «позорного бегства», повлекшую за собой деление польского войска на две части. Одна под давлением монголов разбежалась, вторая отступила в северном направлении, где на следующий день

---

¹ Кайдан — в польских летописях его называют «гетман Кайдан». Это имя Длугош заимствовал у Фомы Сплитского, в то время как в 1241 г. Кайдан действовал на территории Сербии и Болгарии.

² Орда-Ичен (Орду) (? — после 1252) — сын Джучи.

³ Опатов — город в Свентокшишском воеводстве, известен с X в.

⁴ Хмельник (Хмелик) — город в Польше, Келецкое воеводство, повят Буско-Здруй.

⁵ Клемент из Бжежницы (Клемент Климонтович) (? — 18 марта 1241) — происходил из рода Gryfów, опольский воевода, впоследствии краковский кастелян (Paprocki 1578: 29). Со своей женой Рацлавой (возможно дочерью опольского кастеляна Зброслава) на собственные средства основали монастырь цистерианок в Лубницах, а также бенедиктинок в Станентках, где его дочь Вышенега [Визенна] была позже настоятельницей женского монастыря, а сам Клемент, впоследствии, был вместе с женой похоронен.

⁶ Пакослав сын Теодориха [Scadrici, Gzedryka] — воевода сандомирский, известный своим участием в битвах 1236 г. на Руси. Происходил из рода Adwańców. В хронике познаньского капитула о нем добавлено: «*fuerat de magna gracia ducis Premis*!» («пользовался величайшей милостью князя Пшемислава»).

⁷ Якуб Ратиборович — сандомирский кастелян.

захлебнулась в крови в битве под Тарчком. Все, за исключением сандомирского воеводы Пакослава, погибли. В этом бою встретили свою смерть такие известные рыцари, как: Кристи́н Сулко́виц¹ из Медве́дя [Niedźwiedź], Войце́х Стемпо́чиц², Микола́й Витови́ц³, Ще́мента [из] Громби́на⁴ и Сули́слав⁵.

Сандомирский князь Болеслав V Стыдливый⁶, узнав о столь сокрушительном поражении, вместе с женой Кингой⁷ [?] и матерью, русской княгиней Гремиславой⁸, бежал в Венгрию к своей сестре, жене галицкого князя Коломана⁹, Саломее¹⁰. Позже, когда монголы начали опустошать Венгрию, он прятался в Моравии в монастыре у цистерцианцев.

После битвы 19 марта под Тарчеком¹¹ Байдар и Орда-Ичен двинулись прямо на Краков. Были сожжены город Вислица¹² и большая часть краковской земли — Малая Польша оказалась в руках завоевателей. В Попелец (первый день Великого поста)¹³ монголы

¹ Кристи́н Сулко́вич из рода малопольских Starzów.

² Войце́х (Альберт) сын Стемпо́ты упоминается в 1224 и 1239 гг.

³ Микола́й Витови́ц упоминается в 1236 г.

⁴ Ще́мента из Громби́на не упоминается нигде.

⁵ Сули́слав (Сулек) Святославович происходил из рода Любовлитов-Огников.

⁶ Болеслав Стыдливый (21.06.1226–07.12.1279) — князь сандомирский, с 1243 г. краковский, сын Лешека Белого и Гремиславы. После смерти его отца (1227) за краковский трон началась борьба между Генрихом Бородатым, Владиславом Лясконогим и Конрадом Мазовецким, малолетний Владислав был вместе с матерью отправлен в Сандомир. В 1239 г. его женили на венгерской королевне Кинге, что явилось основой длительного политического союза с Венгрией. После достижения совершеннолетия Болеслав Стыдливый, сын Лешека Белого, правил в Кракове до 1279 г. Умер бездетным, оставив трон Лешеку Черному (мазовецко-куявская линия).

⁷ Св. Кинга, Куне(и)гунда Венгерская (1224/1234–24.07.1292) — католическая святая, венгерская княжна, дочь венгерского короля Белы IV и Марии Ласкарины, жена Болеслава V Стыдливого (помолвка состоялась в 1243 г.), канонизирована в XVII в.

⁸ Гремислава Ингваровна (1185/1195–1258) — русская княжна, дочь Ингвара из Луцка, с 1207 г. жена польского князя Лешека Белого. Оказала большое влияние на правление сына.

⁹ Коломан (ок. 1208–1241) — сын Андраша II Арпада, князь Галицкий (1213–1221), герцог славонский и хорватский (1226–1241), брат Белы IV.

¹⁰ Блаженная Саломея (Саломея Краковская) (1211/1212–1268) — польская княжна, жена Коломана, князя галицкого.

¹¹ Был уничтожен во время нашествия и больше не возродился.

¹² Вислица — город на реке Нида в Малой Польше, известен с IX в. В XII в. столица небольшого княжества.

¹³ Дата, указанная Яном Длугошем ошибочна, так как Попелец в 1241 г. приходился на 13 февраля, Лябуда пишет о 28 марте (спустя 10 дней после битвы под Хмельником).

подошли к Кракову. 21/22 марта город был занят и разграблен и в ночь на Пасху сожжен. Согласно Длугошу¹, стоял только костел Св. Андрея².

На следующий день 1 апреля к войску Байдара и Орды-Ичен присоединился Кайдан, который прошел через Ленчицу, Серадз. Тот факт, что ему удалось сделать такой быстрый бросок на соединение, и, пройдя 600–700 км,³ двинуться дальше на Вроцлав (7 апреля), а 9 апреля встретиться с мощным войском Генриха Благочестивого, вызывает определенные сомнения. Одни историки, последователи Длугоша, убеждены, что 1 апреля прибыл отряд Кайдана, и произошло объединение сил, другие усматривают наличие некоего объединенного небольшого отряда, поддерживающего связь главных сил с действующим по-прежнему на севере Кайданом, что выглядит более убедительным.

В начале апреля объединенные силы монголов двинулись через Ратибор⁴ и Ополе⁵ к Вроцлаву⁶. По дороге все мосты через Одру были уничтожены, поэтому они сделали себе плоты и на них сплывались до Ратибора. Там 20 марта Мечиславу (Мешко) II Толстому⁷ удалось захватить врасплох и разбить один из монгольских отрядов⁸,

¹ Надо отметить, что повествование Длугоша об этом событии неясно и полно противоречий.

² Костел Св. Андрея в Кракове (XI в.) — сооружение переходного типа, фасад которого, выходящий на улицу Гродскую, носит почти крепостной характер. Костел осуществлял и оборонные функции, в 1241 г. он противостоял многочисленным атакам татар и не был взят. Хотя это спорный вопрос, так как площадь костела очень мала, не может вместить большого количества обороняющихся. Длугош писал, что там находились жители пригорода Окул. Ежи Моронь пишет, что, скорее всего, это и был укрепленный пригород Кракова Окул (Моронь 1996: 61).

³ Хотя, согласно *Большой хронике* Матвея Парижского, они «[...] за одну ночь покрывают расстояние трех дневных переходов» (Гатин, Абзалов, Юрченко 2008: 301).

⁴ Ратибор (Рацибуж, Рацибор) — город в опольском воеводстве, упоминается с 1108 г. Примерно с 1177 г. — столица княжества, занимающего всю горную Силезию.

⁵ Ополе — город западнее Лодзи, в центральной части Польши, на юго-западе Польши на реке Одра. Был основан в X в.

⁶ Вроцлав — город на юго-западе Польши на реке Одра. Предположительно 5–7 апреля монголы могли быть уже там.

⁷ Мечислав (Мешко) II Толстый (1225/1226–22.10.1246) — князь опольский и рациборский с 1229/1230 г., после смерти отца находился под опекой отца Генриха II Благочестивого — Генриха Бородатого. В 1239 г. Мешко женился на Юдите, дочери Конрада Мазовецкого, умер, не оставив потомства.

⁸ Согласно Каролу Громанну, в этой битве погибло около 400 монголов.

который переправлялся на левый берег Одры. Увидев приближающееся на помощь большое количество монгольских воинов, Мешко отступил и повел свое войско в сторону Легницы, где Генрих II Благочестивый¹ назначил место сбора сил. Действия краковско-сандомирских войск под Хмельником, Ратибором и Ополе дали возможность Генриху II Благочестивому собрать в реалиях средневековой Польши значительные силы². Войска сошлись на поле под Легницей под названием Доброе Поле.

Войско³ Генриха II Благочестивого состояло из пяти отрядов⁴. Первым, который состоял из: рыцарей-тамплиеров⁵, иоаннитов⁶ и золотодобытчиков из Злоторы⁷, командовал Болеслав Шепёлка⁸,

¹ Генрих II Благочестивый (ок. 1191–1241) — третий сын силезского князя Генриха Бородатого и Ядвиги Силезской, княжны баварской (канонизированной в 1267 г.). От брака с Анной, дочерью Пржемысла Оттокара I, заключенного в 1214–1218 гг., имел пять дочерей и пять сыновей. В 1238–1241 гг. князь Кракова, Силезии и Великой Польши.

² 200 воинов городского контингента, 500 силезских рыцарей, 600 наемников, 36 храмовников, 36 рыцарей южной и западной части Великой Польши, остатки малопольских рыцарей. Общее количество составляло, примерно, 1400–1600 человек. Не исключается наличие «мобилизованных» крестьян (Mogoi 1996: 72). Количество воинов, участвующих в битве с обеих сторон, в разных источниках указывается разное: Войско монголов состояло из примерно 8 000 всадников, большая часть которых была легко вооружена, меньшая тяжеловооруженная резервная часть предназначалась для решающей схватки. Польское войско насчитывало около 7 000 воинов, 1 000 были тяжеловооруженными.

Во многих странах был объявлен крестовый поход против татар. В частности, была папская булла от 16 июня 1241 г., призывающая немецких доминиканцев к объявлению крестового похода.

³ По Яну Длугошу.

⁴ Длугош прибавил отряд Поппо из Остерны.

Поппо(н) фон Остерн (1200–1267) — уроженец г. Остерное близ Нюрнберга, десятый великий магистр Тевтонского ордена (1252–1256), участник битвы при Легнице. Некоторые исследователи считают Поппона рыцарем крестоносцев, правнуком князя мекленбургского, Генриха I Борвина, дочерью которого могла быть Звенислава, жена Мщивоя.

⁵ Тамплиеры (храмовники) — члены средневекового католического, духовно-рыцарского ордена, основанного в Иерусалиме вскоре после первого крестового похода.

⁶ Иоанниты (госпитальеры) — члены духовно-рыцарского ордена, основанного в Палестине крестоносцами в начале XII в. Названы так по иерусалимскому госпиталю св. Иоанна, в котором после первого крестового похода находилась резиденция рыцарей — основателей ордена.

⁷ Злоторый (Złota Góra) — город во вrocławском воеводстве, Нижняя Силезия, с 1211 г. там велась добыча золота, в XVI веке — известный центр реформации.

⁸ Болеслав Шепёлка или Шепёлка [Szepiołka] (1182/1183–1241) — согласно *Chronicon Polono-Silesiacum* (MGH SS XIX) он был сыном Дипольда II маркграфа Моравии (21 ноября 1190 г.) и его жены Аделаиды (Збыславы) (?–1223), дочери Болеслава I и сестры Генриха Бородатого, названным «Boleslaus... Primislaus... Dypoldus»,

сын маркграфа Моравии Дипольда. Отряд краковских и великопольских рыцарей возглавил Сулислав¹, брат погибшего воеводы Владимира. Третьим отрядом, состоящим из опольских рыцарей, командовал Мечислав II Толстый², четвертым — Поппо из Остерны³. Пятый отряд возглавил сам князь Генрих II Благочестивый с Клементом из Глогова⁴. Отряд состоял из: силезских и вроцлавских оруженосцев, лучших великопольских и силезских рыцарей, а также небольшого количества наемников,

Об армии противника, согласно сведениям Длугоша, известно только, что среди них были и русские отряды. «Об их участии в походе на стороне монголов упоминает Фома Сплитский⁵, сообщивший,

---

следовательно, был двоюродным братом Генриха II Благочестивого. В 1202 году был изгнан со своими братьями из Чешского Королевства Пржемыслом Оттокар I, вернулся в 1204 году. Во второй раз был изгнан в 1233-м или 1234 г. королем Вацлавом I, состоял при дворе Генриха I Бородатого. Погиб в битве при Легнице бездетным холостяком. Болеслав был «occisus a paganis» и был погребен в Любине. *Epytaphia ducum Slezie* (MGH SS XIX) на смерть «V Id Apr» «Bolezlaus [...] filius Adelheydis filia fundatoris [Bolezlai ducis Slezie]» повествует, что он был убит в битве с татарами, а следующая затем запись указывает, что на эту дату приходится битва «Wolstst prope Legnitcz». Длугош пишет, что Болеслав командовал разговаривающими на разных языках добровольцами, золотокопателями из Злоторыя.

¹ Длугош пишет, что Сулислав, брат покойного краковского воеводы Владимира, командовал краковскими и великопольскими рыцарями (Parrocki 1578: 29).

² Длугош пишет, что опольский князь Мечислав (Мешко) командовал рыцарями из Ополья.

³ Поппо из Остерны (Поппо фон Остерное, Остернах, Острии) (?–06.11.1266 / 1267 / 1269) — X Великий магистр Тевтонского ордена крестоносцев в 1253–1256 гг. В 1267 г. стал свидетелем принесения мощей Св. Ядвиги в Требницу. Есть предположение, что он умер во время пребывания в Силезии, поэтому убедительным является тот факт, что он был захоронен в францисканском костеле Св. Якуба рядом с Генрихом II Благочестивым (по другим источникам он захоронен в аббатстве Маллерсдорф в Нижней Баварии). Эпитафия на надгробной плите и явилась причиной появления и гибели его в Битве при Легнице. По другим предположениям его связи с миноритами датируются 1239 г. и появлением монастыря в Торунь, в этом случае место его захоронения в костеле Св. Якуба также объяснимо. Длугош не пишет о его гибели под Легницей, только о поражении его отряда.

Тевтонский орден (лат. *Teutonici* — тевтоны, немцы) — орден рыцарей черного креста Девы Марии, был основан немцами-крестоносцами в 1190 г. в Палестине для защиты рубежей Иерусалимского королевства. В отличие от других орденов, возникших в Святой земле в эпоху крестовых походов, в его рядах были только выходцы из Германии. Участие крестоносцев в этой битве польские исследователи ставят под сомнение (и это становится понятным, когда видишь витраж 1905 г., см. далее).

⁴ Глогов — крепость на Одре, город на р. Кросно (Герцогство Силезия, XIV–XV вв.).

⁵ Фома Сплитский (ок. 1200–08.05.1268) — учился в университете в Болонье, летописец, архидьякон Сплита (1230), его Хроника описывает историю архиепископов

что „один перебежчик из рутенов перешел на сторону короля“» (Почекаев 2006: 136–138), об участии русских пишет и Длугош.

Войска встретились под Легницей 9 апреля¹ 1241 г. На поле битвы² Генрих II Благочестивый потерпел сокрушительное поражение. Аббат монастыря Святой Марии в Венгрии писал 4 января 1242 г.: «[...] блаженной памяти князя Г[енриха] Польского уничтожили с сорока тысячами людей за один день, как за одно мгновение» (Образование Золотой Орды 2008: 306–307). Причиной такого поражения войска Генриха II Благочестивого стало то, что оно столкнулось с совершенно иной тактикой ведения боя и оказалось к нему не готовым. Войска противника вводились в бой прекрасно организованными отрядами, применялись неизвестные в Европе виды оружия и одурманивающие газы³. Длугош писал о провокационных действиях некоего отряда, перемещающегося между войсками и сеющего панику громкими криками: «Бегите, бегите!!».

Когда началась битва, союзное войско Вацлава I⁴ было на расстоянии одного дня пути от Легницы. Возможно, Генрих II Благочестивый был вынужден принять бой, не имея времени на ожидание, или Вацлав I остановил своих воинов, не веря в победу союзных войск и боясь мести, которая постигла бы его народ в случае поражения. Ударом также стало бегство с поля боя войска опольского князя Мешко II Толстого, после чего Генрих II Благочестивый сказал знаменитую фразу: «Пало на нас великое несчастье».

В современной польской историографии склоняются больше к тому, что поражение было связано с внутренними противоречиями⁵

сплитских. *Historia Salonitarum pontificum* [...], являясь важным средневековым источником для истории средневековой Хорватии.

¹ Длугош ошибочно определяет дату битвы 8 апреля.

² Вальштатская битва (нем.).

³ Длугош писал: «Была в татарском войске среди иных хоругвей одна, гигантская, на которой виднелся такой знак: Х. На древке было подобие отвратительной черной головы с подбородком, укрытым порослью. [...] знаменосец при том штандарте как можно сильнее потрясал той головой, торчащей высоко на древке. Изошли из нее тот час же и разошлась над всем польским войском пар, дым и туман с такой сильной вонью, что в силу ужасного и несносного смрада сражающиеся поляки едва ли не сомнели и, став едва живыми, оказались неспособны к битве».

⁴ Вацлав I (1205–22.11.1253) — сын Пржемысла I Оттокара, с 1228 г. чешский король, но фактически правил с 1230 г.

⁵ Предполагают, что и Мечислав II Толстый покинул поле боя из-за внутренних разногласий, в 1239 г. он женился на дочери Конрада I Мазовецкого, вечного

и делают акцент на «низкий моральный дух польской армии, и, скорее всего, большей ее части» (Cetwiński 1980: 220), тем более что нет никаких подтверждений больших потерь, понесенных польскими феодалами, о которых пишет Длугош (Długosz 1873: 275).

Войско было разгромлено, до конца около князя оставались «Сулислав, воевода глоговский Клеменс, Конрад Конрадович и Ян Иванович», последний прилагал все усилия, чтобы спасти Генриха II Благочестивого. Несмотря на все, князь погиб¹. Его голову победители насадили на копье и принесли к Легнице², принуждая находящихся в замке сдаться. После одержанной победы войско отправилось в сторону Отмухува³, где находилось две недели, и в конце апреля ушло на соединение с армией Бату⁴.

Тело Генриха II Благочестивого, лишённого головы и без одежды, было опознано, по одним источникам матерью, Св. Ядвигой Силезской⁵, по другим — его женой, Анной Чешской⁶, по левой ноге, на которой было шесть пальцев⁷.

Битва под Легницей нашла свое отражение в изобразительном искусстве. Художник Александр Лессер⁸ в своей работе 1884 г. «Св. Ядвига и Анна Чешская в отчаянии над останками Генриха Благочестивого» (рис. 1), не мудрствуя лукаво, изобразил их обеих. Произведения

конкурента силезских князей. О разногласиях упоминалось и у М. Plezia в *Historum Tartarorum*.

¹ Сохранилось описание смерти силезского князя, Яна Длугоша и в *Historii Tartarorum*.

² *Осада Легницы татарами*, миниатюра 1353 г.

³ Отмухув — город в Опольском воеводстве.

⁴ Потом через Моравию привезли голову Генриха II Благочестивого в качестве трофея Бату в Венгрию.

⁵ Ядвига Силезская (1174–1243) — дочь Бертольда, князя Мераны, представительница Андексской династии, родная сестра Гертруды, матери венгерского короля Бэлы IV. Вышла замуж за Генриха Бородатого в 1186 г., католическая святая, монахиня, покровительница сирот, канонизирована в 1267 г.

⁶ Анна Чешская (ок. 1201–12.04/23.06.1265) — силезская княжна, дочь Пржемыслава I Оттокара и его второй жены Констанции Венгерской, жена Генриха II Благочестивого и родная сестра чешского короля Вацлава I. После смерти мужа в 1241 г. играла важную политическую роль, посредничая в территориальных спорах между сыновьями Болеславом Рогаткой и Генрихом III Белым. Поддерживала активные контакты с чешским двором, из Чехии пригласила францисканцев и кларисок и основала для них монастырь во Вроцлаве.

⁷ Это подтвердилось при вскрытии гробницы князя в 1832 г.

⁸ Лессер Александр (1814–1884) — польский художник и критик еврейского происхождения, специализирующийся на картинах исторической и современной тематики, член Академии наук в Кракове, соучредитель Общества любителей изящных искусств.

этого исторического живописца всегда выделялись такими несомненными достоинствами, как: правильность рисунка, академически выверенное построение фигур и композиционного решения, стремление к исторической верности, но в них, даже при наличии экспрессии, зрителю всегда не хватало того психологического драматизма и выразительности, который так действует на душу и воображение.

Во второй половине XIII в. к 100-летию канонизации Ядвиги Силезской было составлено *Житие* или *Легенда о святой Ядвиге*. Из дошедших до наших дней иллюстрированных и представленных несколькими списками версий, самая ранняя — *Житие св. Ядвиги Силезской* [*Vita beatae Hedwig*] (1353)¹. *Житие* было составлено монахом Николаем Пруже (Прус) из пригорода города Любин², а три миниатюры³, созданные в придворной мастерской Людвига I⁴, были непосредственно посвящены трагическим событиям легницкой битвы.

На первой миниатюре изображена сама битва (рис. 2), где во главе войска князь с пястовским орлом на щите и на развевающемся знамени, рядом с ним воины с щитами представителей Ополя, Верхней и Нижней Силезии, Ордена Тамплиеров. В отличие от польского войска, где изображены воины с реальными гербами, геральдику монголов автор миниатюры не знал, и как часто бывало, изображенные эмблемы были плодом фантазии художников, но всегда они несли определенный символический смысл. На этой миниатюре внимание зрителя сразу привлекает изображенная на стяге монгольского воинства голова Иоанна Пресвитера⁵ (рис. 2, 3).

¹ *Любинский кодекс* создан по заказу Людвига I Бжегского к 100-летней годовщине (1367) канонизации св. Ядвиги Силезской. Кодекс хранится в Исследовательском институте П. Гетти.

² *Nicolai pruzie foris civitatem Lubyn*. Любин — город Нижнесилезского воеводства, Любинский повят.

³ Неизвестный мастер, исполнивший миниатюры для кодекса, скорее всего, обучался в Чехии. Миниатюры являются шедевром силезской миниатюрной живописи.

⁴ Людвиг I Бжегский (Справедливый, Разумный, Честный) (1313–6/23.12.1398) — князь Легницы (1342–1345, вместе со своим братом Вацлавом, 1345–1346 — единолично), князь Бжега (с 1358), регент Легницы (1364–1373). Сын Болеслава III Расточителя (23.09.1291–?), князя Легницы, Бжега, Любина (1291–1352), и Малгожаты, дочери Вацлава II, короля Чехии и Польши, внук Болеслава Рогатки. Муж Агнешки, дочери Генрика IV Верного, князя силезско-жеганского, и вдовы Лешка Ратиборского (с 1341/1345), чье изображение также есть в *Кодексе*.

⁵ Автор выражает благодарность за помощь М. С. Гатину и Р. Хаутала.

Изображение мифического Иоанна Пресвитера, которое встречается на всех трех миниатюрах *Жития св. Ядвиги Силезской* [*Vita beaetae Hedwig*] 1353 г.,¹ в миниатюрах, созданных позже на эти же сюжеты, исчезает. Так в миниатюрах 1451 года из *Хорниговского кодекса*² (рис. 4, 5), хранящихся в библиотеке Вроцлавского университета³, и в сценах легницких событий, изображенных для Костела Святого Духа во Вроцлаве на Вроцлавском триптихе (ок. 1430) [Алтарь св. Ядвиги Силезской] (рис. 6), изображения Иоанна Пресвитера нет. Хотя сцены на миниатюрах и на триптихе точно, но с большим мастерством повторяют миниатюры *Любинского кодекса*. Что же изменилось за срок примерно в 100 лет?

Известно, что слух о существовании «Царства пресвитера Иоанна» появился в Европе в 1145 г. в период Второго крестового похода, и, надо отметить, крестоносцы свято верили в существование этого царя-христианина. Во второй половине XIII в. миф о царстве царя-христианина развенчала «Книга о великом Хаане». Оказалось, что «монголы не христиане, от царства пресвитера Иоанна сохранились лишь воспоминания, и несториане для католической Европы не друзья и братья, а еретики и враги» (Гумилев 1970: 203). Эта информация находила многочисленные подтверждения в том числе «со слов беглецов-русских, покинувших Киев после разгрома его Батыем и эмигрировавших в Саксонию, что в татарском войске было много „злочестивейших христиан“, т. е. несториан» (Гумилев 1970: 333).

Поэтому миниатюрист *Жития Св. Ядвиги Силезской* (*Любинский кодекс*) (1353) изобразил монгольское войско со стягом с головой Иоанна Пресвитера⁴, а на миниатюрах *Хорниговского кодекса* (1451) мы видим черную голову мавра⁵. Она также является плодом фантазии художника, но уже несет в себе определенный символический

¹ Любинский кодекс, созданный по заказу Людвига I Бжегского.

² Заказчик Антон Хорниг.

³ Университетская библиотека во Вроцлаве, rkp. sygn.: IV F 192, l. 6.

⁴ «[...] царь их — сын христианки. Ибо отец его, когда покорил себе всю Индию и того, кто называется пресвитером Иоанном (имя, которое дается всем царям Индии) убил, то взял в жены его дочь, а от нее родился тот царь, что ныне правит у татар» (Гатин, Абзалов, Юрченко 2008: 309–310).

⁵ Голова мавра — символ Востока, черной расы, эмблема сарацин.

смысл¹. В *Хорниговском кодексе* войско Генриха II Благочестивого идет в бой под пятовским орлом, но из гербов миниатюр *Любинского кодекса* сохраняется только герб (щит с тремя орлиными головами)² рыцаря рода Роткирх³, который, согласно легенде, был знаменосцем Генриха II Благочестивого, а также герб рыцаря рода Боживой⁴ с изображением головы орла над шахматной доской⁵.

Возвращаясь к *Любинскому кодексу* интересно проследить, как в своих миниатюрах автор выражает свое враждебное отношение к монгольским завоевателям и проецирует свои представления и свое отношение к этому совершенно чуждому ему цивилизационно и религиозно миру. Миниатюрист изобразил войско Генриха II Благочестивого более мощным, композиционно занимающим более половины изображения, усиливая это впечатление бóльшим масштабом фигур. Кроме этого, он подчеркивает композиционно монолитность войска князя, в то время как неприятель изображен меньшим по масштабу, и его войско выглядит более хаотично. Это впечатление создается фигурами с поднятыми руками, что усиливает ощущение агрессивности, которая была принята при изображении «врагов» в средневековой европейской миниатюрной живописи. Жесты воинов Генриха II Благочестивого, сдержанны, так как следуют принятой в средневековых изображениях традиции: нехристиане — агрессивны и действуют насильственными методами, а христиане — смиренны, являются жертвами в войне с язычниками и вынуждены защищаться. В средневековых европейских миниатюрах иноверцев изображали всегда с бородой, что мы видим на миниатюрах *Любинского кодекса*, автор которых изобразил монголов стариками, в то время как войско Генриха состоит из молодых воинов, что должно усиливать впечатление их боеспособности и силы. В миниатюре *Битва поляков с монголами*

¹ Черный цвет — это цвет греха, ада, язычества, смерти, и голова мавра здесь выступает как символ Востока, эмблема сарацин.

² Орел в средневековых гербах является наиболее благородной фигурой блазона, являющейся символом могущества.

³ Роткирх фон — род происходил из Тироля и некогда называлась Тауэр (Tauer). Прибыли в Силезию в 1186 г. вместе с Ядвигой, когда она стала женой Генриха Бородатого. Они осели в месте под названием Красный костел (Czerwony Kościół, Rothkirch) и взяли себе фамилию по названию этого места.

⁴ Боживой (Бусевой) фон (Busewoy von, Buswoy, Busvou, Budewoy, Bożywoy).

⁵ Красные и белые квадраты.

автор усиливает это впечатление изображением убитого рыцарем рода Ч(Ш)амбор¹ герба Rogala монгольского воина, и нанесением копьем смертельного ранения в глаз двум монголам рыцарем рода Браухич² герба Jeleń.

Рядом с Генрихом II Благочестивым находятся рыцари: Погожел³, герб которого украшен укрепленными башнями — герб Grzymała, рыцарь герба Wadwicz⁴ (две рыбы), Боживой с гербом, изображающим орла и шахматную доску и Абшац⁵, на гербе которого изображен лось.

Лошади войска Генриха II Благочестивого также мощные, крупные в отличие от мелкой по величине, и немногочисленной монгольской конницы, морды у них автор рисует крупными благородными, в то время, как лошади монголов у него похожи больше на ослов. Инаковость подчеркивается художником и различием вооружений противоборствующих войск, изображая оружие оборонительное и наступательное. Монголы изображены с луками и стрелами, что соответствует действительности, в хрониках они описывались как искусные лучники, а польское-немецкое войско вооружено копьями. Это, появившееся еще в период античности, противопоставление лучников тяжеловооруженным воинам, несет в себе идею противопоставления варварства и цивилизации. Кроме того, существует различие в изображении шлемов, если у войска Генриха они двух видов — прямоугольного и конического, то у монголов форма шлема совсем иная. И, как часто изображали врагов на западноевропейских средневековых миниатюрах, среди них есть бородатые (старые) воины, в войске Генриха II Благочестивого воины не имеют бороды (молоды). Надо отметить, сходство подхода к обозначению «врага», которое прослеживается во многих европейских средневековых миниатюрах.

¹ Ч(Ш)амбор (Чаммер, Шаммер) (Tschammer von) герба Rogala — силезский дворянский род, самым старшим представителем был рыцарь Шамбор.

² Брохвич или Браухич фон (Brochwicz, Brzuchacz, Brauchitsch von) герба Jeleń (Олень).

³ Погожели или Погарелл фон (Pogarell von, Pogrel, Pogorzeli, Pogorely) герба Grzymała — старинный силезский аристократический род.

⁴ Вадвич (Wadwicz) — польский дворянский герб, на котором изображены две морские рыбы.

⁵ Абшац фон (Abschatz von).

Те же элементы в изображении «своих» и «врагов» прослеживаются и во второй миниатюре, представляющей смерть Генриха II Благочестивого, окруженного воинами-монголами, к которому спешит на помощь только рыцарь рода Ч(Ш)амбор герба Rogala. Миниатюра интересна своим решением трех временных этапов. В центре миниатюры изображено как князя убивает кинжалом бородатый в остроконечной шапке монгольский воин. Судя по тому, что по величине и Генрих II Благочестивый и его убийца изображены миниатюристом в большем масштабе, чем все остальные, то, по мнению автора, убийца князя — знатный монгол. Рядом с князем гибнут пронзенный в глаз кинжалом рыцарь рода Браухитш герба Jeleń и пронзенный мечом в сердце тевтонский¹ рыцарь².

Согласно хронике, князь бился с преградившим ему дорогу монгольским воином, но, когда он поднял меч, ему был нанесен смертельный удар в область подмышки. Этот момент и был представлен миниатюристом. В левом нижнем углу князь изображен уже обезглавленным, а на следующем эпизоде этой миниатюры — душу Генриха II Благочестивого уносит ангел на небо. На третьей миниатюре изображено как голову Генриха II Благочестивого победители насадили на копье и принесли к Легнице, вынуждая жителей сдаться (рис. 3, 5). На последней миниатюре, посвященной Битве под Легницей, изображено, как Св. Ядвига, находясь в Кросно, узнала обо всем случившемся, обратившись к Святому Духу, и рассказала обо всем увиденном монахине Аделаиде (рис. 3, 5).

Сравнивая изображения монгольского войска *Хорниговского кодекса* и *Вроцлавского триптиха* (конец 1430 г.) [Алтарь св. Ядвиги Силезской] (рис. 6), с *Любинским кодексом*, нельзя не отметить наметившийся постепенный переход от условного к более реалистическому изображению. Хотя визуальное различие противников все равно остается минимальным, отражаясь только в геральдике. На *Вроцлавском триптихе* монгольское войско идет под знаменем

¹ Поппо фон Остерн.

² Около Генриха II Благочестивого при его гибели находились четыре рыцаря: Сулислав, воевода глоговский Клемент, Конрад Конрадович и Ян Янович. Рыцарь Ростислав [Roszlavus], чей конь был отдан князю. Погибли: Сулислав, брат краковского воеводы Владимира, воевода глоговский Клемент, Конрад Конрадович, Стефан из Вержбны и его сын Анджей, сын Анджея из Пелчицы Клемент, Томаш Петрович и Петр Куша, которые изображены в правом верхнем углу миниатюры.

с изображением уже другого символа, отличие монголов подчеркивается их вооружением — луками¹.

После битвы в 1242 г. вдова Генриха II Благочестивого (или его мать Св. Ядвиги) основала на Легницком Поле деревянную часовню и передала ее в дар бенедиктинским монахам. На рубеже XIII–XIV вв. на этом месте был построен каменный готический костел Св. Троицы и Пресвятой Девы Марии. В этом старинном костеле, построенном на месте гибели князя, в 1961 г. был открыт Музей Легницкой битвы, который в этом году отмечает свое 55-летие. В экспозиции музея представлены: копия надгробной плиты Генриха II Благочестивого² (рис. 7); над готической аркой — изображение силезкого пястовского орла XIII в.; гербы командующих трех отрядов: князя Мешко опольского, Сулислава и маркграфа Моравии Болеслава и гербы³ участников этого сражения.

В память о сражении и гибели своего сына под Легницей и над телами погибших в этой битве Св. Ядвигой был заложен костел и монастырь для бенедиктинцев из чешских Опатовиц, который в 1535 г. после перехода жителей в протестантизм был уничтожен. В начале XVIII в. бенедиктинцы приступили к сбору средств на постройку нового костела и монастыря, которые должны были стать памятниками славы и гордости защитников веры, убитых в битве под Легницей, и напоминанием о мученической смерти князя Генриха II Благочестивого. Строительство по проекту Килиана Игнацы Денценхофера⁴ было начато в 1719 г. Приходской костел Возвышения Св. Креста и Св. Ядвиги, построенный в стиле барокко, был освящен 7 октября 1731 г.,⁵ фрески на сводах пресвитерия и нефа исполнил Косьма Дамиан Асам⁶ из Баварии, одна из фресок была посвящена нахождению тела князя на Легницком поле.

¹ Христиане вооружены копьями и мечами.

² Оригинал находится в Национальном музее г. Вроцлава. Выражаю благодарность директору Музея Меди в Легнице г-ну Анджею Неджеленко за предоставленное мне изображение этой плиты.

³ Stary Koń, Lis, Wczele, Rogala, Grzymała, Brochowicz II, Bożywoj, Ордена тамплиеров.

⁴ Килиан Игнац Диценхофер (1689–1751) — архитектор эпохи барокко, немец по происхождению. Много работал в Чехии, Моравии и Силезии.

⁵ В этом году отмечается 285-летие со дня этого события.

⁶ Косьма Дамиан Асам (1686–1739) — немецкий архитектор и декоратор, сын Ганса Георга Асама. Работал в основном на юге Германии, в Швейцарии, Чехии и Нижней Силезии.

Сам князь был погребен в соборе Свв. Винсента и Иакова во Вроцлаве, заложённым им в 1234 г. В 1361 г., в связи с перестройкой хоров, была ликвидирована крипта, в которой были захоронены останки князя. В 1380 г. его захоронение украсила новая плита¹ (рис. 8), на которой Генрих II Благочестивый был представлен в полный рост, в бригандине и плаще, заколотом на плечах пряжкой, в виде четырехлистника и довольно низко расположенным на бедрах поясе. В руках он держит копье и щит, на голове княжеская шапка. Необычным элементом надгробной плиты является скорченная у его ног фигура бородатого татарина² в островерхой шапке и искривленной саблей в руке (рис. 8), на которого направлено копье князя. Несмотря на то, что князь проиграл битву, он изображен победителем, попирающим язычника. Автор плиты, сместив акцент с исторического на религиозный, создал образ хранителя христианской веры, погибшего, как писал Папа Римский Иннокентий IV³, «защищая свою веру и свой народ». Также очевидно прямое обращение автора к изображениям св. Барбары, также обезглавленной за христианскую веру, как и Генрих II Благочестивый. Изображение св. Барбары, попирающей ногами своего отца-мучителя, мотив, часто встречающийся в чешском искусстве, что отчасти может служить подтверждением предположения, что автор надгробной плиты относился к пражской мастерской Петера Парлержа (Парлера)⁴. Что подтверждается сходством надгробной плиты Генриха II Благочестивого с надгробиями: Болько II Свидницкого⁵ (базилика Успения Пресвятой Девы Марии в Кшешове); Пястов (часовня Св. Анны у францисканцев в Ополе); королей

¹ К сожалению, неизвестно, как выглядел первоначальный памятник князю и какова его судьба.

² «Юлиан, венгерский монах, бывший свидетелем покорения Приуралья в 1236 г., сообщает: „Во всех завоеванных царствах они [монголы] убивают князей и вельмож, которые внушают им опасения. Годных для битвы воинов и поселян они, вооруживши, посылают против воли в бой вперед себя. Других [...] оставляют для обработки земли [...] и обязывают тех людей впредь именоваться татарами“» (Гумилев 2008: 565).

³ Иннокентий IV (1195–1254) — до избрания папой Синибальдо Фрески, папа Римский с 25 июня 1243 г.

⁴ Петер Парлерж (Парлер) (1330/1333–1399) — немецко-чешский архитектор, сын строителя церкви Св. Креста и Гмюнде Генриха Парлержа из Кельна. В 1353 г. был приглашен Карлом IV в Прагу.

⁵ Болько II Малый (1309/1312–1368) — герцог свидницкий с 1326 г., с 1338 г. муж Агнессы, дочери Леопольда I Австрийского. Свидница — город на юго-западе Польши, в Судетах.

Пржемысла I Оттокара¹ (рис. 9) и Пржемысла II Оттокара², которые были созданы в мастерской этого мастера, а также со статуей Святого Вацлава (Святовацлавская часовня), которую приписывают непосредственно самому Петеру Парлержу.

Иконография образа татарина с надгробной плиты Генриха II Благочестивого, прослеживается в польском искусстве достаточно долго. В качестве примера можно привести изображения татарских воинов из *Битвы поляков с татарами* [*Descriptio Sarmatarum Asianaе et Europianaе* (1521) Мачея из Мехова]. Они идентичны созданному скульптором образу [меняется только тип лица, теряя свою условность, и исчезает борода] (рис. 9).

Гробница³ Генриха II Благочестивого была уничтожена в XVII в., а надгробную плиту [с остатками полихромии] вмонтировали в стену собора. В 1832 г. по инициативе и на деньги графа Леопольда фон Шаффготша⁴ была сделана новая гробница, на которую возвратили плиту. Высеченная в XIX в. на ней надпись гласила: «Генрих II, благочестивый сын Святой Ядвиги, милостию Божией князь Силезский, основатель церкви, погибший в битве под Лигницею в 1241 г. Да почиет с миром!»⁵ Далекий предок Леопольда фон Шаффготша, прибыл в силезское княжество вместе с будущей матерью Генриха II Благочестивого, княжной Ядвигой; в XIII в. Сибот Шафф (это исторический факт) получил от старшего сына Генриха II Благочестивого, Болеслава Рогатки, замок *Stara Kamienica* (Старый дом). Исходя из этого, вполне объясним поступок графа, имеющий столь глубокие исторические корни.

В 1944 г. фашисты хотели доказать, что князь был арийцем, и попросили исследовать останки князя немецким ученым. После войны памятник был возвращен во Вроцлав, но место захоронения

¹ Пржемысл I Оттокар (?–15.12.1230) — король Чехии с 1198 г., сын короля Владислава II.

² Пржемысл II Оттокар (1233–26.08.1278) — второй сын Вацлава I, маркграф Моравии с 1247 г., правил в Чехии с 22 сентября 1253 г., коронован в 1261 г., из династии Пржемысловичей.

³ К сожалению, ничего не известно о гробнице, созданной во второй половине XIV в. кругом художников связанных с кругом Парлержа.

⁴ Леопольд Готард фон Шаффготш (?–1834) — граф, происходил из старинного силезского аристократического рода из Франконии.

⁵ Henrikus Secundus S[anctae] Hedvigis fil[ius] deigratia Dux Slesie fund[ator] eccl[esi]ae h[uius] occub[us] in proelio ad Lignitiam MCCXLI reqviescat in pace.

князя было утрачено, плита, вывезенная в 1939 г. в Вержбну (около Свидницы), сохранилась и находится в настоящее время в Национальном музее Вроцлава.

В монастыре Сестер бенедиктинок в Кшешове находится портрет Генриха II Благочестивого работы И. И. Кнехтеля¹ (ок. 1770) (рис. 10). В изображении князя художник взял за основу надгробную плиту из Вроцлавского собора, князь также попирает фигуру татарина, который изображен уже более реалистично, в этом отношении явно прослеживается трансформация образа татарина в польской иконографии.

Исторически сложилось так, что Генрих II Благочестивый чаще всего воспринимается в перспективе событий под Легницей, несмотря на то, что за его плечами были годы неплохого правления. Однако эта битва стала неразлучным сопровождением князя не только в историографии, но и в живописи и скульптуре. Об этом свидетельствует его парадный портрет, находящийся в Национальном музее г. Вроцлава кисти Иоганна Якоба Эйбельвизера², на котором князь представлен в доспехах и красном плаще, подбитом горностаем, с атрибутами княжеской власти в виде меча и княжеской шапки на фоне битвы под Легницей.

К теме Легницкого сражения обращался неоднократно и выдающийся польский художник Ян Матейко. Известна его работа, написанная в 1865 году вскоре после его знаменитой *Проповеди Скарги*, — *Отъезд Генриха Благочестивого из Легницы* (рис. 11), в которой поражает выражение обреченности на лице князя, выезжающего на бой. Чем это вызвано, становится понятно из повествования Длугоша (Dlugossii 1873: 274), на которое опирался

¹ Кнехтель Иоанн Иеремия (1680–26.08.1750 в Легнице), родился в Богемском Камнице (Ес. Ал.). Сын художника Георга Антона Кнехтеля. В 1702 г. женился и с этого времени жил по достоверным источникам в Легнице. Написал в 1725 г. церковную кафедру и алтарь непорочного зачатия Марии в католической церкви в Бунцлау, 1736 г. — многочисленные алтарные картины для бенедиктинского монастырской церкви в Либентале, кроме того, портрет священника Готфрида Кляйнера в Зайферсдорф в Легнице. Работа в Бунцлау и Либентале.

² Иоганн Якоб Эйбельвизер (1667–1744) — силезский живописец, сын художника Ганса Якоба Эйбельвизера из Вены, который был принят 16 декабря 1679 г. в гильдию художников Бреслау (Вроцлав). Возможно ученик Михаэля Вильманна. В 1698 г. получил право мастера заниматься своим ремеслом в Бреслау. Женился на Анне Елизавете Леманн, вдове миниатюриста Бернарада Йозефа Леманна. Популярный портретист аристократии Бреслау. Много работал как церковный живописец.

художник: «[...] когда князь Генрих выходил со своими отрядами из города Легницы, чтобы начать войну с татарами, с ограды церкви Богородицы, где в предыдущий день были принесены дары¹ Господу ради защиты князя и его войска, выпал камень и пролетел возле головы едущего в своих прекрасных латах князя, и едва не разбил ему голову. Тот случай все восприняли как предостережение с неба либо же — что и было на самом деле — за злое колдовство [ворожбу]» (Dlugossii 1873: 397). Матейко, по свидетельствам многих его современников, в частности его секретаря Марьяна Гожковского, при жизни был человеком очень суеверным, поэтому такой сюжет не мог не вызвать у него интереса.

Известен также его рисунок, который был нарисован ранее картины *Отъезд Генриха Благочестивого из Легницы* и изображал совсем иное, более возвышенное решение сюжета, похожее больше на рисунок Александра Лессера 1884 г. *Св. Ядвига благословляет отправляющегося на бой Генриха Благочестивого*. В отличие от условного образа князя Лессера, Матейко создал психологический образ Генриха II Благочестивого, сделав его конкретным человеком. Такой подход Яна Матейко к изображению, как исторических событий, так и их героев, являлся отличительной и сильной стороной творческой манеры этого выдающегося польского мастера.

Вторая половина XIX в. с его интересом к истории способствовала появлению циклов картин и монументально-декоративных произведений, к которым можно отнести *Историю цивилизации* (11 картин) для Львовской Политехники и *Историю цивилизации в Польше* Яна Матейко (12 эскизов маслом). К созданию последнего цикла мастер приступил 8 июня 1888 г. и завершил в апреле 1889 г. Этот цикл представляет его видение польской истории, являясь совокупностью историософской концепции пятидесятилетнего художника, которую он разрабатывал на протяжении всей своей творческой жизни. Он представил в этих эскизах события, охватывающие сцены с X в. и принятия христианства вплоть до времен Станислава, которые, по его мнению, сформировали польское государство и народ, его вклад в европейскую историю и культуру².

¹ Т. е. принесены жертвы.

² Он мечтал воплотить свои эскизы *Истории цивилизации в Польше* в виде настенных росписей или монументальных картин для Академии наук или Ягеллонского

Через месяц после завершения работ над циклом в марте 1889 г. Матейко написал и издал *Объяснения двенадцати эскизов, представляющих историю цивилизации в Польше*. Как вспоминал Марьян Гожковский: «Всю эту „живописно-писательскую“ работу „художник предпринял, как он мне сказал, усмехнувшись, чтобы сдать экзамен, что заслуживает ученую степень доктора, которую ему дал Университет¹“». То, насколько было важно художнику, чтобы зритель понял его видение истории Польши, объясняется в введении к *Объяснениям*: «Скупой на слова Матейко на этот раз изменил своей привычке и написал комментарии к *Истории цивилизации в Польше*. Это стало единственным исключением [...], и оно дает нам возможность проследить творческий замысел Матейко от начала до конца, проникнуть и углубиться в духовную сущность его произведения» (*История цивилизации в Польше*: 7).

Эскиз *Легницкое поражение. Возрождение. Год 1241* (рис. 12) — изображает единственный в этом цикле значимых политических и культурных достижений, момент военного поражения и упадка национального духа. Почему мастер, отличавшийся своим патриотизмом, все же остановился на этой битве, которая олицетворяет столь сокрушительное поражение и почему она заняла свое особое место в его историософской концепции?

Эскизу предшествуют четыре работы на темы: *«Введение христианства. Год 965; Коронация первого короля. Год 1001; Принятие евреев. Год 1096; Первый сейм в Ленчице. Составление законов. Прекращение разбоев; пятой стало «Легницкое поражение. Возрождение. Год 1241»*. Для художника-патриота это было важным и трагичным моментом, потому что весь предыдущий период мирного поступательного развития государства был подорван нашествием, уничтожившим почти все прежние достижения, и произошел разрыв в поступательном движении развития цивилизации. Поле битвы под Легницей было покрыто телами лучших сынов европейского рыцарства: Генриха Благочестиваго, Болеслава Шепёлки, силезских родственников династии Пястов и многих других.

университета, представив свое эпическое повествование в цвете, соединенное с его научными комментариями.

¹ 14 июня 1887 г. Ян Матейко получил звание доктора honoris causa Философского факультета Ягеллонского университета.

Матейко был не только выдающимся художником, но и глубоким исследователем, историком с истинно «бенедиктинским терпением». Изображая *Легницкое поражение*, он перенес его с залитого кровью поля битвы под своды Вроцлавского собора, потому что только там остатки войск, ослабленных раздорами и кровавыми распрями, обессиленные и деморализованные, смогли найти утешение¹. Матейко представил сцену отпевания погибших в битве: Генриха II Благочестивого, великого магистра ордена крестоносцев Поппона фон Остерна² и Болеслава, сына моравского маркграфа Дипольда³ во Вроцлавском соборе, наполненном народом в присутствии правящих Пястовских князей и епископов. В окружении горящих свечей и склоненных над тремя телами хоругвями с гербами четырех польских уделов: Малопольского, Великопольского, Мазовецкого и Силезского.

В соборе темно, горят свечи, идет панихида. Мрачным цветовым колоритом художник мастерски передает атмосферу собора, наполненного глухими плачем и стонами, пением доминиканских и францисканских монахов, которые перекрывают голоса краковского епископа Прандоты⁴ из Белачева, архиепископа Фулкона⁵

¹ «Поднятые с полей Легницких тела погибших знатнейших рыцарей отвезены во Вроцлавский собор, дабы у тел павших почерпнуть новые силы и не предаться отчаянию», чтобы «пережитые страдания и поражения возродили народ и влили в него новые силы, которых ему до сих пор не хватало».

² Поппо фон Остерн здесь изображен, согласно Длугошу, который ошибочно написал о смерти магистра на поле битвы, на это указал Герард Лябуда. Изобразив Вроцлавский собор местом вечного упокоения рыцаря Поппона, Матейко следовал сведениями из известной книги Фойгта о крестовых походах. Поппон приходился родственником по своей матери князю Пшемиславу в четвертом колене. Также о захоронении Поппона вместе с Герихом Благочестивым во Вроцлавском соборе Св. Иакова (Rocznik Wrocławski dawny 1960: 681).

³ Тело Болеслава, сына маркграфа Моравии Дипольда, было погребено в монастыре в Любязе.

⁴ Ян Прандота Младший (Prędota) из Бялачова (?–21.10.1262/1266) — сын Сонда, из рода Odrowąż, в 1239 г. архидьякон краковский, каноник сандомирский, был назначен епископом краковским в 1242 г., в день Св. Урбана был посвящен в сан гнезненским архиепископом Фулконом, доверенный советник Болеслава Стыдливого, руководил экспансией польского костела на Руси и в Литве, в 1254–1255 гг. был посредником в при заключении мира между польскими князьями, способствовал канонизации Св. Станислава (1254) (Paprocki 1578: 200).

⁵ Фулкон (Fulka, Пелка) (?–1258) — герб Lis alias Bzura, архиепископ гнезненский в 1232–1258 гг. Возглавлял провенгерскую коалицию вместе с воеводой Николаем, которая, при поддержке Рима, убедила Казимира восстановить расторгнутый в 1191 брак. При нем был канонизирован Св. Святослав.

и вроцлавского епископа Фомы I¹, совершающих *Castrum doloris* над погибшими.

Прекрасно знающего историю художника современники часто упрекали в том, что в своих исторических произведениях он достаточно свободно обращался с историческими фактами и персонажами. Но в этом состояло его видение истории, когда в изображенном событии принимали участие люди, которых там не было, но которые так или иначе, в прошлом, настоящем и будущем, влияли или должны были прямо или косвенно повлиять на происходящее событие.

Смерть князя привела к более опасным последствиям для Польши, чем его поражение в битве. В 30-х годах XIII века наметившаяся тенденция к восстановлению государственного единства Польши была связана с усилением силезских князей, представителями древнего рода Пястов. Отец Генриха II Благочестивого, Генрих Бородатый², захватив краковский престол, по праву мог считать себя самым могущественным из польских князей того времени. Начатое им дело объединения польских земель, которое продолжил его сын Генрих II Благочестивый, оказалось прерванным, а затем в руках внуков вновь распалось на уделы.

Мать Генриха II Благочестивого, св. Ядвига, лежит, распростершись на каменном полу собор. Когда она узнала горестную весть о поражении и смерти сына, то, не проронила даже слезу, поддерживая плачущую, убитую горем невестку. Вдова князя Анна Чешская изображена слева от нее с детьми. В браке с Генрихом II Благочестивого у нее родились: Болеслав Лысый Рогатка³ (Силезский),

¹ Фома (Томаш) I (?–30.05.1268) — канцлер, с 1232 г. епископ вроцлавский, боролся с силезскими князьями за сохранение прав и привилегий костела, в 1234–1239 гг. — с Генрихом Бородатым и Генрихом Благочестивым, в 1256–1262 гг. — с Болеславом Рогаткой, который в 1257 г. заключил его в замок Влень. В 1248 и 1249 гг. он два раза предавал Болеслава анафеме. Этот конфликт завершился получением от Болеслава в 1261 г. полной экономической и судебной неприкосновенности, по его инициативе в 1244 г. началось строительство готического собора во Вроцлаве.

² Генрих I Бородатый (1163–14.04.2038) — сын силезского князя Болеслава I и Кристины, вроцлавский князь в 1201–1238 гг.

³ Болеслав II Рогатка (Лысый или Странный) (1220/1225–26.12.1278) — краковский князь в 1241 г., князь силезский в 1241–1248 годах. Болеслав со своим братом Генрихом III Белым в 1247/1248 гг. поделили между собой Нижнюю Силезию. Братья определили и свою опеку над младшими братьями, которые должны были сделать духовную карьеру. Болеслав опекал Конрада, а Генрих — Владислава. В 1248–1249 гг.

Мешко¹, Генрих III² Белый, Владислав³, Конрад I⁴ Глоговский, Констанция⁵, Елизавета⁶, Гертруда⁷, Агнесса⁸, Ядвига⁹. Впоследствии они будут бороться между собой за наследство Пястов.

Рядом с ней стоит старший сын Болеслав II Рогатка, который, после гибели отца, согласно юридически оформленному в статуте Болеслава III (1138) принципу сеньората, как старший в роде Пястов, получил верховную власть с титулом великого князя и престолом в Кракове¹⁰, но не смог ее удержать. В связи с тем, что на-

---

между братьями вспыхнула рознь, Генрих потребовал отдельного удела. По праву старшинства Болеслав оставил за собой Легницу, а Генрих III Белый потребовал Вроцлав. Вернувшийся после обучения их младший брат Конрад, который отказался от духовной карьеры епископа. Он потребовал свою долю и, благодаря вмешательству Пшемисла I и его брата Болеслава Гнезненского, занял Глогов.

¹ Мешко (1223/1227–1241/12422) — князь любушский.

² Генрих III Белый (1222/1230–03/5.12.1266) — князь вроцлавский с 1247 г., в 1247/1248 гг. правил вместе со своим братом Болеславом Рогаткой. Значительную часть правления Генриха Белого составляла борьба с Болеславом Рогаткой, против которого он заключил в 1249 г. союз с маркграфом Мишши Генрихом Высоким (Достойным, Почтенным). От первой жены Юдиты (1226–1257/1265), дочери Конрада Мазовецкого, имел сына Генриха Пробуса. С 1266 г. был женат на Агнесе, дочери Альбрехта I Саксонского.

³ Владислав (1237–04.04.1270) — архиепископ Зальцбурга (1265–1270). Умер после долгой болезни, многие вроцлавские рыцари говорили о том, что его отравили после того, как после смерти своего брата он стал князем.

⁴ Конрад I (1228/1231–06.08.1273/1274) — князь глоговский в 1249–1250 гг., ему был предназначен духовный сан, он был лишен братьями при разделе в 1248 г. наследства отца, пренебрег духовной карьерой и в 1249 г. женился на Саломее (ок. 1237–1267/1274), дочери Владислава Одонич(ч)а, в 1271/1274 г. женился на Софии (1258/1261–1318), дочери Дитриха Мудрого, графа мейсенского в Ландсберге. Из-за отказа Болеслава Рогатки выделить ему его доли, при поддержке сына Одоницы и брата Саломеи, Пшемисла I захватил Глогов и Бытом Оджаньский, отец Генриха III Глоговского.

⁵ Констанция (1221/1227–1253/1257) — в 1239 г. стала второй женой Казимира Куявского (1211–1266) среднего сына Конрада Мазовецкого, князь куявский с 1231 г.

⁶ Елизавета (1224/1232–9/16.01.1265) — жена Пшемисла I, князя калишского и познанского, мать Пшемисла II, короля Польши.

⁷ Гертруда (1218/1220–1244/1247) — жена Болеслава I Мазовецкого.

Болеслав I Мазовецкий (1208–1248) — князь мазовецкий, сын Конрада I, с 1228 г. принимал участие в удельных войнах, в 1230 г. стал князем сандомирским, после утраты сандомирских земель в 1233 г. — князем серадзским, и с 1234 г. — князем мазовецким под основной властью своего отца (до 1247 г.). Воевал с пруссами, ятвягами и крестоносцами за северные пограничные области Мазовии, поддерживал добрые отношения с русскими князьями, в особенности после женитьбы (между 1245–1247 гг.) на бельской княжне Анастасии, свой удел оставил своему самому младшему брату Земовиту I.

⁸ Агнесса (1230/1236–1277).

⁹ Ядвига (1238/1241–1318).

¹⁰ Силезия была разделена между ним и Мешко после гибели отца. В 1242 г., после смерти Мешко, Болеслав владел уже всей Силезией.

следственный порядок замещения краковского (великокняжеского) престола никогда не соблюдался, в июле 1241 г. появился извечный претендент на Краков, обделенный Конрад Мазовецкий¹, который привлек на свою сторону рыцарей Мазовии, Куяв и Поморья, и, получив прусское и литовское подкрепление, занял краковскую и сандомирскую земли. К нему примкнул Жегота² со своей дружиной и родом. Матейко изображает его, опираясь на главу 74 *Великой хроники*, которая повествует о мазовецком князе Конраде. Он, «вступив в краковский диоцез, разграбил церковные деревни, поджег курию епископа и, нанеся церкви большой урон» (Янин, Попова, Щавелева 1987: 156). За это деяние, изображенные на эскизе Матейко, краковский епископ Прандота отлучил его от церкви, а стоящий рядом с ним на Пелка утвердил это решение.

Старший сын Болеслав «не унаследовал кротость отца, [и], провяля свои звериные наклонности, начал свирепствовать по отношению к полякам, проявлять чрезмерное высокомерие, стал ставить тевтонцев выше поляков, щедро оделяя их поместьями» (Янин, Попов, Щавелева 1987: 155). Он не оставил после себя доброй памяти, оставшись в истории самым «бездумным» Пястом. Его постоянные конфликты с братьями, похищения политических противников, окружение себя немецкими наемниками, которые терроризировали всех в округе, но самым большим его грехом стала продажа представителям магдебургского архиепископа маркграфам бранденбургским Яну и Оттону части Любушской земли и крепости Любуш. Вскоре краковский воевода Клемент из Руши³ вместе с епископом Прандотой организовали действенное сопротивление мазовецкому князю и в 1243 г. посадили на малопольский трон в Кракове Болеслава V Стыдливой.

¹ Конрад I Мазовецкий (1187/1188–31.08.1247) — князь мазовецкий, куявский, сепардзский, ленчицкий с 1202 г., краковский в 1229-м и 1241–1243 гг. После смерти в 1227 г. Лешка Белого начал борьбу за краковский трон. Женой Конрада была Агафья (?–1242), дочь владими́ро-во́лыньского князя Святослава Игоревича, внука князя Игоря. Их свадьба датируется 1207/1209 г.. Дети: Болеслав, Казимир, Земовит, Мешко.

² Жегота из рода Topór или Stary Koń.

³ Клемент из Руши (Рушцы) (?–1256) — польский рыцарь из рода Świebod(zic) ów-Gryfítów, с 1241 г.— краковский воевода, близкий сподвижник князя Болеслава Стыдливой, сын Сулислава. Болеслав Рогатка сделал его краковским воеводой.

Матейко представил Конрада Мазовецкого вынимающим меч из ножен, который он вскоре запяtnает братской кровью. Глядя на распростершуюся у его ног Св. Ядвигу, он понимает, что настал подходящий момент для исполнения своих планов, за ним стоят его друг Жегота и горнорабочие из Злоторыя, а рядом справа изображены краковский каштелян Клемент из Руци, оплакивающий гибель в битве своего отца Сулислава, познанский судья Домрат¹, познанский воевода Богумил Держикрай² и Секундус³, гнезненский каштелян, которые выступают против сына Генриха II Благочестивого — Болеслава Рогатки. В левой части эскиза в толпе, заполнившей костел, художник изобразил рыцарей, бежавших с поля битвы: Мечислава II Толстого, Болеслава Калишского⁴ с Сулконом.

С верхней скамьи перед алтарем, где заняли места Св. Гертруда, Св. Саломония⁵ и Св. Бронислава, «спускается по каменной лестнице мальчик, несущий щит, украшенный короной; это великопольский Пшемислав, восстановитель королевского звания». Вторая половина XIII в. стала кульминацией удельной раздробленности⁶, поэтому символом будущего объединения⁷ Польши стал, по замыслу художника, спускающийся по лестнице мальчик. Это будущий великопольский князь (еще не родившийся) Пшемисл II⁸

¹ Домрат (Домарад) — из рода Гжималов, епископ познанский в 1317(?)–1324 гг. «После убийства короля Пшемислава бранденбургские маркграфы заняли каштелянию поляков и крепость Санток, разрушили препозитуру в Сантоке и попытались передать капитулу в Мыслибоже всю юрисдикцию сантоцкой препозитуры. В результате из-за небрежности епископов большая часть познанского диоцеза в указанной каштелянии отошла от познанского костела, хотя некоторые епископы, а именно Андрей Шимонович и Домарат, начали домогаться от римской курии ее возврата» (Янин, Попова, Щавелева 1987: 197).

² Богумил Держикрай (?–04.1252) — познанский (или по другим документам гнезненский) воевода.

³ Секундус в документах Ceciradus, возможно Цезент каштелян калишский.

⁴ Болеслав Благочестивый (1221–1279) — князь калишский с 1239 г.

⁵ Саломея, (?–10.11.1268) — дочь Лешка Белого, сестра Болеслава Стыдливового, жена брата правителя Венгрии Коломана.

⁶ Силезия, Мазовия и Куявия были разделены на ряд мелких княжеств.

⁷ Первую попытку объединения государства предпринял во второй половине XIII в. Лешек Черный, князь краковский, сандомирский и серадзский.

⁸ Пшемисл II или Пшемислав II (14.10.1257–08.02.1296) — сын Пшемисла I и его жены Елизаветы, сестры Болеслава Рогатки, родился через 4 месяца после смерти своего отца, воспитывался дядей Болеславом Благочестивым. Князь Великой Польши в Познани с 1277 г., князь Великой Польши, в Калише с 1279 г., князь Малой Польши в Кракове в 1290–1291 гг., князь Восточного Поморья с 1294 г. и король Польши в 1295–1296 гг.

которому удалось распространить свою власть на всю Великую Польшу и, присоединив к своим владениям Восточное Поморье, получить согласие папы и быть коронованным с использованием королевских инсигний в Гнезненском соборе¹ 26 июня 1295 г. (рис. 13). В качестве герба он выбрал белого орла на красном фоне, на голове которого была корона, а на королевской печати было написано: «Сам Всевышний вернул полякам победоносные знаки». К сожалению, надежды на объединение не сбылись, «в 1296 году Пшемисл II погиб от руки подосланных из Бранденбурга убийц²» (История южных и западных славян 1957: 92). Мальчик несет украшенный короной щит — символ будущего объединения польских земель. Матейко тем самым подчеркивает, что *Regnum Poloniae* являлся политической программой Пшемисла II, в основе которой лежало стремление к объединению раздробленного государства [*regnum divisum*]. Матейко, который всем своим творчеством, своими произведениями: *Проповедь Скарги*, *Рейтан* и многих других, всегда призывал к объединению поляков, поэтому и выбрал именно этот сюжет, посвященный Легницкой битве.

Под кистью мастера ожили наивные линии средневековых рисунков, приобретая конкретные человеческие образы, поэтому сложно согласится с Норвидом³, который считал, что Матейко смотрел на кладбище отечественной славы сквозь призму поверхностного знакомства с историей, «опирающейся на отдельные сюжеты». Скорее, он смотрел на нее глазами художника-ясновидца, который собирал разрозненные события и выстраивал из них свою, логическую цепь развития истории, опираясь на краковскую историческую школу. Прав был Виткевич, считавший, что «появление картин Матейко разорвало завесу, отделявшую нас от прежней Польши, и было действительным устранением надгробного камня и воскрешением к жизни из праха и пепла».

История цивилизации в Польше, выставленная в апреле 1889 г. в Сукенницах, а в мае и июне во Львове, в марте 1890 г. в Вене

¹ Неизвестно, пользовался ли при своей коронации Пшемисл II *Regnum Poloniae*.

² По приказу маркграфов бранденбургских и при содействии дворян гербов *Nałęcz* и *Zaremba* был убит 8 февраля 1296 г. в Рогожне.

³ Киприан Камилль Норвид (1821–1883) — польский поэт, драматург и прозаик, занимающийся также скульптурой, живописью и гравюрой.

получила положительные отзывы критики, но надежды Матейко на ее реализацию в виде монументальных картин никогда не были осуществлены. Из всех эскизов только один стал большим полотном. По заказу Арнольда Раппапорта¹ в 1889 г. была написана картина *Приход евреев в Польшу в 1096 г.*, а цикл *Истории цивилизации в Польше*, состоящий из 12 эскизов, был приобретен в мае 1892 г. Екатериной Потоцкой².

Тема Легницкой битвы нашла свое отражение и в декоративно прикладном искусстве начала XX в.: в двух произведениях, находящихся в одном из самых древних приходских костелов в Легнице³ — Мариацком костеле. В интерьере которого битва представлена на двух витражах⁴, первый из которых был создан в 1905 г. сыновьями А. Линнемана⁵, — Отто и Рудольфом. На нем представлен Генрих II Благочестивый, который так спешит на битву, что покидает Мариацкий костел до завершения мессы (рис. 14). Печально смотрят на своего князя, образ которого также заимствован с его надгробной плиты, окружающие его рыцари. Первым около него стоит рыцарь фон Роткирх⁶ (герб с тремя орлиными головами), который, согласно существующей легенде, был его знаменосцем. За ним — фон Зедлиц⁷ с красным флагом, на котором изображен герб его рода — треугольная пряжки от ремня, — и рыцарь фон Бусевой

¹ Арнольд Раппапорт (1840–1907) — посол краевого сейма Галиции (1877–1901), а также Государственного Совета, доктор права, адвокат в Кракове и Вене.

² Катажина Потоцкая (Браницкая) (1825–1907) — аристократка и общественная деятельница.

³ В этом каменном, трехнефном (с узкими боковыми нефами) и удлиненным пресвитерием соборе, молился перед боем сам Генрих II Благочестивый.

⁴ Витражи были отреставрированы в 1992 г.

⁵ Отто Линнеманн (20.04.1876–?) — родился во Франкфурте-на-Майне, сын Александра Линнеманна (1839–1902) и брат Рудольфа Линнеманна (1874–1916), так же, как и они, художник-декоративист, иллюстратор, занимался витражом. Ученик Петера Янсена и Артура Кампфа

⁶ Роткирх фон — род происходил из Тироля и некогда называлась Тауэр (Tauer). Прибыли в Силезию в 1186 г. вместе с Ядвигой, когда она стала женой Генриха Бородатого. Они осели в месте под названием Czerwony Kościół (Rothkirch) и взяли себе фамилию по названию этого места.

⁷ Зедлиц фон — ведут свой род от лужицких сербов, поэтому фамилия этого древнего рода (первая информация об этом роде относится к X в., когда представители Зелицов появились при чешском королевском дворе) менялась по мере германизации Нижней Силезии: Czedlicz-Czedlitz-Zedlitz. Они прибыли в Нижнюю Силезию в XII в. и находились на службе у пястовских князей. Некоторые исследователи, в частности, директор Музея Меди в Дегнице Анджей Неджеленко, считают, что участие в Легницкой битве — это семейная легенда фон Зедлиц.

(Боживой)¹ с гербом, изображающим орла и шахматную доску². Немецкие рыцари, изображенные на первом плане, представлены справа от князя, занимая всю правую половину витража.

В левой части витража, на заднем плане, автор изобразил небольшую группу рыцарей — представителей рода фон Браухич³ и фон Райнбабен⁴ с гербом своего рода — скачущим оленем⁵, фон Приттвиц⁶ (черно-желтая шахматная доска), фон Ноштиц⁷ (флаг с рогами буйвола), над ними слева на право щиты фон Кёкриц⁸ (триа лилиями), фон Зейдлица⁹ (герб с тремя рыбами) и фон Ч(Ш)аммера (рогами оленя и буйвола, Rogala). Напротив представлены гербы: лось фон Абшац¹⁰, голова быка Штрахвица¹¹ и украшенная укрепленными башнями Погарелл¹² (согласно Папроцкосу — Зельберсвер). Пол украшен гербами иоаннитов и крестоносцев, а на галерее музыканты трубят в трубы и бьют в барабаны, призывая к бою.

Мысль автора, немца по происхождению, о том, кто является оплотом войска князя, ясна и понятна. Согласно изображенным на витраже рыцарям получается, что основные силы Генриха II Благочестивого — немецкие. Начиная с XII в., князья и феодалы

Должно быть, поэтому герб отсутствует на миниатюрах *Любинского* и *Хорниговского кодексов*.

Род Зедлицов был связан тесными родственными узами с родом Шаффготш, представителем которого был граф Леопольд Шаффготш. Но так как участие представителя этого рода в битве под Легницей вызывало определенное сомнение, то автор витража также не изобразил его герб.

¹ Busewoy von, Buswoy, Busvou, Budewoy, Bożywoj, герб Prawdzicz.

² Красные и белые квадраты.

³ Браухич фон (Brauchitsch von).

⁴ Райнбабен фон (Rheinbaben von) герб Jeleń (Олень) — Rymbabowie.

⁵ Бартош Папроцкий пишет, что он один из самых давних в Польше (Paprocki 1578).

⁶ Приттвиц фон (Prittwitz von) — Nosaćcy, дворянский род из Гурных Лужиц. Приттвиц фон (Prittwitz von) — Pretwicz Nosaćcy, дворянский род из Гурных Лужиц, достаточно рано появился в Силезии, Чехии и Польше.

⁷ Ноштиц фон (Nosaćcy, Nostitz von) — дворянский род из Гурных Лужиц.

⁸ Кекриц фон (Köckritz von).

⁹ Сайдлиц фон (Seydlitz von).

¹⁰ Абшац фон (Abschatz von).

¹¹ Штрахвиц фон (Strachwitz von) — старинный силезский аристократический род потомственных военных из Нижней Силезии. Согласно легенде в битве при Легнице принимали участие 12 братьев из семьи Штрахвиц. Только один из них остался жив.

¹² Pogarell герб Grzymała.

в целях увеличения населения страны поощряли немецкую сельскую и городскую колонизацию, и в значительной степени она затронула западные польские земли — Силезию, Поморье, Великую и Малую Польшу. Как следствие, в ряде крупных городах верхушка городского населения [патрициат] стала в основном немецкой¹. Генрих II Благочестивый, как и его отец — Генрих Бородатый, проводил в Силезии колонизационную политику, и на витраже изображены представители тех древних силезских родов, которые прибыли в княжество вместе с матерью Генриха II Благочестивого — св. Ядвигой. Второй витраж, выполненный Карлом де Буше², размещен в алтарном нефе, и представляет момент нахождения тела князя его матерью Ядвигой.

В этом году минуло 775 лет со дня этой битвы, оставившей свой глубокий, трагичный след в истории польского народа и вдохновившей многих деятелей изобразительного искусства на создание, посвященных ей произведений³.

Кем были участники этой битвы с обеих сторон, что явилось основной причиной победы или поражения в этой битве, до сих пор вызывает много вопросов и споров у историков. Что же касается отражения этой битвы в изобразительном искусстве, то в этом случае, тем более, изображенное находится настолько далеко от исторической правды, что остается только говорить о мастерстве художников и о таком немаловажном для настоящего времени понятии, как их патриотизме.

В этом году наша страна отмечает 75-летие с начала Великой Отечественной войны, которая началась спустя ровно 700 лет после Битвы под Легницей и в этой связи, хочется привести интересный пример, связанный с родом фон Браухич. Первый его представитель — рыцарь герба Олень (Jeleń, Grzymała), которого мы встречаем на двух миниатюрах из *Жития св. Ядвиги Силезской*, посвященных

¹ До нашего времени существует союз шести дворянских семейств, которые участвовали в битве под Легницей: фон Ноштиц, фон Приттвиц, фон Роткирх, фон Штрахвиц, фон Сайдлиц и фон Зедлиц, которые называют себя «Vettern von Wahlstadt» («Кузены Легницкого поля»).

² Карл де Буше (16.07.1845–?) — родился в Мюнхене, ученик Мюнхенской академии художеств, начинал как жанровый живописец, занимался пейзажем, но впоследствии добился большого успеха в витраже. Основатель известной мюнхенской витражной мастерской.

³ Также празднует свое 55-летие и Музей Легницкой битвы на Легницком поле.

Легницкой битве¹. На миниатюре изображена его гибель от удара кинжалом монгольского воина в глаз. Последний известный представитель этого древнего рода — генерал-фельдмаршал немецкой армии Вальтер фон Браухич², который также потерпел поражение, но уже в битве под Москвой. Его блестящая карьера оборвалась после провала наступления на Москву 19 декабря 1941 г., спустя ровно 700 лет после гибели его далекого предка в битве под Легницей. В этих двух битвах, которые разделяют века, как всегда Восток, несмотря ни на что, одержал победу над Западом!

Список литературы

Безертинов Р. Н. Татары, тюрки — потрясатели Вселенной (История Великих Империй). Новосибирск: ЦЭРИС, 2001. 733 с.

«Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв.: (перевод и комментарии) / Под ред. В. Л. Янина; сост. Л. М. Попова, Н. И. Щавелева. М.: Изд-во МГУ, 1987. 264 с.

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 839, [9] с.

Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. Легенда о «государстве пресвитера Иоанна» / [Предисл. С. И. Руденко]. М.: Наука, 1970. 431 с.

История цивилизации в Польше. Картины и текст Яна Матейки. Предисловие Владислава Ванке. Варшава: Общество поощрения художеств в Царстве Польском, 1911. 7 с.

История южных и западных славян / Ред. кол.: С. А. Никитин, И. М. Белявская, И. Н. Кастухин.. М.: Изд-во МГУ, 1957. 239 с.

Образование Золотой Орды. Улус Джучи Великой Монгольской империи (1207–1266). Источники по истории Золотой Орды: от выделения удела Джучи до начала правления первого суверенного хана / Сост., вступ. ст., комм., указатели, подбор иллюстраций

---

¹ На первой он поражает в глаз монгольского воина, на второй гибнет сам таким же образом.

² Вальтер Генрих Альфред фон Браухич (1881–1948) — участник двух мировых войн, главнокомандующий сухопутных войск, генерал-фельдмаршал немецкой армии (1940); его карьера закончилась 19 декабря 1941 г.

и карт М. С. Гатина, Л. Ф. Абзалова, А. Г. Юрченко. Казань: Тат. книжн. изд-во, 2008. 480 с.

Почекаев Р. Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М.: Евразия, 2006. 347 с.

Cetwiński Marek. Rycerstwo śląskie do końca XIII w. Ppochodzenie-gospodarka-polityka. Wrocław: Zakład narodowy im. Ossolińskich — Wydawnictwo Wrocław, 1980. 246 s.

Joannis Dlugossii: Historiae polonicae libri XII / Ed. A. Przeddziecki. Cracoviae, 1873. T. I. 397 s.

Kromer Marcin. Zbiór dziejopisow polskich w czterech tomach zawarty. Warszaw: W Drukarni J. K. Mci y Rzeczypospolitey, 1767. Tom trzeci kronika Marcina Kromera, biskupa warmińskiego na polski język przełożona przez Marcina Błazowskiego. Niegdyś jego kosztem w Krakowie roku 1611. 1611 [14], 786, [6] c.

Kronika Wielkopolska / Przeł: Kazimierz Abgarowicz; red.: Brygida Kürbis. Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych Universitas, 2010. 236 s.

Moroń Jerzy. Legnica 1241. Warszawa: Wyd. Bellona, 1996. 159 s.

Paprocki Bartosz: Gniazdo cnoty, skąd herby rycerstw sławnego Krolewstwa Polskiego, Wielkiego Księstwa Litewskiego, Ruskiego ... y inszych państw do tego Krolewstw należących książąt y pánów, początek swoy mają. Krakowie [Kraków]: z drukarniey Andrzeiá Piotrkowczyka, 1578. [226] ff.ill.; 2°.

Paprocki Bartosz. Zrdcadlo sławného Margrabstwij Moraweského: W którymż gedem każdy staw, dáwnost, wzácnost, y powinност swau uhléda: Krátce sebrané a wydané, roku Dokonána gest ... Skrze Bartholoměge Paprockého ... jazykem Polským, a w Český přeložena skrze Jana Wodičku [Knijhy 1–5]. Olomouc: wytisštěno v Dědicům Milichtallerových, 1593. CCCXVIII л.

Rocznik Wrocławski dawny / Tłum. J. Pigoń. Wrocław: wyd. A. Bielowski, 1960 (Monumenta Poloniae Historica. T. III). 691 s.

Puc. 1

Puc. 2

Puc. 3

Puc. 4

Puc. 5

Puc. 7

Minuten, Stunden in Stunden

Puc. 6

Puc. 8

Puc. 9

Puc. 10

Puc. 11

Puc. 12

Puc. 13

Puc. 14

Puc. 15

СРАВНЕНИЕ ОБЩЕИЗВЕСТНОГО И «КАЗАНСКОГО» СПИСКОВ «ДАФТАР-И ЧИНГИЗ-НАМЕ»

«Дафтар-и Чингиз-наме» — произведение XVII в., имеющее множество списков. Самым известным списком является общеизвестный список, основанный на рукописи Зиганшина. Однако в отделе рукописей и редких книг Казанского государственного университета хранится еще один список произведения, существенно отличающийся сюжетом от общеизвестного. Мы сделали транскрипцию этой рукописи и перевели ее на русский язык. Нам стоит разобраться, является ли данный так называемый «казанский список» «Дафтар-и Чингиз-наме» отдельным произведением отдельного автора, или же «казанский список» — всего лишь неполная часть общеизвестного списка.

И. Мустакимов пишет, что этот список заслуживает самого пристального внимания, поскольку содержит отрывки ряда малоизвестных и неизвестных сказаний, относящихся к истории Улуса Джучи. Также он пишет, что по содержанию и композиции данный список существенно отличается от других списков «Дафтар-и Чингиз-наме».

М. Усманов же не выделяет этот список как отдельный от других, а называет его всего лишь неполным списком «Дафтар-и Чингиз-наме».

В общеизвестном списке Зиганшина — шесть дастанов: «Дастан о роде Чингиз-хана»; «Дастан о роде Аксак-Тимура»; «Дастан об Амате, сыне Айсы»; «Дастан об Идигэ беке»; «Дастан о местопребываниях и местожительствах»; «Дастан по истории». В «казанском списке» — два: «Дастан о роде Чингиз-хана» и «Дастан о роде Мир-Тимура», то есть Аксак-Тимура. Интересно, что в списке Зиганшина Аксак Тимур идет своим именем, а в «казанском списке» — именем Мир-Тимур.

«Дастан о роде Чингиз-хана» «казанского списка» можно условно разделить на две части. Первая часть продолжается до того

сюжета, когда Чингис-хан вместе с беками возвращается во дворец своей матери Алангу. В списке Зиганшина этот сюжет продолжается и дальше описывается женитьба Чингис-хана на Бурте Кучин и рождение его сыновей. В «казанском списке» этого сюжета нет. Данная первая часть дастана имеет сказочный сюжет и композицию. В обоих списках эта часть имеет одинаковый сюжет лишь с некоторыми различиями.

Вторая часть дастана написана в историческом стиле и содержит историческую информацию. Например, дается родословная сыновей, внуков, правнуков Чингис-хана; перечисляются имена беков во время правления Джанибек хана; и, самое ценное, на наш взгляд, даются земли, вилайеты с именами ханов, которые там правили. Например, «Тора Урыс ханның йорты ирде».

Выше мы упомянули, что в обоих списках первая часть имеет одинаковый сюжет лишь с некоторыми различиями. Рассмотрим данные различия.

В списке Зиганшина прослеживается род Чингис-хана до пророка Ноя. В этом плане список тождественен с более полным списком произведения «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи, с так называемым «продолжателем» данного произведения, хранившийся у Р. Фахретдина. В начале данного списка также описывается род Чингис-хана до самого пророка Ноя. Однако в «казанском списке» цепочка рода Чингис-хана не дается.

В «казанском списке» повествуется о том, что Алангу, будущая супруга Дуен-Баяна, живет в городе Кенте, расположенном на горе Нур. В списке Зиганшина упоминания об этом городе и этой горе не существует.

В «казанском списке» Тумаул отправляет своих сыновей Буданатай и Белгутая в страну монголов, а в общеизвестном списке — в страну калмыков.

В общеизвестном списке содержится множество знаков-тамга, в «казанском» списке — их нет.

Рассмотрим вторую часть списка, которая, как мы уже упомянули выше, написана в историческом стиле и содержит историческую информацию. Приведем отрывок.

«Хан Жанибәк ханланып үзөмөз бер булды ирде. Иләсе алты ханның йортын ашадык үзөмөз. Ала булды ирсә, үз йортымызны үзөмөз йуйдык.

Дөнья зәүкын уздырдык. Алтмыш да алты башак төздөрдөк. Ни ады яхшы халык ирдек, ханымыздан соңратын ала үтен сездән йуелдык. Һәм йинә ат менеп, кош чөйгәнләр күп. Көбә-кылыч корса, наганлар да үле маллары сөргәнләр. Авыр хазинә тотганлар, адәмне күзгә элмәгәнләр, дөнья узмаз тик күрәр ирдек. Без дөньяны күрмәгән тик булдык. Без да сездик ирдек. Сөз дә бездәй булырсыз, әмма кем ала үтмәгән дөньядыр, бу дөньяны тагут берлә уздырыңыз диделәр».

Мы считаем, что в этом отрывке речь идет о смутном времени в Золотой Орде, наступившая после смерти хана Джанибека. *«Иләсе алты ханның йортын ашадык үзмөз. Дөнья зәүкын уздырдык. Алтмыш да алты башак төздөрдөк. Ни ады яхшы халык ирдек... Авыр хазинә тотганлар, адәмне күзгә элмәгәнләр, дөнья узмаз тик күрәр ирдек. ...кем ала үтмәгән дөньядыр, бу дөньяны тагут берлә уздырыңыз диделәр»* — Здесь говорится, что после хана Джанибека во времена правления последующих шести ханов народ погубил своих же ханов, свой юрт, начал жить, следуя своим мирским прихотям, строя громадные дворцы. Начали поклоняться богатству и, в итоге, провели жизнь в тагутах, то есть в грехах. Последующие шесть ханов — это Бердибек, его преемник Кульпа, Науруз, Хизр, Тимур-Ходжа хан и Ордумелик. Известно, что при правлении этих ханов происходили междоусобицы, убийства одних кандидатов на престол другими.

Далее в списке перечисляются имена шести сыновей Тохтамыш хана: Искәндәр, Әбүсәғыйть, Жәләлөддин, Жәббарбирде, Күчек, Кадыйрбирде. Анонимный автор добавляет, что имена еще двоих сыновей Тохтамыша неизвестны.

Далее в списке появляется интересное упоминание про Крым. Говорится, что некий Гирейбай воспитал двух сыновей (Искәндәр, Әбүсәғыйть) Тохтамыша и назначил их ханами в Крым.

Далее перечисляются имена 17 сыновей Джучи. Следует обратить внимание на то, что в одних источниках указываются 14 сыновей Джучи, а в некоторых — 16. В нашем же списке указываются 17 имен.

Последняя, 20-я страница рукописи начинается с «Дастана о роде Мир-Тимура», то есть Аксак-Тимура. Дастан содержит несколько предложений. Говорится, что Аксак-Тимур произошел от народа Барлас, из рода ханов. Перечисляется его род до прадеда.

Нам предстоит дальнейшее исследование списков «Дафтар-и Чингиз-наме». В настоящий момент мы сравниваем произведение «Дафтар-и Чингиз-наме» с другим средневековым сочинением XVI в. — «Чингиз-наме», автором которого является Утемиш-хаджи, бывший в службе у Ильбарс-хана, скорее всего, в должности дворового писаря.

СЕКЦИЯ

**Культура и внутренняя жизнь
Золотой Орды и золотоордынских государств**

ИСЛАМ И ХРИСТИАНСТВО В МЕЩЕРЕ XVI–XVII ВВ.

Аннотация: Москва долгое время придерживалась прагматичной политики в религиозном вопросе. Ее в первую очередь волновало то, как тот или иной подданный выполнял свои непосредственные обязанности перед государем (нес службу, выполнял повинности). Хотя известны и отдельные примеры силового решения проблемы проживания в православном царстве неправославных народов. В этом плане особый интерес для исследователей представляет регион Мещеры, где долгое время совместно проживали мусульмане, христиане и язычники. Проблемы «религиозного мира» в Мещере XVI–XVII вв. и посвящена данная статья.

Ключевые слова: Мещера XVI–XVII вв., Русское государство XVI–XVII вв., веротерпимость, служилые татары, мордва.

Abstract: As regards religious matters, Moscow followed realpolitik a great while. Meeting their commitments by its citizens (services, duties) was in the first place. Though there were scattered incidents among non-orthodox peoples on the territory of the orthodox tsardom and their resolution by force. Within this framework Meshchera is of particular interest for researchers as a region where Moslems, orthodox Christians and heathens shared residence for a long time. The given article is dedicated to the problem of „religious peace“ in the Meshchera in 16th–17th centuries.

Key words: Meshchera in 16th–17th centuries, the Russian state in 16th–17th centuries, religious tolerance, service-class Tatars, Mordva.

Синонимом понятия Мещеры в рассматриваемый период был Шацкий уезд. При этом он делился на собственно Шацкий, а также Касимовский, Елатомский, Кадомский и Темниковский уезды. По ряду причин на этой территории не сложился Андреевский (Андреев Каменский) уезд, который мог охватывать обширные земли по верхней Цне и прилегающим территориям. Это была огромная территория, простиравшаяся с запада на восток от великих Мещерских озер до реки Суры. Темниковский уезд был наиболее крупным образованием. До 30-х гг. XVII в. он включал земли от реки Mokши до реки Суры. Таким образом, в него вошла практически вся территория современной Республики Мордовии. С 30-х гг. XVII в. наметился процесс административного дробления территории Темниковского уезда. В целях оптимизации управления из возникшего огромного образования стали выделять отдельные

уезды. Так появились Инсарский, Саранский, Керенский и, возможно, Нижнеломовский уезды (Приправочный 2015: 12).

Данные территории имели различную историю. Но их объединяет то, что здесь с середины XV в., а в восточной части Мещеры несколько ранее, наряду с русским и мордовским населением проживало значительное количество мусульман. При этом были разработаны определенные правила общежития, несколько отличные для каждого уезда.

На территории Касимовского и Елатомского уездов существовало так называемое Касимовское царство (ханство) (Вельяминов-Зернов 1863; Вельяминов-Зернов 1864; Вельяминов-Зернов 1866; Вельяминов-Зернов 1887; Рахимзянов 2009). Данному образованию было свойственно параллельное функционирование русской и татарской администраций. При этом русская администрация явно доминировала, но по возможности не вмешивалась во внутренние дела татар, в первую очередь религиозные (Беляков 2011: 265–278; Беляков 2015а). Наиболее зримо данная модель воплотилась в городской застройке Касимова середины XVI–XVII в. Дело в том, что в 30–50-е гг. XVI в., как предположил Ф. А. Ахметгаллин, по до конца не установленным причинам (вероятно, ими были невозможность дальнейшего роста города и постоянные осыпи отвесных берегов рек Оки и Бабенки, на которых стоял Касимов — Новый Низовый городок) город с Улановой горы перенесли на современное место (Беляков 2016). Возможно, тогда же появилось и новое название — Касимов. В нашем распоряжении имеется описание города на 1628 г. Касимовская крепость имела форму неправильного четырехугольника с общей длиной крепостной стены в 526 саженей. В городе отмечены помимо церквей, съезжей избы, пушкарского двора, двора рассыльщиков и амбара осадный двор касимовского царевича Сеит-Бурхана б. Арслана (с 1653 г. Василий Арасланович) (28 x 28 саженей), а также дворы семи его служилых людей, восьми дворовых служилых сеитов, мурз и татар. В Татарской слободе, находившейся от города через глубокий овраг, отмечена мечеть, а напротив — двор царевича Сеит-Бурхана с каменными воротами (75 x 55 саженей), старый двор царя Арслана б. Али, двор его вдовы Фатимы-султан Шакуловой, и дворы служилых татар и царевичевых служилых и мастеровых

людей. Ограждение двора, скорее всего, было значительно крепче обычного забора. Дело в том, что до 1670 г. крепость в городе так и не отстроили. Когда события войны под предводительством С. Разина вплотную подошли к границам уезда, касимовский воевода Т. Л. Караулов, перед тем как покинуть город, перевез пушки и зелейную казну на двор к касимовскому царевичю, где в это время проживала его мать Фатима-султан сеид Шакулова. К тому же это был уже не первый случай, когда городская артиллерия перевозилась на двор царевича (Беляков 2016). Таким образом, мы наблюдаем параллельное существование двух структур — русской (православной) и татарской (исламской). При этом между ними лежит явственная граница — овраг. Но это разделение не абсолютно. При необходимости оно легко преодолевается. Мы видим татарские осадные дворы в крепости, дворы русских ремесленников в Татарской слободе, да и сам двор (дворец) касимовских царевичей при необходимости использовался в общегосударственных целях. Символично и то, что 150 лет (с середины XVI — по конец XVII в.) единственные каменные постройки (мечеть с минаретом, текие, дворец) в городе принадлежали татарам. При этом касимовские цари и царевичи как крупнейшие феодалы в регионе могли позволить себе каменное строительство, но вот сооружение и содержание полноценной крепости было им единолично не под силу. В подобной ситуации они выступают заодно со всем уездом (Книги 1893). Тем самым, с одной стороны, подчеркивается их высокий статус, а с другой — отмечается тот факт, что они представляют собой неотъемлемую часть Русского государства.

Следует отметить, что когда в Касимове появились татары, город и округа были значительно славянизированы. Татары, — а в своем большинстве это были служилые татары, — проживали как на городских посадах, так и в многочисленных сельских населенных пунктах уезда. Во многих из них, безусловно, имелись мечети. Мы можем предположить, что в ряде сел мечети соседствовали с православными церквями. Как это соседство осуществлялось на практике, нам неизвестно. Логично было бы предположить, что определенная информация могла содержаться в писцовых описаниях. Но здесь мы должны отметить специфичность данного источника. Дело в том, что писцовые книги создавались в фискальных

целях. Писцов интересовало недвижимое имущество, с которого государство должно было получать доход. Единственным исключением являлись церкви. Их фиксировали не как податные единицы, а как получателей определенных государственных средств на свое функционирование. Мечети, как освобожденные от государственных податей и в тоже время не получавшие средства из казны, не интересовали писцов. Единственным исключением здесь следует признать упоминание касимовской каменной мечети (мизгит). Это можно объяснить исключительно статусом каменного строения в деревянном городе (Вельяминов-Зернов 1866: 64, 156). Но при этом рядом стоящее каменное же текие не упоминается. Ситуация начинает меняться под давлением церковных властей с 30–40-х гг. XVII в. Из-за скудности источников мы вынуждены привлекать данные из иных регионов. В Темникове по указу патриарха Филарета Никитича в 1629/1630 г. воевода Гаврила Васильевич Лодыгин «их, татарские, мечети сломал и торг их, татарской, где оне лошадей резали на посаде блиско церковей божиих, за посад велел перевесть» (Яковлев 1943: 560). Здесь следует отметить, что Темниковский уезд в 1621 г. был передан в состав Патриаршей области. Поэтому переносить подобные требования на территорию всего государства нет оснований. Опять же из документа (а это более поздний пересказ грамоты сыном воеводы) не ясно — были ли мечети сломаны или их перенесли на некоторое расстояние от православных церквей. Следующий указ относится к региону Верхней Волги. По царскому указу от 25 февраля 1646 г. в Ростовском, Ярославском и Романовском уездах следовало «очистить» татарские дворы, находящиеся ближе, чем на 100 саженей к православным церквям, и поселить на этих дворовых местах их православных крестьян (Ярославские 1913: 65–66). Царская власть стремилась распространить такую практику на территории всего государства. Но здесь мы находимся в самом начале исследования этой проблемы. Делать более обоснованные выводы можно будет только после обнаружения иных источников.

На востоке региона, в Кадомском и Темниковском уездах, ситуация была несколько иной. Первоначально уезды были заселены мордвой и татарами. Изначально здесь, по-видимому, существовало полуавтономное «Темниковское княжество», сохранявшее свои

отдельные самобытные черты вплоть до конца XVII в. Длительное время князья Еникеевы выполняли в городе роль «вторых» пожизненных воевод. (Беляков, Енгальчева 2014). Русский компонент, в подавляющем числе сельский, в значительном количестве фиксируется где-то с 30-х гг. XVI в. С этого же времени документы фиксируют поместья у татарских мирз. По писцовой книге 1614 г. если в них упоминаются крестьяне, то это почти всегда православные (Приправочный 2015). Долгое время эти регионы были пограничными. Поэтому в целях защиты от набегов и военной мобилизации была разработана специфичная форма расселения и хозяйственной деятельности. Служилые татары проживали на городских посадах или в нескольких (одно-три) селах в непосредственной близости от городов. Назовем их «коренными», ведь именно выходцы из них со временем основывали новые населенные пункты. А вот основная поместная пашня и вотчины бортные ухоежи располагались на территории всех уездов. Мечети, скорее всего, имелись в уездных административных центрах и крупных татарских населенных пунктах. С появлением русского населения здесь же стали возникать и церкви. Мордва, скорее всего, расселялась по похожему принципу. По-видимому, первоначально имелись одно-два крупных поселений в каждом беляке. Так как ее часть к этому времени, возможно, была исламизирована, можно предположить наличие в некоторых из них мечетей. С исламизацией мордвы до настоящего времени далеко не все ясно. Сведений об этом практически нет. Главным источником является сообщение С. Герберштейна: «По одним сведениям они идолопоклонники, по другим — магометане» (Герберштейн 1988: 134). Однако следует учитывать, что Герберштейн мог объединять мордву и служилых татар в единое целое. Часть мордвы со временем действительно, по-видимому, приняла ислам. Это касается мордвы, решившей перейти из разряда податных людей в служилые. Долгое время подобный переход был возможен. В 1614 г. такая мордва фиксируется в регионе. На протяжении всего XVII в. в источниках она постепенно сливалась со служилыми татарами в единое целое. Мы вправе предположить смену веры. Ведь для московских властей татарин, мордвин или русский были не этнонимами, а в первую очередь указателями на религиозную принадлежность. Но если смена веры не касалась

православия (православного), то подобные случаи, за редким исключением не интересовали местные и центральные власти. В настоящий момент нам известен только один документ о переходе в ислам. В 1648 г. литовский полоняник Петрушка Григорьев (католик?) решил принять ислам. Этому, однако, воспротивился темниковский поп (в дальнейшем протопоп городского собора) Даниил Никитин, собиравшийся окрестить его. Однако после челобитья Петрушки в Москву, протопопу запретили вмешиваться в это дело (РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. 1648 г. Д. 296: 6–7). Здесь следует особо подчеркнуть, что московские светские власти на протяжении всего XVII в. с завидным постоянством отмечали, что переход в православие должен был осуществляться исключительно осознанно, по собственному искреннему желанию, а не под нажимом извне или же в меркантильных интересах.

Что касается наличия мечетей в конкретных сельских населенных пунктах Темниковского и Кадомского уездов, то прямых сведений на этот счет у нас нет. Мы можем, однако, привлечь косвенные данные. Документы достаточно часто отмечают наличие в регионе абызов (хафизов). Нам очень сложно однозначно определить, что имели ввиду под этим термином русские источники. Это были и грамотные люди (не только знающие Коран наизусть, но и владеющие несколькими языками, в том числе русским письменным), но и специалисты, порой в самых неожиданных делах, русская администрация привлекала их для выполнения различных, в том числе и податных функций. Однако, скорее всего, основной их функцией все же было отправление культа («татарский поп»). Если предположить, что они выступали имамами, то их наличие в том или ином населенном пункте, скорее всего, указывало на то, что там имелась мечеть или же молельный дом. Проблема в том, что в писцовых книгах абызы отмечены только в Темникове. Однако если привлечь иные источники, то их можно найти и в уезде. В судебных исковых челобитных населения Темникова и Темниковского уезда 1604 г. абызы помимо городского посада упоминаются трижды. При этом дважды с указанием места проживания: деревни Митрялы и Пичиполони (РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. 1604 г. Д. 1443; Оп. 2. Д. 1). Привлекая иные источники мы можем несколько расширить наши представления о роле абызов в регионе. В Пошлинных

книгах Печатного приказа (указано Д. В. Кочетковым) встречается упоминание о грамоте «запечатанной» на Алатырь 19 марта 1635 г.: «На Алатырь, по челобитью татар Баймамета Байкеева и во всех место, велено их судить на Алатаре, а по селам и деревням не судить» (РГАДА. Ф. 133. Оп. 1. Кн. 23: 174). Данное сообщение нелегко интерпретировать. Получается, что до этого татар судили по месту их проживания. Понятно, что это делал не воевода. Не могли этого делать и татарские князья. К этому времени они уже давно потеряли подобные права (Беляков, Енгальчева 2014). Остаются обыззы. Но в таком случае возникают иные вопросы. Какие дела могли они судить? Почему татары решили перейти под юрисдикцию воеводы? Мы вправе утверждать, что поземельные вопросы, а также наиболее тяжкие преступления, «душегубство, разбой и татьба с поличным» все время находились в ведении воеводы. Остаются относительно мелкие имущественные споры, не касавшиеся проблемы принадлежности недвижимости. Но в любом случае вопросы семейно-брачных отношений мусульман не могли быть переданы воеводам. Этому имеется и косвенное подтверждение в уже упомянутых нами исковых судебных челобитных, а также книге сбора судебных пошлин Темникова и Темниковского уезда 1604 г. Дело в том, что здесь имеется очень незначительное количество судебных разбирательств между татарами. Только если спор по каким-то причинам не могли решить в общине (умме), его выносили на решение воеводы. Но, подчеркнем, в настоящее время данные построения можно рассматривать только как предположение. В нашем распоряжении слишком мало исходных сведений. Но одно мы можем сказать точно. Это далеко не ситуация, описываемая Кадыр-Али беком в Касимове начала XVII в.: «Он [касимовский царь Ураз-Музаммед б. Ондан — А. Б.] правой рукой действовал по шариаду, а левой рукой — согласно высочайшему указу (ярлыку) государя Бориса Федоровича-хана, бил кнутом воров, разбойников и неблагочестивых» (Трепавлов 2007: 88–89). Здесь остался только шариат. При этом мы не знаем в каком виде. Ведь в Темникове 1604 г. даже обыззы, давая деньги в долг, использовали русское законодательство с «ростом денег» (Приправочный 2015).

Долгое время в регионе фиксируется ситуация «религиозного мира». Некоторой иллюстрацией прагматичного подхода

в управлении краем может служить тот факт, что темниковский воевода на суде одинаково верил крестоцелованию, шертованию на Коран или же осину (Приправочный 2015). Насколько мир был абсолютным и крепким, судить очень сложно. Однако отсутствие документов, говорящих о религиозной вражде в крае, можно рассматривать как констатацию мирного уживания православия, ислама и язычества (РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. 1604 г. Д. 1443; Оп. 2. Д. 1). Однако определенные трения все же имели место. В первую очередь они были связаны со сменой вероисповедания. Известны примеры принятия мордвой и татарами православия, западноевропейскими пленными и, возможно, мордвой ислама. По-видимому, отдельные военнопленные могли принимать язычество. На это, в частности, указывают мордовские имена плененных на Ливонской войне «немцев», живших у мордвы (Беляков 2013). Здесь следует отметить, что Москва следила только за тем, чтобы православное население ни в коем случае не отходило от своей веры, а также чтобы иноверцы не причиняли поругания и осквернения церквям. Примеры последнего известны. Но здесь следует разбираться в каждом конкретном случае. Дело в том, что за большинством подобных обвинений стоят те или иные имущественные споры. Но до реальных действий, как правило, не доходило. На настоящий момент мы можем привести только один пример, когда князь Ишмаммет Аганин и его сын Девлеткилдей до 1652 г. «за скверные богомерзкие дела, за разорение церквей и поругание образов казнены — сожжены» (Татарские 2008: 26). Другие представители рода, добровольно или же принудительно, посчитали за лучшее переселиться в Сибирь (Тычинских 2013).

Ситуация начинает несколько меняться в середине XVII в., когда в уезде активизировали свою деятельность по крещению в православие, в том числе и насильственное, мордвы и татар так называемые «боголюбцы». В настоящее время наиболее известным из них следует признать архиепископа Рязанского и Муромского Мисаила, насильственно крестившего шацкую мордву и убитый ею в апреле 1655 г. (Дубасов 1889). Но свой след оставил и темниковский соборный протопоп Даниил Никитин. Здесь, однако, следует учитывать тот факт, что перед нами не полные судебные дела, а только отдельные документы из них. Поэтому создать

достоверную картину очень непросто. Но и полностью выдумать подобные обвинения сложно: «Приезжает де он, Данило, к ним, мордве, в деревню без нашего, великого государя, указа и в их полях ночью грани подсекает, и книги пишет, и отдает старинные их пашню шацким новокрещеном неведомо для чего» (Беляков, Морохин 2015). Государство в рассматриваемый период стремится вести прагматичную политику по отношению к иноземцам, будучи заинтересованным в них в первую очередь как в военной силе и налогоплательщиках. При этом зачастую царь и его ближайшее окружение находились в несколько двойственном положении. Разделяя многие взгляды «боголюбцев», они должны были постоянно одергивать наиболее рьяных из них. При этом добровольные случаи принятия православия, как мордвой, так и татарами, встречаются нам регулярно с конца XVI в. Их причины различны. В настоящий момент это явление только становится предметом специального исследования. Но, по-видимому, здесь имел место весь спектр возможных причин: попытки избежать или же значительно смягчить наказание за те или иные преступления (данную причину отмечали иностранцы) (Мейерберг 1997: 94); способ улучшить свое материальное положение и создать предпосылки для скорейшего карьерного роста; наконец искреннее уверование в «нового» Бога.

Все изменилось с указом от 16 мая 1681 г. об отписке у мирз и татар поместий и вотчин, и о выгодах, предоставляемых тем, кто принял православие. Согласно этому закону, у татар низовых родов в пользу государя отписывались поместья, в которых проживали православные крестьяне и бобыли. В будущем служилых татар, оставшихся верными исламу, обещали наделить поместьями, населенными кадомской и темниковской мордвой. Тем самым данный указ одновременно был направлен как против татар, так и мордвы.

Правительство явно переоценило свои силы. Главная причина этого кроется в размерах неправославного населения. Поэтому уже через год намеченный план действий вначале корректируют, а затем полностью сворачивают. Среди татар ходили упорные слухи о том, что их всех в обязательном порядке заставят сменить веру. Поэтому некоторые собирались покинуть насиженные места

и переселиться дальше на Восток. В Москве явно не были готовы к такому развитию событий и вынуждены были пойти на попятную. 20 мая 1682 г. в Кадом послали грамоту, в которой утверждали, что «которые мурзы, тотары, мордва, чуваша и черемисы не похотят креститься» их оставят в покое (Беляков 2015а).

Мы можем отметить еще один регион Мещеры, также имевший определенные особенности. Это собственно Шацкий уезд. Первоначально его административным центром был Андреев городок каменный (Темгенево городище, Каменная могила) на реке Цне. В настоящее время это окраина г. Сасово Рязанской области. Однако после того как во втором десятилетии XVI в. город погиб, со временем административным центром становится г. Шацк (1553). На этой территории также длительное время проживало по преимуществу мордовское и татарское население. Поэтому мы вправе предположить, что религиозная картина здесь была сродни соседним Кадому и Темникову. Однако здесь одно время имелись черты сходные с Касимовым. Дело в том, что под 1508 г. город значит-ся за касимовским царевичем Джанаем, сыном царя Нур-Даулета. Но где находился религиозный центр местных мусульман до настоящего времени не ясно. Само городище имеет очень незначительные размеры (Челяпов 2005). Поэтому логично предположить, что царевич и мечеть находились на близлежащем посаде. Однако всего в нескольких километрах за Цну имеется большое «маточное» татарское село Бастаново. Интересно, что при казанских (азовских) набегах эти два населенных пункта упоминаются как главные ориентиры («Ондреевы городища да на Бастаново»), что навевает на мысль об особом статусе села (Девликамов, Шарифуллина 2015). Вполне возможно, что город, как место где сидел представитель московской администрации, и близлежащие посады были заселены русскими. Царевич же со своим двором проживал в Бастаново.

Таким образом, мы в основных чертах обрисовали общую этнорелигиозную картину Мещеры XVI–XVII вв. При этом мы наблюдаем ситуацию высокой степени религиозной терпимости, вызванную, в первую очередь, прагматизмом Москвы. Относительно отдаленный пограничный регион с пестрым населением не оставлял возможностей для экспериментов с насильственной

христианизацией. Впрочем, подобный прагматизм в это время мы наблюдаем и в иных регионах России. Однако ситуацию нельзя и идеализировать. Ведь в идеале в православном царстве должны жить только православные. Поэтому при сохранении общего вектора на веротерпимость мы наблюдаем постепенное увеличение роли православия. Но здесь не было изобретено ничего нового. Нечто подобное можно было наблюдать в первые века ислама. Тот же Дамаск после завоевания длительное время (более 100 лет) оставался по преимуществу христианским городом.

В заключение следует отдельно подчеркнуть то, что на протяжении всего исследуемого нами периода мы не отмечаем негативно окрашенных высказываний в отношении российских мусульман и язычников. Стремление их крестить, пусть даже и насильственным путем, понималось как выражение опеки и покровительства. Как может православный государь заботиться о своих подданных, если они, как неразумные дети, не слушаются своего отца?

Список литературы

Беляков А. В. Абызы (хафизы) в Московском государстве XVI–XVII веков // Средневековые тюрко-татарские государства. 2015. Вып. 7. С. 40–45.

Беляков А. В. К вопросу о реконструкции двора касимовских царей и царевичей в Касимове // К 60-летию И. Ю. Соснера. Сборник статей. М.: Старая Басманная, 2016. С. 41–50.

Беляков А. В. Крещение мусульман и проблема их интеграции в России XVI–XVII вв. // Национальная политика России в контексте современных вызовов: идеи, практики, перспективы. Сборник трудов по итогам работы научно-исследовательских секций «Конгресса народов России-2015». Н. Новгород: Изд-во госуниверситета им. Н. И. Лобачевского, 2015. С. 56–74.

Беляков А. В. Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюрко-татарские государства. 2013. Вып. 5. С. 154–210.

Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мир, 2011. 512 с.

Беляков А. В., Енгальчева Г. А. Темниковское княжество по источникам XVI–XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. Вып. 6. С. 62–71.

Беляков А. В., Морохин А. В. Отношение центральной власти к насильственным крещениям на местах в первой половине XVII в. // Очерки Феодалной России. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015. Вып. 18. С. 168–188.

Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1863. Ч. 1. 558 с.; 1864. Ч. 2. 498 с.; 1866. Ч. 3. 502 с.; 1887. Ч. 4. 178 с.

Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.

Девликамов А. А., Шарифуллина Ф. Л. Очерки по истории Села Бастаново. Шацк: Шацкая типография, 2015. 360 с.

Дубасов И. И. Рязанский архиепископ Мисаил // Исторический вестник. 1889. Т. 38. № 10–12. С. 109–121.

Книги касимовского городского дела 179 и 180, 181 и 182 (1671–1674 гг.) // Труды Рязанской ученой архивной комиссии за 1893 г. Рязань: Тип. губернского правления, 1893. Т. VIII. Вып. 1. С. 19–25.

Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, послов императора Леопольда к царю Алексею Михайловичу в 1661 году // Утверждение династии. М.: Рита-Принт 1997. С. 43–184.

Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/1614 г. / Сост.: М. М. Акчурин, А. В. Беляков. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 220 с.

Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.) Очерки истории. Казань: Тат. книжн. изд-во, 2009. 207 с.

РГАДА. Ф. 1167. Темниковская приказная изба. Оп. 1. 1604 г. Д. 1443; Оп. 2. Д. 1.

РГАДА. Ф. 133. Дела о Посольском приказе и служивших в нем. Оп. 1. Кн. 23.

Трепавлов В. В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост. лит-ра РАН, 2007. 255 с.

Тычинских З. А. Об обстоятельствах появления в Сибири касимовских мурз Кутумовых // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2013. № 1(21). С. 80–83.

Челяпов В. П. Древнерусские памятники на северо-востоке Рязанской земли // Великое княжество Рязанское / Отв. ред. А. В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 413–426.

Яковлев А. И. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. По архивным документам Холопъего и Посольского приказов, Оружейной палаты и Разряда. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1943. Т. I. 564 с.

Ярославские писцовые, переписные, межевые и дозорные книги XVII в. // Труды Ярославской ученой архивной комиссии. Ярославль: Типо-лит. Николаевой, 1913. Кн. VI. Вып. 3–4. 628 с.

ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ ПАМЯТНИКИ КУНЯ-УРГЕНЧА И ХОРЕЗМА

(некоторые итоги и перспективы изучения,
сохранения и использования объектов тюрко-
мусульманского историко-культурного
наследия в Туркменистане)

Аннотация: Средневековый Хорезм и его столица Ургенч (Гургандж) играли особую роль в жизни Улуса Джучи и внесли базовый вклад в развитие золотоордынской оседло-земледельческой цивилизации. Среди сохранившихся и уже отреставрированных памятников Куня-Ургенча (Древнего Ургенча) важное место занимают объекты золотоордынского времени – 62-метровый минарет Кутлуг-Тимура, мавзолеи – Тюрабек-ханым, Наджм ад-дин Кубра, Пирйара Вали, Али ар-Рамитани, Султан Али и другие сооружения архитектуры, а также объекты, выявленные в ходе археологических раскопок.

Включение в 2005 г. объектов Куня-Ургенча в Список Всемирного историко-культурного наследия ЮНЕСКО – важное событие в жизни Туркменистана, стран Центральной Азии и тюрко-мусульманского Востока.

Ключевые слова: Золотая Орда, Улус Хорезм, Куня-Ургенч, мавзолей, минарет, архитектура, археология, музей-заповедник, туризм.

Abstract: Medieval Khorezm and its capital of Urgench (Gurgandz) played a special role in life of Ulus Dzhuchi and have made a basic contribution to development of Golden Horde settled and agricultural civilization. Among the remained and already restored monuments of Kunya-Urgench (Ancient Urgench) the important place is taken by objects of Golden Horde time – a 62-meters minaret of Kutlug-Timur, mausoleums such as Tyurabek-hanym, Nadzhm al-Din Kubr, Piryar Vali, Ali al-Ramitani, Sultan Ali, and other architecture constructions, and also the objects revealed during archeological excavations.

Inclusion of objects of Kunya-Urgench in the List of the World historical and cultural heritage of UNESCO in 2005 is an important event in life of Turkmenistan, and countries of Central Asia and the Turk-Muslim East.

Key words: Golden Horde, Ulus Khorezm, Kunya-Urgench, mausoleum, minaret, architecture, archeology, museum-reserve, tourism.

История изучения памятников периода Золотой Орды (Улуса Джучи) и постордынских государств в регионах Евразии имеет богатые традиции, но остается еще немало проблем, связанных с их исследованием, сохранением и практическим использованием, что связано как с объективными, так и субъективными причинами.

Важными и объективными источниками для изучения средневековой истории народов Евразии являются памятники архитектуры и эпиграфики, а также материалы нумизматики и археологии, выявленные в ходе широкомасштабных раскопок объектов периодов Золотой Орды и постордынских государств, которые дополняют известные письменные источники и позволяют охарактеризовать золотоордынскую цивилизацию как синтез двух начал — как культуру кочевых номадов степей Евразии и как новый высший этап развития тюрко-мусульманской оседло-земледельческой и городской цивилизации, базирующейся на древних и средневековых культурах Хорезма, бассейнов Сырдарьи и Амударьи, Волжской Болгарии и Крыма (Егоров 1985; Федоров-Давыдов 1994; Кульпин 2008).

Одним из важнейших центров золотоордынской культуры были поселения на территории Улуса Хорезм, расположенного в юго-восточной пограничной части Улуса Джучи. Вся культура золотоордынского Хорезма сформировалась на базе местной домонгольской оседло-земледельческой культуры и была дополнена и качественно усилена традициями пришлых этнокультурных групп.

Несмотря на разрушения и опустошения в ходе монгольского завоевания части городов и оазисов Средней Азии, во второй половине XIII в. ирригационная система Хорезма была восстановлена полностью и в первой половине — середине XIV в. наблюдается ренессанс в развитии в северо-западных частях Хорезма, входивших в состав Золотой Орды (Вактурская 1963; Кдырниязов 2006; Неразик 1976; Толстов 1948; Якубовский 1930; Бурханов 2009в).

В этот период в междуречье Дарьялыка и Северного Даудана, а также выведенной из них оросительной системе возникает оживленно развивающийся район, где вырастают ремесленные центры — городища Шехрлик, Ярбекир-кала, Ангырт и средние по величине поселения, возрождаются старые и строятся новые каналы (Вактурская 1963: 42–53; Кдырниязов 2006; Бурханов 2009в: 14–15).

Административный центр Улуса Хорезма — город Ургенч (ранее Гургандж, Ховаризм), расположенный на пересечении торгово-караванных путей, связывавших его со столичными центрами и городами Нижнего Поволжья и Центральной Азии, являлся одним из важных и крупных торгово-ремесленных центров Золотой Орды. Вновь

на подъеме оказались соседние с Ургенчем Хива и Миздахкан. Археологические материалы показали, что древние культурные традиции и высокое мастерство ремесленников, особенно искусство гончаров и зодчих сыграли видную роль в формировании культуры всей Золотой Орды (Якубовский 1930; Кдырниязов 2006: 139–140).

Новые археологические данные из северо-западного Хорезма показывают, что включение региона в состав Улуса Джучи способствовало укреплению культурно-этнических связей его жителей с населением районов бассейна Сырдарьи (Байпаков 1998; Бурханов 2009а). В этой связи особый интерес представляет история возвышения тюркоязычного племени кунграт, из которого вышла местная хорезмская династия кунгратских суфи. Этнокультурные влияния, привнесенные извне, в золотоордынское время проявляются в некоторых особенностях расселения, не имеющих корней в местной хорезмской среде, в облике жилищ и в некоторых ирригационно-земледельческих навыках (Федоров-Давыдов 1958; Якубовский 1930).

Историко-археологические исследования позволили детально охарактеризовать развитие городов и населенных пунктов золотоордынского Хорезма. Наряду с расцветом столичного города Ургенч постепенно возрождаются и сельские округа, о чем свидетельствует появление различных по величине населенных пунктов — поселков и сельских поселений (Неразик 1976).

Исследования археологов показали, что в конце XIII–XIV вв. в Улусе Хорезм развивались густая сеть населенных пунктов и ирригационная система. Важную роль при этом сыграла внутренняя и внешняя караванная торговля, в которой активную роль играли и сами купцы Хорезма. Особую роль в развитии экономики и культуры, строительства населенных пунктов и культово-мемориальной архитектуры Хорезма и его столицы Ургенча первой половины XIV в. сыграл золотоордынский наместник — местный правитель Кутлуг-Тимур и его жена Тюрабек-ханым. Об этом говорят письменные источники, сохранившиеся до сих пор развалины архитектурных объектов и археологические находки из Куня-Ургенча и других поселений Хорезма (Мамедов, Мурадов 1998; 2000; 2006; Халимов 1991; Юсупов 1993; Зотов 1990; Ибрагимов 1988; Средневековые письменные источники 2000; Бурханов 2009в).

Остатки бывшего столичного центра Ургенч находятся у современного районного центра Куня-Ургенч в северном Туркменистане, на левом берегу старого русла Амударьи. Городище, укрепленное стеной, охватывавшее золотоордынский город XIV в. (шахристан имел по разным данным от 430 до 640 га), было украшено блестящими сооружениями тюрко-мусульманского зодчества.

В столицу провинции Улуса Джучи — в XIII–XIV вв. стекались мастера-строители, каменщики, резчики по дереву и терракоте, художники, здесь была создана школа первоклассных хорезмских мастеров самых различных профессий.

В XIV в. Ургенч, по сообщению Ибн Баттуты, «один из самых больших, значительных и красивых городов, богатый славными базарами, просторными улицами, многочисленными постройками, отборными красотами». В описании средневекового Ургенча он упоминает ряд крупных построек города, среди которых называет медресе, построенное Кутлуг-Тимуром, соборную мечеть и хонако Тюрабек-ханым, хонако могилы шейха Наджми ад-Дин Кубра, больницу, дворец, у которого «деревянный разукрашенный купол, стены убраны разноцветными тканями, а потолок раззолоченным шелком» (Ибрагимов 1988: 78–79; Средневековые письменные источники 2000: 39–40).

По мнению А. Ю. Якубовского, период правления Кутлуг-Тимура для Ургенча — «самое блестящее время его истории» (Якубовский 1930: 18).

От золотоордынского Ургенча до нашего времени на территории Куня-Ургенчского заповедника сохранились несколько архитектурных сооружений культово-мемориального и фортификационного характера, а также объекты, выявленные в ходе археологических исследований (Мамедов, Мурадов 2006; Бурханов 2009в: 27–38).

К этому ряду относится крепостная стена Ургенча — мощное фортификационное сооружение, охватывавшее золотоордынский город (шахристан) XIV в., площадью 430 (640) га. Стена сохранилась в виде вала протяженностью (в некоторых местах прерывается земледельческими угодьями) почти 10 км. Лучше сохранился восточный вал длиной 2 км.

Основная часть памятников Ургенча находится внутри окруженного этой стеной городища, почти в центре которого возвышается

минарет Кутлуг-Тимура. Сама стена была разрушена в ходе последнего пятого похода на Хорезм в 1388 г. войсками Тамерлана. После разрушения территория города демонстративно была засеяна ячменем, но через 3 года по его же приказу был восстановлен один квартал, который существовал до XVII в. (Федоров-Давыдов 1958: 505–528; Егоров 1985: 126).

Хорезм-баг — прямоугольная крепость (400 x 500 м) на юго-западной окраине Гурганджа, окруженная высоким валом и разделенная на две половины стеной, в середине которой большой холм. По мнению С. П. Толстого, здесь мог быть пригородный замок правителей золотоордынского времени (Толстов 1958).

Минарет соборной мечети — один из главных объектов Куня Ургенча. Кирпичная надпись на нем связывает его с именами Кутлуг-Тимура — наместника-правителя золотоордынского Хорезма, зятя султана Улуса Джучи Узбека (Якубовский 1930: 36; Пилявский 1948; 1974; Памятники архитектуры Туркменистана 1974; Халимов 1991: 38–40).

Надпись была прочитана А. Ю. Якубовским и по его версии гласит: «Счастливым из царей двух миров, царь, Аллах облагодетельствовал его милостью и открыл ему врата истины, и он — царь могущественный, патрон царей арабов и неарабов, блеск земного мира и веры, величие ислама и мусульман, Кутлуг-Тимур, сын великого эмира Наджам ад-дауля-уд-дин, да продлит Аллах победу ислама... и построение этого здания — в дни могущественного султана Узбек-хана, да продлит Аллах царство его». Некоторые слова остались непрочитанными.

После анализа надписи и версий ее чтения предшественниками Н. Б. Халимов остановился в следующем варианте чтения текста. Он гласит: «Приказал светлейший из царей двух миров, которого Аллах облагодетельствовал милостью и открыл ему врата истины, а он — царь могущественный, победитель царей арабов и аджамов, блеск земного мира и веры (Шихаб ад-дунья ва-д-дин), спасение ислама и мусульман (Гийас ал-ислам ва-л-муслимин), Кутлуг-Тимур, сын великого эмира Наджм ад-дауля ва-д-дин, да продлит Аллах возвышение ислама в его покровительской натуре, и было возведено это сооружение (имарат) в дни правления могущественного султана Узбек-хана, да продлит Аллах его власть».

Большинство исследователей датируют время сооружения 1320–1330 гг. (Якубовский 1930: 36; Памятники архитектуры Туркменистана 1974: 191–194; Халимов 1991: 31–91; Мамедов, Мурадов 2000: 58–65).

Минарет представляет собой коническую колонну высотой 59,9 м от уровня современной кирпичной выстилки. При реконструкции его первоначальная высота восстанавливается до 62 м. Считается, что этот минарет принадлежал соборной мечети, которую Ибн Баттута связывал с именем Тюрабек-ханым — жены правителя Кутлуг-Тимура (Средневековые письменные источники 2000: 40).

Орнаментальная кольцевая выкладка из отшлифованного обожженного кирпича (30×30×5 см) красиво выглядит в высоту сооружения. На вершине минарета сохранились гнезда от деревянных балок, на которых был устроен раскрытый во все стороны фонарь, увенчанный декоративным орнаментом. С этого фонаря муэдзин призывал на молитву. На вершину минарета ведут 144 ступени внутренней винтовой лестницы, которая начинается у входа на высоте около 7 м от уровня земли, что, вероятно, соответствовало уровню плоской крыши мечети.

На уровне входа минарет охвачен широкой рельефной кувической надписью, выполненной из шлифованного кирпича. Вверху минарет опоясывают еще три пояса плохо сохранившихся надписей. После реставрационных работ этот текст восстановлен и воспроизводит коранические тексты (Халимов 1991: 38–40).

Самый высокий в Средней Азии минарет перенес не только разрушительные войны, но и стихийные катаклизмы, связанные с землетрясениями. Он является блестящим свидетельством высокого мастерства хорезмской школы строителей и архитекторов золотоордынской эпохи.

В 400 м северо-западнее минарета Кутлуг-Тимура находится мавзолей Тюрабек-ханым. Это — самый известный памятник Куня-Ургенча, сочетавший в себе изящество и монументальность, уникальную объемно-планировочную композицию и великолепный декор.

Большинство исследователей относят сооружение объекта в пору блестящего развития хорезмской архитектуры ко времени правления Кутлуг-Тимура, его жены, или вскоре после них, т. е. ко второй

четверти XIV в. (Памятники архитектуры Туркменистана 1974: 191; Халимов 1991: 42–43; Армарчук 1998; 2001: 188–210; Мамедов, Муратов 2000: 51–58; Бурханов 2009в: 29–32). Этот факт подтверждают и исторические свидетельства Ибн Баттуты, который в своем описании Ургенча 1330-х гг. упоминает хонако Тюрабек-ханым и хонако Наджм ад-Дин Кубра. Сооружения, связанные с именами Тюрабек-ханым и Наджм ад-Дин Кубра в Куня-Ургенче, сохранились до наших дней и удивляют взор местных посетителей и иностранных туристов. Поэтому справедливо рассматривать грандиозное здание мавзолея Тюрабек-ханым с художрой (кельей) у входа, как ту самую хонако, о которой писал Ибн Баттута. Это здание впоследствии могло быть приспособлено для погребения самой Тюрабек-ханым и стать династической усыпальницей хорезмских Суфидов.

Это подтверждается необычной для архитектуры Средней Азии композицией здания, в особенности его трехчастным планом, застроенным вдоль главной оси. За высоким и глубоким порталом — небольшое купольное помещение с входами в маленькую художру (налево), на винтовую лестницу (направо) и в обширный шестиугольный зал с площадью 100 кв. м (прямо). Далее на той же оси за залом, имелась небольшая сильно разрушенная пристройка. В 1958–1960 гг. в главном зале вскрыт склеп с погребениями, что свидетельствует о функции сооружения как мавзолея с четким осевым построением, что в истории среднеазиатского зодчества является уникальным.

Здание внутри решено в виде шестиугольной призмы, в грани которой врезаны глубокие арочные стрельчатые ниши с оконными проемами. Снаружи, на двенадцатиграннике основного объема также находятся глубокие ниши. С южной стороны находится высокий и стройный портал.

Когда-то здание было увенчано высоким синим шатром, поднимающимся на высоком барабане. Шатер обрушился, и от него остался фрагмент с восточной стороны.

Внутренняя поверхность купола несет драгоценную декорацию в виде сплошного мозаичного убора тончайшей работы. Сталактитовые и арочные паруса двенадцати и двадцати четырехгранников создают конструктивный и декоративный переход от шестигранной призмы основания к опорному кольцу стрельчатого купола.

Центр купола раскрывается драгоценной сердцевиной в виде 12-лепесткового пышного цветка, вписанного в 24 лучевую звезду. Синий, белый, бирюзовый, черный, зеленый, желтый, красный и коричневый цвета с золотом создают оригинальный мозаичный рисунок купола.

Мавзолею придается огромное значение, и сейчас делается очень многое для его реставрации, сохранения и практического использования, ибо это сооружение золотоордынского Ургенча является высшим достижением искусства замечательных мастеров знаменитой декоративной школы Хорезма. Мастера, вывезенные Тамерланом из разрушенного Ургенча, проявили свое мастерство при строительстве архитектурных объектов Мавераннахра и Хорасана XV в., сочетав умение с новыми приемами и местными условиями работы. Но мавзолей Тюрабек-ханым — это уникальный образец, в котором строители и декораторы с большим мастерством и умением соединили конструктивную форму с богатейшей декорацией, не нарушив тектоники сооружения.

Мавзолей Наджм ад-Дин Кубра и султана Али расположены на мусульманском кладбище, которое сформировалось за многие столетия вокруг древних погребальных сооружений (Мамедов, Мурадов 1998: 52–64; Бурханов 2009в: 33–38).

Хонако Наджм ад-Дин Кубра включает четыре купольных помещения, вестибюль, две комнаты для собраний и турхану. Характеру планировки здания отвечает и объемная композиция, в которой выделен стройный пештак главного фасада со слегка наклоненными пилонами и стрельчатым сводом, сталактитовым карнизом. Поверхность пештака полностью облицована майоликовыми плитками. В мавзолее находятся уникальные надгробия.

Надпись на портале с упоминанием имени Кутлуг-Тимура и свидетельства Ибн Баттуты позволили датировать мавзолей-хонако 30-ми гг. XIV в. (Якубовский 1930: 60–61; Халимов 1991: 52–64).

Мавзолей султана Али интересен главным образом в ансамбле с усыпальницей Наджм ад-Дин Кубра (Халимов 1991: 64–66).

Близким по характеру и хронологии к этому объекту можно считать несколько сооружений Ургенча. Это мавзолей Пирйар Вали (XIV–XVI вв.) в 15 м западнее хонако Наджм ад-Дин Кубра, двухкамерный мавзолей Ибн Хаджиба (XIV в.) с пристроенными позже

летней мечетью и худжрами медресе, мавзолеей Али ар-Рамитани ал-Бухари (XIV–XVI вв.) южнее минарета Кутлуга-Тимура, двухкамерный мавзолей Саййида Ахмада (XIV–XVI вв.) между этим минаретом и мавзолеем Тюрабек-ханым (Халимов 1991: 66–67, 83–89; Мамедов, Мурадов 1998: 31; Бурханов 2009в: 33–38). Все они представляют собой упрощенный тип портално-купольной усыпальницы, распространенный и в других городах Хорезма, регионов Улуса Джучи и Средней Азии.

В ходе археологических исследований на территории Куня-Ургенча были выявлены некоторые объекты золотоордынского времени, представляющие интерес для изучения экономической и культурной жизни Улуса Джучи (Зотов 1990: 37–38; Халимов 1990: 41–42; 98–119; Юсупов 1993; Бурханов 2009а: 35–37; 2009б).

Так, к примеру, В. Зотовым у минарета Кутлуг-Тимура обнаружена сардоба (XIV–XVI вв.). Это небольшое цилиндрическое сооружение, выложенное из жженого трапецевидного кирпича.

В ходе раскопок экспедицией Института истории им. Батырова АН Туркменистана (под руководством Е. А. Атагаррыева и при участии А. А. Бурханова) были выявлены основания небольших мавзолеев, в том числе здания с надгробиями кашинным покрытием в первой половине XIV в. (Бурханов 2009б: 258 (илл.)).

Раскопками изучены слои золотоордынского времени крепости Таш-кала, крепости Хорезм-баг, крепостная стена Ургенча XIII–XIV вв. и др.

Несколько уцелевших архитектурных сооружений и выявленные в ходе археологических работ в Куня-Ургенче объекты позволяют раскрыть характер развития экономики и культуры золотоордынского Хорезма. Мавзолей Тюрабек-ханым, минарет Кутлуг-Тимура, мавзолей Наджм ад-Дин Кубра и другие архитектурные объекты отражают культуру, как самого Ургенча, так и важнейших центров Улуса Джучи — столиц Сарая аль-Махруса и Сарая аль-Джадид в Нижнем Поволжье, Болгара, Иске Крыма (Солхата), Маджара, Мохши, Сарайчика и других, в которых сохранились в основном фрагментарные архитектурные остатки, выявленные в ходе археологических раскопок. И это справедливо, так как золотоордынская культура развивалась на основе многовековой культуры Хорезмского оазиса и других оседло-земледельческих регионов.

На исходе XIV в. Хорезм и Хорасан вошли в состав империи Тамерлана. Создание мощной державы, куда были включены основные части Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока, Северная Индия и Закавказье, сопровождалось угоном в плен огромного числа мастеров и ремесленников из покоренных стран. Среди них были архитекторы-мимары, инженеры-мухандисы, каллиграфы, специалисты по разбивке садов, мастера по обработке камня и дерева, гончары по созданию кашинной, облицовочной и другой керамики, масса разнорабочих. Таким образом, был обеспечен беспрецедентный расцвет архитектуры в Мавераннахре — на родине Тамерлана, но был обескровлен Ургенч и другие ремесленно-торговые центры Золотой Орды, Ирана и других стран Востока, потерявших свои творческие потенциалы.

Историческая роль хорезмских памятников велика и потому, что они являлись теми образцами, которые оказали огромное влияние на культуру, прежде всего, на архитектуру и керамическое производство империи Тимуридов, главным образом, в области декоративного убранства.

Именно из Хорезма исходит тип порталных сооружений, ставших традиционными для среднеазиатского зодчества времен Золотой Орды.

Оригинальность и уникальность построек Ургенча, их исключительное техническое качество и огромный художественный эффект позволяет отнести их к числу лучших памятников, входивших в сокровищницу зодчества тюркских народов и исламской культуры.

Спустя многие века человечество хранит память о великом культурном наследии древнего и средневекового Хорезма и его великолепной столице Куны-Ургенче, его роли в развитии мировой цивилизации. Поэтому вполне закономерным представляется включение в 2005 году остатков города Куны-Ургенча в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Однако это решение пришло не просто, очень много было сделано для этого правительством Туркменистана и научной общественностью многих стран.

В 1970–1980-е гг. в Туркменистане, в том числе Куны-Ургенче, начались активные археологические и реставрационные работы объектов археологии и архитектуры, осуществляемые учеными-археологами и специалистами Специальной научно-реставрационной

производственной мастерской (СНРПМ) Министерства культуры Туркменской ССР. По заказу Минкультуры Туркменистана в УЗНИПИР (г. Ташкент) было разработано научное обоснование по градостроительной охране памятников Куня-Ургенча (Мамедов, Мурадов 2000: 16).

В 1985 г. глава правительства Туркменистана С. А. Ниязов подписал постановление об объявлении городища Куня-Ургенч государственным историко-культурным заповедником. С тех пор ведется планомерная работа по исследованию, консервации и реставрации историко-архитектурных и археологических объектов, осуществлена паспортизация всех имеющихся в наличии памятников, причем не только в черте Куня-Ургенчского городища, но и во всем Дашогузском велаяте (бывшей Ташаузской области).

За последние 30 лет силами Куня-Ургенчского участка СНРПМ отреставрированы мавзолеи Текеша, Иль-Арслана, Наджда ад-Дин Кубра, минарет Кутлуг-Тимура и основание минарета Мамуна, «ворота караван-сарая», несколько позднесредневековых мавзолеев и западная внешняя сторона крепостной стены Кыркмолла. Практически завершено восстановление и реставрация мавзолея Тюрабек-ханым.

Все реставрационно-восстановительные работы проводились в рамках Программы развития ООН (ПРООН-UNDP) «Развитие культурной сферы Куня-Ургенча» под руководством реставратора Р. Капса (Великобритания) и архитектора И. Н. Зубанова (Туркменистан) при участии архитектора-реставратора В. И. Артемьева (Узбекистан).

В числе самых важных задач этого проекта предусматривалось решение вопросов консервации и реставрации памятников архитектуры, новые археологические раскопки, реконструкция местного музея (в рамках деятельности заповедника), благоустройство территории созданного здесь и успешно действующего историко-культурного заповедника, включение его в систему международного туризма и, самое главное, использование потенциала местных специалистов, их обучение современным методам работы с применением новейшей техники и оборудования.

Значение и величие средневекового Ургенча в истории мусульманского Востока и Евразии, художественная ценность

сохранившихся в нем памятников привлекает сегодня большое внимание исследователей, меценатов и туристов. И это позволяет отметить, что есть основания надеяться, что в XXI в. Куня-Ургенчский историко-культурный и природный ландшафт со всеми его строениями, руинами и пока немymi холмами сохранится как уникальное место на земле, куда стремятся люди из других регионов и стран, чтобы почувствовать уникальное дыхание исторического прошлого. Этот заповедный уголок постепенно обрастает современной инфраструктурой, облегчающей визиты путешественников, деятельность ученых-археологов и реставраторов, а главное — создает дополнительные ресурсы для социально-экономического благосостояния местного населения, и определяет специфику дальнейшего развития современного Куня-Ургенча.

В настоящее время по истории и объектам Куня-Ургенча туркменскими учеными и их зарубежными коллегами издана целая серия научных статей и монографий, научно-популярных книг, брошюр и путеводителей, проводятся региональные и международные научные конференции и круглые столы.

В частности, в Куня-Ургенче и велаятском (областном) центре г. Дашогузе 25–27 мая 2006 г. была проведена Международная научная конференция «Постоянно нейтральный Туркменистан — ЮНЕСКО: оценка историко-культурных ценностей и определение памятников всемирного наследия», проведенная под эгидой ЮНЕСКО и правительства Туркменистана, а 24–26 мая 2007 г. Международная конференция «Махмыт Замахшары и научно-литературное возрождение Востока», участники которой посетили и ознакомились с остатками Куня-Ургенча и крепости Замахшар — родиной великого поэта-просветителя Махмута Замахшари (Постоянно нейтральный Туркменистан 2006; Бурханов 2009в).

Решение ЮНЕСКО о включении городища «Древний Мерв» (в 1999 г.), объектов Куня-Ургенча (в 2005 г.) и городища Ниса (в 2009 г.) в Список Всемирного наследия стали важными событиями в жизни современного Туркменистана и государств Центральной Азии, ибо дало народам Востока блестящую возможность ощутить национальную гордость за великие научные и культурные свершения, прославившие наших предков во всем мире.

Этот факт открывает новые горизонты в изучении и сохранении памятников древних и средневековых Ургенча, Мерва, Нисы и других городских центров Туркменистана и Центральной Азии, а также способствует их интеграции в систему международного туризма, росту их популярности, что, в конечном счете, будет способствовать развитию современных Куля-Ургенча, Мары, Ашхабада и других центров как городов с неисчерпаемым историко-культурным потенциалом.

В целях дальнейшего изучения, сохранения и практического использования историко-культурного наследия в Туркменистане делается очень много. В частности, последовательно был принят пакет соответствующих законов «Об охране памятников истории и культуры Туркменистана» (19.02.1992), «О музеях и музейном деле» (18.01.1997), «Об охране и вывозе движимых ценностей культуры» (13.10.1998) и др.

Задачу сохранения и использования богатейшего историко-культурного наследия осуществляет Национальное управление по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры Туркменистана при Министерстве культуры страны.

В Туркменистане на государственном учете состоит более 1200 памятников археологии, архитектуры и истории.

Для сохранения важных объектов историко-культурного наследия на местах создан ряд государственных историко-культурных заповедников, среди них, кроме названных ранее, «Ниса», «Древний Мерв», «Куля-Ургенч», отметим «Абиверд», «Древний Серахс», «Атамурат», «Древний Дехистан» (Бурханов, Бушмакин 2013).

На территории названных заповедников ведутся крупномасштабные научно-исследовательские, консервационные, ремонтно-реставрационные и благоустроительные работы в сотрудничестве с такими международными организациями как ЮНЕСКО, Фонд мирового наследия, Программа развития ООН (UNDP), а также с известнейшими научными центрами в этих областях, в частности, с Институтом археологии РАН и Этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН (Москва), Научно-исследовательским центром Лигабуэ (Венеция), Центром археологических исследований и раскопок (Турин), Международным центром сырцовых сооружений — Высшей архитектурной школой Гренобля (CRA Terre-EAG),

Варшавским и Лондонским университетами, Музеем археологии Пенсильванского университета (США), Национальным географическим обществом США, Турецким агентством информации и развития (ТИКА), Национальным центром научных исследований Франции и др. (Постоянно нейтральный Туркменистан 2006).

В результате совместной деятельности с зарубежными партнерами и туркменскими структурами древняя история и культура становится все более известна за рубежом, и с каждым годом растет интерес международного сообщества к нейтральному и независимому Туркменистану. Это выражается в многочисленных публикациях совместных научных и научно-популярных работ по археологии, архитектуре, искусству и проблемам консервации и реставрации историко-культурного наследия страны, а также в растущем потоке иностранных туристов, стремящихся посетить древний и солнечный Туркменистан.

Список литературы

Армарчук Е. А. Изучение памятников Куня-Ургенча: старые и новые гипотезы // Приаралье в древности и средневековье. М.: Наука, 1998. С. 198–210.

Армарчук Е. А. Мавзолей Тюрабек-ханым в Старом Ургенче: форма, функция и возраст // Татарская археология. 2001. № 1–2(8–9). С. 188–210.

Байпаков Е. В. Средневековые города Казахстана на Великом шелковом пути. Алматы: Гылым, 1998. 215 с.

Бурханов А. А. Золотоордынские города бассейна Сырдарьи (к проблеме изучения контактных зон и историко-культурных связей в Средневековье). // История и современность: № 2. 2009а. С. 78–101.

Бурханов А. А. Поселения Хорезма // История татар с древнейших времен: в семи томах. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009б. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). С. 250–259.

Бурханов А. А. Сырдарьинско-Амударьинский регион в золотоордынское время. Культура поселений бассейна Сырдарьи и Нижней Амударьи в XIII–XIV вв. Казань: Изд-во КПК, 2009б (Материалы

и исследования по древней и средневековой истории и археологии бассейна Амударьи. Вып. 11). 72 с.

Бурханов А. А., Бушмакин А. Г. Памятники природы и истории Койтендага. Казань; Ашгабат, 2013. 49 с.

Вактурская Н. Н. О средневековых городах Хорезма // Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР. М., 1963. Вып. 7. С. 41–45.

Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.

Зотов В. В. О датировке минарета Кутлуг-Тимура // Архитектура и строительство Узбекистана. Ташкент, 1990. № 7. С. 15–39.

Зотов В. В. Раскопки Караван-сарая в Куня-Ургенче // Археологические открытия 1980 года. 1984. С. 466.

Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М.: Наука, 1988. 126 с.

Кдырниязов М. Ш. Культура Хорезма в эпоху Золотой Орды // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне: мат-лы III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г. А. Федорова-Давыдова (1931–2000). М.: Нумизматическая литература, 2006. С. 139–140.

Кульпин Э. С. Золотая Орда. Судьбы поколений. М.: Инсан, 2008. 189 с.

Мамедов М. А., Мурадов Р. Г. Архитектура Туркменистана. Краткая история. М.: Интерстампо, 1998. 128 с.

Мамедов М. А., Мурадов Р. Г. Архитектурный путеводитель. Istanbul, 2000. 78 с.

Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.). М.: Наука, 1976. 256 с.

Памятники архитектуры Туркменистана. Л.: Стройиздат, 1974. 344 с.

Пилявский В. И. Куня-Ургенч. Л.: Стройиздат, 1974. 72 с.

Пилявский В. И. Ургенч и Миздахкан. М.: Изд-во Акад. Архитектуры СССР, 1948. 49 с.

Постоянно нейтральный Туркменистан — ЮНЕСКО: оценка историко-культурных ценностей и определение путей сохранения памятников всемирного наследия. Материалы Международной научной конференции (25–27 мая 2006 г., г. Ашгабат). Ashgabat, 2006. 532 с. (на туркм., англ. и рус. яз.).

Средневековые письменные источники о древнем Ургенче / Сост. М. А. Мамедов, Р. Г. Мурадов). — Ашхабад: Институт истории Туркменистана, 2000. 52 с.

Толстов С. П. Древний Хорезм. М.: Изд-во МГУ, 1948. 352 с., 92 с. с илл.

Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994. 228 с.

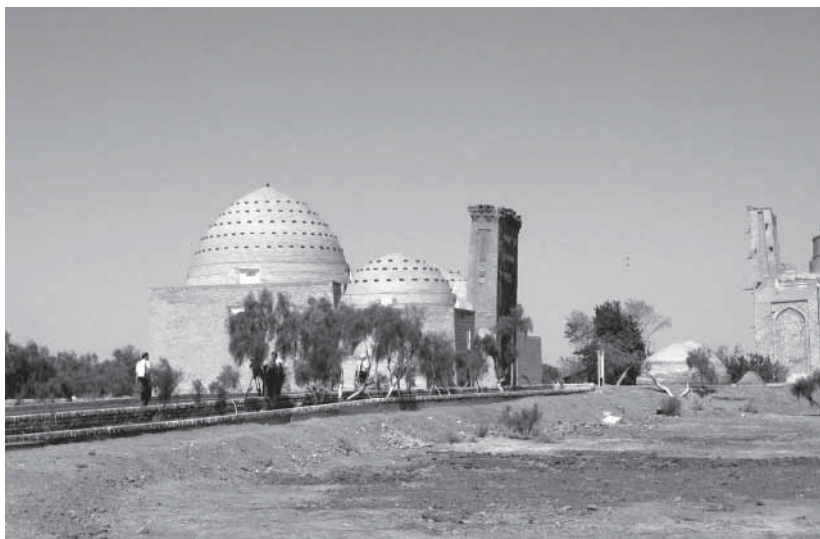
Федоров-Давыдов Г. А. Из истории политической жизни Хорезма XIV в. // Краткие сообщения института этнографии АН СССР. М., 1958. Вып. XXX. С. 93–99.

Халимов Н. Б. Памятники Ургенча (сооружения, надписи и легенды). Ашхабад: Туркменистан, 1991. 141 с.

Юсупов Х. Ю. Сердце древнего Хорезма. Ашхабад: Туркменистан, 1993. 68 с.

Якубовский А. Ю. Развалины Ургенча. Л.: ГАИМК, 1930. 68 с.

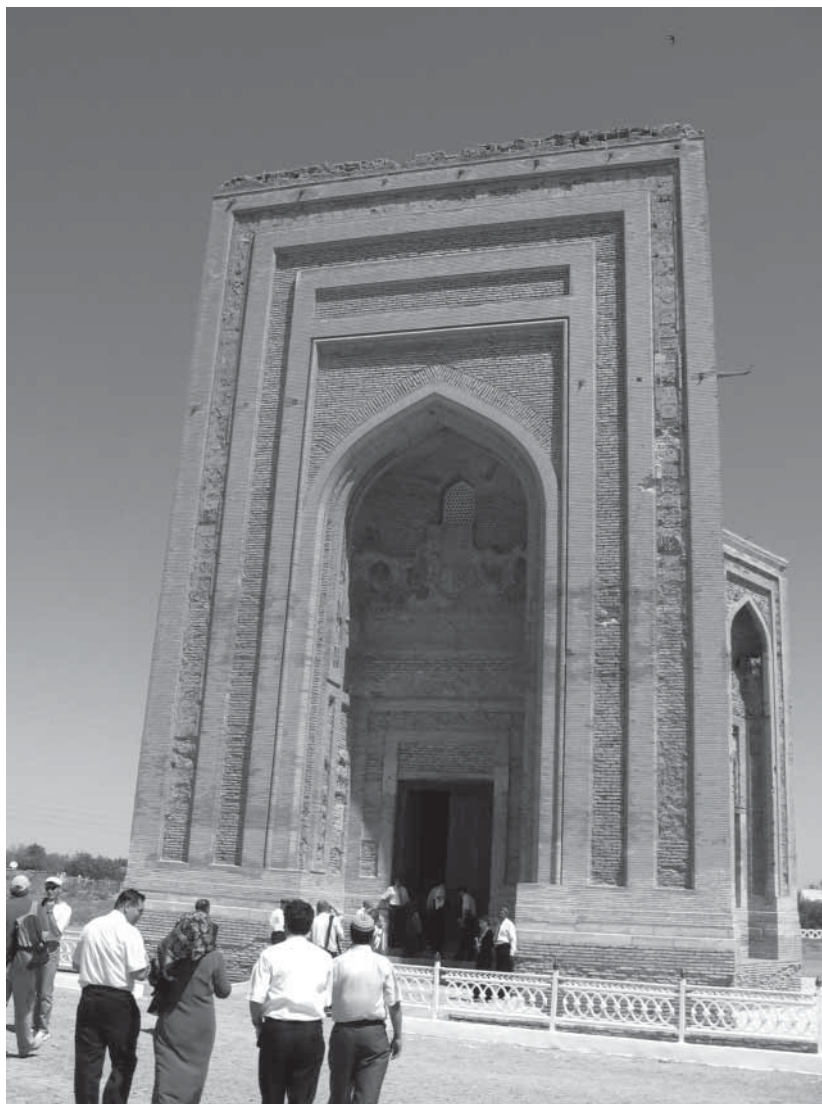

*Рис. 1. Вид на мавзолей Наджм-ад-дина ал-Кубра. Куня-Ургенч. XIV в.
Фото А. А. Бурханова*

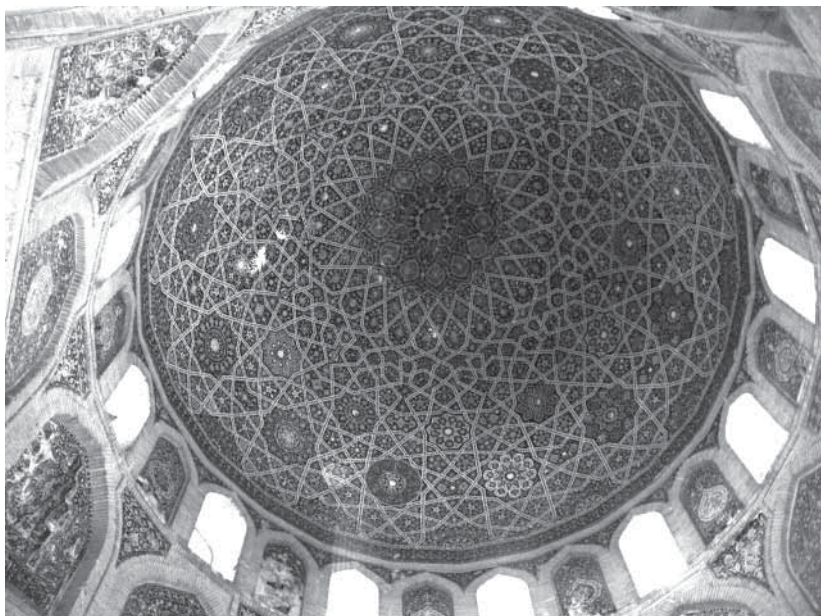
Рис. 2. Куня-Ургенч. Мавзолей Султана-Али. Фото А. А. Бурханова

*Рис. 3. Куня-Ургенч. Вид на портал мавзолея Тюрабек-ханым.
Фото А. А. Бурханова*

*Рис. 4. Вид на мавзолей Тюрабек-ханым в Куня-Ургенче.
Фото А. А. Бурханова*

Рис. 5. Вид на купол мавзолея Тюрабек-ханым. Фото А. А. Бурханова

*Рис. 6.
Куня-Ургенч. Минарет
Кутлуг-Тимура. Фото
А. А. Бурханова*

Рис. 7. Фрагмент минарета Кутлуг-Тимура

*Рис. 8. Мавзолей Наджм-ад-дина ал-Кубра в Куня-Ургенче.
Фото А. А. Бурханова*

*Рис. 9.
Куня-Ургенч. Фрагмент
майоликовой отделки
портала мавзолея
Наджм-ад-дина
ал-Кубра XIV в. Фото
А. А. Бурханова*

*Рис. 10.
Куня-Ургенч. Изразцовые
фрагменты облицовки
надгробья мавзолея
Наджм-ад-дина
ал-Кубра*

*Рис. 11. Надгробья с майоликовыми панелями. Куня-Ургенче XIV в.
Раскопки Е. А. Атагаррыева и А. А. Бурханова*

НОВЫЕ КУЛЬТОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ В ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ

Западный Казахстан является не самым урбанизированным регионом Золотой Орды. В.Л. Егоров характеризует Волго-Уральское междуречье как полупустынное и степное пространство, более пригодное для ведения хозяйства кочевого типа. В этой части государства было немного оседлого населения, и оно было сосредоточено исключительно на окраинах междуречья вдоль русел рек — Волги и Урала (Егоров 1985: 123). На карте 1985 г. исследователь отмечает только два городища в нижнем течении Урала (Жайыка) — Тендыкское и Сарайчик. Такие представления о заселении Западного Казахстана в золотоордынский период сохранялись до начала 2000-х гг. В 2001 г. была организована совместная Уральская археологическая экспедиция, которая включала в себя специалистов Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК и Областного историко-краеведческого музея, а затем, созданного в 2002 г. Западно-Казахстанского областного Центра археологии и истории.

В результате работ экспедиции было найдено крупное средневековое городище Жайык, расположенное недалеко от г. Уральска. Анализ картографических материалов XIV–XV вв. показал, что на некоторых картах на месте городища изображен населенный пункт. Так, на карте братьев Пицигани 1367 г. обозначен город Лайэти, расположенный на берегу Каспийского моря в устье р. Урала, а выше по течению еще два безымянных города. В настоящее время Лайэти отождествляется с городищем Актобе, лежащем восточнее г. Атырау. Выше по течению, в 50 км от Атырау находится городище Сарайчик. Второй безымянный город к северу от Сарайчика на правом берегу р. Урал может быть соотнесен с городищем Жайык (Байпаков и др. 2012: 118).

Городище Жайык находится в 12 км к югу от г. Уральска в речной пойме. С юга и востока территорию городища ограничивает

склон террасы р. Урал, а с других сторон — естественные овраги. Площадь, на которой прослежены остатки сооружений, составляет около 8 га. В начале 2000-х гг. были проведены широкомасштабные раскопки в различных частях городища. Результаты исследований Жайыка были опубликованы в виде монографии (Байпаков и др. 2005).

Город состоял из отдельных усадеб. Главные дома четырех усадеб были раскопаны полностью или частично. Среди общественных сооружений была исследована большая баня-хаммам с подпольным отоплением. Баня имела крестообразную планировку, что свидетельствует о том, что она предназначена для зажиточных слоев населения. В восточной части городища раскопаны печи для обжига кирпича и отжига извести.

На некрополе были вскрыты два крупных мавзолея из обожженного кирпича, декорированных поливными изразцами (Байпаков и др. 2005: 92–111). В том же некрополе Жайыка, всего в 300 м от этого комплекса находились мавзолеи, архитектурные формы которых связаны с оседлым городским населением Золотой Орды. Постройки возведены в традициях зодчества Среднего Востока: они сложены из обожженного кирпича и богато декорированы изразцами. Причем, судя по находкам, декор был как внешний, так и внутренний. Снаружи стены были украшены поливными кирпичами и монокромными майоликовыми плитками, а внутри покрытия мозаиками из полихромных изразцов с подглазурной росписью и позолотой. По планировке оба мавзолея относились к многокамерным продольноосевым постройкам. Они состоят из небольшого прямоугольного в плане тамбурного помещения (зиорат-ханы) и квадратной усыпальницы (гур-ханы). Разница заключается в том, что Малый мавзолей был фасадным, а Большой имел выступающий портал. Такой тип планировки не известен в Средней Азии и Иране и является местной, золотоордынской модификацией двухкамерных мавзолеев.

В 2013 г. на городище Жайык был исследован интересный культовый погребальный комплекс. В центре его находился круглый башенный мавзолей. Такие мавзолеи известны в Иране, Азербайджане и Малой Азии. Широкое распространение они получили в средние века и новое время на территории Казахстана. С двух

сторон от мавзолея в Жайыке находились две маленьких постройки, а перед входом вкопаны каменные стелы (купылтасы). Пространство вокруг комплекса было окружено оградой. Данный погребальный комплекс, расположенный в городском некрополе, несет в себе черты тесной связи с кочевой средой. Прежде всего, сама форма башенного мавзолея с шатровым куполом восходит к кочевническим курганообразным погребальным сооружениям (Пугаченкова 1949: 74). В дальнейшем сырцовые башенные, конические и пирамидальные мавзолеи продолжают оставаться наиболее распространенным типом погребальных построек в степной зоне, населенной полукочевыми и кочевыми народами. Стелы-купылтасы также указывают на связь с кочевой средой. Как убедительно показал С. Е. Ажигали, этот тип надмогильных памятников возникает у кипчакских и огузских народов в результате трансформации деревянной резной коновязи в каменную резную стелу. Стела-купылтас, установленная на некрополе, олицетворяет характерную для большинства кочевых народов космическую жертву коня (Ажигали 2002: 421–423).

Еще одним новым памятником является городище Жалпактал, расположенное на границе Казталовского и Жангалинского районов Западно-Казахстанской области. Площадь его составляет 68 га. В центральной части городища наблюдаются несколько крупных холмов высотой до 2 м и диаметром до 50 м, на остальной части — несколько десятков всхолмлений меньшего размера. Планиграфия выявленных на городище объектов отражает характерную для Золотой Орды усадебную застройку. На данный момент можно с уверенностью сказать, что на памятнике отсутствует уличная застройка: он представляет собой скопление усадеб. Скорее всего, Жалпактал является остатками не города, а сельского поселения.

В 2014 г. на городище была исследована мечеть. Здание было почти квадратным в плане, размерами 12 x 11 м. Стены сложены из большеформатных сырцов, пол был земляным. Плоскую крышу здания поддерживали деревянные столбы различного диаметра, расположенные в 4 ряда. Рядность опор соблюдалась весьма приблизительно. Крыша была покрыта камышом и, вероятно, обмазана глиной. Вход в здание был сделан в северной стене. Узкий проход был скользящим вдоль восточной стены. По центру южной

стены находилась невысокая ниша михраба с полукруглым завершением. Отличительной особенностью мечети Жалпактала является наличие в углах помещения очагов-каминов в виде ниш, слегка заглубленных в стены.

К северо-восточному углу здания сделана квадратная пристройка размерами 5 х 5 м с толстыми (более 1 м) стенами. В небольшое помещение пристройки вели два прохода — с улицы и из помещения мечети. Пристройка, вероятнее всего, является основанием минарета. Здание в Жалпактале является пока единственной мечетью золотоордынского времени в Западном Казахстане. Кроме того, все известные к настоящему времени мечети в Золотой Орде являются монументальными городскими постройками. Здесь мы имеем редкий пример небольшой сельской мечети.

Список литературы

Ажигали С. Е. Архитектура кочевников. Феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы: Гылым, 2002. 652 с.

Байпаков К. М., Смагулов Е. А., Ахатов Г. А. Средневековое городище Жайык. Алматы: Credo, 2005. 220 с.

Байпаков К. М., Ерофеева И. В., Иночкин В. А., Кривобокова С. С., Сдыков М. Н. Уральск: древний и современный. Очерки истории. Уральск: «Полиграфсервис», 2012. 336 с.

Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 246 с.

Пугаченкова Г. А. К проблеме возникновения шатровых мавзолеев Хорасана // Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции / Ред. М. Е. Массон. Ашхабад: Тип. Туркменского филала АН СССР, 1949. С. 57–75.

МАВЛЯНА ЗАДА АС-САРАИ — ЗНАТОК ШАРИАТСКИХ НАУК

Мавляна Зада ас-Сараи (754 г. х. / 1353 г. н. э. — 791 г. х. / 1389 г. н. э.) — выдающийся ученый из Сарая. Нисба ас-Сараи (родившийся в городе Сарай), ал-Бухари (по происхождению из города Бухары), говорит о том, что родословная нашего героя уходит корнями в Мавараанахр. Его отец был достопочтенным, аскетичным и щедрым ученым мужем. Он являлся управляющим вакуфного имущества в Сарае, а также отвечал за сбор налогов с вакуфов и подушной подати в русских землях. Из этого имущества он не брал ни для себя, ни для своей семьи ни одного дирхема и не кормил за счет [общественной казны — *Д. Р.*] своих животных. При этом он поговаривал: «Вся эта осторожность в этом презренном имуществе с моей стороны в надежде на то, что Аллах наделит меня благим ребенком». Всевышний принял его молитву и наделил его ученым сыном и внуком.

После получения базового образования у себя на родине, Мавляна Зада объездил многие восточные страны в поисках знаний, и, получив высокое признание, обосновался в Каире в качестве преподавателя шариатских наук. Не смотря на то, что его жизнь прервалась в раннем возрасте (36 лет), он оставил глубокий след в науке. Затем его сын Мухиббу ад-дин (Каир, 791 г. х. / 1389 г. н. э. — Мекка, пятница 3-го зу л-хиджи 859 г. х. / 13 ноября 1455 г. н. э.) так же стал великим ученым, имамом самого султана ал-Ашрафа Барсбая и ряда других султанов после него. Нисба ас-Сараи звучала на устах улемов востока, как символ учености и высокого нрава.

MONUMENTS OF MATERIAL CULTURE OF KAZAKHSTAN DURING GOLDEN HORDE PERIOD

Abstract: The article is of interest main features of Muslim architecture of Kazakhstan during Golden Horde period. It gives a detailed analysis of presenting people in whose honor places of worship were erected. Unique architectural monuments showcased as the best examples of traditional Kazakh culture that are popular at the moment for researchers and tourists. The tombs became a place of sacred pilgrimage of the villagers and townspeople, as well as a place of spiritual and cultural communication.

Key words: cultural heritage, Muslim architecture, the Golden Horde, places of worship, pilgrimage.

Аннотация: В статье освещаются характерные особенности мусульманской архитектуры Казахстана периода Золотой Орды. Представлены личности, в честь которых были воздвигнуты культовые сооружения. Уникальные памятники архитектуры продемонстрированы как лучшие образцы традиционной казахской культуры, являющиеся популярными в настоящее время для исследователей и туристов. Мавзолеи стали местом священного паломничества сельчан и горожан, а также местом духовно-культурного общения.

Ключевые слова: культурное наследие, мусульманская архитектура, Золотая Орда, культовое сооружение, паломничество.

Modern state policy of the Republic of Kazakhstan in the sphere of culture is aimed at providing of complex of measures on preservation and further development of centuries-old cultural traditions. The state program „Cultural heritage“ was not limited to the restoration of historical and cultural heritage, but promoted positive shifts in public consciousness, increased interest in national history and cultural heritage, strengthening the national consciousness and the formation of a new cultural and historical landscape of the country. Kazakhstan's cultural heritage has absorbed the diversity of cultural values of peoples living in its territory. This is a large number of immovable monuments of history, archeology, architecture and monumental art (including those included or submitted for inclusion in the world heritage List of UNESCO), more than 2 million 56 thousand units of cultural values located in expositions and funds of the state museums of culture system, 66 million 840 thousand volumes of books, rare manuscript and publications stored in state libraries culture system. Cultural heritage can

be used, as a rule, in research and in cultural-educational and educational purposes. This should provide optimal safety and accessibility of those cultural objects which are quite well preserved its functional purpose in modern conditions (Мусаханова 2016: 211).

The modern state of cultural heritage of Kazakhstan is characterized by feasible maintenance of a complex measures on preservation and further development of centuries-old traditions, opening of new monuments of history and culture, the intensification of works on conservation, restoration of the mausoleums, ancient mosques, ancient cities, creation on their basis new historical and cultural museums. Currently in Kazakhstan there are more than 25 thousand immovable monuments of archeology, architecture and monumental art, 11 thousand libraries, 147 museums, 8 historical and cultural reserve museums, archives 215. An extensive network of the state museums of historical and ethnographic profiles, memorials, commemorative events of the history of Kazakhstan. This, of course, allows to intensify the practice of holding classes on art in museums, on exhibitions of cultural heritage; to introduce in the curricula (from schools to higher education institutions) forwarding classes on environmental monuments of landscape art of the nomads (petroglyphs, shrines, stone statues, burial mounds, runic inscriptions, monuments, hillforts, late medieval cities, fortresses, traditional art of the Kazakhs) (Мусаханова 2011: 34).

Of all kinds of arts related to Muslim culture, the most prominent, original and impressive is the architecture. The construction of mosques, Muslim religious buildings, was originally based on regional traditions, but over time has developed a new style, preserving the local specificity of religious buildings, was subject to the requirements of the new cult. For Muslim architecture is characterized by the use as a decor item of excerpts from the text of the Quran, made through art with the use of colorful ceramics, wood carving or knock. Sometimes this takes the role of the ornament of the frieze along the perimeter of the interior. To the treasures of architecture can rightly be attributed to the mausoleums of southern Kazakhstan, Zhambyl, Kyzylorda, Aktobe, Karaganda regions.

Dautbek mausoleum (Photo 1) is located on the territory of rabad of ancient Taraz settlement, to the East of the mausoleum of Karakhan. Among the local population known as Shamansur mausoleum. The mausoleum was erected over the grave of one of the Mongol governors Ulug

Bilge-Ikbalhan Dautbek. This portal-domed building, square in plan. The portal is low and sleek with two small towers on the sides. The squat dome rests on arches spanning the inner niche and the walls of the mausoleum. The portal is tightly drawn nearer to the dome of. In the center of the interior of the mausoleum is the gravestone in the form of a stone step pyramid. It bears an inscription in Arabic indicating the date of his death in 1262. The inscription read in 1893 by V. V. Bartold and in 1939 by A. M. Belenitsky ("The deceased owned a sword and pen. He was a defender of the Koran and the faithful"). Modern appearance the mausoleum acquired in the second half of the 19th century. Originally the mausoleum had the form of a kiosk, on four semicircular arches which held the dome. The arches rested on a stone Foundation, built of slabs. The mausoleum was built of burnt brick flat. In 1981 restoration was carried out by Zhambyl restoration workshop. The author of the restoration project is Kuandykov. In 2001–2002 carried out the restoration by the Republican State enterprise „Kazrestavratsiya“.

In Kyzylorda region at the moment consist on the account 479 monuments. 21 of them are Republican, 274 are local values, and 184 of the object included in the provisional list of historical and cultural heritage.

Kylauyz Ata mausoleum (Photo 2) is situated 4–5 km to the West of the village of Zhanakorgan district Abdigappar, built in honor of the educator Zhakyp of Abulaysuly (Kylauyz Ata) descendant of Abubakir Syddyk. The mausoleum, with a height of 12 m, restored in 1995 with funds of the descendants by the masters from Uzbekistan (Ergesh Abdizhaleluly, Asadulla Kudaibergenuly, Mohammed Muratuly) (Mussakhanova 2013: 119).

According to folk legend, Zhakyp Abulaysuly along with Khoja Akhmet Yassawi was on a pilgrimage to Holy places (Khorasan Ata, Lala Bibi, Kylyshy Ata). In order to cross the Syrdariya, he threw his stick into the river and divided it into two parts, forming a path for the transition to the other side ("Tas Suat" is the area in front of the station „Bes Aryk“). Moving safely to the shore, the travellers proceeded to prayer, in which Khoja Akhmet Yassawi was bitten by a black widow. Detected karakurt on time, Zhakyp Abulaysuly started to pray against the poison of the insect, thereby saved the life of Khoja Akhmet Yassawi. In gratitude, Khoja Akhmet Yassawi named Zhakyp Abulaysuly „owner karakurt — Kylauyz Ata“ (Информатор 2002).

According to another legend, Zhakyp Abulaysuly contributed to the transition of the local population to settled life. On his orders, had dug a ditch where there was water, which contributed to the positive development of the economy. From this point on it became known as „Kylauyz“, in recognition of the truthfulness of his words (kyly soz). In Arabic „Kylauyz“ means „ruler, leader“ (Рустемов 1996: 45).

In addition, Zhakyp Abulaysuly with the help of prayer has healed people from snake bites, black widows, educated young generation in the spirit of the traditions of their ancestors, instilled moral and spiritual qualities: honesty, decency, justice. Still the people popular expression, him once uttered „Balan bolsa shok bolsyn, shok bolmasa zhok bolsyn“, which means „a Son «to burn» like embers, otherwise it is better not to have it“ (Әшімұлы 1998: 23).

The son of Abu Lays Zhakyp (Kylauyz-Ata) was the ruler of the Western khanate of the Kara-Khanid Kingdom. By geographic location, the state covers part of the territories of present Uzbekistan, Tajikistan and southern Kazakhstan. The citizens of the state practiced Buddhism, Christianity and Islam. The capital of this multinational country was the city Tomengi Ozgent (the city is located on the territory of Zhanakorgan district of Kyzylorda region), which stood on the Great silk road, on the banks of the river Seykhun-Darya, Syrdariya now. The eponymous medieval town Upper Ozgent located on the territory of Uzbekistan. Tombstone of Zhakyp, painted with verses from the Quran is Khoja Akhmet Yassawi mausoleum in Turkestan. There is an assumption that the helmet is painted gold with verses from the Quran, are now in the Museum of the city of Petropavlovsk may belong to the descendants of Zhakyp. There are these words: „the Prophet Muhammed with you... Ahmed son of Zhakyp...“. In the book of the famous historian Koishigary Salgarin „Lists of khans“ Zhakyp Ata listed as the ruler above the state.

Zhakyp arrived in the second half of the 11th century from Samarkand. According to the extant, Kylauyz-Ata was a man, which had a very deep knowledge and mystical capabilities that cannot be solved by mere mortals. This time coincided with increased dissemination of the Arabic language and its literature. In the Turkic vocabulary began to appear Arabic words. And prospered the cities as Shinaz, Shardara, Sjutkent, Otrar, Ikan, Shavgar (Yassy), Sauran, Ozgent, Sygnak, Kumkent,

Isfidzhab (now the village of Sairam), Shash (Present Tashkent), Aulie-Ata (Taraz), Merke, Kulan, Suzak and others. Still visible traces of irrigation works of our ancestors who were engaged in cattle breeding and agriculture, were leading a sedentary life off the coast of Syrdarya river. We are talking about the life of our ancestors before the Mongol invasion. As you know, from folk legend, during the Mongol invasion of the ordinary people hid tombstones of their saints and rulers, burying deep into the ground. Then later, these stone monuments have been gathered in storage in the mausoleum of Khoja Akhmet Yassawi (Рустемов 1996: 46).

Abat-Baytak mausoleum is the architectural monument of medieval Kazakhstan is located twelve kilometers East of the village is an architectural Kobda district, Aktobe region (Photo 3). This unique structure of the Golden Horde period. In architectural style, there is no analogue in the whole Kazakhstan. Such monuments portal-type tent is only in Russia, Chelyabinsk region, Bashkiria. According to legend, Abat-Baytak was built on the site of the death Abat Batyr the son of the famous Kazakh philosopher-utopian Asan Kaigy. Abat while traveling wedding procession fell off the camel. Sympathizing grief people in a very short time together erected this magnificent monument, „world“, hence the second part of the name is Baytak. According to another version, recorded in the 19th century mausoleum associated with the name of one of the Mongol generals, Baytak (Смагулов 2006: 128).

For the first time, Abat-Baytak mausoleum was surveyed at the end of the 18th century by the Russian scientist P. I. Rychkov, he describes it under the name «Baytan». More complete description of the unique mausoleum in the beginning of 20th century leads the French scientist, member of the archival Commission, Orenburg, I. A. Castagné, and in 50–70 years of 20th century, the famous Explorer Malbagar Mendikulo found that the mausoleum dates back to around the early 13th century, by the time the Golden Horde, when kypshak khanate was closely connected with Khoresm.

For a long time it was believed that the mausoleum was destroyed and lost forever to the scientific community. However, during 1979–1980 expedition „Kazrestavratsiya“ of the Ministry of culture of the Kazakh Soviet Socialist Republic under the expert guidance of religious architecture Serik Azhigaliev has been entered in the register of protected

monuments of national importance. S. Azhigaliev in his classification considers Kazakhstan mausoleums Abat-Baytak to portal dome, „marquee mausoleums“ with a double coating (Аджигалиев 1984: 64).

Today, the historical portal of the monument is completely destroyed. Of the original buildings have been preserved four-sided frame, on which rests the eleven-sided drum, a conical ending with a dome-tent, partially destroyed. Outside dimensions 9.52 x 9.8 m. Preserved height of the mausoleum is 14.5 m, the original is about 16 m. Four sided skeleton has a single doorway on the South side and second — laid to the West, adjacent to the side of the portal (the doorway was laid Adobe bricks by the local population for protection of the structure from livestock). The skeleton rests on the eleven sided drum with a small narrowing to the base of the dome. On the faces of the drum were made of bricks about openings. Double dome is an inner spherical (it is visible on the destroyed site) and external conical tent. Inside the mausoleum are plastered. The internal plan consists of eight and sixteen sided die, rolling smoothly into the circle of the dome. In the Western and Eastern edges false openings were made. Traces of burials is not available. Abat-Baytak mausoleum was built of mud brick and faced with baked brick square 27 x 27 x 5–7 cm. In the masonry of the dome was used the brick patriciawalker section, on the lining shows traces of blue and blue icing. A gradual smooth transition of the square base to the drum and the dome gives the impression of „lightness“ of the structure, and can only imagine, as conceived by the medieval architect was a magnificent monument.

For many centuries since the times of the Golden Horde historical monument suffered a lot of damage, thanks to the program „Cultural heritage“ it was possible not only to preserve but also to restore. Restoration work began in 2005. To restore the dilapidated mausoleum, the experts took about three years. The restoration work was not easy. After all, to restore the mausoleum, it was necessary to study the original materials of which he at one time was built. And try to make something similar in composition. It turned out that the ancient builders used the local clay. To restore the destroyed dome and the portal, it was decided to use brick made by medieval technologies, the raw material was local material. To restore the Abat-Baytak the Turkestan restorers were instructed. In total, it took 32 thousand bricks. In 2007,

research and restoration works have been successfully completed. Now Abat-Baytak mausoleum is a place of pilgrimage for many residents and guests of the area.

On architectural and stylistic grounds to this mausoleum fit the mausoleums of 12th century Kunya-Urgench Il-Arslan (Fakhr al-din Razi) Khorezmshakh mausoleum and Tekesh Khorezmshakh mausoleum; Kok-Kesene mausoleum in Sygnak (15th century, now the mausoleum does not exist); Keshene (14th–15th centuries) in Bashkiria (known in the literature under the names of „Tour-Khan mausoleum“, „Court House“); Kesene (14th–15th centuries) in the Chelyabinsk region of Russia (now restored). It should also be noted similar patterns of portal-of tent-of the tombs in the Northern Caucasus near the city Madjary. All these tombs date back to the Golden Horde period and was built, apparently, during the active implementation of Islam in burial traditions (e. g., mausoleums Rabia Sultan Begim, Babaja-Khatun and Aisha-Bibi, etc.).

A large number of architectural structures appeared in the period under review, in the steppes of Sary Arka: Jochi Khan mausoleums, Bolgan Ana, etc. These architectural structures rectangular composition with a dome type tent, shaped and carved plate covered with mostly frosting. The architectural style of Kazakhstan is quite new and sharply different from the previous one. Thus, the Golden Horde is making and material culture of its own rules (Золотая Орда 2015).

Jochi Khan mausoleum (Photo 4) is 55 km North-East from Zhezkazgan, Karaganda region. Dates from the first half of the 13th century. The Author, the Builder and the history of creation is not known. The mausoleum has a rectangular shape, a portal with a pointed arch. Composition of portal-domed building with a double dome. Among the locals there is a legend that it was here in 1227 while hunting under mysterious circumstances killed the eldest son of Genghis Khan, Asian (Jochi). Zhoshi Khan mausoleum restored in 2000 (Қазақстан 2002: 44).

Bolgan Ana mausoleum — a monument of architecture of 12th–13th centuries in Karaganda region (Photo 5), about 10 km above the confluence of the river Karakengir and Sarysu river, in the tract Karazhar. According to legend, built for the daughter-in-law of Alash Khan named Bolgan. In 1990 he was investigated by the expedition of the Institute of architecture and construction (headed by E. Baitenov). A single-chamber mausoleum

of baked brick, partially destroyed. The height of the remaining part 4.7 m in plan has the shape of a rectangle (9.45×10.7 m). In the center of the main facade located deep arched niche framed by a deep U-shaped strip. The side walls of the portal vertically dissected in-depth strips, designed for installation ornamented terracotta plates, the central part of the portal is decorated with geometric patterns. Since 1982, under the protection of the state (Қазақстан 1999: 367). Quality materials and a high level of professional skill of the performers puts a mausoleum in a number of remarkable monuments of architecture of medieval Kazakhstan.

Considered the monuments of material culture of the Golden Horde period that are striking examples of monumental religious architecture. The extension of the comprehensive study of medieval monuments of Kazakhstan would allow to fully restore features of the evolution of spiritual culture.

History proves that the tombs became a place of sacred pilgrimage of the villagers and townspeople, as well as a place of cultural and spiritual communication. This is a unique monuments, the best examples of traditional Kazakh culture. The careful attitude to monuments of history and culture, preservation of cultural heritage are signs of civilization of human society (Мысаханова 2016: 218).

Thus, Kazakhstan mausoleums as monuments of material culture will be further studied and investigated at a higher level. There will be new works and information. On literary, archaeological, temporal, and historical values of the monuments should be included in the history of culture at world level and become the pride of culture of the Republic of Kazakhstan.

References

Аджигалиев С. Новое в изучении памятников Западного Казахстана // Памятники истории и культуры Казахстана. Сборник материалов Цеемтрального совета Общества охраны памятников истории и культуры Казахской ССР / Отв. ред. Н. Ровенский. Алма-Ата: Өнер, 1984. С. 63–67.

Әшімұлы Ш. Әбу Бәкір Сыддық ұрпақтары. Қызылорда: Салтанат, 1998. 135 б.

Басенов Т. Комплекс мавзолея Ахмеда Ясави. Алма-Ата: Өнер, 1982. 71 с.

Информатор [2002] — Турсыматова Куляш, уроженка Жанакорганского района, 1923 года рождения.

Қазақстан. Ұлттық энциклопедия / Бас редакторы Ә. Нысанбаев. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1999. Т. 2. Ә–Г. 703 б.; Т. 4. Ж–Қ. 720 б.

Мусаханова М. З. Роль Государственной программы «Культурное наследие» в образовательном процессе // Исследование и сохранение культурного наследия — основа развития докторантуры PhD в образовательном пространстве вузов искусства. 1.12.2011.: мат-лы конф. Алматы: КазНАИ им. Т. Жургенова. С. 34–38.

Мусаханова М. З. Сохранение объектов культурного наследия в музеях Казахстана: опыт реставрации // Cultural Identification. The Problem of Art Studies. Szombathely: Savaria University Press, 2016. P. 211–218.

Musakhanova M. Z. Monuments of material culture — mausoleums of Kyzylorda province // XII веков развития исламской науки и культуры в Казахстане. 25.09.2013.: мат-лы конф. Алматы: ИВ КН МОН РК, 2013. С. 119–123.

Рүстемов Т. Қылауыз атаның шежіресі. Шымкент: Ресубликалық мемлекеттік баспахана, 1996. 186 б.

Смагулов Е. А. Мавзолей Абат-Байтак: некоторые итоги археологического исследования // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2006. № 1. С. 126–135.

Other sources

Государственный список памятников истории и культуры местного значения Кызылординской области // <http://www.e-kyzylorda.gov.kz/ru/content/pamyatniki-istorii-i-kultury>

Золотая Орда // <http://www.kazportal.kz/zolotaya-orda/>

*Photo 1. Dauytbek mausoleum. Taraz, Zhambyl region.
The Republic of Kazakhstan*

*Photo 2. Kylaulyz Ata mausoleum. Zhanakorgan district,
Kyzylorda region. The Republic of Kazakhstan*

*Photo 3.
Abat-Baytak
mausoleum.
Khobdinskiy
district, Aktobe
region. The
Republic of
Kazakhstan*

*Photo 4. Jochi Khan mausoleum. Ulytau district, Karaganda region.
The Republic of Kazakhstan*

*Photo 5. Bolgan Ana mausoleum. The tract Karazhar, Karaganda region.
The Republic of Kazakhstan*

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА МАЛОГО ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДА НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (НА ПРИМЕРЕ ХМЕЛЕВСКОГО I СЕЛИЩА)

Аннотация: В статье рассматриваются предметы материальной культуры с Хмелевского I селища второй половины XIII – XIV в., располагающегося в Саратовском Поволжье и изучавшегося в 1995–2002 гг. экспедицией Казанского университета под руководством Л. Ф. Недашковского. Были рассмотрены украшения, детали костюма, зеркала, предметы вооружения, конского снаряжения, торговли, культа, быта и орудия труда.

Ключевые слова: поселения, Золотая Орда, Нижнее Поволжье, материальная культура.

Abstract: Objects of material culture from Hmelevka I settlement of the second half of 13th–14th century, situated in Saratov Volga region and studied by expedition of Kazan University under supervision of L. F. Nedashkovsky in 1995–2002, are considered in the article. Wearing-apparel components, clothes details, mirrors, armament, horse equipment, articles of trade, cult, daily life and work tools were attracted for analysis.

Key words: settlements, the Golden Horde, the Low Volga region, material culture.

Ближайшими к Увекскому городищу, на месте которого находился крупный золотоордынский город Укек, остатками городского поселения эпохи Улуса Джучи является Хмелевское I селище (рис. 1). Селище, в прошлом — малый город Золотой Орды, относится ко второй половине XIII — XIV в., на нем найдены нумизматические материалы, датирующиеся с начала 70-х гг. XIII до конца XIV в.

Научное исследование селища осуществлялось археологической экспедицией Казанского университета 1995–2002 гг. (1995–1998, 2002 и 2010 гг. — разведки, 1999–2001 гг. — раскопки), возглавлявшейся Л. Ф. Недашковым (Недашковский 2011).

В ходе исследований на Хмелевском I селище обнаружены остатки различных ремесленных производств (лощило, всплески металла, обрезки бронзы, керамические и железные шлаки, крица), монеты, привозные вещи (фрагменты трапезундских амфор, ближневосточных люстровых сосудов, чаши причерноморского происхождения, фельс Хулагуида Аргуна), орудия земледелия (плужный резак, коса) и рыболовства (грузило), оружие (топоры, наконечники

стрел, керамическая бомба), снаряжение коня и всадника (ледоходные шипы, подкова, пряжка и кольцо от сбруи), остатки монументальной архитектуры (обломки кашинных изразцов), металлическая и стеклянная посуда.

С Хмелевского I селища происходит ряд украшений, деталей костюма и зеркал: комплекс представлен пряжками, накладками, наконечниками ремней, поясным кольцом, серьгой, перстнями, браслетами, бусиной, бубенчиками, сюльгами, шумящим украшением и зеркалами. Вооружение представлено фрагментами двух топоров, четырьмя наконечниками стрел (броневой и тремя «срезными») и фрагментом керамической бомбы. Конское снаряжение — железными рамкой подпругной пряжки, кольцом от узды, подковой и ледоходными шипами. Бытовые изделия и орудия труда — заклепки и фрагменты медных сосудов, литой бронзовой посуды, обломки медных листов, поливной керамики, чугунных котлов, железное чересло, коса, замки, ключи, гвозди, скобы, пробой, ножи и их муфты, наперстки, обкладка оселка, кольцо, трубка, оковка, диск, альчик. Предметы торговли представлены держателем коромысла весов и грузиками-пломбами. Из культовых вещей было найдено золоченое 14-гранное ушко энколпиона с эмалью. Также в коллекции представлены слиточки, всплеск металла и неопределенный предмет.

Данный комплекс характеризует материальную культуру малого золотоордынского города Нижнего Поволжья, и, судя по приводимым материалам, входившие в него предметы отличались от предметов аналогичного назначения, происходящих из расположенного неподалеку крупного города Укека.

Детали поясных наборов

Пряжки. Имеются бронзовая овальнорамчатая пряжка с узким прямоугольным приемником, железные две подтрапезиевидные, трапезиевидная и круглая пряжки.

Бронзовые накладки на ремень: зооморфная в форме стилизованной головы быка (?) в фас; подтреугольная, с пальметтообразным выступом сверху и ажурным вырезом в виде трилистника; фигурная, в виде широкого трилистника, один конец в виде фигурной

скобки, на другом — петля; квадратная, на внешней стороне выпуклый орнамент в виде квадрата.

Поясные кольца представлены круглым железным изделием с крепежными пластинами, служившими зажимами для ремней.

Наконечники ремней: серебряный полуовальный с фигурным концом, с выпуклым орнаментом в виде ромба и окружающих его четырех арок с основой из маленьких выпуклых прямоугольников; бронзовые трапециевидный и полуовальный с концами в виде фигурных скобок.

Украшения головы и рук

Бронзовая *серьга* в форме вопросительного знака имеет проволочную оплетку и четырнадцатигранную бусину.

Бронзовые *перстни* представлены литыми щитковыми: с накладным шатоном для вставки, украшенным двумя боковыми выступами, и с небольшим, слегка приплюснутым щитком.

Браслеты представлены двумя пластинчатыми образцами, украшенными орнаментом из выступающих продольных полос.

Имеются половинка полой металлической бусины и два бубенчика.

Сюльгамы. Имеются две железные подковообразные сюльгамы (овальная в сечении и с перекрученной железной дугой) и бронзовая игла сюльгамы.

Деталь шумящего украшения: привеска в форме колокольчика с орнаментом в виде двух узких волнообразных полосок.

Зеркала. С узким высоким бортиком: с расплывчатыми изображениями по окружности четырех сидящих человеческих фигур, разделенных четырьмя драконами (2 экз.); с изображениями аль-бораков (2 экз.); с двумя окружностями в центре, поле занимает сложная плетенка, в которую включены изображения голов различных животных и человеческой головы в короне (2 экз.); с изображением дракона. Зеркала с низким валикообразным бортиком: с орнаментом в виде концентрической окружности; без дополнительной орнаментации (4 экз.); с орнаментацией в виде нескольких расположенных одна в другой арок (3 экз.); с концентрической окружностью и четырьмя арками.

Предметы вооружения

Топоры. Имеются два фрагмента топоров. Судя по сохранившемуся фрагменту обуха, он принадлежал топору без щековиц, выделенных цапф и выступающего обушка, имевшему клиновидное лезвие (длина сохранившейся части лезвия 2,5 см, ширина 3,5 см, диаметр проуха 3 см). Данный фрагмент был откован из заготовки пакетного металла — полос кричного железа и неравномерно науглероженной сырцово́й стали (Недашковский, Семькин 2014: 36); он происходит из ямы 2, в которой был найден сарайский пул Узбека 737 г. х. (Недашковский 2011: 43–44). Этот тип топора может считаться универсальным, он мог использоваться как для столярных работ, так и в бою (Колчин 1953: 103, рис. 65, 2). Согласно А. Н. Кирпичникову, подобные топоры датируются XII–XV вв. (Кирпичников 1966: 29–30, 40 (рис. 6, VIII A, 29, 8–9, 30, 12, табл. XV, 8–9, XVI, 12)). Такие находки известны с Увекского (Недашковский 2000: 70–72 (рис. 13, 5–6)) и Водянского (Егоров, Полубояринова 1974: 76 (табл. I, 19)) городищ, они характерны для памятников Восточной Европы X–XIV вв. (Монахов 1991: 174 (рис. 4, 1–4); Савченкова 1996: 14, 16 (рис. 2, 9)). На фрагменте лезвия другого топора прослежена технологическая схема трехслойного пакета с варкой углеродистой стальной лезы в основу из менее науглероженной стали (Недашковский, Семькин 2014: 36).

Наконечники стрел. Имеются два типа наконечников.

Тип 1. «Срезни» (3 экз.) в виде вытянутой лопаточки с линзовидным в сечении пером и упором при переходе к черешку. Длина полностью сохранившихся наконечников 9,3 см и 10,5 см. Исследованный металлографически наконечник был откован из цельностальной заготовки (Недашковский, Семькин 2014: 36); другой наконечник из раскопа был найден в яме 2, из которой происходит сарайский пул Узбека 737 г. х. (Недашковский 2011: 43–44). Наконечник такого типа известен с поселения Подгорное в округе Укека (Недашковский 2000: 74). Подобные наконечники стрел широко бытовали в Восточной Европе и в Центральной Азии в XIII–XIV вв. (Гарустович, Ракушин, Яминов 1998: табл. III, 12, VIII, 24–25, IX, 12, XI, 2–3, 11, 13, XV, 15, XX, 3, XXVI, 12, 17, XXVII, 39; Казаков 1991: 94, 96 (рис. 34, 18); Медведев 1966: 53–56 (рис. 1, 1–2, 2, 2–9, 3, 1, 4, 5,

7); Немеров 1987: 215–217 (рис. 2, 3–6); Руденко 1995: 12; Руденко 2011: 127 (рис. 8); Савченкова 1996: 72, 75–76 (рис. 33, 11–13); Федоров-Давыдов 1966: 26, 28, 116 (рис. 3, 9, *В IX, В XI*)).

Тип 2. Четырехгранный броневойый наконечник, ромбический в сечении, с круглой шейкой, упор отсутствует, длина 9 см. Изделие было отковано из неравномерно науглероженной сырьевой стали (Недашковский, Семькин 2014: 36). Такие наконечники известны с древнерусских и болгарских памятников XI — первой половины XIII в., а также в материалах Болгарского городища XIV в. (Савченкова 1996: 72–73, 77 (рис. 33, 21)).

Фрагмент керамической бомбы. Фрагмент толстостенного поло-го керамического шара коричневого цвета, со сквозными отверстиями (диаметром до 1 см) в стенках, с примесью песка в тесте, оплавленный изнутри. Реконструируемый диаметр изделия — 14 см. Такие шары известны с Увекского, Водянского, Селитренного и Маджарского городищ (Минаева 1968: 285 (рис. 1, 2); Недашковский 2000: 76, 78, 80 (рис. 17, 9, 18, 1, 3)), они найдены в Азове (Волков 1992: 6–7, 20 (табл. 1, *В 6*); 1993: 145 (рис. 1–3, 4, 1); Галкин 1975: 257–258 (рис. 5, 19)), Сарайчике, на городище Ак-тобе (Галкин 1998) и в Казанском Кремле (Хузин, Шарифуллин, Хлебникова, Набиуллин, Ситдилов 1995: 26).

Конское снаряжение

Имеется прямоугольная в сечении рамка железной *пряжки*, использовавшейся, очевидно, для крепления подпруги. Пряжка имела полуовальную форму, ее размеры 4,6 x 4,2 см. Аналогичные пряжки встречаются на памятниках Древней Руси XII–XIII вв. (Кирпичников 1973: 77 (рис. 43, 5)), Среднего Поволжья IX–XIV вв. (Казаков 1991: 104, 107 (рис. 36, 10); Руденко 2000: 43–44, 89 (рис. 13, 14, 16, 43)) и средневековых кочевников Восточной Европы (Федоров-Давыдов 1966: 43, 46 (рис. 7, 3, *А II*)).

Железное *кольцо* использовалось в конской узде, оно изготовлено из неравномерно науглероженной сырьевой стали (Недашковский, Семькин 2014: 37). Подобные кольца известны со средневековых памятников Среднего Поволжья (Казаков 1991: 104 (рис. 36, 1–5)).

Подкова из квадратного дрота. Размеры изделия 10,5 x 8,7 см, в верхней части арки имеется шип длиной 2 см. Подкова была изготовлена из неравномерно науглероженной сырцово́й стали (Недашковский, Семькин 2014: 37). Подкова имеет аналогии в материалах Лаишевского селища, Увекского (Недашковский 2000: 77, 79 (рис. 16, 1–3)), Селитренного, Болгарского (Савченкова 1996: 63–66 (рис. 29, 1–8)), Водянского (Егоров, Полубояринова 1974: 54, 76 (табл. I, 22)) городищ и Отрара.

Ледоходные шипы (2 экз.). Размеры лучше сохранившегося изделия 3,9 x 2,6 см, длина выступа — 1,2 см. Сходные ледоходные шипы очень широко использовались в Восточной Европе в XI–XV вв.

Предметы быта и орудия труда

Заклепки сосудов из медных сплавов представлены тремя экземплярами, изготовленными путем сворачивания листа в конус. *Фрагменты литых сосудов* — обломками стенки и венчика. *Фрагменты кованых сосудов* (17 экз.) включают фрагмент венчика с остатками железного ушка. *Обломки листов* (11 экз.) в большинстве своем также принадлежат к числу фрагментов сосудов.

Найдены 6 *фрагментов чугу́нных котлов*, железное *чересло* от плуга и небольшой фрагмент *косы*.

Железные замки (рис. 2, 2–5, 7–9) представлены типом В (по классификации Б. А. Колчина). Такие замки состояли из скрепленных между собой двух цилиндров и запирающей дужки. Всего найдено 7 экземпляров данных изделий, два из них имеют удовлетворительную сохранность (рис. 2, 2, 4), прочие представлены лишь фрагментами корпусов замков (рис. 2, 3, 5, 7–9). Подвергнутый металлографическому анализу корпус замка был изготовлен при помощи пайки медью (Недашковский, Семькин 2014: 36). Два замка (рис. 2, 3–4) происходят из ям 2 и 4, датируемых монетами 30-х — начала 50-х гг. XIV в. (Недашковский 2011: 43–44). Данный тип замков был широко распространен в Древней Руси с середины XII по начало XV в., а также на поселениях Среднего и Нижнего Поволжья, в Азаке и в Старом Орхее (Археология 1997: 15, 252 (табл. 6, 3–5); Егоров, Полубояринова 1974: 76 (табл. I, 10); Казаков

1991: 74; Кокорина, Фахрутдинов 2011: 213 (рис. 33, 10); Недашковский 2000: 87–89 (рис. 21, 1–10); Руденко 2011: 132 (рис. 13, 1–2, 7); Савченкова 1996: 40–43 (рис. 14, 1–8, 10, 15, 17); Фахрутдинов 1984: 148 (рис. 28)).

Бронзовый зооморфный замочек (рис. 2, 1) был, очевидно, выполнен в форме коровки. Подобные изделия известны с Болгарского городища (Полякова 1996: 249–250 (рис. 78, 5)) и из Херсонеса (Недашковский 2000: 89).

Ключи. Изделия представлены несколькими типами.

Тип 1 (1 экз.). Медный ключик (рис. 2, 10) имеет длину 5,2 см. Предмет был изготовлен из «чистой» меди (Недашковский 2002: 337–339 (№ 1)). Он аналогичен новгородским железным ключам для замков типа Д (по Б. А. Колчину), который датируется XIV — серединой XV в.; схожее с данным изделие было найдено на Увекском городище (Археология 1997: 15, 252 (табл. 6, 25); Недашковский 2000: 91, 93 (рис. 23, 5)).

Тип 2 (1 экз.). Ключ к замку типа В (по Б. А. Колчину), с Н-образной рабочей частью (рис. 2, 13). Длина изделия — 10 см, оно было изготовлено из сырцово-красной глины (Недашковский, Семькин 2014: 37). Предмет найден в яме 4, датируемой монетами 30-х — начала 50-х гг. XIV в. (Недашковский 2011: 44). Подобные ключи бытовали на поселениях Среднего Поволжья домонгольского и золотоордынского времени, например, они найдены на I Измерском, IV Старокуйбышевском (Казаков 1991: 72, 74 (рис. 29, 13–14)), Лаишевском (Руденко 2011: 133, (рис. 14, 8, 10, 12)), Урматском (Фахрутдинов 1984: 148 (рис. 28)) селищах, поселении «Песчаный остров» (Руденко 1998: 64–65 (рис. 9, 17)); такие ключи были распространены в Древней Руси, Нижнем Поволжье, Старом Орхее (Археология 1997: 15, 252 (табл. 6, 1, 6; Недашковский 2000: 91, 93 (рис. 23, 6)).

Тип 3 (2 экз.). Ключи с отогнутой рабочей частью в виде скобы. Длина лучше сохранившегося изделия (рис. 2, 11) — 7,5 см, оно было изготовлено с применением технологии цементации (Недашковский, Семькин 2014: 37). Второй предмет из цельной стали (Недашковский, Семькин 2014: 37) был найден в яме 4 раскопа I (№ 53, — 79 см) с монетами 30-х — начала 50-х гг. XIV в. (Недашковский 2011: 44). Подобные ключи были найдены в Биляре (Руденко 2006: 132 (рис. 21, 20–22)).

Тип 4 (1 экз.). Ключ с рабочей частью в виде буквы Н с двумя выступами (рис. 2, 12) с одной из сторон (один из выступов не сохранился). Длина ключа — 8 см; этот ключ от замка типа Г (по Б. А. Колчину) был изготовлен из сырцово-красной стали (Недашковский, Семькин 2014: 37). Аналогии найдены на памятниках Древней Руси середины XIII — середины XV в. (Археология 1997: 15, 252 (табл. 6, 15)), а также Среднего Поволжья, в частности, на Болгарском городище и IV Старокуйбышевском селище (Казаков 1991: 72, 74 (рис. 29, 13); Руденко 2006: 133–134 (рис. 22, 13–14, 22–23, 23,7)).

Тип 5 (2 экз.). Ключи с раздвоенной рабочей частью. Хорошо сохранившийся экземпляр имеет окончания в виде двух скоб (рис. 2, 6); длина этого изделия — 17,3 см, оно было отковано из сырцово-красной стали (Недашковский, Семькин 2014: 37). Ключ был найден в яме 2, датированной пулом Узбека 737 г. х. (Недашковский 2011: 43–44). Подобные предметы известны в Древней Руси (ключи к замкам типа Г середины XIII — середины XV в.) и в Среднем Поволжье (Археология 1997: 15, 252 (табл. 6, 20); Руденко, 2006: 134 (рис. 23, 2)). Еще один фрагмент ключа этого типа с несохранившимися окончаниями рабочей части, откованный из цельноостальной заготовки (Недашковский, Семькин 2014: 37), был найден в 2000 г. в яме 4 раскопа I (№ 77, — 111 см).

Представляет значительный интерес тот факт, что все замки и ключи, найденные в сооружениях, происходят из жилища (яма 4 раскопа I — замок и 3 ключа), совмещенного с погребом (яма 2 раскопа I — замок и ключ) и крупного подпрямоугольного сооружения (яма 1 раскопа II — замок), вероятно, также жилого по назначению.

Из подъемного материала происходит половинка полой бусины из «чистой» меди (Недашковский 2002: 338, 343 (№ 105)).

Бубенчики представлены двумя двусоставными экземплярами, у одного из которых сохранилось ушко, судя по отверстию имевшееся и у второго изделия. Бубенчики могли использоваться как украшения одежды. Согласно результатам спектрального анализа один из предметов был изготовлен из латуни, а другой — из многокомпонентного сплава с преобладанием цинка над оловом (Недашковский 2002: 337–338, 343, 345 (№№ 106, 142)). Подобные изделия известны в материалах Восточной Европы, Средней Азии

и Сибири в IX–XIV вв. (Недашковский 2001: 349–350, 360 (рис. 1, 4–6); Nedashkovsky 2004: 45–46, 224 (fig. 58, 4–6)), в частности они были найдены на Увекском, Болгарском (Полякова 1996: 196, 200–202 (рис. 65, 28–29, 32–34)), Царевском (Федоров-Давыдов, Вайнер, Гусева 1974: 117 (табл. IV, 18)) и Селитренном (Федоров-Давыдов 1994: 194, 196 (рис. 43, 3)) городищах, а также в Новгороде (Седова 1981: 156–157 (рис. 62, 12–14)).

Муфты ножей представлены 13 экземплярами, как литыми, так и вырезанными из металлического листа.

Наперстки известны в двух экземплярах. *Обкладка оселка* имеет орнамент в виде трех цветков, один из которых с шестью лепестками, а два — с пятью.

Всплеск металла свидетельствует о бронзолитейном производстве.

Кольцо из дрота диаметром 2,8 см; толщина квадратного в сечении дрота из «чистой» меди (Недашковский 2002: 338, 344 (№ 123)) 6 мм.

Трубка диаметром 2,6 см, скрученная из тонкого листа; возможно, она является частью обкладки рукояти ножа, подобной найденным на Увекском городище (Недашковский 2001: 353, 361 (рис. 2, 32–33); Nedashkovsky 2004: 47, 225 (fig. 59, 32–33)). Химический состав говорит о том, что трубка была изготовлена из многокомпонентного сплава с преобладанием цинка над оловом (Недашковский 2002: 337–338, 345 (№ 145)).

Золоченое 14-гранное массивное *ушко энколпиона* с зеленой и красной эмалями было отлито из бронзы. Подобная недекорированная деталь энколпиона, а также незаконченная половинка каменной литейной формочки для 14-гранных бронзовых ушек энколпионов известны с Увекского городища (Недашковский 2000: 107, 109 (рис. 30, 17, 25); Nedashkovsky 2004: 49, 61–62, 69, 205, 245 (fig. 36, 10, 82, B, 17, 25)).

Неопределенный предмет был отлит из многокомпонентного сплава с преобладанием цинка над оловом (Недашковский 2002: 338, 345 (№ 148)).

Оковка сундука или шкатулки размерами 9,1 x 6,7 см, имеет 6 отверстий, два из которых были повреждены при поломке предмета. Согласно результатам спектрального анализа химический

состав сплава представляет собой «чистую» медь (Недашковский 2002: 338, 343 (№ 98)). Оковка была найдена в яме 4, датируемой монетами 30-х — начала 50-х гг. XIV в.

Держатель коромысла весов выполнен в виде пластины с вырезом в виде арки, в верхней части сделаны шесть отверстий, в одно из которых продето кольцо. *Диск* с отверстием мог служить муфтой ножа или шила.

Слиточки (рис. 3, 1–3) имеют дисковидную форму; у двух изделий есть сквозное отверстие в середине, диаметр слиточков 1,7, а также 1,9 и 2,9 см. Химический состав говорит о том, что предметы были отлиты из «чистого» свинца (рис. 3, 2), сплавов свинца с оловом (рис. 3, 1) и олова со свинцом (рис. 3, 3).

Свинцовые грузики-пломбы представлены 15 экземплярами (рис. 3, 4–18). Можно полагать, что свинцовые грузики-пломбы служили для пломбирования тюков с товарами или связок шкур, так как в отдельных случаях внутри сплюсненной втулки аналогичных изделий встречаются обрывки проволочек или ниток. Размеры изделий следующие: диаметр от 1,8 до 2,3 см, высота — от 0,3 до 1,6 см. Согласно результатам проведенного спектрального анализа 13 изделий (рис. 3, 4–7, 9, 11–18), 10 из них было отлито из «чистого» свинца (рис. 3, 4, 9, 11–18) и лишь три (рис. 3, 5–7) — из сплава свинца с оловом (Недашковский 2002: 338, 342, 344–345 (№№ 80–82, 124–132, 149)).

Выделяются два отдела по форме изделий, типы выделены по орнаменту.

Отдел А — усечено-конические, с основанием, в центре которого расположена втулка (рис. 3, 4–5, 9–18). Тип 1 — с вертикальными насечками на боковой поверхности и со штриховкой в виде расходящихся лучей на верхнем основании (рис. 3, 10–14); аналогии известны на Увекском, Царевском, Болгарском и Биярском городищах, а также Лаишевском селище (Мухамадиев, Федоров-Давыдов 1970: 157 (рис. 7, 2); Недашковский 1999: 101, 105–106 (рис. 3, 19); Полякова 1996: 240, 247–248 (рис. 76, 12); Руденко, Шайхутдинов 1994: 68 (рис. XXIV, 29–30)). Тип 2 — с орнаментом в виде миндалевидных насечек по верху основания и насечек на боковой поверхности (рис. 3, 4). Тип 3 — с вертикальными насечками на боковой поверхности и со штриховкой в виде расходящихся лучей,

отходящей от пояса из выпуклых «жемчужин» на верхнем основании (рис. 3, 5). Тип 4 — с вертикальными насечками на боковой поверхности и орнаментом в виде завитков на верхнем основании (рис. 3, 9). Тип 5 — орнамент в виде сетчатой штриховки, заполняющей четыре треугольника на верхнем основании (рис. 3, 15–16). Тип 6 — изделия плохой отливки без орнамента (рис. 3, 17–18), у одного экземпляра конус был разрезан на 4 лепестка, которые затем были отогнуты к основанию (рис. 3, 18); подобные изделия происходят с Лаишевского селища (Руденко, Шайхутдинов 1994: 68 (рис. XXIV, 31–32)).

Отдел Б. В виде плоской шайбы без выраженной втулки (рис. 3, 6–8). Тип 1 — усеченно-конической формы с орнаментом в виде насечек на боковой поверхности (рис. 3, 6). Тип 2 — в виде кружка с валиками по краю и в центре, с орнаментом в виде насечек на боковой поверхности (рис. 3, 7). Тип 3 — в виде шайбы с орнаментом из двух зон с насечками, во внешней из которых между насечками имеются кружки (рис. 3, 8).

Альчик (рис. 3, 19) был отлит из сплава свинца с оловом (Недашковский 2010: 149, 151 (№ 179)). Известно, что астрагалы, в том числе их свинцовые отливки, являются нередкой находкой в золотоордынских городах — они использовались для игры в бабки (Федоров-Давыдов 2001: 228). Отлитый из свинца альчик известен из подъемного материала с I Измерского селища (Казаков 1991: 155, 157 (рис. 50, 9)).

Ножи (рис. 3, 20–31) были широко распространенными, часто используемыми орудиями, об этом свидетельствует большое количество находок этих предметов. Всего было обнаружено 27 ножей, большинство находок (17 экз.) происходят из раскопов, причем ряд из них (рис. 3, 29–30) — из ям, датировемых монетами 30-х — начала 50-х гг. XIV в. Многие ножи сохранились фрагментарно, так что невозможно реконструировать их первоначальные размеры, лишь шесть экземпляров представлены практически целыми формами с длиной лезвия 4,7; 6,4; 8,2; 9,3; 10,9 и 11,3 см. По функциональному назначению можно выделить ножи универсальные и специальные (столярные). Изделия первой группы имеют прямую спинку (рис. 3, 20–29, 31), а второй — горбатую (рис. 3, 30). Не исключено, что два ножа могли служить в качестве бритв.

Проанализированные металлографически ножи были откованы из заготовок неравномерно науглероженной сырцово́й стали (3 экз.), из цельноста́льных заготовок (12 экз.), из пакетного металла (3 экз.) а также с использованием техник цементации (3 экз.), V-образной наварки (1 экз.) и вварки стальной лезы в основу лезвия, откованную из простого кричного железа (1 экз.) (Недашковский, Семькин 2014: 32–35). Аналогии ножам имеются на многих средневековых памятниках Восточной Европы, в частности на древнерусских поселениях (Захаров 2004: 201–202 (табл. 236–247, рис. 155–160); Колчин 1953: 71–81 (рис. 34)), на Увекском (Недашковский 2001: 353, 361–362 (рис. 2, 34–44, 3, 5, 8); Nedashkovsky 2004: 47, 225–226 (fig. 59, 34–44, 60, 5, 8)), Болгарском (Савченко-ва 1996: 28–36 (табл. IV, рис. 9, 10, 6–14)) Камаевском (Фахрутдинов 1984: 140, 142 (рис. 22)) городищах, а также на многих селищах Среднего Поволжья (Казаков 1991: 75–78 (рис. 30, 15–34); Фахрутдинов 1984: 148, 152 (рис. 28)).

Гвозди (23 экз.) представляют собой средство крепежа и являются частыми находками на золотоордынских поселениях. Длина изделий от 2,8 до 14 см, в сечении гвозди подпрямоугольные. Исследованные металлографически гвозди были откованы из кричного железа (4 экз.), из сырцово́й неравномерно науглероженной стали (13 экз.), из цельноста́льных заготовок (5 экз.), из заготовки пакетного металла (1 экз.), причем два из перечисленных — с использованием технологий цементации (1 экз.) и термообработки (1 экз.) (Недашковский, Семькин 2014: 33, 38). Изделия подобны предметам, найденным на территории Руси (Захаров 2004: 210 (табл. 315, рис. 207); Колчин 1953: 124–126 (рис. 97)) и в Среднем Поволжье (Казаков 1991: 65–66 (рис. 25, 1–13)).

Скобы (9 экз.) применялись для скрепления деревянных конструкций. Изготавливались они из тонкой (шириной 3–10 мм и толщиной 2–5 мм) прямоугольной в сечении железной планки, концы которой загибались под прямым углом и заострялись. Скобы были сделаны из кричного железа (2 экз.), из неравномерно науглероженной сырцово́й стали (4 экз.) и из цельноста́льной заготовки (1 экз.) (Недашковский, Семькин 2014: 33, 38). Примечательно, что скоба и пробой были найдены в яме 4, представляющей собой жилище, датированное монетами 30-х — начала 50-х гг.

XIV в. Аналогичные изделия найдены на древнерусских памятниках (Захаров 2004: 208 (табл. 295, рис. 190)), в золотоордынских напластованиях Болгарского городища (Савченкова 1996: 50–52, 54 (табл. XI, рис. 21, 10–15)) и на селищах Среднего Поволжья (Казаков 1991: 65–66, 68 (рис. 25, 14–23)).

Пробои представляли собой массивные железные стержни с петлей, заостренные на конце. Исследованные металлографически пробои (2 экз.) были откованы из пакетованных заготовок (Недашковский, Семькин 2014: 33, 38). Подобные изделия известны на древнерусских памятниках (Захаров 2004: 208 (табл. 293–294, рис. 189)) и в Среднем Поволжье (Казаков 1991: 65, 67–68 (рис. 25, 24–30, 34, 26, 28, 30); Савченкова 1996: 50–51 (табл. X, рис. 20, 1–5, 6, 9)).

Поливная керамика представлена фрагментами кашинной (в том числе с люстровой росписью) и красноглиняной посуды, селадонных сосудов, фрагментами кашинных изразцов и пуговицы.

Многочисленные находки фрагментов кашинной и красноглиняной поливной посуды встречены в подъемном материале, из которого происходят также фрагменты придонной части селадонного сосуда с гравировкой и буро-коричневой «железной пятой» на свободной от поливы наружной стороне донца, и чаши с люстровой росписью (Коваль 2003: 67–68 (рис. 4, 3)). Кашинная керамика с белым тестом из подъемного материала представлена следующими группами: рельефная с полихромным орнаментом; без рельефа с полихромной росписью; с рельефом с бирюзовой двусторонней глазурью, дополненной кобальтовыми точками; с подглазурной черной росписью и с двусторонней бирюзовой поливой без рельефа; с кобальтовой глазурью с рельефом; с бирюзовой поливой; с бирюзовой и кобальтовой глазурью. Красноглиняная гончарная хорошо обожженная керамика с примесью мелкого песка в тесте из подъемного материала представлена группами: с бирюзовой двусторонней глазурью; с ангобом и двусторонней светло-зеленой поливой; с ангобом и светло-зеленой глазурью; фрагмент альбарелло с темно-зеленой поливой; с полихромной росписью; с тестом коричневатого цвета с коричневой и светло-зеленой поливой; с коричневой глазурью; с желтой поливой. На Хмелевском I селище найдены фрагменты кашинных изразцов с белым тестом, свидетельствующие о наличии на памятнике

монументальной архитектуры: изделия с черной, синей и бирюзовой росписью и с бирюзовой глазурью. Три фрагмента красноглиняной поливной золотоордынской керамики найдено в шурфе, заложенном в 1995 г. (Недашковский 2011: 39–40).

Раскоп I (1999–2000 гг.) был заложен в центральной части Хмелевского I селища, в его створ вошел шурф 1995 г. Поливная керамика из раскопок 1999 г. была ранее опубликована В. Ю. Ковалем (Коваль 2003). В первом горизонте обнаружен 21 фрагмент кашинной (без рельефа с полихромной росписью; с подглазурной черной росписью и с двусторонней бирюзовой поливой без рельефа) и 4 фрагмента красноглиняной поливной посуды (с ангобом и светло-зеленой глазурью). Во втором и третьем горизонтах слоя найден 21 фрагмент кашинной керамики, в том числе с рельефом с полихромной росписью; без рельефа с подглазурной черной росписью и с бирюзовой поливой (Коваль 2003: 67–68 (рис. 4, 4)); без рельефа с кобальтовой глазурью; без рельефа с полихромной росписью, 27 фрагментов красноглиняной поливной посуды и фрагмент венчика селадоновой чаши с фестончатым краем.

В яме 1 найдено 7 фрагментов кашинной керамики — осколки тех же сосудов, что происходят из ямы 2, датируемой сарайским пулом Узбека 737 г. х. (Недашковский 2011: 43–44). В яме 2 отмечены половинка кашинной пуговицы с бирюзовой поливой, осколок окрашенной кобальтом чаши с люстровой росписью, вероятно сирийской по происхождению (Коваль 2003: 59–60 (рис. 1, 1)), 31 фрагмент кашинных чаш со светло-зеленой непрозрачной поливой, с полихромной росписью, в том числе с мотивами в виде «бесконечного узла» (Коваль 2003: 59–64 (рис. 1, 2–5, 7, 2, 1–3)), с черной росписью под бирюзовой глазурью (Коваль 2003: 60, 64–65 (рис. 1, 8–9, 3, 1–3)), гулабдана (сосуда для розовой воды) с рельефом, кобальтовой и бирюзовой поливой (Коваль 2003: 60–61 (рис. 1, 6)), сосуда (кувшина?) с бирюзовой глазурью, 9 фрагментов красноглиняных чаш, в том числе причерноморской из светло-красной глины с подглазурным орнаментом в технике «страффито» с темно- и светло-зеленой глазурью и декоративными вмятинами по краю венчика (Коваль 2003: 62, 66 (рис. 2, 4)), из красной глины с белым ангобом, пятнами марганца на дне и бледно-желтой глазурью (Коваль 2003: 65–66 (рис. 3, 4)), из бледно-розовой глины

с белым ангобом и бледно-зеленоватой глазурью (Коваль 2003: 66–67 (рис. 4, 1)). В яме 4, которая представляла собой остатки крупного жилища, датированного монетами 30-х — начала 50-х гг. XIV в. (Недашковский 2011: 44), найдено 12 фрагментов кашинной керамики с бирюзовой полупрозрачной, светло-голубой, кобальтовой поливой с рельефом и темно-бирюзовой прозрачной глазурью с черной подглазурной росписью (Коваль 2003: 67–68 (рис. 4, 2)), 3 фрагмента красноглиняной поливной посуды. Из ямы 5 происходят 3 фрагмента кашинной керамики с бирюзовой поливой и 4 фрагмента красноглиняной поливной посуды.

Таким образом, кашинной керамики в стратиграфически более ранних ямах 4 и 5 найдено 15 фрагментов, в более поздних ямах 1 и 2—38 фрагментов. Красноглиняной поливной керамики в ямах 4 и 5 найдено 7 фрагментов, а в ямах 1 и 2—9 фрагментов (Недашковский 2011: 43–45). В яме 2 были найдены также половинка кашинной пуговицы, фрагменты ближневосточной чаши с люстровой росписью, чаш причерноморского происхождения в технике «сграффито» и с пятнами марганца на дне. Кашинная посуда из раскопа могла быть изготовлена в Золотой Орде либо на Ближнем или Среднем Востоке (Коваль 2003).

На раскопе II в слое найдено 2 фрагмента кашинной керамики без рельефа (с полихромной росписью; с бирюзовой глазурью) и 13 фрагментов красноглиняной поливной посуды, в том числе с подглазурным орнаментом в технике «сграффито», имеется и фрагмент альбарелло с темно-зеленой поливой. В единственной яме 1 был найден фрагмент кашинного сосуда с рельефом, с подглазурной черной росписью и бирюзовой поливой.

Раскоп III не выявил сооружений. Здесь найдено 5 фрагментов кашинной керамики: с рельефом с кобальтовой и бирюзовой глазурью, без рельефа с бирюзовой поливой и с черной росписью под бирюзовой глазурью.

Неполивная керамика представлена золотоордынской, древнерусской, мордовской посудой, фрагментами сероглиняных штампованных сосудов и трапезундских амфор.

Сравним приведенные материалы с изделиями тех же категорий, происходящими с Увекского городища (Недашковский 2000: 27–93, 106–107, 109, 111; 2001), на месте которого располагался крупный

город Укек. В материалах с Хмелевского I селища, в отличие от Укека, всего одно серебряное украшение, а золотые полностью отсутствуют. Обращает на себя внимание четырехкратное преобладание в материалах селища железных пряжек, отсутствующих на Увекском городище (там вообще известны всего две железные детали поясных наборов), над бронзовыми. Единственное поясное кольцо с селища также железное, а на городище найдены лишь бронзовые и серебряные кольца. Железными являются и сохранившиеся сьюльгамы с Хмелевского I селища, все сьюльгамы с городища — бронзовые. Зафиксировано отсутствие железных накладок и наконечников ремней на Хмелевском I селище, в Укеке из 46 таких украшений железное — только одно. В материалах с селища, в отличие от Укека, отсутствуют копья, булавы, кистени, кинжалы, боевые ножи, стремена, серебряные сосуды, металлические пуговицы, детали бронзовых светильников, чашечки весов, весовые гири (однако имеется держатель коромысла весов) и литейные формы (хотя найдены всплеск металла и слиточки). Обращает на себя внимание количественное преобладание в материалах городища топоров, керамических бомб, заклепок от металлических сосудов, бронзовых замочков, бубенчиков, муфт ножей и предметов христианского культа. Напротив, отмечается массовость ножей, гвоздей, скоб, пробоев и свинцовых грузиков-пломб в материалах Хмелевского I селища, а также наличие в его материалах железных подпружной пряжки и кольца от узды, отсутствующих на Увекском городище.

Список литературы

- Археология / Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. 368 с.
- Волков И. В. Керамика Азова XIV–XVIII вв. (Классификация и датировка): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 24 с.
- Волков И. В. О назначении керамических шаров с золотоордынских городищ // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991 году. Азов: АКМ, 1993. Вып. 11. С. 145–155.
- Галкин Л. Л. Керамические горны золотоордынского города Азака // Советская археология. 1975. № 1. С. 252–259.

Галкин Л. Л. Генуэзские пираты на... Каспии // Вокруг света. 1998. № 4. С. 78–80.

Гарустович Г. Н., Ракушин А. И., Яминов А. Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX — начала XV века). Уфа: Гилем, 1998. 335 с.

Егоров В. Л., Полубояринова М. Д. Археологические исследования Водянского городища в 1967–1971 гг. // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А. П. Смирнов, Г. А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 39–79.

Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с.

Казаков Е. П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.

Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. М.; Л.: Наука, 1966. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. 147 с.

Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука, 1973. 140 с.

Коваль В. Ю. Глазурованная керамика из окрестностей Увека // Краткие сообщения Института археологии. 2003. Вып. 215. С. 58–69.

Кокорина Н. А., Фахрутдинов Р. Г. Гончарные комплексы Иски-Казани // Татарская археология. 2011. № 1–2(20–21). С. 152–217.

Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). М.: Изд-во АН СССР, 1953. 260 с.

Медведев А. Ф. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе // Советская археология. 1966. № 2. С. 50–60.

Минаева Т. М. Новые находки на городище Маджара // Советская археология. 1968. № 1. С. 284–285.

Монахов С. Ю. Новые исследования грунтового Аткарского могильника // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1991. Вып. 2. С. 167–188.

Мухамадиев А. Г., Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарае // Советская археология. 1970. № 3. С. 149–161.

Недашковский Л. Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература, 2000. 224 с.

Недашковский Л. Ф. Исследования Хмелевского I селища // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 3. С. 39–50.

Недашковский Л. Ф. Металлические изделия и литейные формы с Увекского городища // Древние ремесленники Приуралья: Материалы Всероссийской научной конференции (Ижевск, 21–23 ноября 2000 г.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. С. 349–364.

Недашковский Л. Ф. Разведочные исследования золотоордынских памятников Саратовского района в 1993–1997 гг. // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Саратов: Изд-во Саратовск. пед. ин-та, 1999. Вып. 3. С. 100–107.

Недашковский Л. Ф. Химический состав изделий из цветных металлов с золотоордынских поселений центральной части Саратовской области // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2002. Вып. 5. С. 335–347.

Недашковский Л. Ф. Химический состав изделий из цветных металлов с золотоордынских селищ округа Укека // Интеграция археологических и этнографических исследований. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. Ч. 1 / Отв. ред. М. Л. Бережнова, С. Н. Корусенко, Р. С. Хакимов, Н. А. Томилов. С. 147–151.

Недашковский Л. Ф., Семькин Ю. А. Результаты металлографического анализа изделий из черного металла с золотоордынских памятников Нижнего Поволжья (по материалам Хмелевского I и Багаевского селищ) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 3. С. 31–43.

Немеров В. Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII–XIV вв. // Советская археология. 1987. № 2. С. 212–227.

Полякова Г. Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. Казань: Тип. «Татполиграф», 1996. С. 154–268.

Руденко К. А. Булгарский улус Золотой Орды (особенности материальной культуры) // Татарская археология. 2006. № 3–4(18–19). С. 28–137.

Руденко К. А. Города и села Булгарского улуса Золотой Орды (особенности материальной культуры) // Татарская археология. 2011. № 1–2(20–21). С. 32–151.

Руденко К. А. Исследования селища и могильника Песчаный остров (Алексеевского у дамбы) в Татарии в 1993–1994 гг. // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского гос. ун-та, 1998. Вып. 1. С. 60–71.

Руденко К. А. Материальная культура булгарских селищ XII–XIV вв. низовьев р. Кама: автореф. дис. .... канд. ист. наук. М., 1995. 25 с.

Руденко К. А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XII вв. (археологические аспекты проблемы) // Татарская археология. 2000. № 1–2(6–7). С. 42–102.

Руденко К. А., Шайхутдинов Р. Р. Изделия из цветного металла Лаишевского селища // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского гос. ун-та, 1994. С. 66–71.

Савченкова Л. Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. Казань: Тип. «Татполиграф», 1996. С. 5–88.

Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 195 с.

Фахрутдинов Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984. 216 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 274 с.

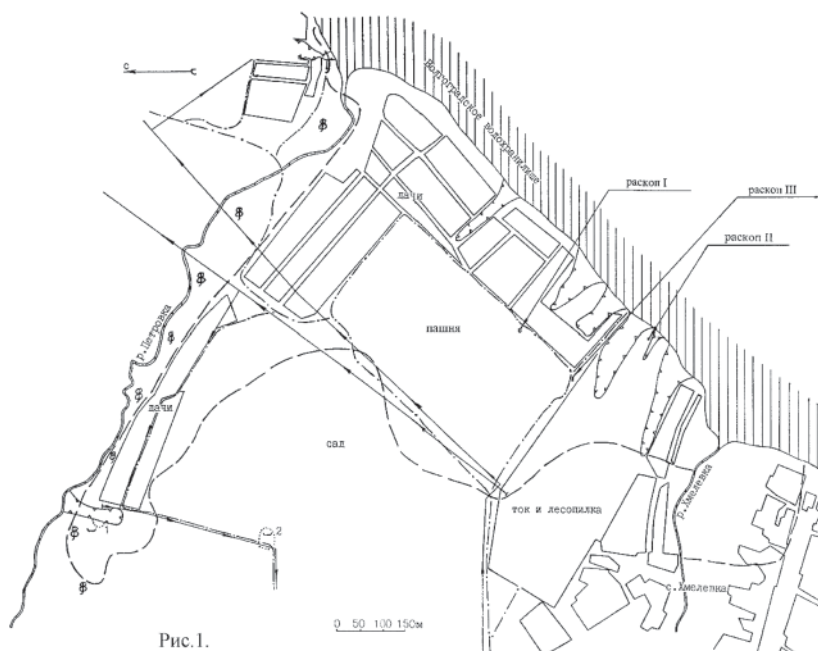
Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994. 228 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Торговля. Быт. М.: Изд-во МГУ, 2001. 254 с.

Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С., Гусева Т. В. Исследования трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А. П. Смирнов, Г. А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 89–131.

Хузин Ф. Ш., Шарифуллин Р. Ф., Хлебникова Т. А., Набиуллин Н. Г., Ситдииков А. Г. Древняя Казань: Некоторые итоги и перспективы археологических исследований. Казань, 1995. 35 с.

Nedashkovsky L. F. Ukek: The Golden Horde city and its periphery. Oxford: Archaeopress, 2004 (BAR. International Series. Vol. 1222). 253 p.

Рис. 1. План Хмелевского I селища (1 — Хмелевский II могильник, 2 — Хмелевский III могильник)

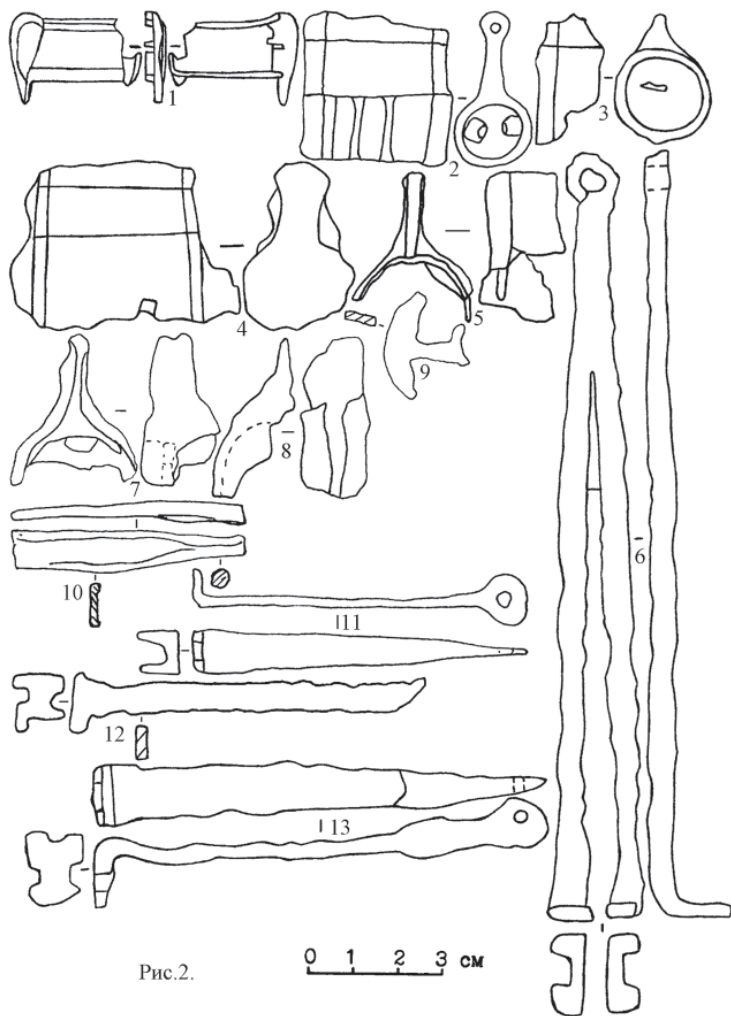

Рис.2.

Рис. 2. Бронзовые половинка замочка (1), ключик (10), железные замки (2-5, 7-9) и ключи (6, 11-13). 1, 7-11 – подъемный материал 1998 (1), 2001 (7, 9) и 2000 (8, 10-11) гг. 2, 12 – раскоп I-2000, культурный слой (№ 46, – 87 см; № 38, – 57 см). 3-4, 6, 13 – раскоп I-1999: 3, 13 – яма 4 (№ 47, – 143 см; № 55, – 98 см), 4, 6 – яма 2 (№ 13, – 187 см; № 31, – 232 см). 5 – раскоп II-2000, яма 1 (№ 14, – 85 см).

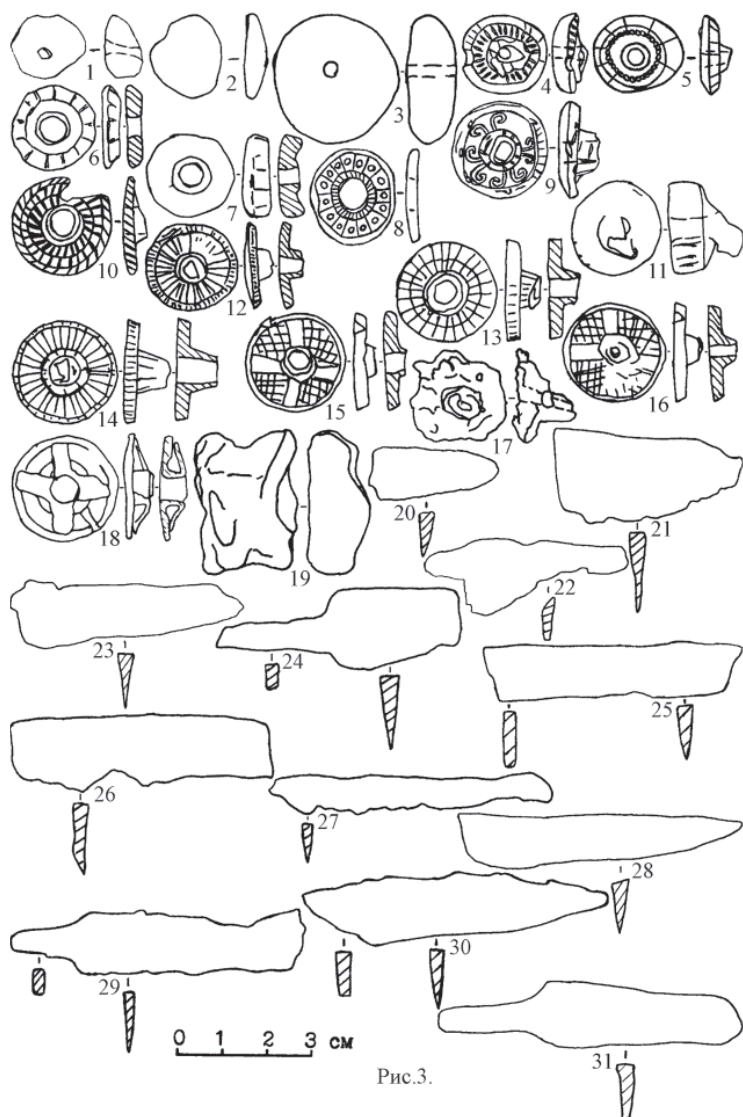

Рис.3.

Рис. 3. Слиточки (1-3), грузики-пломбы (4-18), альчик (19) и железные ножи (20-31). 1-4, 6-1, 21, 24-27 — подъемный материал 2000 (1-2, 6-7, 11-16, 18, 24, 26), 2001 (3, 17, 21, 27), 1999 (4, 9), 1998 (8, 10, 25) и 2002 (19) гг. 5, 29-30 — раскоп I-1999: 5 — яма 1 (№ 42, —157 см), 29-30 — яма 2 (№ 16, —174 см; № 44, —243 см). 20 — раскоп III, культурный слой (№ 1, —41 см). 22 — раскоп II-2000, культурный слой (№ 10, —69 см). 23, 28, 31 — раскоп I-2000: 23 — яма 5 (№ 47, —89 см), 28, 31 — культурный слой (№ 29, —61 см; № 33, —53 см).

ЯЗЫКОВАЯ НОРМА В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКАХ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Территория Джучиева Улуса была обширной и Золотая Орда имела несколько культурных центров. Одним из культурных центров оставалась Волжская Булгария. Этот культурный очаг Золотой Орды, в отличие от Нижнего Поволжья, от Мамлюкского Египта, где сложные этнические процессы, образование наддиалектного койне, создание литературных вариантов языка происходили после монгольских завоеваний, имел давнюю культурную, в том числе и письменно-литературную традицию. Период наибольшего политического и экономического могущества империи Джучидов приходится на время правления ханов Узбека (1312–1342) и Джанибека (1342–1357), когда на гребне подъема хозяйства и торговли произошло резкое усиление центральной власти, сложилась единая система управления империей. При поддержке ханской администрации интенсивно развивались десятки крупных городов. Изучение исторических трудов в совокупности с другими источниками (ярлыки, различные сообщения) приводит нас к мнению значимости городского сословия (торгово-ремесленного, чиновничьего, духовенства) в культурной жизни населения Золотой Орды, что сыграло важную роль в возникновении потребностей всего общества в духовных ценностях. В начале XIV в. было также завершено принятие ислама в качестве государственной религии, что способствовало дальнейшей интеграции народов, формированию единого этноса и наложило глубокий отпечаток на все тюркские народы Евразии (Исхаков, Измаилов 2000: 61–62; Усманов 1985: 177–185). Несомненно, религиозный фактор сыграл значительную роль в политике, идеологии, управлении общественными институтами, экономике, торговле, духовной культуре и искусстве.

Золотоордынский этап развития тюркских литературных языков был значительным этапом в развитии культуры тюркских народов. В этот период были созданы такие известные классические

произведения религиозно-дидактического содержания, как «Кысас ал-анбия» Рабгузи (1310), «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда Булгари (1358), «Джумджума султан» Хисама Кятиба (1369), «Кисекбаш китабы»; произведения светского характера: «Мухаббат-наме» Хорезми (1353), «Хосров и Ширин» Кутба (1383), «Гулистан бит-тюрки» Сейифа Сарай (1391) и др. Следует добавить факт существования еще других функциональных разновидностей литературного языка — язык ярлыков и битиков эпохи Золотой Орды, эпиграфические памятники и др.

По мнению исследователей относительно социально-культурной жизни городов и других культурных центров Золотой Орды, в этих центрах были созданы условия для формирования устно-разговорного койне, языковую основу которого составляли тюрки, носители диалектов кыпчакской языковой группы. Государственным языком Золотой Орды был кыпчакский (Наджиб 1975: 31; Усманов 1979: 94–101). Среди источников особое место занимает «Codex Cumanicus», который является крупнейшим письменным памятником кыпчакского разговорного языка золотоордынского периода, а также замечательным источником для изучения истории становления и развития практически всех современных языков кыпчакской группы. Язык «Codex...» уже в нем самом назван татарским. Например, «Иисус Христос битик тилинчэ, татарча „куткардачы“», «татар тилгэ конэлде». Перевод: «Иисус Христос по тексту на татарском, „спасающий“», «переведен на татарский» (Radloff 1887: 48, 83). Достоинство этого памятника в том, что тюркский язык представлен в латинской графике, который позволяет более точно отразить фонетические особенности. Тексты памятника в своей основе ориентированы не только на разговорную речь, но, прежде всего, на доступность языка в тюркской среде. Именно поэтому памятник ценен как образец фиксации разговорного стиля в кыпчакских диалектах XIII в. Об этом свидетельствует, в частности, регулярный *j*-признак: все слова пишутся одновариантно через *j*. Устойчиво наблюдается озвончение интервокального *-q-*, хотя есть и случаи его сохранения: *çuɣar* ‘выпусти’, *sayuɣ* ‘печаль’, *joqary baqur* ‘смотря вверх’ и др. Сочетание *-aɣu*, *-uɣu* регулярно отражается как дифтонг *-uw*: *awuz* ‘рот’, *buzau* ‘теленки’. Регулярно опускается конечное *-ɣ*: *bitti* ‘письмо’, *jamaɪ* ‘заплата’, *tau* ‘гора’. В склонении

родительный падеж подчиняется губной гармонии, винительный падеж имеет формативы **-ny**, **-ni**, в 3-м лице почти на равных существуют **-yn** (17 раз) и **-yny** (18 раз), дательный падеж представлен аффиксом **-qa-** и его соответствующими гармоничными вариантами, исходный имеет форму **-dan**, **-tan**. Широко распространен в системе посессивно-именного склонения инфикс **-n-**. Таким образом, иллюстративный материал словаря демонстрирует чистый кыпчакский тип склонения. Высокочастотна временная форма на **-yp tur**, а форма на **-yan** и **-myş** встречается сравнительно редко. Таким образом, подтверждается абсолютно кыпчакский базисный тип языка «Codex Cumanicus».

Культурная среда, наличие административных центров и местные правители, а также мусульманская образованность, представленная медресе, библиотеками, грамотными муллами, создали базу для письменной фиксации наддиалектной формы языка и создание на его основе письменных литературных текстов разных жанров и стилей. Наши исследования показывают, что письменно-литературная форма в своем развитии вначале ориентируется на фонетико-графические и грамматические нормы литературных языков караханидско-уйгурского ареала. Это вполне объяснимо тем, что указанные ареалы в этот исторический период оставались центрами распространения мусульманской образованности. В силу этнодемографических условий в Джучиевом Улусе стала преобладать кыпчакоязычное население. Данная этническая ситуация способствовала сложению в центрах наддиалектного койне кыпчакского типа. Анализ языка письменных памятников свидетельствует о воздействии народно-разговорного койне на норму письменно-литературного языка золотоордынского периода. Это влияние и взаимодействие старой традиции с новыми языковыми процессами по-разному отражено в языке отдельных памятников, в зависимости от жанровой принадлежности памятника. Религиозно-дидактическая литература оставалась более устойчивой, а светская литература быстрее принимала новации, от уровня образованности и принадлежности автора к определенной литературно-художественной школе, от заказчика произведения как, например, «Хосров и Ширин» Кутба, «Мухаббат-наме» Хорезми, от конкретных условий места создания,

от переписчика, его племенной принадлежности и владения родным языком. Можно констатировать, что в ранних памятниках Золотой Орды устойчиво сохраняется караханидско-уйгурская традиция, параллельно с которой именно в Поволжье формируется новый вариант регионального литературного языка — старотатарский литературный язык (Нуриева 2011).

Из фонетико-графических признаков караханидско-уйгурской литературной традиции устойчивыми оказываются губная гармония, интервокальное **-q-** и сочетания типа **-aŋu-**. Из фонетических признаков наиболее динамичным является анлаутное [ä], которое уступает позиции гласному переднего ряда [i], а также **-δ** признак меняется **-j**. Сравните: для языка «Кысас ал-анбия» Рабгузи (далее — КР), написанный в 1310 г., характерно одновариантное традиционное написание слов с ^ا (алиф) типа *اذكو* *äðgü* ‘праведный’, графическое колебание несет определенную семантическую дифференциацию: *ار* *är* ‘мужчина’, *اير* *ir* ‘воин’. Устойчиво сохраняется губная гармония, орфографической нормой являются слова с **δ**-графемой, вариативность появляется в более поздних списках. Устойчиво сохраняется **-q-** в интервокальной позиции *ساقيندى* *saqyndy* ‘подумал’, сочетания **-aŋu-**, **-uŋu-**, **-yŋu-**: *اغيز* *aŋyz* ‘рот’, ауслаутное *ساربع* ^γ *saryu* ‘желтый’. Хронологически близкой к КР является рукопись другого религиозно-дидактического объемного произведения «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари — ас-Сараи (далее — НФ). Текст является контаминацией религиозно-этических учений с художественной формой его воплощения. Увлекательные новеллы, мудрые притчи были призваны вырабатывать верность исламу и стойкий иммунитет к соблазнам, подстерегающим мусульманина на пути к райскому блаженству. Именно эта дидактическая направленность текста отличает его от КР, а в целом характеризует его как приближенный к народно-разговорной форме. Взаимодействие традиционной литературной нормы и народно-разговорного языка подтверждается тем, что в языке НФ чаще, чем в языке предыдущего памятника, наблюдается вариативность и в фонетико-графическом оформлении лексики, и в наборе грамматических показателей. Однако и здесь прослеживается соблюдение базисной системы, восходящей к устойчивой письменной традиции. К этим базисным признакам в области

графо-фонетики относятся: последовательное сохранение губной гармонии в основах слова, в аффиксах родительного падежа, принадлежности, **-luq**, **-suz**: **کور کلوک** *körklük* ‘красивый’, форм деепричастий и др. Но в НФ фиксируются отдельные случаи написания этих аффиксов с нарушением губной гармонии (чаще, аффиксы принадлежности, аффиксы прошедшего категорического времени). В основах с колеблющимся гласным анлаутном написание с ^ا (алиф) все чаще заменяется ^{ای} (алиф йай). Однако эта вариативность очень непоследовательна. Возрастает также вариативность при употреблении **d~δ~j** с преобладанием написания **δ**-графемы: **قودوغ** *qudiu* ‘колодец’, **ایدی** *idi* ‘хозяин’ и др., Расширение функции **-j**: **قایغی** *qajyi* ‘горе’ и другие, свидетельствует об отражении в графике элементов разговорной речи. При доминировании **-q** в интервокальной позиции появляется вариативность типа *jaruɣu* ‘его света’. Однако сочетание **-aɣu-**, **-uɣu-**, **-yɣu-** устойчиво сохраняется, как и ауслаутное **-ɣ**: **بوغون** *buɣun* ‘сустав’, **باغ** *baɣ* ‘связка’ и др. К числу новых явлений относится довольно последовательное отражение звонкости и глухости в аффиксах падежей и аффиксах прошедшего категорического времени. Из текстов светского характера были проанализированы «Хосров и Ширин» Кутба (1383), «Мухаббат-наме» Хорезми (1353), «Гулистан бит-тюрки» Сейифа Сарай (1391). Мы подвергли анализу указанные тексты, используя методику стратификации языка на базисные и периферийные компоненты. Наиболее показательным результатом такого подхода явилась классификация базисной системы языка «Хосров и Ширин» (далее — XIII), принадлежащего караханидско-уйгурской традиции, а два других текста по своим базисным формам представляют кыпчакскую языковую систему. Объясняется это различие, прежде всего, тем, что автор произведения Кутб, будучи, видимо, из Поволжского региона, свою литературную деятельность связал с Сараем, создал в конце жизни по заказу правителя Тенибека данное произведение, причем, как установлено литературоведами, образцом для него послужило произведение Низами, язык которого был классическим литературным фарси. Таким образом, мы должны обратить внимание на несомненное влияние художественной формы поэмы Низами на творчество Кутба. Кроме того, Кутб, преподнося свое произведение правителю Золотой

Орды, естественно, придерживался традиционного этикета, предполагающего высокий поэтический стиль, облаченный в поэтическую литературную форму языка, который в тюркской литературе того времени восходил к караханидско-уйгурской традиции. Представляется, что все эти факторы: высокая образованность Кутба, его преклонный возраст, заказной характер произведения со стороны хана, и традиционный придворный этикет повлияли на особенности поэмы «Хосров и Ширин» Кутба. В языке XIII губная гармония уже не образует единой строгой системы, наблюдается сложное взаимоотношение книжной традиции и живого разговорного языка, о чем свидетельствует вариативное написание большого количества слов и словоформ. Сравни: بولوت *bulut* (17 раз) ~ بولت *bulyt* (8 раз) ‘облака’. Для языка XIII характерна элизия -γ-, -q, причем с нарушением губной гармонии типа: يازوق لوع *jazuqluγ* ~ يازوقلى *jazuqlı* ‘грешный’. В анлауте устойчиво поддерживается написание диаграфа «алиф + йай»: يل *il* ‘рука’, ایر *ir* ‘мужчина’, ايو *iw* ‘дом’, хотя частично отмечается вариативность: ایرين *irin* ~ әрин *ärin* ‘губы’. Колебания d~δ~j. Во многих словах традиционно сохраняется -δ-графема, хотя есть и дублетные написания слов: اذاق *adaq* (77 слов) ~ اياق *ajaq* (20 слов) ‘нога’. Констатируя относительную устойчивость ауслаутного -γ, отмечается вариативное написание с пропуском конечного -γ с ауслаутным -γ типа قوروق *quruγ* употребляется в тексте 14 раз, а с пропуском -γ قورو *quru* (4 раза). На фоне последних двух памятников, язык XIII, имевший караханидско-уйгурскую основу, в своей вариативной части на уровне периферийных признаков содержит весьма значительный пласт кыпчакских элементов. «Гулистан бит-тюрки» (далее — Гб) в жанровом отношении близок к XIII, однако расходится с ним в своих базисных языковых системах. Значительное внедрение кыпчакских элементов в систему Гб доказывают следующие дифференциальные признаки: в тексте превалирует анлаутное الي (алиф йай) и ي (йай) в закрытом слоге, язык Гб относится к группе с j-признаком, все слова здесь пишутся одновариантно с j-графемой; на стыке лексем наблюдается ассимиляция ауслаутного -q: اياق *ajaq* (21 слово) ~ اياغ *ajay* (11 слов); ауслаутное -γ всегда опускается: اچى *açu* ‘гневный, злой’, يارلى *jarly* ‘бедный’, سارى *sary* ‘желтый’ и др. История создания третьего источника — поэмы «Мухаббат-наме» Хорезми

точно такая же. Хорезми был известным поэтом своего времени, жившим на территории Золотой Орды, конкретно в Сыгнаке, где по заказу Мухаммеда Ходжабека, просившего создать поэму *bizniñ til birlä* 'на нашем языке', т. е. на тюрко-кыпчакском языке. Хорезми в качестве образца взял популярное на востоке произведение «Мухаббат-наме», которое представляло собой собрание любовных посланий, облаченных в стихотворную форму. Будучи, вероятно, по происхождению кыпчаком, и выполняя конкретный творческий заказ своего патрона, Хорезми (настоящее имя которого остается неизвестным) и создал произведение, язык которого базируется на кыпчакской основе. Как и у других авторов, труд Хорезми не дословный перевод оригинала, а является вольным его изложением. Как показывает наш анализ, кыпчакские элементы приобретают в языке этого памятника статус. Так, например, в анлауте засвидетельствованы **ا** (алиф йай), свойственные только кыпчакским языкам: **ايرين** *irin* 'губа', **ايلي** *illi* 'пятьдесят' и др. В группе чередования **d~δ~j** в памятнике представлено только одновариантное написание через **-j**. Интервокальное **-q** в целом сохраняется, в ауслауте употребляется глухое **-q**: **قابوق** *qabuq* 'дверь', звонкое **-g** в аффиксе **-lyg** всегда отсутствует: **كوركلو** *körklü* 'красивый'.

Морфологическая характеристика языка памятников отражают общие закономерности формирования старотатарского литературного языка. Изучение склонения в тексте произведений позволяют утверждать, что именно в XIV в. начался переход к кыпчакскому типу склонения. Формы, оставшиеся за пределами базисной системы, например, в именной парадигме дательный падеж на **-a**, винительный на **-i**, исходный падеж на **-dan**. Учет их положения в системе склонения памятника позволяет отнести их к огузскому типу склонения и считать периферийными по отношению к базисной кыпчакской системе.

Анализ временных форм глагола в языке конкретных золотоордынских памятников демонстрирует взаимодействие литературной традиции с региональным койне. Из показателей прошедшего времени активной была форма на **-dy**, употребление аффиксов **-myş**, **-yan**, **-yp tur** — ограничено. Данные три формы перфекта свидетельствуют о проникновении в литературный язык новой кыпчакской формы **-yan**; **-myş** сохраняется как показатель

престижной книжной традиции, **-yp tur** — является разговорно-диалектной формой.

Рассмотренные грамматические показатели системы времен в языке золотоордынских источников показывают, что традиционная система, наряду с устойчивыми базовыми компонентами, восходящими к караханидско-уйгурской языковой традиции, в Поволжском ареале, как и система склонения, претерпевает заметные сдвиги в сторону включения в него новых местных региональных форм кыпчакского типа: **-a**, **-a turur**, **-yan**, **-yb**, **-ybtur**.

В сфере неличных форм доминирует форма **-maq**. Данная форма получает широкое распространение именно в текстах золотоордынских и чагатайских памятников. Из девяти проанализированных нами памятников только в языке «Хосров и Ширин» Кутба, «Мухаббат-наме» Хорезми, «Гулистан бит-тюрки» Сейифа Сарай, «Codex Cumanicus» фиксируется малочастотная новая субстантивная форма **-rȳa**, которая является региональной, свойственной языку Поволжского региона (Nurieva 2014: 713–717; Khaphizova, Salakhova, Nuriyeva 2015: 83–86).

В золотоордынский период активно развивается официально-деловой стиль — язык ярлыков. В отношении базисной структуры языка ярлыков Токтамыша Ягайле (1393), Тимер Кутлуга (1398) отмечено свойственные поволжскому ареалу языковые особенности: склонение целиком кыпчакское, активно выступает причастие на **-ган**, олтурган «восседавший», тушманлык кылган Бекбулат «враждебный нам Бекбулат», инфинитив на **-ырга**: тута турурга алтын нышанлык ал тамгалык ярлык бәрілді «дан ярлык с золотой печатью и алой тамгой» и др. (Хисамова 1990: 54–57). Такая особенность ярлыков объяснима типологической близостью языка деловой письменности к конкретным регионам их возникновения. Эта разновидность литературного языка Золотой Орды, как известно, непосредственно связана с поволжским регионом, в ней в большей степени, чем в других функционально-стилистических разновидностях письменного языка этого периода, отразились языковые особенности местных тюркоязычных племен. Анализ текстов свыше двухсот эпитафий волжских булгар с учетом графических особенностей передачи тюркских слов на базе арабского алфавита позволили Ф. С. Хакимзянову полно

описать графо-фонетическую структуру, фонетико-грамматические и лексические особенности языка надписей. Как отмечает ученый, лексика данной группы памятников имеет много общих черт с современными кыпчакскими языками, главным образом, с тюркскими языками Поволжья и Приуралья — татарским, башкирским. Вполне различимы лексемы с кыпчакскими особенностями на различных уровнях языка: в морфологии — это оформление причастной формы прошедшего времени при помощи аффикса **-gan** (*asragan* ‘воспитавший’), оформление направительного падежа при помощи **-ga** (*baqıy dunjaga* ‘в мир вечный’) и др. Вместе с тем в памятниках зафиксированы показатели караханидско-уйгурской литературной традиции, определенное место занимают арабо-персидские заимствования (Хакимзянов 1987: 64–65). Принимая во внимание довольно убедительные факты Ф. С. Хакимзянова о формировании в домонгольский период в Волжской Булгарии наддиалектной формы языка общетюркского (кыпчакского) типа, то можно допустить, что эта традиция также должна была сыграть свою роль в образовании регионального варианта литературного языка в золотоордынский период.

В условиях, когда татарские ханства оказались в составе России, из-за активной внешней политики Москвы в восточном направлении продолжала активно развиваться функциональная разновидность старотатарского литературного языка — официально-деловой стиль, язык дипломатии. Детальное изучение Ф. М. Хисамовой языка многочисленных официально-деловых документов дипломатической переписки с Востоком, образцов административной переписки внутри России показало, что язык старотатарской деловой письменности в своей базисной системе был весьма близок татарскому разговорному языку. В сфере официально делового употребления он всюду назывался в ту пору «татарским письмом», «татарским языком» (Хисамова 1990: 376–377). Истоки этого стиля лежали в известных ярлыках и грамотах периода Золотой Орды и Казанского ханства, а также Крымского ханства. И эта традиция устойчиво сохранилась в последующие века, чему способствовала функциональная значимость официально-делового стиля, как одной из форм языка дипломатии и административной переписки. Деловая письменность XVI–XVIII вв. выходила в ту пору далеко

за рамки расселения татарской народности. В качестве языка русской дипломатии грамоты и письма на татарском языке посылались в такие страны, как Индия, Китай, Иран, Турция. Широко использовалась эта письменность в административной переписке не только в регионах расселения татарского и башкирского народов. По мере расширения восточных границ Российской империи появлялись новые административные центры (Оренбург, Кизляр), вследствие чего с представителями тюркских, да и нетюркских народов (с чеченцами, кабардинцами) административная переписка велась на том же татарском языке. Старотатарский литературный язык, выйдя за рамки Поволжского региона, оказывал влияние на формирование региональных письменных традиций в Сибири, на Северном Кавказе, в Казахстане и в других регионах с тюркоязычным населением. Официально-деловой стиль татарского языка стал основой, благодаря которой были сохранены на протяжении всей истории литературного языка базовые черты в фонетике, грамматике, лексике, они характеризуют именно указанный региональный вариант старотатарского литературного языка.

Таким образом, изучение языка золотоордынских письменных памятников дает основание утверждать, что распространенное на довольно большой территории золотоордынский литературный язык в своей основе является кыпчакским, и по структурным особенностям он заметно отличается от предшествовавшего общетюркского караханидско-уйгурского литературного языка. Отпочковавшийся от золотоордынско-кыпчакского литературного языка региональный татарский язык XVI–XVIII вв. в своей базисной системе оставался относительно стабильным на протяжении своего функционирования.

Список литературы

Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар в VI — первой четверти XV в. Казань: Иман, 2000. 136 с.

Наджип Э. Н. Тюрко-язычный памятник XIV века «Гулистан» Сейфа Сараи и его язык: в 2-х кн. Алма Ата: Наука, 1975. Кн. 1. 210 с.; Кн. 2. 301 с.

Нуриева Ф. Ш. Атрибуция языка письменных памятников золотоордынского периода. Астана: Сарыарка, 2011. 221 с.

Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV — XVI вв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. 318 с.

Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники волжских булгар и их язык. М.: Наука, 1987. 101 с.

Хисамова Ф. М. Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI — нач. XVIII вв.). Казань, 1990. 407 с.

Khaphizova R. Z., Salakhova I. I., Nuriyeva F. S. Phonetic adaptation of Arabic vowels in medieval Turkic languages monuments // Journal of Language and Literature. 2015. Vol. 6. Iss. 2. P. 83–86.

Nurieva F. Sh. Literary language of the Golden Horde: norms and variations // Life Science Journal. 2014. Vol. 11. Iss. 10. P. 713–717.

Radloff W. Die turkische Sprachmaterial des Codex Comanicus // Memoires de l'Académie impériale de Sciences de St. Petersburg. 1887. Ser. VII. T. XXXV. № 6. 132 S.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ БОГОСЛОВСКО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МУСУЛЬМАН ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

(на примере сочинения «Нахдж ал-Фарадис»
Махмуда ал-Булгари)

Аннотация: В статье рассматриваются региональные особенности становления правовой культуры мусульман в золотоордынскую эпоху. Источником исследования является религиозно-дидактическое сочинение «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари, написанное в 1357–1358 гг. Книга состоит из 4 глав, каждая глава начинается с хадиса, раскрывающая тему раздела. В основе сочинения положена история раннего ислама и халифата. В ней также рассматриваются главные каноны мусульманской религии и вопросы, связанные с морально-этическим воспитанием мусульман.

Ключевые слова: Золотая Орда, ислам, религиозная литература, Нахдж ал-Фарадис, Махмуд ал-Булгари ас-Сараи.

Abstract: The article deals with regional peculiarities of formation of legal culture of the Muslims in the era of the Golden Horde. The source of this study is religious-didactic essay „Nahj al-Faradis“ Mahmoud al-Bulgari, written in 1357–1358. The book consists of four chapters, each chapter begins with a hadith that reflects the theme section. At the heart of the works on the story of early Islam and the Caliphate. It also discusses the main canons of the Muslim religion, and issues related to the moral and ethical education of Muslims.

Key words: Golden Horde, Islam, religious literature, Nahj al-Faradis, Mahmoud al-Bulgari al-Sarai.

Создание произведений религиозно-дидактического характера, является большим достоянием письменной культуры Золотой Орды. Его возникновение было закономерно, в связи с событиями, происходившими в общественно-политической и духовной жизни Золотой Орды.

Сочинение «Нахдж ал-Фарадис» («Путь в рай») Махмуда ал-Булгари было написано в 1357–1358 гг. В Стамбуле хранится самая древняя и полная рукопись этого сочинения, датированная 1359–1360 гг. Тахаллус автора Махмуд бине Гали ал-Булгари, ас-Сараи ал-Кардари не дает нам точного места создания этого произведения, однако определенно можно говорить о том, что автор этого сочинения жил и творил в Золотой Орде. Книга представляет

собой жанр увлекательных и поучительных притч, новелл, преданий из истории разных народов, стран, иллюстрировавших моральный кодекс ислама.

Во введении автор излагает основную цель создания книги: «Если кто-то из правоверных, верующих в единого Бога доведет эти сорок хадисов из моей книги до тех, кто их не слышал, обучит этим хадисам незнающих, то Всевышний зачислит этого человека в лигу всеведущих (ученых) и воскресит вместе с погибшими за веру. Если кто-то с плохими намерениями, зная, что этих хадисов нет, солжет, сказав, что эти хадисы из моей книги, пусть приготовится жить вечно в аду. Мы из надежных источников выбрали сорок хадисов Пророка, да будет над ним мир, и собрали эти хадисы вместе, и сообразно хадисам представили рассказы из жития Пророка и четырех наместников Пророка (Абу Бакр, ‘Умар, ‘Усман и ‘Али), составили книгу из четырех глав. Каждую главу разделили на десять разделов. Каждая глава начинается с хадисов Пророка, их всего сорок. Первая глава посвящена жизни и добродетелям Пророка, вторая — четырем праведным халифам и его членам семьи, а также и четырем имамам. Третья глава посвящена богоугодным делам, приближающим к Богу, в четвертой — рассказывается о поступках, отдаляющих человека от Бога. Еще эту книгу назвали „Нахдж ал-Фарадис“, что в переводе означает „Открытая дорога в рай...“ Надеемся, кто прочтет эту книгу, будет жить по советам из этой книги, она будет для них путеводителем в рай» (Мәхмүд әл-Болғари 2002: 17–18).

В первой части представлена биография пророка Мухаммада, которая сохраняет традиции средневековых тюркских сочинений, где он, прежде всего, изображается не как историческая личность, а как великий аскет, любимец Аллаха и чудотворец. При этом среди указанных источников сочинения «Нахдж ал-Фарадис» в списке присутствуют влиятельные биографические арабские сочинения, такие как, «Китаб ал-Магази» Мухаммада ал-Вакыйди и «Табакат» Ибн Сада, до сих пор они признаны одними из самых достоверных биографий пророка Мухаммада. Определенно для автора «Нахдж ал-Фарадис» важно было передать образ пророка Мухаммада, понятный народу своими достоинствами и благородством. Неудивительно, что хикайты, рассказывающиеся о жизни Мухаммада

впоследствии неоднократно цитировались в религиозной литературе татар. Как мы полагаем, автор неслучайно начал свое повествование с описания жизнедеятельности Мухаммада, здесь заметно стремление автора к воссозданию образа, подражая которому мусульманин мог жить, не сбиваясь с верного пути.

В «Нахдж ал-Фарадис» красочно описываются благодеяния четырех праведных халифов, раскрывается предыстория прихода их к власти: «Абу Бакр был для Пророка лучшим из нас, во время болезни он избрал его править имаматом (государством)» (Мәхмүд әл-Болгари 2002: 96); «когда Абу Бакр умер, все сахабы собрались на утреннюю молитву, все объединились и ‘Умара поставили на власть» (Мәхмүд әл-Болгари 2002: 103). После фасла, рассказывающего о халифе ‘Умаре, на рукописи 1360 г. была изображена схема расположения могил Мухаммада, Абу Бакра и ‘Умара. Скорее всего это было сделано, чтобы читатель лучше представлял объяснения текста: «Перенесли его в сады рая пророка Мухаммада, голова Умара была расположена на уровне пупочной артерии Абу Бакра» (Мәхмүд әл-Болгари 2002: 115). Обстоятельно Махмуд ал-Булгари подошел к изложению вопроса об избрании следующего халифа после ‘Умара. Известно, что ‘Умар очень тяготился бременем правителя и до самой смерти сомневался, кого же поставить халифом и заявил, что у него имеется шесть кандидатов, но право выбора он предоставляет общине «...после меня вы, проявив благосклонность, из этих шестерых выберете халифа — один ‘Усман, еще один ‘Али, и Талха, и Зубайер, и Габдрахман ибн Гауф, и Сагыйд ибн Ваккас» (Мәхмүд әл-Болгари 2002: 113).

Однако ‘Умар не был уверен ни в одном кандидате, у каждого он находил недостатки: «‘Усман очень любит свой род, если назначу его, боюсь, желая сделать добро для своих, он назначит из них бека, но они не смогут выбрать достойного человека, и ‘Усман не сможет им отказать. ‘Али очень несерьезный, среди народа авторитета не имеет, для халифата нужен строгий правитель, чтобы люди его боялись и не творили зла. Зубайер слишком обидчивый, а Талха мягкохарактерный, зависим от своей жены: у Габдрахмана ибн Гауфа много богатства, он постоянно им занят, а о Сагыйде и вообще говорить не стоит» Тогда недоумевающие асхабы спросили о возможной кандидатуре сына ‘Умара — ‘Абдуллаха, на что

‘Умар, разозлившись, сказал: «Мой сын не может развестись с женой, как же он сможет управлять халифатом» (Мәхмүд әл-Болгари 2002: 115). После смерти ‘Умара, решением общины на пост халифа был избран ‘Усман. История прихода к власти халифа Али была осуществлена при поддержке великих (олуг) асхабов Талхи, Зубейра, Сагид ибн Ваккаса. ‘Али заявил, что будет правителем лишь при согласии тех асхабов, которые участвовали в битве при Бадре, таким образом, кандидаты, выдвинутые в свое время халифом ‘Умаром ибн Хаттабом, должны были согласиться в пользу ‘Али (Мәхмүд әл-Болгари 2002: 130–131). Передавая эти истории, Махмуд ал-Булгари как бы подчеркивает, что власть должна быть непосредственно связана с соблюдением мусульманских традиций и должна базироваться на сохранении единства религиозной уммы (общины).

В Золотой Орде существовали определенные региональные особенности становления богословско-правовой культуры мусульман, связанные с традиционными верованиями кочевников, которые плавно интегрировались в идеологию ислама во времена распространения этой религии. Это, несомненно, отразилось и на установлении правовой школы, которая бы отличалась терпимостью к инакомыслию, способностью адаптироваться к местным обычаям, и таким требованиям отвечал мазхаб Абу Ханифы. В «Нахдж ал-Фарадис» признается равенство четырех правовых школ: «кто из мусульман покинет этот мир с одним из четырех мазхабов, его место будет в раю» (Мәхмүд әл-Болгари 2002: 190). Однако при перечислении основателей четырех правовых школ, первое повествование автор посвящает Абу Ханифе. В книге в форме увлекательных новелл представлены также некоторые биографические сведения о нем. Так, например, Абу Ханифа был одним из людей, перенявших знание мусульманской традиции и ученость непосредственно от сподвижников (асхабов) пророка Мухаммада: «Абу Ханифа был из табигыйнов (людей видевших асхабов). Табигыйном называют того, кто встречался с асхабами, виделся со сподвижниками Пророка» (Мәхмүд әл-Болгари 2002: 159).

Ярким примером трансформации региональных религиозных традиций может стать репрезентация культа Тенгри в литературных памятниках золотоордынской эпохи, написанных на

тюрко-татарском языке. Термин «Тенгри» повсеместно употребляется в тексте «Нахдж ал-Фарадис» наряду с Хак Тэгалэ, Хак Тэ-бэрэк вэ Тэгалэ. Возможно, это связано с тем, что еще в домонгольскую эпоху культ Тенгри (бога Неба) был неразрывно связан с общетюркскими и монгольскими традициями народов, проживающих на золотоордынских территориях. При этом нужно отметить, что, например, в сочинении «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара написанное (1320) на персидском языке слово Тенгри не зафиксировано (Абу Бакр Каландар 2015).

В произведении «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари представлен богатый библиографический материал средневековой арабоязычной религиозной литературы, в котором зафиксированы ссылки на 19 сочинений. «Масабих ас-сунна» («Святители сунны») Хусейна ал-Багави (Ал-Багави Хусейн б. Масгуд 1901), «Ат-та'аруф ли мазхаб ахл ат-тасаввуф» («Введение в суфийское учение») Мухаммада ал-Калабази, «Машарик анвар ан-набавийа мин сихах ал-ахбар ал-мустафавийа» («Восход светочей из достоверных летописей избранных») ас-Сагани (Ас-Сагани 1913), «Нисабул-ахбар» Абу 'Аля ал-Ауши (Алаваши 1908), «Кензул-ахбар» («Сокровища преданий») Мухаммада б. Башрави, «Шихабул-ахбар» 'Абдуллы ал-Куда'и, «Ал-Мабсут» ас-Сарахси, «Ихйа' улум ад-дин» («Воскрешение наук о вере») Абу Хамида ал-Газали (Ал-Газали Абу Хамид 1910), «Танбиятул-гафилин» («Пробуждение беспечных») Абу Лейс ас-Самарканди, «Ал-Джами ас-сахих» («Достоверный сборник») ал-Бухари, «Сахих» («Достоверный сборник») Муслима ан-Нишабури, «Джами ас-сахих» Абу 'Иса ат-Тирмизи, «Муснад ан-нас» Шабган б. Махди, «Тафсир» Абу-Ма'али б. Ахмад б. Мухаммад ал-Исфাহани, «Мужтала» Зайнуллы Имамат Фирдауси, «Кашшаф 'ан хакаик ат-танзил» («Раскрывающий истины откровения») Джаруллы аз-Замахшари (Аз-Замахшари 1925), «Кутал-кулуб фи мусалалатул махбуб» («Пища сердец») Абу Талиба ал-Макки (Ал-Макки Абу Талиб 1896), «Магази» («История пророка Мухаммада после хиджры) Вакийди, «Магази» Мухаммада Катибана.

Как известно, в Золотой Орде религиозное знание осуществляли мусульманские ученые из Средней Азии, в частности Бухары, Хорезма и Восточного Ирана (Хорасан). Сам автор (либо переписчик) в заключении указывает на то, что основными источниками данного сочинения стали прежде всего Тафсир «Кашшаф» имама

(джаруллы) (аз-Замахшари, Хорезми), Тафсир Абу-л Магали Испани, Мужтала» Зайнулла имамати Фирдауси, а также суфийский трактат «Куту-л кулуб» Абу Талиба Мекки.

Идеология суфизма сыграла значительную роль в институционализации ислама в Золотой Орде, некоторые ученые (Халиков 1999; Амирханов 1991) также причисляли автора «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари к последователям суфийского братства Кубравийа, однако упоминания об этом в книге нет. Махмуд ал-Булгари признавал суфизм и считал, что это неотъемлемая часть мусульманской духовной традиции, полностью соответствующая принципам шариата. На протяжении всего повествования Махмуд ал-Булгари стремится доказать, что суфизм не противоречит суннитскому правоверию. В списке имен суфиев, на высказывания которых ссылается Махмуд ал-Булгари, представители раннего суфизма — мусульманские аскеты, которые особое значение придавали личной праведности, нравственной чистоте, страху перед Богом и следованию Корану: (Хасан ал-Басри, Ибрахим б. Адахам, Ибн ал-Мубарак, Раби'а ал-Адавийа, Шакик ал-Балхи и др.); основатели мистического направления в суфизме Абу Сулайман ад-Дарани и Зу-н-Нун ал-Мисри; adeпты багдадской школы суфизма Бишр ал-Хафи, Джунайда ал-Багдади, Абу Йазид ал-Бистами, Абу-л Хусайна ан-Нури и др.

Одну из важных частей «Нахдж ал-Фарадис» составляют главы, рассказывающие о морально-этических проблемах. Эта часть произведения структурно и по содержанию очень схожа с трактатом Абу Хамида ал-Газали «Ихья голум ад-дин» (Воскрешение наук о вере). Через поучительные истории и притчи об известных людях либо от имени ученых мусульманского мира, Махмуд ал-Булгари источники добра и зла в целом сводил к самому человеку, его разуму и морали, в существенной степени игнорируя социально-экономические факторы. По его мнению, зло коренится в зависти, алчности, любви к этому миру, т. е. в мирском, преходящем, создавая ущерб высокой духовности, нравственности.

Махмуд ал-Булгари предлагает свое понимание концепции знания. Первое, что должен познать истинный мусульманин, это то, что творческой сущностью всего является Аллах, Он Существующий, Единственный, Неподражаемый, Вечный, Бесконечный, у Него

нет человеческого образа. В Коране и хадисах говорится о Его лице, руке, Его очах, пальцах, но Он не материален, все это Его качества, т. е. Он Видящий и Слышащий. Он не создан, но создатель. Аллах Всезнающий, от Него ничего не укроется даже в темноте. Основным обязательством (фард) должна стать вера во Всемогущество Аллаха, в то, что все предопределено Всевышним. Что Он захочет, то будет, а чего не пожелает, то не сбудется (Махмуд эл-Булгари 2002: 66). Известно, что мусульманская теология настаивает на трансцендентности Бога и тем самым исключает возможность постижения Абсолюта. Неоднократно Махмуд ал-Булгари порицает людей, пытающихся материализовать Аллаха. Так, в заключении раздела о Ночи Вознесения он говорит о том, что, прочитав хикаят о миградже, человек не должен полагать, что Всевышний сидит на троне. Одно из племен «мушбихи» (отождествляющие), любят олицетворять Аллаха, создавать его определенный образ. Это ложное направление. Аллах лишь оказал уважение Пророку и показал ему мир иной — и ангелов, и рай, и ад. Здесь Махмуд ал-Булгари согласуется с чисто традиционной исламской концепцией: Аллах есть иррациональная непостижимая сущность.

После описания пяти основных столпов ислама, соблюдение которых является обязательным для верующего мусульманина, Махмуд ал-Булгари раскрывает те добродетели, которых должен придерживаться человек на пути своего усовершенствования: уважение к отцу и матери; употребление в пищу только дозволенного и совершение богоугодных дел; призыв к благочестию и воздержание от запрещенного; проявление терпения. В отличие от ал-Газали Махмуд ал-Булгари не анализирует концепцию «середины» и «меры», у него свои четкие определения качеств человеческого характера. Существует дозволенное («халал») и запретное («харам»), и человек постоянно должен четко определять для себя эти два понятия. Вызывает интерес и отношение Махмуда ал-Булгари к городской жизни. Он призывает к уединению, жить вдали от города, поскольку город полон соблазнов. Самая чистая пища дарована самой природой: родниковая вода, лесные ягоды и т. д. (Махмуд эл-Булгари 2002: 249).

Четвертая часть «Нахдж ал-Фарадис» в основном посвящена рассмотрению поступков человека, ведущих его к гибели. Как

полагает Махмуд ал-Булгари, к ним относятся: убийство, измена, употребление спиртных напитков, высокомерие, распространение клеветы и сплетен, привязанность к благам земной жизни, проявление зависти и желание мести. Высокомерие — не что иное, как равнодушие по отношению к повелениям Всевышнего, т. е. законам ислама, и надменное отношение к людям. Однако богатство и привязанность к красивым вещам еще не говорят о том, что человек высокомерен. Похвала людей считается проявлением уважения, и не нужно ее избегать, но хвастовство приравнивается к высокомерию. Согласно концепции Махмуда ал-Булгари, человек должен воспрепятствовать совершению дурных дел любыми способами: либо сам должен непосредственно вмешаться, либо высказать протест, или хотя бы подумать об этом. Даже если человек благочестив и выполняет лишь богоугодные дела, но не пресекает совершение дурных поступков другими людьми, он становится непосредственным соучастником данного происшествия.

Среди характерных черт данного произведения можно назвать наличие элементов фантастики и свободного обращения с миром земным и миром загробным. В «Нахдж ал-Фарадис» воздаяние за земные греховные деяния человека получит и в земном мире, и потом в мире загробном, где его наказание увеличивается с фантастической прогрессией. Например, в одном из рассказов, халиф-деспот Ходжадж за жестокую казнь ученого суфия Сагита Ибн Джабира расплачивается мучительной смертью, которая повторяется в загробной жизни семидесятикратно. Таким образом, наказание за проступок в этой жизни гиперболически увеличивается в той жизни. Такой литературный прием вполне обусловлен социально, поскольку книга адресовалась скорее не высшим слоям золотоордынского общества — «хасса», а преимущественно народным массам — «амма».

«Нахдж ал-Фарадис» представляет собой одно из важных богословских сочинений золотоордынской эпохи, оно также является заслуживающим особого внимания историческим памятником, в котором зафиксирована история раннего ислама и халифата. В «Нахдж ал-Фарадис» Махмуд ал-Булгари освещает вопросы исламской теологии, как-то: единство, одновременная трансцендентность и имманентность Аллаха. Он также разъясняет основные

положения исламской религии, прославляет пророка Мухаммада, отстаивает право его семейства (Ахл аль-Бейт) на правление халифатом.

Автор «Нахдж ал-Фарадис» Махмуд ал-Булгари, скорее всего, не был сторонником какого-либо определенного суфийского учения, а пытался создать свой собственный «путь», пользуясь самыми разными литературными источниками, создавал свой идеал путем не отвержения прошлого, а его органического перевоплощения с помощью самосовершенствования. Он понял ислам с позиций не только познания или деятельности, но также любви, добра, исходя из эстетической и нравственной категорий.

Суфийские идеалы, которые проповедовал автор «Нахдж ал-Фарадис» о самосовершенствовании человеческой души снимали противоречия между существованием трансцендентного и видимого мира. При этом в сочинении нет призыва к чрезмерному аскетизму, избрание в приоритете нравственно-этических идеалов, скорее всего, было обусловлено особенностями местного суфизма, не склонного к радикализму, основанного на ханафитском мазхабе.

Призыв Махмуда ал-Булгари избавляться от таких пороков, как жестокость, насилие, разврат, ростовщичество, раздор, эгоизм, зависть, клеветничество был, по-видимому, подсказан реальной действительностью золотоордынского общества, когда ханы сменялись на престоле с калейдоскопической быстротой, а от кровавой борьбы между претендентами и следствия этого — отсутствия порядка и соблюдения законов — страдали все слои населения.

Махмуд ал-Булгари причины надвигающегося государственного кризиса усматривал не только в глубоких социально-экономических и политических факторах, а, прежде всего, в ослаблении духовных, нравственных ценностей, связанных с игнорированием предписаний ислама, неверном их применении, общем падении нравов, расточительстве правящих классов. По его мнению, отход от предписаний религии в сфере морали приводит средневековое татарское общество к катаклизмам, войнам, социальной несправедливости.

Исследование культурно-исторических предпосылок создания литературных памятников позволило определить характер суфизма золотоордынского периода. На основе средневековой арабской

богословской литературы, на идеях которой основаны литературные источники, выявлена значимость традиций мусульманского Востока в развитии духовной культуры татарского народа и определены особенности функционирования ислама в тюрко-татарском общественном сознании.

Список литературы

Абу Бакр Каландар Руми. Каландар-наме. Факсимиле / Подготовка к изданию к. и. н. И. М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 800 с.

Аз-Замахшари Абу Касим. Кашшаф ан хакаик ат-танзил. Ал-кахира: Ал-матбуга ал-гамира ал-шарафийа, 1925. 735 с.

Алаваши Али б. Осман б. Мухаммад. Нисаб ал-ахбар. Казан, 1908. 82 с.

Ал-Багави Хусейн б. Масгуд. Масабих ас-сунна. Ал-кахира: Ал-матбага ал-хайрия, 1901. 312 с.

Ал-Газали Абу Хамид. Ихйа улум ад-дин. Ал-кахира: Ал-матбуга ал-гамира ал-шарафийа, 1910. 864 с.

Ал-Макки Абу Талиб. Кут ал-кулуб фи мусаллатул махбуб. Ал-кахира, 1896. 401 с.

Амирханов Р. М. Татарская социально-философская мысль средневековья (XIII — середина XVI вв.): в 2 кн. Казань: Изд-во ИЯЛИ, 1993. [Кн. 1] 124 с.; [Кн. 2] 111 с.

Ас-Сагани. Машарик ал-анвар мин сихах ал-асар. Ал-кахира: Матбуга ал-шагада, 1913. 544 с.

Эл-Болгари Мэхмуд. Нəһжел-фəрадис. Казан: Татар. кит. нəшр., 2002. 384 б.

Халиков А. Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань: Фэн, 1994. 164 с.

МАВЗОЛЕЙ ЭСКИ-ДЮРБЕ В БАХЧИСАРАЕ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ, ХРОНОЛОГИИ И РЕСТАВРАЦИИ

Проблема изучения и сохранения памятников золотоордынской цивилизации в целом, и в Крыму в особенности, всегда стояла особенно остро. В нашем докладе речь пойдет об одном из интереснейших памятников исламской средневековой архитектуры Крыма мавзолее Эски-Дюрбе. Памятник расположен в г. Бахчисарае на склоне левого берега реки Чурук-Су, в 180 м на юго-восток от Ханского дворца.

«Эски-Дюрбе» в переводе с крымскотатарского языка — «Старая гробница». Первый директор Бахчисарайского дворца-музея У. А. Боданинский сообщал, что по легенде в дюрбе находилось погребение феодального князя Дер-е-бея, который был правителем этих мест до династии Гераев. Недалеко от дюрбе в древности было расположено некое укрепление — Буюк-Иссар» («Большая стена») (Боданинский 1927: 197).

Мавзолей представляет собой ассиметричное в плане сооружение, состоящее из двух объемов разной высоты — собственно мавзолея и двора, представляющего собой пространство, огороженное стенами с бойницами и арками (6,18 x 9,26 м). Дворик примыкает к мавзолею с юга. Очевидно, постройка была окружена кладбищем, т. к. на рисунке 1837 г. французского художника Огюста Раффе вокруг дюрбе было изображено несколько надгробий. Считается, что именно для фамильного кладбища и был пристроен дворик. Аналогии подобным памятникам Б. Н. Засыпкин находил среди мавзолеев Бухары и Ташкента (Засыпкин 1927: 124).

Дюрбе построено в форме квадратного в плане сооружения (9,26×9,16 м) высотой 11,0 м. Оно представляет собой четверик, который переходит в восьмигранный барабан. Углы четверика, периметр восьмерика и аркады окантованы профилированным

карнизом с небольшим выносом. С помощью парусов осуществлен переход к полусферическому куполу диаметром 6,38 м. Возможно, сначала купол мог иметь пирамидальную форму, а первичное покрытие купола было сделано из листового свинца. По сообщениям У.А. Боданинского купол сильно пострадал от удара молнии в 80-е гг. XIX в.

Основание свода сложено из больших блоков, а верхняя часть — камнями меньших размеров. Внутри переход от четверика к восьмиерику осуществлен уступами с помощью троппов.

Стрельчатые оконные проемы имеют различную форму, они расположены в стенах в два яруса. Главный вход в здание устроен с востока, в сильно выдвинутом глубоком портале с двумя пилонами, перекрытыми высокой стрельчатой аркой с лучковым завершением. Арка, обрамленная углубленным архивольтом, по его ширине, на уровне пят, подчеркнута резным карнизом с упрощенными стилизованными сталактитами. Грани пилонов под аркой украшены трехчетвертными восьмигранными колоннами, не доведенными до карниза. Дверной пролет перекрыт перемышкой из пяти клиньев. Над замковым камнем арки расположена рельефная круглая розетка. Форма портала подчеркнута прямоугольным бордюром и тремя круглыми резными розетками с геометрическим орнаментом, при этом центральная имеет наклон вперед для уменьшения ракурса, что говорит о профессионализме мастеров (Засыпкин 1927: 122).

К основному объему с юга примыкает замкнутый (9,26 x 6,23 м) дворик, вход в который устроен с южной стороны дюрбе через неглубокий стрельчатый портал с прямоугольным отверстием. Дворик огорожен высокой стрельчатой аркадой с семью (шириной 1,9 м) прорезьями, украшенными наличниками. В нижней части аркады расположено 20 узких вертикальных декоративных бойниц. Материал — обработанный мелкой зубчаткой камень-известняк. Кладка стен правильная, на известковом растворе.

1 июня 1925 г. директор Бахчисарайского дворца-музея У.А. Боданинский отправил письмо в музейный отдел Главнауки в Москву, в котором он подготовил список исторических памятников и городищ Бахчисарайского дворца-музея. Под пунктом 7 числилась территория старого ханского кладбища с монументальными

памятниками «Эски-Дюрбе», XV в. и дюрбе (мавзолей) «Диляра-Бикеч», XVIII в. (Хливнюк 2008: 17–18, 63).

Обращения У. А. Боданинского в отдел Главнауки, Наркомпроса РСФСР и Центральные Государственные реставрационные мастерские дали результат — в командировку в Крым был отправлен архитектор-востоковед Б. Н. Засыпкин. Целью командировки являлось изучение памятников крымскотатарской культуры, определение степени их разрушения и меры, необходимые для первостепенной реставрации. Итогом экспертизы древних сооружений стал акт осмотра архитектурных памятников Бахчисарая, согласно которому необходимо было выполнить работы для поддержки дюрбе.

Здание Эски-Дюрбе было отремонтировано в 1927 г. под руководством У. А. Боданинского. Был подправлен купол и восстановлены недостающие части дворика, примыкающие к дюрбе с южной стороны. В отчете о деятельности Государственного дворца и музея татарской культуры в Бахчисарае с 1 октября 1926 г. по 1 октября 1927 г. в перечне выполненных реставрационных работ по Эски-Дюрбе упоминается, что был замурован провал купола, восстановлен восьмигранный барабан и карнизы, купол обмазан хорасаном, заложены провалы в арках, сделаны железные решетчатые двери (Отчет [1927]).

По постановлению Президиума ВЦИК СССР от 20 марта 1935 г., дюрбе был внесен в список памятников архитектуры Крыма, подлежащих особой государственной охране. 22 июля 1944 г. экспедицией отдела охраны памятников Управления по делам архитектуры при СНК РСФСР было осмотрено состояние памятников Бахчисарая. Составлен акт, где относительно Эски-Дюрбе отмечено, что за время оккупации разрушены части стен, из которых извлечены деревянные сейсмические связи и подпятник прокладки, от чего стены в дальнейшем будут осыпаться. По отдельным архивным материалам известно, что в советское время детальные обследования и обмеры бахчисарайских дюрбе выполнялись несколько раз. Сохранились чертежи планов, фасадов и разрезов 1936 г. (архитектор П. И. Голландский), 1940 г. (ленинградский архитектор А. Л. Ротач), 1946 г., 1955 г. (архитекторы научно-исследовательского и проектного отдела Республиканских научно реставрационных

производственных мастерских Управления по делам архитектуры при СМ УССР И. Говденко, И. И. Макушенко, Е. М. Пламеницкая, Н. Н. Александрова). В 1991–1992 гг. обмеры дюрбе проводились сотрудниками Крымской комплексной архитектурно-реставрационной мастерской института «Укрпроектреставрация» и Научно-производственным предприятием «Къысмет», в рамках программы по реставрации и исследованию памятников крымскотатарской архитектуры (Воронин [б. г.]). В 1965 г. была проведена реставрация памятника: восстановлены недостающие части и детали стен двора, выполнено покрытие купола цементной стяжкой с железнением (вероятно, покрытие было из свинцовых листов). В середине 90-х гг. XX в. строительной фирмой «Къысмет» купол дюрбе был перекрыт листовым оцинкованным железом.

В связи с аварийным состоянием здания в 2013 г. были начаты реставрационные работы на памятнике, включившие в себя археологические исследования. С целью выяснения глубины залегания и состояния фундаментов на территории объекта были заложены 4 шурфа. Шурф 1 расположен с восточной стороны строения, имеет Г-образную форму. Северный борт примыкает к торцу пилона — 0,5 м, восточный борт — 1,2 м, южный борт — 2,2 м. Шурф 2 расположен с западной стороны дюрбе, у его северной части (1 x 1,5 м). Шурф 3 заложен внутри дюрбе на расстоянии 1,2 м от внутренней северной стены дюрбе, вдоль западной стены, размером 1,3 x 1 м. Шурф 4 разбит с западной стороны дюрбе, на стыке стены двора и основного объема дюрбе, с целью выяснить на каких уровнях находятся фундаменты этих строений.

Полученные в ходе предварительных реставрационных работ результаты пока не дают возможности сделать определенные выводы о времени сооружения мавзолея и захоронений в нем. После подготовки и проведения реставрационных работ целесообразно продолжить археологическое изучение объекта с целью выяснения стратиграфической ситуации вокруг дюрбе, места его в топографии Бахчисарая, времени сооружения и принадлежности захоронений, произведенных в нем. Результаты же, полученные в данное время, позволяют сделать несколько предварительных выводов: закрытый дворик, примыкающий с южной стороны к основному объему мавзолея, построен позже, чем

само дюрбе. Фундаменты дюрбе углублены в материковую поверхность и располагаются ниже, чем фундаменты двора. Дворик никак не связан конструктивно с основным сооружением, камни его кладки лишь примыкают к кладке самого дюрбе. Строительная траншея под фундамент мавзолея введена из 4-го слоя, на этом уровне зафиксированы небольшие фрагменты цементного раствора. Основные находки в нижних слоях исследуемых участков представлены фрагментами керамики, датируемыми XVI–XVIII вв., что, учитывая слои, с которых были введены фундаменты построек, может указывать на время строительства мавзолея. В то же время в четвертом слое шурфа № 4 обнаружены две монеты. Одна из них, возможно, является монетой хана Мехмеда III Герая. Хотя четкой даты определить не представляется возможным, но время правления этого хана 1623–1628 гг. Вторая монета времен Российской империи, датировка ее в силу плохой сохранности так же затруднена. Учитывая такую ситуацию, представляется возможным предварительно считать время создания мавзолея XVII–XVIII вв. Учитывая, что однозначно по этим находкам датировать дюрбе нужно весьма осторожно, для уточнения датировок необходимо провести дальнейшие полноценные и масштабные исследования мавзолея, что в данный момент невозможно, ввиду аварийного состояния объекта (Сейдалиев [2013–2014]: 9–13).

Список литературы

Боданинский У. Татарские «Дурбе»-мавзолеи в Крыму (из истории искусства крымских татар) // Известия Таврического общества истории, архитектуры и этнографии. 1927. Т. 1(58). С. 195–201.

Воронин Ю. С. Эски-Дюрбе / Архив Ю. С. Воронина ГБНУ РК «Институт археологии Крыма». Дело № 114.

Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2(4). С. 120–124.

Отчет о деятельности Государственного дворца и музея татарской культуры в г. Бахчисарае с 1 октября 1926 года по 1 октября 1927 года // Научный архив БИКАМЗ.

Сейдалиев Э. И. Отчет об археологических раскопках в исторической части г. Бахчисарай. Бахчисарай, 2013–2014 гг. // Научный архив БИКАМЗ.

Хливнюк А. В. Из истории охраны культурных ценностей в Крыму в 20-е годы XX века: по материалам Центрального муниципального архива Москвы// Историческое наследие Крыма. 2007. № 20. С. 7–17.

МОР 1396 ГОДА

Аннотация: В статье рассматривается один из малоизученных фактов в истории Золотой Орды – мор 1396 г. Противостояние между правителем Самарканда Тамерланом и Улуса Джучи Тохтамышем привело к фактическому разграблению и исчезновению многих ордынских городов. Схожая судьба была уготована Великому княжеству Московскому, но быстрое возвращение Аксак Тимура в Среднюю Азию явилось для многих хорошей неожиданностью. По мнению автора, одной из главных причин подобного шага явилась разразившаяся в тылу войск Тамерлана на Нижней Волге, волго-донских степях, Северном Кавказе и Крыму эпидемия чумы. В своих размышлениях автор исходит как из анализа письменных источников на русском и арабских языках, так и из данных, полученных в ходе биологических исследований природных эпидемических очагов чумы. Согласно им чума присутствовала всегда в этом регионе. Начиная со второй половины XI в. постоянно фиксировались вспышки чумы в волжско-донском бассейне. Возникновение «Черной смерти» во второй половине XIV в. явилось следствием взаимовлияния природно-климатического и человеческих факторов. Прямым последствием эпидемии стали масштабные изменения в Улусе Джучи (массовая миграция населения, фактическая дезурбанизация ордынских городов), осложнявшиеся нашествием Тамерлана в 1390-х гг. **Ключевые слова:** «Черная смерть», голод, массовая смерть, Тамерлан, Тохтамыш, Великий Шелковый путь, золотоордынские города.

Abstract: The article considers one of the little-known facts in the history of the Golden Horde – the plague 1396 confrontation between the ruler of Samarkand, Tamerlane and Tokhtamysh the Ulus of Jochi led to the actual to the looting and the disappearance of many of the Horde cities. Similar fate was prepared for the Grand Duchy of Moscow, but a quick return Aksak Timur in Central Asia was for many a nice surprise. According to the author, one of the main reasons for such a step was erupted in the rear of the troops of Tamerlane on the Lower Volga, the Volga-don steppes, the Northern Caucasus and the Crimea the plague. In his reflections, the author can proceed as from the analysis of written sources in Russian and Arabic, and the data obtained input biological studies of the natural epidemic foci of plague. According to them the plague is always present in this region. Since the second half of the 11th century were constantly recorded outbreak of plague in the Volga-Don basin. The emergence of the „Black death“ in the second half of the 14th century was the result of the interaction of climatic and human factors. A direct consequence of the epidemic were major changes in the Ulus of Jochi (the mass migration of the population, the actual de-urbanization of Golden Horde settlements), complicated by the invasion of Tamerlane in year of 1395/1396 anniversary.

Key words: Black death, famine, mass death, Tamerlan, Tokhtamysh, the Great silk road, the Golden Horde settlements.

Конец Средних веков и начало Нового Времени для Улуса Джучи было отмечено масштабным противостоянием между Тохтамышем и правителем Самарканда Аксак-Тимуром. Апогеем этого

конфликта стала битва на р. Тереке и Восточноевропейский поход Тамерлана (1395–1396). В историографии сложилась однозначная оценка последствий этих событий: разграбление и последующий упадок многих ордынских городов на Нижней Волге, быстрый упадок всей ордынской торговли и территориальный распад татарского государства. Для современников событий поход Тамерлана стал ассоциироваться с концом света. Апокалиптическую картину разрушения рисуют археологи. Так в конце 1950-х — начале 1960-х гг. во время раскопок Сарай-Берке было зафиксировано большое количество человеческих костей и масштабных разрушений городских строений (Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев 1970: 86, 94, 97). Подтверждает это предположение датированный не позднее 797 г. х. (27.10.1394–15.10.1395) массовый нумизматический материал (Янина 1970: 194).

Подобная участь могла ожидать русские и уцелевшие ордынские города в Булгарском улусе и Крыму. Определенность в этом вопросе предоставляют данные из русских летописей и персидских сочинений Низам-ад-дин-Шахи и Шереф-ад-дин-Иезди. Для большого охвата территории правитель Самарканда стал посылать в различные стороны небольшие отряды. Этим-то и объяснялось заметное единовременное разрушение расположенных на достаточном расстоянии городов и хождение неподтвержденных слухов о приближении вражеского войска. Основная часть войска Тамерлана стала двигаться в сторону русских княжеств. Дойдя до рязанского городка со смешанным населением Елец-Карасу осенью 1395 г., оно вынуждено было повернуть, что было воспринято в Московском княжестве как божественное чудо (Полное собрание 2000: 161).

У современников вызвал удивление факт последующего быстрого оставления Аксак-Тимуром богатой территории Улуса Джучи. В историографии на сегодняшний день господствует следующая точка зрения: основной причиной ухода Тамерлана стало «ослабление и упадок духа» в войске, вследствие массового голода и непрекращающейся партизанской борьбы татарского населения (Миргалеев 2003: 139). Одними из первых эту точку зрения высказали средневековые персидские авторы. Их высказывания скорее носят характер сообщения очевидцев, и в них нет хоть

какой-нибудь значимой оценки событий. Между тем в последующие десятилетия территория Золотой Орды скорее представляла из себя зону постоянных военных конфликтов между деградировавшими кочевыми ордами бывших жителей ордынских городов (Миргалеев 2003: 141).

В этом плане интерес представляют тексты, созданные в более поздний период. Известная поэма-диалог «Сказание» иеромонаха Матфея, описывающая сложившуюся весной-летом 1396 г. в крымском княжестве Феодоре ситуацию, скорее указывает на распространение эпидемии на полуострове, чем на последствия военных действий (Герцен 2007). Это предположение подтверждает сообщение из Никоновской летописи: *«Тое же осени бывшу царю Темир-Аскаку на Ординскихъ местехъ, въ приморіи, и прииде на него гневъ Божій, моръ силенъ на люди и на скоты»* (Полное собрание 2000: 162).

Именно последний отрывок позволяет понять, что же на самом деле стало причиной быстрого ухода зимой 1395/1396 гг. Тамерлана. Если начать анализировать данный отрывок, то в глаза бросаются слова о массовой гибели людей и животных. Для средневековых летописцев подобное событие обычно обозначалось одним словом — *мор*. В первую очередь под ним понималось чума. Наиболее крупная вспышка данного заболевания произошла в середине XIV в. В историю она вошла под названием *«Черная смерть»*.

Современные исследователи пришли к выводу, что именно данная эпидемия и предопределила ход дальнейших событий в Европе. В большей степени эти оценки относятся к Западной Европе и Ближнему Востоку. Для западноевропейских ученых тема *«Черной смерти на территории Улуса Джучи»* до последнего времени оставалась *«Terra Incognita»*. Благодаря накопленным знаниям отечественных историков и биологов можно сделать определенные выводы относительно этой темы и, в частности, вспышки 1396 г.

Большую роль в появлении опасной формы чумы сыграли глобальные природные климатические изменения (73,5 тыс. лет до н. э., 7–5 тыс. лет до н. э., 2746 г. до н. э.) (Сунцов, Сунцова 2006). Однако, лишь в начале 1-го тыс. до н. э. эпидемии чумы стали приобретать масштабный характер. В первую очередь это было связано

с активизацией нескольких природных очагов. Самые крупные из них были локализованы в Средней Азии в районе оз. Иссы-Куля, на Ближнем Востоке близ священного для шиитов иракского города Кербела, в горных районах Западной Армении и Анатолии, в нижневолжских степях и в районе Валдайской возвышенности (Страхович 1907). При этом разносчиками болезни выступали как синантропические мигрирующие виды степных грызунов (полевки, мыши, тушканчики, сурки, байбаки и др.) (Павловский 1964), так и домашние копытные (верблюды) (Кульпин-Губайдуллин 2011: 101–103). При этом активизация чумного очага всегда следовала вслед за солнечной вспышкой и активными климатическими изменениями. Причем наравне с чумой могла произойти вспышка нескольких эпидемических заболеваний (сыпной тиф, сибирская язва, холера, брюшной тиф, грипп, цинга, сифилис, проказа) (Васильев, Сегал 1960: 24).

Как показал анализ летописных текстов, самая ранняя из зафиксированных вспышек среди «торков» датируется 1060 г. — во время похода великого киевского князя Изяслава. Нашествие Батыя на Русь, да и в целом наступившая во второй половине XIII в. эпоха золотоордынского ига не стали исключением. Крупнейшие эпидемии в этот период были зафиксированы в Рязанском княжестве (1257), Пскове (1265), во многих русских землях (1278/1279, 1282, 1286), во время осады в 1283–1284 гг. войсками хана Тохты городов Подолья, Волыни и Польши. Причем одной из причин возникновения последней, летописцы называют чародейство татар по отравлению колодцев. Впрочем, скорее речь шла о занесенной с запада поляками или с востока татарами кишечной инфекции (Васильев, Сегал 1960: 33–48.)

Самой крупной вспышкой чумы на территории Золотой Орды стала «Черная смерть». Отечественные исследователи пришли к выводу, что вспышка чумы середины XIV в. явилась следствием мутации бактерий, принесенных мигрировавшими сурками и прибывавшими верблюжьими караванами из Центральной или Средней Азии через Крым (Каффу) в Европу и Северную Африку, распространенного в районе оз. Иссы-Куль штамма заболевания (Сунцов, Сунцова 2006). Болезнь достигла территории Улуса Джучи около 1341 г. Не последнюю роль в этом процессе сыграли

изменение климата, быстрая аридизация степи и резкое изменение уровней Каспийского, Аральского и Азовского морей. При этом положение усугубило активная хозяйственная деятельность населения Улуса Джучи (Артюхин 2009: 314–334).

В русских летописях зафиксировано несколько крупных вспышек на территории Золотой Орде в 1346–1348, 1363–1367, 1374–1378, 1396 гг. Большую роль в дальнейшем распространении эпидемии сыграли водные и сухопутный торговые тракты. Сопутствующим явлением чумы в Улусе Джучи стал способствующий ускоренной миграции массовый голод среди населения. Прямыми последствиями этих вспышек стало осложнение внутривластной обстановки в Золотой Орде, резкое сокращение населения государства, децентрализация, культурный и технологический регресс, полное исчезновение, в связи с гибелью городской болгарской знати, волжско-булгарского языка (Schamiloglu 1993).

Несмотря на столь подробную проработку данной темы, дискуссионными вопросами до сих пор остались следующие:

- 1) Какие территории Золотой Орды оказались охвачены в начале эпидемией «Черной смерти»?
- 2) Каковы основные пути направления распространения болезни?
- 3) Каково количество умерших от болезни?

Все отечественные исследователи, говоря об ордынских вспышках, базируются на часто упоминаемом в русских летописях отрывке: *«В лето 6854 (1346) бысть казнѣ на люди от Бога подѣ вѣсточною стороною въ Орде и в Ворначе и в Сараи и в Бездежи и въ прочих градахъ и странахъ ихъ. И бысть морѣ на люди великъ и на Бессермены и на Татары и на Ормены и на Бесы и на Жиды и на Черкасы и прочаа человеки тамо живуща в нихъ. Толь же сплень бысть морѣ въ нихъ, яко не бе мощно живымъ мертвыхъ погребати»* (Приселков 1950: 336–337). Причем, наиболее спорным моментом этого перечня является упомянутый город Ворначь (Орначь). Зачастую бытует мнение, что под ним упоминается среднеазиатский Ургенч. Однако, в свете биологических исследований природных очагов чумы, такое предположение будет иметь некорректное значение. Скорее всего, под этим названием следует понимать один из золотоордынских городов, находившихся либо на Северном Кавказе, о чем

свидетельствуют упомянутые народы, либо в устье Дона, о чем говорит Карамзин, и упоминавшиеся ближайшие ордынские города (Хаджи-тархан, Сарай, Бельджамен). Отчасти доказательством этого предположения может служить тот факт, что в перечислении не указываются другие среднеазиатские центры.

К предположению об усть-донском происхождении этого города склонялась отечественный историк Г. Н. Моисеева (Моисеева 1979: 225). Так на карте конца XIV в. венецианского космографа Фра Мауро в устье р. Дон расположены остатки города *Organsa*. Персидский летописец Фасих Хавафи прямо указывает на то, что в среднеазиатском Ургенче в этот год произошла вспышка другой болезни — холеры. К тому же сам Фасих Хасафи перечисляет и другие вспышки чумы на Кавказе (1359/1360, 1369/1370, 1392/1393) (Фасих ал-Хавафи 1980). Если учесть факт того, что все ордынские вспышки происходили примерно через 2,5–3 года после кавказских, и знание у восточных авторов симптоматики чумы и эпидемических заболеваний, то, скорее всего речь в вышеупомянутом отрывке шла именно о усть-донском варианте расположении города.

Касательно путей распространения чумы по территории Улуса Джучи, то тут надо учитывать существующие в природе пути миграции степных грызунов и существовавшую до начала XX в. систему караванных путей. Исходя из этого, можно утверждать, что основным эпицентром «*Черной смерти*» в Золотой Орде стали степи между Каспийским и Черным морями. Это подтверждает указанный в текстах русских летописей ордынский Бельджамен. При этом общее количество умерших от болезни в наиболее пиковые годы могло достигать от 30 до 50% (История России 2010).

Таким образом, можно констатировать, что основной причиной ухода войска Тамерлана стала местная вспышка чумы и, возможно, сибирской язвы. Масштабность разрушений и массовая смертность населения в ордынских городах привели к тому, что перед самаркандским правителем возникла опасность потери всего войска. Оставшиеся в живых жители Золотой Орды, опасаясь за свою жизнь, вынуждены были оставить разрушенные города. В начале XV в. Иоагунн Шильтенберггер зафиксировал возвращение ордынских правителей и татарского народа к кочевому образу жизни (Шильтбергер Иогаунн 1866).

Список литературы

Артюхин Ю. В. Природные катаклизмы как одна из причин «Великой жамятни» в Золотой Орде и появление Азака // Боспорские исследования. 2009. Вып. XVI. С. 314–334.

Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России. М.: Гос. изд-во медицинской литературы, 1960. 397 с.

Герцен А. Г. Христианская община Мангупа под властью турок // Материалы Международной церковно-исторической конференции «Духовное наследие Крыма». Симферополь, 2007. С. 22–40.

История России. Факторный анализ. М.: Территория будущего, 2010. Т. 1. 377 с.

Кульпин-Губайдуллин Э. С. Золотая Орда: Судьбы поколений. М.: ИВ РАН, 2011. 192 с.

Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. XIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. 544 с.

Миргалеев И. М. Политическая история Золотой Орды периода правления Тохтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.

Павловский Е. Н. Природная очаговость трансмиссивных болезней в связи с ландшафтной эпидемиологией зооантропонозов. М.; Л.: Наука, 1964. 211 с.

Страхович И. В. Чума Астраханского края, ее история, эпидемиология и обзор правительственных мероприятий // Сборник работ по чуме, издаваемый под редакцией Главного Врачебного Инспектора. СПб., 1907. Вып. 2. С. 7–201.

Сунцов В. В., Сунцова Н. И. Чума. Происхождение и эволюция эпизоотической системы (экологические, географические и социальные аспекты). М.: Изд-во КМК, 2006. 247 с.

[Фасих ал-Хавафи]. Фасихов свод / Пер. Д. Ю. Юсуповой. Ташкент: Фан, 1980. 346 с.

Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С., Мухамадиев А. Г. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959–1966 гг. // Поволжье в средние века. М.: Наука, 1970 (Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 164). С. 68–170.

Шильтбергер Иоганн. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / Перевел с немецкого и снабдил примечаниями Ф. Брун. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1866. 310 с.

Янина С. А. Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов поволжской археологической экспедиции на Царевском городище 1959–1962 гг. // Поволжье в средние века. М.: Наука, 1970 (Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 164). С. 194–223.

Schamiloglu U. Preliminary Remarks on the Role of Disease in the History of the Golden Horde // Central Asian Survey. 1993. № 12(4). P. 447–457.

СЕКЦИЯ

**Отношения центр–периферия
и международные связи Золотой Орды**

МОНГОЛЫ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ. АРХЕОЛОГИЯ И ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЯ

Аннотация: В статье рассматриваются археологические и палеоантропологические материалы с территории Азербайджана, датируемые XIII–XIV вв. Археологический материал происходит из раскопок в Мингечауре (поселение № 3, а также курган № 2). Были выявлены четыре погребения. Инвентарь погребений свидетельствует о том, что они принадлежали монгольским воинам. В этот период происходили войны между Золотой Ордой и Хулагидами. Антропологический тип исследованного черепа № 1 был южносибирский, а антропологический тип черепа № 2 – центральноазиатский.

Ключевые слова: Азербайджан, палеоантропология, Золотая Орда, археология, краниометрия.

Abstract: In previous article are discuss archaeological and paleoanthropological materials from Azerbaijan, which dates 13th–14th centuries A. D. Archaeological material was found in Mingechaur (settlement № 3 and kurgan № 2). It was four burials. Inventory of burials is said us, that they belonged to Mongol warriors. In this time took place wars between Golden Orda and Khulagids. Anthropological type of skull № 1 is South Siberian; anthropological type of skull № 2 is Central Asiatic.

Key words: Azerbaijan, paleoanthropology, Golden Orda, archaeology, craniometry.

В ходе археологических раскопок, проведенных в Азербайджане в связи со строительством Мингечаурской ГЭС в зоне Мингечаура в 1946–1953 гг., были вскрыты разновременные археологические памятники, датируемые от эпохи бронзы до средних веков. Среди них было обнаружено четыре погребения, относящиеся к концу XIII — началу XIV в. Следует отметить, что в конце XIII — первой половине XIV в. между Золотой Ордой и Хулагидами (Ильханами) происходили постоянные войны за Азербайджан (Мамедов 2009: 239). Вероятнее всего находки этих четырех погребений следует связать с ними, и принадлежали они погибшим здесь воинам, о чем отчасти дает основания думать погребальный инвентарь.

Одно из погребений являлось впускным в курган № 2 эпохи бронзы, а три остальных были выявлены на мингечаурском поселении № 3.

Впускное погребение № 8 кургана № 2 было обнаружено на самой вершине насыпи кургана, на глубине около 0,5 м. Над ним находились кости лошади, среди которых был сильно разрушенный

череп животного. Костяк человека лежал на спине в вытянутом положении, головой на север, ногами на юг. В могиле обнаружены: наконечники стрел в берестяном колчане, пара железных стремян, остатки удила и несколько железных предметов, утративших форму. С правой стороны бедренной кости погребенного лежал берестяной колчан в виде вытянутой трапеции. Наличие берестяного колчана объясняет назначение железной детали у правого колена война. Вероятно, это фрагмент колчанного крюка: плоская сторона крюка крепилась ко дну колчана, на сам крюк надевался ремень, подвешиваемый к поясу. Внутри колчана были обнаружены железные наконечники стрел и дротиков нескольких разновидностей: а) трехлопастные и трехгранные стержневые; б) широкие, в виде долотьев с полукруглой рабочей частью, суживающейся к стержню и заканчивающейся более или менее длинным черенком; в) широкие, долотного типа, с рабочей частью, заточенной под углом; г) узкие, в виде клинка; д) дротики небольшого размера копьеобразные (Асланов и др. 1959: 102). Данные типы наконечников характерны для монгольских погребений Монголии, Забайкалья, Прибайкалья, Тувы, Северного Кавказа, Крыма. Это погребение следует датировать концом XIII и началом XIV в. На левом берегу р. Куры в излучине на вершине холма у входных ворот ущелья Боздага находилось поселение № 3. Мощность культурного слоя составила 6 м, отразившая события с I по XIV вв. Остатки жилищ верхнего слоя датировались концом XIII — началом XIV в. и носили следы сильного пожара, возможно, ставшего причиной гибели поселения. Над этим слоем были обнаружены три погребения монгольских воинов. В могилах были обнаружены следующие предметы: фрагменты двух шелковых монгольских мужских халатов коричневатого-песочного цвета, кусок шелковой ткани сандалового цвета, накладные декоративные украшения тонкого мужского пояса, фрагмент кожаного мешка и фрагмент плетеной пластины непонятного назначения из кожи и ткани, круглая железная пайца диаметром 8,7 см, обломок кинжала с костяной рукояткой и сохранившимся фрагментом деревянных ножен, два железных втульчатых ромбовидных вытянуто-ромбовидных наконечников копья (длина — 37,6 см и 31,4 см), пять железных фрагментов клинкового оружия (возможно два из них могли принадлежать сабле, другой — палашу). Поблизости

лежала пара железных стремян, железный маленький крестообразный предмет; остатки удила и ряд других железных предметов, утративших форму (Ахмедов 2009: 164).

В настоящее время все предметы из монгольских погребений Мингечаура хранятся в Музее истории Азербайджана и представлены отдельной экспозицией. Что же касается палеоантропологического материала, то, к сожалению, мы располагаем всего 2 черепами.

Один череп происходит из отмеченного выше впускного погребения кургана № 2, а другой относится к одному из погребений с мингечаурского поселения № 3.

Отмеченные выше черепа в настоящее время хранятся на кафедре «Анатомии человека» Азербайджанского медицинского университета¹.

Ниже привожу индивидуальную характеристику исследованных черепов (табл. 1).

Череп (№ 1) из впускного погребения № 8 в кургане № 2 (рис. 1) принадлежал, судя по всему, молодому мужчине, брахикранный, характеризуется очень малым продольным, большим поперечным и очень малым высотным диаметрами мозговой коробки. Лицо большое по ширине и очень высокое. Отмечается ослабленная профилировка лица. Нос большой по высоте и среднеширокий, мезоринный. Отмечены предносовые ямки. Орбиты очень высокие и очень малые по ширине, гипсиконхные. Антропологический тип предположительно южносибирский.

Череп (№ 2) из мингечаурского поселения № 3 (рис. 2) мужской, брахикранный, характеризуется малым продольным, очень большим поперечным и очень малым высотным диаметрами мозговой коробки. Лицо очень большое по ширине и очень высокое. Отмечается ослабленная профилировка лица. Нос очень большой по высоте, среднеширокий, лепторинный. Отмечены предносовые ямки. Орбиты высокие и очень малые по ширине, гипсиконхные. Антропологический тип предположительно центральноазиатский.

---

¹ Выражаю свою искреннюю благодарность и признательность заведующему кафедрой «Анатомии человека» Азербайджанского медицинского университета В. Шадринскому за возможность использовать палеоантропологический материал.

При сравнении череп из впускного погребения кургана № 2 обнаруживает сходство с палеоантропологическими сериями кочевников тюркского и монгольского времени с территории Казахстана, а также по некоторым признакам близок к палеоантропологической серии из золотоордынского города Сарайчик (Казахстан) (Гинзбург, Трофимова 1972).

Череп из погребения в мингечаурском поселении № 3 обнаруживает сходство с палеоантропологической серией монгольского времени из Забайкалья (Мамонова 1961), а также с отдельными черепами монгольского времени с территории Казахстана и несколько близок с палеоантропологической серией из золотоордынского города Увек с территории Поволжья (Яблонский 1986).

Что же касается сравнения с черепами с территории Азербайджана, то ни с одной из палеоантропологических серий сходства не обнаружено. Это говорит о пришлом характере данных людей и их погребения являются эпизодическими в истории Азербайджана.

Относительно монголоидной примеси в Азербайджане можно сказать, что она встречается среди современного населения лишь у отдельных лиц и не имеет определенного ареала распространения на территории нашей республики.

Список литературы

Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И. Древний Мингечаур. Баку: Изд-во АН АзССР, 1959. 190 с.

Ахмедов С. А. Погребения монгольских воинов из Мингечаура и защитный вал Абага-хана, как неизученный аспект истории войн Золотой Орды и государства Ильханов // Золотоордынская цивилизация. 2009. № 2. С. 162–169.

Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972. 371 с.

Мамедов И. История Азербайджана с древнейших времен до наших дней. Баку: Маариф, 2009. 672 с.

Мамонова Н. Н. Кочевники Забайкалья IX–XIII вв. по данным палеоантропологии // Антропологический сборник. 1961. Вып. 1. С. 207–225.

Яблонский Л. Т. Монголы в городах Золотой Орды // Проблемы антропологии древнего и современного населения Советской Азии. Новосибирск: Наука, 1986. С. 6–27.

Таблица 1.

ПРИЗНАКИ	ЧЕРЕП № 1	ЧЕРЕП № 2
1. Продольный диаметр	169	175
8. Поперечный диаметр	149	155
8:1 Черепной указатель	88,1	88,5
17.Высотный диаметр	127	126
45.Скуловая ширина	137	155
48.Верхняя высота лица	82	94
51. Ширина орбиты	39	39
52. Высота орбиты	37	36
54. Ширина носа	26	26
55. Высота носа	55	58
48:45 Верхнелицевой указатель	59,8	60,6
52:51 Орбитный указатель	94,8	92,3
55:54 Носовой указатель	47,2	44,8

Рис. 1. Череп № 1

Рис. 2. Череп № 2

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ КРЫМСКОГО ХАНСТВА

Аннотация: В результате деления Золотой Орды на несколько самостоятельных государств, в начале XV в., в Крыму сформировалось и возникло новое политическое образование – Крымское ханство, которое постепенно стало отдельным, особым государством. Оно расположилось в степной и предгорной частях Крымского полуострова. В статье рассматриваются некоторые аспекты экономической жизни Крымского ханства в XV–XVIII вв., развитие торговых отношений Крымского ханства и эялета Кефе в османский период, экспорт, импорт, внутренние торговые связи, развитие местного производства и ремесел.
Ключевые слова: Золотая Орда, Крымское Ханство, эялет Кефе, Крым, торгово-экономические отношения.

Abstract: As a result of division of the Golden Horde into several independent States in the early 15th century, in the Crimea was formed a new political separate special state – the Crimean Hhanate. It is located in a steppe and foothill parts of the Crimean Peninsula. This article discusses some aspects of the economic life of the Crimean Khanate in the 15th–18th centuries, the development of trade relations of the Crimean Khanate and Eyalet Kefe in the Ottoman period, exports, imports, domestic trade relations, the development of local production and crafts.

Key words: Golden Horde, Crimean Khanate, Eyalet Kefe, the Crimea, trade and economic relations.

В XIII–XV вв. Золотая Орда, являющаяся одним из сильнейших и крупнейших государств, как в политическом, так и в территориальном отношении, активно развивала экономические аспекты жизни своего государства. Это и налаженные международные торгово-экономические связи со странами Запада и Востока; это и внутригосударственный расцвет городов, торговли и ремесел; это и безопасные и обустроенные торговые, караванные пути, которые теперь проходили через территорию Золотой Орды и связывали страны Европы и Азии. Золотая Орда становится посредником в международной торговле между Западной Европой и Китаем (История татар 2009: 277).

Торговые пути, ориентированные на страны Европы, проходили через Крымский полуостров, и в экономических связях с европейскими странами торговыми партнерами Золотой Орды были венецианцы и генуэзцы. Итальянские колонизаторы, начиная

с XIII в., обосновались в прибрежной части Крыма (западное, восточное побережье, Южный берег Крыма, устье Дона). Здесь ими были основаны города и фактории для ведения торговой деятельности. Основным и главным городом была Каффа — столица владений (Феодосия), затем Солдайя (Судак), Боспор (Керчь), Чембала (Балаклава), на Дону — Тана (Азов) и другие города. Торгово-экономическая жизнь в Крыму процветала. Постепенно генуэзцы окончательно вытеснили венецианцев из Крыма и стали безраздельно управлять всей черноморской торговлей.

Через портовые города Крыма перевозились товары из восточных и северных регионов, например из Средней Азии, Поволжья, Индии и Московии. Страны Европы и, в особенности Константинополь, обеспечивались в основном за счет продовольственных товаров, поступавших из Крыма. В больших количествах в Византию отправлялись зерновые культуры, такие как просо, ячмень, пшеница, а также соленая и сушеная рыба. Одним из главных и основных видов торговли у генуэзцев была работоторговля. В Каффу свозились невольники из различных регионов, продавались и отправлялись во многие страны.

Через генуэзские торговые колонии шел товарообмен между Золотой Ордой и странами Европы. Важным пунктом экспортной торговли Золотой Орды были зерновые культуры и хлеб, а также крупный и мелкий рогатый скот. Всегда были востребованы икра и рыба осетровых пород, шкуры и меха, мёд, соль и самым главным пунктом торговли были рабы. Из Европы в Золотую Орду везли разнообразные ткани, драгоценные металлы, вина, масла и др.

В результате политических изменений и постепенно нарастающей тенденции к началу распада Золотой Орды, в начале XV в. Крымский Юрт начинает обособливаться от Золотой Орды и набирать силу. Таким образом, в Крыму сформировалось и возникло новое политическое образование — Крымское ханство, которое постепенно стало отдельным, особым государством. Оно расположилось в степной и предгорной частях Крымского полуострова.

В 1475 г. Крым был завоеван Османской империей. Все генуэзские колонии (прибрежная часть полуострова), территории княжества Феодоро в горном Крыму, а также Керченский и Таманский полуострова вошли в состав османских владений и образовали

санджак Кефе, преобразованный в XVI в. в эялет. Управление этим эялетом осуществлялось непосредственно султанской администрацией. Османы установили свои гарнизоны на подвластных территориях Крыма. В городах и селениях были турецкие чиновники, которые строго следили за порядком и сбором налогов. Крымское ханство, располагавшееся в степной и предгорной частях Крымского полуострова стало вассалом Османской империи.

Крымский полуостров, благодаря удачному географическому положению во все времена был вовлечен в активные торговые отношения, являлся важным связующим звеном между Западом и Востоком. Через Феодосию, Судак и Азов проходили торговые пути, связывавшие средиземноморские страны со странами Востока. В Крыму все сухопутные торговые караванные маршруты заканчивались и начинались морские. С древнейших времен через Крым проходили многие морские транзитные дороги, которые соединяли страны, народы и государства. Море с удобными бухтами, устьями рек и проливы — все это создало благоприятные условия для принятия и отправки судов и кораблей. Страбон отмечал: «Город [Феодосия] ... обладает гаванью, могущей вместить 100 кораблей». «... На восточной стороне города [Пантикапей] находится гавань и верфи приблизительно на 30 кораблей». «... между Феодосией и Пантикапеем... город с прекрасной гаванью под названием Нимфей» (Страбон 1964: 283).

С другой стороны, Крымский полуостров, несмотря на небольшую территорию, обладает уникальными природными условиями и различным климатом. Он соединяет в себе и плодородные равнины и горные массивы, степи во внутренней части полуострова и неповторимую природу Южного берега. Благодаря выгодным погодным условиям, богатому растительному и животному миру, а также близости моря, и наличию ряда промысловых рек, здесь активно развивались земледелие, садоводство, виноградарство, скотоводство, рыболовство, различные ремесла и главным образом торговля.

Таким образом, географические и климатические особенности, помогали и благоприятствовали быстрому развитию Крымского полуострова, способствовали расширению экономических связей и торговли.

С приходом османов в Крым в 1475 г., достигшая невероятного расцвета при генуэзских колонизаторах торговля немного замирает. Мартин Броневский так описывает увиденную Кефе: «Кафа или Феодосия, один из славнейших городов Таврического полуострова, очень хорошо укрепленный, основан генуэзцами. Пристань его хороша и часто посещается кораблями. Видно, что во времена генуэзцев он был очень богат и населен... Город потерял много своего блеску и величия... В нем живут теперь турки, армяне, евреи, итальянцы и греки; его торговля и пристань и теперь еще известны в Тавриде... В Кафу плывут корабли с ближайших и далеких островов греческих; но чаще всего из Константинополя, потому что суда могут приходить оттуда, при попутном ветре, в два дня, или несколько более» (Броневский 1867: 348).

Постепенно торгово-экономическая жизнь региона оживает и начинает даже превосходить уровень генуэзского периода. Таким образом, в османский период истории Крыма торговые отношения продолжают развиваться, Крым не утрачивает свои позиции в экономической жизни региона и является важным центром международной торговли. По сравнению с XV в. не претерпела существенных изменений и структура внешней торговли. В ней по-прежнему заметное место занимала продажа зерна, скота, кож, морепродуктов, а на первом месте стояла торговля рабами. Через порты Крыма (Кефе, Керчь и др.), бывшие генуэзскими торговыми колониями, а теперь ставшие владениями османского султана, сюда поступали товары из Османской империи и разных стран, а также проходили транзитные пути во все прилегавшие регионы. Кроме этого товары крымского местного производства были популярны, востребованы и экспортировались в Османскую империю и страны Европы и Азии. Так, например, префект Кефе Эмидио Дортелли д'Асколи в 1634 г. пишет: «Каффа изобилует мясом, винами, птицей, рыбой, молочными скопами и плодами, а зимой углем и дровами. В город через ворота Татарии ежедневно въезжают 500, 600, 900 и до тысячи телег, а под вечер ни на одной из них не остается ничего для продажи ... поэтому Каффа очень бойкий торговый город, куда съезжаются купцы и Константинополя, Азии и Персии». (д'Асколи 1902: 118).

Одним из главных поставщиком различных товаров в эялет Кефе, и далее в различные страны, являлось Крымское ханство.

В 20-е гг. XV в. в результате ослабления Золотой Орды, в Крыму образовалось Крымское ханство, как отдельное государство. Как известно, с приходом османов в Крым оно попадает в вассальную зависимость от Османской империи. В это же время происходит постепенный переход татар Крыма к оседлости и освоению оседлого земледелия. Говоря о вопросе развития сельского хозяйства татар, следует разделять характер ведения сельского хозяйства татарами, так как существовал ряд различий. Татары, которые проживали на Крымском полуострове, т. е. внутри его, перешли к оседлости значительно раньше, чем ногайские татары, проживавшие за его пределами, которые продолжали кочевать к северу от Перекопа. Татары Крыма рано перешли к оседлости, активно развивали различные виды сельского хозяйства. Скотоводство выходит на новый уровень, широко осваивается оседлое земледелие: выращивание злаковых культур, садоводство и овощеводство, виноградарство. «...они [татары] живут все, исключая некоторых ногайцев, недавно переведенных в Крым, оседло, в домах, деревнях и городах. Они занимаются хлебопашеством, виноградарством и садоводством ...» (Тунманн 1991: 25). Сведения, содержащиеся в «Камеральном описании Крыма 1784 г.» (Лашков 1897: 36–40), подтверждают факт оседлости татар Крыма многочисленным количеством деревень и городов на территории Крымского ханства.

Основываясь на турецких дефтерах XVI в. (Başbakanlık Osmanlı Arşivi, Tahrir defterleri № 214; № 370), материалах российских архивов (РГА ВМФ. Ф. 197), путевых заметках путешественников (Эвлия Челеби 1999; Зуев 1783; Сумароков 1803; 1805), сведениях иностранных послов, дипломатов и чиновников (Броневский 1867; д'Асколи 1902), посетивших Крым в разные времена, можно проследить и исследовать торгово-экономические отношения Крымского ханства и санджака, а затем эялета Кефе в XVI–XVIII вв., а именно — рассмотреть импорт и экспорт товаров, развитие местного производства и ремесел.

Через эялет Кефе постоянно проходило и перемещалось огромное количество разнообразных товаров и продуктов, очень многие из которых поставлялись в города эялета Кефе татарами из Крымского ханства. Они охватили большой спектр товаров импорта для эялета Кефе.

Экономическая политика Крымского ханства, главным образом, была ориентирована на работоторговлю и экспорт сельскохозяйственной продукции. К экспортным товарам относились зерновые культуры, скот, соль, фрукты и овощи, табак, кожа и пр.

Таким образом, из Крымского ханства в города эялета Кефе, такие как Кефе, Керчь, Азов, Тамань экспортировались следующие товары:

1) Зерновые культуры.

Татары Крыма довольно быстро освоили земледелие, и в этом им благоприятствовали плодородная крымская земля, и соседи — греки и генуэзцы, у которых земледелие было хорошо развито. Татары сразу начали сажать различные виды зерновых культур. «Крымские татары культивируют сами и при помощи своих невольников почти все сорта хлебов, главным же образом пшеницу, ячмень и просо, особенно крупнозернистое, красное и желтое, а также немного ржи, овса и чечевицы...» (Тунманн 1991: 22).

2) Скот и птица: быки, бараны, волы, овцы, козы, ягнята, лошади и верблюды, а также куры. «...у них [крымских татар] большие стада скота и овец, среди которых знаменитая крымская курдючная овца. У них имеются двугорбые верблюды и много лошадей, не очень красивых, но быстрых, сильных и выносливых» (Тунманн 1991: 22).

3) Морская, речная засоленная и сушеная рыба, морепродукты, икра.

4) Овощи и фрукты: огурцы, тыквы, оливки, чечевица, фасоль и турецкий горох; айва, яблоки, груши, инжир, черный и белый виноград, сливы, персики, орех, дыни и арбузы. Искусство садоводства и виноградарства татары также переняли у греков и итальянцев, и к XVIII в., как отмечал Ф. Хартахай (Хартахай 1867: 168), татары вывели много местных сортов плодовых деревьев. Виноград был местный и завезенный, и активно культивировался татарами. «...в садах своих они выращивают отличные фрукты и среди других прекрасных растений — арбузы (карпус)». (Тунманн 1991: 22).

5) Мёд и масло. Мёд давали крымские серые пчелы. Главным потребителем крымского мёда, который поставлялся из деревни Османчик, был османский султанский двор. Среди доходов крымского хана отмечены доходы с пчел и садов (Лашков 1897: 47).

6) Соль. «За замком Ор, в месте, где пустынная равнина начинается, распростерлось ослепительное озеро, из которого добывается соль, солью каффенской называемая. Соль та вывозится в Кефе, в Крым, в Стамбул и во все страны. Это соль чистая, белая, приятная на вкус, как рассол из маринада; в глыбах, на кирпичи похожие. Глыбы этой соли укладываются в кучи высокие, как горы...» (Эвлия Челеби 1996: 61). Тунманн в своем сочинении также описывает татарские соленые озера: «Неподалеку от Ора, к югу, находятся два больших соляных озера, из которых каждое имеет приблизительно две мили в окружности. Соль берут только из западного, которое поэтому называют Талал-Гёл, дозволенное озеро; другого, Харам-Гёл, запрещенного озера, не трогают, хотя оно не менее обильно. Но и из одного первого добывается более соли, чем нужно для потребления и продажи» (Тунманн 1991: 39).

7) Кожа (сафьян) и шкуры. «Во всех морских стоянках Татарии нагружают много судов воловьими и буйволовыми кожами, доставляемыми оттуда также в Италию, Фландрию, Англию и Францию». (д'Асколи 1902: 100).

8) Ткани: фетр и сукно.

9) Строительные материалы: лес, доски, бревна, уголь, глина, камни и известь.

10) И самая главная статья экспорта Крымского ханства — рабы. Татары были основными поставщиками этого товара. Совершая набеги на соседние территории, они уводили в полон огромное количество невольников. Во всех трудах и сочинениях XVI–XVIII вв. отображена сильно развитая торговля рабами у татар. Михалон Литвин, в своем трактате очень подробно описывает работорговлю у перекопских татар середины XVI в. «И хотя владеют перекопские татары скотом, обильно плодящимся, все же они еще богаче чужеземными рабами-невольниками, почему и снабжают ими и другие земли... Ведь к ним чередой пребывают корабли из-за Понта и из Азии, груженные оружием, одеждой, конями, а уходят от них всегда с невольниками... Делают это и в прочих городах этого полуострова, а особенно в Каффе. И случилось там, что толпы этих несчастных невольников отправлялись с торга прямо на корабли. Ибо этот порт удобнейшим образом граничит с морем...» (Литвин 1994: 71–73).

Представления о масштабах работорговли татар в середине XVII в. можно составить на основании данных Боплана, который говорит о 50 тысячах пленных, захваченными ими в Польше в течение всего лишь двух недель (Боплан 2004: 329).

Значительная часть поступавших в Крым невольников продавалась в городе Кефе, который являлся в XVI–XVIII вв. одним из крупнейших невольничьих рынков Европы. При чрезвычайно высокой стоимости рабов, в казну Кефе поступали доходы от пошлин и налогов от их продажи. «Самый дорогой невольник, а ими были молодые здоровые мужчины, — продавался, приблизительно, за 120 рублей, а самый дешевый — за 50, в то время как в Москве за 60 копеек можно было купить корову. Иначе говоря, один невольник стоил столько же, сколь стадо из 160 голов крупного рогатого скота» (Цит. по: Катюшин 1998: 124).

Барон де Тотт, участвовавший в одном из последних набегов на Подолию в 1769 г., очень живописно описывает возвращение татар с невольниками после набегов: «Пять или шесть рабов разного возраста, штук 60 баранов и около 20 волов — обычная добыча одного человека... Головки детей выглядывают из мешка, привешенного в луке седла; молодая девушка сидит впереди, поддерживаемая левой рукой всадника, мать — на крупе лошади, отец — на одной из запасных лошадей, сын — на другой; овцы и коровы — впереди, и все движется и не разбегается под бдительным взором пастыря. Ему ничего не стоит собрать свое стадо, направить его, заботиться об его продовольствии, самому идти пешком, чтоб облегчить своих рабов, и эта картина была бы поистине занятной, если б жадность и самая жестокая несправедливость не составляли ее содержания» (Цит. по: Катюшин 1998: 122).

Большинство экспортируемых татарами товаров, отправлялось в Кефе или другие города эялета, а оттуда уже в Стамбул и прочие регионы. В данном случае обе стороны получали свою выгоду от связывавших их торговых отношений. Крымское ханство сбывало свои товары, обогащалось, имея хорошую прибыль; османский султан, чьими владениями являлся эялет Кефе, также извлекал прибыль; города и управляющие структуры эялета Кефе получали доход от многочисленных торговых сборов и пошлин.

Таким образом, развивалась внешняя ветвь торгово-экономических отношений Крымского ханства и эялета Кефе, принося взаимную выгоду всем участникам торгового процесса.

Помимо экспортного товарооборота между Крымским ханством и эялетом Кефе, когда большая часть товаров шла в основном транзитом из Крымского ханства через города эялета Кефе в различные страны и регионы, также поддерживались местные, внутренние торговые связи между татарами и крымскими османами. Очень часто такая торговля состояла из обмена собственными товарами, и в этом случае города эялета Кефе играли роль местных рынков.

Крымское ханство для обмена на местном рынке предлагало практически те же товары, что и на экспорт. Это были: зерновые злаки — пшеница, ячмень, просо; скот и продукты животноводства: мясо курдючный жир; фрукты и овощи, соль, мука, масло, мёд, рыба, уголь и лес, кожи, шкуры, шерсть.

Наибольший спрос у татар был на ткани, материи, сукно, шелк. Ткани привозились в Кефе из Стамбула, а также в самом Кефе были фабрики по производству парчи и тафты.

У татар Крымского ханства с переходом к оседлому образу жизни развиваются некоторые отрасли ремесел. Так, например, сильно ценились за пределами Крыма и поставлялись в Османскую империю, в Московию и на Восток крымские татарские кинжалы и ножи, произведенные в Бахчисарае и Карасубазаре. В Бахчисарае производили огнестрельное оружие. В Карасубазаре делали селитру для пороховых заводов Кефе. В Гезлеве и Карасубазаре выделывали шкуры и кожи, а также очень известным товаром были крымские седла.

Торгово-экономические связи Крымского ханства и эялета Кефе развивались довольно интенсивно и взаимовыгодно. Торговое сотрудничество распространялось как на внешний, так и на внутренний рынок потребления. Товары, произведенные Крымским ханством, через порты эялета Кефе экспортировались во многие страны и регионы. Необходимые продукты и товары, через Кефе и другие торговые города эялета, доставлялись в Крымское ханство.

Список литературы

Başbakanlık Osmanlı Arşivi, Tahrir defterleri № 214. 1542. 269 s.; № 370. S. 473–499;

Боплан Г.Л. Описание Украины. М.: Древлехранилище, 2005. 576 с.

Броневский М. Описание Крыма // Записки Одесского общества истории и древностей. 1867. Т. VI. С. 333–367.

д'Асколи Д. Описание Черного моря и Татарии // Записки Одесского общества истории и древностей. 1902. Т. XXIV. С. 89–180.

Зуев В. Выписка из путешественных записок Василья Зуева, касающихся до полуострова Крыма. 1782 года // Месяцеслов исторический и географический на 1783 год. СПб., 1783. С. 122–169.

История татар с древнейших времен: в семи томах. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). 1056 с.

Катюшин Е. Феодосия, Каффа, Кефе. Феодосия: Изд. дом «Коктебель», 1998. 160 с.

Лашков Ф. Ф. Камеральное описание Крыма // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. 1897. № 3. С. 36–64.

Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. М.: Изд-во МГУ, 1994. 126 с.

РГА ВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 65. «Ведомости о приходящих и отходящих, к портам разных наций купеческих и казенных судах с разными материалами и другими товарами...».

Страбон. География. Л.: Наука, 1964. 957 с.

Тунманн И. Крымское ханство. Симферополь: Изд-во Таврия, 1991. 96 с.

Хартахай Ф. Исторические судьбы крымских татар // Вестник Европы. 1866. июнь. С. 182–236; 1867. июнь. С. 140–174.

Эвлия Челеби. Книга путешествий. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме 1666–1667 гг. / Пер. и комм. Е. В. Бахревского. Симферополь: Дар, 1999. 141 с.

Эвлия Челеби. Сейяхатнаме — Книга путешествий. Симферополь: Таврия, 1996. 185 с.

БЕК БУЛАТ: ИЗ ПОЛКОВОДЦА В МЯТЕЖНИКИ

Аннотация: Статья посвящена Бек Булату, одному из первых мятежников во время противостояния хана Токтамыша с Аксак Тимуром. В этот период Золотая Орда вновь столкнулась с политической нестабильностью. Первым и главным среди претендентов на центральную власть выступил Бек Булат. Он интересен тем, что в начале своей карьеры был одним из полководцев Токтамыша, но в дальнейшем предал своего сюзерена. Противоречия между сторонниками и противниками Токтамыша были глубокими. Токтамыш провозгласил возрождение Золотой Орды как во времена хана Узбека и Джанибека, а его противники выступали против централизаторской политики хана и хотели сохранить влияние кланов, чтобы власти беклярибека и визиря не были декларативными. Противники Токтамыша в своих целях хотели использовать противостояние с Тимуром и установили с ним связь. Во время решающей битвы на Кондурче в 1391 г. они предали Токтамыша, за что в последующем им и были казнены.

Ключевые слова: Золотая Орда, Бек Булат, хан Токтамыш, Тимур, Сарай.

Abstract: The article is devoted to Bek Bulat – one of the characters in the Golden Horde history of the end of the 14th century and one of the first traitors during the confrontation between khan Tokhtamysh and Aksak Timur. During this period, the Golden Horde again faced political instability. Bek Bulat was the first and foremost among the contenders to the central power. His figure is interesting because at the beginning of his career, he was one of Tokhtamysh's military commanders and his relative, but later he betrayed his suzerain. His story helps us to understand Edigu and his supporters. For if Bek Bulat would not be destroyed in 1392, possibly it would be he who would become the arbiter of fate in the early 15th century.

Tensions between Tokhtamysh's supporters and opponents were profound. Tokhtamysh proclaimed the revival of the Golden Horde of the times of khans Uzbek and Janibek, but his adversaries opposed Tokhtamysh's policy aimed at centralizing power. They wished to maintain influence of clans in order to prevent beklyaribek and vizier's power to become declarative. To accomplish their goals Tokhtamysh's adversaries tried to use his confrontation with Timur and came into contact with the latter. They betrayed Tokhtamysh during the decisive battle on Kondurcha in 1391, and later he executed them for this treachery.

Key words: Golden Horde, Bek Bulat, khan Tokhtamysh, Timur, Saray.

Хан Токтамыш борясь за власть в Золотой Орде со второй половины 70-х гг. XIV в. (Миргалеев 2003) покончил с политической смутой, которая происходила на протяжении около 20 лет. Причиной смуты можно назвать целый комплекс проблем, однако первопричиной было прекращение рода Бату, основной правящей династии. Остальные причины только усугубляли кризис. Токтамышу удалось к концу 1380 г. полностью взять под свой контроль всю

территорию Золотой Орды. С него начинается эпоха правления линии Тукатимуридов из джучидской династии. Хотя Шибаниды также смогли обосновать свои права и даже участвовать в борьбе за золотоордынский трон и позже править в Западной Сибири. Однако Тукатимуриды правили основными татарскими ханствами, будь это Крымское или Казанское ханство¹.

Однако даже после того как было покончено со смутой, ее отголоски не оставляли Токтамыша. Как известно, главная проблема Токтамыша заключалась в противостоянии с эмиром Тимуром. Именно в период его противостояния с Аксак Тимуром Золотая Орда вновь столкнулась с политической нестабильностью. Первым и главным среди претендентов центральной власти выступил Бек Булат.

В нашей работе, посвященной анализу письменных и нумизматических данных по Бек Булату (Миргалеев 2004), мы уже рассмотрели некоторые вопросы, связанные с Бек Булатом, и особенно вопрос об идентичности Бек Булата с Бек Пуладом, возникший благодаря некоторым разночтениям нумизматических и письменных источников.

Бек Булат интересен тем, что в начале своей карьеры был одним из полководцев Токтамыша, но в дальнейшем предал своего сюзерена. Только после того как Токтамыш в 1392 г. смог ликвидировать наиболее видных противников, из среды собственных татарских феодалов в антитоктамышевском лагере татарской аристократии возвысились Тимур-Кутлук и Идегей. Личности яркие и крайне противоречивые. История Бек Булата в том числе помогает понять и Идегея, ведь если в 1392 г. не был бы уничтожен Бек Булат и его сторонники, то, возможно, именно он бы был вершителем судеб в начале XV в.

С начавшимися неудачами во внешней политике, разные кланы в лагере противников Токтамыш-хана, во второй половине 80-х гг. XIV в. начинают объединяться в группировки и активизируют свою деятельность. После смут 60–70-х гг. хозяйство страны

---

¹ Также и казахские ханы, по всей видимости, были представителями одной из ветвей потомков младшего сына Джучи-хана. Хотя вопрос еще остается открытым, выдвигаются версии, что казахские ханы могут быть потомками старшего сына Джучи, Орда-ичена или же потомками чагатаидской династии.

начало только восстанавливаться. А экономические реформы, проведенные в начале 80-х гг., еще не дали результатов, так как прошло очень мало времени. Война с Аксак Тимуром требовала больших людских и материальных ресурсов, и, самое главное, отвлекло правительство Золотой Орды от внутренних проблем.

Несмотря на сильную популярность идеологии сторонников Токтамыш-хана, экономические трудности и начавшиеся неудачи во внешней политике способствовали усилению оппозиционных настроенных групп.

Эти антитоктамышевские группировки, которые не принимали идеологию Токтамыша и отрицательно относились к его личности, преследуя различные цели, — в частности, заключающиеся в стремлении отдельных Джучидов стать ханами, изменить курс во внутренней и внешней политике, ослабить жесткую централизацию, — решили использовать в своей борьбе фактор Тимура.

Некоторые представители этих группировок убегали к Тимуру, мечтая с помощью последнего получить трон Улуса Джучи (Абдул-Гази 1906: 143). А такие как Бек Булат, использовав отсутствие Токтамыша, попытались утвердиться в одной из областей. Те группировки, которые сами находились у власти и были приближены к хану, отправляли людей к Тимуру с приглашением вторгнуться в Золотую Орду, со своей стороны обещая поднять мятеж (Березин 1850: 37).

Противоречия между сторонниками Токтамыша, которые провозгласили возрождение Золотой Орды «как во времена хана Узбека и Джанибека», и его противниками, имевшими более приземленные цели, как показывают последующие события, были весьма глубокими. Какая-то идеология была присуща и противникам Токтамыша. Эти два лагеря стали непримиримы настолько, что в итоге в их борьбе погибли и Токтамыш, и все его сыновья, и сам Идегей. Поскольку в последующем Идегей со своими подставными ханами преследовали те же цели, что и Токтамыш, во внешней политике, нужно полагать, что природа противоречий между ними лежала в отношениях к внутренним проблемам. На наш взгляд, вопрос касался чрезмерных централизаторских подходов Токтамыша и его желания править единолично. Возможно, также среди причин нужно назвать и его желание закрепить власть за своим потомством,

создав таким образом новую правящую династию, что закрывало бы путь на политический олимп остальным претендентам из Джучидов. Видимо, неспроста из большой семьи Токтамыша прямых потомков по мужской линии у него в итоге не осталось. Его противники из правящих неджучидских родов желали сохранить влияние кланов, чтобы власть беклярибека и власть визиря не были декларативными. Эти стремления вполне уживались с политикой других претендентов на высшую власть из Джучидов.

Такая обстановка и вывела Бек Булата на политическую авансцену. Ибн Халдун говорит об Оглан Булате, называя его «одним из родичей» Токтамыш-хана (Тизенгаузен 1884: 392). Без сомнения, он был Джучидом и принадлежал к тукатимуридской линии. Возможно, после победы над Мамаем он получил улус в бывшей Орде последнего. По данным русских летописей, улус Бек Булатоглана находился в верховьях Дона (Полное собрание 1965: 96). Возможно, вокруг него объединилась какая-то часть татарской аристократии Ак Орды, из бывших сторонников Мамая.

Бек Булат выступил против Токтамыша уже в конце 80-х гг. XIV в. (Миргалеев 2004; Пономарев 2011). В записях бухгалтерской книги казначейства Каффы за 1386 г. Бек Булат уже назван «Государь император» (Пономарев 2011: 20). Шереф-ад-дин Йезди упоминает Бек Булата среди татарских военачальников, отправленных для захвата Тебриза в 1386 г. (Тизенгаузен 1941: 151). Бек Булат был одним из военачальников Токтамыша, стоявших в 1388 г. на Кавказском фронте во главе татарских войск, оставленных на случай возможного нападения Тимура на Ширван или собственную территорию Золотой Орды.

На наш взгляд, когда Токтамыш-хан в 1389 г. находился на границе своего государства, в Средней Азии, группа татарских феодалов подняла мятеж, и во главе этого мятежа как раз и был Бек Булат.

Когда началась война с империей Тимура в Закавказье, вскоре был открыт и второй фронт — в Средней Азии. Войсками, находившимися на Среднеазиатском фронте в конце 1388 — начале 1389 г., командовал непосредственно сам Токтамыш-хан. Оставшимися на Закавказском фронте войсками командовал Бек Булат, который, пользуясь отсутствием Токтамыша в столице,

неожиданно поднял мятеж, но не смог взять столицу и отправился в Крым. Однако в дальнейшем был прощен (?) Токтамыш-ханом, так как был его ближайшим родственником. В последующем он участвовал в кондурчинском сражении против Тимура, где именно его предательство в очередной раз и не дало победить Токтамышу своего врага.

Отступление Токтамыша весной 1389 г. во многом было обусловлено именно необходимостью стабилизировать внутривосточную политическую обстановку в Золотой Орде, защитить столицу и подавить мятеж.

Именно внутривосточная нестабильность заставила Токтамыша снизить активность в противостоянии с Тимуром. Пока Токтамыш был занят решением внутренних проблем, Тимур захватил Ширван, и к концу 1390 г. его войска вплотную подошли к собственным границам Золотой Орды на Кавказе, взяв под свой контроль крепость Дербент. Такая ситуация, естественно, заставила Токтамыша сконцентрировать определенные воинские силы на Кавказском фронте. Токтамыш ожидал нападения именно со стороны кавказского направления и практически оголил восточные рубежи, что и стало одной из причин поражения на кондурчинском сражении.

В письме Ягайле Токтамыш сообщает, что Бек Булат взбунтовался и ушел с поля боя в 1391 г. Письмо Токтамыша написано в 795 г. х. (17.11.1392–5.11.1393). Токтамыш, перечисляя имена мятежников, среди которых фигурирует и Бек Булат, говорит, что это произошло «в прошлом году» (Березин 1850: 37). Данную версию подтверждают и арабские источники. Ибн Халдун сообщает, оглан Булат покинул ордынские войска во время кондурчинского сражения и напал на Сарай (Тизенгаузен 1884: 392–393).

Согласно письму Токтамыша Ягайле, а также данным таких авторов как Ибн Халдун, Шереф-ад-дин Йезди, Мирхонд, Хондемир (Березин 1850: 37; Тизенгаузен 1884: 392; Тизенгаузен 1941: 168; Charmoy 1836: 461, 486), Бек Булат участвовал в кондурчинском сражении на стороне Токтамыша.

Учитывая, что в письме Токтамыша говорится о тайном сношении мятежников с Аксак Тимуром (Березин 1850: 37), возможно предположить, что связь с Тимуром они установили уже давно,

скоординировав с ним и свои действия в середине 80-х гг. XIV в. Во время похода Токтамыша в Среднюю Азию в 791 г. х. (31.12.1388–19.12.1389) восстание сербедаров и туркмен поставило Тимура перед угрозой потери недавно завоеванной им Персии, и, соответственно, выхода к кавказской границе золотоордынского государства. Это позволяет объяснить возникновение его тайных контактов с полководцами Токтамыша.

Токтамыш-хан в 1389–1390 гг. находился в сложном политическом положении. Поэтому его правительство в определенной степени ослабило свою централизаторскую политику. Очевидно, между Токтамышем и Бек Булатом был найден компромисс. Возможно, были пересмотрены и приоритеты во внешней и внутренней политике.

Как утверждают источники, Токтамыш потерпел поражение преимущественно «вследствие склонности его великих эмиров к Тимуру-гургану» (Тизенгаузен 1941: 209). Примечательно, что эта же причина озвучена и в официальной версии, исходившей от правительства Токтамыша (Березин 1850: 37).

После поражения на Кондурче Токтамыш скрылся на Средней Волге, на северных окраинах Булгарского улуса, и, когда «спокойствие его водворилось, собрал войско свое и призвал на помощь народ свой, который помог ему» (Тизенгаузен 1884: 470). Токтамыш очень энергично принялся за наказание предателей, которые «отправились в пограничные области и утвердились там» (Тизенгаузен 1884: 393). Уже к началу 795 г. х. (17.11.1392–5.11.1393) «их сказнили так, што опять не будут ... пакостити» (Березин 1850: 21–22). На этот раз Токтамыш казнил и Бек Булата, который покинул хана во время битвы, напал на столицу, объявил себя ханом и начал чеканить монеты от своего имени. Но оказалось ненадолго.

Список литературы

Абдул-Гази. Родословное древо тюрков. Сочинение Абдул-Гази, Хивинского хана / Пер. и предисл. Г. С. Саблукова, с послесловием и примеч. Н. Ф. Катанова. Казань: Типо-литогр. Имп. ун-та, 1906. 336 с.

Березин И. Н. Ханские ярлыки. I. Ярлык Тохтамыш-хана к Ягайлу. Издание Кн. М. А. Оболенского. Казань: Тип. Н. Кокевина, 1850. 72 с.

Миргалеев И. М. К вопросу о Бек Булате — Бек Пуладе // Научный Татарстан. 2004. № 1/2. С. 145–149.

Миргалеев И. М. Политическая история Золотой Орды периода правления Тохтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.

Полное собрание русских летописей. М.: Наука. 1965. Т. 11–12. Патриаршая или Никоновская летопись. 520 с.

Пономарев А. Л. «Солхатская война» и «император» Бек Булат // Золотоордынское наследие. Казань: ООО «Фолиант»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. Вып. 2. Мат-лы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященная памяти М. А. Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. / Отв. ред. и сост. И. М. Миргалеев. С. 18–21.

[Тизенгаузен В. Г.] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1884. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. 564 с.

[Тизенгаузен В. Г.] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. 308 с.

Charmoy M. Expedition De Timour-i lenk ou Tamerlan contre Toqtamische, Khan de l'owous de Djoutchy, en 793 de l'hegire ou 1391 de Notre ere // Memoirer de l'Academie imperiale des sciences de Saint-Peterburg. Sixieme serie, sciences politiques, Histoire et philologie. St. Peterburg, 1836. Т. III. Р. 89–505.

КРАХ БОЛЬШОЙ ОРДЫ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ СИСТЕМЫ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ (1502–1521)

Аннотация: Целью предлагаемого исследования является анализ формирования системы международных отношений в Западном Дешт-и-Кипчаке после краха Большой Орды в 1502 г. После этого события наступил краткий период равновесия сил. Он характеризовался разграничением сфер влияния. Крымское ханство получило под свой контроль не только бывшие ордынские кочевья по правому берегу Волги, но и влияние на Западный Кавказ. Ногайская Орда получила влияние в Нижнем, а Русское государство в Среднем Поволжье. Однако уже с 1505 г. ногаи предпринимают ряд шагов, направленных на изменение этих сфер влияния. К 1510 г. мы можем зафиксировать следующую конфигурацию межгосударственных отношений в изучаемом регионе. Русское государство и Ногайская Орда борются за влияние в Среднем Поволжье, а Крымское ханство все с той же Ногайской Ордой – за Нижнее Поволжье. Поволжские ханства – Казанское и Астраханское – оказавшиеся между «молотом и наковальней», были вынуждены выстраивать свою политику, играя на противоречиях основных конкурентов. Учитывая, что главным призом в этой борьбе служил контроль за бассейном Волги – эту систему можно назвать Поволжской и отнести ее к региональной системе международных отношений, так как внимание к ней со стороны других игроков имело эпизодический характер. События 1521 г. ознаменовали кардинальную смену расстановки сил в поволжской системе международных отношений. Равновесие, которое установилось после 1502 г., характеризующееся несколькими центрами силы оказалось окончательно разрушено. Теперь отношения в регионе будут иметь вид подчеркнутого противостояния Русского государства и Крымского ханства.

Ключевые слова: межгосударственные отношения, Русское государство, Крымское ханство, Ногайская Орда.

Abstract: The purpose of the proposed research is the analysis of formation of system of international relations in the Western Dasht-i-Kipchak, after the collapse of the Great Horde in 1502 they noticed a brief period of equilibrium of forces. It was characterized by the delimitation of spheres of influence. The Crimean khanate was under the control of not only the former Horde encampments on the right Bank of the Volga and influence in the Western Caucasus. The Nogai Horde got the effect at the Bottom, and the Russian state in the middle Volga region. However, about 1505 Nogais taking a number of steps to change these spheres of influence. On the 1510 we can fix the following configuration of interstate relations in the region under study. The Russian state and the Nogai Horde are fighting for influence in the middle Volga region and the Crimean khanate, the Nogai Horde in the Lower Volga region. Volga khanate of Kazan and Astrakhan – caught „between the hammer and the anvil” was forced to build its policy, playing on the contradictions of its main competitors. Given that the main prize in this struggle was the control of the Volga – this system can be called the Volga and deliver it to the regional system of international

relations, as the attention the other players were sporadic. Events 1521 marked the drastic shift of the balance of power in the Volga system of international relations. The balance that was established after 1502, characterized by multiple centers of power was finally destroyed. Now relations in the region will be underlined in view of the confrontation of the Russian state and the Crimean khanate.

Key words: inter-state relations, the Russian state, the Crimean khanate, the Nogai Horde.

Межгосударственные отношения во второй половине XV в. в Восточной Европе переживали этап становления. Старые связи разрушались, создавались новые союзы. Эти процессы в значительной степени были связаны с рождением новых и отмиранием старых государств. Глобальное значение для судеб региона стало постепенное умирание Улуса Джучи — Золотой Орды. Еще в течение 90-х гг. XV в. был образован антиордынский военный союз, в который входили Русское государство, Крымское и Казанское ханства, Ногайская Орда. В военной стратегии союзники придерживались тактики тревожащих набегов на ставку и улусы, которые приводили не столько к уничтожению живой силы противника, сколько отгону коней, захвату улусных людей, вытаптыванию пастбищ. Все это способствовало ослаблению и без того хрупкой экономической системы кочевников (Моисеев 2015: 164). В конце концов Большая Орда не выдержала и прекратила свое существование, на ее обломках образовалось Астраханское ханство, которое почти сразу попало под контроль Ногайской Орды (Зайцев 2004: 30–62; Трепавлов 2010: 76–100; Collins 1970: 83–287). С другой стороны, Крымское ханство получило под свой контроль не только бывшие ордынские кочевья по правому берегу Волги и влияние на Западный Кавказ, но также и заметный приток населения, что привело демографическому подъему и усилению военного потенциала (Пенской 2010: 57–59). Русское государство получило контроль за Средним Поволжьем, и этот режим поддерживался Крымским ханством. На непродолжительное время установилось равновесие. Этот период характеризуется развитием русско-крымских союзных отношений, направленных против Великого княжества Литовского. В 1503–1506 гг. крымцы совершали набеги, нередко заходя вглубь литовской территории (Пилипчук, Несин 2016: 422–438). Например, в 1506 г. татары дошли до истоков Немана и были разбиты князем М. Глинским под Клецком (Полное собрание 2003: 143). В это же время Ногайская Орда начинает

проводить политику, конечной целью которой было стремление взять под свой контроль Среднее Поволжье. В 1505 г. при поддержке ногаев в Казани произошел переворот, последовавшая за ним казанско-русская война 1505–1506 гг. не закончилась решительной победой ни одной из сторон, но привела к тому, что Казанское ханство вышло из-под контроля Москвы. Не ясно насколько глубоким этот успех оказался для Ногайской Орды, но с 1509 г. заметно стремление ногаев взять под свой контроль и кочевья, раскинувшиеся по правому берегу Волги, которые принадлежали Крымскому ханству. В 1509 г. ногаи разгромили Менгли-Гирей-хана. В бою погибло два его сына, сам же хан «едва утече». В 1510 г. Менгли совершил ответный удачный поход на ногаев. В 1511 г. Менгли-Гирей-хан был в походе на «Волохи», там он узнал, что «...нагайские Татары землю въсю поплениша, жены и дети побраша». Это известие заставило хана свернуть поход и устремиться в свою землю (Полное собрание 2003: 144–145). Соображения борьбы с Крымским ханством за правобережье Волги ставили вопрос о контроле за волжскими перевозами и, в целом, за низовьями реки. Достичь этого было можно, только подчинив себе Астраханское ханство. Однако решить эту проблему ногаи так и не сумели, в первую очередь из-за того, что с 1510 г. в орде началась длительная междоусобная борьба (Трепавлов 2002: 144–154).

Таким образом, к 1510 г. мы можем зафиксировать следующую конфигурацию межгосударственных отношений в изучаемом регионе. Русское государство и Ногайская Орда борются за влияние в Среднем Поволжье, а Крымское ханство все с той же Ногайской Ордой — за Нижнее Поволжье. Поволжские ханства — Казанское и Астраханское — оказавшиеся между «молотом и наковальней», были вынуждены выстраивать свою политику, играя на противоречиях основных конкурентов. Учитывая, что главным призом в этой борьбе служил контроль за бассейном Волги — эту систему можно назвать Поволжской и отнести ее к региональной системе международных отношений, так как внимание к ней со стороны других игроков имело эпизодический характер.

Новый этап борьбы между тюрко-татарскими государствами в Нижнем Поволжье, очевидно будет связан с ходом внутренней борьбы в Ногайской Орде. Летом-осенью 1514 г. в ногайский

конфликт вмешался хаджитарханский/астраханский хан Джанибек б. Махмуд. Он послал посла к Алчагир-мирзе, Саид-Ахмед-мирзе, Мамай-мирзе, Кель-Мухаммеду б. Алчагиру. Суть предложений хана сводилась к совместной войне с Шейх-Мухаммедом одного из претендентов на верховную власть в Ногайской Орде. Не дожидаясь ногайских отрядов, Джанибек-хан вместе с Хаджи-ке-султаном, его детьми и Мустофар-султаном обрушились на кочевья Шейх-Мухаммеда и разгромили его. Улус побежденного из 10 000 человек достался победителям. Сам мирза едва спасся бегством с отрядом из 19 человек.

Подобный шаг астраханских династов вызвал у Алчагира недовольство. Он потребовал ограбить участников похода и то имущество отдать ногаям. Джанибек-хан проигнорировал предложения Алчагира. В результате между ногаями и астраханцами углубились противоречия. В свою очередь в конфликт вмешалась и северокавказская Тюмень, куда на «княжение» был приглашен проигравший ногайский претендент Шейх-Мухаммед. Это было отрицательно воспринято в Астрахани. Однако союз с ногаями не удался. Зимой 1515 г. они осадили Астрахань, занять город они не смогли, а при отступлении астраханцам удалось разбить кочевников. Осенью 1515 г. крымский хан Мухаммед-Гирей также напал на ногаев, вынудив их покинуть правый берег Волги. Итак, к 1515 г. можно заметить, что влияние ногаев на Нижнее Поволжье ослабело. Однако новая конфигурация сил была еще не очевидна, хотя можно предположить усиление позиций Астраханского ханства, что было связано с активными и успешными действиями хана Джанибека.

Серьезные коррективы в складывающуюся Поволжскую систему международных отношений внесло казахское нашествие 1519 г. Казахстанский историк Нурлан Атыгаев отметил, что после того как казахские правители заключили перемирие с Мухаммед Шейбани-ханом в 1495/1496 г. сменился вектор внешней политики казахов. Они начали борьбу с ногаями за «пастбищные территории и подданных». Это противостояние с переменным успехом шло в 1503–1509 гг. (Атыгаев 2015: 299–301).

В июле 1519 г. в Москве от посла в Турцию Б. Я. Голохвастого стало известно о затруднениях ногаев. Шейх-Мухаммед прислал посла к Мухаммад-Гирей-хану, который сообщил о вытеснении

ногаев казахами. Крымский хан проявил озабоченность происшедшим. Он отправил к ногаям своего посла с предложением, что если ногаи хотят переправиться на правый берег Волги, «беречься от недругов с одного» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1: 124об.). Ногаи приняли предложение крымского хана и начали эвакуацию со своей стороны Волги. Астраханский хан Джанибек вмешался и перекрыл ногаям переправу. Он потребовал, чтобы ногаи заключили с ним мир и выдали крымского посла. Шейх-Мухаммед пошел на требования астраханцев (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1: 127об.). Однако это их не умиротворило: начались столкновения. Бий Шейх-Мухаммед погиб в сражении, его улусы были захвачены. Ногайская знать бросилась бежать. Так, два ногайских мирзы с женами бежали в Азов (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1: 130об. — 131, 135об.). Саид-Ахмед-мирза жестоко отомстил астраханцам за их вероломство. Он убил Муззофар-султана и еще семь султанов, вернул захваченные улусы, а также захватил астраханский улус, так, что в результате «только один город остался» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1: 135об. — 136). В. В. Трепавлов полагает, что в результате мести Саид-Ахмеда почти полностью была уничтожена местная большеордынская колония (Тихомиров 1945: 159).

В результате похода казахов в 1519 г. Ногайская Орда перестала существовать. Ногайская знать в основном эмигрировала в Крымское ханство. Во главе ногайской диаспоры в Крыму стал Мамай-мирза (Трепавлов 2002: 300). Мухаммед-Гирей-хан представлял дело так, будто ногаи стали его подданными. Это событие позволило крымскому хану пойти на резкий пересмотр всей системы международных отношений сложившихся к этому времени. Главной мишенью для него стал контроль над Поволжьем, а начало было положено вмешательством в казанские дела.

В июне 1517 г. казанский посол сообщил о тяжелой болезни Мухаммед-Эмина и попросил снять опалу с Абд ал-Летифа и «его учинить царем в Казани», в обмен обещалось, что и хан, и вся Казанская земля принесут присягу в том, что им «без великого князя ведома на Казань царя и царевича никакова не взяти». 19 ноября 1518 г. стало известно, что Абд ал-Летиф умер, а 29 декабря 1519 г. в Москву пришло известие о смерти Мухаммед-Эмина. На опустевший казанский престол был послан Шах-Али, с кандидатурой которого казанцы

первоначально были согласны. Однако весной 1521 г. Шах-Али был изгнан из Казани, а на престол возвели Сахиб-Гирей. Главную вину за происшедшее русские власти возлагали на Шах-Хусейн-сейида, который вел переговоры в Москве в 1517 г. и лично написал условия шертования Казанского ханства. Такое резкое изменение конъюнктуры не могло пройти бесследно. Русское государство и Крымское ханство оказались перед лицом войны. 28 июня 1521 г. войска Мухаммед-Гирей, включавшие в себя помимо крымцев, большеордынцев и отряды ногаев, переселившихся в Крымское ханство (среди участников был и литовский военачальник Евстафий Дашкевич), переправился через Оку и разбил русский отряд. Внезапность удара (отмеченная большинством источников) объясняется тем, что от информаторов в Азове поступали сведения о резком запрете султаном похода на Москву, а сообщение о все-таки состоявшемся походе было доставлено уже после этого нападения. После этой победы крымские отряды «воевали Коломенские места». Сам хан устроил свою ставку на Северке, где стоял 2 недели. Великий князь Василий Иванович с братьями Юрием и Андреем отправился в Волоколамск, где объявил сбор сил. В Москве (по сообщению Сигизмунда Герберштейна) был оставлен шурин великого князя царевич Петр Ибрагимович (последний представитель казанского ханского рода). Мухаммед-Гирей, получивший известие о готовившемся подходе Василия III с новыми силами, 12 августа 1521 г. повернул обратно (Зимин 1972: 240–245).

События 1521 г. ознаменовали кардинальную смену расстановки сил в поволжской системе международных отношений. Равновесие, которое установилось после 1502 г., характеризующееся несколькими центрами силы, оказалось окончательно разрушено. Теперь отношения в регионе будут иметь вид подчеркнутого противостояния Русского государства и Крымского ханства.

Список литературы

Атыгаев Н. А. Казахское ханство в потоке истории. Очерки. Алматы: Елтаным, 2015. 384 с.

Зайцев И. В. Астраханское ханство. М.: Вост. лит.-ра РАН, 2004. 303 с.

Зимин А. А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI века). М.: Мысль, 1972. 452 с.

Моисеев М. В. Степные войны от Угры до ногайского погрома Крыма (1480–1522 гг.) // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. I. С. 151–186 // http://www.milhist.info/2015/11/23/moiseev_1

Пенской В. В. Военный потенциал Крымского ханства в конце XV — начале XVII века // Восток (Oriens). 2010. № 2. С. 56–66.

Пилипчук Я. В., Несин М. А. Великое Княжество Литовское и татары в период правления Александра Казимировича (1492–1506 гг.) // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. I. С. 151–186 // <http://www.milhist.info/2016/04/21/pilipchuk-nesin>

Полное собрание русских летописей. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 40. 202 с.

РГАДА. Ф. 89. Сношения России с Турцией — (коллекция) из фондов Боярской Думы, Посольской канцелярии, Коллегии иностранных дел 1718–1719 гг. Оп. 1. Кн. 1:

Тихомиров М. Н. Из «Владимирского летописца» // Исторические записки. 1945. Т. 15. С. 278–300.

Трепавлов В. В. Большая Орда — Тахт эли. Очерк истории. Тула: Гриф и К, 2010. 112 с.

Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М.: Вост. лит.-ра РАН, 2002. 752 с.

Collins L. The Fall of Shaikh Ahmed and the Fate of the people of the Great Horde. 1500–1504: A thesis submitted for the Degree of Doctor of Philosophy. University of London. London, 1970. 323 p.

ЧЕРВЛЕННЫЙ ЯР В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДЖУЧИЕВА УЛУСА

Аннотация: В данной статье рассматривается политическая история одного из улусов джучидского государства на Среднем Дону. Червлёный Яр является важной территорией в ордынском государстве, но мало изученной. С помощью различных исторических данных предпринимается попытка реконструировать события и процессы на Среднем Дону в XIII–XVI веках.

Ключевые слова: Орда, Средний Дон, Червлёный Яр, улус, политическая история, археология.

Abstract: This article examines the political history of one of the Juchid State uluses in the Middle Don area. Chervlenyi Yar is an important but little studied area in the state of the Horde. With the help of various historical data an attempt to reconstruct the events and processes in the Middle Don area in 13th–16th centuries is represented.

Key words: Horde, Middle Don, Chervlenyi Yar, ulus, political history, archaeology.

Междуречье Среднего Дона и Хопра представляет собой значительный по масштабу исторический регион эпохи ордынского периода, однако, малоизученный с позиций истории развития ордынского государства. К сожалению, до сих пор нет единого комплексного исследования данной территории в указанный период. Кроме того, важной частью истории Улуса Джучи является локализация улусов князей, определение статуса и роли различных территорий, которые входили в державу Чингизидов. При этом значительные научные наработки в сфере археологии и изучения письменных источников позволяют реконструировать ряд событий и процессов.

Среди исследователей ордынских древностей рассматриваемого региона можно выделить дореволюционных археологов А. Я. Кожевникова, М. П. Трунова. Затем, уже в послевоенное время, начиная с исследований В. П. Левашовой, шло постепенное накопление археологических источников. Воронежскими археологами в лице А. Т. Синюка, А. З. Винникова, Ю. П. Матвеева, В. И. Погорелова, М. В. Цыбина, В. Д. Березуцкого, К. Ю. Ефимова, А. А. Бойкова, В. В. Кравца, а также волгоградскими учеными Е. В. Кругловым

и В. М. Клепиковым в результате раскопок погребальных памятников были собраны представительные археологические коллекции. Отдельно следует выделить нумизматов, работавших с материалами среднедонских коллекций: Г. А. Федоров-Давыдов, В. П. Лебедев, Е. Ю. Гончаров, С. И. Милованов. В числе историков, напрямую касавшихся в своих работах территории Среднего Дона, стоят В. Л. Егоров, А. А. Шенников, В. П. Загоровский, А. О. Амелин, Ю. В. Селезнев.

Несмотря на то, что бассейн Дона относят к центральным районам Улуса Джучи (Егоров 2010: 91), в целом, однако, политическая история региона в условиях подчинения Орде не рассматривалась. Освещению данного аспекта и посвящена эта работа.

В первую очередь необходимо отметить значимость донского речного маршрута с экономической точки зрения. К примеру, в своем исследовании С. И. Милованов подчеркивает, что с XIII в. из-за изменения направления торговых связей Рязанской земли «роль посредницы между русской и азиатской торговлей перешла на Золотую Орду», а, как следствие, основное значение в это время приобретает торговый путь по Дону (Милованов 2010: 6). Подобное особое значение данной территории в экономическом плане должно было обеспечить ее важность и в политическом отношении. Помимо речного пути, вдоль берегов Дона проходило также два сухопутных маршрута — Ногайская и Кальмиусская дороги (Загоровский 1969: 52).

Дон являлся не только торговой артерией, но и крупным естественным географическим рубежом, представляя собой условную административную границу между княжествами и улусами. Среди письменных источников нас в первую очередь интересуют грамоты митрополитов Феоноста и Алексия, в которых раскрывается спор между Рязанской и Сарайской епархиями за право осуществлять свои полномочия на территории «Червленого Яра». Так, Ю. В. Селезнев на основе данных этих письменных памятников о социальной иерархии наделенных властью лиц Орды, гарантированности четких административных границ указанной территории и обязанности местного населения выплачивать дань счел возможным охарактеризовать ее как улус-тумен (Селезнев 2012: 26–32). Территорию «Червленого Яра» можно определить как междуречье Дона

и Хопра. «Благословение Алексия Митрополита всея Руси, ко всем христианам, обращающимся в пределах Червленого Яра и по караулам возле Хопра, до Дона...», — говорится в грамоте митрополита Алексия на Червлёный Яр (Акты исторические 1841: 19).

Рассмотрение политических событий, непосредственно связанных с рассматриваемым регионом, вполне закономерно начать с завоевания Северо-Восточной Руси, которое, по сути, и началось со Среднего и Верхнего Дона. В 6745 (1237) г. «пришел безбожный царь Батый на Русскую землю со множеством воинов татарских и стал станом на реке на Воронеже, близ Рязанской земли» (Повесть о разорении Рязани 1981: 184).

Следует учесть, что на момент нашествия пределы Рязанских земель протянулись по Дону, начиная от его верховий, в районе Куликова Поля, и далее, вниз по течению. Среди самых южных пунктов рязанских владений на р. Дон может быть названо Семилукское городище, интерпретируемое как сторожевая крепость и административный центр сельской округи (Тропин 2006: 260). Достаточно важным является упоминание в письме монаха Юлиана некоего замка *Ovcheruch*, на южной границе Руси, близ Дона. Это обстоятельство свидетельствует о движении войск завоевателей непосредственно по водоразделу Дона, по левому берегу реки (Аннинский 1940: 86). Русское население донских территорий должно было первым столкнуться лицом к лицу с новыми хозяевами восточноевропейских степей.

На берегах Волги после завоевания Руси находились кочевья сына Бату, Сартака, к которому в 1253 г. прибыло посольство от французского короля во главе с Гильомом де Рубруком. Примечательно, что посольство должно было проследовать по территории «Червленого Яра», т. к. по пути к Сартаку, расположившегося между Доном и Волгой, переправлялось через Дон в его среднем течении (Кожемякин 1966: 46–52). Есть основания считать исходной точкой похода Неврюя, в 1252 г., именно территорию кочевий Сартака, по приказу которого, как можно судить по свидетельству Воскресенской летописи, этот поход и состоялся (Полное собрание русских летописей 1856: 159). Об участии населения Среднего Дона в походе Неврюя сведений нет, однако на уровне гипотезы мы можем считать это вероятным.

Значительное отражение на Среднем Дону перипетии большой политики должны были найти в событиях, связанных с противостоянием хана Токты (Тохты) и беклярбека Ногая. Зимой 1297/1298 г. Токта с войсками подошел к Днепру, однако, реку не форсировал и военного столкновения не произошло. Весной хан отступил к Дону. Из восточных источников, в частности, «Джами ат-Таварих», мы знаем, что на берегу Дона располагалась ставка Токты («сделал летовку на берегу [реки] Тан»). Ногай же стремительно выдвинулся в направлении противника с целью внезапного нападения. Тем не менее, Токта успел организовать свои силы и двинулся навстречу. Сражение произошло в местности Яса (Аксай) или Бахтияри (Яхшимари). Токта был разбит, часть его войск при отступлении утонула в водах Дона (Рашид ад-Дин 1960: 85).

В данном случае точное место расположения ставки и места битвы нам не известно, однако значимым здесь является тот факт, что земли к востоку от Дона явно остались за законным ханом, после того, как Ногай получил всю полноту власти к западу от Дона. Скорее всего, когда Тохта в первый и во второй раз собирал армию против Ногая, вассалы из Червленого Яра не могли остаться без участия в этом конфликте (Почекаев 2010: 77). Десятилетия мирной жизни в придонских степях явно были нарушены, что должно было сказаться на стабильности жизни. Однако такого археологического маркера опасности, как клады, которые относились бы к указанному времени, на наших территориях не выявлено. Данный факт заставляет предполагать, что боевые действия Среднее Подонье не затронули, либо речь идет лишь о том, что эти территории остаются пока недостаточно изученными в археологическом плане.

Следующие десятилетия в Орде характеризуются относительной политической стабильностью. Правление Узбека и Джанибека традиционно считается «золотым веком». Именно на этот период приходится увеличение числа археологических памятников: поселений, долговременных могильников и таких монументально-архитектурных объектов, как мавзолеи. Как раз в центре Червленого Яра, на реке Битюг, — территориально, примерно на равном удалении, от Дона и от Хопра, — располагались два мавзолея, которые можно уверенно датировать XIV в. (Цыбин 2005). В контексте

региональной истории достаточно интересным является тот факт, что население междуречья Дона и Хопра в XIV в. в этическом плане было неоднородным. Это было установлено в ходе предварительных антропологических исследований. Так, антропологический материал из элитных захоронений, как раз представленных погребениями в мавзолеях, характеризуется чертами, свойственными южносибирским популяциям, которые, очевидно, и составляли основу кочевого и значительную часть городского населения Орды. Для европеоидного населения, представленного материалами Новохарьковского грунтового могильника, отмечается северокавказское происхождение, в то же время морфология нескольких черепов из Таганского грунтового могильника находит аналогии среди субстратных европеоидных популяций Восточной Европы (Казарницкий 2013).

События периода «Великой замятни» в той или иной степени затронули все земли джучидского государства, в том числе и Червлёный Яр. В начале 1360-х гг. сарайским ханом Мурадом была предпринята попытка распространить свою власть на более обширные территории. Так, была одержана победа над претендентом на власть Кильдибеком. Несколько позже, уже в Подонье Мамаю удалось разбить войска Мурада и вытеснить его в левобережье Волги. После этого Мамай стал властителем в междуречье Волги и Дона. Вскоре темнику удалось взять столицу Орды на некоторое время (с 1368 г.), после чего на столичном монетном дворе появляются монеты с именем Хасана.

Приводимые сведения касаются рассматриваемой территории по причине ее относительной близости к поволжским городам, в которых как раз и происходила ожесточенная борьба за власть. Собственно же территории Верхнего и Среднего Подонья в данный период исследователи включают в состав так называемой «Мамаевой Орды», которая просуществовала до 1380 г. Примечательно также, что если Олег Рязанский признал власть Мамаю около 1367 г., то такое положение продлилось как раз до 1380 г. (Амелькин, Селезнев 2011: 97–99).

При этом приведенные рассуждения подтверждает нумизматический материал с сопредельных территорий (Верхний Дон). Так, известно несколько кладов, относящихся к описываемому

периоду: Каменка, клад I (ок. 1364), Елецкий уезд, клад (ок. 1366), Лобаново, Ефремовский уезд, кошелек (ок. 1366), Семилуки, клад-кошелек, (1368) (Гончаров 2011: 12–13). Таким образом, датировка кладов косвенно указывает на время политической нестабильности в регионе. Следующие по хронологии клады будут относиться только ко времени «Куликовской битвы».

На денежное обращение явно влияли политические события как в самой Орде (например, «Великая замятня», поход Тамерлана), так и столкновения с русскими княжествами (Куликовская битва, поход Тохтамыша, Едигея и т. д.). Подробное рассмотрение факторов, влияющих на формирование кладов, требует отдельной работы. Если клад следует рассматривать как свидетельство нестабильности (войны, эпидемии, голод и пр.), тогда получается, что «Червлёный Яр» может быть охарактеризован как территория стабильности, т. к. кладов здесь немного. Письменные и археологические источники позволяют отметить различные факты разорения территорий по Верхнему Дону, чего нельзя сказать о территории Среднего Дона. Следует отметить, что междуречье Дона и Волги, по сути, является глубоким тылом джучидского государства, по сравнению с дальними окраинами державы и донскими улусами, относительно близкими к волжским столицам. Хотя при этом Подонье в археологическом плане представляет собой периферию Золотой Орды. Погребений кочевников и непосредственно золотоордынских поселений к северу от устья р. Воронеж не известно (Цыбин 2007: 168). На основе имеющихся на сегодняшний момент данных можно сказать, что степные районы Среднего Дона — это территория обитания кочевников данного периода.

Можно допустить, что одной из причин отсутствия крупных поселений на Среднем Дону в ордынский период, стало то, что непосредственно до монгольского нашествия, здесь не было каких-либо крупных, плотно заселенных пунктов, на которые могли бы опереться завоеватели, в отличие, например, от поволжских городов Булгарии. Достаточно посмотреть хотя бы на то, что Болгары возродились после монгольского нашествия, став при этом первым центром чеканки монет в новом государственном образовании. По всей вероятности, на Дону произошло то же, что и на Нижнем

Поволжье — города строились «по инициативе и при поддержке администрации Улуса Джучи» (Недашковский 2012: 8).

События времен Куликовской битвы запечатлены в письменных источниках, а также нашли отражение и в данных нумизматики. О том, что Мамай находился в низовьях реки Воронеж, указано в «Сказании о мамаевом побоище»: «кочевал на устье Воронежа». По мнению Ю. В. Селезнева, его пребывание здесь связано с ожиданием союзнической помощи от князя Ягайло, а также было опосредовано военной угрозой со стороны Токтамыша (Амелькин, Селезнев 2011: 126–127; 195). Из этого можно заключить, что донские территории имели важность для Мамаея в стратегическом плане.

В середине последнего десятилетия XIV в. донским кочевьям было уготовлено испытать встречу с войсками Тимура. Затянувшийся военный конфликт перерос из формата столкновений на дальних рубежах Улуса Джучи в войну на его собственной территории. Армия Тимура прошла по всем центральным районам джучидского государства, нанеся серьезный удар по Орде. В 1395 г. войска Тимура сожгли Елец. Это стало следствием поражения Токтамыша на берегах Терека в апреле того же года. 1395 годом датируется клад, найденный в черте современного Воронежа. Причем находка была редкой: из 31 монеты 3 были подражаниями, также в кладе содержался русский слиток (Гончаров 2011: 12).

Первые десятилетия XV в. отмечены несколькими кладами на территории Среднего и Верхнего Дона. Это приводит к мысли о не востребоованности кладов по причине гибели владельцев в результате военных столкновений. Так, в относительной близости от современного Воронежа известен клад 1410 г. В составе клада первоначально содержалось 603 монеты и 11 серебряных слитков, хотя до музейного хранения дошло только 420 экземпляров монет. Другой клад, обнаруженный на незначительном удалении от Воронежа, так же датируется примерно 1410 г.; в составе этого клада было 62 монеты.

Важным политическим событием не только в масштабах региональной истории, но и в общем контексте русско-ордынских военных столкновений, является поход великого князя Рязанского Олега Ивановича, организованный в 1400 г. совместно с князьями пронскими, муромскими и козельскими. Целью похода было

разорение кочевий на рр. Ворона и Хопер. Несмотря на то, что достоверность данных событий находится под сомнением, важность этого похода заключается в том, что это было первое военное предприятие русских князей на среднедонских ордынских территориях (Селезнев 2010: 115).

В 1408 г. ордынский отряд участвовал в противостоянии рязанских и пронских князей. Этим же годом отмечено разорение Брянска. Затем, в 1410 г., скорее всего, по территории Среднего Дона прошли войска Едигея (эмира Идигу). Учитывая сам маршрут движения, — Рязань–Коломна–Москва, — путь на север должен был проходить по левому берегу Дона (Амелькин, Селезнев, Лебедев 2012: 9). О политической нестабильности в данный период говорят события сопредельных территорий — Елецкого княжества. Так, 1415 г. в летописной традиции зафиксирована гибель Ельца (хотя по общепринятому замечанию В. П. Загоровского данное событие нужно датировать сентябрем 1414 г.) (Тропин 1999: 124). После гибели елецкого князя и разорения города население этих земель ушло на территорию Рязанского княжества (Селезнев 2010: 127). Есть основания полагать, что с началом перманентной нестабильности и упадка в улусах Орды, а также с интенсификацией открытого противостояния с русскими княжествами плотность заселенности донских территорий начинает падать, хозяйственная жизнь замирает. К примеру, последние датированные клады монет XV в. с территории Елецкой земли относятся к 1411–1420 гг. (Гончаров 2011: 13).

В августе–сентябре 1450 г. состоялся поход русских войск в степь, навстречу ордынцам, для предотвращения нападения на земли Северо-Восточной Руси. Маршрут русских войск проходил из Москвы, через Коломну и Рязанские земли. Среди военачальников со стороны русских упоминаются Константин Александрович Беззубцев (московский боярин и воевода), Ромадан Зиновьев (наместник Коломны), а также чингизид, царевич Касим. Московское княжество оказало поддержку своему союзнику, Рязанскому княжеству. Движение ордынских войск начиналось из Крыма. В результате встречного похода, на реке Битюг, в центральных районах междуречья Дона и Хопра, произошла битва. В результате битвы, силы улана Малыбердея были разгромлены (Селезнев 2010: 149).

Так же нужно отметить усиление военного давления со стороны хана Сеид-Ахмеда на великого князя Василия II Васильевича с целью увеличения выплачиваемого последним выхода в пользу Большой Орды, либо возобновления политического влияния на Московское и Рязанское княжества. Это ряд событий 50–60-х гг. XV в., связанных с набегами на их земли с территории междуречья Дона и Волги, которое в это время является частью Большой Орды (Селезнев 2010: 150–152).

Следующий период связан с правлением в Большой Орде хана Ахмата и желанием восстановить свой сюзеренитет над Северо-Восточной Русью и возобновить выплаты выходов в пользу Орды. Дважды, в 1472 и 1480 гг., Большая Орда пытается совершить крупные вторжения на русские земли, однако добиться успеха ей не удается. После неудачных попыток овладеть политической инициативой, Большая Орда начинает гаснуть. После «стояния на реке Угре» Московским княжеством не единожды оказывается помощь Крымском ханству в борьбе с Большой Ордой. Летом 1485 г. русские войска разорили улусы Большой Орды. Через два года, летом 1487 г., поход на кочевья Большой Орды повторяется. Частота походов объясняется не только соблюдением союзнических обязательств или же удачным моментом, успех мероприятий во многом был обусловлен экономическими факторами. Речь идет о возможности за пару лет полностью восстановить поголовье лошадей, которое является не только просто движимым имуществом, но и основой военной мощи кочевого государства.

Весной–летом 1491 г. в результате демонстрации военной силы со стороны русских войск Большая Орда была вынуждена отойти от Перекопа и отказаться от своих планов вторжения на территорию Крыма, по всей видимости, опасаясь повторения разорительных событий 1485 и 1487 гг. Несмотря на большое количество известных по письменным источникам военных столкновений, погребений XV в. в междуречье Дона и Хопра не выявлено. С одной стороны, сами военные столкновения и их последствия должны были повлиять на увеличение количества погребальных археологических памятников, тем более, как мы видим, боевые действия проходили непосредственно на территории Большой Орды, но, с другой стороны, опять же остается доля вероятности, что рассматриваемый

регион еще недостаточно полно изучен в археологическом плане. Тем не менее, последовательность событий, отражающих постепенный упадок Большой Орды, позволяет уверенно судить о том, что к концу XV — началу XVI в. население рассматриваемого региона изрядно уменьшилось.

Успешное взаимодействие Московского княжества и Крымского ханства привело к краху Большой Орды. К 1502 г. Большая Орда потерпела ряд поражений от Крымского ханства и не смогла больше оправиться. Осенью 1501 — зимой 1501/1502 г. вблизи устья Тихой Сосны, закончилась история Большой Орды, — не только для междуречья Дона и Волги, но и как крупного государственного и политического образования в целом. Примечательно, что с территории современной Воронежской области завоевание Северо-Восточной Руси и образование основных улусов будущей Большой Орды началось, и на территории региона и история Большой Орды закончилась.

Таким образом, даже при достаточно скудных данных письменных источников по истории Червленого Яра, с помощью привлечения различных косвенных данных вполне можно проследить общую политическую динамику на территории Дона и Хопра. После сложения кочевой системы джучидского государства, первый пик политической активности в регионе относится к периоду противостояния Токты и Ногая, следующий период связан с «Великой замятней». Времена Куликовской битвы и правление Тохтамыша можно выделить в третий период. Затем достаточно четко выделяются беспокойные годы первого десятилетия XV в., связанные с эпохой Едигея. События 50–60-х гг. XV в., связанные, прежде всего, с пограничными противостояниями, выделяются в следующий период. Затем намечается этап постепенного падения Большой Орды, начиная с событий 1472 г. и заканчивая совместными действиями Москвы и Крыма. При этом события рассматриваемого исторического региона, одного из улусов Орды, не противоречат общей хронологии развития джучидского государства — сложения Улуса Джучи, обособления от Монгольской империи, расцвета Орды, «Великой замятни» и падения Улуса Джучи и его преемника Большой Орды.

Список литературы

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. СПб.: Тип. экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. Т. I. 614 с.

Амелькин А. О., Селезнев Ю. В. Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. М.: Квадрига, 2011. 384 с.

Амелькин А. О., Селезнев Ю. В., Лебедев В. П. Воронежский клад джучидских монет рубежа XIV–XV веков // Вестник ВГУ. Сер.: история, политология, социология. 2012. № 2. С. 5–13.

Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и восточной Европе // Исторический архив. 1940. Т. III. С. 71–112.

Гончаров Е. Ю. Нумизматические находки как источник для изучения формирования локальных финансовых систем (Елецкие земли, XIV — нач. XV вв.) // На степном пограничье: Верхний Дон в истории средневековой России. Елец: Изд-во ЕГУ им. И. А. Бунина, 2011. С. 11–22.

Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. Изд. 3-е. М.: КРАСАНД, 2010. 248 с.

Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1969. 304 с.

Казарницкий А. А. Краниологические материалы золотоордынского времени из Воронежской области // Международная научная конференция «Население Юга России с древнейших времен до наших дней» (Донские антропологические чтения). Сб. статей (26–30 авг. 2013 г., Ростов-на-Дону, Россия) / Отв. ред. Д. Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 82–87.

Кожемякин А. В. Рубрук в Среднем Подонье // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1966. Вып. 2 (Труды Воронежского университета. Т. 64). С. 46–52.

Кравец В. В. Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды. Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2005. 206 с.

Милованов С. И. Торговля Рязанской земли в XI — 2-й половине XV вв. (по археологическим и нумизматическим данным): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 28 с.

Недашковский Л. Ф. Исторические особенности золотоордынского города // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. Кн. 3. С. 7–18.

Повесть о разорении Рязани Батыем // Памятники литературы Древней Руси. XIII век / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева; вступ. ст. Д. С. Лихачева. М.: Худож. лит., 1981. С. 184–199.

Полное собрание русских летописей. СПб., 1856. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. 358 с.

Почekaев Р. Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды СПб: ЕВРАЗИЯ, 2010. 408 с.

Рашид ад-дин. Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 2 / Пер. с перс. Ю. П. Верховского; примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова; ред. И. П. Петрушевского. 260 с.

Селезнев Ю. В. Русско-ордынские военные конфликты XIII–XV веков. Справочник. М.: Квардрига, 2010. 224 с.

Селезнев Ю. В. Церковная политика митрополита Алексия на ордынской территории: спор между Рязанской и Сарайской епархиями о юрисдикции в междуречье Дона и Хопра // Первые церковно-исторические Митрофановские чтения в ВГУ: сб. мат-лов / Ред. кол.: М. В. Артеев (отв. ред.) и др. Воронеж: Полиарт, 2012. С. 26–32.

Тропин Н. А. Елецкая земля в XII–XV вв. Елец: Изд-во ЕГПИ, 1999. 147 с.

Тропин Н. А. Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья в XII–XV вв. Елец: Изд-во ЕГУ им. И. А. Бунина, 2006. 368 с.

Цыбин М. В. Золотоордынские мавзолеи у пос. Красный в Воронежской области // Археология Юго-Востока Руси: IV научн. конф.: (рабочие материалы). Елец, 23–25 мая 2005 г. Елец, 2005. С. 24.

Цыбин М. В. Периферия Золотой Орды в Подонье // Краткие сообщения Института археологии. 2007. Вып. 221. С. 166–175.

КРЫМСКИЙ УЛУС ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В ВОЙНЕ ФЕОДОРО И ГЕНУИ 1433–1441 ГГ.

Аннотация: Данная статья посвящена истории участия Крымского улуса Золотой Орды в войне княжества Феодоро с Генуэзской республикой в 1433–1441 гг. Крымские карачи-беи поддержали феодоритов в битве при Карагёзе в 1434 г. Кроме этой битвы крымские татары сделали попытку осадить Каффу, но не достигли успеха. В последующие годы Крымский улус лишь дипломатически поддерживал феодоритов. В 1433–1441 гг. Крымский улус признавал власть Сайид-Ахмеда. Сайид-Ахмед не смог оказывать реальную поддержку феодоритам из-за того, что был занят помощью князю Швитригайлу в гражданской войне в Великом княжестве Литовском в 1433–1439 гг. Улуг-Мухаммед не имел реальной власти в Крыму с 1433 г.

Ключевые слова: княжество Феодоро, Крымский улус, Генуэзская республика, Каффа, Сайид-Ахмед, Великое княжество Литовское, битва при Карагёзе.

Abstract: This paper is devoted to the history of participation of the Crimean ulus of the Golden Horde in the war Theodoro principality against the Republic of Genoa in 1433–1441. Crimean Qarachi-bey supported Theodorites at the Battle of Karagöz in 1434. Crimean Tatars have tried to lay siege to Kaffa, but did not succeed. In subsequent years, the Crimean ulus only diplomatically supported feodorites. Crimean ulus recognized the power of Sayyid-Ahmed in 1433–1441. Sayyid-Ahmed could not support Theodorites, because he was busy with the help to Prince Shvitrigayla in the civil war in the Grand Duchy of Lithuania in 1433–1439. Also Sayyid-Ahmed realized two raids in territory of principality of Moldova Ulug-Mohammed had no real power in the Crimea from 1433.

Key words: principality of Theodoro, Crimean Ulus, Genoese republic, Caffa, Great Duchy of Lithuania, Battle at Karagöz.

Одним из интересных вопросов истории Золотой Орды является взаимоотношение с Генуэзской республикой. Наиболее интересным аспектом этой проблемы является участие татар Крымского улуса в войне Феодоро и Генуи в 1433–1441 г. Вопрос войны Феодоро с Генуэзской республикой был отдельно рассмотрен В. Мыщем (Мыщ 2000). Отдельно битве при Кастандзоне посвящена статья Д. Селивестрова (Селивестров 2011). С того времени появились ряд новых материалов, в том числе статья В. Гулевича и тезисы А. Якушечкина (Гулевич 2013; Якушечкин 2013). Кроме того, к изучению вопроса кроме генуэзских источников необходимо привлекать и иные источники, в частности записки кастильца Перо Тафура (Галенко 1996). Именно появление новых материалов и обусловило

необходимость подготовки этой статьи. Целью данной статьи является освещение роли татар в войне между Генуей и Феодоро.

Противоречия между татарами и генуэзцами обострились, когда в 1433–1434 гг. Алексей воспользовался войной Генуи и Венеции в 1431–1433 гг. В 1433 г. князь Феодоро Алексей заключил союз с татарами. Усилиями князя Алексея в Чембало было инспирировано восстание местного эллинизированного населения. В марте 1434 г. из Перы на Босфоре генуэзцами была отправлена эскадра Бартоломео де Леванто. После того, как феодориты смогли отбить нападение и удержать Чембало, из самой Генуи была отправлена эскадра из 20 судов под командованием Карло Ломеллино. В начале июня он победил феодоритов. В письме адмирала Карло Ломеллино из Каффы своему племяннику Матео Ломеллино в Геную в списке побед упоминались Чембало, Каламита, Брозони и вся Готия. Но 22 июня 1434 г. у селения Карагёз (Кастадзон) войско Карло Ломеллино было атаковано татарами. По сведениям документа Гатари, войско генуэзцев насчитывало до 8 тыс. чел. Николо де ла Порта же сообщал о войске размером в 10 тыс. В авангарде было 300 всадников. Основу войска составляли 1200–1300 арбалетчиков. По оценкам Д. Селивестрова, Карло Ломеллино управлял 5,5 тыс. воинов. Это войско двигалось по направлению к Солхату. После победы над феодоритами генуэзцы считали себя достаточно сильными, чтобы противостоять татарам. Противниками Карло Ломеллино в документе Гатари названо 5 тыс. татар. Д. Селивестров считает, что всего было 4 тыс. татар и 1 тыс. феодоритов. Около Карагёза, по данным Николы да Порты, татарский караул начал обстрел войск противника и вызвал панику среди генуэзцев. Карло Ломеллино отмечал позорное бегство своего войска с поля боя. По сведениям документа Гатари, всё пребывающие силы татар деморализовали генуэзцев. По сведениям этого документа и Николо де ла Порты, отступление постепенно превратилось в паническое бегство. Татары же, использовав стрелы, бросились преследовать врага, рубя генуэзцев саблями. По сведениям Николо де ла Порты, потери генуэзцев достигли 2 тыс. воинов. Карло Ломеллино был готов продолжать войну, но другие командующие были против этого. По данным документа Гатари, когда 200 татар подошло к Чембало, начались переговоры. Город Чембало остался под

властью Каффы и Генуи, но генуэзские колонии были вынуждены платить дань татарам. Лаоник Халкондил сообщал, что «скифы» (татары) покорили своей властью и вынудили платить дань готов и каффинцев. Правителем татар был назван Атзигерей (Хаджи-Гирей). Генуэзцы выкупили 25 человек из татарского плена за огромную сумму в 50 тыс. аспров. Война между Феодоро и Кафзой продолжалась еще семь лет, но шла достаточно вяло. Никаких значительных успехов без татар феодориты не достигли и по мирному договору 1441 г. они сохранили Каламиту на побережье Черного моря, то есть владение, которое у них было до конфликта (Крамаровский 2003: 523; Селивестров 2011: 188–192, 194–198; Мыц 2000: 337–351; 2009: 107, 156–178; Байер 2001: 211–213, 215; Сафаргалиев 1960: 239–240; Колли 1913: 111–113; Мурзакевич 1837: 60–62; Маврина 2004: 67–68).

Эпизод с битвой при Карагёзе был отображен и у Перо Тафура. В его сочинении Крымский улус назван Тартарией, а ее правитель — императором. Указано, что страна имеет сухопутную границу с персами, которым приписывается работорговля. А. Галенко считает, что Персия Перо Тафура — это не государство Кара-Коюнлу, а Северное Причерноморье, то есть владения Большой Орды. В источнике отмечается, что генуэзцы использовали мушкеты и пытались овладеть столицей татар Каркате, однако татар известили о нападении генуэзцев, татары победили их, захватив при этом генуэзскую артиллерию и боевые штандарты. Татары попытались захватить Каффу, используя лестницы, но каффинцы успешно отбили их нападение. Генуэзцев источник характеризует как воинов более сильных на море, чем на земле. Татары названы воинственным народом, который нападает на христианских соседей. Говорится, что они особенно активизировали свои нападения после смерти Витольда, который правил Литвой и Русью (Галенко 1996: 176–190).

Отдельный вопрос состоит в выяснении, кто руководил татарами в этой битве. Еще В. Смирнов высказал предположение, что войсками командовал Хаджи-Гирей. Ранее Н. Мурзакевич предположил, что татарами руководил Хаджи-Гирей, но он также отождествлял Хаджи-Гирея с Девлет-Берди, хотя для этого нет никаких оснований. Версию В. Смирнова приняли Л. Колли и М. Сафаргалиев.

На данный момент этой точки зрения придерживаются Д. Селивестров и В. Мыц. Но, как отмечает А. Якушечкин, сведений источников, говорящих об этом, нет никаких. Единственный документ, который дает повод так думать, — это письмо Николо де ла Порта. Согласно его данным, Крым управлялся коллективным органом, которым, скорее всего, был диван (совет) карачи-беев. Крымский исследователь предполагал, что формально Крымом правил Улуг-Мухаммед, хотя фактически здесь управляли беи. Формально Тегене из Ширинов, Айдер из Кунгратов и другие беи в 1433–1441 гг. признавали власть Сайид-Ахмеда. По предположению же О. Гайворонского, в Крыму степями в это время должен был править Сайид-Ахмед. То же самое получается, если исходить из данных письма Швитригайла великому магистру Тевтонского Ордена. Кроме того, если бы Хаджи-Гирей действительно одержал победу над генуэзцами, об этом бы не преминули упомянуть Абд ал-Гаффар Кырыми, Хурреми Челеби Акай, Халим-Гирей. Нет упоминаний в источниках и о победе Сайид-Ахмеда. Так что, скорее всего, победу одержал один из крымских беев. Что касается происхождения самого Сайид-Ахмеда, то Хурреми Челеби Акай называет его потомком Токтамыша. Ряд исследователей считает возможным видеть его сыном Джелал ад-Дина или Керим-Берди. Некоторые ученые считали Сайид-Ахмеда сыном Токтамыша, опираясь собственно на сведения «Муизз ал-Ансаб», где Сайид-Ахмед и фигурирует как сын Токтамыша. В историческом сочинении Абу-л-Гази он назван между Джаббар-берди и Дервишем. Однако более возможным нам представляется происхождение Сайид-Ахмеда от Бек-Суфи. В переписке Швитригайла с тевтонским магистром он назван Sydachmatch Bexubowitz. До своего воцарения он пребывал в Литве. Если учесть, что Бетсубула был одним из ставленников Витовта на золотоордынском престоле, то его происхождение от Бек-Суфи представляется вполне вероятным. Халим-Гирей называл Сайид-Ахмеда двоюродным дядей Хаджи-Гирея. По сведениям Абд ал-Гаффара Кырыми и Халим-Гирея, Сайид-Ахмед и Хаджи-Гирей были потомками Таш-Тимура. В источниках говорится, что, боясь Сайид-Ахмеда, Хаджи-Гирей вместе с Джихан-Гиреем бежал из Крыма. Халим-Гирей и Абд ал-Гаффар Кырыми приписали им бегство в земли черкесов вместо реального пребывания

в Литве (Якушечкин 2013: 78; Гайворонский 2010: 23–28; Колли 1913: 116–120; Мурзакевич 1837: 72–74; Мавріна 2004: 66–68; Мыщ 2000: 349–350; Гулевич 2013: 123–125; Негри 1844; Сабитов 2014: 63–74; Трепавлов 2010: 50–53; Кырыми 2015: 207–208; Халим-Гирей 2004).

Нужно сказать, что ханы Золотой Орды, которые назначали в Крым своих наместников, сами были серьезно заняты делами на других фронтах, где одним из важнейших направлений были взаимоотношения с Великим Княжеством Литовским. После смерти Витовта великим князем стал Швитригайла. О взаимоотношениях Улуг-Мухаммеда с Швитригайлом, главным образом, известно из сведений документов Тевтонского Ордена. Швитригайла доводил до ведома ливонских рыцарей, что хан дал шерть ему. Чтобы обеспечить себе союзные или нейтральные отношения с Ливонским Орденом Швитригайла сообщал, что воевода новгородский Петр вернулся из дипломатической миссии к татарам. Швитригайла сообщал ливонскому магистру Паулю тот факт, что Улуг-Мухаммед желает быть с литовцами в мире и, если нужно, будет готов предоставить помощь в виде войск. Упоминание о татарах со стороны литовского князя служило одной его цели. Швитригайла, предвидя конфликт с Польшей из-за Подолья, хотел сделать Тевтонский Орден своим союзником. Детали войны на Подолье между Швитригайлом и поляками изложены в польских хрониках почти единообразно. В битве над Стырем около Луцка в 1431 г. поляки Владислава II Йогайла победили войско Швитригайла. Владислав II Йогайла в письме великому магистру сообщал о гибели многих татар в неудачной для Швитригайла битве на Волини. Битва состоялась на Буге во время переправы поляков через реку. Марцин Бельский сообщал, что Швитригайла имел помощь от татар и валахов (молдаван). По сведениям этого хрониста, татар и русинов поляки победили около Луцка. Мацей Стрыйковский так же писал, что Швитригайла ждал помощи от татар и валахов (молдаван). Под Каменцем воевода Чьолек разбил литовцев и татар. В 1431 г., в августе месяце, татары тремя отрядами напали на польские владения в Украине. По сведениям Яна Длугоша, татары уничтожили значительно оторвавшийся от основного войска польский отряд. Швитригайла перед тем, как полки осадили Луцк, отправил

Йогайле письма, в которых хан приказывал польскому королю отдать Швитригайле Подолье. Ян Длугош считал эти письма фальсификатом канцелярии Швитригайла. Однако, принимая в расчет отношения Швитригайла с татарами, выдача ярлыка ему Улуг-Мухаммедом весьма вероятна. Так, Б. Флоря и А. Левицкий полагали, что Улуг-Мухаммед выдал ярлык Швитригайлу. Факт выдачи ярлыка был значим для Длугоша, который наверняка знал о предоставлении ярлыка Хаджи-Гиреем Казимиру IV Ягеллончику. Молдавский господарь Александр I Добрый как союзник Швитригайла атаковал Покутье и Галичину. Молдаване заняли Покутье и атаковали Подолье. Однако на Подолье молдаване были разбиты войсками вельмож Бучацких. 1 сентября Швитригайла заключил перемирие с Йогайлом-Владиславом II, при этом ставя себе в заслугу то, что прекратил татарские нападения на польские земли (Зайцев 2004: 57–58; Флоря 2001: 175–176; Грушевский 1993: 194–196; Babinskas 2008: 7; Dlugosz 1869: 412, 415–416, 426–427; Bielski 1856: 607–609; Strykowski 1846: 181–183).

В Великом княжестве Литовском у Швитригайла были враги, которые организовали переворот. Это была партия литовцев, недовольных засилием русинов при Швитригайле. Переворот в ночь с 31 августа на 1 сентября 1432 г. удался. Великим Князем Литовским стал Сигизмунд Кейстутович. Под властью Швитригайла остались только земли русинов. 8 декабря 1432 г. в битве при Ошмяне в войске Швитригайла бились татары. Сражались татары и на Подолье. Вместе с ними там действовали молдаване. 24 декабря 1432 г. перед Рождеством посланцы Федька (воеводы Швитригайла) донесли весть о победе войска Швитригайла, состоявшего из русинов, татар и валахов (молдаван), над поляками. Речь идет о битве под Копыстерином около реки Мурафы. Войско Швитригайла атаковало поляков при переходе через реку и чуть не уничтожило польское войско, но подход польских подкреплений спас ситуацию. Поляки даже сообщали о своей победе, говоря о многих тысячах убитых неприятелей и захвате двенадцати их хоругвей. Каждая из сторон считала себя победившей в этой битве. По мнению Б. Флори, Людвиг Ландзее (Ланце) имел доступ к переписке Швитригайла с Улуг-Мухаммедом. Он передавал слова хана, будто бы тот ради союза с Швитригайлом готов сесть на коня (Флоря

2001: 176; Грушевський 1993: 210–211; Гваньїні 2009: 334; Babinskas 2008: 9; Dlugosz 1869: 437, 451–454; Bielski 1856: 618).

Письмо Швитригайла великому магистру от 3 мая 1433 г. содержит интересные сведения. Литовцы отправили к татарам несколько миссий. Первую возглавлял Михал Арбанасс. Его снарядили в Орду к царю Магметю (Улуг-Мухаммеду). Второе посольство возглавил Ян Монивидович. После этих миссий к Швитригайлу должно было прибыть 20-тысячное войско со многими уланами. Однако оно не смогло прибыть зимой ввиду многочисленных снегопадов. Согласно источнику, вместо этого Улуг-Мухаммед обещался отправить на помощь Швитригайлу своего наследника Мамутяка (Махмудека) и своих зятей — беков Айдара и Елбердея. Улуг-Мухаммед называл Швитригайла своим братом и говорил, что исполняет договор с ним. В письме упоминается о действиях татар в составе войска Федька и сообщается, что татарских войск у Федька достаточно. С осени 1433 г. в письмах Швитригайла упоминается уже иной татарский хан — Сайид-Ахмед. Причиной этого было то, что татары Улуг-Мухаммеда так и не отважились сразиться с литовцами Сигизмунда и поляками Йогайлы, а, возвращаясь на свои территории, опустошили Киевскую землю. Йогайла переманил Улуг-Мухаммеда на свою сторону. Швитригайла приложил усилия к смещению Улуг-Мухаммеда. Татарские беки сместили его и сделали ханом Сайид-Ахмеда (Зайцев 2004: 59; Флоря 2001: 177; Babinskas 2008: 816; Густынская 2003: 134).

В письме от 11 апреля 1434 г. Швитригайла сообщал из Вязьмы, что к нему прибыл его посол Немиза (Немиря) с известием, что сам хан (Сайид-Ахмед) готов выдвинуться в поход на помощь князю. Этот хан назывался правителем Заволжской Орды, то есть Золотой Орды. В источнике говорится, что татарское войско уже находится на пути в Киевщину и что Ян Монивидович послан его встречать.

По сведениям одного из духовных лиц Тевтонского Ордена, татарские отряды присутствовали в битве при Вилькомире в 1435 г. Однако эта битва закончилась для Швитригайла неудачно. Он потерял Полоцк, Витебск и Смоленск. Удержать ему удалось только Киевщину и Волынь. В документе плоцкого епископа сохранились данные о военных действиях на Подолье, где татары разбили поляков (Зайцев 2004: 59; Флоря 2001: 178, 180–181; Грушевський

1993: 220–226, 232–235; Гваньїні 2009: 335–336; Babinskas 2008: 9; Dlugosz 1869: 531–532; Bielski 1856: 635–637, 645–646; Strykowski 1846: 198).

Литовские паны пропускали войска Сайид-Ахмеда во время его похода на Молдавию, правитель которой после свержения Швитригайла с литовского великокняжеского престола переориентировался на поляков и Сигизмунда Кейстутовича. Быстрицкий летописец сообщал, что в 1438 г. княжество было атаковано татарами. 28 ноября татары разорили молдавские земли до Ботошан. В 1439 г. состоялся повторный поход татар. Они сожгли Васлуй и Бырлад. Григоре Уреке датировал эти походы 1439 и 1440 гг. Н. Бабинкас следует хронологии Григоре Уреке. В 1438 г. на Подолье было разбито польское войско. По данным Яна Длугоша, в битве погибли Михал Бучацкий, Скарбек из Горы, Миколай Гиза, Ян Кола. Марцин Бельский ограничился только описанием похода Сайид-Ахмеда на Подолье и победы татар над поляками (Грекул 1976: 25; Гваньїні 2009: 141; Babinskas 2008: 9; Dlugosz 1869: 549–550; Bielski 1856: 644–645; Григоре Уреке 1971: 79).

При великих князях Витовте и Швитригайле татары нападали на литовское и польское пограничье. Так, в 1431 г. на Верховские княжества около Мценска напал зять Улуг-Мухаммеда Айдер. В 1420 г. люди, очевидно, Девлет-Берди напали на пограничные литовские земли. В 1422 г. татары напали на украинские земли Короны Польской. В 1424 г. Чингизид Худайдат напал на Одоевское княжество, которое находилось в составе Великого княжества Литовского. Отражать вторжения приходилось малочисленным войскам верховских князей, состоящих из русинов. Иногда литовцы побеждали, иногда терпели поражения. При помощи союзных татар отражать набеги было куда проще. В 1433–1439 гг. тыл Швитригайла был належно прикрыт татарами Сайид-Ахмеда. За это Швитригайла платил упоминки и разместил татарских даругачи в Каневе, Черкасах, Путивле. Этот прецедент потом использовал Менгли-Гирей, обосновывая свои права на Киевщину. Такие уступки со стороны Швитригайла были обусловлены гражданской войной в Великом княжестве Литовском в 1432–1439 гг. Что касается Подолья, то польский король Владислав III Варненчик для того чтобы прикрыть эту местность от набегов Сайид-Ахмеда, вынужден

был платить ему упоминки. Ставка хана находилась в Больших Кучугурах. В 1433–1437 гг. Сайид-Ахмед был ханом Золотой Орды. В 1437 г. из ее состава выделилась орда Кучук-Мухаммеда, которая стала называться Большая Орда на русском языке или Тахт эли (Престольное владение) по-татарски. В 1436 г. Сайид-Ахмеда покинул беклербек Навруз, а в 1441 г. и его зять Айдер (Беспалов 2009: 205–210; Зайцев 2004: 57–58; Długosz 1869: 573–579; Гулевич 2013: 112–115, 121–126).

Не меньшую важность, чем литовско-польский фронт, представляла для ханов борьба за власть с другими Чингизидами. Отстранение Улуг-Мухаммеда в 1433 г. возобновило борьбу за власть в Золотой Орде. Правда, сведения об этом в восточных источниках довольно противоречивы. Так, османский хронист писал, что после Кадыр-берди воцарился Кучук-Мухаммед, но отмечал, что с этим не согласны жители Дешта, которые указывали, что после Кадыр-берди правил Улу-Мухаммед, а не Малый Мухаммед. Персидские хронисты интересовались делами восточного Дешт-и-Кыпчака и им было не до Крыма. Араб Бадр ад-Дин ал-Айни считал Мухаммеда (при этом он имел в виду именно Улуг-Мухаммеда, а о Кучук-Мухаммеде просто не знал) правителем Дешта и Крыма в 1429–1444 гг. Стоит отметить, что и в документах Литовской Метрики фигурировал только Machmet, без указания на то, какой это из них — Улуг-Мухаммед или Кучук-Мухаммед. Там знали только об Улуг-Мухаммеде, с которым непосредственно вели дела, и знали Сайид-Ахмеда, который его сменил. Учитывая, что контакт с остальным миром татары тогда, в основном, поддерживали через Крым, можно понять, почему его не замечали арабы, поляки и литовцы. Улуг-Мухаммеда отличает от Кучук-Мухаммеда поздняя Никоновская летопись. Также о нем знал венецианец Иосафат Барбаро, побывавший в Тане. Улуг-Мухаммед после свержения пребывал в степях и боролся за власть с Кучук-Мухаммедом. В 1437 г. он был изгнан из Дешт-и Кыпчака и пришел к Белеву. Против него выступил московский князь Василий II, отправив против него войско во главе с Дмитрием Шемякой, которое было разбито татарами. По сведениям Иосафата Барбаро, Улуг-Мухаммед не оставлял надежды вернуть власть в Сарае. Однако в 1438 г. его разгромил Кучук-Мухаммед, вследствие чего Улуг-Мухаммеду

окончательно пришлось мигрировать на территорию болгарских эмиратов Золотой Орды. Он отстранил от власти болгарских эмиров и перенес столицу в Казань. Часто именно Улуг-Мухаммеда считают основателем Казанского ханства. Владения же Кучук-Мухаммеда включали просторы от южных границ Волжской Булгарии (Казанского ханства) на севере до Кавказа на юге, и от Дона на западе до Урала на востоке. Его столицей был Сарай. Внешне-политическую деятельность он направлял на удержание своих владений и войну с русскими. Нужно сказать, что в 1439 г. Улуг-Мухаммед напал на Москву и осадил ее, однако потом был вынужден отступить.

В Крыму же, по сведениям фамильной легенды Ширинов, после Улуг-Мухаммеда правил Хаджи-Гирей. Однако это противоречит данным европейских документов. По данным нумизматики, Хаджи-Гирей воцарился в Крыму не ранее 845 г. х. (май 1441 — май 1442 гг.). В одном из польских документов 1442 г. было отмечено, что Теодор Бучацкий был вознагражден за отражение нападения каких-то враждебных татар и за посольство к императору Татарии. Как мы можем видеть, противником поляков был Сайид-Ахмед. В литовско-молдавском договоре 1442 г. Казимир IV Ягеллончик гарантировал помощь молдаванам со стороны дружественного татарского хана. В массариях Каффы под 1442 г. же упоминались сын Улуг-Мухаммеда Кассу (Касим) и Агидарей (Хаджи-Гирей). Хаджи-Гирей был племянником Улуг-Мухаммеда и, по крайней мере, с ним не конфликтовал. До своего воцарения он находился в Литве в городе Лида (Золотая орда 2003: 235, 239; Беспалов 2012: 56–62; Селивестров 2012: 306–314; Барбаро 1971; Халим-Гирей 2004; Негри 1844; Трепавлов 2010: 64–69).

Необходимо отдельно остановиться на анализе нумизматического материала. Итальянский ученый Д. Лунардис считал, что татарско-генуэзские монеты появились в 1433 г. Однако В. Гулевич отмечал, что атрибуция многих монет этим автором ошибочна и его выводы не являются надежными. Касательно же выводов К. Хромова о том, что Крым до 1442 г. находился под властью Улуг-Мухаммеда, украинский ученый отмечал, что Сайид-Ахмед был в Крыму, по крайней мере, в 1441 г. В 1442 г., по данным Хроники Быховца, беи Перекопской Орды (Крыма) просили прислать

им нового хана. Мацей Стрыйковский отмечал, что в 1443 г. татары попросили, чтобы Улуг-Мухаммед отдал им на царство Ачкерей (Хаджи-Гирей). Нужно отметить, что пожалуй только Ян Длугош датировал начало правления Хаджи-Гирея 1452 г. Ян Длугош приписывал заслугу победы над Сайид-Ахмедом одному только Хаджи-Гирею. В письме от 26 августа 1449 г. Казимир IV Ягеллончик сообщал, что выдвинул кандидатуру своего татарина против Сайид-Ахмеда. Это был Хаджи-Гирей. Недовольные Сайид-Ахмедом татары прислали своих послов в Киев. К Казимиру IV Ягеллончику обратились представители родов ширинов и баринов недовольные засилием кунгратов. Казимир IV Ягеллончик писал великому магистру Тевтонского Ордена, что в день отправки письма посланный им татарин сумел занять ханский престол. Вместе с Хаджи-Гиреем в Крым прибыл Радзивил Остикович, который и провозгласил Хаджи-Гирея ханом по воле короля. Однако окончательная победа над Сайид-Ахмедом произошла позже. В 1451 г. польские дипломаты снова вели переговоры о предоставлении польскому королю части доходов церкви для войны с татарами. В 1452 г., согласно версии Яна Длугоша, Хаджи-Гирей неожиданно напал на улус Сайид-Ахмеда. Сам же Сайид-Ахмед спасался бегством к Киеву, где его арестовали и отправили к Казимиру IV Ягеллончику. После этого Сайид-Ахмед находился под домашним арестом в Каунасе. Версию Яна Длугоша потом приняли Александр Гванини и Мацей Меховский. Что же касается крымских хронистов, то Абд ал-Гаффар Кырыми указывал, что под крепостью московов Манкерман Сайид-Ахмеда разгромили неверные. Если убрать анахронизм, касательно принадлежности Киева русским, а не литовцам, то мы получаем вполне достоверную картину столкновения киевского князя из династии Олельковичей с татарами, которые вторглись на его территорию. Под Киевом Сайид-Ахмед и попал в плен к литовцам. Осколки его Орды продолжали существовать в 50–60-х гг. XV в., совершая нападения на рязанские, московские и молдавские владения, пока молдавский господарь Штефан III Великий не написал Казимиру IV Ягеллончику о том, что сыновья Сайид-Ахмеда у него в плену и он их никому не выдаст — ни литовцам, ни валахам, ни Хаджи-Гирею (Гулевич 2013: 124–129; Стрийковский 2011: 707–709; Długosz 1870: 110–111; Kolodziejczyk 2011: 12–13; Трепавлов

2010: 55, 62–63; Флоря 2001: 188–191; Гваньїні 2009: 147; Кырыми 2015: 208; Зайцев 2004: 83).

Никакой реальной власти над Крымом у Улуг-Мухаммеда с 1433 г. не было. Абд ал-Гаффар Кырыми считал, что Улуг-Мухаммед бежал в Казань, опасаясь Хайдара (Айдера) из рода кунгратов. Этот савновник с 1433 г. находился на службе у Сайид-Ахмеда. Сам Сайид-Ахмед был назван крымским хронистом сыном Джелал ад-Дина. Более того, в 1437 г. Улуг-Мухаммед был вытеснен из степей Дешти-Кыпчак и нашел укрытие в русских землях под Белевым. Дальнейшая судьба Улуг-Мухаммеда была связана с Казанским и Касимовским ханствами. В сентябре–октябре 1442 г. Теодор Бучацкий получил деньги от короля на уплату упоминков хану и четырем карачи-беям. Нужно сказать, что, по данным Яна Длугоша, перед этим татары вторглись на Подолье и в Руское воеводство в 1442 г. Перед 1443 г. Марцин Бельский также сообщал о нападениях татар. Вероятно, это были люди Сайид-Ахмеда. В 1442 г. молдавский господарь Илья I в своем проекте договора предложил литовцам союз, по которому Молдова и Литва становились союзниками, однако обязывались не воевать против Польши и Венгрии. Казимир не считал необходимым заключать договор с молдаванами против татар. Союз с Казимиром IV Ягеллончиком в 1447 г. заключил Штефан II, который сверг Илью в 1444 г. Хаджи-Гирей же был союзником Казимира IV Ягеллончика в борьбе против Сайид-Ахмеда. Под властью Хаджи-Гирея оказалась лишь часть территорий будущего Крымского ханства. Владения Сайид-Ахмеда в 1442 г. соприкасались с Большой Ордой Кучук-Мухаммеда и русскими землями. При этом в 1442 г. Сайид-Ахмед находился в мире с русскими, тогда как Кучук-Мухаммед с ними воевал. Тот факт, что Сайид-Ахмед атаковал земли Польского королевства и помог Михаилу (Михайлушке) Сигизмундовичу в 1449 г. на некоторое время овладеть частью чернигово-северских городов, указывает на то, что под его контролем остались значительные пространства степной части правобережья и левобережья Днепра. Таким образом, в 1442 г. Хаджи-Гирей вряд ли контролировал какие-то территории за пределами полуострова Крым. Связь же литовцев, как и поляков с Крымом, вероятно, осуществлялась с помощью днестровского пути в Аккерман и портов на побережье — Чарныграда, Дашева, Святого Иоанна. Через Днепр

вряд ли литовцы бы осмелились отправить Хаджи-Гирея и Теодора Бучацкого, поскольку около днепровских порогов находилась ставка Сайид-Ахмеда, а, кроме того, переходы между порогами были бы невероятно опасны ввиду возможной угрозы татарского нападения. Нужно отметить, что крымские ханы целиком признавали легитимность Сайид-Ахмеда, несмотря на то, что он был их противником, и, наоборот, отказывали в легитимности Кучук-Мухаммеду, хотя тот правил в Сарае. Возможно, это из-за того, что никогда он реально не был признан в Крыму. Он относился к соперничавшей с Гиреями линии Чингизидов — потомкам Тимур-Кутлуга, которые среди татар назывались Наманганами (Зайцев 2004: 83; Флоря 2001: 182–184; Babinskas, 2008: 10–11; Dlugosz 1869: 631–632; Bielski 1856: 674; Кырыми 2015: 207; Трепавлов 2010: 54–61).

Хаджи-Гирей не правил в Крыму в 30-х гг. XV в. Генуэзцев в битве при Кастандзоне (Карагёзе) в 1434 г. победил один из карачи-беев Крыма, а не Хаджи-Гирей. Крымский улус был частью Орды Сайид-Ахмеда до 1442 г. Хаджи-Гирей воцарился только в 1442 г. и был союзником Казимира IV Ягеллончика. Важным фактором в политике татар было княжество Феодоро. Правители Крымского улуса Золотой Орды не дали генуэзцам окончательно разгромить феодоритов. Однако после победы при Кастандзоне татары не особо помогали и феодоритам и руководствовались только своими интересами, через Феодоро оказывая давление на генуэзцев. Нужно отметить, что Сайид-Ахмед в 1433–1439 гг. оказывал помощь Швитригайлу против поляков Владислава II — Йогайла и Владислава III Варненчика, а также против литовцев Сигизмунда Кейстутовича. Улуг-Мухаммед и Кучук-Мухаммед же были заняты борьбой между собой и не оказывали значительного влияния на Крым. Сын Улуг-Мухаммеда Касим в 1442 г. оказал помощь Хаджи-Гирею в его воцарении в Крыму.

Список литературы

Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2001. XX, 477 с.

Барбаро Иосафат. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. М.: Наука, 1971. // <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Barbaro/frametext.htm>

Беспалов Р. Битва коалиции феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом в 1424 г. // Верхнее Подонье: Археология. История. Тула: Гос. Музей заповедник Куликово поле, 2009. Вып. 4. С. 205–210

Беспалов Р. А. Хан Улу-Мухаммед и государства Восточной Европы: от Белева до Казани // Золотоордынская цивилизация. 2012. Вып. 5. С. 71–82.

Гайворонский О. Л. Повелители двух материков. К.: Мастерская книги; Бахчисарай: Бахчисарайский музей-заповедник, 2010. . Т. I. Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. 400 с.

Галенко О. Крим у 1438 р.: подорожні нотатки Перо Тафура // Україна в минулому. Київ; Львів: Інститут української археографії Львівське відділення, 1996. Т. 8. С. 176–190

Гваньїні Олександр. Хроніка Європейської Сарматії. К.: Вид. Дім Києво-Могилянська Академія, 2009. 1008 с.

Грекул Ф. А. Славяно-Молдавские летописи XV–XVI вв. М.: Наука, 1976. 151 с.

Григоре Уреке. Летописецул цэрий Молдовой. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1971. 277 с.

Грушевський М. С. Історія України-Руси. К.: Наукова думка, 1993. Т. 4. 544 с.

Гулевич В. П. Северное Причерноморье в 1400–1442 гг. и возникновение Крымского ханства // Золотоордынское обозрение. 2013. № 1. С. 110–146.

Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV — пер. пол. XVI вв.). Очерки. М.: РУДОМИНО, 2004. 216 с.

Золотая Орда в источниках. (Материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи) / Ред. Р. П. Храпачевский. М.: Центр по изучению военной и общей истории, 2003. Т. 1. Арабские и персидские источники. 448 с.

Колли Л. П. Хаджи-Герай хан и его отношения (по генуэзским источникам). Взгляд на политические сношения Кафы с татарами

в XV веке // Известия Таврической Ученно-Архивной Комиссии. Симферополь: Тип. Таврич. губерnsk. земства, 1913. Вып. 50. С. 99–139.

Крамаровский М. Г. Джучиды и Крым: XIII–XIV вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь: Крымск. отд. Ин-та Востоковедения им. А. Е. Крымского Национальной академии наук Украины, Центр археол. иссл., 2003. Вып. X. С. 506–532.

Кырыми Абдулгаффар. Умдет ал-ахбар. II. Из истории крымских ханов (правление Хаджи-Гирая, Менгли-Гирая, Мухаммед-Гирая I, Саадет-Гирая I) / Перевел Н. Сейтягьев // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4. С. 207–213.

Мавріна О. С. Виникнення Кримського ханства в контексті політичної ситуації у Східній Європі кінця XIV — початку XV ст. // Сходознавство. 2004. № 25–26. С. 57–77.

Мурзакевич Н. История генуэзских колоний в Крыму. Одесса: Городская типография, 1837. 91 с.

Мыц В. Л. Война 1433–1441 гг. между Кафкой и Феодоро // Античная древность и средние века. 2000. Вып. 31. С. 330–359.

Мыц В. Л. Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 528 с.

Негри А. Извлечение из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. Одесса: Городская типография, 1844. Т. 1. С. 379–392 // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Tur_ruk_obsch/text.phtml?id=5430

Сабитов Ж. М. К вопросу о генеалогии золотоордынского хана Бек-Суфи // Крим: від античності до сьогодення. Київ: Інститут історії України НАН України, 2014. С. 63–74.

Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжн. изд-во, 1960 (Ученые записки Мордовского гос. университета. Вып. XI). 276 с.

Селиверстов Д. А. Сражение при Солхате (Кастадзоне) 22 июня 1434 года // Военное дело Золотой Орды. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2011. С. 183–198

Селиверстов Д. А. Белевская битва 1437 года (1) // Золотоордынская цивилизация. 2012. Вып. 5. С. 303–316.

Стрийковський Мацей. Літопис польський, литовський, жмудський і всієї Руси. Львів: Наукове товариство ім. Т. Шевченка у Львові, 2011. XII, 1084 с.

Трепавлов В. В. Большая Орда. — Тахт эли. Очерк истории. Тула: Граф и К., 2010. 112 с.

Флоря Б. Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века // Славяне и их соседи. М.: Наука, 2001. Вып. 10. С. 172–196

Халим Гидай Султан. Розовый куст ханов или история Крыма. Симферополь: Доля, 2004. 288 с. // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Rozovyj_kust_chanov/1.phtml?id=12921

Якушечкин А. В. К вопросу о возможности участия Хаджи Гирая в событиях, произошедших в Крыму в 1433–1434 гг. // V науковій читання пам'яті У. Боданінського: тези доповідей та повідомлень наукової конференції (Бахчисарай, 23–27 жовтня 2013 р.). Симферополь: КРУ Бахчисарайський історико-культурний заповідник, 2013. С. 78.

Babinskas N. Политические отношения Великого княжества Литовского (ВКЛ) и Молдовы в 1430–1447 гг. // Revista de Istorie a Moldovei. 2008. № 3. P. 3–15

Długosz J. Dziejów Polskich ksiąg dwanaście / Przekład K. Mecherzyńskiego. Kraków: W drukarni "Czasu" W. Kirchmayera, 1869. T. 4. Ks. XI, XII. 8, 668, XXIII s. // <http://www.polona.pl/dlibra/doccontent2?id=895&dirids=15>

Długosz J. Dziejów Polskich ksiąg dwanaście / Przekład K. Mecherzyńskiego. Kraków: W drukarni "Czasu" W. Kirchmayera, 1870. T. 5. Ks. XII. 418 s. // <http://www.polona.pl/dlibra/doccontent2?id=897&dirids=15>

Kolodziejczyk D. The Crimean khanate and Poland-Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th–18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents. Leiden-Boston: E. J. Brill, 2011. XXXVI, 1109 p.

Kronika Polska Marcina Bielskiego. Sanok: Nakład i druk Karola Polaka, 1856. T. 1. Księga I–III. XI, 699 s. // <http://www.polona.pl/dlibra/doccontent?id=18578&from=FBC>

Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmudzka i Wszystkiej Rusi. Warszawa: Nakład Leona Gustava Glukenerga Księgarza, 1846. T. II. 584 s. // <http://scans.library.utoronto.ca/pdf/7/2/kronikapolskalit02stryuoft/kronikapolskalit02stryuoft.pdf>

БАЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ «ОРДА–МОСКВА» (XIII–XVII ВВ.)¹

Аннотация: В статье исследуется вопрос взаимовлияний Золотой Орды и Московской Руси. Дается общий обзор политической ситуации между Ордой и Москвой в XV–XVII вв., предложена оригинальная хронология и новая акцентация событийной канвы, указывается на роль харизмы лидера в средневековом дискурсе. Проводится мысль, что институт московских юртов являлся одним из инструментов, включавших само Московское государство в позднесолотоордынский мир и его политическую культуру.

Ключевые слова: Золотая Орда, Московия, татары, Чингисиды, юрт.

Abstract: The article examines the question of mutual influences between the Golden Horde and Muscovy. It gives a general overview of political situation between the Horde and Moscow in 13th–17th century, then turns to original chronology and new accentuation of events, and stresses on the role of leader's charisma in medieval discourse. Finally, the article draws conclusions about the significance of the institute of Tatar enclaves of Muscovy for Muscovite history in general.

Key words: Golden Horde, Muscovy, Tatars, Chinggisids, yurt.

Завоевав «саблю» большинство княжеств Северо-Восточной и Южной Руси в 1237–1241 гг., правитель Улуса Джучи Бату ясно обозначил направленность связей между Ордой и Русью на время от 1240-х до 1540-х гг. В данной системе Орда стала бесспорным сюзереном русских земель, а Северо-Восточные русские княжества стали бесспорными вассалами Улуса Джучи. После дезинтеграции единого Улуса в первой половине XV века его место в данной системе заняла Большая Орда, а после ее политического уничтожения в 1502 г. место Улуса Джучи заняло Крымское ханство, удерживавшее эти позиции вплоть до 1700 г., когда Москва официально отказалась далее выплачивать дань в Крым (Письма 1887: 375).

Однако новые нюансы в принципы работы системы внесли военные захваты московским великим князем и царем Иваном IV исконно татарских государств — Казани и Астрахани в 1552–1556 гг.

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Республикой Татарстан научного проекта «Приграничные районы средневековья: место пересечения политической и этнической истории разных народов (на примере Московского государства и Казанского ханства)» № 16–11–16011.

Это двойное событие фактически развалило прежде исправно работавшую систему. У прежнего Улуса Джучи появилось два, а не один, как прежде, наследника — Крым и Москва. Фактически эти два государства после 1556 г. вышли на равные, уравнивающие друг друга позиции в плане претензий на золотоордынское наследство.

В результате монгольского завоевания значительная часть русских княжеств оказалась включенной в империю Чингисидов. Именно данный факт — военное завоевание — заложил основы отношений между совокупностью покоренных русских княжеств и сначала Улусом Джучи, а после его дезинтеграции — образовавшимися на его основе позднезолотоордынскими государствами.

Политическое лидерство в средневековом обществе было сильно связано с харизмой правителя. Признаком харизмы был успех в военных сражениях: тот воин, который многократно побеждал в схватках, неоднократно проявлял гибкость и необходимую твердость в различных ситуациях, рассматривался как владеющий характерными признаками харизмы, и, соответственно, подходил для управления. Тот же правитель, который терпел поражение за поражением в войне, лишался благосклонности небес, ауры завоевателя, которая в средние века была равнозначна самому наполнению понятия «государь», «правитель». Лидер, потерявший харизму, считался человеком с «плохой судьбой» («Бадбахт») (Утемиш-хаджи 1992: 134–136, 138, 144).

Московские и другие правители Северо-Восточной Руси потеряли суверенную легитимность после взятия их территорий «саблею», подчинившись монгольским завоевателям. Данное событие не было воспринято на Руси как катастрофа. Оправившись от первоначального шока, завоеванные восприняли монгольское нашествие как божью кару за свои грехи, в полном соответствии с религиозным мировоззрением той эпохи.

Чингисиды воспринимали подчиненные славянские территории как единый «русский улус» и в то же время как совокупность княжеств — улусов Монгольской империи. Потерпевшим жестокое поражение и утратившим независимость правителям Руси пришлось признать, что отныне она стала землей «канови и Батыеве» (т. е. подвластной верховному монгольскому государю — каану,

а также хану-завоевателю — Бату). Подчиненность выражалась главным образом в выплате дани — «ордынского выхода», в ханской инвеституре князей, в контроле над их политикой и в периодическом привлечении князей к участию в военных походах ханов (Трепавлов 1994: 53).

Главным показателем того, что русские княжества были покорены и утратили независимость, стала выплачиваемая теперь ими в Орду дань. После распада единого ордынского государства «выход» продолжал выплачиваться в наследные Орде политии — сначала в Большую Орду, а после ее покорения крымским ханом в 1502 г. и перехода к нему главных ордынских регалий — в Крым. Кроме того, «выход» выплачивался также в Казань и Ногайскую Орду.

Формальный статус великих и удельных князей после монгольского завоевания стал определяться их обязанностью испрашивания инвеституры в Сарае, столице Улуса Джучи. Совершенно обоснованно, что в этих условиях княжества на Руси стали восприниматься не только как сфера властвования местного правителя — Рюриковича, но и как территория, подчиненная хану (Трепавлов 1994: 54).

В период существования русских земель во главе с Московским княжеством в системе государств-наследников Улуса Джучи (XV–XVI вв.) сохраняется как формальная, так и фактическая подчиненность великих князей ханам Большой Орды и в дальнейшем, после ее падения, владетелям Крыма. Вероятно, в поздnezолотоордынской политической иерархии (между ханами — Чингисидами Сарая (до его разгрома), Крыма, Астрахани, Казани, Сибири, Узбекской державы, Касимова, и ногайским нечингисидским «князем» из клана Мангыт) московский правитель имел статус, приблизительно равный статусу ногайского бия. Формальный вассалитет великого князя по отношению к чингисидским правителям подтверждался его происхождением из покоренной династии Рюриковичей-Даниловичей и не оспаривался ни одной из сторон. Фактический вассалитет по отношению к части вышеперечисленных правителей, включая и ногайского бия, подтверждался выплатой дани («выход», «поминки», «жалованье»).

Однако еще со времени «великой замятни» в Орде, в конце XIV и на протяжении XV в., обозначились новые явления во взаимных

контактах ордынских и русских властей. Стал практиковаться отъезд татарских правителей и их людей на Русь, где им предоставлялись города и области для поселения и кормления.

Москва нашла оригинальный способ встраивания этих беглецов из Степи в свое общество. Вместо того, чтобы пытаться интегрировать татар в социальную структуру Московского княжества-государства, московские правители воспроизвели степной институт, юрт, на своей территории, во главе с великим князем в традиционной степной роли «распределителя юртов». Московские юрты служили не только цели переманивания из Степи большого количества Джучидов для собственно московских нужд, но также и цели лишения Степи множества рядовых воинов. С каждым рядовым татаринном, выехавшим из Степи на Русь, Москва лишалась одного потенциального противника в Степи, и приобретала одного дополнительного рекрута для военных кампаний великого князя (Kennedy 1994: 187). Даже беглый взгляд на данные разрядных книг позволяет увидеть тысячи татар, участвовавших на стороне Москвы в ее западных военных кампаниях 1570-х гг. Это позволяет убедиться, насколько успешными являлись усилия московской стороны по «рекрутированию» своих недавних противников.

Развитие удельно-юртной системы на Руси, выразившееся в институте вассальных ханов, мирз и их владений на российских территориях, способствовало постепенному возрастанию политического веса московского великого князя в позднесолотоордынской политической структуре. Касимов, Звенигород, Кашира, Серпухов, Юрьев-Польский, Сурожик, некоторые другие города — все они в разное время на протяжении XV–XVI вв. принадлежали татарским ханам и султанам, а Романов — ногайским мирзам.

Эти города не стоит воспринимать только как «заградительную линию» из одних татар против других. Политика Москвы по размещению татарских выходцев в своей пограничной зоне служила более широким целям, нежели непосредственная защита границы. В то время как Касимов, Серпухов и Кашира были расположены на Оке, т. е. на южной границе Московского государства, и действительно препятствовали походам недружественных татарских ханств (как, например, Казанского), Звенигород, расположенный к западу, Сурожик к северу и Юрьев-Польский к северо-востоку от

Москвы, никоим образом не формировали пограничный заслон. Данная политика Москвы иногда неосознанно, а иногда и вполне осознанно служила также и цели политической стабилизации Степи в периоды, когда татарские государства пребывали в состоянии постоянного изменения (Martin 1992: 170–171, 179).

Фактически великие князья (с начала XV в. — в основном московские), отводившие пришельцам — иногда по их указке — земли в своих владениях, превращались по отношению к ним в сюзеренов. Тем не менее номинально великие князья продолжали пребывать в системе ордынской иерархии как ханские вассалы — данники, правители «царева улуса и княжой отчины».

Данное несоответствие между фактическим положением московских князей (сюзерены) и их формальным рангом (данники) проявлялось, в частности, в их контактах с «Мещерским юртом» — Касимовским ханством — землей в Мещере, предоставленной Василием II Касиму, сыну хана Улуг-Мухаммеда, в 1445 г. Причем предоставленной не для условного держания как султану-эмигранту, а в виде своеобразной контрибуции, наложенной Улуг-Мухаммедом после страшного разгрома, нанесенного его сыновьями московскому войску в 1445 г. Главным показателем номинально более низкого ранга московского государя по отношению к вассальным Чингисидам, в числе которых был и касимовский хан, являлась дань, отправлявшаяся из великокняжеских вотчин в татарские «уделы» на Руси. Источники говорят о дани в Касимов в 1481–1553 гг., и называлась эта дань так же, как и в старину, в годы «ига», — «выход».

Учитывая длительную историю взаимоотношений Руси и Орды, московские правители знали, что в Улусе Джучи тюркоязычное население было объединено на одних условиях, а русские земли имели особый статус. Они были частью Орды, но «государством в государстве». Такую же участь политически окрепший сын Василия II — Иван III, а также последующие московские правители, уготовили и Касимовскому ханству, да и не только ему.

Татарские «уделы» Московского государства не были большими по своим размерам. Однако они играли существенную роль во взаимоотношениях Москвы со степными ханствами, такими как Казанское, Крымское и Астраханское, выполняя виртуальную роль

своеобразного «посредника» и «миротворца» в конфликтах между православными христианами и мусульманами.

История взаимоотношений Москвы и татарского мира была весьма неоднозначной, и далеко не всегда ее можно свести к постоянным военным конфликтам. Вектор прагматического сотрудничества в этих отношениях явно присутствовал, и вариации этой кооперации были многообразны. Одной из форм ее были выезды татарской элиты в Московское государство, а незапланированным плодом этих выездов был институт «юртов» — «русско-татарских» городов, которые выступали как место постоянного или временного проживания и средство материального содержания выезжего из Степи династа. Юрт был уникален тем, что позволял встраивать выезжающих из позднесолотоордынских государств татар в московское общество и государство, не меняя ничего в их структуре.

Несмотря на незапланированность и в некотором роде чужеродность данного института (его родиной была татарская Степь), он стал важным связующим звеном между татарским кочевым и московским оседлым мирами, точкой взаимосвязи их политических культур. Юрт вводил выезжих династов во внутреннюю политику Московского государства, так как они элементарно начинали проживать на его территории, и в то же время он представлял Москву на внешнеполитической сцене, так как служил местом свободного отъезда и приезда татарской знати, иногда «тронным местом», неким аналогом «настоящих» татарских государств. В целом этот институт являлся одним из инструментов, включавших само Московское государство в позднесолотоордынский мир и его политическую культуру. Он был одним из «ворот», которые вводили Москву в татарскую Степь.

Список литературы

Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб, 1887. Т. 1. (1688–1701). XXIV, XXXII, 888, LIII с.

Трепавлов В. В. Россия и кочевые степи: проблема восточных заимствований в российской государственности // Восток. 1994. № 2. С. 49–62.

Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсим., пер., транск., текстол. прим., исслед. В. П. Юдина; подг. к изд. Ю. Г. Баранова; комм. и указ. М. Х. Абусеитовой. Алма-Ата: Ғылым, 1992. 296 с.

Kennedy C. The Juchids of Muscovy: a study of personal ties between émigré Tatar dynasts and the Muscovite grand princes in the fifteenth and sixteenth centuries: Unpublished Ph.D. dissertation. Harvard, 1994. 238 l.

Martin J. Muscovite Frontier Policy: the Case of the Khanate of Kasimov // Russian History/Histoire Russe. 1992. Vol. 19. No. 1–4. P. 169–179.

ЛЕВОЕ КРЫЛО УЛУСА ДЖУЧИ В XIII — НАЧАЛЕ XV ВЕКА: ПЕРИФЕРИЯ ИЛИ НАЧАЛО САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ?

Аннотация: В настоящей работе анализируются сведения историографии и источников о статусе левого крыла в Улусе Джучи и его отношениях с правым крылом; выделяется несколько тенденций в освещении истории этой части Улуса Джучи: от признания единства или равноправия двух крыльев до полной зависимости левого крыла от правого или совершенного суверенитета улуса Орды; подчеркивается целесообразность дифференцированного подхода к этому вопросу. На основе сведений источников предложено разделить историю улуса Орды на периоды равноправного существования с улусом Бату; первого независимого периода; вассалитета и второго периода суверенитета. По мнению автора, предпосылки суверенности улуса Орды кроются не только в политических процессах, но и в обособленности его территории, экономики, культурного своеобразия и этнической гомогенности.

Ключевые слова: Улус Джучи, левое крыло, улус Орды, Синяя Орда, Ак Орда, Кок Орда, Орда, Кончи, Урус-хан, Барак-хан.

Abstract: This paper analyzes information of secondary authorities and primary sources on the status of the Left wing within the Ulus of Jochi and its relations with the Right wing. The author identifies several trends in the study of the history of this Jochid ulus' part: from recognition of the unity and equality of two wings to complete dependence of the Left wing on the Right one or the absolute sovereignty of the ulus of Orda. The present study emphasizes the appropriateness of a differentiated approach to this issue. Based on sources' information, the author proposes to divide the history of the ulus of Orda into the following periods: period of equal co-existence with the ulus of Batu, first period of independence, vassalage period and second period of independence. According to the author, preconditions for Orda ulus' independence were not determined only by political processes, but also by the isolation of its territory, economy, cultural identity and ethnic homogeneity.

Key words: Ulus of Jochi, Left wing, ulus of Orda, Blue Horde, Ak Horde, Kok Horde, Orda, Konchi, Urus Khan, khan Baraq.

Историографический экскурс. Статус левого крыла в Улусе Джучи и его отношения с правым крылом обсуждались в историографии с самого начала изучения истории Золотой Орды. П. С. Савельев одним из первых отмечал обособленность левого крыла или улуса Орда-Ичена (улусы Орда-Ичена и Шейбана по его словам составляли Синюю Орду): *«подчинение Орда-Ичена Большой поволжской Орде было более номинальное... самое управление было независимо и владыка улуса освобожден был от обязательных поездок в приволжскую*

Золотую Орду... разделение Джучиевой Орды началось со смертью ее родоначальника» (Савельев 1858: 356). По мнению П. П. Иванова, так называемая Белая Орда [зд.: улус Орды — К. У.], находилась под властью различных полунезависимых династий, родственных ханам Золотой Орды (Иванов 1958: 16). М. П. Вяткин считал, что если при Бату еще поддерживалось единство улусов, то «уже со второй половины XIII в. владения сыновей Джучи жили самостоятельной политической жизнью» (Вяткин 1941: 70). По словам А. Ю. Якубовского, «до начала XIV в. территория Золотой Орды совпадала с теми землями, которые понимали мусульманские источники под термином „Улус Джучи“. Однако, — продолжает историк, — с начала XIV в. Улус Джучи распался на два государства — Кок-Орду [зд.: улус Бату — К. У.] и Ак-Орду [зд.: улус Орды — К. У.], из которых последняя была в вассальной зависимости от первой... После отделения Ак-Орды термин Золотая Орда применялся главным образом к землям Кок-Орды...» (Греков, Якубовский 1950: 261). М. Г. Сафаргалиев не выделял статус Орды среди других братьев Бату, считая его полусамостоятельным государем, признававшим Батю верховным главой государства и несшего определенную повинность в пользу хана и служившего ему (Сафаргалиев 1960: 43). К. И. Петров считал, что улус Орды (Ак Орда) неправильно считается «неким придатком» Золотой Орды. Ак Орда и Золотая Орда, в его представлении, с момента образования, в первой половине XIII в. «являлись двумя отдельными государственными объединениями». История Ак Орды, полагает этот автор, представляет собою проблему «номер один» (Петров 1961: 92, 95, 99). Г. А. Федоров-Давыдов, детально изучавший улусную систему Золотой Орды, писал, что потомки Орды, «будучи номинально вассалами потомков Бату... свели эту зависимость к минимуму, являя собой пример полунезависимых государей, позволявших себе чеканку монеты от своего имени в Сыгнаке» (Федоров-Давыдов 1973: 57). В «Исторической географии Золотой Орды» В. Л. Егорова читаем: «понятия „Улус Джучи“ и „Золотая Орда“ в территориальном и государственно-правовом отношении не являются синонимами. Улус Джучи после 1242 г. разделился на два крыла, составившие самостоятельные владения двух ханов — Бату и Орды... Оба владения, по сути дела, представляли собой самостоятельные государства с разным кругом внешнеполитических и экономических

интересов. Однако ханы Синей Орды [зд.: улус Орды — К. У.] на протяжении всей ее истории сохраняли по отношению к ханам Золотой Орды определенную (возможно, в большей мере чисто формальную) политическую зависимость» (Егоров 1985: 161). А. П. Григорьев пишет, что потомки Бату и Орды правили в своих землях самостоятельно (Григорьев 1983: 14). Т. И. Султанов признает правителей Кок Орды [зд.: улус Орды — К. У.] фактически независимыми, а «в XIV в. потомки Орда-Эджена свели к минимуму формальный вассалитет от потомков Бату и стали чеканить монеты от своего имени» (Кляшторный, Султанов 1992: 197). В. В. Трепавлов, специально занимавшийся государственным строем Монгольской империи, полагает, что разделение Улуса Джучи между Орду-Эдженом и Бату соответствует монгольскому институту соправительства, при этом обе линии Джучидов имели фактическое равноправие (Трепавлов 1993: 86). В другой работе исследователь уточнил, что «кочевники левого крыла были полностью инкорпорированы в государственную структуру Джучидов и являлись ее неотъемлемым элементом» (Трепавлов 2001: 550). Ю. Е. Варваровский говоря о политическом статусе ханов левого крыла, отмечает, что они пользовались «в пределах своего улуса практически полной самостоятельностью», сохраняя лишь «номинальную форму вассалитета по отношению к сарайским династам», когда ханы ветви Бату «выносили формальный вердикт» на утверждение ханов ветви Орды (Варваровский 2008: 72). Р. Ю. Почекаев, пишет, что «Синяя Орда [зд.: улус Орды — К. У.] фактически являлась независимым государством, и ее правители вспоминали о своем номинальном подчинении сарайским ханам лишь в случае крайней нужды» (Почекаев 2012: 101–104).

Как видим, почти все процитированные историки говорят о зависимости левого крыла от правого, но при этом используют схожий набор характеристик: «вассальная», «номинальная», «формальная», «полусамостоятельная», «полунезависимая» или, наоборот, «полузависимая». Такая зависимость очень похожа на независимость и отсюда другие характеристики: «самостоятельное», «отдельное», «равноправное», «фактически...» или «практически независимое» государство.

В. П. Костюков в статье «Улус Джучи и синдром федерализма» попытался рассмотреть «политическое содержание разделения Улуса

Джучи на два крыла» — проблема, которая, по его мнению, в литературе не ставилась (Костюков 2007: 169). По словам В. П. Костюкова, Ордаиды «давно дразнили» Сарай своей полунезависимостью, «играли» на противоречиях главных монгольских улусов, отличались «непостоянством» и постоянно «предавали» Сарайских владык, все это в итоге и привело к «фатальному» для Ордаидов «угасанию» (Костюков 2007: 203–204).

Иной, более взвешенный и аргументированный подход предложил американский исследователь Томас Оллсен. Впервые в историографии им дана периодизация политического развития улуса Орды (Allsen 1987: 36), в ней он выделял четыре стадии:

1. *период зависимости от западной ветви семьи, Золотой Орды (середина — начало второй половины XIII в.);*
2. *период независимости (вторая половина XIII — первое десятилетие XIV в.);*
3. *возвращение к зависимости (1320–1374 гг.);*
4. *и, наконец, период доминирования улуса Орды над западными родственниками.*

Ранее Т. Оллсена схожий анализ предложили в казахстанской историографии. Н. Н. Мингулов, признавая господствующее мнение о номинальной зависимости улуса Орда-Еджена от Золотой Орды, отмечал, что определить в чем выражался вассалитет трудно. Он выделил периоды фактической независимости (с середины XIII в.); союзнических отношений (рубеж XIII–XIV вв.); борьбы с номинальной зависимостью (начиная с Мубарак-ходжи) (Мингулов 1981: 79–95). Еще более детально к этому вопросу подошел А. И. Исин, который выделял шесть периодов в истории взаимоотношений Кок Орды (Восточного Дашт-и Кыпчака) с Золотой Ордой:

1. *1242–1256 гг. Формирование Кок Орды на базе Улуса Орды как самостоятельного государства;*
2. *1257–1302 гг. Период независимого существования Кок Орды. Равноправные отношения с Золотой Ордой;*
3. *Ок. 1302–1341 гг. Протекторат Золотой Орды над Кок Ордой;*
4. *1342–1357 гг. Номинальная зависимость от Золотой Орды. Фактическая суверенность Кок Орды;*
5. *1357–1378 гг. Второй независимый период. Преобладание (в 70-е гг.) Кок Орды над Золотой Ордой;*

6. 1378–1428 гг. Постепенный распад Кок Орды в результате агрессии Тимура и Тимуридов, распространение власти Ногайской Орды (с 1396 г.) и Шибанидов на степной Казахстан.

По мнению К. А. Пищулиной, государственный статус политического образования Джучидов Восточного Дашт-и Кыпчака на протяжении полутора столетий не оставался неизменным на разных этапах (История 1997: 114).

Таковы в общих чертах некоторые историографические тенденции в изучении этого вопроса.

Орда и Бату: равное соправительство или подчинение младшему брату. После смерти Джучи его место, согласно решению Чингиз-хана, занял второй сын, Бату. Орда, первенец Джучи и старший брат Бату, по словам Рашид ад-Дина *«был согласен на воцарение Бату, и на престол на место отца [именно] он его возвел»* (Рашид ад-дин 1960: 66). Претендовал ли Орда на верховную власть в Улусе Джучи или был вынужден согласиться с решением деда? Согласно легендам XVI в., братья уступали ханствование друг другу: *«Ты мой старший брат, заменивший мне отца, а потому как отец мне. Мы уйдем в чужой йурт. Ты будь ханом»*, — говорил Бату. *«Ты прав, я старше тебя годами. Но ведь наш отец вырастил тебя в заботе и ласке и очень любил тебя... Будь-ка ты ханом! Твое ханствование я стерплю, а мое ханствование ты не стерпишь»*, — возражал Орда. Спор братьев решил «великий дед» (улуғ баба) Чингиз-хан отдав предпочтение второму внуку (Утемиш-хаджи 1992: 92, 121 (рус. перевод) / 376–38а (чагат. текст)).

Вместе с тем, несмотря на формальное главенство Бату в Улусе Джучи, произошло фактическое разделение улусов (людей) между двумя старшими братьями. По словам Рашид ад-Дина, *«из войск Джучи-хана одной половиной ведал он (Орда), а другой половиной — Бату»* (Рашид ад-дин 1960: 66). По свидетельству Вассафа, четыре личные тысячи Джучи, ко времени после его смерти *«составлявшие более одного тумена живого войска, находились под ведением старшего брата Хорду [Орда — К. У.]»* (Тизенгаузен 1941: 84–85). Орда вместе со своими младшими братьями Удуром, Тукай-Тимуром, Шингкуром и Сингкумом *«составил левое крыло [монгольского] войска; и их до сих пор называют царевичами левого крыла»* — *«шах-задаган-и даст-и чап»* (Рашид ад-дин 1960: 66).

Авторы средневековых сочинений всегда отмечали важную роль, которую играл Орда в политической жизни не только Улуса Джучи, но и всей Монгольской империи. Орда вместе со своим младшим братом Бату возглавил третье поколение управленцев Еке Монгол Улуса — эпоху внуков Чингиз-хана. В центре империи внуков поочередно представляли Гуюк, Мунке, Арик-Бука и Хубилай. Вдали от них, на юго-западе от Монголии, в Иране был еще один внук — Хулагу. Именно при них основанная дедом империя достигла пика своего могущества, и при них же начался ее распад. Важнейшие события военно-политической истории Монгольской империи на протяжении второй трети XIII в. происходили с непременным участием Орды. С 1241 г., когда умерли Угедей и Чагатай, последние из оставшихся в живых сыновей Чингиз-хана, Орда приобрел статус старшего из всех Чингизидов: он не был всемогущим, но с ним должны были советоваться (Allsen 1987: 15).

Рашид ад-Дин сообщает, что Орда *«при жизни отца и после него был весьма почитаем и уважаем»* (Рашид ад-дин 1960: 66). Верховный правитель империи Менгу-каан в государственных документах, направлявшихся в Улус Джучи *«по части указов и ясы, имя Орды он [Менгу-каан — К. У.] ставил впереди»* имени Бату (Тизенгаузен 1941: 41). Слух об этом *«почете и уважении»* к Орде дошел и до арабских авторов. Например, ан-Нувайри сообщал, что Орду, одного из сыновей Джучи, некоторые называют сыном самого Чингиз-хана (Тизенгаузен 1884: 150). Иоанн де Плано Карпини, проезжавший через владения Орды в 1246 г., писал следующее: *«Сыновья же Тоссук-кана [Джучи. — К. У.] суть: Бату, он наиболее богат и могуществен после императора; Орду, он старший из всех вождей; Сыбан, Бора, Берке ...»* (Путешествия 1993: 39). Далее описывая земли Орды, через которые проезжал Иоанн де Плано Карпини со своими спутниками, он отмечал: *«В этой земле живет Орду, старший над Бату; мало того, он древнее всех князей татарских»* (Путешествия 1993: 64). По словам автора *«Истории Тартар»*, брата Ц. де Бридиа, Орду — *«старший среди вождей и наиболее уважаем»* (Христианский мир 2002: 110).

После смерти Орды, аксакала третьего поколения Чингизидов, его имя стало запретным, а сам он получил самый почетный посмертный титул Эджен-хан (Иджан-хан, Ежен-хан) — *«Владыка-хан»*,

совершенно вытеснивший его настоящее имя. Современные исследователи, соединив имя и посмертный титул, превратили его в Орда-Ичена. Его младший брат Бату также известен как Саинхан (Почекаев 2006: 23–27): это имя или почетное прозвище, как установил Дж. Э. Бойл, являлось его посмертными титулом (Бойл 2002: 28–31). Такие титулы монголы использовали для обозначения покойных членов ханской семьи. Современники первых Джучидов не называют Орду Еженом (Иченом, Эдженом). Для Карпини, Рашид ад-Дина, Вассафа и других он — просто Орда. Впервые, насколько известно, этот термин в качестве имени Орды употреблен у персоязычного автора первой трети XV в. в сочинении «*Му'изз ал-ансаб*» (История 2006: 39).

Таким образом, резюмируя первый период истории улуса Орды, можно с уверенностью говорить о равноправном положении двух Джучидских улусов (правильнее: их владык) в составе единой Монгольской империи.

На службе Великого каана. Преемник Орды, его старший сын Конкыран, вопреки своему имени не стал сильным (*кон*) и ловким (*кыран*) правителем. Он управлял улусом отца приблизительно до конца 1270-х гг. Его имя упоминается в связи с событиями первой половины 1250-х гг. Речь идет о военных действиях Мунке, только что провозглашенного ханом империи, против Чагатаидов и Угедеидов. Мунке послал одного из своих нойонов с десятью туманами войска, состоявшего из храбрых тюрок, на запад, к границам Улуг-Тага, к местностям (названия не прочитываются), что между Бишбалыком и Каракорумом, чтобы они из той местности ушли и приблизились к стойбищу Кункыран-огула, который находился в пределах Каялыка, и растянул стан до берега Отрара (Рашид ад-дин 1960: 137–138).

По мнению В. В. Бартольда, «чтобы окончательно уничтожить своих врагов, Мунке отправил на запад многочисленное войско, которое должно было занять пространство между Каракорумом и Бишбалыком и соединиться с отрядами Джучидов, расположившимися в местности между Каялыком и Отраром, под начальством Хункирана (или Хункурана), сына и преемника Орды. Все военачальники в чагатайском улусе, заподозренные в сочувствии заговорщикам, были казнены» (Бартольд 1963а: 65; 1963б: 560). Томас Оллсен полагал, что Кункыран

«содействовал Монгкэ в выслеживании бежавших заговорщиков, прочесав территорию от Кайялыка до Отрара из подозрения в намерении тех устроить жестокую бойню» (Allsen 1987: 16).

Так или иначе, верховный каан империи решал эти вопросы напрямую с правителем улуса Орды, а не через Сарайского хана, иными словами Конкыран сохранял прежний статус улуса.

Хан Кончи среди трех представителей Джучидов. Со второй половины 1270-х гг. в улусе Орды на троне утвердился внук Орды и сын Сартактая, Кончи, который *«долгое время был правителем улуса Орды»* (Рашид ад-дин 1960: 67). В годы его правления происходил распад Монгольской империи, сопровождавшийся войнами между многочисленными потомками Чингиз-хана.

Кончи проводил активную внешнюю политику. Сначала он *«завел дружбу»* с Кайдугу и успешно воевал вместе с ним против Хубилая (Рашид ад-дин 1960: 13). После 1280 г. трое старших представителей династии Джучидов — Кончи, Туда-Менгу и Ногай — заключили мир с Хубилаем и вернули из плена Нумугана, сына и наследника юаньского хана. Хубилай ответил дарами и финансовой помощью: согласно *«Юань ши»*, в феврале 1288 г. император предоставил имперскому царевичу Хуо-ни-чи (Кончи) 500 унций серебра, жемчужное ожерелье и вышитые ткани. В следующем году жалование (в какой форме, не указано) было отправлено войскам Кончи (Allsen 1987: 21). В связи с восстанием Тулуидов против Хубилая и его сына Нумугана имя Кончи часто упоминается наравне с именами Туда-Менгу и Ногай, что еще раз свидетельствует о полноправном статусе наследника Орды среди Джучидов. Кроме того, Кончи, как видно из документов, напрямую вел дипломатические переговоры и торговал с Китаем.

Юаньский Китай — не единственное направление его внешней политики. Кончи был *«другом и приверженцем»* ильханов Ирана и постоянно отправлял послов к Аргун-хану, Гейхату-хану и Газан-хану *«с изъявлением любви и искренней дружбы»*, *«единодушия и просьбой о союзе»* (Рашид ад-дин 1960: 67; 1946: 134). Сведений о контактах Кончи в этот период с сарайскими ханами не сохранилось. После заключения мира с потомками Тулуя в Иране и Китае у Кончи испортились отношения с соседями на юге, где правили потомки Угедая и Чагатая. Соперничество происходило, в том числе из-за городов

на юге и юго-востоке Казахстана. В источнике упоминается *Кары-Сайрам*. Потомки Орды уже в это время расширяют свои владения с востока на юг в сторону Чу-Таласских кочевий. Это, конечно же, вызвало войну с Кайдун, хозяином Жетысу. По словам Рашид ад-Дина, Кары-Сайрам *«находится в зависимости от Кайдун, [причисляясь] к улусам Кунджу»* (Рашид ад-дин 1952: 81).

Тем не менее, в целом правление Кончи было мирным и спокойным. Это не ускользнуло от внимания достаточно осведомленного путешественника Марко Поло: *«У царя [Севера], т. е. Кончи — К. У.] много народу, но он ни с кем не воюет и мирно правит своим народом»* (Книга 1995: 206).

Как видим, примеры внешнеполитической деятельности правителя улуса Орды и отзывы о нем современников свидетельствуют о самостоятельности, без каких-либо намеков на формально-номинальный вассалитет. На последнее обстоятельство, как бы указывает другой современник — Рашид ад-Дин: *«С самого начала не бывало случая, чтобы кто-либо из рода Орды, занимавший его место, поехал к ханам рода Бату, так как они отдалены друг от друга, а также являются независимыми государями своего улуса. Но у них было такое обыкновение, чтобы своим государем и правителем считать того, кто является заместителем Бату, и имена их они пишут сверху своих ярлыков»* (Рашид ад-дин 1960: 66). Но и здесь автор прямо указывает, что Ордаиды, во-первых, никуда не ездили за инвеститурой или ярлыками на княжение, и, во-вторых, были независимыми правителями. Что касается имен потомков Бату на ярлыках Ордаидов, с одной стороны, таких ярлыков у нас нет, а с другой стороны, на персидского историка могли оказать влияние иранские хулагуидские аналогии или реалии правления Баяна, следующего правителя улуса Орды, к которому и относилась вся эта цитата.

На пути покорности и подчинения. С эпохи Баяна и его преемников, по всей видимости, и следует начинать отсчет новых реалий в отношениях Сарая и Сыгнака (столицы Ордаидов в XIV в.). Сначала все было как прежде. Рашид ад-Дин называет Баяна суверенным правителем улуса Орды: *«Баян, сын Куинджу, сейчас — государь улуса Орды»; «в настоящее время Баян сидит на месте своего отца Куинджу и по-прежнему ведает улусом отца»; «Баян же по-прежнему*

ведает большей частью улуса Орды»; «в настоящее время он [Баян — К. У.] государь улуса». С ним, как с главой улуса Орды «враждует» Янгичар, сын Кайду, «дружит» государь ислама Газан-хан, могущественный Кайду «опасается» его возможных действий. Затем Кублук, один из потомков Орды, начинает оспаривать власть Баяна, но пока он лишь претендент на власть, «враждующий» с «государем улуса Орды» и довольствующийся войском, «которое отпало от Баяна». Но здесь в смуту Ордаидов вмешались внешние силы: Кайду и Дува, южные соседи улуса Орды, «замыслили» помочь Кублуку «стать» государем того улуса. Однако их замысел не удался, поскольку Баяну «помог» Токта, «который владеет престолом Джучи» (Рашид ад-дин 1960: 14, 66, 67, 68, 212).

По словам персидского историка Абу'л Касима ал-Кашани, автора «Тарих-и Улджайту», «в конце царствования Тукты Тубиджи [Кончи — К. У.], сын Харду [правильно: внук Орды — К. У.], умер. От него остались два известных сына — старший Баян и младший — Мумкия. Баян унаследовал у отца улус и войско, а Мумкия выступил против него и заставил его бежать из страны и улуса и скитаться. Тукта выступил к нему на помощь с несметным кровожадным войском, и одержал победу. Мумкия бежал, и отцовское место утвердилось за Баяном» (Abu'l Qasem 1969: 144). Как видно, власть Баяна оспаривает еще один претендент, и снова Баяну помогает Токта. Следует отметить, что за помощью Баян обращался не только к правителю Сарая. В поисках союзников, он пытался заручиться поддержкой правителей и Сарая, и Тебриза, и юаньского Ханбалыка, задумав создать некий «Большой альянс» (Allsen 1987: 23).

Помощь пришла только из Сарая и она, очевидно, подразумевала какие-то новые условия взаимоотношений. «Наиболее вероятное объяснение потери их [принцев левой руки. — К. У.] автономии заключается в том, что потомки Баяна, столкнувшись с непрекращающимися внутренними и внешними угрозами их власти, были вынуждены обратиться к Узбеку за помощью и защитой, и платой, которую потребовал их покровитель за свою поддержку, было беспрецедентное подчинение принцев левой руки принцам правой руки» (Allsen 1987: 26).

Преемник Баяна, его сын Сасы-Бука, во время своего, по всей видимости, кратковременного правления «следовал по пути

покорности и подчинения... и за все это время ни разу ни на шаг не отступил с пути служения Тугрул-хану и Узбек-хану и ни разу не противоречил и не отказывался от курултая. Сохраняя верность [хану], он умер естественной смертью в 720 году. Усыпальница его находится в крепости Сауран» (Мунтахаб 2004: 73). У ханов левого крыла был свой богохранимый город «маһрусе Сауран».

«Тихий» мятеж и отстранение Ерзена. Ерзен (Ирзан), сын Сасы-Буки, наследовал власть отца по указу Узбек-хана. Он обладал большим умом, проницательностью и знаниями; имел большую власть в стране «и в короткий срок достиг положения, близкого величию самого Узбек-хана. Мудрый, справедливый, благочестивый и богобоязненный падишах построил большую часть медресе, ханака, мечетей и других богоугодных заведений в Отраре, Саурани, Дженте и Барчкенде. Знаменем справедливости и милосердия он превратил весь Туркестан в образец высшего рая, и почти семистам своим сородичам он дал возможность пользоваться общей милостью и дал каждому из них в управление округ или область, так что всякий мог обрести свой юрт, высокую должность, службу и свой круг людей. Никто из знатных людей не притеснял простолюдинов, и никто из простолюдинов не вел себя неучтиво по отношению к знатым. Той безопасности и благоденствия, которые знал улус во дни его правления, потом люди и во сне не видывали» (Мунтахаб 2004: 73). Похоронен Ерзен в городе Сыгнаке (мадине-и Сыгнак) (Мунтахаб 2004: 73).

Несмотря на то, что источник отмечает такую же «покорность и подчинение» Ерзен-хана Узбек-хану, можно предположить, что проводимая внутренняя политика хана улуса Орды, направленная на усиление собственной власти в стране, стремление найти поддержку со стороны мусульманского духовенства, кочевой, и, что еще важнее, городской аристократии туркестанских городских центров не могли не беспокоить сарайского хана. Нет конкретной информации о разногласиях с Сарайским сюзереном, но известно о походе сына Узбек-хана, Танибека, очевидно, в туркестанский регион — туда, где усилился Ерзен. Около 740–741 гг. х. Танибек выступил с войском в Сыгнак. Если к этому времени Ерзен еще был жив, то вполне вероятно, что он мирно передал власть Танибеку, сохранив этим позиции Ордаидов в Степи. Сведений о каких-либо

репрессиях, последовавших после утверждения власти Танибека, в источниках нет. Танибек пробыл в Сыгнаке не долго. Уже в начале 742 г. х., получив известие о смерти отца, он отправился назад. Амиры его младшего брата Джанибека встретили возвращавшегося Танибека в Сарайчике и вероломно убили. Джанибек, заняв отцовский трон, не забыл о мятежной Орде на востоке. Возможно, стремясь заручиться поддержкой местной знати, он утвердил ханом Чимтая (Джимбай), сына Ерзена, и не стал назначать сюда своих ставленников. Новый хан Сыгнакского улуса всю свою деятельность направил на восстановление внутривластной стабильности и *«сломанное исправил так, как это требовалось потребностями времени»* (Мунтахаб 2004: 74).

Начало суверенитета. Конец правления Чимтая был омрачен политическим кризисом: *«смута Бердибека, Джанибека и Кельдибека была в его время»* (Мунтахаб 2004: 74). Речь идет о затяжной гражданской войне в Золотой Орде, спровоцированной приходом к власти Бердибека б. Джанибека в 1357 г. Ослабление власти сарайского хана привело к усилению децентралистских тенденций во всем Улусе Джучи. В 1360-е гг. в Присырдарье, где еще ранее усилилась кытская знать, возвышаются потомки Тукай-Тимура. По свидетельству Утемиша-хаджи, здесь поочередно правили Кара-Ногай (ок. 761 — ок. 763 гг. х.) и Туглы-Тимур (ок. 763 — ок. 767 гг. х.) (Утемиш-хаджи 1992: 113). После их правлений к власти пришел Мубарак-ходжа (768–769 гг. х.), по одним данным — Тукай-Тимурид, по другим — Ордаид (Vasary 2009: 371–385). По словам Натанзи, *«Мубарак-ходжа, из-за непомерного тщеславия и алчности, устроил бунт, и память об этой смуте до сих пор хранится в Дашт-и Кыпчаке. Поскольку люди привыкли к безопасности, благоденствию и спокойствию, смута эта ни к чему не привела. Шесть месяцев спустя он предпочел [свое] исчезновение исчезновению райской обители Туркестана и еще два с половиной года, не зная пристанища, скитался в местах обитания кыргызов и на Алтае, пока там не умер»* (Мунтахаб 2004: 74). согласно дошедшим до нас монетам, он правил всего два года: в 768–769 гг. х. (1366/1367–1367/1368 гг.). С 770 г. х. (1368/1369 г.) в Сыгнаке начинает чеканить свою монету следующий хан — Урус. Обстоятельства правления Мубарак-ходжа-хана неизвестны. Вполне возможно, что его сверж с трона Урус-хан, и он был вынужден еще какое-то

время скитаться недалеко от восточных кочевий Сыгнакского улуса, среди кыргызов, и на Алтае.

Урусов Царев юрт. В деятельности Урус-хана можно выделить два этапа: конец 1350-х — 1360-е гг. — это борьба против восточных киятских беков (Джир-Кутлук и Тенгиз-Бука) и Тукай-Тимуридов; 1370-е гг. — борьба против западных киятов (Мамай) и Шибанидов.

Надо полагать, усиление киятских беков в Восточном Дашт-и Кыпчаке в ущерб бекам других родов и племен вряд ли всех устраивало. Потому-то *«столпы державы и вельможи двора»* (по Натанзи (Мунтахаб 2004: 74), *«амыры войска и управители государства»* (по Ибн Вали (Ускенбай 2013: 187)) сделали ставку на Уруса. Историки того времени сообщают о политической активности в Сыгнакском улусе мангытов, жалаириков, кангыратов, кыпчаков, бахринов, найманов и др. *«По согласию всех амиров войска и гражданских чиновников на престол взошел Урус-хан, благодаря его прозорливости дела государства были устроены. Он так застращал узбекские племена, что все смутьяны притихли»* (Ускенбай 2013: 187). По словам Утемиш-хаджи, *«Урус-хан этот стал великим государем, правил вилайетами всего Туркестана»* (Утемиш-хаджи 1992: 113). После этого взоры Урус-хана были устремлены на запад. *«Когда Урус-хан сел на престол, он на курултае открыл свои сокровенные цели столпам государства и знатным вельможам. Все единодушно стали его воодушевлять и поощрять. После нескольких дней обильных пиров и раздачи каждому щедрых милостей он отправился с походом в ту страну»* (Мунтахаб 2004: 76–77). В течение 1374–1375 гг. он завоевал Сарайчик, Хаджи-Тархан, Сарай и начал здесь чеканку своих монет. В это же время против него в Южном Казахстане выступил Токтамыш, сын казнённого им Туй-Ходжа-оглана, получивший поддержку правителя Мавараннахра, барласского амира Тимура. Урус-хан оставил своих наместников в Поволжье и вернулся в Улытау и присырдарьинский регион.

До его прихода сыновья Урус-хана, Кутлук-Бука и Токтакия, дважды разбили войска Токтамыша, выделенные тому Тимуром. В одном из сражений Кутлук-Бука был ранен и убит, но это только усилило напор узбеков (так именуют в источниках тимуридского круга подданных Сыгнакских ханов, например в *«Матла'ас-са'даин*

ва *маджма-и бахраин*» Самарканди (Тизенгаузен 1941: 198; Ускенбай 2013: 245)), и они снова разбили отряды Токтамыша. Урус-хан направил послов к Тимуру с требованием выдать раненого Токтамыша, грозя в противном случае войной. Тимур дал уклончивый ответ и приготовил войска к выступлению. Осенью 1376 г. войска Урус-хана сосредоточились у г. Саурана, Тимур со своими войсками подступил к окрестностям Отрара. Неблагоприятные погодные условия отсрочили генеральное сражение противников. В мелких сражениях отряды Урус-хана нанесли несколько поражений полководцам Тимура. Потеряв много людей, лошадей и провизии, Тимур зимой 1376/1377 г. отступил в Самарканд и Кеш. В 1377 г. Урус-хан скончался. По характеристике Натанзи, падишах этот был *«непомерно упрямым, гневливым и могущественным»* (Мунтахаб 2004: 76). В нашем контексте важно то, что он был совершенно суверенным правителем *«Урусова царева юрта»* (Ускенбай 2011: 35).

Казахский жайлау Барак-хана. Борьба потомков Урус-хана с Токтамышем, разрушительные походы амира Тимура, война за города Поволжья вызвали упадок экономики, торговли и городской культуры. Приход Токтамыша к власти ознаменовался перемещением политического центра из Присырдарьи в Поволжье; исследователи связывают это событие с временным восстановлением прежнего единства Улуса Джучи. Так ли это было?

Кочевники Восточной Орды частью пошли за новым ханом. Некоторые из них, как, например, мангыты, конгыраты, занимали высокие военные посты в государстве Токтамыша. Другие начали поддерживать потомков Урус-хана, стремившихся к восстановлению своей власти. Если Куйурчуку, сыну Уруса, это не удалось, то уже его сын Барак смог объединить под своей властью прежнюю территорию (Курат 2014: 59–64). По сообщению Абд ал-Гаффар Кырыми Барак-хан в то время жил в местности *«Казахское летовье»* (*«Барак-ханнын мекени ол вакытта Казак йайлагы»* — غلاياي قازاق) (Абдулгаффар 2014: 108, 335). По мнению Кадыргали, Барак был *«влиятельным, большим и сильным бахадуром»* (Сыздыкова 1989: 229; Кадыргали 1997: 114).

Однако предшествовавшее правлению Барак-хана усиление племенной знати и децентрализация власти привели к новым конфликтам, закончившимся смертью Барака. Степная элита поддержала

молодого Абулхайра, представителя другой ветви Джучидов — Шибанидов. «*Баракон царев Казацкий юрт*» (Ускенбай 2011: 35) сузил-ся до отдельных кочевий Керей и Жанибека, старших в потомстве Урус-хана. Усиление Абулхайр-хана вынудило их откочевать на восток, в пределы Могулистана. С этим событием связано образование Казахского государства.

Гомогенный характер территории. Мы рассмотрели историю политической обособленности территории улуса *Орды*, но были еще и другие факторы, способствовавшие территориальной, экономической, культурной и, наконец, этнической обособленности.

Границы территории, на которую распространялась власть Орды и его потомков, установить сложно. В разные периоды времени она сильно изменялась в зависимости от той или иной политической ситуации, как в самом улусе *Орды*, так и за его пределами. Если в начальный период своей истории Ордаиды прочно владели степями Восточного и Северо-Восточного Казахстана, то постепенно они, перемещаясь на юг, взяли под свой контроль часть Южного Казахстана с его городами Сауран, Сыгнак, Джанд, Барчкенд и др. Условно территория улуса *Орды* расширялась с востока на запад. Охватывая вначале пространство между Барабинской низменностью и Кулындынской степью на севере и Тарбагатаем и Балхашом на юге, их владения к концу XIII в. охватывали степи Сарыарки (Казахский мелкосопочник) и горы Улытау на западе, предгорья Каратау на юге. Уже в начале XIV в. ханы улуса *Орды* распространили свою власть на часть Западного Казахстана, достигнув восточных побережий Урала. Эти земли прочно вошли в состав владений Ордаидов при Урус-хане, когда он завоевал степи Нижней Сырдарьи, Северного Приаралья и Мангыстау, очертив таким образом большой и единый хозяйственно-культурный регион: Иртыш — Сырдарья — Урал и Нижняя Волга (восток — юг — запад).

Экономические основы независимости. Основное население улуса *Орды* составляли кочевники, ведущие кочевое и полукочевое скотоводство. Принципы и характер кочевания, состав стада не претерпели существенных изменений за многие столетия. Номады по-прежнему вели меридиональное полукочевое скотоводство. Они сохранили прежние кочевые маршруты и стационарные зимние поселения. Источники говорят о том, что часто кочевники

Восточного Дашт-и Кыпчака на зиму из Сарыарки перекочевывали в Жетысу к берегам Каратала, Аксу и Лепси. Они переходили туда по замершему Балхашу. На зимовке в Каратале застал хана Тимур-Малика, сына Урус-хана, Токтамыш. Сюда же откочевал Куйурчук, другой сын Урус-хана, после победы Токтамыша.

Современные археологические исследования говорят о некоторой распространенности традиций земледелия в среде кочевой степи. По руслу крупных рек Иртыш, Чу, Сырдарья, Сарысу, Нура, Есиль (Ишим), Торгай, Тобол, Ыргыз (Иргиз), Жем (Эмба) и Жайык (Урал) население имело оседлые поселения, которые круглый год не покидались жителями.

Важным подспорьем в хозяйстве кочевников Казахстана XIII–XV вв. оставалась охота на птиц и диких зверей. Шкурки и мех служили предметом торговли. Марко Поло, описывая владения Кончи, так говорит о его жителях: *«те, кто живут здесь в горах и в долинах, большие охотники; ловят они много дорогих животных, высокой цены, и большая им от этого прибыль и выгода; ловят они горностаев, соболей, белок и черных лисиц и много других дорогих животных; из них они выделяют дорогие шубы высокой цены. У них такой снаряд, который промаха не дает»* (Книга 1995: 206).

Развитию экономики и торговли способствовало стабильное политическое развитие, характерное для основного периода истории этого государства, гомогенный характер страны, в отличие от Золотой Орды, для которой было характерно гетерогенное состояние, требовавшее постоянной и сильной центральной власти. Расширение территории государства в XIV в., включение в его состав городов присырдарьинского бассейна способствовало длительному сохранению военно-политической мощи государства.

Отрицательно сказывались на экономическом и политическом развитии междоусобицы и внешние войны. В последней четверти XIV в. экономика страны испытывала период упадка, вызванный, с одной стороны, разрушительными походами правителя Мава-раннахра амира Тимура и, с другой стороны, вовлечением в борьбу за золотоордынские города Поволжья.

Религиозные воззрения. Несмотря на многолетнее господство ислама в Восточном Дашт-и Кыпчаке еще до прихода монголов, большая часть кочевников по-прежнему придерживалась

языческих представлений. С приходом монголов позиции ислама еще более ослабли. По свидетельству Марко Поло, подданные хана Кончи (Канчи) строго *«держатся татарского [монгольского — К. У.] закона... соблюдают они его так же точно, как соблюдал Чингис-хан и другие истые татары; делают они своего бога из войлока и называют его Начигаи* [очевидно, одно из низших монгольских божеств. — К. У.]; *делают ему и жену, называют двух богов Начигаем и его женой; говорят, что они боги земные и охраняют их скот, хлеба и все их земное добро. Они им молятся; когда едят что-нибудь вкусное, так мажут своим богам рты»* (Книга 1995: 206).

Но пройдет не так много времени и потомки Чингиз-хана познакомятся и примут новую веру — ислам. Берке был открытым приверженцем ислама. Некоторые потомки Орды уже при рождении получали мусульманские имена, например, по линии Кули, второго сына Орды были Мусульман, сын Кули и Мубарак, внук Кули (Рашид ад-дин 1960: 69–70). Однако официальное принятие ислама проходило почти одновременно с аналогичным явлением в Золотой Орде и владениях Чагатаидов лишь в 1320–1330-е гг. Начиная с этого времени, официальной религией правящей элиты становится ислам. Это выразилось в двух заметных явлениях: в строительстве различных религиозных учреждений — мечетей и медресе, которые возводили ханы в своих городах, и в том, что ханы стали добавлять к своим именам новые мусульманские имена. Урус-хан стал Мухаммад-Урусом; Токтамыш — Махмуд-Токтамышем. Другим чингизидам уже при рождении стали давать мусульманские имена: Мубарак-ходжа, Джалал ад-дин, Мухаммад и т. д.

Религиозные центры кочевников Улуса Орды находились на юге в Туркестане, тогда как в Золотой Орде были иные центры.

Этническая обособленность. Исследователи неоднократно говорили о большей социальной и экономической консервативности левого крыла по сравнению с правым (Федоров-Давыдов 1973: 141, 150). Улус Орды определяется как хранилище неисправимых номадов, для которых характерны консерватизм и традиционализм. Именно принцы левого крыла выступили хранителями древних степных традиций, когда в конце XIV в. пришли на смену прежним ханам Золотой Орды (Allsen 1987: 37–38). Здесь, в этой политически, экономически, культурно и территориально обособленной

исторической области, в XIV–XV вв. происходит завершающий этап казахского этногенеза (История 1997: 287–295).

В завершение следует отметить, что дифференцированный подход к решению проблемы статуса левого крыла (улуса Орды) в Улусе Джучи, предложенный в работах Т. Олсена и некоторых казахстанских авторов, на мой взгляд, является более обоснованным и отвечающим реалиям той исторической эпохи. Более того, проанализированный в настоящей работе источниковый материал свидетельствует о необходимости дальнейшего исследования и поиска новых источников. Улус Орды был левым крылом Улуса Джучи лишь в начальный период своей истории, когда сохранялось единство всей Монгольской империи. Орда, глава *принцев левой руки*, был равноправным соправителем Джучидского улуса. Далее, если его первый преемник Конкыран сохранил *статус-кво* и решал внешнеполитические вопросы напрямую с Великим кааном, а не с преемником Бату, то уже следующий хан Кончи, как мы могли это видеть, обладал не только полноправным статусом среди Джучидов, но и получил суверенитет без каких-либо намеков на формально-номинальный вассалитет. До начала смуты в улусе Орды в первое десятилетие XIV в. никакого вассалитета или зависимости восточного улуса от западного не было. Только когда правители Золотой Орды Токта и Узбек оказали легитимному наследнику Кончи Баяну помощь в борьбе за власть, они получили в лице самого Баяна и его сына и наследника Сасы-Буки верных вассалов. Политика Ерзена и Чимтая свидетельствовала о стремлении восточных Джучидов к максимально широкой автономии, а с началом междоусобной войны в Сарае и вовсе наметился процесс восстановления потерянного суверенитета. В правление Урус-хана происходит объединение единого этнополитического образования фактически сложившейся казахской народности в рамках собственного государства — «*Урусов Царев юрт*» — прообраза Казахского государства. Потомки Урус-хана смогли сохранить отцовский «*Царев юрт*» и уже в начале XV в. мы видим его внука во главе этой страны, которая стала именоваться «*Бараков царев Казацкий юрт*» или «*Барак-ханнын Казак йайлагы*». Уже на основании двух этих сведений мы можем отодвинуть время возникновения Казахского государства к 1420-м гг. Однако это уже другая тема, требующая привлечения новых источников.

Таким образом, можно выделить следующие условные периоды истории улуса Орды:

1. 1226–1252 гг.: первый период равноправных отношений Орды и Бату; соправительство;
2. 1253–1277 гг.: второй период равноправных отношений; монгольский улус Конкырана;
3. 1277–1300 гг.: первый суверенный период; «*Северный царь Канчи*»;
4. 1300–1341 гг.: первый зависимый период; полное подчинение Сарайским ханам;
5. 1342–1361 гг.: второй зависимый период; формальный вассалитет;
6. 1361–1368 гг.: второй суверенный период; начало независимости Сыгнакского улуса и междоусобица в Сарае;
7. 1368–1377 гг.: третий суверенный период; «*Урусов Царев юрт*»; сложение основ Казахского государства;
8. 1378–1396 гг.: период упадка; борьба потомков Урус-хана за отцовский «*Царев юрт*»;
9. 1396–1428 гг.: период временного восстановления государства и начало новой казахской государственности; «*Барак-ов царев Казацкий юрт*».

Первоначальный монгольский удел старшего сына Джучи прошел длительный путь от улуса как части империи до первого самостоятельного Казахского государства. На протяжении всего этого времени (XIII–XV вв.) государственное образование восточных Джучидов на современной территории Казахстана играло важную роль в международных отношениях евразийского континента и по этой причине не могло быть периферией или окраиной джучидской истории.

Список литературы

Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Книга 1: Транскрипция, факсимиле. Транскрипция Дерья Дерин Пашаоглу; отв. Редактор И. М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 420 с.

Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья // Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. М.: Наука, 1963а. Т. II. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. С. 23–106.

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. М.: Наука, 1963б. Т. I. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. 760 с.

Бойл Дж. Э. Посмертный титул Бату-хана // Тюркологический сборник. 2001. Золотая Орда и ее наследие / Ред. кол.: С. Г. Кляшторный (пред.), В. В. Трепавлов, Д. М. Исхаков. М.: Вост. лит.-ра РАН, 2002. С. 28–31.

Варваровский Ю. Е. Улус Джучи в 60–70-е годы XIV века. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. 128 с.

Вяткин М. П. Очерки по истории Казахской ССР. Алма-Ата: ОГИЗ. Госполитиздат, 1941. Т. 1. С древнейших времен до 1870 г. 368 с.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 470 с.

Григорьев А. П. Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. Вып. 7. С. 9–54.

Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 247 с.

Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). М.: Изд-во АН СССР, 1958. 248 с.

Исин А. Трактровка политической истории Кок-Орды // Вестник Университета «Семей». 1997. № 1. С. 99–105.

История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): в пяти томах. Алматы: Атамұра, 1997. Т. 2. 624 с.

История Казахстана в персидских источниках. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. III. Муизз ал-ансаб (Прославляющее генеалогии) / Отв. ред. А. К. Муминов; пер. с перс., предисл., прим., подг. факс. к изд. Ш. Х. Вахидова; сост. указ. У. А. Утепбергеновой. 672 с.

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алматы: Рауан, 1992. 375 с.

Книга Марко Поло. Алматы: Наука, 1995. 352 с.

Костюков В. П. Улус Джучи и синдром федерализма // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. № 1. С. 167–207.

Курат А. Н. Собрание сочинений. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. Кн. 1. Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы. 256 с.

Қадырғали Жалаир. Шежірелер жинағы / Шағатай-қазақ тілінен аударып, алғы сөзің жазғандар Н. Мингулов, Б. Көмеков, С. Өтениязов; жалпы редакциясын қараған М. Мағауин. Алматы: Қазақстан, 1997. 128 б.

Мингулов Н. Н. К некоторым вопросам изучения истории Ак-Орды // Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории) / Отв. ред. А. Х. Маргулан. Алма-Ата: Наука, 1981. С. 79–95.

Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини / та'лиф-и Му'ин ад-дин Натанзи; бе-эһтемам-и Парвин Истархи. Тегран: Асатир, 1383/2004. 454 с.

Петров К. И. Киргизско-кыпчакские отношения (к вопросу об этногенезе и переселении киргизов) // Известия АН КиргССР. Сер. обществ. наук. 1961. Т. III. Вып. 2 (история). С. 81–105.

Почекаев Р. Ю. Батый: хан, который не был ханом. М.: АСТ: АСТ Москва; СПб.: Евразия, 2006. 350 с.

Почекаев Р. Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Евразия, 2010. 464 с.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы: Гылым, 1993. 248 с.

Рашид ад-дин. Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. Кн. 1 / Пер. с перс. Л. А. Хетагурова; ред. и прим. А. А. Семенова. 221 с.

Рашид ад-дин. Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 2 / Пер. с перс. Ю. П. Верховского; примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова; ред. И. П. Петрушевского. 260 с.

Рашид ад-дин. Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. Т. 3 / Пер. с перс. А. К. Арендса; под ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса и А. Ю. Якубовского. 340 с.

Савельев П. С. Монеты Джучидские, Джагатайские, Джалаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша // Труды Восточного отделения Русского археологического общества. СПб., 1858. Ч. 3. С. 203–528.

Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжн. изд-во, 1960 (Ученые записки Мордовского гос. университета. Вып. XI). 276 с.

Сыздыкова Р.Г. Язык «Жами ат-таварих» Жалаири. Алма-Ата: Наука, 1989. 243 с.

[Тизенгаузен В.Г.] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1884. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. 564 с.

[Тизенгаузен В.Г.] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. 308 с.

Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М.: Наука, 1993. 168 с.

Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Вост. лит.-ра РАН, 2002. 752 с.

Ускенбай К. З. Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII — начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013. 289 с.

Ускенбай К. З. Становление Казахского ханства и политической организации казахов (середина XV — начало XVII в.) // Историко-культурный атлас казахского народа. Алматы: Print-S, 2011. С. 22–39.

Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсим., пер., транск., текстол. прим., исслед. В. П. Юдина; подг. к изд. Ю. Г. Баранова; комм. и указ. М. Х. Абусеитовой. Алма-Ата: Ғылым, 1992. 296 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973. 180 с.

Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года / Критический текст, пер. с латыни «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа С. В. Аксенова и А. Г. Юрченко; экспозиция, исследование и указатели А. Г. Юрченко. М.: Евразия, 2002. 478 с.

Abu'l Qasem ibn 'Ali ibn Mohammad al-Qashani. The History of Uljaytu / Ed. by M. Hambly. Tehran: Rinted in Ziba Press, 1969. 255 p.

Allsen Th. T. The princes of the Left Hand: an introduction to the history of the Ulus of Orda in the thirteenth and the early fourteenth centuries // Archivum Eurasiae medii aevi. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 1987. T. V: 1985. P. 5–40.

Vasary I. The Beginnings of Coinage in the Blue Horde // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. 2009. Vol. 62(4). P. 371–385.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ АЛТАЙСКИХ КЫРГЫЗОВ И ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Аннотация: Взаимоотношения алтайских кыргызов и Золотой Орды строились в эпоху сложных процессов этнических, политических и социальных изменений в регионе. Алтайские кыргызы в описываемое время (XIII–XIV вв.) всячески стремились закрепиться в границах новых государств и сохранить паритет сил, благодаря взаимодействию с Золотой Ордой. Это отмечено как в исторических, так и культурных источниках, среди которых широко известен эпос «Манас». Совместное противостояние врагам, успешные действия являлись фактором консолидации сил Золотой Орды и алтайских кыргызов.

Ключевые слова: алтайские кыргызы, Золотая Орда, потомки Джучи, этногенез.

Abstract: The relationship of the Altai Kyrgyz and the Golden Horde were built in the era of complex processes of ethnic, political and social changes in the region. Altai Kyrgyz in the described time (13th–14th centuries.) Did everything to gain a foothold in the borders of the new states and to maintain parity of forces due to the interaction with the Golden Horde. It is noted in the historical and cultural sources, including well-known epic „Manas“. Joint opposition enemies successful operations forces were consolidating factor of the Golden Horde and the Altai Kyrgyz.

Key words: Altai Kyrgyz, the Golden Horde, the descendants of Jochi, ethnogenesis.

В течение долгого времени алтайские кыргызы обозначались мусульманскими авторами XIV–XV вв. преимущественно общими политонимами «моголы» или «чагатаи», что весьма затрудняет изучение их этнической истории. Объединение Моголистана под властью чагатаидских ханов, превращение городов Восточного Туркестана в административный, торговый и политический центры страны, способствовали развитию экономических, политических и культурных связей между отдельными могольскими племенами. В этих условиях, как справедливо отмечал В. П. Юдин, на базе местных тюркоязычных племен шел процесс образования новой этнической общности на территории Моголистана (Юдин 1965: 61).

Однако, в силу значительной отдаленности местопребывания кыргызских племенных объединений от центральных районов Моголистана, ассимиляционное воздействие крупных могольских племен в отношении кыргызов проявлялось крайне неэффективно.

Впоследствии процесс консолидации могольских племен был приостановлен разорительными, непрерывными походами Тимура и тимуридов в Моголистан, а также ослаблением политического единства государства в результате усиления центробежных тенденций удельных феодальных владетелей. Нашествие Тимура и его наследников во второй половине XIV — начале XV в. в Моголистан и вызванное этим обострение междоусобной феодальной борьбы, сопровождавшееся истреблением целых родоплеменных объединений, привело к уходу многих могольских племен в Дашт-и Кипчак, Мавераннахр, Хорасан и даже в Монголию (Юдин 1965: 60).

Таким образом, происходят новые перегруппировки могольских племен. Прежние могущественные племена (дуглаты, канглы, бекчик и др.) теряют былое значение, тогда как некоторые родоплеменные объединения, ранее игравшие второстепенную роль в политической жизни страны, теперь выдвигаются на первый план (Мокеев 1991: 13).

Именно к этому периоду относится усиление кыргызских родоплеменных объединений, вокруг которых стала консолидироваться и часть могольских племен. Одновременно с ростом влияния внутри страны активизируются внешнеполитические акции правителей кыргызских племен Алтая и Прииртышья. В частности, в источниках нашли отражение некоторые стороны взаимоотношений кыргызов с государством Ак Орда. В кратком введении четвертой части шестого тома «Бахр ал-асрар» Махмуда ибн Вали, где излагается история потомков Джучи в Дашт-и Кипчаке в связи с событиями, происшедшими после смерти Тимура и Токтамыша, рассказывается о нападениях кыргызов на Ак Орду.

Следовательно, в это время алтайские кыргызы являлись близкими соседями государства Ак Орда, которое в районе Прииртышья непосредственно соприкасалось с пределами расселения кыргызских племен. Об общности этнической, политической и культурной традиции населения юго-западного Алтая и восточного Дашт-и Кипчака указанного периода свидетельствует широкий круг материалов, рассмотренных в работе известного исследователя Алтая Л. П. Потапова. В этой связи он пришел к выводу о том, что алтайские племена, входившие в восточную часть Джучиева улуса, жили общей культурно-бытовой жизнью с соседними кипчакскими племенами

Белой Орды (Потапов 1953: 151). Незадолго до Куликовской битвы часть владений монгольской империи, завещанная Чингисханом его старшему сыну Джучи (улуси Джучи), была разделена на Золотую Орду со столицей в Сарай-Берке и Белую Орду (Ак Орда) со столицей в Сыгнаке. С конца XIV в. земли Ак Орды назывались также Узбекским улусом. Ак Орда возникла и оформилась как самостоятельное государство в условиях усиления позиций местной тюркской и тюркизированной знати. Она была населена тюркоязычными племенами, издавна обитавшими в степях Казахстана, а также племенами, переместившимися сюда из Монголии и Южной Сибири во время завоевательных походов Чингисхана. Среди последних были тюркские и тюркизированные монгольские племена. Здесь обитали кыпчаки, найманы, уйсуну (уйшуны), аргыны, карлуки, кереиты, канглы, конграты, мангыты и многие др.

Однако, в связи с противоречивыми сведениями русских летописей и мусульманских авторов относительно Ак Орды и Кок Орды, в научной литературе до сих пор продолжается дискуссия по проблеме локализации этих самостоятельных государственных образований, возникших на территории бывшего Улуса Джучи. Не вдаваясь в детали этой запутанной научной проблемы, следует только отметить, что в данном контексте «Бахр ал-асрар» Махмуда ибн Вали термин «Ак Орда» однозначно оказывается отнесенным к территории современного Казахстана, т. е. к территории прежнего улуса Шибана (Федоров-Давыдов 1968: 224–230).

Как известно, в 1407 г. престол Золотой Орды достался Пулад-хану, сыну Тимур-Кутлук-хана (Босворт 1971: 204). «Во время его правления, — сообщает Махмуд ибн Вали, — потомки Тукай-Тимур-хана, которые в период войны Тимура против Токтамышша бежали в пределы Франкистана (Европы), вернулись в свой наследственный юрт Хаджитархан (Астрахан), доставшийся их предкам от самого Бату-хана. Таким же образом, из окрестностей (аз хава-ли) страны кыргызов, в сторону своего (прежнего) местопребывания двинулись Шейбаниды, и остановились на берегу реки Итиль» (Махмуд ибн Вали [б. г.]: 26).

Далее Махмуд ибн Вали рассказывает, что когда Пулад-хан установил свою власть в стране, он решил наказать кыргызские племена (аквам-и кыргыз), которые совершали набеги в пограничные районы Ак

Орды. Однако, Шейбаниды по той причине, что во время нашествия Тимура бежали к кыргызам и пользовались их покровительством, отказались принять участие в походе Пулад-хана. Несмотря на это, Пулад-хан сам отправился против кыргызов и очистил от них окрестности Ак Орды. В этих же рассказах Махмуд ибн Вали сообщает, что Ак Орда находилась в восточной части Дашт-и Кипчака и соприкасалась с землями кыргызов (Махмуд ибн Вали [б. г.]: 27–28).

Как явствует из приведенных сведений, в конце XIV — начале XV в. область, где проживали кыргызские племена, непосредственно прилежала к восточным границам Дашт-и Кипчака и служила убежищем для джучидских царевичей, бежавших от преследований Тимура. К ним через Золотую и Ак орды проникает ислам. Это подтверждается также сообщением из «Мунтахаб ат-таварих-и Муини» Муин ад-Дина Натанзи о том, что один из ханов восточной ветви потомков Джучи, правивших в низовьях Сыр-Дарьи, Мубарак-Ходжа (XIV в.) был изгнан из своего ханства и блуждал два года и шесть месяцев в стране кыргызов и на Алтае (Mu'in al-Din al-Natanzi 1336/1957: 89). В другом месте Муин ад-Дин Натанзи, рассказывая об обстоятельствах перераспределения границ Ак Орды и Кок Орды после междоусобной войны между Ногаем и Токтаем, сообщает, что пределы Ак Орды, доставшиеся потомкам Ногая со стороны Улуг-Тага, Сенгир-Агача и Кара-Тала достигали до Туласа (Бартольд 1968: 505). Тесные политические и этнокультурные связи алтайских кыргызов с населением Ак Орды в рассматриваемый период впоследствии нашли широкое отражение в эпосе «Манас». Так, согласно материалам варианта эпоса, записанного В. В. Радловым, сам Манас принадлежал к роду сары-ногой, а его отец — Джакып являлся сыном хана Ногая. По мнению первого исследователя эпоса «Манас» Ч. Ч. Валиханова, героические поэмы кыргызов, в том числе и «Манас», сложились в XIV–XVI вв., и они рассказывают о деяниях исторических личностей эпохи могущества Золотой Орды (Валиханов 1986: 349). В этой связи следует отметить и совпадение имен некоторых сподвижников Манаса и Токтамыша. Так, в татарском народном эпосе «Идегей» среди витязей эпического Токтамыша перечисляются сын Акбалтыра Уак, сын Монжыра Чубак и предводитель аргынов Кара-Ходжа (Идегей 1988: 46). А в эпосе «Манас» ближайшими ратниками Манаса являются Чубак сын Акбалты, Кара-Ходжа из племени

аргынов, а Уак или Абак является названием союзного кыргызам племени. Весьма примечательно, что в упомянутом татарском эпосе юртом Токтамыша является огромная территория, охватывающая пространства от рек Идел (Волга) и Жаек (Яик) до Иртеша (Иртыш) и Чулманн (Чулышман), восточные пределы которого совпадают с этнической территорией алтайских кыргызов.

Список литературы

Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов // Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. М.: Наука, 1968. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. С. 195–229.

Босворт К. Э. Мусульманские династии / Пер. с англ. с прим. П. А. Грязневича. М.: Наука, 1971. 380 с.

Валиханов Ч. Ч. Очерки Джунгарии // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений: в 5 т. Алма-Ата: Казахск. Сов. энциклопедия, 1985. Т. III. С. 325–356.

Идегей. Татар халык дастаны. Казань: Тат. кит. нәшр, 1988. 160 б.

Мокеев А. М. Этапы этнической истории и социальной организации кыргызского народа // Известия АН Республики Кыргызстан. Сер. обществ. наук. 1991. № 4. С. 13–18.

Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар. Ксерокопия рукописи ИВР РАН ФВ 337. 56 л.

Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.: Наука, 1953. 442 с.

Федоров-Давыдов Г. А. «Аноним Искандара» и термины «Ак-Орда» и «Кок-Орда» // История, археология и этнография Средней Азии. К 60-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР д-ра ист. наук, проф. С. П. Толстова / Ред. кол.: А. В. Виноградов [и др.]. М.: Наука, 1968. С. 224–230.

Юдин В. П. О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахскими и другими соседними народами // Известия АН Казахской ССР. Сер. обществ. наук. 1965. Вып. 3. С. 52–65.

Mu'in al-Din al-Natanzi. Muntakhab-i tawarikh-i Mu'ini, Extraits du Muntakhab al-Tavarikh-i Muini (Anonyme d'Iskandar) / Ed. J. Aubin. Tehran: Librairie Khayyam, 1336/1957. 505 p.

КРЫМСКОТАТАРСКО-НОГАЙСКАЯ АНТРОПНИМИЯ. К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ИСЛАМА В КУЛЬТУРЕ КРЫМСКИХ ТАТАР И НОГАЙЦЕВ

1. На протяжении многих сотен лет Северное Причерноморье было орбитой для формирования и многовекового проживания нескольких тюркских народов — крымских татар и причерноморских ногайцев. Так с конца XV и до начала XVIII в. на территории Южной Украины кочевали влиятельные объединения причерноморских ногайцев, сыгравших важную роль не только в истории Украины, но и Восточной Европы. Однако, несмотря на это, их происхождение, этническая история, культура и быт остаются до сих пор малоизученными и потому представляют исключительный интерес. Другой тюркский народ, этногенез которого проходил на территории Крымского полуострова — крымские татары, также остаются малоизученными, до сих пор остается открытым ряд вопросов по этнографии крымских татар.

2. Анализ имен у мусульманских народов тюркского происхождения может пролить свет не только на малоизученные вопросы этнической истории, межэтнических влияний и контактов, но и на особенности эволюции их духовной жизни, специфику мировоззрения и, в частности, на степень укорененности у них ислама. По этой причине в настоящей статье рассматриваются эти вопросы.

3. Важно отметить, что этнография средневековых причерноморских ногайцев является практически неизученной, в частности, вопрос о характере религиозных верований у ногайцев Северного Причерноморья никогда не привлекал внимание исследователей. Средневековые путешественники, побывавшие в орде, видели в них «развратных и дурных мусульман», однако, объективные данные для реконструкции религии причерноморских ногайцев еще не использовались.

4. Одним из источников для изучения степени распространения ислама среди указанных народов, является антропонимия, поскольку в исламе, как и в других монотеистических религиях, особое внимание уделялось выбору имени ребенка. В исламе осуждается использование не «канонизированных» имен, а таковыми считаются имя Пророка — *Мухаммад*, имена других пророков и праведников, а также имена, образованные от 99 известных эпитетов Аллаха с компонентом *Абдул* («раб») (Максуд 1998: 243–244).

Вместе с тем, известно, что народы, принявшие ислам в большей или меньшей степени сохраняли и языческие традиции. и верования. Отразилось это и в антропонимии, сохраняющей домусульманский пласт личных имен. Таким образом, анализ именника причерноморских ногайцев и крымских татар позволит в какой-то степени подтвердить или опровергнуть мнение средневековых путешественников о том, что представители ногайского этноса были «плохими» мусульманами и определить степень распространения ислама среди крымских татар.

5. Личные имена ногайцев Северного Причерноморья упоминаются в ряде опубликованных исторических документов того времени, важнейшим подспорьем для реконструкции антропонимии этой этнической группы является топонимия, поскольку названия большинства ногайских аулов происходят от имени его главы или прародителя родовой группы. Среди источников, в которых перечисляются названия ногайских аулов, можно отметить очень подробную карту Бауэра (конец XVIII в.) (*Carte de la Moldavie 1775*), а также список ногайских аулов перед их окончательным выселением из Буджака в 1807 г. (Скальковский 1848). Все эти данные позволяют составить репрезентативный список личных имен причерноморских ногайцев.

В качестве источников для изучения крымскотатарской антропонимии мы использовали имеющиеся опубликованные исследования по этой тематике, а также похозяйственные книги и материалы полевых этнографических исследований, собранные нами в горном Крыму в 2007–2009 гг. Следует отметить, что не смотря на то, что эта проблематика неоднократно была предметом изучения (Суперанская, Шейх-Аметов 1987), однако опубликованные работы носят в основном справочный характер и предназначены для

сотрудников государственных учреждений с целью упорядочить и унифицировать написание украинским языком крымскотатарских мужских имен и отчеств, тогда как время и место употребления имен, степень их распространенности, мотивы номинации и другую важную историко-этнологическую информацию авторы не рассматривают.

6. Анализ именника ногайцев Северного Причерноморья (было выявлено более 250 личных имен) позволил прийти к выводу о значительной их исламизации, поскольку большой процент имен относится к «каноническим», среди них и наиболее популярное имя — *Мамбет* (стяженное от Мухаммад), в том числе в составных именах (*Ормамбет*). Однако большинство имен ногайцев являются не мусульманскими, а восходят к древнетюркскому антропонимическому фонду, сложившемуся задолго до принятия кочевниками ислама. Среди них благопожелательные имена (*Темир* «железо»), (*Кутлу* «счастливый»), имена, отражающие внешние признаки (*Караджа* «черноватый»), обстоятельства рождения: (*Докуз-бей* «девятый сын в семье») и др.

Однако, распространенность у причерноморских ногайцев домусульманских имен, по нашему мнению, свидетельствует не столько о слабой их исламизации, а скорее отражает важнейшую особенность культуры и ментальности тюркских кочевников — стойкую их приверженность к своим исконным традициям, консерватизм в быту, уважение к обычаям предков.

7. Состав именника крымских татар (проанализировано около 2300 имен) свидетельствует о стойкой укорененности среди крымских татар исламской религии. Относительно наличия домусульманских имен у крымских татар времен Крымского ханства, о степени их распространенности и эволюции никаких исследований не проводилось. Этот вопрос остается открытым для будущих исследований, как для лингвистов-филологов, так и для этнологов. О всеобъемлющей роли ислама в духовной культуре и быте крымских татар свидетельствует тот факт, что в современной крымскотатарской антропонимии более 90% имен являются заимствованными из арабской и персидской антропонимики. Причем, если несколько десятилетий назад исследователями насчитывалось около ¼ имен тюркского происхождения, то в наше время тюркских имен

насчитывается около десятка. Условно в крымскотатарской антропониимии можно выделить имена из арабской, персидской, тюркской, западноевропейской, восточнославянской антропонимики, так называемые гибридные имена, которые состоят из тюрко-арабской или тюрко-персидской основы, а также имена, образованные в советскую эпоху. Однако, несмотря на глубокое проникновение ислама в культуру крымских татар, традиционными для них являются сокращенные варианты личных имен, которые были заимствованных из арабского языка, исконно тюркские имена крымские татары обычно не укорачивали. Таким образом, можно предположить, что сохранение и употребление именно укороченных, искаженных вариантов имен в быту у крымских татар (например, Абдулазис → Абляз, Захра → Зера) объясняется попыткой тюрков всячески сохранить свою культуру и языческую религию в противовес новопровозглашенному исламу. Такая оппозиция исламу отобразилась в частности в антропониимии у исламизированных тюркских народов Северного Причерноморья.

Список литературы

Максуд Р. Ислам / Пер. с англ. В. Новикова. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1998. 304 с:

Скальковский А. А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Статистический очерк. Одесса: Тип. Т. Неймана и Ко, 1848. 158 с.

Суперанская А. В., Шейх-Аметов М. А. Крымскотатарские имена // Справочник личных имен народов СССР / Под ред. А. В. Суперанской, Ю. М. Гусева. М.: Русский язык, 1987. С. 185–195.

Carte de la Moldavie: pour servir a L'Histoire militaire de la guerre entre les Russes et les Turcs / levée par l'Etat Major sous la direction de F.G. de Bawr, marechal général de logis, lieutenant gen. des armées de S. M. Imp. de toutes les Russies, chevalier de l'ordre de St. Alexandre Newsky, de St. George et de St. Anne. Amstelodami, [1775].

СЕКЦИЯ

**Политическая и социальная история
Золотой Орды и золотоордынских государств**

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ПЕРВЫХ КАЗАНСКИХ ХАНОВ

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы статуса Улуг-Мухаммада и Махмуда в период их правления в Казани. Представления о том, что в 1445 г. Махмуд заложил основы самостоятельного Казанского ханства, сложилось в официальной московской канцелярии только в XVI веке. В то время как синхронные источники указывают на то, что ханы Улуг-Мухаммад и Махмуд вели борьбу за верховенство в Улусе Джучи. При этом Казань в их руках выступала скорее центром объединительной политики, нежели столицей нового государства.

Ключевые слова: Золотая Орда, Казанское ханство, Московская Русь, Крымское ханство, Улуг-Мухаммад, Махмуд.

Abstract: The article deals with the problem of the status of the Ulug-Mohammad and Mahmoud during their reign in Kazan. The notion that in 1445 Mahmoud laid the foundation for independent Kazan Khanate was formed in the office of the official Moscow only in the 16th century. While synchronous sources indicate that the Khans Ulug-Mohammad and Mahmoud fought for supremacy in the Jochi Ulus. This Kazan in their hands appeared more unifying center of the policy, rather than the capital of the new state.

Key words: Golden Horde, Kazan Khanate, Muscovy, Crimean Khanate, Ulug-Mohammed, Mahmoud.

В середине XV столетия центробежные политические процессы, поразившие Золотую Орду, привели к автономизации ее улусов и образованию самостоятельных ханств. Исторические источники и историки не дают однозначного ответа на вопросы: кто, когда и при каких обстоятельствах основал Казанское ханство? По одной версии это сделал свергнутый с сарайского престола Улуг-Мухаммад в 1437–1438 гг., по другой — его сын, Махмуд, в 1445 г. Причем в последние годы ученые чаще склонялись ко второй версии, так как это представление находит отражение в большем числе источников. Однако все эти сведения имеют позднее (начиная с XVI в.) происхождение и исходят из официальных московских кругов, то есть не верифицируются независимыми источниками. А версия о том, что Улуг-Мухаммад основал ханство, известна исследователям в основном по данным «Казанской истории», автора которой критиковали за недостоверность изложения. Но в своих суждениях казанский летописец был не одинок. Представления о том, что именно

Улуг-Мухаммад был первым казанским ханом, фиксируется и в татарской исторической традиции (Миргалеев 2012: 96; Миргалеев, Пашаоглу 2014: 45; Смирнов 1887: 207). Вдобавок к этому летописцы-современники событий, начиная с конца 1430-х гг., повествуют о походах Улуг-Мухаммада на восточные и юго-восточные окраины Московского государства, что косвенно указывает на присутствие хана в Среднем Поволжье (Аксанов 2014: 139–142).

При анализе проблемы становления казанской государственности необходимо учитывать и политические традиции Улуса Джучи, заложенные его основателями и отвечавшие социально-экономическому укладу кочевого государства. В зимнее время ставка хана располагалась на юге, в Нижнем Поволжье, где основным городом был Сарай, а летом она откочевывала на север, в район Булгара. То есть со времен хана Бату Булгар являлся сезонной столицей Золотой Орды (Измайлов 2009: 450).

Вместе с тем в 1420-е гг. Новым Булгаром (Булгар аль-Джадид) начинают именовать Казань (Измайлов 2009: 468; Перевод 2014: 900). Данное обстоятельство указывает на то, что в руках Улуг-Мухаммада и его потомков Казань могла выступать равнозначным по отношению к Сараю центром Улуса Джучи, а при успешной политике — даже центром объединения всей Золотой Орды. Этим объясняется и позиция летописцев XV в., которые, в отличие от более поздних авторов, умалчивали о возникновении Казанского ханства в конце 1430-х гг. в силу того, что приход Улуг-Мухаммада в Среднее Поволжье не осмыслился современниками событий как основание нового государства. Вероятнее всего, это виделось возвращением хана в свои северные владения в условиях очередной «замятни». Причем, как показывают дальнейшие события, Улуг-Мухаммад не отказался от борьбы за южные улусы и в первой половине 1440-х гг. восстановил свою власть в Деште и в Крыму, а в 1445 г. подчинил Великое княжество Московское (Беспалов 2012: 63; Пономарев 2014: 146; Сабитов, Якушечкин 2015: 179). Таким образом, в памяти современников Улуг-Мухаммад оставался золотоордынским ханом. Его потомки не сумели удержать юг, но сохранили власть в северных улусах Золотой Орды, самым значительным из которых был Казанский юрт, доставшийся старшему сыну Улуг-Мухаммада, Махмуду. При этом Махмуд унаследовал от

отца своеобразный суверенитет — титул «вольного царя», служивший достаточным обоснованием для контроля казанцев над землями, лежавшими далеко за пределами Булгарского улуса.

Поэтому допустимо, что политические цели первых казанских ханов не отличались от амбиций крымских, большеордынских и шибанских Чингизидов, стремившихся к верховенству в поздней Золотой Орде. Об этом свидетельствуют и грамоты митрополита Ионы, составленные между 15 декабря 1448 г. и 31 марта 1461 г. Обращает на себя внимание, что ни в заглавиях, ни в основных текстах грамот хан Махмуд и его князь Шаптяк не названы казанскими, хотя само послание направлено именно в Казань, где находились адресаты. Вместо этого в заглавии первой грамоты Махмуд назван «царем татарским», а в заглавии второй грамоты Шаптяк — князем «цесаревым», или царевым. И лишь помета на полях уточняет, что речь идет о казанском царе. Далее, обращаясь к Махмуду, Иов несколько раз использует эпитет «великий»: «твое великое имя и дръжаву», «великое твоё господство», «великом господстве», «твоим великим государством и жалованием» (Русский феодальный архив 1986: 154–155). В контексте существовавшей политической культуры этот эпитет указывал на превосходство хана по отношению к другим носителям данного титула, его часто использовали поздnezолотоордынские Джучиды, претендовавшие на верховенство в Орде. К примеру, великим (جڤظعلا, аль-азым) называл себя Сахиб-Гирей (Тарханный подтвердительный ярлык 2014: 919–920). Великими (улуг) значились ханы Большой Орды (Меховский 2014: 826). Следовательно, Махмуда принимали пока за золотоордынского хана-царя.

Кроме того, в текстах грамот Махмуд четырежды назван «вольным царем». На первый взгляд может показаться, что это характеризует его только лишь как самостоятельного правителя. Но необходимо учесть, что в данных документах это слово употребляется в контексте эпитетов «великий» и «татарский». Поэтому в нашем случае фраза «вольный царь» могла означать еще более лестную оценку положения Махмуда, связанную с его превосходством по отношению к другим «царям» Золотой Орды. Учитывая особенности средневековой политической системы тотального, хоть зачастую и номинального, соподчинения всех правителей, «вольным»

мог быть только верховный «царь», то есть законный властитель всего Улуса Джучи. Так, во время поездки за ярлыком в Орду боярин И. Д. Всеволожский обращался к Улуг-Мухаммаду, называя его «вольным царем» (Полное собрание 2001: 96).

Не случайно и в тексте заглавия митрополичьей грамоты вместо словосочетания «казанскому царю» написано «татарскому царю». Вероятнее всего, такая значимая терминологическая рокировка произошла с учетом политических амбиций хана Махмуда, который подобно своему отцу стремился быть «царем» всех татар Золотой Орды. Впрочем, возможно, Иов понимал, что на верховенство в Орде претендуют и другие ханы (отсюда помета на полях «царю казанскому»), но в данном послании для благополучного решения своих торговых дел в Казани признавал превосходство Махмуда над остальными Джучидами. Тем более что это соответствовало политике Великого княжества Московского, выплачивавшего «выход» в Казань, признавая золотоордынские наследственные права ее ханов.

Впрочем, такая оценка соответствовала и реальной государственной практике: за годы правления Махмуда и его сыновей установилась политическая стабильность, обусловившая безопасную торговлю для купцов из разных стран, и усилилась власть Казани на новых территориях. В орбиту влияния ханства были включены Вятская земля и Великая Пермь (Бахтин, Хамидуллин 2014: 292). А к 1469 г. территория Казанского ханства простиралась до Урала, включая Беловолжскую, Иштыцкую (Костяцкую/Остяцкую) и Башкирскую земли (Полное собрание 1949: 282). То есть к этому времени под властью потомков Улуг-Мухаммада оказалась значительная часть северных улусов Золотой Орды. Так на территории Среднего Поволжья и Западного Приуралья началась история Казанского ханства, которое по статусу было наследницей и частью Золотой Орды, а территориально — новым политическим образованием.

Список литературы

Аксанов А. В. Образование Казанского ханства глазами современников и потомков // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2(4). С. 135–147.

Бахтин А., Хамидуллин Б. Политическая история Казанского ханства // История татар с древнейших времен в семи томах. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. С. 289–358.

Беспалов Р. А. Хан Улу-Мухаммед и государства Восточной Европы: от Белева до Казани (1437–1445) // Золотоордынская цивилизация. 2012. Вып. 5. С. 53–70.

Измайлов И. Булгарский улус: Булгар и другие эмираты // История татар с древнейших времен в семи томах. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в. С. 448–470.

Меховский М. «Трактат о двух Сарматиях» // История татар с древнейших времен в семи томах. Казань: Институт истории АН РТ, 2014. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. С. 823–831.

Миргалеев И. М. Сведения Абдулгаффара Кырыми о Казанском ханстве // Средневековые тюрко-татарские государства. 2012. Вып. 4. С. 96–98.

Миргалеев И. М., Пашаоглу Д. Д. Обзор сочинения «Умдет ал-ахбар» Абдулгаффара Кырыми // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2(4). С. 35–60.

Перевод фрагмента хроники «Хикайат» об истории возникновения Казани / Пер. И. Мустакимова // История татар с древнейших времен в семи томах. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. С. 900.

Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2001. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. X, 302 с.

Полное собрание русских летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. / Под ред. Н. М. Тихомирова. 464 с.

Пономарев А. Л. Ибрагим, сын Махмудека: вхождение во власть и кошельки (1) // Золотоордынское обозрение. 2014. № 1(3). С. 128–162.

Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1986. Т. 1. / Под ред. В. И. Буганова. 221 с.

Сабитов Ж., Якушечкин А. Кто был ханом в Крыму в 1456 году? // Крымское историческое обозрение. 2015. № 2. С. 175–185.

Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб.: Университетская тип. в Казани, 1887. 768 с.

Тарханный подтвердительный ярлык, выданный казанским ханом Сахиб-Гиреем группе лиц (929 г., сафар 13 = 1523, января 1) / Пер. В. В. Трепавлова // История татар с древнейших времен в семи томах. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. С. 919–920.

О НЕКОТОРЫХ СИМВОЛАХ ВЛАСТИ (ТРОН И КОРОНА: ОТ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ К КАЗАХСКОМУ ХАНСТВУ)

Аннотация: В работе рассматриваются такие символы власти и государственной атрибутики средневековых государств как трон и корона. Автор приводит данные источников о наличии данных символов в Монгольской империи и постмонгольских государствах. Исследователь высказывает предположение, что трон и корона использовались в Казахском ханстве в качестве символов верховной власти и государственности. Автор свое предположение обосновывает материалами казахского фольклора и сведениями письменных источников. По мнению автора, своим происхождением трон и корона были связаны с монгольскими государственными атрибутами власти. В свою очередь, монголы, вероятно, заимствовали их от государств более раннего периода.

Ключевые слова: трон, корона, символы власти, Казахское ханство, Монгольская империя.

Abstract: The paper deals with such symbols of power and state paraphernalia of medieval states as a throne and crown. The author cites sources of data on the availability of these symbols in the Mongol Empire and post-Mongol states. The researcher suggests that the throne and crown were used in the Kazakh Khanate as a symbol of sovereignty and statehood. The author justifies his assumption by the materials of Kazakh folklore and information of written sources. According to the author, the origin of the throne and crown have been associated with the Mongol government attributes of power. In turn, the Mongols, probably borrowed them from the States of earlier period.

Key words: throne, crown, symbols of power, the Kazakh Khanate, the Mongol Empire.

Исследование символов власти и государственной атрибутики средневековых государств Казахстана, их значимости в контексте эволюции казахской государственности является важной, однако очень слабо разработанной научной проблемой. Работ, специально посвященных данной проблематике, единицы. Например, имеется только одно исследование, где специально рассматривается такой символ власти и государственности казахов как печати казахской правящей элиты (Ерофеева 2001).

Вместе с тем перечень внешних символов власти в средневековых государствах Центральной Азии может быть значительным. Так, например, российский исследователь А. Г. Юрченко к властным атрибутам кочевой империи относит: золотой шатер, трон с «подушкой власти», зонт, корону, государев флаг, государственную печать,

пайцзы, воинский барабан, халаты с геральдическими символами, воинские пояса, булавы, жезлы, мужские шапки-орбелге и женский головной убор боктаг, золотой полумесяц (Юрченко 2012: 87). В исторических источниках имеются данные, свидетельствующие в пользу предположения о наличии в Казахском ханстве таких символов власти как трон (каз. *тақ*, перс. تخت) и корона (каз. *таж*, перс. تاج), на которых мы и намерены остановиться.

В целом, трон и корона как символы верховной власти существовали во многих средневековых государствах Центральной Азии, в том числе и в Монгольской империи. В средневековых исторических сочинениях содержатся подтверждающие это письменные свидетельства и наглядные иллюстрации. Так, например, о троне Чингисхана имеются сведения в отчете китайского дипломата Чжао Хуна (1221). Китайский дипломат пишет, что монгольский император «восседает в кресле [–сиденье] северных варваров, украшенном головами драконов, обложенными золотом» (Юрченко 2012: 90–91). Отметим, что в иллюстрациях к рукописи «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина Чингисхан часто изображается сидящим на троне (рис. 1–4), на голове у него головной убор, напоминающий корону (Филлипс 2004 (вкладка); Из глубины столетий 2004). В сочинении «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» Масуда бен Усмана Кухистани (XVI в.) Чингисхан также изображен на некоем помосте (рис. 5), который можно рассматривать как походный вариант трона (Пугаченкова, Галеркина 1979). Хотя этот источник достаточно поздний, важно, что он демонстрирует представления своих современников о троне как символе власти. Имеются также китайские миниатюры XIV в., где Чингисхан изображен с короной и на некоем сидении (рис. 6–7), которое также можно рассматривать как вариант трона.

О троне великого хана Угедея китайский дипломат Сюй Тин, ездивший в ставку монгольского правителя в 1235–1236 гг., сообщает следующее: «Кресло, в котором восседает татарский правитель в шатре, — как сиденье проповедника в буддийском монастыре и также украшено золотом» (Цит. по: Юрченко 2012: 91). У Плано Карпини, францисканского монаха, посетившего в XIII веке ставку Батые и столицу монгольской империи Каракорум, имеется сообщение о троне Гуюк-хана: «Трон же был удивительным образом

вырезан из слоновой кости. На нем также были золото и драгоценные камни, и, если мы правильно помним, и жемчуга. И по ступеням он поднимался на этот [помост], который сзади был круглым» (Цит. по: Султанов 2006: 85). В «Донесении брата Бенедикта Поляка» (1247) имеется следующее описание Гуюка и внутреннего устройства его золотого шатра: «...Итак, будучи введены в Сыра-Орду [Золотую Орду — Н. А.], то есть в ставку императора, они увидели его [в следующем облике: он], имел [на голове] корону, блистал удивительным одеянием, сидел посредине шатра на некоем помосте, многообразно украшенном золотом и серебром и снабженном сверху решеткой, на который поднимались по ступеням, [пользуясь] четырьмя различными лестницами» (Цит. по: Юрченко 2012: 92). В исторической энциклопедии Винченца де Бове (XIII в.) при описании коронации Гуюк-хана также говорится, что он был посажен на «некое золотое сиденье» (Юрченко 2012: 56).

У ильхана Газан-хана, по свидетельству его визиря и историографа Рашид ад-Дина, был очень роскошный золотой трон, усыпанный жемчугом и яхонтами (Султанов 2006: 85; Рашид ад-Дин 1946: 189–190). На одной из средневековых миниатюр Газан-хан изображен сидящим на троне со своей женой Булуган-хатун (рис. 8). Сохранились и другие миниатюры с изображением трона ильханидов (рис. 9–10). Трон в них часто украшен лотосом и фигурами драконов (Юрченко 2012: 95). В миниатюре «Маджма ат-таварих» Хафизии Абру представлены монгольские правители, сидящие на тронах с коронами на головах (рис. 11). А. Г. Юрченко отмечает также, что в каменных изваяниях в имперском заповеднике в Монголии (XIII–XIV вв.) имеются изображения фигур, сидящих в креслах (Юрченко 2012: 91)¹.

Имеются данные о существовании подобных атрибутов верховной власти и у джучидов Дашт-и Кыпчака. По словам Вильгельма де Рубрука, трон Бату представлял собой «длинное и широкое позолоченное ложе; к трону вели три ступени; сидели же на троне правитель с госпожой» (Цит. по: Юрченко 2012: 90–91), т. е. трон был внушительных размеров, и на нем могли уместиться несколько

---

¹ Об особом обряде интронизации правителей Монгольской империи и семантике головного убора («Великой шапки») у монголов см.: Скрынникова 1997: 106–112.

человек. На Лицевом летописном своде, именуемом «Князь Ярослав на приеме у Бату» (рис. 12), основатель Золотой Орды изображен сидящим на «подушке власти»¹ (троне), с короной на голове (Юрченко 2012: 364). У арабского путешественника XIV в. Ибн Баттуты имеется следующее описание трона золотоордынского хана Узбека: «... деревянный престол, обложенный серебряными позолоченными листиками; ножки его из чистого серебра, а верх усыпан драгоценными камнями. Султан садится на (этот) престол; с правой его стороны хатун Тайтуглы и рядом с нею хатун Кабак, а с левой стороны — хатун Баялун и возле нее хатун Урдуджи» (Сборник материалов 1884: 290)². В среде историков России существует версия о золотоордынском происхождении знаменитой шапки Мономаха (рис. 13), «символа великокняжеской власти и суверенитета Московии» (Мусульманский папа 2011).

Данные атрибуты власти, по-видимому, сохранились в государствах, возникших после распада Золотой Орды. Так, например, Д. М. Исаковым высказано предположение о существовании в тюрко-татарских государствах XV–XVII вв. определенной государственной символики. Исследователь приводит сведения источников о наличии в них таких элементов государственной власти как корона, трон, печати и др. В частности, он, говоря о короне, ссылается на известия русских дипломатических документов, что во время приема английского посольства Ер. Бауса (1583–1584) московский царь Иван IV сидел, «имея возле себя три короны: Московскую, Казанскую и Астраханскую». Последние две короны (рис. 14–15), по мнению исследователя, были военным трофеем.

¹ А. Г. Юрченко указывает, что изображение «подушки власти» соответствует ее форме и размерам на персидских миниатюрах (Юрченко 2012: 96). Наличие в миниатюрах изображения короны у Чингисхана, Гуюка, Бату, Газана и редкое присутствие его в персидских миниатюрах поздних ильханидов вызывает определенный интерес, возможно, исчезновение у ильханидов короны как государственного символа было связано с принятием Газан-ханом ислама и проведенными им большими реформами в государстве.

² В новом казахстанском издании Сборника дается немного другой перевод: «... большой трон, который они называют тахт. Он [сделан] из резного дерева; столбики его покрыты листьями позолоченного серебра, а ножки [сделаны] из чистого серебра с позолотой; поверх его [постлан] большой ковер. Посреди этого большого трона [лежит] тюфяк, на котором сидят султан и старшая хатун. С правой стороны его — тюфяк, на котором сидит дочь его Иткуджуджук вместе с хатун Урдуджей, а с левой — тюфяк, на котором сидит хатун Байалун с хатун Кабак» (История Казахстана в арабских источниках 2005: 225).

Данную гипотезу Д. М. Исхаков подкрепляет известием «Казанского летописца», что среди захваченных русскими в Казани (после завоевания города) ханских сокровищ упоминается «венець царский», который был передан русскому царю. Также исследователь указывает на сведения о существовании «Сибирской короны» (рис. 16). Помимо этого, он приводит выдержку из одного крымского документа, где имеется следующее описание одеяний Чингисхана — он был «в могульской ханской короне, имеющей верх зеленый, обитой белою с золотом и жемчугом шалью, с пером наперед из перьев колпицы [птица семейства ибисов — Н. А.] и дорогих камней с жемчужными подвесками». Хотя в документе эти описания приписываются Чингисхану, по мнению исследователя, они были характерны для Гиреев, правителей Крымского ханства. Далее Д. М. Исхаков приводит из того же документа сведения о троне: «на троне на синих подушках лежат: на правой стороне закон ... а по левой тарак (т. е. тамга Гиреев — Исхаков), принятый в символическую тамгу или герб». По мнению исследователя, в источниках имеются данные о наличии трона и в других татарских государствах. Он пишет: «на существование трона в Касимовском ханстве намекает автор „Сборника летописей“ Кадыр-Али-бек, рассказывая о „поднятии“ четырьмя карача-беками на „золотой кошме“ Ураз-Мухаммета, приводит изображение престола (тәхет) в виде четырехугольника». Кроме этого в «Казанском летописце» упоминается «царское место златное». Татарский исследователь полагает, что здесь «имеется трон или тронное место» (рис. 17) (Исхаков Д. М. 2009: 101–103).

Следует отметить, что в дипломатических документах Московского государства XV–XVI вв. имеется указание на наличие у джучидов некоего «золотого столца Саин-хана», под которым может подразумеваться трон Батые. В 1514 г. Ахмед-Гирей, сын хана Большой Орды Менгли-Гирея, писал польскому королю Сигизмунду I: «Отца нашего Саина царя золотой столец в руках у нас» (Посольские книги 1995: 46). В послании Менгли-Гирея к киевскому воеводе сообщается: «Ты Ахмата царя прогнал, царя отца столец взял» (Цит. по: Трепавлов 2011: 252). Кроме этого в сочинении XVI в. «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи дважды упоминается трон Саин-хана. В одном случае он пишет «...на троне Саин-хана в вилайете

Сарая...» (Сайын-хан тәхтіндә Сәрай вiлайәтіндә), в другом «...в городе Сарая на троне Саин-хана...» (Сәрай шәһриндә Сайын-хан тәхтіндә) (Утемиш-хаджи 1992: 109, 118, 136, 144). Имеется упоминание «трона Саин-хана» в «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани». Описывая интронизацию Абу-л-Хайр-хана в Орду-Базаре, автор данного сочинения Масуд бен Усман Кухистани пишет: «...трон Саин-хана украсился присутствием влиятельного хана...» (Материалы 1969: 155). О «троне Саина» говорится и в других источниках, например, в Таварих-и гузида-йи нусрат-наме, автор которого конкретно еще не известен и в «Шейбани-наме» Камал ад-Дина Бинаи (Материалы 1969: 17, 97). В связи с этим В. В. Трепавлов пишет о символичности «тронов Саин-хана» (Трепавлов 2011: 175).

В источниках содержатся данные о существовании рассматриваемых символов власти и у других Шибанидов. Так, например, в «Фатх-наме» Молла Шади говорится: «Когда Йадгар взошел на ханский престол» (Материалы 1969: 54). В «Фирдаус ал-икбал» Муниса и Агахи имеются следующие сведения о потомках Шибанида Йадгар-хана, которые сначала правили в казахских степях и в начале XVI века перекочевали в Хорезм: «После Аминек-хана ханский престол украсился его (Ильбарс-хана — Н. А.) персоной. В году девятьсот одиннадцатом он овладел Хорезмом и возложил себе на голову корону хорезмшахов» (Материалы 1969: 437). О наследственных короне и престоле (یثوروم تخت و جات) пишет Шибанид Мухаммед Шейбани-хан в своем письме к правителю Казахского ханства Касыму (Алам-ара-йи 1389: 253). Хафиз Таныш в «Шараф-наме-йи шахи» приводит стих, посвященный Абд ал-Мумину, сыну Шибанида Абдаллах-хана (конец XVI в.), в котором имеются следующие строки:

«Когда он возложит на голову корону власти,

Сядет на трон шаханшахов...» (Хафиз-и Таныш 1983: 89).

Представляют интерес и рисунки в «Краткой Сибирской летописи» (Кунгурская летопись), где имеются изображения трона и короны (рис. 18–21) (Семен Ремезов 1880; История Казахстана в русских источниках 2005б).

Существует мнение, что с распадом Монгольской империи ее коронационный ритуал был вытеснен тюркским обрядом поднимания ханов на войлоке (Юрченко 2012: 63). По-видимому,

в постмонгольских тюркских государствах долгое время сохранялся и ритуал интронизации. Например, до нашего времени дошло предание «Бограхан (Карахан)», где описан ритуал возведения башкирских ханов на престол из белого камня («Акташ» — Белый камень) (Исянгулов. Ритуал возведения). О том, что в XIX веке ханы Бухары при своем восшествии на престол должны были воссесть в Самарканде на кукташ («голубоватый мрамор»), находящийся в медресе Мирзы Улугбека сообщал русский дипломат барон Е. К. Мейендорф (Мейендорф 1975: 90).

Учитывая, что Казахское ханство является наравне с другими постджучидскими политическими объединениями наследником государственных традиции Золотой Орды, а через нее и Монгольской империи, мы вправе предположить преемственную связь в их символах власти¹. Исходя из этого, нами осуществлен поиск подтверждающих данное предположение материалов.

Неиссякаемым источником информации по истории и культуре казахского народа является его фольклор, передававшийся устно из поколения в поколение. Именно в нем встречаются указания на существование трона и короны у казахских ханов. Так, например, в исторической песне «Сабалак»², посвященной великому казахскому хану Абылаю, при описании его восшествия на трон ханства говорится:

«Тәжіні әкеп кигізді өз қолымен,
„Тағыңыз мүбәркәлі болсын!“ деді.

...

Тәжі киіп, хан болып, мінді таққа

...

„Тақ пен тәжің басыңда құтты болсын,

Пайданды Алла Тағала берсін көпке“» (Бабалар сөзі 2010а: 213–214).

«Собственноручно надел ему на голову корону,
и сказал: „Пусть будет благословенным Ваш трон!“

¹ Интересно, что источники говорят об отсутствии у Эмира Тимура и его преемников (нечингизидов) деревянного трона (см.: Юрченко 2012: 97–98).

² Выражаю большую благодарность сотрудникам Института литературы и искусствознания им. М. О. Ауэзова КН МОН РК к. фил. н. А. Токтару и Е. Нуржума за предоставленную возможность ознакомиться с электронным вариантом мультимедийного «Бабалар сөзі».

...

Надев корону, стал ханом, взошел на трон.

...

“Да будет благословенным трон и корона на голове,
Пусть Бог позволит принести тебе пользу людям“»
(здесь и далее подстрочный перевод автора).

В другой, посвященной Абылай-хану исторической песне «Абылай хан әңгімесі», имеются следующие строки:

«Жас бала таққа мініп, киді тәжді...» (Бабалар сөзі 2010а: 224).

«Юноша взошел на трон, надел корону...»

О троне и короне говорится в исторической поэме «Қожеке»

(Бабалар сөзі 2006: 48), в историческом эпосе «Жанқожа батыр» (Бабалар сөзі 2010в: 296), в новеллистических дастанах «Орқа — Күлше» (Бабалар сөзі 2004а: 222) и «Шаһмаран» (Бабалар сөзі 2004б: 194).

В фольклоре многочисленны упоминания о троне. Так в поэме-обращении знаменитого Бухар-жыру к Абылай-хану встречаются следующие строки:

«Әй, Абылай,

Жиырма беске келгенде,

Бақты берді басыңа,

Тақты берді астыңа» (Бес ғасыр 1989: 94).

«Әй, Абылай!

В двадцать пять достались тебе счастье и трон».

Также в фольклорных материалах казахов имеется конкретизация трона «алтын тақ» — «золотой трон». Например, знаменитый жырау и батыр XVII в. Маргаска так обращается к известному казахскому хану Турсыну:

«...Алтын тақта жатсаң да,

Ажалы жеткен пақырсың!» (Бес ғасыр 1989: 6).

«...Пусть лежишь ты на золотом троне,

Смерть уже настигла тебя».

Как видим, здесь речь идет о большом троне, где хан мог не только сидеть, но и лежать.

Умбетей-жырау, извещая Абылай-хана о смерти знаменитого батыра Богенбая, говорит:

«...Тағы да талай бақ берсін,

Балаңа алтын тақ берсін...» (Бес ғасыр 1989: 80).

«...Пусть [Бог] дарует тебе счастье,
а сыну твоему золотой трон...».

В одной из поэм-обращений Бухар-жырау к хану Абылаю приводятся такие строки:

«...Алтын тақтың үстінде
Үш жүздің басын құрадың...» (Бес ғасыр 1989: 98).

«...На золотом троне [сидя],
объединил ты три жуза...».

В историческом эпосе «Есім хан» (Есим-хан) говорится:
«Патшаның бағы тайса, соры қайнап,
Тиынға жарамайды алтын тағы» (Бабалар сөзі 2009: 298).

«Если счастье изменить царю,
Тиын (грош, копейка) цена его золотому трону».

В исторических эпосах «Жантай батыр» (Бабалар сөзі 2010б: 342), «Мырзаш батыр» (Бабалар сөзі 2010. Т. 63: 104), легенде в стихах «Алаша хан» (Бабалар сөзі 2012: 137), в новеллистическом дастане «Сыршы молда» (Бабалар сөзі 2004а: 44) упоминается только корона (тәж).

Свидетельством глубокого проникновения этих символов власти в сознание и быт казахского народа являются упоминания короны и трона в казахских народных загадках. Например:

«Мекен қып бұ жиһанды падиша өткен,
Ол падиша алтын тақты мекен еткен.

Басында падишаның алтын тәжі,

Сол тәжі ақырында түбіне жеткен (Шам)» (Бабалар сөзі 2010д: 147, 241).

«Жил на свете один царь,
Восседал он на золотом троне,
На его голове была золотая корона,
Она и стала причиной его кончины (Свеча)».

Все приведенные нами свидетельства взяты из материалов казахского фольклора. Как известно, некоторые историки отказывают устному творчеству казахов в историчности, придавая статус аутентичности только письменным свидетельствам. В корне не соглашаясь с таким подходом к источникам, мы, все же, решили поискать и письменные свидетельства. В ходе изучения письменного наследия мусульманского Востока нам удалось обнаружить

некоторые данные, которые подтверждают материалы казахского фольклора. Так в «Тарих-и Рашиди» Мирзы Мухаммед Хайдара Дуглата имеется сообщение, что после смерти Мамаш-хана «на ханский трон сел Тахир хан» (Дулати 1999: 324; Материалы 1969: 222; Мирза Мухаммад Хайдар Дуглат 1389: 405) [تسشن ناختختر بنادر هاط]. Сведения о троне и короне у казахских правителей содержатся в недавно введенном нами в научный оборот анонимном персоязычном сочинении Сефевидской историографии «Алам-ара-йи шах Исмаил» (О сочинении см.: Атыгаев, Джандосова 2013: 73–84). Описывая поездку в первой четверти XVI в. посла Шибанидов Джанибек-султана к правителю Казахского ханства Касым-хану и его прием казахским ханом, неизвестный автор данного сочинения пишет: «Преодолев долгий путь, Джанибек-султан прибыл в Степь. Касым-хану доложили о прибытии Джанибек-султана. Касым-хан направил ему навстречу степных аксакалов, и те, оказав Джанибек-султану почет и уважение, препроводили его к Касым-хану. Приглядевшись, он увидел Касым-хана, который, как свирепый див, восседал на Чингизхановом троне (ی ناخزینگچ تختی لابر), сделанном из чистого золота; и четыре угла этого трона были сделаны в виде льва, леопарда, тигра и дракона. На голове у него была украшенная драгоценными камнями корона (шапка) Чингиз-хана (ی ناخزینگچ ملاک), стоимостью в семьдесят тысяч туманов» (Атыгаев, Джандосова 2013: 80; Алам-ара-йи 1384: 483). Как видим, общим в описании данного трона с монгольскими тронами являются ее золотая отделка и изображение дракона.

Для нашей темы представляют также интерес и русские архивные документы. В сообщении осведомителя Московского князя Василия Ивановича 3. Зудова от мая 1521 г. имеются следующие слова: «А казатцкого царя Касыма сее зимы не стало. А его два салтана, и они ся еще меж собою бронят, а на [трон] царство никто не сел» (История Казахстана в русских источниках 2005а: 61). В 1581 г. в Москве, описывая сложившуюся в Казахском ханстве после смерти Хакк-Назара ситуацию, ногайский посол Байкеш Темиров говорил: «А государя на Казатцкой Орде нет, а есть дей у них царевичь, да еще не посажен» (История Казахстана в русских источниках 2005а: 177). Данное сведение указывает на существование в Казахском ханстве особого обряда возведения на государственный

трон — интронизации, подобный ритуал был, например, у монголов (Скрынникова 1997: 106–112). Подтверждение этому содержится в вышеназванной казахской исторической песне «Сабалак», где описывается процесс интронизации Абылай-хана, хан Абылмамбет усаживает Абылая на ханский трон и собственноручно надевает на его голову корону (Бабалар сөзі 2010а: 213).

В начале XVIII в. в своем письме к турецкому султану Ахмеду III казахский правитель (имя в тексте отсутствует, по мнению издателей Каип-хан), называл свой трон в Ташкенте «троном Афрасиаба» (Эпистолярное наследие 2014: 93).

Относительно XVIII в. также имеется сведение о кратковременном правлении известного казахского хана Абу-л-Хайра в Хиве. Очевидец этих событий Д. Гладышев пишет о казахском хане: «Хан сидел на ханском месте, которое учреждено амбоном [возвышение — Н. А.], и оно покрыто персидским ковром, а на ковре подушка бархату красного, на которой Хан сидел, и на нем надета челма красная шелковая...» (Поездка из Орска 1851). Хотя речь идет о хивинском троне, очевидно, что для казахского хана Абу-л-Хайра это не было чем-то диковинным.

Таким образом, изучение источников и научной литературы дает возможность предположить, что трон и корона использовались в Казахском ханстве в качестве символов верховной власти и государственности. Своим происхождением они были связаны с монгольскими государственными атрибутами власти. В свою очередь, монголы, вероятно, заимствовали их от государств более раннего периода. Также можно предположить, что в Казахском ханстве существовал особый ритуал интронизации правителей.

Мы остановились только на двух атрибутах власти в Казахском ханстве. Бесспорно наличие в ханстве и других государственных символов. Так, например, в вышеназванном сочинении «Алам-ара-йи шах Исмаил» имеются данные о казахском знамени (знамя Чингисхана) и барабане (Атыгаев, Джандосова 2014: 5–13). О девяти казахских знаменах сообщается в сочинении «Бахр ал-асрар» Махмуда б. Вали (Материалы 1969: 331). В «Тарих» Шах-Махмуда Чураса говорится о семи бунчуках и знаменах казахского правителя Хакк-Назар-хана (Материалы 1969: 380). В казахском фольклоре встречаются сведения о знаменах казахских ханов, например,

о белых знаменах Абылай-хана — «Абылайдың ақ туы», один из которых, по непроверенной информации, находится ныне у казахов Монголии, другой долгое время хранился у казахов Китая (Жәди Шәкенұлы [б. г.]). В сочинении «Тауарих хамса» историка начала XX в. Курбанғали Халида говорится, что красное знамя Урус-хана находилось у казахского хана Есима. Также он писал о красном, белом, зеленом знаменах казахских правителей (Құрбанғали Халид 1992: 103–104)¹. Все эти сведения требуют специального исследования. В целом, ученым-историкам Казахстана еще предстоит решить важную исследовательскую задачу — изучить возникновение и генезис символов власти и государственной атрибутики на территории Казахстана.

Список литературы

Алам-ара-йи шах Исмаил / Предисл., ред. и прил. Асгара Монтазера Сахеба. 2-е изд. Тегеран, 1384. 703 с.

Атыгаев Н. А., Джандосова З. А. Новый источник по истории Казахстана XVI века: предварительные результаты изучения «Алам-ара-йи шах Исмаил» // Отан тарихы (Отечественная история). 2013. № 2. С. 73–84

Атыгаев Н. А., Джандосова З. А. Поход Абу-л-Хайра, сына Касым-хана, против Сефевидов (по данным «Алам-ара-йи шах Исмаил») // Отан тарих (Отечественная история).. 2014. № 2. С. 5–13.

Бабалар сөзі: Жүзтомдық. Астана: Фолиант, 2004а. Т. 1: Хикаялық дастандар. 360 б.

Бабалар сөзі: Жүзтомдық. Астана: Фолиант, 2004б. Т. 2: Хикаялық дастандар. 352 б.

Бабалар сөзі: Жүзтомдық. Астана: Фолиант, 2006. Т. 28: Қытайдағы қазақ фольклоры. 376 б.

Бабалар сөзі: Жүзтомдық. Астана: Фолиант, 2009. Т. 56: Тарихи жырлар. 408 б.

Бабалар сөзі: Жүзтомдық. Астана: Фолиант, 2010а. Т. 57: Тарихи жырлар. 408 б.

---

¹ На это наше внимание обратил к. и. н. А. И. Исин.

Бабалар сөзі: Жүзтомдық. Астана: Фолиант, 2010б. Т. 60: Тарихи жырлар. 448 б.

Бабалар сөзі: Жүзтомдық. Астана: Фолиант, 2010в. Т. 62: Тарихи жырлар. 376 б.

Бабалар сөзі: Жүзтомдық. Астана: Фолиант, 2010 г. Т. 63: Тарихи жырлар. 456 б.

Бабалар сөзі: Жүзтомдық. Астана: Фолиант, 2010д. Т. 64: Жұмбақтар. 432 б.

Бабалар сөзі: Жүзтомдық. Астана: Фолиант, 2012. Т. 89: Аңыздық жырлар. 432 б.

Бес ғасыр жырлайды: 2 томдық / Құрастыр: М. Мағауин, М. Байділдаев. Алматы: Жазушы, 1989. Т. 1. 384 б.

Ерофеева И. В. Символы казахской государственности. Позднее средневековье и новое время. Алматы: Изд. дом «Аркаим», 2001. 152 с.

Жәди Шәкенұлы: Ер Жәнібек — қазақтың хас батыры // <http://kerey.kz/?p=81>.

Из глубины столетий / Сост., вступ. статьи и комм. Б. Л. Хамидуллина. Казань: Татар. кн. изд-во, 2004. 271 с.

История Казахстана в арабских источниках. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. I. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем / Подготовка к новому изданию, введение, дополнения и комментарии Б. Е. Кумекова, А. К. Муминова. 711 с.

История Казахстана в русских источниках. Алматы: Дайк-Пресс, 2005а. Т. I. Посольские материалы Русского государства (XVI–XVII вв.) / Сост., транскрипция скорописи, специальное редактирование текстов, вступ. ст., комм., сост. словарей указателей А. Исина. 704 с.

История Казахстана в русских источниках. Алматы: Дайк-Пресс, 2005б. Т. 2. Русские летописи и официальные материалы XVI — первой трети XVIII в. о народах Казахстана / Сост., транскрипция, комм., вступ. ст. И. В. Ерофеевой. 448 с.

Исхаков Д. М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Тат. книжн. изд-во, 2009. — 143 с.

Исянгулов Ш. Ритуал возведения на престол древнебашкирского хана // <http://www.pandia.ru/text/77/499/12023.php>

Құрбанғали Халид. Тауарих хамса (Бес тарих). Алматы: Қазақстан, 1992. 304 б.

Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин; отв. ред. Б. Сулейменов. Алма-Ата: Наука КазССР, 1969. 655 с.

Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга и Бухару. М.: Наука, 1975. 183 с.

Мирза Мухаммад Хайдар Дуглат. Тарих-и Рашиди / Под ред. доктора Аббаскали Гаффари Фарда. Тегеран, 1389. 859 с.

Мусульманский папа на московском троне [11.11.2011] // <http://islamrf.ru/news/events/umma/18897>

Мухаммед Хайдар Дулати. «Тарих-и Рашиди» / Пер. с перс. А. Урунбаева, Р. П. Джалиловой, Л. М. Епифановой. 2-е изд., доп. Алматы: Санат, 1999. — 656 с.

Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 годах Гладышевым и Муравиным, издана с приложением современной карты миллерова пути от Орска до зюнгорских владений и обратно Я. В. Ханыковым. СПб., 1851 // <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XVIII/1740-1760/Muravin/text1.htm>

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1549 гг. / Подг. текста Н. М. Рогожина. Махачкала: Даг. книжн. изд-во, 1995. 356 с.

Пугаченкова Г. А., Галеркина О. И. Миниатюры Средней Азии. В избранных образцах. Из советских и зарубежных собраний. М.: Изобразительное искусство, 1979. 204 с.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. Т. III / Пер. с перс. А. К. Арендса; под ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса, А. Ю. Якубовского. 340 с.

[Тизенгаузен В. Г.] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1884. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. 564 с.

Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М.: Вост. лит.-ра РАН, 1997. 216 с.

Семен Ремезов. Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. — Санкт-Петербург, 1880. — 54 с.

Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ, 2006. 445, [1] с.

Трепавлов В. В. Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды. Казань: ООО «Фолиант», 2011. 252 с.

Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсим., пер., транск., текстол. прим., исслед. В. П. Юдина; подг. к изд. Ю. Г. Баранова; комм. и указ. М. Х. Абусеитовой. Алма-Ата: Ғылым, 1992. 296 с.

Филлипс Э. Д. Монголы. Основатели империи Великих ханов / Пер. с англ. О. И. Перфильева. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 174 с.

Хафиз-и Таныш Бухари. Шараф-наме-йи шахи (Книга шахской славы) / Пер. М. А. Салахетдиновой. М.: Наука, 1983. Т. 1. 155 с.

Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов. Сборник исторических документов в 2-х т. / Автор проекта, введения, биографий ханов, научн. комм., сост. и отв. ред. И. В. Ерофеева. Алматы: АБДИ-Компании, 2014. Т. 1. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. 696 с.

Юрченко А. Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб.: Евразия, 2012. 232 с.

Рис. 1. Возведенный на трон Темучин провозглашает себя Чингисханом. Справа его сыновья Угэдэй и Джучи. Из иллюстраций рукописи «Джами ат-таварих» Рашид-ад-Дина

Рис. 2. Чингисхан на троне с Бортэ, перед ним коленопреклонные сыновья, по сторонам придворные, слуги готовят яства

Рис. 3. После падения Бухары возшедший на трон Чингисхан принимает сановников

Рис. 4. Чингисхан принимает сановников. Иллюстрация рукописи Рашид-ад-Дина «Джами ат-таварих», выполненная персидскими миниатюристами

Рис. 5. Чингисхан принимает своих сыновей на берегу Сырдарьи

Рис. 6. Портрет Чингисхана с женами и сыновьями. Китайская миниатюрка XIV в.

Рис. 7. Портрет Чингисхана в окружении его детей и внуков. Китайская миниатюрка XIV в.

Рис. 8. Монгольские правители и придворные Газан-хана. Газан-хан на троне со своей женой Булуган-хатун, четыре других восседают на сандаловых креслах

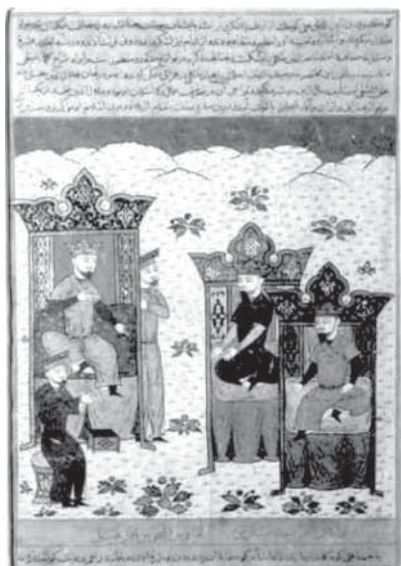

Рис. 9. Праздничный пир ильхана

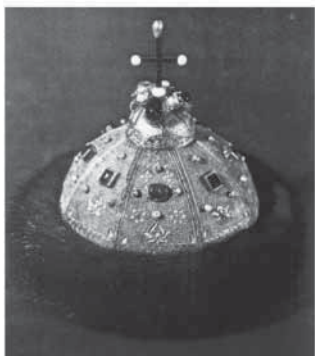
*Рис. 10. Парадная сцена раздачи
воинских поясов*

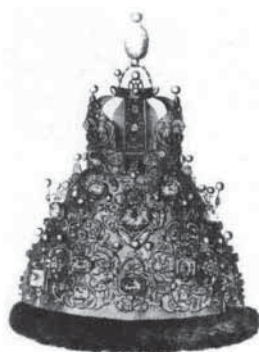
*Рис. 11. Совет шахов. Из рукописи
«Маджа ат-таварих» Хафиз-и
Абру (XIV в.) / Исламская
республика Иран, город Тегеран,
Музей Реза Аббаси, № 2855
[из личного архива]*

*Рис. 12. Князь Ярослав на приеме
у Бату*

Рис. 13. Шапка Мономаха — переделанное на Руси изделие золотоордынских мастеров начала XIV в. (версия доктора искусствоведения Г. Ф. Валеевой-Сулейменовой)

Рис. 15. «Корона Царства Астраханского»

Рис. 14. «Казанская шапка» XVI в.

Рис. 16. «Корона Царства Сибирского»

Рис. 17. Трон казанских ханов, переделанный русскими мастерами для московских царей (версия искусствоведа Р. Г. Шагаловой)

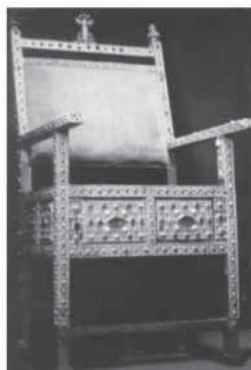

Рис. 18. Прибытие хана (царя) Кучума Шибанида со многими воинами «от Казачьи орды» в сибирский город Кашилык и его победоносное сражение с местными князьями Тайбугидами Едигером и Бекбулатом

Рис. 19. Снаряжение курултаем чувашей, воинов «Казачьей орды», вогуличей, остяков и всех «татар» сибирского хана Кучума и его племянника Мухаммедкула (Маметкула) из г. Кашилыка на р. Тобол навстречу Ермаку

Рис. 20. Охота сибирского князя Саййид-Ахмата (Сейдяка), казахского «царевича» Ораз-Мухаммед-султана и думного Кучум-хана с ястребами на перелетных птиц и отправление из г. Тобольска к Саййид-Ахмату посланников от русского воеводы Данилы Чулкова

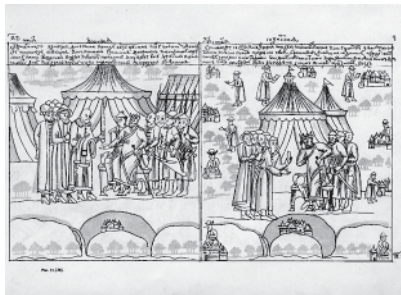

Рис. 21. Царь (хан) Кучум со свитой

ИНСТИТУТ СЕЙЙИДОВ В ПОЗДНЕЗОЛОТООРДЫНСКИХ ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ЮРТАХ КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Аннотация: Институт сеййидов, существовавший во всех тюрко-татарских государствах XV–XVI вв., продолжает оставаться недостаточно изученным. Истоки этого специфического института следует искать в истории исламизации Улуса Джучи (Золотой Орды) при хане Узбеке, когда активную роль в этом событии сыграли представители тариката Ясавийа. Именно тогда за одной из линий сеййидов, чьи представители через брачные связи весьма скоро вошли в состав высшей элиты Золотой Орды, закрепился титул «накиб», вначале обозначавшей основателя этого «дома» Сайида-Ата (Ахмеда ибн Абдельхамида). В тюрко-татарских государствах, возникших после распада Золотой Орды, практически все представители местных групп сеййидов являлись потомками Сайида-Ата, что вытекает из анализа сохранившихся историко-генеалогических материалов.

Ключевые слова: сеййиды, верховный сеййид, накиб, тарикат Ясавийа, Улус Джучи, высшая элита.

Abstract: The article analyzes an insufficiently investigated problem of the formation of seyyid institute within the Turkic-Tatar States of the 15th–16th centuries, which were the historical heirs of the ulus of Jochi (Golden Horde). The author found that this institution was characteristic for all, without exception, Turkic-Tatar state formations that emerged after the collapse of the Golden Horde. A number of features of this institution (existence of family relationship between the seyyids' „houses“ of different Tatar yurts, seyyids' participation not only in the diplomatic and administrative affairs but also in military actions) indicates that it appeared in the period of the ulus of Jochi, more precisely, during the reign of khan Uzbek who had completed Islamization of this State. As a result of the study of the complex issues related to the seyyids who lived in the Turko-Tatar khanates and hordes, the author concluded that there was a link between them and the lineages of the Golden Horde seyyids affiliated with the Yasaviyya tariqa. The author both emphasizes the apparent Golden Horde origin of this very important social institution functioned in all the Turkic-Tatar state formations and indicates the presence of real contacts (including gentilitinal ones) between the seyyids' branches located in different States.

Key words: seyyid institute, Supreme seyyid, Naqib, Yasaviyya tariqa, ulus of Jochi, Golden Horde, supreme elite.

Потомки сеййидов, возводившие свои генеалогии к четвертому праведному халифу Али ибн Абу Талибу (ум. 661), двоюродному брату и зятю пророка Мухаммада, и женатому на его дочери Фатиме (Шиммель 1999: 71; Исхаков 2004: 290–291), до сих пор сохраняются

среди касимовских и сибирских та-тар. Они в прошлом были известны у татар как сәйедләр (у касимовских) (Әхмәтжанов 2002), яхшылар, хужалар, әүлияләр (у сибирских) (Валеев 1991; Бустанов 2009; Бустанов, Корусенко 2010), изгеләр, газизләр, хужалар (у казанских), но не формировывали у них особые замкнутые «священные» корпорации, дожившие до наших дней, как среди казахов и узбеков (см.: Мукминов 2011; Исламизация и сакральные родословные 2013). Тем не менее, изучение истории института сеййидов, хорошо известного в тюрко-татарских государствах XV–XVI вв., а в более раннее время — в Улусе Джучи после его исламизации в XIV в., важно с точки зрения исследования становления тюрко-татарской ветви исламской уммы.

Изучение института сеййидов в позднесолотоордынских тюрко-татарских государствах, начавшееся в Российской империи еще во второй половине XIX в. (см. труды В. В. Вельяминова-Зернова, Г. И. Перетятковича, В. В. Радлова), продолжалось и в начале XX в. (работы Х. Атласи, М. Г. Худякова, С. Вахида, И. Ф. Александрова, В. Д. Смирнова). Затем в СССР эта тема была не слишком популярной, но в отдельных исторических исследованиях все же затрагивалась (Б. А. Ахмедовым, С. В. Бахрушиным, Ф. Т. Валеевым, Б.-А. Б. Кочекаевым, М. И. Ахметзяновым) (Библиографию см.: Исхаков 1997; 2011). В последние годы интерес к ней опять возрос. В результате в России появилось большое число исследований, посвященных исламу в тюрко-татарских сообществах в период Средневековья, в том числе и сеййидам, обобщенные применительно к последним в новой работе (Исхаков 2011).

Проведенные историками изыскания позволяют утверждать, что институт сеййидов был характерен для всех мусульманских государств-наследников Улуса Джучи. Единственная проблема возникла с Крымским ханством, ибо Аланом Фишером (вслед за И. Ф. Александровым) высказывалось мнение, что в этом государстве мусульманский «истеблишмент» возглавлялся муфтием (Fisher 1978: 21). Однако, двое российских историков (В. В. Вельяминов-Зернов и В. Е. Сыроечковский) еще ранее настаивали на том, что мусульманское духовенство Крымского ханства во главе все-таки имело сеййида (Вельяминов-Зернов 1864: 242; Сыроечковский 1940: 38). Изучение этого вопроса позволяет говорить о том,

что правы названные российские историки, а указанная двойственная ситуация возникла из-за того, что в конце XVI — начале XVII в. старая крымско-татарская традиция именования главы мусульманского духовенства в Крымском ханстве «сеййидом», была «перекрыта» османской традицией, согласно которой это лицо называлось «муфтием» (Исхаков 2011: 23).

Наиболее ранние упоминания в источниках сеййидов в позднезолотоордынских тюрко-татарских государствах встречаются: в государстве Шибанидов (государстве кочевых узбеков) — в 1429–1431 гг., в Крымском ханстве — в 1453–1459 гг., в Казанском ханстве — в 1489–1491 гг., на рубеже XV–XVI вв. — в Большой Орде, в Касимовском ханстве — в последней четверти XV в. (по косвенным данным) (Исхаков 2011: 80, 105, 123, 151; Трепавлов 2010: 35). Эти сведения фактически говорят об изначальном присутствии групп сеййидов во всех тюрко-татарских юртах, возникших после распада Улуса Джучи.

Отдельные данные свидетельствуют о существовании каких-то не вполне пока ясных, но заслуживающих внимания связей между корпорациями духовных лиц из сеййидов, находившихся в разных татарских государствах. В частности, в сохранившемся родословии касимовских сеййидов (они в XIX в. носили фамилию Шакуловых, берущую начало от Шах-Колыя, жившего приблизительно в последней четверти XV в. (Исхаков 2011: 105), есть место, рассказывающее о распространении потомков сеййида Шагхана (Шаххан) в «Крымском вилайете, на Кубани и в Дагестане», а потомков его брата — сеййида Шахбая (Шахбай) в «Булгарском вилайете, Хан-Кирмени, Хаджи-Тархане и в Поволжье (Итил буйларында)» (Ахметзянов, Шарифуллина 2010: 22; Әхмәтжанов 2002: 226). Так как упомянутые лица в родословной отстоят от названного выше Шах-Колыя на одно поколение, речь должна идти о «родстве» сеййидов ряда тюрко-татарских юртов не позже середины XV в. Хотя эта информация в настоящее время не может быть перепроверена на основе других данных, она, скорее всего, сигнализирует о некоей исторической реальности, которую мы не должны упускать из виду, о чем речь и пойдет далее.

Для того чтобы начать обсуждение обозначенной в заголовке статьи темы, хотелось бы привести один пример, связанный

с сейидами из Казанского ханства середины XVI в. В 1550 г. из Казанского ханства османскому султану Сулейману было отправлено послание, описывающее победу казанских войск над русскими при их наступлении в 1549 г. на Казань. Автором этого документа, обнаруженного в архивах Турции и опубликованного Ахмет-Заки Валиди Тоганом (подробнее см.: Togan 1966), являлся Шериф Хаджитархани, как думается, последний казанский верховный сейид Кул-Шериф (Ishakov 2008). В этом источнике, содержащем ряд уникальных сведений о Казанском ханстве середины XVI в., есть следующее место: при описании защитников крепости г. Казани, автор послания сообщает о том, что одни из ее ворот защищал «внук Сайида ата, сын [уже] покойного и удостоенного должности (мағфур) сейида, сейид Кул-Мухаммед», согласно документу, стоявший на крепостных стенах во главе молодых дервишей и суфиев в полном боевом облачении (Шерефи 1997: 90).

Это не единственное сообщение об участии одного из казанских сейидов в боевых действиях. В частности, по Казанскому ханству мы знаем еще одно известие Патриаршей (Никоновской) летописи, относящееся к 1491 г., когда в войсках Казанского ханства, совместно с русскими войсками, спешившими на помощь крымскому хану Менгли-Гирею во время его противостояния с Большой Ордой, одним из двух воевод, его возглавлявших, являлся Бораш сейид (Полное собрание 1965: 228), скорее всего бывший тогда верховным сейидом в этом государстве (см.: Исхаков 2011: 81–85). Аналогичное присутствие сейидов в войсках, причем, в качестве прямых участников боевых операций во второй половине XVI в., наблюдалось и в Касимовском ханстве (Исхаков 2011: 108–109). Более того, в этом государстве войска во второй половине XVI — первой трети XVII в. делились на два подразделения (возможно, связанных с былым делением на два «крыла»), одно из которых именовалось «Царевым полком» / «Царевым двором», а другое — «Сеитовым полком» / «Сеитовым двором» (примеры см.: Исхаков 2011). Очевидно, последнее воинское образование и находилось под командованием касимовского сейида.

Таким же образом прослеживается пребывание сейидов в войсках Шибанидского (Тюменского) ханства со времени его образования. Скажем, сейиды Кул-Мухаммед и Кара-Сайд весной 1429 г.

находились в составе войск султана Абул-Хайра, провозгласивших его ханом после захвата центральной ставки Шибанидов (Ахмедов 1965: 46). Упомянутые сеййиды в 1431 г. не только участвовали на собрании знати, решавшей вопрос о походе на Хорезм, но и, когда многие выступили против него, переломили ситуацию, высказавшись в поддержку похода, что на самом деле, скорее всего, указывает на их вовлеченность в военные дела (Ахмедов 1965: 99). Поэтому, прав Девин Де Виз, писавший о том, что у сеййида Кул-Мухаммеда (а он был в период правления хана Абул-Хайра верховным казыем Шибанидского государства) (Ахмедов 1965: 101), известного как «султан ан-никаба», прослеживаются функции советника и участника в военных делах (De Weese 1995: 620; Тарих-и Абул-Хайр-хани 1969: 143). Не случайно и то, что сын этого сеййида — Шамгун сеййид, в 1472 г. участвовал в военном походе во главе с правителем кочевых «узбеков» внуком хана Абул-Хайра ханом Мухаммедом Шейбани в качестве его советника (Шейбанида 1849: LIX; Исаков 2012а), то есть, этот сеййид имел тот же статус, что и его отец, таким же образом будучи вовлечен в военные дела.

Из приведенных данных заслуживают внимания два момента: во-первых, упоминание в качестве предка казанских сеййидов «Сайида ата», во-вторых, участие Кул-Мухаммеда, являвшегося тогда верховным сеййидом Казанского ханства (Ishakov 2008: 132–133), а также сеййидов касимовского ханства и Государства Шибанидов, в боевых действиях, на первый взгляд, не слишком-то подходящем занятии для религиозных деятелей их уровня. Но за этой информацией на самом деле скрывается история института сеййидов не только в данном государстве, но и в других позднезолотоордынских тюрко-татарских юртах.

Имеющаяся информация позволяет сформулировать достаточно обоснованный вывод о восхождении института сеййидов, как уже говорилось, имевшихся во всех без исключения позднезолотоордынских тюрко-татарских юртах, к периоду Улуса Джучи, точнее, ко времени правления хана Узбека (1312–1342), когда произошла окончательная исламизация этого государства (об этом подробнее см.: De Weese 1994b; Исаков 2012б). В этой связи стоит обратить внимание на труды Девина Де Виза, детально проанализировавшего в серии публикаций (De Weese 1993; 1994а; 1994b; 1995: 1996)

вопросы формирования института сеййидов в Золотой Орде и его связи со статусом «накиба».

На основе изучения среднеазиатских исторических источников, посвященных жизнеописанию мусульманских святых, им было показано, что термин «накиб», употреблявшийся в Улусе Джучи и татарских ханствах, связан с одним из руководителей тариката Ясавийа — Сайидом-Ата, настоящее имя которого было Ахмед ибн Абдельхамид (Исхаков 2012в: 149–152). Именно он сыграл ключевую роль в исламизации Улуса Джучи при хане Узбеке, и после него почетное место слева от правителя Золотой Орды было закреплено за Сайидом-Ата и его потомками, именуясь «Orun-i nikabat» (De Weese, 1995; 1996). Относительно поздние среднеазиатские источники XVII–XVIII вв. («Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар», «Манакиб ал-ахйар», «Макамат-и Саййид Ата-и», «Ку-нуз ал-а‘зам»), связанные с Аштарханидами и Шибанидами, сообщают, что Сайид-Ата, участвовавший в обращении в ислам хана Узбека, не только получил от него должность «накиба» (от *накиб* ‘искать’, ‘исследовать’), но и гарантии сохранения этой должности за его потомками: «Узбек хан объявил, что пока живы мои потомки, ранг накиба будет прикреплен к вашему [Сайида-Ата — Д. М., К. Г.] дому» (De Weese 1994b: 614; Исхаков 2011: 72).

Особо следует отметить наличие в Золотой Орде у сеййидов, носителей ранга «накиб», военной функции — согласно Девину Де Визу, Сайид-Ата «всегда исполнял в армии Узбека функции никабата» (De Weese 1995: 614). Замечу, что более поздние источники, проанализированные также Девинотом Де Визом» (De Weese 1995: 614), приписывали Сайиду-Ата очень серьезную функцию — размещение в исламизированной армии Улуса Джучи конкретных клановых групп по ее «крыльям» (на правом крыле — найманов и кунгратов, на левом — аргынов и буркутов). Хотя такое распределение клановых подразделений, скорее всего, существовало в этом государстве еще до Сайида-Ата, в данном случае пока-зательно выделе-ние его роли как военного организатора, свидетельствующее о том, что после исламизации Улуса Джучи Сайид-Ата стал в золотоордынской армии кем-то вроде «исламского комиссара». Не исклю-чено, что такая его роль была реализована через внедрение в ходе исламизации Улуса Джучи в конкретные золотоордынские кланы

отдельных мусульманских шейхов (см.: Жандарбек 2003: 326–335; 2006), связанных с тарикатом Ясавийа, с течением времени ставших для них святыми покровителями, известными впоследствии, например, в Кокандском ханстве, как «бузурги» (см., напр.: Мукминов 2011: 158). Показательно, что таким «бузургом» мангытов считался Баба-Туклик / Баба-Туклес «азиз», присутствующий в генеалогии Идегея в качестве его предка в шестом колене. Не исключено, что упоминаемые Ибн Баттутой в ходе посещения им Хорезма «шейхи тюркские, называемые аргуджи», находившиеся в ходе судебных разбирательств, проводившихся у правителя Хорезмского вилайета Тимура-Кутлуга, при восьми «старших эмирах» (Золотая Орда 2003: 146), несмотря на то, что они именовались старым термином «яргучи», скорее всего как раз и являлись исламскими шейхами, будучи проводниками влияния Сайида-Ата не только в армии, но и в судебных делах.

По всей видимости, позже из военных функций накиба Сайида-Ата развились дипломатические функции его потомков, отчетливо фиксируемые не только в Казанском (Исхаков 1997: 22–41), но и в Хивинском и Бухарском ханствах (De Weese 1995: 624–626).

Следует подчеркнуть, что после исламизации Улуса Джучи сеййиды очень быстро вошли в состав высшей элиты государства, в том числе и через брачные связи с Чингизидами, а также клановыми вождями. Так, согласно «Анониму Искандера» Натанзи, золотоордынский хан Азиз (правил в 1363/1364–1365/1366 гг.) выдал свою дочь замуж за Сайида-Ата (Тизенгаузен 1941: 130), т. е., если не за основателя рода золотоордынских сеййидов, то, во всяком случае, за одного из последующих накибов. Нахождение в сохранившейся в разных версиях генеалогии беклери — бека Едигея из клана мангыт имени Абу-Бекра, тестя пророка Мухаммада, наряду с фиксацией в ногайских преданиях особой близости его сына Нураддина к «племеню славного турецкого богатыря Хочахмат-Бабатуклы» (Ананьев 1900: 12), подразумевающего имени хаджи Ахмеда Ясави и «бузурга» клана мангыт легендарного Баба-Туклеса, при учете хорошо известной по источникам более поздней традиции заключения браков между дочерьми ногайских князей и мурз с сеййидами и наоборот (Кочекаев 1988: 46; Исхаков

2011: 145), как раз подтверждает сказанное. Тем более, что такие брачные контакты сохранялись и в других государствах-наследниках Золотой Орды (Исхаков 2011; 2012: 147).

Отсюда следует, что институт сеййидов, функционировавший в позднесолотоордынских тюрко-татарских юртах, является историческим наследием Улуса Джучи, сформировавшимся в этих юртах по мере распада социального организма солотоордынского общества на локальные сообщества.

Устойчивое сохранение этого института в XV–XVI вв. в тюрко-татарских государствах объясняется не только исламским характером этих государств, но и интегрированностью потомков нагиба Сайида-Ата во властные отношения, а также в правящие элиты во главе с представителями «Алтын урука / Золотого рода» Чингизидов. Поэтому, информация, сохранившаяся в генеалогиях из Касимовского ханства относительно родства линий сеййидов разных тюрко-татарских политий, явно имеет определенную историческую почву. Однако, для раскрытия истинных родственных связей между «домами» сеййидов из этих юртов необходимо более детальное изучение сохранившихся генеалогий сеййидов. Такая работа еще только начинается (Bustanov 2011; Мукминов 2011) и может привести ко многим новым открытиям в области изучения истории исламских институтов в средневековых тюрко-татарских обществах и политиях.

Список литературы

Ананьев Г. Караногайские исторические предания // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1900. Вып. 27. С. 1–38.

Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М.: Наука, 1965. 193 с.

Ахметзянов М. И., Шарифуллина Ф. Л. Касимовские татары (по генеалогическим и этнографическим материалам). Казань: Магариф, 2010. 375с.

Әхмәтжанов М. И. Сәйед Шакуловлар шәжәрәсе // Әхмәтжанов М. И. Нугай урдасы: татар халкының тарихи мирасы. Казан: Мәгариф, 2002. 219–229 б.

Бустанов А. К. Фамильная хроника сибирских сайидов. Шаджара Рисаласи (текст, перевод, комментарии) // Ислам в современном мире. 2009. № 1–2. С. 45–61.

Бустанов А. К., Корусенко С. Н. Родословные сибирских бухарцев: Имьяминовы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. Вып. 2(42). С. 97–105.

Валеев Ф. Т. Родословные записи (шэжэрэ) сибирских татар как историко-этнографический источник // Проблемы антропологии и исторической этнографии Западной Сибири / Ред. кол.: Н. А. Томилов (отв. ред.) и др. Омск: Изд-во ОмГУ, 1991. С. 98–104.

Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1864. Ч. 2. 498 с.

Жандарбек З. Йасавийа и этническая история населения Дешт-и Кипчака (по материалам шеджере) // Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе / Сост. С. Н. Абашин, В. О. Бобровников. М.: Вост. лит-ра РАН, 2003. С. 326–335.

Жандарбек З. Йасауи жолы жэне казак когамы. Алматы: Ел-шежіре, 2006. 255 с.

Золотая Орда в источниках. (Материалы для истории Золотой Орды или Улуса Джучи) / Ред. Р. П. Храпачевский. М.: Центр по изучению военной и общей истории, 2003. Т. 1. Арабские и персидские источники. 448 с.

Исхаков Д. М. Еще раз о личностях исламизаторов Улуса Джучи в XIV веке // Золотоордынская цивилизация. 2012в. Вып. 5. С. 149–152.

Исхаков Д. М. Институт сейидов в Улусе Джучи и поздnezолотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань: Фэн, 2011. 227 с.

Исхаков Д. М. О дате принятия ислама в Улусе Джучи при хане Узбеке // Урал-Алтай: через века в будущее. Материалы V Всероссийской конференции, посвященной 80-летию ИИЯЛ УНЦ РАН. Уфа, 21–22 июня 2012 г. Уфа, 2012б. С. 167–170.

Исхаков Д. М. Проблема «окончательной» исламизации Улуса Джучи при хане Узбеке // Ислам и власть в Золотой Орде. Сб. ст. / Под ред. И. М. Миргалеева, Э. Г. Сайфетдиновой. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012а. С. 129–153.

Исхаков Д. М. Сеиды в поздnezолотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань: Иман, 1997. 78 с.

Исхаков Д. М. Сейид // Ислам на Европейском Востоке. Энциклопедический словарь / Под ред. Р. А. Набиева. Казань: Магариф, 2004. С. 290–291.

Кочекаев Б. Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1988. 272 с.

Мукминов А. К. Исламизация и сакральные родословные в Центральной Азии: наследие Исхака Баба в нарративной и генеалогической традиции. Алматы; Блумингтон: Дайк-Пресс, 2013. Т. 1. Открытие пути для ислама: рассказ об Исхаке Бабе, XIV–XIX вв. 640 с.

Мукминов А. К. Родословное дерево Мухтара Ауэзова. Алматы: Жибек Жолы, 2011. 304 с.

Полное собрание русских летописей. М.: Наука. 1965. Т. 11–12. Патриаршая или Никоновская летопись. 520 с.

Сыроечковский В. Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки Московского государственного университета. 1940. Вып. 61. История. Т. 2. С. 31–71.

Тарих-и Абул-Хайр-хани // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин; отв. ред. Б. Сулейменов. Алма-Ата: Наука КазССР, 1969. С. 135–145.

[Тизенгаузен В. Г.] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. 308 с.

Трепавлов В. В. Большая Орда — Тахт эли. Очерки истории. Тула: «Гриф и К», 2010. 109 с.

Шейбаниада. История монголо-тюрков на джугатайском диалекте, с переводом, примечаниями и приложениями, изданным И. Березиным. Казань, 1849. 80 с.

Шерефи Х. Зафер наме-и Вилайет-и Казан (1550) / Пер. с турецкого яз. Ф. Х. Хакимзянова // Гасырлар авазы. Эхо веков. 1997. № 1–2. С. 83–92.

Шиммель А. Мир исламского мистицизма. М.: Алетея; Энигма, 1999. 414 с.

Bustanov A. The Sacred Texts of Siberian Khwaja families: The Descendants of Sayyid Ata // Journal of Islamic Manuscripts. 2011. Vol. 2. P. 1–30.

De Weese D. A Neglected Source on Central Asian History: The 17th century Yasavi hagiography *Manaqib al- Akhyar* // *Essays on Uzbek History, Culture, and Language* / Ed. by B. A. Nazarov and D. Sinor. Bloomington, Indiana: Indiana University Press, 1993. P. 38–58.

De Weese D. Baba Kamal Jandi and the Kubravi Tradition among the Turks of Central Asia // *Der Islam. Zeitschrift für Geschichte und Kultur des islamischen Orients*. Begründet von C. H. Becker fortgeführt von B. Spuler herausgegeben von Albrecht Noth. 1994a. Bd. 71. H 1. P. 59–94.

De Weese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Traditions. Penn.: The Pennsylvania State University Press, 1994b. 638 p.

De Weese D. The descendants of Sayyid Ata and rank of Naqib in Central Asia // *Journal of the American Oriental Society*, 1995. Vol. 115. № 4. P. 613–634.

De Weese D. Yasavi Sayhs in the Timurid era: notes on social and political role of communal sufi affiliations in the 14th and 15th centuries // *Oriente moderno. Nuova serie*. 1996. Anno XV(LXXVI). Vol. 2 P. 173–188.

Fisher A. W. *The Crimean Tatars*. Stanford, California: Hoover Institute Press, 1978. 264 p.

Ishakov D. Kul Sharif — «Leader of the greats» (Certain Aspects of Biography of the Latest Supreme Sayyid of Kazan Khanate) // *Proceedings of the Second International Symposium on Islamic civilization in Volga-Ural Region*. Ufa, 14–16 October 2008. Istanbul, 2008. P. 129–137.

Togan Z. V. *Kazan Hanlığında İslam Türk Kültürü (Kanuni zamanında 1950 de Kazandan gönderilgen bir rapor)* // *İslam Tetkileri Enstitüsü Dergisi*. İstanbul, 1966. Cilt III. Sayı 3–4. 1959–1960. S. 179–204.

ШИБАНИДЫ И ТАЙБУГИДЫ В 1563 ГОДУ: ЗНАЧЕНИЕ В ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ СИБИРСКОГО ХАНСТВА

Аннотация: В статье рассмотрен процесс смены власти в 1563 г. в Искере, столице Сибирского юрта. В ходе этих событий находившиеся здесь беки из династии Тайбугидов были смещены их сюзеренами из династии Шибанидов, которые поставили юрт под свое непосредственное управление. Это событие стало отправной точкой функционирования Сибирского ханства братьев Ахмад-Гирея и Кучума. Смена власти произошла по причине попытки бека Едигера провести сепаратные переговоры с московским царем Иваном IV, что фактически выдвинуло претензию на исключительно ханские права на внешнюю политику. Синхронные событиям источники показывают, что приход Шибанидов в Искер был основан как на законных правах ханов, так и на основе приглашения «лучшими» сибирскими людьми, что позволило избежать сопротивления местной знати установлению ханской власти.

Ключевые слова: Шибаниды, Тайбугиды, Сибирское ханство, Кучум.

Abstract: The article describes the process of change of power in 1563 in the Isker, the capital of the Siberian Yurt. During these events, Beks from the dynasty of Taybugids were replaced by their overlords of the dynasty of Shibaniids, which put the Yurt under their direct control. This event was the starting point of the functioning of the Siberian Khanate of brothers Ahmad Giray and Kuchum. A change of power occurred because of attempts by Bek Ediger to hold separate negotiations with the Muscovite Tsar Ivan IV, that actually claims to to Khan's exclusive rights to foreign policy. Synchronous events sources reveal that the arrival of the Shibaniids in Isker was based as on the legitimate rights of the khans, and also based of the invitation of the „best“ of the Siberian people, which allowed avoiding the resistance of the local nobility to the establishment of the Khan's rule.

Key words: Shibaniids, Taybugids, Siberian Khanate, Kuchum.

В 1563 г. в Искере (Сибири) к власти пришли представители правящей ханской династии Шибанидов из числа потомков тюменского хана Ибрахима. Вокруг этого события сформировалось несколько устойчивых историографических утверждений. Кратко их можно сформулировать следующим образом: Шибаниды в лице Кучума б. Муртазы пришли к власти военным путем, свергнув законную династию местных беков из династии Тайбугидов, что привело к дальнейшему длительному сопротивлению новым правителям и даже восприятию их местным населением как узурпаторов. При этом Кучум пользовался поддержкой бухарского хана Абдуллы II, а Сибирское ханство, соответственно, считалось вассалом Бухары.

Эти утверждения в той или иной степени были сформулированы еще в советской историографии под влиянием З. Я. Бояршиновой (Бояршинова 1960: 109–117), затем были в 1980-е гг. поддержаны А. Г. Нестеровым (Нестеров 2003: 116–119) и, наконец, в современной историографии поддерживаются омскими историками и археологами А. В. Матвеевым и С. Ф. Татауровым (Матвеев, Татауров 2012: 40–41). Ретрансляция этой версии привела к ее закреплению в обобщающих и учебных работах по истории Западной Сибири.

Прежде всего, необходимо понимать, что Сибирское ханство завершает длительный путь развития местной государственности династии Шибанидов (потомков Шибана б. Джучи б. Чингисхана) от их владений (так называемого Улуса Шибана) в составе Монгольской империи и Улуса Джучи (1242/1243–1420-е гг.), Узбекского ханства и Тюменского вилайета в его составе (1430–1460-е гг.) до Тюменского и Сибирского (1468–1670-е гг.) ханств. Обратим внимание, что в восточных источниках владения Шибанидов в Сибири на протяжении XV–XVI вв. вне зависимости от происходивших здесь политических изменений устойчиво называются «Тура» или «Туран», что отражается и в титулатуре «туранских» ханов (Абуль-Гази 1996: 102; Валиди Тоган 2010: 37–38; Султанов 2005: 259, 261). Сама эта «цепочка» с учетом включения Сибирского ханства в контекст постордынского мира снимает вопрос о легитимности династии, ибо Шибаниды правили на юге Западной Сибири на протяжении более трех столетий до занятия престола в Искере. При этом в рамках существовавшей политической традиции они были частью большого дома Чингизидов, чья легитимность не вызвала вопросов в позднесредневековых реалиях. Это делает крайне важным рассмотрение и иных указанных выше утверждений именно в контексте понимания истории позднезолотоордынской государственности на юге Западной Сибири.

Традиционным столичным центром Шибанидов на этой территории была Чимги-Тура (Тюмень), которая, видимо, могла дать название и самому Туранскому или Тюменскому ханству. При этом кочевья ханов и окружавшей их аристократии не были привязаны только и лишь к лесостепной зоне, а располагались в степной полосе Северного и Западного Казахстана до Приаралья и присырдарьинского региона. Реальная власть была сосредоточена не

в самом городе, а в кочевой ставке тюменских или сибирских ханов, перемещение с которой было традиционным престижным образом жизни. На протяжении первой половины XVI в. Шибаниды все меньше становились привязанными к сибирским владениям, смещаясь к своим зимовкам на Сыр-Дарье. Причины ухода Шибанидов и части их окружения к югу до сих пор точно не выяснены, хотя могут быть связаны с начинающимся малым ледниковым периодом. Для сохранения контроля над северными землями, то есть лесостепью и тайгой Западной Сибири как источника пушнины, здесь должны были оставаться администраторы различного уровня. Например, в золотоордынское время здесь были судьи, в 1420–1450-х гг. в Чимги-Туре находились хакимы и ханские даруги (Аннинский 1940: 91; Мустакимов 2011: 233). Очевидно, что аналогичная традиция могла сохраняться и в последующее время. В качестве таких администраторов в первой половине XVI в. могли выступать как раз Тайбугиды, которых с определенной долей вероятности можно связать с кланом буркутов. Во главе с Тайбугой они фиксируются еще в окружении Шибана, а затем правят в Чимги-Туре в 1420-х гг. и уступают этот город узбекскому хану Абул-Хайру (Материалы 1969: 143–144; Мустакимов 2011: 231). По данным основного источника по истории этой династии, то есть различных вариантов Сибирских летописей, написанных уже в XVII в., беки оказались в Искере не ранее середины 1490-х гг. Это событие традиционно увязывается с убийством ими тюменского хана Ибрахима, в отместку за то, что тот ранее убил князя Мара из этой династии (Полное собрание 1987: 47, 118). Генеалогия Тайбугидов и даже указание на убийство хана вызвали определенные сомнения у исследователей как возможно созданные специально для обоснования прав династии на престол (Маслюженко 2010: 9–21; Парунин 2011: 75–76). При этом еще в 1483 г. в Сибири фиксируется свой сибирский князь, который, скорее всего, относился к угорскому миру (Полное собрание 1982: 49, 95) и чья связь с Тюменью до конца не ясна.

Само убийство или, по крайней мере, определенные сложности в его трактовке тесно связаны с позицией наследника тюменского хана Ибрахима Мамука. В 1496 г. он вместо мести убийцам брата-Чингизида уходит в поход на Казань, на обратном пути из

которого умирает (Полное собрание 1901: 243). Последующие тюменские Шибаниды также не входят в столкновения с искерскими князьями Тайбугина юрта. При этом сын Ибрахима Кутлук в одном из источников упоминается с титулом «сибирского царя» (Вычегодско-Вымская 1958: 264), то есть фактически является, применяя европейскую терминологию, сеньором в отношении князей-вассалов. Исходя из этого, можно предположить, что Тайбугиды являлись либо наместниками тюменских династов с функцией сбора ясака и управления северными территориями, либо даже беклярибеками от лица Шибанидов. В этом отношении они руководили Сибирским (Тайбугиным) юртом Тюменского ханства. Этому не противоречит и версия о возможном казанском «подданстве» Сибирского юрта, высказанная В. В. Трепавловым (Трепавлов 2007: 101–102), поскольку в качестве казанских ханов некоторое время выступали те же Шибаниды Ибрахим и Мамук, как и некоторые из их предшественников. Сам уход Тайбугидов на север к впадению Тобола в Иртыш изрядно продвинуло границы Тюменского ханства к северу, так как еще в 1483 г. формальная северная граница проходила по Тавде. Построенный или перестроенный Искер был удобен как для контроля над ясачным населением, так и для активизации влияния на торговые пути по Тоболу и Иртышу.

Непосредственному приходу Шибанидов к власти в Искере как новом центре ханства, выходящем на первое место после утратившей свое бывшее значение Чимги-Туры, предшествовали длительные дипломатические действия. Они были спровоцированы тем, что в январе 1555 г. в Москву прибывает первое посольство от сибирского бека Едигера, согласованное на курултае со «всей землей Сибирской». Обратим внимание, что использование в отношении Едигера титула хана уже в отдельных поздних сибирских летописях, современной профессиональной и популярной литературе основано на непонимании специфики средневековых титулов и их применения в монгольском и ордынском мирах. В рамках этой политической традиции ханами могли быть только представители династии Чингизидов. Русские дипломаты, особенно внимательные к титулатуре руководителей кочевых политий, позднее, намекая на неравноправие статусов, в переписке царя Федора I с Кучум-ханом указывали: «...после деда твоего Ибака царя были на

Сибирском государстве князь Табучи на роду Магмет князь, а после него Кадый князь...» (Собрание 1819: 133).

Послы Едигера не только «здоровали» царя Ивана IV с покорением Казанского и Астраханского ханства, произошедшие в 1552 и 1554 гг., но и предлагали ему взять Сибирь под «свою руку» и положить на нее дань. По восточным традициям послы привезли в подарок шкуры белок и соболей (Полное собрание 1904: 248). Грамота была привезена в Москву практически синхронно с аналогичными действиями ногаев, а в том же году шерть принесли и отдельные племена башкир (Трепавлов 2002: 275; Азнабаев 2005: 44). Отметим, что сам факт сепаратных переговоров князей-беков нарушал исключительные права ханов на ведение внешней политики, ставя под сомнение их власть, что должно было вызвать соответствующий отклик со стороны ханской семьи. В этих условиях в окружении Тайбугидов начинает конструироваться многоуровневая легенда, согласно которой власть именно этой династии в Сибири легитимна, в то время как Чингизиды в лице Шибанидов были не более чем узурпаторами (Маслюженко 2010: 9–21).

В ответ на действия Тайбугидов происходит нападение на эту землю Шибанского царевича (судя по дальнейшим событиям, одного из сыновей Муртазы б. Ибрахима), причем в период нахождения в Сибири русского посла и даруги Дмитрия Курова сына Шепейцына с царским ярлыком от Ивана IV. Информация об этом была сообщена в Москве в отчете русского посла, вернувшегося в ноябре 1557 г. (Полное собрание 1904: 276). Отметим, что в источниках нет указания на аналогичные нападения Шибанидов до начала переговоров, что вызывает серьезные сомнения в версии о том, что сами ханы спровоцировали Тайбугидов своей агрессией к поиску иного покровителя и защитника. Указания в самой грамоте «да били челом государю... чтобы... взял за себя по свое имя, и от сторон от всех заступил, и дань на них свою положил, и дорогу своего прислал, кому дань собирать» носят формально-юридический характер (Полное собрание 1904: 248). Они отражают именно общие права и обязанности сторон безотносительно к наличию реальной внешней опасности. В условиях всего вышесказанного Шибанидам однозначно не было резона нападать на свои собственные владения до проявления устремлений Едигера Тайбугида к сепаратизму.

В сентябре 1558 г., то есть через два месяца после ногайского бия Исмаила, Едигер заверил своей княжей печатью шертную грамоту (Полное собрание 1904: 285), тем самым разрывая имевшиеся отношения с тюменскими династиями. В дальнейших переговорах, которые продолжались с перерывами до 1563 г., участвовали послы князя Едигера, хана Муртазы и его сына Ахмад-Гирея. Они зачастую оказывались в Москве в одно время и, видимо, в условиях захвата русскими Казанского престола (Тахт эли) видели в московском царе своеобразного третейского судью и посредника, что подчеркивало его усилившуюся роль в степях. По всей видимости, значительную поддержку претензиям Шибанидов оказывали лидеры Ногайской Орды из числа потомков Шейх-Мамая, в то время как Тайбугиды могли опереться на ногайского бека Исмаила, на дочери которого был женат Едигер (Маслюженко 2014: 51–55).

В сентябре 1563 г. русский царь Иван IV именно Исмаилу выговаривал: «...зять твой был на Сибири на нашем юрте, и дань нам с того юрта не дает. И мы впредь хотим того юрта достигати, и за то ему мстити» (Продолжение 1795: 323). Судя по всему, так называемый «захват» Шибанидами Сибирской земли произошел в период конца лета — начала осени 1563 г., поскольку Исмаил, умерший в конце сентября того же года, еще успел написать грамоту в Москву с просьбой организовать переговоры между сибирским и русским («белым») царем (Продолжение 1801: 22). Кроме того, князь Чигибень, посол Едигера, в сентябре 1563 г. был отпущен по просьбе Исмаила вместе с ногайскими послами, что было связано со смертью сибирского бека, чей сын при этом оказался в Москве. Юридически данное событие следует трактовать не как захват, а как присоединение к Тюменскому ханству Сибирского (Тайбугина) юрта как по праву Чингизидов, так и по факту приглашения Шибанида на престол в Искере. Последний фиксируется в создаваемой в Москве Патриаршей летописи: «...сибирские люди царю и великому князю изменили, дани государевым данщиком давати не учили и взяли к себе на Сибирь царевича» (Полное собрание 1906: 370).

По записанной Г. Ф. Миллером легенде, сибирское посольство было отправлено к хану Большой Бухары Муртазе, который отправил своего сына Кучума (Миллер 2005: 192). Участие именно этого

сына Муртазы подтверждается и Сибирскими летописями (Полное собрание 1987: 119). При этом в поздних сибирских летописных источниках о приглашении царевича речи не идет, а указывается именно на военное вторжение Кучума, приведшее к убийству местных князей (Полное собрание 1987: 32, 48, 81), что и заложило основу указанной выше историографической традиции. При этом близкую позицию в отношении Кучума имел его далекий родственник хивинский хан и хронист Абу-л-Гази, а также Продолжатель Утемиша-Хаджи. Последний указывает, что «Всеvyšний дал ему [т. е. Кучуму — Д. М., Е. Р.] силы и помощь и он захватил их и раздал их имущество народу и стал великим ханом юрта Тау Буга Ишдеге (?) (Тау Буга йурты Ишдеге)» (Миргалеев 2014: 65). Возможна интерпретация этого названия как состоящего из указания на юрт, имя его владельца Тайбуги и местное население — иштяки (возможно, именно ясачные группы). Под влиянием всех этих источников, написанных не ранее первой четверти XVII в., сложилась традиция считать именно Кучума тем ханом, который захватил Сибирь, что противоречит указанию других источников на факт его приглашения. Еще раз обратим внимание на то, что об этом событии, как и о посольстве к Муртазе хорошо помнили еще сибирские татары из числа информаторов Г. Ф. Миллера в 1730-х гг. (Миллер 2005: 192).

Кроме того, В. В. Трепавлову в уже указанном ранее письме от 22 сентября 1563 г. от Ивана IV бию Исмаилу, опубликованном еще в XVIII в., удалось выявить одну деталь, информация о которой была им любезно передана авторам этой статьи. Она не вошла в публикацию завершающей части письма в ПДРВ, сохранилась лишь в архивном оригинале и коренным образом меняет описываемый процесс. В последней фразе документа указывается: «А ныне на том юрте Ахмет Кирей царевич» (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 6: 118–188 об.). То есть, престол был занят не Кучумом, а его старшим братом Ахмад-Гиреем, что вполне логично с точки зрения старшинства. Сложно сказать, что стало причиной забвения его имени, как и специфики прихода к власти в поздних источниках.

Судьба Тайбугидов в действительности по-разному описывается в источниках, что требует дополнительного анализа этой информации. Однако, в целом князь Едигер и его брат Бекбалат

(Бек-Пулад) пострадали именно за попытку сепаратных переговоров, нарушавших традицию ведения внешней политики только ханами или их родственниками из числа Чингизидов. В результате произошло отстранение от власти клана сибирских беклярибеков, при этом потомки Тайбугидов оказались как в Москве (сын Едигера), так и в Бухаре (сын Бекбулата). При этом Сейдяк б. Бек-Пулад воспитывался не при дворе хана Абдуллы II, а при одном из суфийских сейидов, что следует и из его прозвища. Влияние суфийских орденов как на события в Бухарском ханстве, так и на самого хана было весьма значительным. По всей видимости, аналогичным оно было и в истории Сибирского ханства (Маслюженко 2015: 5–9). На момент начала переговоров будущий бухарский лидер Абдаллах был лишь одним из многих среднеазиатских Шибанидов, претендовавших на власть среди узбекских племен в условиях династической междоусобицы. К тому же сам султан в начале 1550-х гг. правил только небольшим городом Кермином на юге Узбекистана и вряд ли имел силы для организации столь масштабных акций. Хафиз-и Таныш Бухари специально подчеркивает немногочисленность его военных сил (Хафиз-и Таныш Бухари 1983: 135). Вызывает сомнение сама возможность построения им каких-либо глобальных планов в отношении отдаленных северных территорий. В первой половине 1550-х гг. он ведет борьбу за Касбийский и Несефский вилайеты на левом берегу Амударьи, а также совершает поход на Бухару (Хафиз-и Таныш Бухари 1983: 138–145). В 1557 г. при прямой поддержке лидера суфийского тариката Накшбандийя Мухаммада Ислама, известного также как Ходжа Джубайри, Абдулла окончательно захватил Бухару. Лишь в 1561 г. он провозгласил своего отца Искандера верховным ханом всех узбеков. Весь период правления бухарского лидера характеризуется постоянными войнами с иными представителями династии за объединение всех узбекских земель (Бартольд 1964: 487–488). При этом В. В. Трепавлов прав в том отношении, что в перечне подвластных этому хану земель Сибирь не упоминается (Трепавлов 2012: 45). По сути, Кучум обратился к своему дальнему родственнику за поддержкой лишь в 1590-х гг., то есть в абсолютно иных условиях. Еще одним моментом в этой сложной истории является то, что рассматриваемый клан сибирских Шибанидов явно имел свои владения

в присырдарьинском или приаральском регионе, как минимум, со времени правления их деда тюменского хана Ибрахима. На население этих пока трудно фиксируемых владений, как и на родственников и союзников из числа ногаев, и могли опираться потомки Ибака Муртаза и его сыновья Ахмад-Гирей и Кучум.

В целом рассмотренные процессы заставляют по-иному взглянуть и на якобы имевшее место сопротивление сибирского населения, которое не находит подтверждения в источниках. Его наличие призвано, прежде всего, объяснить почти семилетнее отсутствие сибирских ханов на международной арене. Хотя, еще в марте 1568 г. в грамоте царя Ивана Васильевича Якову и Григорию Строгановым указывалось, «коли наши послы поедут из Москвы в Сибирь или из Сибири к Москве», а далее оговаривались условия их проезда (Миллер 2005: 331). Собственно, лишь в 1569 г. хан Кучум восстановил отношения с Москвой, что возможно фиксирует отъезд его брата в Центральную Азию и возможное существование механизмов соправления в Сибирском ханстве. При этом основные потенциальные противники Шибанидов в лице Тайбугин юрт ушли от Кучума только после его поражения от казаков, то есть до того продолжали сохранять свои земли вокруг Искера. При этом они откочевали в конце 1583 – начале 1584 г. в Ногайскую Орду, где первым тайбугой весной-летом 1584 г. стал зять Кучума Ураз-Мухаммад б. Дин-Ахмад (Трепавлов 2011: 74), а его сын Али в дальнейшем стал последним беклярибеком при Кучуме (Трепавлов 2012: 134).

Список литературы

Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков / Пер. и пред. Г. С. Саблукова // Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков. Иакинф. История первых четырех ханов дома Чингисова; Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. М.; Ташкент; Бишкек: Туркестан, 1996. С. 3–186.

Азнабаев Б. А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI–первая треть XVIII в.). Уфа: РИО БашГУ, 2005. 200 с.

Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. 1940. Т. III. С. 71–112.

Бояршинова З. Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации (Виды хозяйственной деятельности и общественный строй местного населения). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1960. 152 с.
Валиди Тоган А. История башкир. Уфа: Китап, 2010. 352 с.

Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихьевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар: Коми книжн. изд-во, 1958. Вып. 4. С. 241–270.

Маслюженко Д. Н. Деятельность суфийских орденов на территории Тюменского и Сибирского ханств // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2(34). С. 5–9.

Маслюженко Д. Н. Сибирская княжеская династия Тайбугидов: истоки формирования и мифологизация генеалогии // Средневековые тюрко-татарские государства. 2010. Вып. 2. С. 9–21.

Маслюженко Д. Н. Ногайский фактор в московско-сибирских переговорах 1555–1563 гг. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы II Всероссийской научной конференции (Курган, 17–18 апреля 2014 г.) / Под ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татаурова. Курган: Изд-во Курганск. гос. ун-та, 2014. С. 51–55.

Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин; отв. ред. Б. Сулейменов. Алма-Ата: Наука КазССР, 1969. 655 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. М.: Вост. лит-ра РАН, 2005. Т. I. 630 с.

Миргалеев И. М. Сообщение Продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Мат-лы II Всероссийской научной конференции / Под ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татаурова. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. С. 64–66.

Мустакимов И. А. Сведения «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник. 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье /

Ред. кол.: С. Г. Кляшторный (пред.), Т. И. Султанов, В. В. Трепавлов. М.: Вост. лит.-ра РАН, 2011. С. 228–248.

Нестеров А. Г. Формирование государственности у тюркских народов Урала и Западной Сибири в XIV–XVI вв. // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. Материалы международной научно-практической конференции. М.: ИСАА при МГУ, 2003. С. 111–114.

Парунин А. В. Дискуссионные моменты гибели лидера Сибирских Шибанидов Ибак-хана // XIV Сулеймановские чтения: мат-лы Всероссийской научно-практической конференции (Тюмень, 13–14 мая 2011 г.). Тюмень: Универсальная типография «Альфа Принт», 2011. С. 72–77.

Полное собрание русских летописей. СПб: Тип. И. Н. Скороходова, 1901. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. 266 с.

Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. Н. Ю. Скороходова, 1904. Т. 13. Первая половина. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. 303 с.

Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. Н. Ю. Скороходова, 1906. Т. 13. Вторая половина. Дополнения к Никоновской летописи. 234 с.

Полное собрание русских летописей. Л.: Наука, 1982. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. 235 с.

Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1987. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. 383 с.

Продолжение древней российской вивлиофики. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1795. Ч. X. 327 с.

Продолжение древней российской вивлиофики. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1801. Ч. XI. 315 с.

РГАДА. Ф. 127. Сношения России с ногайскими татарами — (коллекция) из фондов Боярской Думы и Посольского приказа. Оп. 1. Д. 6.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М.: Тип. Н. С. Всеволожского, 1819. Ч. 2. 643 с.

Султанов Т. И. Известия османского историка XVI в. Сейфи Челеби о народах Центральной Азии // Тюркологический сборник 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье / Ред.

кол.: С. Г. Кляшторный (пред.), Т. И. Султанов, В. В. Трепавлов. М.: Вост. лит-ра РАН, 2005. С. 254–272.

Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М.: Вост. лит-ра РАН, 2002. 752 с.

Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Вост. лит-ра РАН, 2012. 231 с.

Трепавлов В. В. Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды. Казань: ООО «Фолиант», 2011. 252 с.

Хафиз-и Таныш Бухари. Шараф-наме-йи шахи (Книга шахской славы) / Пер. М. А. Салахетдиновой. М.: Наука, 1983. Т. 1. 155 с.

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ ПРИНЯТИЯ ИСЛАМА В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

Аннотация: Проблема принятия ислама в Золотой Орде является чрезвычайно актуальной и важной для понимания всей последующей истории этого государства. Несомненно, этот процесс не был прямоточным и содержал значительное количество моментов, которые сейчас нам трудно понять, но которые во многом определили судьбу Золотой Орды и народов, населявших ее. Рассмотрению религиозной ситуации накануне принятия ислама в Золотой Орде и посвящена эта статья.

Ключевые слова: Золотая Орда, религия, ислам, христианство, шаманизм, иудаизм, предпосылки.

Abstract: Problem of the adoption of Islam in the Golden Horde is an extremely relevant and important for understanding the subsequent history of that state. Undoubtedly, this process was not straightforward and contained a considerable quantity of moments that are hard for us to understand, but which largely determined the fate of the Golden Horde and the peoples inhabiting it. Consideration of the religious situation on the eve of the adoption of Islam in the Golden Horde and the focus of this article.

Key words: Golden Horde, religion, Islam, Christianity, shamanism, Judaism, the background.

Официальной и общепризнанной датой введения ислама в качестве государственной религии на территории Золотой Орды является 1312 год — год прихода к власти хана Узбека (Тизенгаузен 1884: 163). Из других источников мы узнаем, что ислам пробивал себе дорогу в Улусе Джучи в течение долгих лет, что его становление в Орде началось задолго до 1312 г. и завершилось намного позже. Сейчас появилось множество данных, свидетельствующих о том, что процесс введения ислама в Орде шел долго и трудно, что пережитки доисламских верований сохранялись среди разных слоев населения на протяжении нескольких десятилетий (Васильев 1995; 1996), а кое-где не были изжиты вовсе (Бисембаев 1994: 52–53). Ниже мы попытаемся выяснить, какова же была религиозная ситуация в Золотой Орде накануне принятия ислама.

На территории Золотой Орды ислам был явлением далеко не новым и его проникновение относится еще к VIII в. (Магомедов 1983: 174; Бартольд 1968г: 494–495) В 922 г. ислам был принят

в Волжской Булгарии (Халиков 1993: 47), а к XIII в. она была уже полностью исламизирована (Юсупов 1960).

Во второй половине X в. ислам из городских центров проникает в степь, где он принимается отдельными родами печенегов, башкир, огузов, игравших в то время значительную роль в истории Хазарии и Волжской Булгарии (Бартольд 1968а: 496; 1968б: 524). К XI в. между поволжскими городами и «дар ал-ислам» («миром ислама») устанавливаются тесные торговые и культурные связи, которые приводят к дальнейшему распространению ислама в Степи.

Монгольское завоевание и образование Улуса Джучи привели к усилению интенсивности межэтнических и межрелигиозных контактов в Дашт-и Кыпчак. Нижнее Поволжье оказывается центром формирования синкретичной золотоордынской культуры, вобравшей в себя традиции кочевых народов Великой Степи и урбанизированных регионов на ее окраинах. Именно сплав кочевой и оседлой культур, язычества и ислама, а также элементов других вероисповеданий привели к образованию этого своеобразного и неповторимого явления.

До начала великих завоеваний монголов, а также в начальный период сложения Золотой Орды у тюркских и монгольских племен был широко представлен «шаманизм» или «язычество». Тюркско-монгольский шаманизм — это особая система верований, характеризующаяся делением Вселенной на три мира — Верхний, Средний и Нижний. Средний мир населяют люди, животные и птицы. Верхний и Нижний мир — духи, с которыми могут общаться посредством камланий шаманы. Становление этой религиозной системы обычно относят к VI–VII вв., когда в центральноазиатских степях у древних тюрков возникает культ поклонения Вечному Синему Небу — Кок-Тенгри. «Тенгризм» распространяется среди многих тюрко-монгольских и финно-угорских народов. Специальные исследования по религиозным культам половцев южнорусских степей и «черной вере» монголов (Плетнева 1974; 1990; Швецов 1979), позволяют реконструировать наиболее характерные особенности языческих политеистических верований золотоордынских кочевников. Верховным божеством тюрко-монгольского шаманизма являлось Вечное Синее Небо. Оно нисколько не потеряло своего значения и в монгольское время. Подобная вера населения Великой

Степи в силу Вечного Синего Неба вводила в заблуждение европейцев и арабов, которые считали, что тюрки и монголы верят в единого Бога. Вот, например, как рассуждал Плано Карпини: «Они веруют во единого Бога, которого признают творцом всего видимого и невидимого, а также признают его творцом как блаженства в этом мире, так и мучений, однако, они не чтут его молитвами или похвалами, или каким-нибудь обрядом» (Путешествия 1957: 28). В представлении кочевников Кок-Тенгри был источником жизни, вечным и правосудным повелителем мира. Кок-Тенгри не ассоциировался в представлении кочевников с каким-либо образом, но означал не только небо, но любое верховное божество.

Семейно-родовые культы почитания умерших предков, прародителей и сородичей, составляли одну из важнейших частей языческих верований многих кочевых народов. В их основе лежит вера в то, что духи умерших предков остаются самыми могущественными членами рода, от которых зависит его благосостояние. Культ предков, традиционно представленный в кочевнической культуре евразийских степей, сохраняется и в золотоордынское время. В золотоордынскую эпоху он наиболее ярко проявляется в культе онгонов — духов-хранителей (Путешествия 1957: 94).

Наиболее могущественными онгонами в монгольской империи считались онгоны рода Чингисхана — Борджигинов (Путешествия 1957: 29). Покровителем самого Чингисхана стал дух его побратима Джамухи после казни (Бартольд 1966б: 389). Внешней оболочкой всего комплекса языческих верований золотоордынских кочевников было шаманство.

Основные языческие верования кочевников Золотой Орды позволяют вполне определенно отнести их к разряду религий, характерных для обществ, находящихся на стадии отмирания родового или складывания раннефеодального строя. В XIII–XIV вв. языческие верования печенегов, огузов, кыпчаков и монголов продолжают достаточно безболезненно сливаться в единый конгломерат с небольшими местными особенностями. Язычество было основной формой вероисповедания на территории Золотой Орды в первой половине XIII в. и даже позже.

Кроме язычества, с самого начала в Золотой Орде были представлены все мировые религии. Как и во всех государствах Монгольской

империи, на службе у ханов Золотой Орды было большое количество уйгурских чиновников и священников (христиан и буддистов), от которых монголы переняли алфавит и сделали его официальным. Это показывает, что буддизм пользовался определенным влиянием в Золотой Орде. Словами *бахши* (от санскритского «бхикшу» — буддийский монах, отшельник) и *лама* в монгольских государствах называли буддийских священников, а также государственных писцов и мелких чиновников (Путешествия 1957: 127–130, 233). Но буддизм был распространен, в основном, среди знати, являясь этнополитической идеологией лишь небольшой части аристократии. При хане Тохте (1299/1300–1312) *бахши* и *ламы* пользовались большим влиянием (Тизенгаузен 1884: 174, 197, 277, 514). Когда Узбек-хан в 1312–1313 гг. ввел ислам в качестве государственной религии, то подверг казням и преследовал в числе прочих противников мусульманства *лам* и *бахши* (Тизенгаузен 1884: 163, 197, 385, 510; 1941: 100, 104).

Христианство в форме несторианства было достаточно широко распространено среди народов, составивших Монгольское государство. В Улусе Джучи также было много несториан, в том числе на службе у ханов (Путешествия 1957: 102–106).

Помимо несторианства, в Орде было представлено католичество — ряд францисканских монастырей был открыт в городах Крыма и Приазовья, в Сарае и даже передвижные обители в кочевых ставках (Малов и др. 1998: 86). Русская и византийская православные церкви имели свою паству, в основном, в золотоордынских городах (Малов и др. 1998: 87). Русская православная Сарайская (Сарская) епархия была учреждена в 1261 г., чтобы обслуживать религиозные интересы русских пленных, угнанных в Орду. Кроме того, много усилий русской церковью было направлено на обращение в православие несториан, чтобы влиять на политику в Золотой Орде. Во всех золотоордынских городах после учреждения епархии появились церкви или часовни. Православное население, вероятно, образовывало свои кварталы в городах, у христиан имелись свои кладбища (Егоров 1974: 67–72). В целом, положение православной церкви в Орде было достаточно прочным — ханская власть гарантировала неприкосновенность церквей, не облагала налогами духовенство, имелись даже случаи крещения татар. Чаше

всего это были женщины знатных родов, выходившие замуж за русских князей (например, дочь хана Менгу-Тимура, сестра Узбека Кончака и др.) (Малов и др. 1998: 89).

Из других религий следует назвать наличие в Орде иудаизма. Караимы проживали, преимущественно, в городах Крыма (Малов и др. 1998: 64), да и правоверные иудеи занимали твердые позиции в золотоордынских городах. Среди них были купцы, ремесленники, ростовщики. Большая колония евреев — 100 человек — существовала в Ургенче (Тизенгаузен 1884: 242).

Что же касается ислама, то в составе Золотой Орды оказались два региона, в которых он имел государственный статус — это Волжская Булгария и Хорезм. Кроме того, турки еще до XIII в. принесли ислам с южного побережья Черного моря на северное (Бартольд 1966а: 662).

Сами монголы познакомились с исламом в самом начале своих завоеваний. Одни из первых ударов Чингисхана были направлены в Среднюю Азию, против мусульманского государства хорезмшахов. Однако, еще задолго до возникновения единой монгольской державы, отдельные мусульмане начали проникать в среду кочевников Центральной и Восточной Азии (Бартольд 1966в: 187). Мусульманские торговцы в последующие века проникли еще дальше. В начале XIII в. в их руках была торговля между Китаем и Монголией. В. В. Бартольд акцентирует внимание на том, что торговая деятельность представителей различных религий в степи соединялась с миссионерской (Бартольд 1968в: 108).

В ставке Чингисхана еще до начала завоеваний находились мусульмане. В золотоордынское время пропаганда ислама продолжает идти нога в ногу со становлением торговли, городской культуры и упрочением государственной власти в Улусе Джучи, что, в конце концов, привело к его победе в Золотой Орде.

Таким образом, из всего вышеизложенного видно, что религиозная ситуация накануне принятия ислама в Золотой Орде была весьма сложная и неоднозначная. При этом, в основном, проводилась государственная политика веротерпимости по отношению ко всем религиям, что было обусловлено как традицией, восходящей еще к Чингисхану, так и пестрым составом населения, а также нахождением на границе между мирами христианства и ислама.

Список литературы

Бартольд В. В. Басджирт // Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. М.: Наука, 1968а. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. С. 494–495.

Бартольд В. В. Гуззы // Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. М.: Наука, 1968б. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. С. 524–527.

Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. М.: Наука, 1968в. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. С. 19–192.

Бартольд В. В. Ислам на Черном море // Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. М.: Наука, 1966а. Т. VI. Работы по истории Ислама и Арабского халифата. С. 659–669.

Бартольд В. В. К вопросу о погребальных обрядах у турков и монголов // Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. М.: Наука, 1966б. Т. IV. Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии. С. 377–396.

Бартольд В. В. Культура мусульманства // Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. М.: Наука, 1966в. Т. VI. Работы по истории Ислама и Арабского халифата. С. 143–204.

Бартольд В. В. Хазары // Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. М.: Наука, 1968 г. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. С. 597–601.

Бисембаев А. Генезис погребального обряда кочевников Западного Казахстана // Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. Тезисы докладов. Самара.: Изд-во СГПИ, 1994. С. 52–53.

Васильев Д. В. Золотоордынские раннемусульманские погребения с городского некрополя Красноярского городища // Тезисы докладов итоговой научной конференции АГПИ им. С. М. Кирова. Астрахань: АГПИ, 1995. С. 15.

Васильев Д. В. Опыт типологии и периодизации мусульманского погребального обряда в Золотой Орде // Тезисы докладов итоговой научной конференции АГПИ им. С. М. Кирова. Астрахань: АГПИ, 1996. С. 23.

Егоров В. Л. Основные направления развития культуры Золотой Орды // Поволжье и сопредельные территории в средние века.

Памяти Г.А. Федорова-Давыдова. М., 2002 (Труды ГИМ. Вып. 135). С. 79–84.

Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М.: Наука, 1983. 224 с.

Малов Н. М., Малышев А. Б., Ракушин А. И. Религия в Золотой Орде. Саратов: Изд-во Саратовск. гос. ун-та, 1998. 128 с.

Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния. М.: Наука, 1974. 200 с.

Плетнева С. А. Половцы. М.: Наука, 1990. 204 с.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Редакция, вступительная статья и примечания Н. П. Шастиной М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957. 272 с.

[Тизенгаузен В. Г.] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1884. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. 564 с.

[Тизенгаузен В. Г.] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1941. Т. II. Извлечения из персидских сочинений. 308 с.

Халиков А. Х. Ислам и урбанизм в Волжской Булгарии // Биляр — столица домонгольской Булгарии. Казань: Изд-во АН СССР, 1993. С. 47–60.

Швецов М. Л. Половецкие святилища // Советская археология. 1979. № 1. С. 199–209.

Юсупов Г. В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 165 с.

ГРАД СИБИРЬ — СИБИРСКОЕ ЦАРСТВО И СИБИРСКИЙ ЮРТ: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация: Статья посвящена герменевтическому анализу и имагологии Искера в Есиповской летописи, а также сопоставлению образов и реалий с западноевропейскими, монгольскими и тюрко-татарскими источниками. Представлено множество параллелей летописи с религиозно-историософскими традициями христианства, которые обосновывали легитимность власти «Москвы» в Сибири и провиденциализм миссионерства православия в Сибири. В проведенном исследовании показано различие культурного и политического значения города в православной и тюрко-татарской ментальности.

Ключевые слова: Кучум, Искер, Сибирское ханство, Ермак, Есиповская летопись.

Abstract: The article is devoted to hermeneutical analysis and imagology of Isker in Yesipov chronicles, also comparison of images and realities with Western European, Mongolian and Turk-Tatar sources. Presented many parallels with the chronicle of religious historiosophical traditions of Christianity that justify the legitimacy of the power of the „Moscow“ in Siberia and providentialism missionary of Orthodox in Siberia. The research shows the difference of the cultural and political significance of the city in the Orthodox and Turk-Tatar mentality.

Key words: Kuchum, Ysker, Siberian Khanate, Ermak, Esypovskaya chronicles.

Образ города в Средневековье имел много символов. В христианской эсхатологии выделяются Вавилон, Иерусалим, Вифлием, Назарет, Александрия, Антиохия, Рим, Константинополь — Царьград, Москва — Третий Рим. Генезис учения Августина Блаженного о «граде божьем и граде земном», «кесареву — кесарево, богу — божье» создал образы города-столицы и кесаря-царя. Важными элементами античной традиции были Атлантида и Троя. Все это транслировалось в русские летописи при описании «града» Киева, Новгорода, Владимира и т. д., а также отразилось и в Сибирских летописях при описании города Искера как столицы Сибирского ханства.

В ранних летописях, до похода Ермака, мы не встречаем описание Сибири как Царства. Нам известно о Сибири из Никоновской летописи, где рассказывается об установлении сибирским «князем» Едигером даннических отношений с Иваном IV. Стоит

отметить, что в летописи о Сибири говорится лишь как о территории, которая платит дань пушниной (Полное собрание 1904: 248, 276, 285). В этом же источнике пишется о Тюмени (Полное собрание 1904: 243), притом нет упоминания о городе «Тюмень». Исходя из летописи, можно предположить, что это обозначение двух разных территорий. В описании похода Ивана III 1483 г. на вогульские и югорские княжества упоминаются Тюмень, Югра и Сибирь, о которых нам известно из Вологодско-Пермской, Никоновской, Холмогорской и Вычегодско-Вымской летописей и из Устюжского летописного свода. Ученые пришли к выводу, что в перечисленных источниках они представлены политическими объединениями, а не столицами государств (Маслюженко, Рябинина 2014).

Особое внимание следует обратить на Есиповскую летопись, составленную дьяком Саввой Есиповым. Она стала «наиболее идеологизированной среди всех летописных памятников, повествующих о походе Ермака» (История литературы Урала 2012: 227). Савва Есипов был образованным для того времени человеком: хорошо знал Библию, «Русский Хронограф», «Сказание о Мамаевом побоище», «Житие Стефана Пермского», «Казанскую историю» (Ромодановская 1993: 316). В «Русском Хронографе» и «Казанской истории» много заимствований из «Хроники Манассии», а ее перевод «приобрел особенную популярность, благодаря панегирику в честь „Нового Рима“, который впоследствии читатели воспринимали как похвалу болгарской столице Тырнову и царствующему граду Москве» (Мещерски 1979: 132).

Е. К. Ромодановская указывает на заимствования в летописях при описании сражений войск болгарского царя Самуила с византийским императором Василием II и битвы войск Кучума с казаками Ермака на Чувашском мысу («Русский Хронограф», 1512 г.). Причем исследователь видит в этом лишь риторическое отступление (Ромодановская 1973: 120). Р. Г. Скрынников, ссылаясь на этот источник, обосновывает неуместность присутствия на Чувашском мысу полков Ермака с медными щитами и копьеносцами (Скрынников 1986: 23–24). Предположительно, проводимая аналогия битвы при Клейдионе между византийской и болгарской армиями, подчеркивает масштабность сражения в Чувашском мысу. Кроме того, Василий II, согласно летописанию, был шурином князя

Владимира и стал инициатором крещения Руси. В конце летописного источника возвышенно повествуются распространение православия в Сибири и прибытие архиепископа Киприяна. Как известно, Есипов сам был приближенным к архиепископам (История литературы Урала 2012: 227). В данном контексте аналогия Василия II и Ермака необходима для того, чтобы выделить их в качестве ключевых фигур в проведении христианизации Руси и Сибири. Также, возможно, описание битвы на Чувашском мысу через призму сражения византийцев и болгар ассоциируется с Троянской войной — «яко ж древле от телес у Троиньского града близ Камандры реки пленующу Ахилесу» (Полное собрание 1987: 87), что возвышает образы казаков Ермака до эпических. Сказания о Троянской войне тоже были известны Савве Есипову из «Русского хронографа», в котором присутствует «Повесть о создании и пленении Тройском». «Повесть была составлена русским книжником на основе рассказа о Троянской войне в основном тексте „Хроники Константина Манассии“» (Соколова 1996: 27). Эта метафора символизирует «град Сибирь» как столицу царства; отождествляет Ермака с непобедимым Ахиллесом, героически погибшим в сражении. «Ахиллесовой пятой» для атамана Ермака стали и его боевые доспехи.

В «Русском хронографе» повествуется об основании Трои: «И съ прежнимъ царемъ, иже нача здати, всех шесть до Троила царя, иже ваче всех дело сотвори и нарече во свое имя Троя градъ» (Полное собрание 1911: 218). Такое же сравнение Сибири с городом: «постави себе град на реке Иртише, и назва его град Сибирь, сий рече началний» (Полное собрание 1987: 81), далее: «Оттоле ж и вся страна сия прозвася Сибирь» (Полное собрание. 1987: 81). Дьяк упоминает Трою, а не Рим: «Сибирь имянуетца, яко же и Римская страна Италия нарицаетца от Итала некоего, обладавшаго странами вечерними, яко ж свидетелствует кронника латынская. Гради же всея Римския страны разньство имян имеют, опще же Италия нарицаеться» (Полное собрание. 1987: 81). Этот фрагмент связан с «Русским хронографом»: «еже наци написаша сице наречене бытии ей ото Итала, обладавшего странами вечерними» (Полное собрание 1911: 225) «наречена бысть; по времени же переложися на имя Италийское» (Полное собрание 1911: 225).

Казаки Ермака приплыли в Сибирь, как греки в Трою, и логически правильна связь «Сибири» с Троей. Но Рим объединял источники идеи «перехода империи» — «Энеиды» Вергилия и фрагмента Книги пророка Даниила о «четырех царствах». Сравнение «Сибири» с Римом позволяло обосновывать теорию «Москва — третий Рим», покорившую образный Рим в Сибири.

Обращаясь к летописям, мы можем проследить за сюжетом: прибытие греков и мобилизация войск Трои: «Видевше же Трояне толику рать, собравше себе пособники: Кари и Ликаани, Миси и Меони и Фруги и придруживше весь Асіиский языкъ и родъ, противу изведоша бесчислено множество» (Полное собрание 1911: 220). Возможно, он отразился в Есиповской летописи, где повествуется описание о прибытии казаков Ермака и о призыве Кучума сибирскому ополчению: «Слышав же царь Кучюм пришествие русских воин и мужество их и храбрость, и о сем оскорбися зело. И паки мысль свою предлагает, вскоре посылает во всю свою державу, дабы ехали к нему воинстии людие во град Сибирь и противу русских воин ополчились. В мале же времени собравшася к нему множество тотар, и остяков, и вогулич, и прочая языцы, иже под его властию» (Полное собрание 1987: 52).

Есть в летописи заимствование из «Русского Хронографа» аллегорий библейских мотивов: «Не убоится исполин, ни зверя устрашитсся, ниже вострепещет желез[а], ни [корк]одил уст, има[т] бо по[бо]рника Бога паче всякого камени и твердости» (Полное собрание 1987: 52). Это обращение к фрагменту «о четырех царствах» из Книги Пророка Даниила, которые послужили основанием концепции «перехода империи». В христианской эсхатологии знамение апокалипсиса являются четыре зверя, и «эти большие звери, которых четыре, означают, что четыре царя восстанут от земли. Потом примут царство святые Всевышнего и будут владеть царством вовек и во веки веков» (Библия, Даниил 7: 17–18). В «Хронике Манассии», а затем и в «Русском Хронографе» данными сравнениями, вероятно, подчеркивалась божественность трона императора — «Град земной», а воплощением «зверя» был мятежник Георгий Маникак. В этой летописной смысловой нагрузке, скорее всего, «царством» являлась Москва, которая обрела «царство» в Сибири, благодаря богоизбранному «ратоборцу Ермаку», а «зверем» мог быть хан Кучум или все татарское войско.

В летописной исторической хронике Сибири до похода Ермака дьяком явно проведена параллель с четырьмя царствами из библейских сюжетов. В ней можно наблюдать «первое царство» на «реце Ишиме бе царь Моаметова закону именем Он», затем Чингисхан «уби царя Она, и царство сам приемлет Чингис», а его подчиненный Тайбуга убивает сына «царя Она». Тайбуга обретает «второе царство» и «созда град, и нарече его Чингиден», после междоусобных войн «град Чингиден» был разрушен и по традиции «*translatio imperii*» возникает «третье царство», столица которого «град на реке Иртише, и назва его град Сибирь». Впоследствии хан Кучум «доиде до града Сибири, и град взя, и князей [Е] тигера и Бекбулата уби», и, подобно Ивану IV после взятия Казани и Астрахани, «прозвася сибирский царь». А четвертое, последнее царство (Небесный Иерусалим) обретается Москвой, где «Старейшина бысть сей град Тоболеск» и «переход империи» произошел «вместо царствующаго града причтен Сибири».

Не случайно упоминается о Дмитрии Селуанском, почитаемом в Северо-Восточной Руси: «Приидоша во град [Сибирь] Ермак с товарыши в лето 7089 году октября в 26 день, на память святаго великомученика Дмйттрея Селунскаго» (Полное собрание 1987: 81). Возможно, это аналогия и с Куликовской битвой, «где „южный дух“ знаменовал приход на помощь русским „силы Святого Духа“» (Рудаков 2009: 159), ведь имя великомученика было у Дмитрия Донского, и в крещении им нарекли Всеволода Большое Гнездо (Полное собрание 1949: 58). Возможно, это и параллель походов Ермака и князя Олега в Константинополь: «И испугались греки, и сказали: „Это не Олег, но святой Дмитрий, посланный на нас Богом“» (Повесть временных лет 2012: 23). Этот сюжет связывает Сибирь с Царьградом и призван показать обретение Москвой символичного «второго Рима».

В «Грамоте царя Федора Ивановича хану Кучуму» заметна подобная концепция «Сибирского царства»: «А как по наши Царские Величества повеленью, наши люди пришедь в Сибирь тебя с Царства согнали и Сибирскую землю взяли» (Собрание государственных грамот и договоров 1819: 132). Хану Кучуму он сообщает: «...а ты пошел в казаках кочевати и во многие времена» (Собрание государственных грамот и договоров 1819: 132). Однако, что на Руси считалось «вне закона», то для номадов — это повседневность.

Имагология «Сибири» требует обращения к аутентичным тюрко-татарским источникам, например, к грамоте сибирского хана Кучума тарскому воеводе: «А от Ермакова приходу и по ся мѣста пытался есмя встречно стояти; а Сибирь не язъ отдалъ, сами естя взяли» (Собрание государственных грамот и договоров 1819: 130). Кучум был готов вести войну против Ермака в союзе с Ногайской Ордой, от которой «Княжная казна шатнетца» (Собрание государственных грамот и договоров 1819: 130). Из грамоты видно, что хан «Сибирь» не сдавал Русскому государству, а поход Ермака — лишь начало войны. Вероятно, термин «Сибирь» был исправлен толмачами для царского двора, так как в оригинальных татарских источниках говорится, что Кучум наряду с другими владениями стал хозяином «юрта Тау Буга Ишдеге (?) (Тау Буга йурты Ишдеге)» (Миргалеев 2014: 65), значит, «Сибирь» для хана не была царством-ханством, а являлась лишь одним из улусов его владений. Поэтому для татар захват «Сибири» не означал потерю государственности («царства»).

Тюрко-татарская традиция представления о Сибири согласуется с западноевропейскими и монгольскими источниками. В «Сокровенном сказании монголов» перечисляются народы, «начиная оттуда по направлению к нам, а именно народы: Шибир, Кесдиин, Баит, Тухас, Тоелес, Тас и Бачжиги» (Козин 1941: 75). Есть предположение, что «Шибир» (Sibir) — это народ, проживавший на севере или на северо-западе от Монголии, севернее г. Омска (Козин 1941: 71). Очевидец событий — пленник хана Чекре — Иоганн Шильтбергер сообщает: «Es ist auch ein landt, das haist Bolar und hat mancherlei thier. Item ein landt ist genannt Ibissibur» (Schiltberger 2008: 117) — «Есть также страна, называемая Болар (Булгар), в которой много зверей; также страна, называемая Ибиссибур». «Иби» может означать реку Обь, итальянский монах Фра Мауро на карте 1459 г. обозначает реку Sibir, вдоль которой проживает сибирский народ — «Sibir populi» (Фра Мауро [б. г.] (рис. 1).

Вероятно, «Сибирь» — это эндоним побережья Оби и Иртыша, а не город. Городов как административных центров в Сибири могло и не быть, ведь Герберштейн пишет: «Область Сибирь ... не знаю достоверно, есть ли там какие-либо крепости и города» (Герберштейн 1988: 164). Так как «ханство управлялось из кочевой ставки, Искер осуществлял подобную роль и был небольшой крепостью»

(Маслюженко, Татауров 2015: 143–144). Данные археологии свидетельствуют: «С учетом вмещающей площади самого городища за укрепленными стенами, в лучшем случае, могло прожить от 150 до 300 человек, включая сюда и гарнизон крепости, который при осаде оказывался не только без питьевых запасов, но и в силу высотности берега без путей к отступлению» (Маслюженко, Татауров 2015: 141–142).

Согласно Есиповской летописи, прибыл из «Москвы в Сибирь воевода Иван Мансуров с воинскими людьми». «И доплы до реки Иртыша, и виде на бреге поганов велико собрание, и слыша яко казаки побегоша из града, и убояся, не приста ко брегу, но поплыша вниз по Иртышу» (Полное собрание 1987: 65). Возможно, воеводе было известно, что ясака в Искере не было. Но, если бы Искер был столицей, то регулярные стрелецкие войска, вероятно, приступили бы к штурму. В действительности же, захватить его удалось казакам, которые были в меньшем количестве и уступали в военном деле стрельцам. Исходя из этого, становится объяснимым основание города, столицы Сибири — Тобольска, на крутом берегу, где соединяются Тобол с Иртышом, а не там, где располагался Искер. Этого не произошло, например, с Казанью, которая, действительно, являлась крупным городским центром до и после его взятия. Ведь даже если Тобольск строился по подобию Свияжска, то столицей Сибири, в итоге, должен был стать Искер.

Однако символичность обретения «града Сибирь» и «Сибирского царства» было востребовано, чтобы подтвердить легитимность власти в Сибири, и это вписывалось в религиозно-историко-софскую концепцию «*Translatio imperii*» — «перехода империи», завершившуюся в концепции: «Москва — Третий Рим».

Список литературы

Библия. М.: Российское Библейское общество, 2015. 1408 с
Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с

История литературы Урала. Конец XIV–XVIII в. / Глав. ред.: В. В. Блажес, Е. К. Созина. М.: Языки славянских культур, 2012. 608 с

Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 605 с.

Кореньяно В. А. 790 лет с начала монгольского владычества на Алтае // Страницы истории Алтая. 1997 г. Календарь памятных дат. Барнаул: Полиграфист, 1996. С. 71–75.

Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А. Поход 1483 г. и его место в истории русско-сибирских отношений // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1(24). С. 115–123.

Маслюженко Д. Н., Татауров С. Ф. Искер как мифологема в изучении истории Сибирского ханства // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4. С. 135–150

Мещерский Н. А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV веков: (Учеб. пособие). Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 112 с.

Миргалеев И. М. Сообщение Продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: мат-лы II Всероссийской научной конференции (Курган, 17–18 апреля 2014 г.). Курган: Изд-во Курганск. гос. ун-та, 2014. С. 64–66.

Повесть временных лет. По Лаврентьевской летописи 1377 г. / Пер. [с древнерус.] Д. С. Лихачев, О. В. Творогов. СПб.: Вита Нова, 2012. 513 с.

Полное собрание русских летописей. М.: Изд-во АН СССР, 1987. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. 381 с.

Полное собрание русских летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. / Под ред. Н. М. Тихомирова. 464 с.

Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. Н. Ю. Скороходова, 1904. Т. 13. Первая половина. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. 303 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 22. Русский хронограф: Хронограф редакции 1512 года СПб. 1911. 580 с.

Ромодановская Е. К. Есипов Савва // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Изд-во РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом), 1993. Вып. 3. Ч. 1 / Под ред. Д. М. Буланина, А. А. Турилова. С. 314–318.

Рудаков В. Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М.: Квадрига, 2009. 248 с.

Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск: Наука, 1986. 320 с.

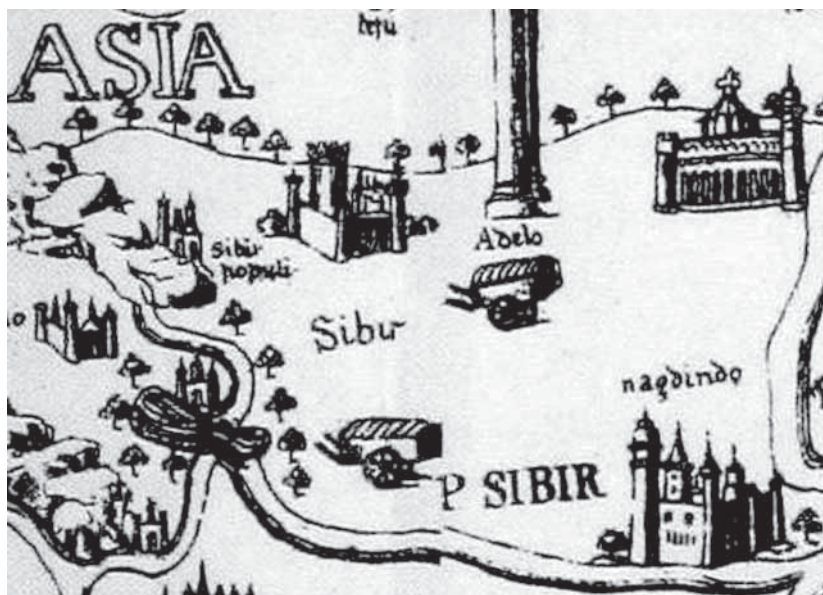
Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М.: Тип. Н. С. Всеволожского, 1819. Т 2. 399 с.

Соколова Л. В. Литература Древней Руси: Биобиблиографический словарь / Под ред. О. В. Творогова. М.: Просвещение, 1996. 240 с.

Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Вост. лит., 2012. 231 с.

Фра Мауро [б. г.] // <http://www.bl.uk/magnificentmaps/map2.html>

Schiltberger J. Als Sklave im Osmanischen Reich und bei den Tartaren: 1394–1427 / Hrsgb. von U. Schlemmer. Wiesbaden: Ed. Erdmann, 2008. 255 S.

Рис. 1. Фрагмент карты Фра Мауро

МЕЖДУ «ЧИНГИЗИЗМОМ» И ШАРИАТОМ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ МУХАММАДА ШАЙБАНИ-ХАНА

Аннотация: В статье предпринимается попытка анализа политических и правовых взглядов Мухаммада Шайбани-хана — потомка ханов Золотой Орды, сумевшего в начале XVI в. создать собственное государство в Средней Азии (Бухарское ханство). На основе сочинений самого Шайбани-хана, а также свидетельств его современников автор старается проследить, как менялась политическая идеология потомков Чингисхана после падения Золотой Орды и других чингизидских империй. Основой новой идеологии стало сочетание принципов имперского («чингизидского») права и мусульманской политико-правовой идеологии, основанной на нормах шариата. Мухаммад Шайбани-хан стал одним из первых Чингизидов, не только применившим это сочетание на практике, но и развившим его в собственных письменных сочинениях.

Ключевые слова: Мухаммад Шайбани-хан, Чингизиды, Золотая Орда, имперское право, шариат, Бухарское ханство, Накшбанди́я, Йаса́вия, хали́фат.

Abstract: The article is an attempt of analysis of political and legal views of Muhammad Shaybani Khan — descendant of khans of the Golden Horde who established own state in the Central Asia at the edge of the 16th c. (Bukharan Khanate). Basing on own works of Shaybani Khan and his contemporaries author tries to examine how the ideology of Chinggisids had been changed after the fall of the Golden Horde and other Chinggisid empires. The base for new ideology was a combination of principles of imperial ("Chinggisid") law and Islamic political and legal ideology based on Shariat. Muhammad Shaybani Khan was one of the first Chinggisids who realized such combination in practice and at the same time reflected it in his written works.

Key words: Muhammad Shaybani Khan, Chinggisids, the Golden Horde, imperial law, Shariat, Bukharan Khanate, Naqshbandiya, Yasaviya, caliphate.

Распад Золотой Орды и других государств Чингизидов имперского типа в XIV–XV вв. привел к кризису чингизидской системы управления, и потомки Чингисхана столкнулись с опасностью утраты своей монополии на власть. Единственным выходом из кризисной ситуации являлось оптимальное сочетание имперских принципов, на которые Чингизиды опирались прежде, и тех, которые позволили бы им найти поддержку местного населения — таковыми стали мусульманские традиции, широко распространенные среди населения большинства тюрко-монгольских государств еще до прихода к власти Чингизидов. В настоящем исследовании

анализируется подобная попытка, которую предпринял Мухаммад Шайбани-хан (1451–1510) — потомок Шибана, пятого сына Джучи, наследник золотоордынских ханов.

В течение десятилетий он боролся за власть в восточном крыле Золотой Орды (на территории современного Северного Казахстана и Западной Сибири), но, вытесненный конкурентами, в начале XVI в. сумел практически «с нуля» создать обширное государство на территории Чагатайского улуса, которым затем в течение целого столетия управляла созданная им династия Шайбанидов (1500–1601). Шайбани-хан не только на практике сочетал чингизидские и шариатские методы управления, но и оставил обширное литературное наследие, в котором нашли отражение его политико-правовые взгляды: диван его собственных стихотворений, философско-дидактическое произведение (касыда) «Бахр ал-худа», трактат «Рисала ал-ма'ариф-и Шайбани». Ряд авторов уже обращался к анализу произведений Шайбани-хана, в т. ч. и их политической составляющей (Семенов 1956: 53–56; Кюгельген 2004: 44–46; Bodrogligeti 1982; 1994a; 1994b), однако общей характеристики его политико-правовых воззрений, насколько нам известно, до сих пор дано не было, соответственно, такая попытка предпринимается в настоящем исследовании.

Многие исследователи характеризуют Шайбани-хана как поборника интересов среднеазиатского мусульманского духовенства. Основанием для подобного мнения стали сообщения восточных хронистов о тесных контактах хана и его ближайших родичей с руководителями суфийских орденов, которые оказывали внуку Абул-Хайра значительную помощь и во время его скитаний по степи, и при завоевании империи Тимуридов, обеспечивая поддержку населения. Также средневековые историки приводят сведения о том, что будущий хан в молодости сильно увлекался религией и даже был мюридом (учеником) почитаемых шейхов из ордена Йасавийя — сначала Джалал ад-Дина Азизана, затем — Мансура. Рассказ о взаимоотношениях Мухаммада Шайбани с этими двумя шейхами содержится в сочинении «Ламахат мин нафахат ал-кудс» («Отблески от дуновений святости»), написанном Алим-шейхом Азизаном ок. 1625/1626 г. (см.: Семенов 1940: 13). Кроме того, например, автор второй половины XVI в. Баха ад-Дин Хасан Бухари в «Музакир

ал-ахбаб» («Памятка о друзьях») сообщает, что Мухаммад Шайбани во время своего пребывания в Бухаре стал мюридом Мир Мухаммада Накшбанда, внука знаменитого Баха ад-Дина Накшбанди и, следовательно, находился под влиянием ордена Накшбандийа (Ахмедов 1985: 162–163; Норик 2008: 233–234).

В самом деле, еще во время борьбы за власть в Дешт-и Кипчаке будущему хану, несомненно, пришлось активно взаимодействовать с рядом суфийских орденов, которые вели широкую проповедническую деятельность среди кочевых племен и имели значительное влияние среди оседлого населения Средней Азии. Именно миссионеры суфийских братств Накшбандийа, Йасавайя и Кадирийа, прибывавшие в Восточный Дешт из Мавераннахра (в основном — из Бухары), сыграли основную роль в обращении местных кочевников в ислам (Султангалиева 2007: 8–9; DeWeese 1994: 298–299). Впрочем, не будем забывать и о золотоордынском происхождении Шайбани-хана: ведь ислам в Улусе Джучи был принят в качестве государственной религии еще в 1320 г. ханом Узбеком, и все последующие ханы Золотой Орды являлись мусульманами. Примерным мусульманином представлен в исторических источниках и дед Мухаммада Шайбани — тюменский хан Абулхайр.

Как бы то ни было, в дальнейшем, при завоевании Мавераннахра и Хорасана, Шайбани-хан, побуждаемый членами орденов Накшбандийа и Кадирийа, провозгласил борьбу с шиитской «ересью», к которой были весьма привержены последние Тимуриды — самаркандский Байсункар-мирза, гератский Султан-Хусайн-мирза и др. Поддержка суннизма была вдвойне выгодна Шайбани-хану: с одной стороны, он приобрел поддержку населения Средней Азии, в большинстве своем исповедовавшего суннизм, с другой — нашел официальную причину для борьбы с набирающим силу персидским шахом Исмаилом Сефевии, поборником шиизма. Официальным отражением суннитской позиции Шайбани-хана стала чеканка на его монетах имен первых четырех «праведных» халифов (см.: Давидович 1992: 151). Однако Шайбани-хан нередко использовал религию для достижения своих политических целей, причем порой не колебался идти против и религиозных догматов, и влиятельных представителей духовенства, если это диктовалось политическими целями.

Как уже упоминалось, Шайбани-хан после взятия Герата включил в свой монарший титул эпитеты «имам аз-заман ва халифат ар-Рахман» («имам времени и наместник Всемилостивого»). Таким образом, в противовес шиитским пристрастиям Тимуридов, которые, начиная с самого Амира Тимура, создали себе генеалогию, возводившую их происхождение к халифу Али, особо почитаемому именно шиитами, Шайбани-хан сам себя провозгласил имамом (главой мусульманской общины) и халифом (наместником Аллаха), т. е. духовным главой всех мусульман. Тем самым он официально объявил своей главной задачей объединение исламского мира под своей властью и борьбу со всеми инакомыслящими (см.: Семенов 1954: 70). В результате даже наиболее радикальное духовенство, которое, казалось бы, должно было всячески защищать права на халифат Аббасидов (пребывавших в это время в Каире), с готовностью признало «мессианские претензии» внука Абу-л-Хайра и всячески поддерживало его, особенно в борьбе с персами-шиитами.

Провозглашенная борьба с шиизмом стала для Шайбани-хана, по-видимому, своего рода компромиссом с влиятельным суннитским духовенством Мавераннахра и Хорасана. Фактически же вражда хана и его подданных-суннитов распространялась лишь на иранских шиитов — подданных шаха Исмаила Сефеви. В самом государстве Шайбани-хана шииты в большинстве своем мирно уживались с суннитским большинством, а некоторые даже достигали высоких постов при дворе хана: например, шиит ходжа Камал ад-Дин Махмуд Сагарджи даже стал везиром Шайбани-хана (Шараф-хан Бидлиси 1976: 156). Только однажды Мухаммад Салих, придворный историк Шайбани-хана, упоминает о реальном примере «религиозной борьбы», которую вел хан: речь идет о насильственном обращении в суннизм населения Кундуза и Хисара (Мукминова 1954: 129).

Любопытно, что при этом сам Шайбани-хан идеологически, по-видимому, никак не обосновывал свои права на титул халифа. Но четыре года спустя после его смерти Ибн Рузбихан в сочинении «Сулук ал-мулук» («Образы поведения царей»), посвященном Убайдаллах-хану, племяннику Шайбани-хана, вывел весьма своеобразную концепцию халифата: халифом может стать любой

правитель, даже не обязательно араб и курайшит — более того, халифов может быть даже несколько одновременно! Основания для этого — деяния во славу ислама и непричинение вреда другим халифам, правящим в собственных владениях (см.: Кюгельген 2004: 288–289).

Принятие титулов имама и халифа не только повысило престиж Шайбани-хана в глазах подданных, но и дало ему известную свободу в отношениях с представителями духовенства. Подобно прежним владетелям Герата (и, в первую очередь — Шахруху б. Амир Тимуру, самому значительному из них) (см.: Султанов 2006: 62), хан вознамерился стать и светским, и духовным властителем своих подданных. Впрочем, и ранее внук Абу-л-Хайра неоднократно давал понять, что для него не существовало духовных авторитетов, если только их позиция не отвечала его политическим целям. Так, после захвата Самарканда он без колебаний расправился с весьма авторитетными представителями самаркандского духовенства — шейх-ул-исламом Абу-л-Макаримом и Ходжой Йахьей б. Ходжой Ахраром (хан предпочел забыть, что Ходжа Ахрар в свое время покровительствовал его семейству и даже нарек его племянника Убайдаллаха собственным именем). Исследователи высказывают предположение, что к умерщвлению Ходжи Йахьи хана могли подтолкнуть шейхи ордена Ишкийя, которые пользовались влиянием при Шайбани-хане и его преемниках и были противниками ордена Накшбандийя, возглавляемого потомками Ходжи Ахрара (см.: Резван 2008: 294–295). Впрочем, это мнение противоречит вышеприведенным сведениям источников о том, что Мухаммад Шайбани в молодости имел тесные связи с орденами Йасавийя и Накшбандийя.

Весьма красноречиво проявилась противоречивость политики Шайбани-хана в отношении мусульманского духовенства при взятии Бухары (в 1500 г.). Один из наиболее авторитетных религиозных деятелей того времени, шейх эмир сайид Шамс ад-Дин Абдаллах ал-Араби ал-Йамани ал Хадрамаути (более известный как Мир-и Араб), пользовался покровительством Шайбани-хана, постоянно принимал участие в диспутах, заседаниях дивана и даже сопровождал хана в его походах (Фазлаллах ибн Рузбихан 1976: 78–79; Джураева 1985: 74). Зато другой бухарский шейх, Джалал ад-Дин

Азизан, претерпел от хана всяческие унижения, несмотря на то, что некогда являлся его духовным наставником: вероятно, внук Абул-Хайра так и не простил шейху, что тот в свое время не одобрил его претензии на власть. После взятия Бухары по ханскому приказу сын шейха Азизана был схвачен, связан и подвергнут позорному публичному наказанию. Один из мюридов шейха попытался заступиться за сына своего наставника, угрожая хану божьим гневом, но сам шейх Азизан повел себя куда более разумно: заявив, что хану в его действиях покровительствует святой Ахмад Йсави, он приказал своим ученикам не вмешиваться в процесс наказания. Согласно легенде, впоследствии распространенной среди членов ордена Йасавийа, после этих слов шейха веревки, опутывавшие его сына, развязались сами собой, а хан, увидев это чудо, уверовал в святость Джалал ад-Дина Азизана. Стоит отметить, что эта история не нашла отражения в официальной бухарской историографии — по-видимому, на самом деле, Шайбани-хан, смягченный покладистостью шейха, просто-напросто отменил наказание его сына. Однако в дальнейшем хан продолжал всячески преследовать шейха, заставив того, в конце концов, покинуть Бухару и переселиться в Герат (DeWeese 1994: 304–306).

После занятия Герата Шайбани-хан по собственному усмотрению даже назначал духовных «чиновников», включая мударисов — учителей медресе и пр. По его волеизъявлению Ихтийар ад-Дин, кади Герата, был оставлен на своей должности — но только потому, что вовремя сориентировался и перешел на сторону хана, убедив сделать то же и других «отцов города». Шайбани-хан также назначил мухтасиба — эмира сайида Садр ад-Дин Йунуса ал-Хусайни, в обязанности которого вменил строгий контроль за нравственностью не только чиновников и горожан, но и духовенства (Болдырев 1989: 364; см. также: Ахмедов 1982: 154, 166).

В целом же, исключая расправы с религиозными деятелями, которые были его политическими противниками, Шайбани-хан всячески старался демонстрировать поддержку и покровительство мусульманскому духовенству, строил медресе, учреждал вакфы и жаловал наиболее видным священнослужителям земельные владения. Кроме того, он подтвердил большинство вакфов, пожалованных духовенству Тимуридами, несмотря на то, что самих

потомков Тимура стремился представить незаконными правителями. Для контроля за соблюдением предписаний вакуфных грамот Шайбани-хан, по сообщению Хондемира, назначил главным садром маулану Абд ар-Рахима Туркестани (см.: Ахмедов 1982: 152; Ахмедов 1985: 140; Бартольд 1968: 570; Мукминова 1985: 33). Для укрепления своих связей с духовенством хан также женил своего сына Мухаммад-Тимур-султана на дочери одного из сайидов г. Термеза, потомков пророка Мухаммада по линии его внука Хусайна (впрочем, влияние термезских сайидов, прежде весьма почитавшихся в Средней Азии, при Шайбани-хане и его преемниках сильно упало из-за того, что они считались приверженцами Тимуридов) (см.: Мирзоев 2008: 178).

Хан с уважением относился к мнению мусульманских богословов и правоведов, которые входили в состав его дивана и участвовали в принятии важнейших государственных решений, а также в богословских и правовых спорах, до которых сам хан был большой охотник. Известно, например, о многочисленных заседаниях ханского дивана во время похода Шайбани-хана на казахов в 1509 г., во время которых обсуждались и религиозные вопросы, и важные политические мероприятия — основными участниками обсуждений являются как раз представители духовенства. Не забывал Шайбани-хан демонстрировать и собственное благочестие, постоянно участвуя в религиозных диспутах и непременно поклоняясь могилам святых, в особенности — Ходжа Ахмада Йаса-ви (см., напр.: Фазлаллах ибн Рузбихан 1976: 103, 142, 166). Даже Бабур, заклятый враг Шайбани-хана, в весьма резких тонах отзывавшийся о нем и не упускавший ни одной возможности осудить его, был вынужден признать, что внук Абу-л-Хайра «вставал с зарей, не пропускал пятикратных молитв и хорошо знал науку чтения Корана» (Бабур 1992: 212).

Несомненно, поддержка духовенства была необходима Шайбани-хану, несмотря на все его могущество и военную мощь — ведь среднеазиатский регион, имеющий давние мусульманские традиции, не всегда с готовностью принимал власть, не освященную религиозными догматами. Даже всесильный Амир Тимур в свое время постарался утвердить власть с помощью идеи эмирата — власти наместника, признающего высшую власть религиозного главы

(халифа) и светского государя (хана). Подобная религиозно-политическая схема не удовлетворяла Шайбани-хана — прямого потомка Чингисхана. Поэтому тимуридской идее эмирата он противопоставил собственную власть — власть духовную (как имам и халиф) и светскую (как потомок Золотого рода). Естественно, облагодетельствованное им духовенство умудрилось увязать властные претензии Шайбани-хана как Чингизида с религиозными догматами, что обеспечило хану полную легитимность в глазах населения Мавераннахра и Хорасана (см.: Алексеев 2008: 43).

Впрочем, значительная часть духовенства по-прежнему не одобряла его действий и не оказывала поддержки, что не могло не беспокоить хана (см.: Bodrogligeti 1994a: 85–86). Вероятно, именно это стимулировало его к решению этого вопроса в той форме, какая была наиболее распространена в богословской среде — путем создания произведений философско-богословского характера, в которых он старался показать свое собственное благочестие и опровергнуть обвинения со стороны влиятельных представителей духовенства. Именно так появились его наиболее значительные произведения, которые упоминались в начале настоящего исследования. Именно с их помощью Мухаммад Шайбани постарался сформировать свой образ образованного человека, благочестивого мусульманина и справедливого правителя (Bodrogligeti 1982: 1–2).

Трактат «Рисала ал-ма'ариф-и Шайбани» (т. е. «Трактат о мистическом познании, написанный Шайбани») был создан вскоре после взятия Мухаммадом Шайбани-ханом Герата в 913 г. х. (1507 г.) и посвящен его старшему сыну и предполагаемому наследнику Мухаммад-Тимур-султану, для которого это произведение должно было стать своеобразным наставлением как для правителя (Султанов 2006: 295). Это сочинение содержит суждения о необходимости знания законов ислама, пользе этого знания для правителя. Кроме того, в этом произведении Шайбани-хан показал себя ревностным приверженцем Ахмада Йасави (и, соответственно, ордена Йасавийя) (Bodrogligeti 1994b; см. также: Bodrogligeti 1994a: 98). Нельзя не отметить, что это произведение написано с использованием «пониженной» лексики, чтобы оно было более доступным для восприятия как можно более широким кругом его подданных (Норик 2008: 236–237; Норик 2011: 622).

Несколько иной характер носило философско-дидактическое произведение «Бахр ал-худа» (т. е. «Море праведности»), составленное примерно год спустя после «Рисала ал ма'ариф», т. е. в 914 г. х. (1508 г.). Эта самая объемная (состоит из 260 бейтов), по мнению исследователей, касыда на среднеазиатском тюрки со значительными заимствованиями из персидского языка (Bodrogligeti 1982: 1, 9), написана в стихотворной форме и «высоким стилем» (Норик 2011: 622), т. е. в большей степени для богословов и философов. Основой для касыды послужил, в первую очередь, Коран, множество цитат из которого в ней содержится, а также различные труды по богословию, которые автор, впрочем, не назвал (Bodrogligeti 1982: 4–9). Начинается сочинение с молитв Аллаху и Пророку, далее же излагаются собственные соображения Шайбани-хана (в форме размышлений и обсуждений) по религиозным вопросам (Rieu 1888: 284–285; Bodrogligeti 1982: 3). Автор излагает собственное представление об основных аспектах ислама: почитание Аллаха, уважение Пророка, покаяние в грехах, проявление милосердия и совершение добрых дел. Также Мухаммад Шайбани-хан демонстрирует прекрасное знание мусульманских ритуалов и повседневных обязанностей правоверных мусульман (Bodrogligeti 1982: 2).

Своеобразной декларацией религиозной политики Шайбани-хана стала «Апология Мухаммада Шайбани-хана» — так исследователи условно назвали выборочные места из его поэтического дивана, представляющие собой характерный для мусульманской поэзии гипотетический диалог самого хана с шейх-ул-исламом, судьей-кази и муфтием (Bodrogligeti 1994a: 85–86, 89). Согласно сюжету, они упрекают автора за его не слишком благочестивые деяния, обвиняя в том, что он не поступает как ревностный мусульманин, во многом уподобляясь Тимуридам. Кроме того, до некоторой степени, ему в вину ставится и его происхождение от Чингисхана, которое тоже является поводом для сомнений в его искренней приверженности к истинной вере (Bodrogligeti 1994a: 87–89). Шайбани-хан в свою защиту заявляет, что является истинным борцом за веру, не дающим неверным ни шанса, опирается на шариат как основной закон и оказывает покровительство суфиям. Чингизидское же происхождение и соблюдение монгольских обычаев позволили ему занять трон и вести борьбу за торжество

ислама более эффективно. Характерно, что при этом он не только не перестает защищать себя, но и сам «переходит в атаку» в споре с представителями духовенства: он заявляет им, что упреки с их стороны возникают от того, что они сами не могут поставить себя на место правителя и понять его мотивы, а он — не мистик и не аскет, а «пастырь», т. е. именно правитель (Bodrogligeti 1994a: 90, 98, 99; см. также: Кюгельген 2004: 46). Также весьма интересно отметить, что Шайбани-хан (в отличие от его предков, в т. ч. и золотоордынских ханов XIV в., еще сохранявших отчасти свою монгольскую идентичность) не старался как-то обозначить свою этническую принадлежность: он прямо говорит о том, что не принадлежит ни к одному из племен, которыми правит (Bodrogligeti 1994a: 99). Вместе с тем, Мухаммад Шайбани не забывает постоянно упоминать о своем самосовершенствовании, о том, что борется с плотскими желаниями — соблазнами сатаны, искренне, а не демонстративно, старается отринуть все то, что не приличествует правоверному мусульманину (демонстрируя при этом знание суфизма) (Bodrogligeti 1994a: 89–90, 92–93, 95).

Возможно, именно это сочетание покровительства религии и использование принципов монгольского управления в светской политике позволило историкам присвоить Шайбани-хану почетный титул-прозвище «муджаддид ад-дин» («обновитель веры»), причем еще при жизни: уже придворный автор хана, Ибн Рузбихан, именует его «обновляющим девятое столетие путем возрождения обычаев божественного закона и веры» (Фазлаллах ибн Рузбихан 1976: 55; Кюгельген 2004: 297–298).

Вместе с тем, несмотря на благочестие и религиозное рвение, Шайбани-хан (как и его родичи и приближенные) оставался не менее приверженным к бытовым и военным нормам монголов, традициям семейства Чингизидов, законам, установленным, как было принято считать, самим Чингисханом. В результате в течение всего своего правления хану приходилось постоянно лавировать между двумя влиятельными группировками, поддержкой которых он пользовался — своими тюрко-монгольскими эмирами и представителями мусульманского духовенства. Благодаря эмирам, он имел самую боеспособную армию в Центральной Азии, духовенство же обеспечивало ему поддержку всех слоев

населения во вновь завоеванных областях. Соответственно, и политика Шайбани-хана в созданном им государстве носила компромиссный характер.

Характерным примером подобного компромисса стало вышеупомянутое обоснование права Шайбани-хана на власть как в силу монгольской традиции, так и по мусульманским канонам. Согласно канонам ислама, власть правителей должна была сохраняться в руках одного семейства (причем не обязательно по прямой линии от отца к сыну) (Туан 1933: 338). С помощью мусульманских законов внуку Абу-л-Хайра удалось увязать эту концепцию с собственными правами на престол, как потомка Чингисхана, который, с точки зрения правоверных мусульман, если и был сам «язычником», то все же дал начало целому ряду «правоверных» династий, что делало законной власть его потомков в мусульманском мире.

Официальный титул Шайбани-хана звучал так: «Абу-л-Фатх Мухаммад Шайбани-хан имам аз-заман ва халифат ар-Рахман», т. е. сочетал элементы традиций тюрко-монгольской (хан) и мусульманской (имам, халиф). Собственно, подобное явление не было исключением: персидские монархи носили мусульманские титулы в сочетании с древнеиранским «шах», а османские правители Малой Азии сочетали мусульманские титулы султана (а позднее и халифа) с тюркским титулом хана. Однако Шайбани-хан, в отличие от Сефевидов или Османов, не ограничился чисто внешним проявлением уважения к своему монгольскому происхождению: он пошел еще дальше, сохранив в своем государстве действие тюрко-монгольских правовых норм и институтов наравне с нормами шариата.

Наиболее ярким примером этой политики Шайбани-хана становится восстановление роли Ясы Чингисхана в политической и правовой сфере, от чего, как мы показали выше, в свое время отказались Тимуриды. Яса традиционно действовала в тех государствах Чингизидов, которые претендовали на статус сверхдержавы: в Монгольской империи, Золотой Орде, Улусе Чагатай. В менее значительных государствах-наследниках империи (Крымское ханство, Государство ильханов, Казанское ханство и пр.) ее нормы не применялись (см. подробнее: Почекаев 2009: 37). Соответственно, сам факт возобновления Шайбани-ханом действия Ясы свидетельствовал о его имперских амбициях.

Действие Ясы в тех сферах, которые традиционно не регулировались нормами шариата — таких, например, как организация войска и военного дела, — вполне лояльно воспринималось даже представителями мусульманского духовенства. Ибн Рузбихан, правоверный мусульманин и ярый противник язычников, без какого-либо осуждения сообщает, что «узбеки-шибаниты побеждали их [казахов — *Р. П.*] добротностью оружия, ханской ясой и царским державным величием» (Фазлаллах ибн Рузбихан 1976: 123). Он же упоминает, что улусы между султанами в государстве Шайбани-хана распределялись в строгом соответствии с положениями Ясы (см.: Ахмедов 1982: 142; Алексеев 2008: 45).

Однако хан не ограничился применением Ясы только в тех сферах, которые не регулировались шариатом: даже при наличии норм шариата для регулирования каких-либо правоотношений он мог применять вместо них законодательство Чингисхана, если мусульманские нормы не отвечали его интересам. С такой ситуацией Шайбани-хану пришлось столкнуться, в частности, при разборе судебного дела о наследственных правах второго сына и внука от покойного старшего сына. Согласно шариату, сын имел преимущество перед внуком в наследовании (см., напр.: Керимов 2007: 204), однако сам Шайбани-хан придерживался противоположного мнения. В результате «дело кончилось тем, что хан пожелал отложить это предписание, ибо в тексте не было обоснованного довода, и велел поступать по установлению Чингизхана». А вскоре мусульманские улемы по приказу хана все же сумели найти суждение одного казая, которое подкрепляло решение хана, вынесенное на основании «языческой» Ясы (Фазлаллах ибн Рузбихан 1976: 60)!

Во время официальных приемов, торжеств и пиров при дворе Шайбани-хана также соблюдались многие обычаи его кочевых предков. Эти обычаи впоследствии сохранили даже далекие потомки основателя Бухарского ханства — ханы из династии Аштарханидов (Джанидов), правившие в XVII–XVIII вв. (Бартольд 1964: 397; см. также: Алексеев 2008: 45; Гаврилов 1929: 4, 9).

Принадлежность к роду Чингисхана, однако, отнюдь не препятствовала Шайбани-хану активно воевать со своими родичами — такими же Чингизидами, как и он. И тут-то мусульманское право оказывалось для него более востребованным! Так, например, поход

Шайбани-хана против казахских султанов-Чингизидов в 1509 г. был организован под знаменем священной борьбы против язычников: бухарские улемы обвинили казахов в том, что они прибегают к услугам колдунов и занимаются гаданиями. А между тем, и сам внук Абу-л-Хайра не чурался этих «языческих» риуталов! Так, Махмуд б. Вали, рассказывая о молодых годах Мухаммада Шайбани, сообщает: «В начале сезона весны Шайибек-хан и 'Алике-султан, посовещавшись относительно грабежа и добычи, после этого гадания [курсив наш — Р. П.] и обмена мнениями поставили во главе отрядов для набегов Хамза-султана, Махмуд-султана и Суйунч-Ходжа-хана и послали их в сторону некоторых областей» (Материалы 1969: 365). Без тени осуждения историки писали, что и Абу-л-Хайр, дед Шайбани-хана (которого внук называл «шахидом», борцом за истинную веру) прибегал к услугам колдунов «яде-чианов», чтобы те призвали грозу на его противников (Сочинение 1958: 93). Как видим, и в отношении гаданий и колдунов (преследовавшихся в исламе, но широко распространенных среди тюрко-монгольских кочевников) Шайбани-хан и его придворные историки придерживались «двойных стандартов»: когда к их услугам прибегал сам Шайбани-хан или его родичи, это воспринималось, по меньшей мере, нейтрально, а то и с похвалой, а такие же действия их противников рассматривались как вызов основам религии и заслуживали наказания!

Таким образом, анализ политико-правовых воззрений Шайбани-хана позволяет охарактеризовать его как одного из первых «новых Чингизидов». К таковым автор исследования относит представителей «Золотого рода», которые не просто восприняли систему мусульманских ценностей, органично сочетая их с чингизидским наследием в своей политической деятельности, но и сами стали участвовать в формировании и развитии обновленной политико-правовой традиции тюрко-монгольских государств, складывавшейся после распада Золотой Орды и других государств Чингизидов имперского типа. Объяснять творческую активность Шайбани-хана исключительно политическими задачами (Норик 2011: 622), как делают некоторые исследователи, на наш взгляд, не вполне корректно. Несомненно, эта «потребность в самовыражении» стала результатом длительного процесса культурной ассимиляции

Чингизидов в Золотой Орде (и других регионах с развитой мусульманской культурой), постепенного восприятия ими системы ценностей своих подданных и, на определенном этапе — осознанием собственной возможности внести свой вклад в эту систему.

В заключение отметим, что синтез традиций «чингизизма» и шариата в политической жизни Мавераннахра сохранялся и при преемниках Шайбани-хана — как ближайших (его дядях и двоюродных братьях), так и более отдаленных, включая представителей династии Аштарханидов, правивших в Бухарском ханстве в XVII–XVIII вв. Так, Фазлаллах ибн Рузбихан и Зайн ад-Дин Васифи сообщали о приверженности Суйунч-Ходжа-хана к монгольским кочевым традициям и обычаям, что, по их словам, обеспечивало ему победу над врагами. Аналогичным образом, по сообщению Махмуда б. Вали, Яса сохраняла свое действие при дворе современных ему бухарских правителей из дома Аштарханидов — причем не в виде неких абстрактных постулатов, а в качестве реально действующих норм, регулировавших определенные сферы общественной жизни Бухарского ханства. Историк неоднократно отмечает, что тот или иной поступок или решение хана соответствовало Ясе (см.: Алексеев 2006: 139).

Список литературы

Абусейтова М. Х., Баранова Ю. Г. Письменные источники по истории и культуре Казахстана и Центральной Азии в XIII–XVIII вв. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 426 с.

Алексеев А. К. Йаса и ислам: особая модель функционирования административно-правовых институтов ханств Мавераннахра // Рахмат-наме: Сб. статей к 70-летию Р. Р. Рахимова. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 37–46.

Алексеев А. К. Политическая история Тукай-Тимуридов: По материалам персидского исторического сочинения *Бахр ал-асрар*. СПб.: СПбГУ, 2006. 229 с.

Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв. (письменные памятники). Ташкент: Фан, 1985. 263 с.

Ахмедов Б. А. История Балха (XVI — первая половина XVIII в.). Ташкент: Фан, 1982. 296 с.

Бабур-наме / Пер. М. А. Салье. Ташкент: Главная редакция энциклопедий, 1992.

Бартольд В. В. Туман // Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. М.: Наука, 1968. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. С. 570–571.

Бартольд В. В. Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII веке // Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. М.: Наука, 1964. Т. II. Ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. С. 388–399.

Болдырев А. Н. Зайнабдин Васифи. Таджикский писатель XVI в. (Опыт творческой биографии). Душанбе: Адиб, 1989. 464 с.

Гаврилов М. Ф. Остатки ясы и юсуна у узбеков. Ташкент: Главный Средне-Азиатский музей, 1929. 9 с.

Давидович Е. А. Корпус золотых и серебряных монет Шейбанидов. XVI век. М.: Наука, 1992. 504 с.

Джураева Г. А. Мир-и Араб и политическая жизнь в Бухаре в XVI веке // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М.: Наука, 1985. С. 74–79.

Керимов Г. М. Шариат: Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. СПб.: Дия, 2007. 512 с.

Кюгельген А. фон. Легитимация среднеазиатской династии Мангитов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.). Алматы: Дайк-Пресс, 2004. 516 с.

Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. Алма-Ата: Наука, 1969. 652 с.

Мирзаев Дж. З. Термезский чекан с именем Джанибек-хана (742–758/ 1341–1357) в контексте исторической ретроспективы // Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. Тр. Международных нумизматических конференций. IV МНК — Болгар 2005, V МНК — Волгоград 2006. М.: Нумизматическая литература, 2008. С. 177–179.

Мукминова Р. Г. О некоторых источниках по истории Узбекистана начала XVI в. // Труды Института востоковедения АН Узбекской ССР. 1954. Вып. 3. С. 119–137.

Мукминова Р. Г. Социальная дифференциация населения городов Узбекистана. Конец XV–XVI в. Ташкент: Фан, 1985. 137 с.

Норик Б. В. Биобиблиографический словарь среднеазиатской поэзии (XVI — первая треть XVII в.). М.: ИД Марджани, 2011. 976 с.

Норик Б. В. Роль шибианидских правителей в литературной жизни Мавераннахра XVI в. // Рахмат-наме: Сб. статей к 70-летию Р. Р. Рахимова. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 226–267.

Почекаев Р. Ю. Право Золотой Орды. Казань: ФЭн, 2009. 260 с.

Резван Е. А. Коран как символ верховной власти (к истории «Самаркандского куфического Корана») // Рахмат-наме: Сб. статей к 70-летию Р. Р. Рахимова. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 290–298.

Семенов А. А. Культурный уровень первых Шейбанидов // Советское востоковедение. 1956. № 3. С. 51–59.

Семенов А. А. Портреты эпохи Навои. Ташкент: Гос. изд-во научно-технической и социально-экономической литературы УзССР, 1940. 13 с.

Семенов А. А. Шейбани-хан и завоевание империи тимуридов // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Сталинабад: Изд-во АН Таджикской ССР, 1954. Вып. I. С. 39–83.

Сочинение Ма'суда бен Османи Кухистани «Тарихи Абулхаирхани» / Пер., комм. К. С. Ибрагимов // Известия АН Казахской ССР. Серия истории, археологии и этнографии. 1958. № 3(8). С. 85–102.

Султангалиева А. Эволюция ислама в Казахстане // *Studia Turcologica*. Воронежский тюркологический сборник. 2007. Вып. 6. С. 5–29.

Султанов Т. И. Зерцало минувших столетий. Историческая книга в культуре Средней Азии XV–XIX вв. СПб.: Филологич. фак-т СПбГУ, 2005. 304 с.

Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ, 2006. 445 [1] с.

Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани. Михман-наме-йи Бухара («Записки бухарского гостя») / Пер., пред., прим. Р. П. Джалиловой. М.: Наука, 1976. 200 с., 200 л.

Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме / Пер., предисл., прим. и прил. Е. И. Васильевой. М.: Наука, 1976. Т. II. 351 с.

Юдин В. П. Персидские и тюркские источники по истории казахского народа XV–XVIII вв. // Юдин В. П. Центральная Азия

в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 17–71.

Bodrogligeti A. J. E. Muḥammad Shaybānī Khan's Apology to the Muslim Clergy // *Archivum Ottomanicum*. 1994a. Vol. 13. (1993/1994). P. 85–100.

Bodrogligeti A. J. E. Muhammed Shaybânî's „Bahru'l- Hudâ“: An Early Sixteenth Century Didactic Qasida in Chagatay // *Ural-Altaische Jahrbücher*. 1982. Vol. 54. P. 1–55.

Bodrogligeti A. J. E. Yasavi Ideology in Muhammad Shaybani Khan's Vision of An Uzbek Empire // *Journal of Turkish Studies*. 1994b. Vol. 18. P. 41–57.

DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and conversion to islam in historical and epic tradition. Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press, 1994. 638 p.

Rieu Ch. Catalogue of the Turkish manuscripts in the British Museum. London: Longmans & Co., 1888. XI, 345 p.

Tyan E. L'idée dynastique dans le gouvernement de l'islam // *Journal Asiatique*. 1933. T. CCXXIII. P. 337–346.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ РЕФОРМА БАТУ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ С ГУЮКОМ

Аннотация: В данной статье рассматривается вопрос административной деятельности Бату после смерти Угедей-хана. Целью административной реформы Бату было подготовка к гражданской войне с Гуюком. Орда-эджен в конфликте Гуюка и Бату поддерживал Гуюка. Итогом административной реформы Бату стало изменение структуры улуса Джучи с двухчастной структуры на трехчастную структуру.

Ключевые слова: Золотая Орда, Монгольская империя, Бату, Гуюк, Орда-эджен.

Abstract: This article discusses administrative activities of Batu after the death of Ogedei-khan. The purpose of the Administrative Reform of Batu was preparing for civil war with Guyuk. Orda Ejen supported Guyuk in this conflict. The result of the administrative reform of Batu was the change in ulus of Jochi structure from a two-part structure (right and left wings) to the three-part structure (center, right and left wings).

Key words: Golden Horde, the Mongol Empire, Batu, Guyuk, Orda Ejen.

После смерти Угедей-хана перед Бату встал большой вопрос о том, как себя вести по отношению к Гуюку, отношения с которым были безнадежно испорчены во время Западного похода. В то время Гуюк был наиболее вероятным кандидатом на должность правителя Монгольской империи, поэтому Бату должен был быть готов к самому плохому сценарию развития событий. Именно с целью подготовки к такому варианту, Бату предпринял ряд мер административного характера, которые мы ниже назовем «административной реформой Бату».

Большинство исследователей отмечают, что после Западного похода Бату совершил ряд изменений в административно-территориальном устройстве улуса Джучи, связанных с территориальными приобретениями в результате завоеваний во время Западного похода. Как писал Р. Ю. Почекаев, *«вернувшись на Волгу, Бату произвел передел владений в Улусе Джучи. В первую очередь это коснулось перераспределения уделов в связи с существенным расширением территории улуса. Теперь наследник Джучи сам решал, кто из родственников заслуживает какого удела — к тому же с учетом новоприобретенных земель на Западе»* (Почекаев 2006: 155). Большинство историков констатирует только факт этих изменений, не

анализируя их причины (помимо расширения территории), основные элементы и последствия.

Для того, чтобы понять какие произошли изменения, надо точно понимать, каково было устройство улуса Джучи до Западного похода. После смерти Джучи его улус фактически был поделен между двумя соправителями — Бату и Орда-эдженом. Такое соправительство было выгодно центральным властям (Костюков 2007: 175). Как писал Утемыш-хаджи, *«[Чингиз]хан растрогался от этих слов, вспомнил своего сына Йочи-хана, прослезился, воздал им обоим еще большую хвалу и сказал: „Завтра [мы] посоветуемся с беками и дадим вам ответ“. Наутро, устроив совет с беками, [Чингизхан] в соответствии с ханской ясой отдал Саин-хану правое крыло с вилайетами на реке Идил, [а] левое крыло с вилайетами вдоль реки Сыр отдал Иджану»* (Утемыш-хаджи 1991: 93). Интересным является тот факт, что средневековые туркмены делились на два структурных подразделения: саин-хан (сойин-хани, сойин-эли) и эсен-хан (эсен-или) (Джикиев 1991: 124). Здесь большинство исследователей согласны, что Саин-хан это Бату и саинхановские туркмены — это туркмены, которые подчинялись Бату в XIII в. Насчет личности Эсен-хана высказывалось только предположение, что так называли Огуз-хана (Джикиев 1991: 126). По нашему мнению, под именем Эсен-хан скрывается Орда-эджен, который получил в управление часть туркмен, которые входили в улус Джучи. Другую часть в управление получил Бату. Это произошло после смерти Джучи и раздела его владений между братьями. Другим вариантом отождествления Эсен-хана, будет попытка его отождествления с сыном Джучи Исаном, который был единоутробным братом Ду (либо Орду, либо Дукаджи) (История 2006: 433). Но данный вариант менее вероятен.

Таким образом, улус Джучи до Западного похода состоял из двух больших частей: правого и левого крыла, в которые входили улусы отдельных сыновей Джучи.

Очень интересным является вопрос локализации улуса Орда-эджена. В своей недавней статье Р. Дж. Темиргалиев выдвинул тезис о том, что улус Орда-эджена находился в Семиречье (Темиргалиев 2016: 143–144), а отмечаемый Рашид ад-Дином улус Джучи (чей улус унаследовал Орда-эджен) на Иртыше, по нашему мнению, является упоминанием старого улуса Джучи. Как писал Рашид

ад-Дин касательно улуса Джучи, *«все области и улус, находившиеся в пределах реки Ирдыш и Алтайских гор, летние и зимние кочевья тех окрестностей Чингиз-хан пожаловал в управление Джучи-хану и издал беспрекословный указ, чтобы [Джучи-хан] завоевал и включал в свои владения области Даши-и Кипчак и находящиеся в тех краях государства. Его юрт был в пределах Ирдыша, и там была столица его государства. Вот и все!»*. Данное свидетельство никак не противоречит тезису о том, что улус Орда-эджена находился в Семиречье. Данный улус на Алтае и Иртыше Джучи получил еще после курултая 1206 г., когда ему в подчинение отдали 9000 человек (или юрт) и земли «лесных народов». Как мы знаем, в 1206 г. улусы получили и другие дети Чингисхана. К примеру, Чагатай, но после Западного похода границы этих улусов были изменены, и Чагатай получил завоеванные земли Средней Азии. Точно так же улус Джучи мог передвинуть границы на запад и юг, сместив свой центр в Семиречье. Помимо этого, стоит отметить упоминания у Рашид ад-Дина о том, что Кары-Сайрам (старый Сайрам) *«находится в зависимости от Кайду, [причисляясь] к улусам Кунджи [Коники, потомок Орда-эджена — прим. Ж. С.]»*, а также о том, что стойбище Кункырана, сына Орда-эджена находилось *«в пределах Каялыка и обитал [растянул стан] до берега Отрара»*. Плано Карпини описывал улус Орда-эджена как находящийся возле моря (морем в том регионе тюрки называли только Балхаш (Кокче-Тенгиз — «Синее море»)), в местности, где много рек, что соответствует больше озеру Балхаш и региону Семиречье. Последним аргументом в пользу данной локализации являются сведения Джувейни, который описывал улус Джучи как находящийся от Каялыка (восточная часть Семиречья) до Саксина и Булгара. Таким образом, Семиречье точно входило в состав улуса Джучи после завоевания Средней Азии. И скорее всего именно там находилась ставка Джучи, которую он после завоеваний перенес с Иртыша и Алтая в более благоприятный климат в Семиречье. Локализацию улуса Орда-эджена в районе Семиречья поддерживали В. В. Бартольд (Barthold 1956: 35, 48) и Дж. В. Дардесс (Дардесс 1972: 120). М. Г. Сафаргалиев считает, что владения Орда-эджена находились *«в районе озера Балхаш на склонах гор Тарбогатая, где одна из вершин, очевидно в честь Орда-Ичена носит название Уардатау — гора Орды. В районе Тарбогатая*

владения Орда-Ичена граничили с улусом Чагатая и Угедея, простираясь по бассейну реки Иртыша и суживаясь к северу до страны мрака» (Сафаргалиев 1960: 40).

Исходя из всего вышесказанного, можно констатировать, что владения Орда-эджена после смерти Джучи начинались от территории Восточного Семиречья на востоке и заканчивались территорией среднего течения Сырдарьи (города Отрар и Кары-Сайрам) на западе. При этом часть туркмен подчинялась Орда-эджену, нося прозвище эсен-хани. В то время как владения Бату после смерти Джучи начинались от среднего течения Сырдарьи, заканчивая пределами Саксина (город на р. Волга) и границами Булгара. Как мы отмечали выше, такое разделение было выгодно центральным властям, которые, боясь регионального сепаратизма, действовали по принципу «divide et impera». Таким образом, улус Джучи в эпоху до Западного похода был поделен на две части: правое крыло во главе с Бату и левое крыло во главе с Орда-эдженом.

Но, как мы отмечали ранее, уже во времена Берке, улус Джучи состоит из центра и двух крыльев. Правым крылом руководили потомки Бувала (в нем присутствовали такие улусы Шибанидов как Караулак (Валахия), Кырк-Йер (Крым), Джулат-Черкес (улус на Кавказе)), чьей резиденцией была Боз Орда. Левым крылом руководили Орда-эджен и его потомки. Их резиденцией была Кок Орда. Центром руководили Бату и его наследники. Их резиденцией была Ак Орда (Сабитов, Кушкумбаев 2013). Как произошло изменение административной структуры улуса Джучи, в результате которого он стал состоять из трех структурных элементов (правое, левое крылья и центр), не совсем понятно. По нашему мнению, это произошло во времена Бату, сразу после Западного похода. Здесь стоит обратить внимание на контекст, в рамках которого происходило перераспределение улусов. Во время Западного похода Бату очень сильно поссорился с Гуюком, сыном Угедея, на пиру после взятия Магаса. Гуюк тогда оспорил старшинство Бату, после чего самовольно уехал обратно в Монголию. Угедей, разозлившись на Гуюка, отдал его под суд Бату. Спустя некоторое время после этого случая, в тот момент, когда монгольские войска брали Киев, Угедей отозвал Гуюка из армии Бату. После смерти Угедея Гуюк имел наибольшие шансы стать ханом. При этом он помнил те унижения, которые он

испытал от Бату. В таких условиях Бату ничего не оставалось, как готовиться к возможным военным столкновениям с Гуюком. Как писал В. П. Костюков, *«готовиться к вероятному противостоянию с Гуюком Бату начал, по-видимому, сразу же после получения вести о смерти Узэдэя. Свертывание западного похода и возвращение на Волгу, изменение политики по отношению к кыпчакам, размещение в восточной части джучидских владений улуса Шибана свидетельствуют о сознании масштаба угрозы, исходящей от Гуюка»* (Костюков 2007: 177). В. П. Костюков отмечает, что Бату изменил свою политику по отношению к кыпчакам, а также назначил своего брата Шибана на рубежи границ с левым крылом для возможного противодействия Гуюку и Орда-эджену (Костюков 2007: 177). Таким образом, одним из главных мотивов административной реформы Бату была подготовка к войне с Гуюком. Поэтому изменения в административной структуре улуса должны были быть подчинены этой цели. Как пишет В. П. Костюков, у Орда-эджена были доверительные отношения с Гуюком (Костюков 2007: 177), то есть в отношениях между Орда-эдженом и Бату были определенные сложности. И этот факт тоже стоит учитывать при реконструкции основных структурных элементов административной реформы Бату. Кроме того, можно предположить, что монеты с трехногой разноплечной тамгой, чеканенные в Имиле и Кабаке во времена Гуюка (тамга не принадлежала Гуюку (Петров, Байпаков, Воякин 2014: 46)), могли относиться к Орда-эджену. Есть несколько аргументов в данную пользу этого утверждения:

1. Дата, указанная на этих монетах, — 644 г. х. (1246/1247 г.). Во времена правления Гуюка никто, кроме хана, не мог печатать свою монету со своей тамгой без санкции на то Гуюка, тем более, если это касалось Имиля, города, который управлялся ранее самим Гуюком. Как писали П. Н. Петров, К. М. Байпаков и Д. А. Воякин, *«тамга принадлежала родственнику Гуюка, которому был оставлен город Имиль ввиду принятия Гуюком ханского титула и переезда в Каракорум»* (Петров, Байпаков, Воякин 2014: 56). Названные авторы предполагают, что данная тамга могла принадлежать Гуюку, но как они сами показали выше, у Гуюка была абсолютно другая тамга (Петров, Байпаков, Воякин 2014: 46). Вполне возможно, что Гуюк, после того как стал ханом, пожаловал данный город

(Имил) и область (Кабак) Орда-эджену, чей улус граничил с данным городом и его округой. И, санкционировав эмиссию монет с тамгой Орда-эджена, Гуюк тем самым показывал, что признает Орда-эджена как старшего в роде Чингизидов (*ака*), а также тем самым Гуюк повышал статус Орда-эджена до уровня «символического соправителя». Все-таки право чеканить монеты имели только правители государства.

2. Чуть измененная разноплечная трехногая тамга встречается позже, в 684–686 гг. х. (1285–1288 гг.), на монетах города Алмату (Петров, Байпаков, Воякин 2014: 56), который находился в Семиречье, на месте современного рода Алматы. Единственным отличием двух тамг (1240-х и 1280-х гг.) было дорисовка круга у одной ножки на тамге 1280-х годов. Монеты с такой тамгой встречаются и отдельно, и также есть экземпляры с тамгами Кайду, потомка Угедея. Мы можем предположить, что данный вид тамги принадлежал Коничи, потомку Орда-эджена, которого Марко Поло называл «царем». Судя по всему, Коничи был единственным потомком Орда-эджена, который по письменным источникам «был царем» и при этом печатал монеты со своей тамгой. Кроме того, в это время Семиречье частично контролировалось Кайду, но считалось территорией улуса Коничи. Это демонстрирует пример Кары-Сайрама, который *«находится в зависимости от Кайду, [причисляясь] к улусам Кунджи»*. То же самое могло быть и с монетным двором Алмату, на котором чеканились монеты с тамгами как Кайду, так и Коничи.

3. Жалование Имиля и Кабака Орда-эджену, а также эмиссия монет в Имиле и Кабаке с тамгой Орда-эджена политически были выгодны Гуюку, ведь тем самым он раскалывал улус Джучи между сторонниками Бату и Орда-эджена. Принцип «*divide et impera*», примененный по отношению к улусу Джучи после смерти самого Джучи, начал давать плоды, так как Бату и Орда-эджен при изначально равных статусах претендовали на первенство в нем. Таким образом, в нарождающемся конфликте Бату и Гуюка, Орда-эджен, скорее всего, выступил бы на стороне Гуюка.

Разобравшись с позицией Орда-эджена в конфликте Гуюка и Бату, стоит обозначить все источники, которые упоминают факты административной деятельности Бату после Западного похода:

1. Абулгази. Согласно данному источнику, Орда-эджен получил 10 тысяч семейств и земли Джучи. Шибан же получил земли по рекам Иргиз, Орь, Илек на севере и до рек Чу, Сары-су и Сырдарья на юге. Также он получил в управление 15 тысяч семейств из четырех племен: кушчи, найман, карлук, буйрак. Причем Бату сказал Шибану: *«Юрт, в котором ты будешь жить, будет между моим юртом и юртом старшего моего брата, Ичена»*. Здесь мы можем согласиться с В. П. Костюковым, что Шибан возглавлял авангард войск Бату, которые могли вступить в столкновение с войсками Гуюка. Бату не доверял сводному брату, Орда-эджену, у которого были хорошие отношения с Гуюком. Это недоверие могло распространиться на всех царевичей левого крыла. Согласно Рашид ад-Дину, к ним относились Орда-эджен, Удур, Сингкур, Шингкум, Тука-Тимур. Таким образом, Шибан, преданный Бату, должен был обеспечить военную оборону на границах с левым крылом. Поэтому улус Орда-эджена не был увеличен, в то время как улус Шибана составил 15 тысяч семейств.

2. Махмуд Бен Вали. Согласно Махмуду Бен Вали, Бату пожаловал Тука-Тимуру область асов (*вилайет-и ас*) и Мангышлак. Здесь стоит отметить то, что под областью асов большинство исследователей подразумевают владение на Северном Кавказе, где проживали асы (аланы). Но также возможен вариант, что под этим названием скрывается название города Яссы (позже стал называться Туркестан). В первом случае было бы непонятно, почему владение на Кавказе относилось к левому крылу, во втором случае это противоречие снимается, так как город Яссы находился как раз в районе границ левого крыла с владениями Бату (центр, бывшее правое крыло). Конечно же, отождествление области Ас (*вилайет-и ас*) с городом Яссы имеет несколько лингвистических нестыковок, но с другой стороны оно логичнее, если учитывать первоисточники, согласно которым мы не знаем ни одного Тука-Тимурида, правившего областью проживания народа Ас. Еще одним вариантом для отождествления «области асов» является улус, находящийся в Крыму. Согласно ал-Калкашанди, существовала страна Ас со столицей в Кыркере (Григорьев 2002: 290). Согласно А. П. Григорьеву и О. Б. Фроловой, страной асов назывался ордынский тумен на западе Крымского полуострова (Григорьев 2002: 271). Таким образом,

под *вилайет-и ас* Махмуд Бен Вали подразумевал Крым, который был пожалован Уран-Тимуру, сыну Тука-Тимура после смерти Берке в 1266 г., в то время как Мангышлак, скорее всего, был пожалован другому сыну Тука-Тимура. Согласно туркменским легендам, место Сойин-хана на посту предводителя туркмен занял Кеймир кор (слепой Кеймир) (Джикиев 1991: 148). По нашему мнению, слепой Кеймир тождественен Кай-Тимуру, сыну Тука-Тимура (племянник Бату Саин-хана). Это предположение совпадает с данными Махмуда Бен Вали, согласно которым Тука-Тимуриды правили Мангышлаком. Мангышлак же был территорией расселения некоторых туркменских племен, которые по нашему мнению, относились к «Саинхановским туркменам». В итоге, сведения Махмуда Бен Вали об улусах касаются распределения владений после смерти Бату и Берке, но никак не ко времени после смерти Угедей-хана.

3. Утемыш-хаджи сообщает: *«Но когда он (Бату) советовался со своими беками в то время, когда давал Шайбан-хану роды и племена и давал вилайеты, беки его сказали: „Этот человек сделал очень большое дело. И теперь он заважничал. Не подобает, дав ему роды, племена и вилайеты, держать [его] при себе. К тем тридцати тысячам человек, [которых ты] недавно выделил ему, добавь еще войска и пошли того человека в непокоренные вилайеты. Пусть любой вилайет, который он подчинит, будет его“. Слова эти понравились [Саин-хану, добавил он к тем, выделенным [Шайбан-хану] тридцати тысячам человек, еще десять тысяч кыятов [и] йуралдаев и отправил [его], назначив в вилайеты Крыма [и] Каффы»* (Утемыш-хаджи 1991: 94–95). Здесь стоит отметить, что Бату, опасаясь Шибана, видимо, решил разделить его владения. Видимо, часть сыновей Шибана была послана на запад вместе с 10 тысячами киятов Бурултая, который был воспитателем Шибана и, скорее всего, сыном Куки кията, который вместе с Субедеем командовал 30-тысячным корпусом войск на западе улуса Джучи в 1229 г. Также, по всей видимости, дети Шибана играли роль аманатов (заложников), чье нахождение под контролем Бату гарантировало верность их отца. Как мы отмечали ранее в различных статьях, правителями улусов Шибанидов в новом правом крыле были Кадак, Байнал, Маджар — сыновья Шибана, а также внуки Шибана, дети других его сыновей: Токтимур, сын Черика, Кутлук-Тимур, сын Саилкана, Кутлук-Бука,

сын Бахадура. Таким образом, в результате реформ Бату потенциально около шести сыновей Шибана могли оказаться в составе правого крыла, под руководством потомков Бувала.

Бувал, по нашему мнению, был старшим сыном Джучи (у Джувейни он указан первым сыном Джучи под именем Бамхал перед Ордой и Бату (История 2006: 56)), но он скончался ранее отца, поэтому ничего не унаследовал.

4. «Таварихи Гузидаи Нусрат-наме» свидетельствует: *«Среди этих [четырнадцати сыновей Джучи] от наложниц были рождены Тангкут, Боал, Чимтай, Сонкур. Они следовали за Шибан-ханом. За Иченом следовали Мухаммад, Удур, Тука-Тимур, Сангум».* «Половина войска Джучи-хана была у Орды, половина — у Бату-хана» (Муштакимов 2015).

Здесь, по всей видимости, автор описал правое и левое крылья улуса Джучи, которые появились после административной реформы Бату. Мы видим, что в составе левого крыла появился Мухаммед, единоутробный брат Бату и, соответственно, его потенциальный информатор, а Сингкур уступил свой улус Мухаммеду, но получил владение в правом крыле. Вполне возможно также, что автор «Таварихи Гузидаи Нусрат-наме» спутал Сингкума и Шунгкура и на самом деле улус в составе правого крыла получил бездетный Сингкум, так как двое детей Шингкура мы позже видим во главе двух улусов левого крыла.

Часто встречается критика шибанидских источников XV–XVI вв., в которой их данные ставятся под сомнение в силу их «фольклорного» характера и хронологической отдаленности от событий XIII в. Здесь стоит отметить, что факты о выделении владений Шибанидам в составе правого крыла (запад улуса Джучи), которые встречаются в шибанидских источниках XV–XVI вв. подтверждаются данными первоисточников XIII в. К примеру, письмо Берке с перечислением своих родственников (огланов правого и левого крыльев) говорит о том, что сыновья Шибана Кадак и Байнал, а также возможный внук Шибана (Кутлук-Тимур) находились в составе правого крыла в 1263 г. и подчинялись Мингкадару, сыну Бувала (Сабитов 2015: 60–62).

В виде таблицы эволюцию политического устройства улуса Джучи можно продемонстрировать следующим образом:

ХРОНОЛОГИЯ	ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФИГУРАЦИЯ
Улус Джучи в 1206–1227 гг.	Джучи — правитель всего улуса
Улус Джучи в 1227 — первой трети 1240-х гг.	Бату и Орда-эджен — соправители. Бату управлял западной частью (правое крыло), Орда-эджен — восточной частью (левое крыло)
Улус Джучи со второй трети 1240- х гг.	Выделяется «новое правое крыло», во главе которого становятся потомки Бувала, сына Джучи. Часть Шибанидов переводится в «новое правое крыло». «Старое правое крыло» во главе с Бату становится центром. Во главе левого крыла остается Орда-эджен и его потомки.

Проведя свою административную реформу, Бату подготовился к конфликту с Гуюком настолько, насколько это было возможно в столь сжатые сроки. При этом уже в 1246 г. было понятно, что после избрания Гуюка конфликт неизбежен. Плано Карпини отмечает, что в 1246 г. начало готовиться войско, в которое призвали 30% всей армии Монгольской империи на тот момент. Целью данного войска было через 3–4 года достичь Кумании (владений Бату), а потом пойти походом в Венгрию, Польшу, Ливонию и Пруссию (Образование Золотой Орды 2008: 270). В 1248 году эта армия двинулась в сторону Бату, но Гуюк умер во время похода. По некоторым данным он был отравлен. Вильгельм Рубрук отмечал, что он встретил вдову Стикана, брата Бату, который отравил Гуюка. Как он писал: *«Брат Андрей говорил мне, что Кен умер от одного врачебного средства, данному ему, и подозревал, что это средство приказал приготовить Бату. Однако я слышал другое. Именно Кен сам позвал Бату, чтобы тот пришел поклониться ему, и Бату пустился в путь с великой пышностью. Однако он сам и его люди сильно опасались, и он послал вперед своего брата, по имени Стикана, который, прибыв к Кену, должен был подать ему чашу за столом, но в это время возникла ссора между ними, и они убили друг друга. Вдова этого Стикана удержала нас на один день, проси войти в ее дом и благословить ее, то есть помолиться за нее»* (Образование

Золотой Орды 2008: 343–344). Большинство исследователей предполагают, что данным Стиканом был Шибан, брат Бату (Костюков 2008: 54). Здесь есть одно противоречие. Рашид ад-Дин упоминает Шибана как живого участника курултая, выбиравшего Мунке ханом через несколько лет после смерти Гуюка. Таким образом, отождествление Стикана и Шибана имеет логическое противоречие. Вполне возможно, часть этого имени содержит в себе титул (хан (кан) или тегин). По нашему мнению, данным Стиканом был Сигнак-текин, правитель Алмалыка, женатый на Билган Бики, сестре Бату. Поэтому Вильгельм Рубрук мог ошибиться в оценке степени его родства с Бату, учитывая «трудности перевода». К примеру, в современном казахском языке *кайын-ага* — это старший брат жены. Если же выпадет слово *кайын*, то *ага* означает просто старшего брата. Поэтому могло произойти искажение при переводе, и «муж сестры» стал «братом». Согласно ал-Карши (воспитатель сына Сигнак-текина), Сигнак-текин умер в 1250/1251 г., когда взшел на престол Менгу (История 2005: 132). Здесь возможно, что ал-Карши был немного неточен сознательно. Мы знаем, что ал-Карши недолюбливал Гуюка («замышлял недоброе и желал зла исламу») и служил Сигнак-текину. Вряд ли ал-Карши стал бы дискредитировать своего покровителя в своей летописи. Таким образом, вполне возможно, что Стиканом, отравившим (убившим) Гуюка, был Сигнак-текин, зять Бату, а его вдовой, которую встретил Вильгельм Рубрук, была Билган Бики, сестра Бату, которая и рассказала ему свою версию смерти Гуюка, соответственно, приукрасив моменты, касающиеся смерти мужа («Стикан и Гуюк убили друг друга»), хотя, по всей видимости, Гуюк был всего лишь отравлен Сигнак-текином (а не убит в споре), а сам Сигнак-текин погиб до путешествия Вильгельма Рубрука — либо вместе с Гуюком на одном пиру, либо спустя два года после смерти последнего — в 1250/1251 г.

Таким образом, противостояние Бату и Гуюка окончилось в пользу Бату, который проделал большую работу по подготовке войны с Гуюком, проведя административную реформу в улусе Джучи. Как мы видим, в результате административной деятельности Бату было сформировано новое правое крыло, а бывшее прежде правое крыло, подчинявшееся Бату, стало центром улуса. В соответствии

с этим под контролем у Бату стало гораздо больше материальных ресурсов, чем перед Западным походом, тогда как база ресурсов Бату и база Орда-эджена были примерно равны. Так как Орда-эдженом был старше Бату, Бату попытался нивелировать это преимущество тем, что главными начальниками над новым правым крылом он назначил детей Бувала, самого старшего сына Джучи. При этом в правом крыле половина улусов принадлежала детям Шибана. Таким образом, Бату смог увеличить свои материальные ресурсы, обеспечить себе тыл («новое правое крыло»), готовясь к потенциальной войне с Гуюком. Целью административной реформы Бату было усиление собственной власти и ослабление власти Орда-эджена, для того чтобы в нужный момент улус Бату мог выставить верные ему войска для войны с Гуюком. При этом Орда-эдженом в данном конфликте склонялся на сторону Гуюка и даже получил от него земельные пожалования в Имиле и Кабаке, а также эксклюзивное право эмиссии монет со своей личной тамгой (трехногая разноплечная тамга) на данных территориях. Отравление Гуюка Стиканом (Сигнак-текином, зятем Бату) смогло предотвратить первую гражданскую войну в Монгольской империи. Главным итогом административной реформы Бату первой половины 1240-х гг. стало преобразование Улуса Джучи из двухчастной системы с правым и левым крыльями в трехчастную систему с политическим центром и двумя крыльями. Тем самым Бату смог склонить чашу весов в свою сторону и из статуса равноправного соправителя улуса Джучи стать фактическим правителем всего улуса и «старшим» (ака) среди всех Чингизидов.

Список литературы

Григорьев А. П., Фролова О. Б. Географическое описание Золотой орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник. 2001. Золотая Орда и ее наследие / Ред. кол.: С. Г. Кляшторный (пред.), В. В. Трепавлов, Д. М. Исхаков. М.: Вост. лит-ра РАН, 2002. С. 261–302.

Джикиев А. Очерки происхождения и формирования туркменского народа в эпоху средневековья. Ашхабад. 1991. 336 с.

История Казахстана в персидских источниках. Алматы. Дайк-Пресс. 2005. Т. I. 416 с.

История Казахстана в персидских источниках. Алматы. Дайк-Пресс, 2006. Т. IV. 620 с.

Кляшторный С. Г. Султанов Т. И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-ата. Рауан. 1992. 380 с.

Костюков В. П. Железные псы Батуидов // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. № 1. С. 42–96.

Костюков В. П. Улус Джучи и синдром федерализма // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. № 1. С. 169–207.

Мустакимов И. А. Восточные источники XVI–XVIII вв. об Орда-Ичене и Ордуидах // [http://arhiv.tatarstan.ru/file/%D0%92%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8%20XVI%E2%80%93XVIII%20%D0%B2-%D0%B2.\(1\).doc](http://arhiv.tatarstan.ru/file/%D0%92%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8%20XVI%E2%80%93XVIII%20%D0%B2-%D0%B2.(1).doc)

Образование Золотой орды. Улус Джучи Великой Монгольской империи (1207–1266). Источники по истории Золотой Орды: от выделения удела Джучи до начала правления первого суверенного хана / Сост., вступ. ст., комм., указатели, подбор иллюстраций и карт М. С. Гатина, Л. Ф. Абзалова, А. Г. Юрченко. Казань: Тат. кн. изд-во, 2008. 480 с.

Петров П. Н., Байпаков К. М., Воякин Д. А. Монетное дело и денежное обращение в Великой Монгольской империи, государствах Чагатаидов и Джучидов. Казахстан. Алматы: Хикари, 2014. 264 с.

Почекаев Р. Ю. Батый, хан который не был ханом. М: АСТ, 2006. 350 с.

Сабитов Ж. М. Политическая история Улуса Джучи в 1256–1263 годах // Золотоордынское обозрение. 2015. № 2. С. 51–64.

Сабитов Ж. М., Кушкумбаев А. К. Улусная система Золотой орды в XIII–XIV веках: к вопросу о локализации Ак Орды и Кок орды // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 60–72.

Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжн. изд-во, 1960 (Ученые записки Мордовского гос. университета. Вып. XI). 276 с.

Темиргалиев Р. Дж. Джучи-хан — правитель Дешт-и Кипчака // GLOBAL-Turk. 2016. № 1–2. Астана. С. 131–149.

Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсим., пер., транск., текстол. прим., исслед. В. П. Юдина; подг. к изд. Ю. Г. Баранова; комм. и указ. М. Х. Абусейтовой. Алма-Ата: Ғылым, 1992. 296 с.

Barthold V. V. Four Studies on the History of Central Asia / Trans. by V. V. Minorsky. Leyden: E. J. Brill, 1956. Vol. 1. xvi, 183 p.

Dardess J. W. From Mongol Empire to Yüan Dynasty: Changing Forms of Imperial Rule in Mongolia and Central Asia // Monumenta Serica: Journal of Oriental Studies. 1972. Vol. 30. Iss. 1. P. 117–165.

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ СРАЖЕНИЯ «НА ТУРГАЙСКОЙ РАВНИНЕ» МЕЖДУ АРМИЕЙ ХОРЕЗМА И МОНГОЛЬСКИМ КОРПУСОМ ДЖУЧИ-ХАНА¹

Аннотация: Данная статья посвящена дискуссионным моментам вокруг так называемой битвы «на Тургайской равнине» между хорезмийской армией и монгольским корпусом Джучи-хана. Авторы не только разбирают проблему локализации данного сражения в свете информации из исторических источников, но и фокусируют свое внимание на других противоречиях, которые можно встретить в различных памятниках относительно этого события.

Ключевые слова: монголы, Хорезм, исторические источники, Тургайская равнина, Джучи-хан, Ала ад-Дин Мухаммад.

Abstract: This article is devoted to discussion points around the battle known as „the battle on the plain of Turgay“ between Khorezm army and Mongol army corps of Jochi Khan. The authors not only explore the problem of localization of this battle in the light of information from historical sources, but also focus on other contradictions that can be found in various monuments on this event.

Key words: Mongols, Khorezm, historical sources, the plain of Turgay, Jochi Khan, Ala al-Din Muhammad.

Одним из важнейших сюжетов в биографии Джучи-хана следует признать поход монгольских войск под его командованием против меркитов, который в свою очередь закончился сражением с иным противником — хорезмийской армией под командованием Ала ад-Дина Мухаммада. Указанное сражение уже современники признавали одним из важнейших в ходе монгольского завоевания Центральной Азии и Ирана, а, кроме того, это было первое столкновение мусульманских правителей Востока с новым противником. Именно это битва, с нашей точки зрения, не только подтолкнула Чингисхана к войне с Хорезмом, но и заставила Ала ад-Дина Мухаммада избрать в этой войне тактику «пассивной» обороны, опасаясь генерального сражения с монгольской армией. Однако до сих пор существует несколько спорных моментов, касающихся

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15–01–00020.

данного сражения, как внутри корпуса источников, так и в историографии монгольского завоевания Центральной Азии и Ирана. Данная статья должна, с одной стороны, привлечь внимание научной общественности к дискуссионным сюжетам вокруг так называемого сражения «на Тургайской равнине», а с другой — попытаться сформулировать ответы на некоторые из них.

Существуют расхождения в датировке данной битвы — в частности, в арабо-персидских источниках приводятся сразу несколько вариантов. В наиболее ранних памятниках можно увидеть, прежде всего, двойную датировку данного сражения в труде ан-Насави. В заголовке к главе, где повествование идет конкретно об этой битве, ан-Насави указывает на 612 г. х., подчеркивая, что его современник Ибн ал-Асир ошибся с датировкой этого столкновения: «Рассказ о гибели Кушлу-хана от руки Души-хана, сына Чингиз-хана в 612 г.¹ (Ибн ал-Асир ошибочно отнес это к 616 г.²)» (Ан-Насави 1973: 52; ün-Nesevî 1934: 14). Однако этот же автор в предшествующей главе указывает уже на 616 г. х.: «Наступил шестьсот шестнадцатый год. Этот год, который народ назвал несчастливым...Когда хорошее отношение сменилось жесткостью, султан отобрал шестьдесят тысяч всадников из своего войска, чтобы выступить против Кушлу-хана, свергнуть его и отнять у него хана ханов³. (Это случилось) после того, как (султан) направил против него несколько отрядов, которые сошлись с ним в различных сражениях в Кашгаре и других (местах). Большая часть сражений завершилась поражением Кушлу-хана» (Ан-Насави 1973: 52; ün-Nesevî 1934: 13). В данном отрывке речь идет об отправке хорезмшахом Ала ад-Дином Мухаммадом войск для покорения бывших владений каракитаев, что, если следовать логике ан-Насави, в итоге и привело к столкновению с армией Джучи-хана.

В сочинениях других ранних историков можно также найти разные датировки сражения. Так, у Ибн ал-Асира, как уже говорилось выше, битва отмечена как событие, относящееся к 616 г. х. (Ибн ал-Асир 2006: 350), а другой историк, Джузджани, указывает

¹ 612 г. х. — 1215/1216 г.

² 616 г. х. — 1217/1218 г.

³ Имеется ввиду Гур-хан Джолху, которого Кушлу-хан держал в заточении — прим. Д. Т., В. Т.

на 615 г. х. (Джужджани 2010: 13–14). Попытаемся разобраться в информации именно ранних исторических сочинений и, в первую очередь, с разной датировкой у ан-Насави. Прежде всего, хотелось бы отметить тот факт, что подобная двойная датировка одного и того же события у этого автора далеко не единственный случай. В качестве примера можно привести описание им битвы при Исфахане между монгольской армией и войском хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны. Соответствующая глава у ан-Насави называется «Рассказ о походе султана в шестьсот двадцать четвертом году¹ и о встрече его с татарами у стен Исфахана» (Ан-Насави 1973: 181). А в самом тексте главы мы видим следующие строчки. «В течение восьми дней о султанах ничего не было слышно, и не знали — жив ли он, и следует ли ожидать его возвращения, или, в противном случае, дожидаться распоряжения его преемников. Простонародье Исфахана стало посягать на честь и имущество жен хорезмийцев, но кадий города приказал им ждать до праздника, чтобы выяснить судьбу султана. Сражение произошло двадцать второго рамадана шестьсот двадцать пятого года²» (Ан-Насави 1973: 185). Любопытно, что единственным ранним источником, указывающим на дату сражения при Исфахане, является труд Ибн ал-Асира, где автор упоминает данное военное столкновение, как событие 625 г. х. (Ибн ал-Асир 2006: 392–393). Однако при этом под 624 г. х. у арабского историка описано еще одно сражение между хорезмшахом Джалал ад-Дином Манкбурны и монголами, состоявшееся под Реем, о котором ничего не сообщает ан-Насави (Ибн ал-Асир 2006: 389–390).

Как видно из этого примера, двойная датировка событий не является чем-то уникальным для сочинения ан-Насави и описание битвы при Исфахане это подтверждает. Здесь возможно несколько вариантов объяснения данного факта: прежде всего, это могло произойти по той причине, что ан-Насави составлял заготовки к главам и сами главы в разное время, что сказалось на качестве излагаемого материала. Косвенным образом это подтверждает тот факт, что разные датировки одного и того же события

¹ 624 г. х. — 1226/1227 г.

² 25 августа 1228 г.

встречаются исключительно в заголовках и в текстах самих глав, но не внутри одной главы. Другим объяснением может быть то, что ан-Насави пользовался разными источниками информации, при этом не подвергая написанный текст редакции или исправлениям. Как отмечает и сам ан-Насави, он был знаком с трудом Ибн ал-Асира: «Я нашел, что он не упустил ни одного важного и славного события и отступил от истины лишь в немногом. Я сказал себе: поистине, удивительно деяние того, кто, находясь в земле аш-Шам [Сирия — прим. Д. Т., В. Т.], замыслил расследовать события, происходившие в отдаленных местах Китая и в глубине Индии» (Ан-Насави 1973: 44; ün-Nesevî 1934: 9). Вполне вероятно, что двойная датировка битвы при Исфахане у ан-Насави связана с сюжетом, указанным выше у арабского историка, где вместо одного сражения отмечаются два — в 624 и 625 гг. х. соответственно. Если при описании битвы хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада с монголами ан-Насави попытался дать собственную датировку, то во втором случае он просто указал обе даты, но по отношению к одному сражению, а не к двум, как у Ибн ал-Асира. Так или иначе, проблема двойной датировки битвы на Тургайской равнине должна заставить исследователя обратиться ко всему корпусу арабо-персидских памятников об эпохе монгольского завоевания Центральной Азии и Ирана.

В более поздних источниках рассматриваемая битва датируется 615 г. х., то есть выпадает на 1217/1218 г. (Джувеини 2004: 259; Рашид ад-Дин 19526: 189–190). В свою очередь, ряд специалистов на основании монгольских и китайских источников датируют это сражение 1218 г. (Храпачевский 2004: 312–314; Bretschneider 1910a: 233–234). Надо отметить, что в историографии в основном закрепился именно этот вариант датировки, что в равной степени делает возможным и 615, и 616 гг. х., что соответствует данным большинства средневековых арабо-персидских историков. Со своей стороны хотелось бы указать, что датировка битвы 1218 годом выглядит наиболее вероятной и в силу того, что отношения между Хорезмом и монголами еще не были омрачены так называемым «Оттарским инцидентом», после которого Джучи-хан вряд ли стал бы избегать сражения с Ала ад-Дином Мухаммадом. Тот отмечаемый источниками факт, что Джучи-хан всеми силами

пытался избежать сражения, говорит и о том, что битва не могла произойти позднее 1218 г., поскольку уже в 1219 г. Чингисхан начинает открытую войну с Хорезмом. Относительно более ранних вариантов датировки следует сказать, что кроме как у ан-Насави мы не видим ни одного указания на то, что битва могла произойти ранее 615 г. х., в связи с чем следует признать более убедительным именно вариант 1218 г.

В источниках существуют разногласия также и касательно того, кто командовал монголами в данном сражении: арабо-персидские авторы практически единодушно указывают на то, что предводителем армии монголов в этом сражении был Джучи (Ан-Насави 1973: 53; Джувеини 2004: 260; Mirhond 1841: 75; Khondamir 1954: 649; Djuzdjani 1881: 269–270), однако в китайских источниках указывается на тот факт, что уничтожением Кушлу-хана (Кучлука), после чего и произошло рассматриваемое сражение, командовал не Джучи, а монгольский полководец Джэбэ (Bretschneider 1910a: 233–234; История Небесной империи 2011: 46). Такого рода путаница возникла, по всей видимости, по той причине, что большинство арабо-персидских историков, начиная с ан-Насави, свели воедино две разные военные операции монгольских войск — против Кушлу-хана и против меркитов под командованием Тугта-хана (монг. Токта / Тохта). В первом случае монгольское войско действовало под командованием Джэбэ, а во втором — Джучи, о чем было прекрасно известно арабо-персидским авторам вследствие того, что именно с последним пришлось иметь дело хорезмийцам.

Следует отметить, что в более поздних арабо-персидских памятниках достаточно четко, в отличие от ан-Насави и других ранних историков, разделяются две монгольские кампании — против меркитов и Кушлу-хана, однако, и в этих текстах можно обнаружить любопытные детали. В частности, Рашид ад-Дин приводит версию о том, что монголами в сражении с Ала ад-Дином Мухаммадом командовал не Джучи-хан и Джебэ, а Субэтэй. «В это время войска Чингиз-хана, которые он послал для отражения племен киргиз и тумат и захвата Кушлука и Куду, сына государя меркитов, образовавших после [своего] поражения и бегства [враждебное] сборище, — прибыли преследуя беглецов этих племен, в пограничные районы Туркестана, в местность... Дозорный отряд Хорезмшаха

донес, что монгольское войско находится поблизости. Султан отправился следом за ним. Некоторые монгольские рассказчики говорят, что это войско было то, предводителями которого Чингиз-хан назначил Субэдай-бахадур и Тукучара из племен кунгират, и то, которое он послал на войну с Куду» (Рашид ад-Дин 1952б: 189–190). Как видно из этого отрывка, персидский историк приводит указание на командование монгольским войском Субэтэя лишь как возможную версию, при этом не настаивая на ней как на окончательном варианте. Примечательно и то, что целью похода монголов и у Рашид ад-Дина будут меркиты и остатки войска Кушлу-хана, но не захват и уничтожение самого Кушлу.

Тесно переплетается с озвученными проблемами и еще один, не менее важный вопрос в отношении рассматриваемого сражения. Дискуссионным моментом является и место битвы, несмотря на то, что в отечественной и зарубежной историографии данный вопрос выглядит практически решенным и уже достаточно давно не поднимается. В частности, различные варианты были подробно проанализированы С. М. Ахинжановым (Ахинжанов 1989: 326–335; 1995: 226–227), у которого местом битвы в итоге указана Тургайская равнина, «севернее Иргиза, в междуречье Кайлы и Кимач, в области, называемой Югур» (Ахинжанов 1995: 227). В отечественной и зарубежной историографии в большинстве случаев это столкновение именуется просто «битвой на Тургайской равнине» (Бартольд 1963: 436; Буниятов 1986: 134; Султанов 2006: 136). Тем не менее, окончательное решение по поводу локализации данного сражения до сих пор остается предметом дискуссии ввиду некоторых моментов, касающихся русла реки Иргиз (Marquart 1914: 130; Djuzdjani 1881: 268), на которую указывает ан-Насави (An-Nasavi 1945: 13). Так, С. Г. Агаджановым был отмечен тот факт, что, по крайней мере, в XII в., данная река была значительно полноводнее и составляла единый бассейн с Сырдарьей и Аральским морем (Агаджанов 1969: 53–57).

Для решения этих вопросов приходится обратить внимание на те сведения источников, которые не имеют прямого отношения к рассматриваемой битве, однако, именно данные, составляющие фон этого события, во многом позволяют прояснить некоторые дискуссионные моменты.

Согласно персидскому автору Джузджани, хорезмшах Мухаммад, отправляясь 1218 г. в поход, шел грабить своего степного соседа, которым был некий Кадыр-хан Туркестанский, в одном месте источника обозначенный как сын Йусуфа из *tatar*, в другом же он именуется сыном Такафтана [*taftān*] (или Сакафтана [*sqftān*]) из *йемеков* (Бартольд 1963: 434 (прим. 5); Marquart 1914: 129; Ахинжанов 1995: 224). Однако, здесь, по-видимому, следует обратиться к гипотезе Й. Маркварта, согласно которой персидский автор не только перепутал его с меркитским ханом Токта-беки, не поняв, что, в то время как хорезмшах направился в поход против меркитов, он столкнулся с монголами, — которых и именует Джузджани *tatar*, — следовавшими в погоню за меркитами; кроме того, как отметил немецкий ориенталист, персидский автор смешал данного Кадыр-хана с кем-то из одноименных караханидских правителей (Marquart 1914: 129–131; Джузджани 1941: 15 (прим. 1, 3)). Как показал П. Пельо, титул *Кадыр-хан* в этот период мог носить не кто иной, как наместник Отрара, двоюродный брата Теркен хатун, Иналчук Кайыр-хан, известный по «Юань ши» как *Ха-чжи-эр Чжи-лань-ту* 哈只兒只蘭禿 (Pelliot 1930: 53–54; Köprülü 1943: 232–233 (dipnot 18)). При этом китайская транскрипция позволяет довольно точно реконструировать его титул, как *Йыналчук — с аффрикативным согласным и губным гласным в последнем слоге и с типичным для некоторых диалектов языков карлукской группы инициальным йотирующим звуком, в то время как для некоторых огузских и кыпчакских диалектов характерна его редукция: в таком виде титул *йынал зафиксирован лишь в огузской среде, ср. у Махмуда Кашгари *İnāl Öz*, личное имя правителя кыпчаков (Bosworth, Clauson 1965: 6, 10–11; Divanü Lûgat-it-Türk 1985: 361). Здесь же *кайыр* — это кыпчакское произношение общетюркской основы с *-d-*: ср. тюрк. *qajır* < *qadīr* < *qadīr* > *qazır* (Doerfer 1967: 378–380; Clauson 1972: 603–604, 678)¹.

¹ Это обстоятельство ослабляет гипотезу, выдвинутую самим П. Пельо несколько позже. На основе транскрибирования имени упомянутого в «Юань ши» (цз. 151) вождя кыпчаков И-на-сы 亦納思 как *īnas, что передает, по его мнению, титул (или личное имя) īnal, уменьшительной формой которого является īnalčiq, П. Пельо считал возможным видеть упомянутого наместника Отрара (Histoire des campagnes 1951: 102). Иные точки зрения см.: Allsen 1983: 9, 16–17; Храпачевский, 2013: 23–25.

В начале 1181 г. к Текишу с выражением покорности от подошедшего к Дженду кыпчакского хана Алп Кара Урана был послан его сын Кыран (*qīrān*, ркп. вар.: *fīrān*), с многочисленной свитой «сыновей беков племени *йугур*» (*ywgwr zādagān*) и он был почтен родством (Ḥudūd al-ʿĀlam 1937: 180; Köprülü 1943: 233–234 (dipnot 22); Буниятов 1986: 46; Ахинжанов 1995: 214–215). С большой долей вероятности он может быть отождествлен с ханом Акраном (или Икраном), упомянутым у Джузджани в качестве отца Теркен хатун, что допустимо при коррекции прочтений имен *qīrān* и *'qrān* (Köprülü 1943: 234–235; Ахинжанов 1995: 216). В 1182 г. он участвовал в походе Текиша на каракитаев.

Вполне возможно сопоставить его также с Кадыр Буку¹-ханом, правителем Сыгнака и Дженда, против которого в 1195 г. ходил походом Текиш (Бартольд 1963: 406 (прим. 6); Материалы 1939: 448). У Рашид ад-Дина ат-Табиба, приводящего более краткую версию неудачного похода Текиша 1195 г., его противник, имя которого приводится в форме Кайр (< *Кайыр) Таку (вар.: Туку)-хан, назван уйгурским (Рашид-ад-дин 1952б: 137). С. М. Агаджанов связывал это с упоминанием у Джузджани «сыновей беков племени *йугур*» (*ywgwr zādagān*), которое он прямо отождествлял с уйгурами, писав, вслед за В. В. Бартольдом, о некоей «стране Югур», понимая под ней область кыпчаков (Ахинжанов 1995: 217, 235; Бартольд 1963: 434). В. Минорский считал, что у Джузджани речь идет об упоминании «страны йигуров Туркестана» (Ḥudūd al-ʿĀlam 1937: 309). Ср. упоминание у ал-Масуди между Черным и Белым Иртышом наименования владения (*mmlk*) *kmāk byğwr* (или *yğwr*), т. е. **kimāk yīgūr* (Maçoudi 1861: 213; El-Masūdi's Historical Encyclopaedia 1841: 244. Ср.: Ḥudūd al-ʿĀlam 1937: 310; Кумеков 1972: 38–39; Golden 1992: 202–203; Golden 1995–1997: 103, 121). «Юань ши» (цз. 122) сообщает о походе Субэтэя против меркитов в год с 18.01.1219 /05.02.1220 гг., закончившемся победой над ними при реке Чань 蟾, после чего говорится, что их вождь Хо-ду 霍都, тождественный Худу (qdw) Рашид ад-Дина, бежал к кыпчакам; Субэтэй преследовал его и сразился с кыпчаками при Юй-юй 玉峪 (Pelliot 1930: 24; Храпачевский 2005: 499;

¹ Буку < *böğü, по П. Пельо (Pelliot 1930: 22), но, вероятнее, форма *buqa* 'бык', ср.: карах.-уйг. *buqa*, кыпч. *boğa*, *buğa* (Clauson 1972: 312).

2013: 73 (прим. 125, 126); Палладий 1866: 131, 232–233 (прим. 491))¹, что соответствует топониму персидских источников (ср. также вар. Юй-гу 玉谷) (Pelliot 1920: 154 (note 2))². С уйгурами, для передачи названия которых китайцы использовали иную транскрипцию (в данный период: хуэй-хэ 回紇, хуэй-ху 回鹘, хуэй-хуэй 回回), это название никак отождествлено быть не может. Однако в тексте Джунджани в редакции Г.Д. Раверти приводится форма *ugr* вместо *uwgr* (Бартольд 1963: 434 (прим. 6)). Однако, «Хэй-да ши-люэ» отождествляет кыпчаков (кэ-би-шао 克鼻梢) с мусульманским государством (хуэй-хуэй го 回回國) и именует их «родом» (чжун 种) *уйгуров* (хуэй-хэ 回紇) (Ср.: Храпачевский 2013: 71). Вероятно, во всех этих случаях мы имеем дело с фонетической формой наименования *уйгур*: *uǰur* > *juǰur* ~ *jǰur*³.

Китайские источники говорят об уйгурской династии Арсланханов на восточных склонах Тянь-шаня, правителях Гаочана, граничившего на юге с Хотаном, а на западе — с мусульманскими государствами, и что в XII в. они продвинулись западнее; эти сведения коррелируются с данными Джувеини о легендарном основании Баласагуна уйгурским Буку-ханом и данными китайских источников о том, что основавший ставку в долине р. Чу родоначальник династии каракитаев сделал это в местности, населенной уйгурами (Bretschneider 1910a: 244–245, 251–252). Вероятнее всего, упомянутый у Джувеини в этом случае Буку-хан, как предполагал В.В. Радлов, является караханидским Бугра-ханом (Радлов 1893: 121).

¹ Ср. другой рассказ в «Юань ши» (цз. 128): «Когда Тай-цзу [т. е. Чингисхан – прим. Д. Т., В. Т.] отправился воевать меркитов, их владетель Ходу бежал в Кипчак и Инасы [И-на-сы 亦納思, см. выше – прим. Д. Т., В. Т.] принял его. Тай-цзу отправил к нему посла с указом каана, гласящим следующее: „Ты по какой причине укрываешь мишень, на которую я приготовил стрелы? Немедленно верни его, иначе бедствия вскоре коснутся тебя“. Инасы ответил так: „Когда воробей удирает от ястреба, то даже заросли могут [спасти] его жизнь. Разве мое сострадание уступает травам и деревьям?!“. Тогда Тай-цзу приказал полководцам пойти карательным походом на него. Инасы был уже очень стар, а внутри государства – большая смута» (Цит. по: Храпачевский, 2013: 21, 46).

² Р.П. Храпачевский предлагает отождествить это с названием реки Уир, юго-западнее совр. Актобе.

³ Ср.: *juǰur* < *uǰur* (Тенишев 1962: 59). Ср.: *Ighur* у Вар Эбрея, *Iugur* у Рубрука, *Iogur* у Гайтона, *Huiur* в записке Бенедикта Поляка и у Дж. Пьяно Карпини (Христианский мир 2002: 103, 114, 322; Bretschneider 1910a: 66–67 (note 160), 259–263; Bretschneider 1910b: 205 (note 986)).

Как отметил В. Минорский, говоря об этом же походе Мухаммада, ан-Насави называет реку Ыргыз, а Джувейни упоминает местность Кара-кум, принадлежащую канглы, и, по мнению исследователя, эти локации тождественны *irghis savuq* и *qara qum*, упомянутым у Абу'л Гази среди территорий улуса Шибана (Hudūd al-'Ālam 1937: 309–310). Как известно из сочинения Рашид ад-Дина ат-Табиба, в местечке под названием Каракум (рпк.: *qrāqwm*, в другой рукописи Рашид ад-Дина: Каракорум) была позже ставка Джучи (Бартольд 1963: 482 (прим. 9); Allsen 1983: 12 (note 24)). Согласно Рашид ад-Дину, ставка Джучи находилась на берегу Иртыша, Абу'л Гази именует ее *Кок Орда*, т. е. букв. 'голубая орда', означающая 'восточную ставку' (Рашид-ад-дин 1960: 78; Султанов 2007: 199). Согласно Абу'л Гази, Бату отдал брату Урду «земли в том месте, где жил отец твой», в районе Черного Иртыша и оз. Алакуль. Между Черным Иртышом и оз. Алакуль во время своего путешествия застал ставку Урду Дж. Пьяно Карпини. Однако Каракум известен как одна из зимних ставок Шибана (при этом р. Ирғиз к востоку от р. Ыйаик упомянута как одна из летних ставок), но восточными границами его улуса был район устьев рр. Чу и Сары-су (Султанов 2007: 217), т. е. пустыня Каракум на севере современной Алматинской области выходила за пределы этих территорий. Потому речь должна идти о другом одноименном топониме.

Те данные, которыми мы располагаем, позволяют увязать историю осколков киданьской державы, поселившихся уже между 1030–1032 гг. (!) на территории Восточного Тянь-шаня, на границах караханидских владений, где они сожительствовали с уйгурами (Марвази, Ибн ал-Асир, Хайдер Рази) (Ахинжанов 1995: 188–189). Границы рассматриваемой территории должны быть очерчены по северу линией течения Черного Иртыша, вплоть до оз. Зайсан, и берегами оз. Балхаш, на востоке — до Тараза и Кашгара, на юге и юго-востоке — по склонам тяньшаньского хребта, за которым уже начинались уйгурские владения. Пустыня Каракум, располагающаяся в Балхаш-Алакольской котловине, представляла собой местность на северо-востоке каракитайских владений. Таким образом, можно предполагать локализацию Каракум, упомянутого у Рашид ад-Дина, в низовьях Черного Иртыша (ср. село Каракум в совр. Аягузском районе Восточно-Казахстанской области,

Респ. Казахстан), но не считать его тождественным с одноименным топонимом у Джувейни, у которого речь идет о другой местности. Это должны быть земли к северо-востоку от Отрара и Дженда, вдоль оз. Балхаш по южной границе¹ и так до р. Иртыш (Белый Иртыш), за которым уже находились древние земли кимеков. Согласно Абу'л Гази, 50–60 тыс. канглы переселились во владения хорезмшаха, а оставшихся на берегах рр. Чу и Талас было около 10 тыс. По Джувейни, известен некий разбойник Озар из канглы, который в 1218 г. даже сумел овладеть Алмалыком (Бартольд 1964: 296). Вместе с тем, Рашид ад-Дин ат-Табиб говорит о том, что канглы соседствовали с найманами в области Кок Ирдыш (Рашид-ад-дин 1952а: 136–137. Ср.: Бартольд 1964: 295), т. е. букв. 'Голубой Иртыш', что, вероятно, нужно связывать с Белым Иртышом (Ср.: Рашид-ад-дин 1952а: 73 (прим. 4)).

Согласно Джувейни, каракитаи подчинили канглы, и этот факт подтверждается китайскими источниками (Bretschneider 1910a: 223, 229 (note 586)). «Цзинь ши» (цз. 121) под 1175 г. упоминает главу (чжан 长) племени (бу 部) канглы (кан-ли 康里) по имени Бо-гу (孛古) (совр. *bó-gǔ*, *bó'ku'*, позд. ср.-кит. **pʰut-kuə̃* (Pulleyblank 1991: 40, 111) < **buğa*, ср. выше), вместе с найманами (нань-ба-энь 粘拔恩) приславшим посольство к цзиньскому двору с просьбой о подданстве, отказавшись от подданства каракитаям, навязанным им во времена Е-люй Да-ши 耶律達實 (Bretschneider 1910a: 223; Biran 2005: 57). Вероятно, имя этого правителя может быть сопоставлено с Кадыр Буку-ханом, упомянутым Джувейни, хотя здесь возникают значительные проблемы в датировке. С другой стороны, если учесть, что лидер найманов, некий Са-ли-я 撒里雅 (совр. *sā-lǐ-yǎ*, позд. ср.-кит. **sat-li-ŋja:* (Pulleyblank 1991: 271, 188, 254) < *?), упомянут первым и с титулом цзунь-чжан 君长, букв. 'главный вождь' или обычно 'государь', 'монарх', то, вероятно, речь может идти о какой-то подчиненной им группировке канглы, возможно, как раз левобережных йемеках. Интересен также факт, что позже найманы брачевались с канглы (Палладий 1866: 67, 218 (прим. 397)).

¹ Вопреки М. Биран, у которой „the Qangli homeland north of Lake Balqash“ (Biran 2005: 104).

Возможно, что путаница Джузджани в событиях этого периода (упоминание неких йугуров, противоречивое отождествление Кадыр-хана), вероятно, может быть иметь и более обусловленную подоплеку, нежели неосведомленность автора. Противоречивая ономастика, этно- и топонимика, фигурирующая у различных авторов при описании событий рассматриваемого периода, очень интересным образом укладывается в общий контекст, увязывающийся вокруг определенной территории. При этом приходится признать, что учет этих данных в случае с рассмотрением событийной канвы так называемого «Тургайского сражения» позволяет исключить из всех интерпретаций земли севернее Арала и Балхаша.

Подводя итоги данного исследования, следует еще выделить несколько важных моментов. Несмотря на то, что сама по себе история исследования так называемого сражения «на Тургайской равнине» характеризуется обширной историографией, существует несколько дискуссионных сюжетов, на которых мы и попытались подробно остановиться в этой работе. Прежде всего, разногласия в исторических источниках можно заметить в отношении датировки сражения: здесь нами было отмечено, что двойную датировку в сочинении ан-Насави следует признать принципиальной особенностью этого памятника, а не каким-то уникальным явлением. Как показало обращение к тексту этого источника, двойная датировка одного и того же события присутствует в нем неоднократно и свидетельствует, по всей видимости, лишь о том, что заголовки и главы составлялись автором в разное время и не подвергались редактированию. Нами же был сделан вывод о том, что датировка битвы 1218 г. выглядит наиболее вероятной в виду того, что большинство источников, кроме ан-Насави, относят сражение именно к этому году, и в силу иных факторов, в частности Отрарского инцидента, который, безусловно, повлиял бы на него, произошёл он раньше этого события.

Еще одним спорным фактом следует признать вопрос о командовании монгольским корпусом и непосредственно о месте сражения. В первом случае, хотелось бы отметить, что монгольским корпусом в данном сражении командовал именно Джучи, а наличие сведений в некоторых арабо-персидских источниках о том, что

командиром был Джебэ — просто сведение воедино в тексте сразу двух отдельных походов монгольских войск с разными командующими. В тоже время наличие в войске Джучи и других командиров, в частности Субэдэя, факт весьма вероятный, но абсолютно не подтвержденный арабо-персидскими авторами, ни ранними, ни поздними. Если первые могли об этом и не знать, то отсутствие такого рода информации у Джувейни и Рашид ад-Дина заставляет считать это не более чем гипотезой или возможным, но не до конца доказанным фактом.

Некоторые приведенные нами соображения также позволили показать, что локализовать сражение следует в местности к востоку от среднего течения Сырдарьи, но никак не севернее линии Арал–Балхаш. Ряд моментов, связанных с обстоятельствами, сопутствовавшими сражению, еще предстоит исследовать, в частности, это касается реконструкции событий, связанных с миграцией меркитов и найманов, месте племенных групп канглы во всей перипетии политических событий в регионе в увязке с общей картиной этнополитической истории этой части Центральной Азии в XII — начале XIII в.

* * *

Само по себе указанное сражение между хорезмийскими и монгольскими войсками следует признать, если и не причиной последующей войны, то, как минимум, фактором, подтолкнувшим обе державы к военному столкновению. В отношении хорезмийской стороны это привело к тому, что Ала ад-Дин Мухаммад, увидев, на что способно монгольское войско, опасался открытого противостояния этому новому для себя противнику, что в последствии скажется на его действиях в ходе монголо-хорезмийской войны (Ан-Насави 1973: 54; Mirhond 1841: 77; Khondamir 1954: 649–650). Большинство арабо-персидских историков подчеркивают и тот факт, что после состоявшегося сражения хорезмшах практически потерял голову от страха перед монгольской угрозой, что сказалось на поведении Ала ад-Дина Мухаммада и передавалось его подданным. «И султан Мухаммад, когда смог увидеть от подобных противников такую отвагу, в беспредельном страхе и ужасе вернулся в Самарканд. В этом месте он обратился к некоторым астрологам,

обладавшим известностью и знаниями, чтобы они прочитали подходящее положение звезд, чтобы султану в текущем году избежать поражений и избежать гибели. И от услышанного от них [предсказания — *прим. Д. Т., В. Т.*] тревога и страх султана увеличились. И после этого, имея в своем распоряжении в то время четыреста тысяч хорошо вооруженных воинов, оставил большую часть того войска для защиты городов и крепостей Мавераннахра и Туркестана, приказав тюркам сражаться и сопротивляться противнику. А знати отдал приказ двигаться в сторону Хорасана и, когда достигли они рва Самарканда, громко возвестил им о том, что „войско противника, который хочет напасть на нас, если [воины этой армии — *прим. Д. Т., В. Т.*] кнуты свои в этот ров бросят, то он заполнится“» (Khondamir 1954: 650).

С другой стороны, Чингисхан в результате этого военного столкновения, с нашей точки зрения, получил ценные сведения и о хорезмийской армии, и об отдельных ее военачальниках, а также, по всей видимости, убедился в слабости своего будущего противника, что не могло не сказаться на решительности его действий в подготовке к войне с Хорезмом. «На четвертую ночь Джучи увел свои войска, прибыл в ставку Чингиз-хана и сообщил ему о состоянии войск Хорезма и личной отваге Джалал ад-Дина Манкбурны» (Djuzdjani 1881: 269–270). Таким образом, состоявшаяся битва имела значительные последствия, как для дальнейшей истории Хорезмийской державы, так и монгольского государства Чингисхана.

Список литературы

Ан-Насави Шихаб ад-Дин Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Пер., предисл., комм., прим. и указат. З. М. Буниятова. Баку: Элм, 1973. 450 с.

Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад: Ылым, 1969. 298 с.

Ахинжанов С. М. Кипчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы: Гылым, 1995. 294 с.

Ахинжанов С. М. Хорезм и Дешт-и Кыпчак в начале XIII в. (о месте первого сражения армии хорезмшаха с монголами) // Взаимодействие

кочевых культур и древних цивилизаций / отв. ред. В. М. Массон. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 326–335.

Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период // Бартольд В. В. Сочинения. М.: Наука, 1964. Т. II. Ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. С. 265–302.

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Сочинения. М.: Наука, 1963. Т. I. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. 760 с.

Буниятов З. М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов, 1097–1231. М.: Наука, 1986. 247 с.

Джувейни. Чингиз-хан. История завоевателя мира / Пер. с текста Мизры Мухаммеда Казвини на англ. яз. Дж. Э. Бойла; пер. с англ. Е. Е. Харитоновой; предисл. и библиогр. Д. О. Моргана. М., 2004. LXI, 688 с.

Джузджани. Насировы разряды // [Тизенгаузен В. Г.] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. С. 13–19.

Джузджани. Насировы разряды / Пер. А. А. Ромаскевича, В. Г. Тизенгаузена. М.: Директ-медиа, 2010. 142 с.

Ибн ал-Асир. «Ал-Камил фи-т-тарих». «Полный свод по истории». Избранные отрывки / Пер. П. Г. Булгаков, Ш. С. Камолиддин. Т.: Шарк, 2006. 560 с.

История Небесной империи. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2011. Т. I. История первых пяти ханов из дома Чингисова / Под ред. В. Е. Ларичева; пер. с маньчж. Л. В. Тюрюминой и П. И. Каменского; комм. Л. В. Тюрюминой. 220 с.

Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972. 156 с.

Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. I. Арабские и персидские источники. (VI–XV вв.) / Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича, А. Ю. Якубовского. 612 с.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.; Л.: АН СССР, 1952а. Т. 1. Кн. 1 / Пер. с перс. Л. А. Хетагурова; ред. и прим. А. А. Семенова. 221 с.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.; Л.: АН СССР, 1952б. Т. 1. Кн. 2 / Пер. с перс. О. И. Смирновой; ред. и прим. А. А. Семенова. 315 с.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.; Л.: АН СССР, 1960. Т. 2 / Пер. с перс. Ю. П. Верховского; примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова; ред. И. П. Петрушевского. 260 с.

Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. Из предисловия к изданию Кудатку-Билика. Приложение к LXXII-му тому Записок Императорской Академии Наук № 2. СПб., 1893. 130 с.

Палладий [Кафаров]. Старинное монгольское сказание о Чингисхане // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. СПб, 1866. Т. IV. С. 3–260.

Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. 448 с.

Тенишев Э. Р. Этнический и родоплеменной состав народности юйгу // Советская этнография. 1962. № 1. С. 59–66.

Храпачевский Р. П. Военная держава Чингиз-хана. М.: АСТ: ЛЮКС, 2004. 557 с.

Храпачевский Р. П. Половцы-куны в Волго-Уральском междуречье (по данным китайских источников) 元史 黑鞑事略. М.: ЦИВОИ, 2013 (Историко-генеалогический проект «Суюновы». Серия «Материалы и исследования». Т. 2. Исследования по истории кочевников восточноевропейских степей). 126 с.

Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года / Критический текст, пер. с латыни «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа С. В. Аксенова и А. Г. Юрченко; экспозиция, исследование и указатели А. Г. Юрченко. М.: Евразия, 2002. 478 с.

Al-Asir ibn. Al-Kamil fi-t-tarih // Journal Asiatique (4-e Ser.). 1849. Т. XIII. Р. 457–523; 1849. Т. XIV. Р. 447–514; 1850. Т. XVI. Р. 50–75, 153–201.

Allsen T. Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga — Ural Region, 1217–1237 // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1983. Т. III. Р. 5–24.

Biran B. The Empire of the Qara Khitai in Eurasian History: between China and the Islamic World. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005. xvi, 279 p.

Bosworth C. E., Clauson G. Al-Xwārazmī on the Peoples of Central Asia // Journal of the Royal Asiatic Society (New Series). 1965. Vol. 97. Iss. 2. Р. 2–12.

Bretschneider E. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the Knowledge of the Geography and History of Central and Western Asia from the 13th to the 17th century. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1910. Vol. I. With a Map of Middle Asia. XII, 334 p.

Bretschneider E. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the Knowledge of the Geography and History of Central and Western Asia from the 13th to the 17th century. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1910. Vol. II. With a Reproduction of a Chinese Medieval Map of Central and Western Asia. X, 352 p.

Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. xlviii, 989 p.

Djuzdjani. Tabakat-i Nasiri: A general history of the Muhammadan dynasties of Asia, including Hindustan; from A. H. 194 (810 A. D.) to A. H. 658 (1260 A. D.) and the irruption of the infidel Mughals into Islam / Trans. by H. G. Raverty. London: Printed by Gilbert & Rivington, 1881. Vol. 1. 1296 p.

Divanü Lûgat-it-Türk ve Tercümesi / Çev. B. Atalay. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1985. Cilt I. 530 s.

Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1967. Bd. III. Türkische Elemente im Neupersischen (Akademie der Wissenschaften und der Literatur: Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission. Bd. XX). (2), 670 S.

El-Masûdî's Historical Encyclopaedia: entitled „Meadows of Gold and Mines of Gems“ / Transl. from the Arabic by A. Sprenger. London: Printed for the Oriental Translation Fund of Great Britain and Ireland, 1841. Vol. 1. LXII, 464 p.

Golden P. B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992 (Turkologica. Bd. 9). xvii, 483 p.

Golden P. B. Cumanica IV: The Cumano-Qıpçaq Clans and Tribes // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1995–1997. Vol. IX. P. 99–122.

Histoire des campagnes de Gengis Khan, Chêng-wou ts'in-tchêng lou / Traduit et annoté: P. Pelliot et L. Hambis. Leiden: E. J. Brill, 1951. T. I. XXVII, 485 p.

Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après l'abrege du Seldjouknameh d'Ibn-Bibi. Texte Persan // Recueil de textes relatifs à l'histoire des seldjoucides / Ed. M. Th. Houtsma. Leiden: E. J. Brill, 1902. Vol. IV. 384 s.

Hudūd al-‘Ālam: „The Regions of the World“, A Persian Geography 372 A. H. — 982 A. D. / Transl. and expl. by V. Minorsky; with the preface by V. V. Barthold. London, 1937 (E.J.W. Gibb Memorial Series. N.S.; XI). lxxxii, 524 p.

Khondamir. Tarih-e habib. Tehran: Ketabhaneye Hayyam, 1954. J. 1. 873 s.

Köprülü M. F. Türk Etnolojisiine Ait Tarihi Notlar: Uran Kabîle-si // Belleten. 1943. Cilt VII. Sayı 26. S. 227–243.

Maçoudi. Les prairies d'or / Texte et traduction par C.B. de Meynard et P. de Courteille. Paris: Imprimerie Impériale, 1861. T. 1. XII, 408 pp.

Marquart J. Über das Volkstum der Komanen // Bang W., Marquart J. Ostturkische Dialektstudien. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1914 (Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Philologisch-historische Klasse, Neue Folge. Bd. XIII. № 1). S. 25–238.

Mirhond. Histoire de sultan du Kharezm. Le texte persian. Chrestomathies orientales ou recueil de textes arabes, turks, persans, grecs-modernes, armeniens et indostanis. Paris, 1841. 113 p.

Mirhond. La vie de Genghis-khan. Le texte persian. Chrestomathies orientales ou recueil de textes arabes, turks, persans, grecs-modernes, armeniens et indostanis. Paris, 1840. 174 p.

An-Nasavi Nur ad-Din Muhammad Zeydary. Sirat-e Jelal-e ad-Din ya Tarih-e Jelali / Tard. Mohammad Ali Naseh. Tehran, 1945. 360 p.

ün-Nesevî Ahmed Şehabeddin. Celâlüttin Harezemşah / Müterci-mi: Necip Âsım [Yazıksız]. İstanbul, 1934. 158 s.

Pelliot P. A propos des Comans // Journal Asiatique. 1920. XI série. T. XV. № 1. P. 125–185.

Pelliot P. Notes sur le „Turkestan“ de M. W. Barthold // T'oung Pao. Second Series. 1930. Vol. XXVII. № 1. P. 12–56.

Pulleyblank E. G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin. Vancouver: UBC Press, 1991. 488 p.

КАТОЛИЧЕСКИЙ ПРОЗЕЛИТИЗМ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ ДЖУЧИДСКИХ ХАНОВ

Аннотация: С момента появления татар в Восточной Европе они представлялись образцовыми объектами христианского прозелитизма. Апостолат францисканцев и доминиканцев среди татар полностью отвечал идеалам католического миссионерства. Католические миссионеры приложили множество усилий для организации проповедования Евангелия в Золотой Орде, где неоценимую услугу им оказали западные купцы. Католические миссионеры продвигались на Восток бок о бок с западными купцами, и, по всей видимости, они появились на территории Золотой Орды параллельно с основанием генуэзской фактории в Каффе. Однако главной гарантией беспрепятственного проповедования Евангелия на всей территории Золотой Орды была защита, которую предоставляли католическим миссионерам джучидские правители.

Ключевые слова: Золотая Орда, религиозная политика Джучидов, исламизация, католическое миссионерство, латинские источники.

Abstract: The Tatars became exemplary objects of Christian proselytism since their arrival in Eastern Europe. Apostolate of the Franciscans and Dominicans among the Tatars was fully consistent with the ideals of a Catholic missionary activity. Catholic missionaries put many efforts in order to organize the preaching of the gospel in the Golden Horde, in what the Western merchants exerted their invaluable service. Catholic missionaries moved to the East side by side with the Western merchants. Apparently, they appeared in the Golden Horde territory in parallel with establishment of the Genoese comptoir of Caffa. However, a patronage, with which the Jochid rulers provided the Catholic missionaries, was the main guarantee of unhindered preaching of the gospel throughout the Golden Horde territory.

Key words: Golden Horde, religious policy of the Jochids, Islamization, Catholic missionary activity, Latin sources.

Как указывал Джеймс Малдун, центральной задачей католических миссионеров в Средневековье было исполнение заповеди Христа проповедовать Евангелие всем людям для того, чтобы способствовать спасению всего человечества. Поэтому миссионеры должны были посвящать свою деятельность: укреплению тех христиан, чья твердость в вере оказалась под угрозой; противостоянию ложным учениям и еретикам; и, что важнее для настоящей статьи, приложению всех своих усилий для возвращения «неверных» в лоно церкви (Muldoon 1979: 37–38). Так, Фома Аквинский указывал в своей работе «Золотая цепь» на адресованное апостолам повеление

Христа распространить христианство по всему миру в связи с нежеланием иудеев принять его учение; и утверждал, что в XIII в. главными исполнителями апостольской миссии выступали орден доминиканцев и францисканцев (Vose 2009: 52–53; Schmieder 2000: 271). Параллельно Св. Бонаventura да Баньореджо (1217–1274) указывал на страстное желание Франциска Ассизского проповедовать Евангелие всем язычникам, лишенным, в противном случае, возможности духовного спасения (Daniel 1975: 37).

Важность спасения «неверных» неизменно подчеркивалась цитатами из Святого Писания, интерпретация которых в XIII столетии приобрела отчетливо эсхатологический характер: как сам Христос, так и Святой апостол Павел указывали на необходимость тотального обращения «неверных» в преддверии назревающего пришествия Антихриста как на обязательное условие для грядущего искупления всего человечества (От Матфея 24: 14, 28: 19–20; От Марка 13: 10; К Римлянам 11: 25–26; а также: Whalen 2009: 1–2; Schmieder 2000: 271; Schmieder 1998: 2; Daniel 1975: 12–13). В своей энциклике 1255 г. генеральный министр францисканцев Джованни да Парма (1247–1257) представлял свой Орден как особый духовный институт, созданный по велению Всевышнего для спасения христиан накануне Апокалипсиса. Также и его преемник Св. Бонаventura да Баньореджо цитировал в своем специальном руководстве для миноритов («Каким образом братья минориты должны проповедовать и исповедовать») *Откровение Иоанна*, представляя повсеместное падение нравов в христианском обществе как очевидное предзнаменование окончания мирской истории. По мнению обоих авторов, единственной надеждой на спасение человечества было возрождение раннехристианского апостолата со стороны монахов нового типа, не чуждавшихся внешнего мира, но, одновременно, отличавшихся безупречным нравственным поведением (Whalen 2009: 175; Roest 2000: 275; Daniel 1975: 28–29, 37, 40).

Наибольшее рвение в отношении развития восточного апостолата выказывали представители отдельного крыла Ордена францисканцев, общепринято называемые спиритуалами. Минорит Анджеоло Кларено, предводитель группировки спиритуалов итальянского региона Марке, прославлял в своем «Изложении устава братьев миноритов», утвержденном при жизни Франциска Ассизского,

стремление основателя Ордена и его последователей к безбоязненному проповедованию Евангелия среди «неверных» и готовности принять мученичество во имя истинной веры. К моменту окончательной редакции комментариев Анджело в 1321 г. его наиболее близкий приверженец, Томмазо да Толентино, был подвержен публичной казни со стороны мусульманских властей индийского города Тхане (Burke 2002: 466; Moule 1930: 210–213; Van den Wyngaert 1929: 424–439). Предводитель тосканского крыла спиритуалов, Убертино да Казале, в свою очередь, подчеркивал необходимость крещения сарацин и татар в преддверии Апокалипсиса и укорял администрацию Ордена в концентрации на менее важном апостолате внутри Европы (Burke 2002: 467). Симпатизировавший спиритуалам медик папской курии Арнольд из Вилланова признавал в своем «Трактате о времени прихода Антихриста» 1297 г. бесполезность использования медицинских знаний античности в эпоху преддверия Конца Света и указывал, что единственным средством для спасения человечества было следование примеру идеального поведения спиритуалов, прилагавших все свои усилия для обращения нехристианских народов (Daniel 1975: 92–93). Наиболее влиятельными были высказывания провансальского спиритуала Пьер Жана Оливи, который призывал францисканцев вернуться к идеалам раннехристианской церкви и посвятить себя обращению язычников; деятельности, которая способствовала бы распространению христианства во всем мире. По мнению Оливи, представленному им в «Комментариях к Откровению Иоанна», проповедники, наиболее инспирированные апостольской традицией Святого Писания, должны были способствовать предсказанному апостолом Иоанном обращению язычников до воцарения Антихриста (Whalen 2009: 205, 211, 219; Daniel 1975: 86).

Таким образом, с точки зрения теоретиков католического миссионерства, будущее спасение христиан зависело не только от морального преображения их образа жизни, но и от эффективности прозелитической деятельности новых апостолов Римской церкви за пределами Европы. В свою очередь, Святой престол проявлял ясное осознание новых задач, стоявших перед Римской церковью, и поручал их выполнение Орденам францисканцев и доминиканцев. В своей специальной булле «Cum hora undecima» 1235 г.,

воспроизводившейся последующими понтификами в неизменном виде в течение XIII–XV столетий, папа Григорий IX поручал новым апостолам Римской церкви отправиться к «народам и племенам, и языкам и царям многим», поскольку, переименовав апостола Павла, «весь Израиль не спасется до тех пор, пока не войдет полное число язычников» (Откровение 10: 11; К Римлянам 11: 25–26; Acta Honorii III 1950: 286–287; Tolan 2002: 222; Muldoon 1979: 36–37). В перечислении народов, к которым должны были направиться миссионеры для проповедования Евангелия, упоминание «тартар» встречается впервые в одноименной булле папы Иннокентия IV от 23 июля 1253 г. (Bullarium Ordinis FF. Praedicatorum 1729: 237) и продолжает фигурировать в последующих буллах Римских понтификов вплоть до XV в.

С момента появления татар в Восточной Европе, они представлялись образцовыми объектами христианского прозелитизма, от обращения которых зависело грядущее искупление христианства. Апостолат францисканцев и доминиканцев среди татар полностью отвечал идеалам католического миссионерства. К тому же эта деятельность могла оказаться чрезвычайно полезной и для достижения геополитических целей: «язычники-тартары», обращенные в христианство, могли оказать значительную военную поддержку Латинскому миру в его многовековой борьбе с исламом. В частности, Раймунд Луллий указывал в своем миссионерском проекте, представленном французскому королю Филиппу IV, на все те внешнеполитические выгоды, которые могли бы последовать за тотальным крещением татар (DeWeese 1978–1979: 64). В последующей «Петиции, направленной Целестину V и кардиналам» 1294 г. Луллий подчеркивал потенциальные стратегические выгоды крещения татар, коллективное обращение которых способствовало бы уничтожению ближневосточных мусульманских государств и торжеству христианской веры во всем мире (Golubovich 1906: 374; Battlori 1979: 200). В свою очередь, францисканцы Каффы, проповедовавшие Евангелие среди кочевников Золотой Орды и адресовавшие в 1323 г. отчет о своей деятельности администрации Ордена, уверяли своих западных собратьев в том, что «после совершенного обращения этой империи не было бы более никакой силы у власти сарацин, запертых и окруженных, с одной стороны,

этой империей; а с другой — греками и италийцами, то есть латинянами, и другими христианскими королевствами»¹.

Параллельно, латинские авторы выказывали крайнюю озабоченность по поводу возможного успеха мусульманского прозелитизма среди татар. Тот же Луллий настаивал в ряде своих трактатов конца XIII столетия на необходимости интенсификации христианского прозелитизма на Востоке и описывал те угрозы для христианства, которые таились в потенциальном обращении татар в ислам (Richard 1998: 119; DeWeese 1978–1979: 66; Hillgarth 1971: 151; Golubovich 1906: 374). В начале XIV в. Луллий уже сетовал на то, что хан Токта окружил себя мусульманскими секретарями, и выражал опасения, что, благодаря своему положению, высшие мусульманские чиновники получали возможность распространять мусульманскую веру в Улусе Джучи (Golubovich 1906: 384). В свою очередь, доминиканец Гийом де Адам писал в своем трактате «Как победить сарацин» 1317 г., что хан Узбек «принимает в свои владения, поощряет и защищает сарацинских факиров, то есть монахов, и всех других, посредством которых, в конце концов, сам он, вместе со многими другими тартарами, стал наихудшим сарацином, врагом и гонителем христиан»². А венецианец Марино Санудо Торселло указывал, что обращение кочевников Улуса Джучи в ислам «может стать чрезвычайной угрозой и великой опасностью для христианской веры, так как лицами, внушающими доверие, утверждается, что у упомянутого Узбека есть бесчисленное количество всадников»³.

По упомянутым выше причинам католические миссионеры приложили множество усилий для организации проповедования Евангелия в Золотой Орде. Однако для развертывания прозелитической деятельности на Востоке им нужно было преодолеть ряд

---

¹ „cum, illo inperio perfecte conuerso, nullius momenti foret potentia saracenica, que inter illud ex vna parte et gregum ac ytalicum siue latinum ex alia et regna alia xristiana interclusa est et vallata“ (Moule 1923: 109).

² „Saracenos etiam facarios, id est monachos, et alios quoscumque in suo dominio recipit, promouet et tuetur, per quos tandem ipsemet cum multis aliis Tartaris Saracenus pessimus et Christianorum inimicus et persecutor est effectus“ (William of Adam 2012: 46–48).

³ „Hoc enim foret in praeiudicium nimium et periculum maximum fidei Christianae. Nam a nonnullis dignis fide assertitur quod dictus Husbecho, habet equitum multitudinem“ (Bongars 1611: 33; Marino Sanudo Torsello 2011: 66).

препятствий, где неоценимую услугу им оказали западные купцы. Итальянская коммерческая экспансия совпала с развитием восточного апостолата, и налаживание морских сообщений между Европой и Азией позволило христианским миссионерам относительно легко достигать регионов, в которых они развернули прозелитическую деятельность. Так, упомянутое выше письмо францисканцев из Каффы содержало следующую инструкцию для тех миссионеров, которые решили бы посвятить себя восточному апостолату: «Знайте, что сюда безопасней и легче прибыть по морю в компании с венецианскими торговцами, чем по суше через те края, которые являются крайне труднопроходимыми и опасными»¹. В свою очередь, послание иберийского минорита Пасхалия из Виттории содержит описание персонального путешествия из Испании в Сарай в 1335 г. с перечислением всех промежуточных этапов следования католического миссионера через Венецию, Галату и Тану: «...Поднявшись в Венеции на борт одного каррака, мы пересекли Адриатическое море, а после и Геллеспонт, по левой стороне оставляя Славонию, и по правой Турцию, и достигли Греции, то есть Галаты, рядом с Константинополем [...] Далее, поднявшись на борт одной лигнии, мы плыли по Черному морю, чья глубина бездонна, до Газарии, что находится в Северной викарии в империи тартар. После этого, мы достигли Таны через другое море, которое не является глубоким»².

Этот же вклад в развитие восточного апостолата подчеркивал и германский аноним из Мюнстера, указывая одновременно, и на не менее важную материальную поддержку купцов из Северной Италии: «Ибо торговцы из Ломбардии и других богатых земель, пребывающие в тех краях и часто туда прибывающие, влекут за собой эти Ордена в те края и основывают для них обители

¹ „vt sciatis ad partes quas per terram, quod difficilimum esset et periculosissimum, vel quod securius et leuius per mare et in societate mercatorum Venecorum extra veniendum“ (Moule 1923: 110–111).

² „...et post Venetiis ascendentes quamdam carracam transivimus per mare Adriaticum et post per mare Pontum ad sinistram dimittentes Sclavoniam et ad dexteram Turquiam applicuimus Graeciam, scilicet Galatas iuxta Constantinopolim [...] Inde ascendentes unum lignum per mare Nigrum, cuius profunditas est abyssus, profecti sumus usque ad Gazariam in vicaria aquilonari in imperio Tartarorum. Inde per aliud mare, cuius non est fundus, applicuimus Thanam“ (Van den Wyngaert 1929: 501–502).

при поддержке других торговцев и правоверных, щедро поставляя им все необходимое согласно тому, какому из этих Орденов каждый из них отдает предпочтение»¹. Западные купцы, очевидно, были склонны финансировать постройку католических церквей во всех крупных урбанных центрах Золотой Орды, которые они посещали; способствуя тем самым основанию францисканских и доминиканских конвентов в Каффе, Солдае, Солхате, Тане и Сарае (Richard 1998: 89, 94, 138).

Таким образом, католические миссионеры продвигались на Восток бок о бок с западными купцами, и, по всей видимости, они появились на территории Золотой Орды параллельно с основанием генуэзской фактории в Каффе. Во всяком случае, латинский перевод ярлыка хана Узбека, пожалованного францисканцам в 1314 г., указывал на тот факт, что впервые этот ярлык был предоставлен миноритам ханом Менгу-Тимуром (1266/67–1280) и, по-видимому, в начале его правления (Хаутала 2014: 33–34): «Силою вечного Бога и при полном одобрении великого божественного величества, мы, Узбек, вручаем эти наши слова: Обладающие этой привилегией латинские священники, которые зовут себя по собственному обыкновению меньшими братьями, дабы, именно, шествовали они с безмятежной душой, молясь Богу, верша благословение; привилегию, которую предоставил Кулук, наш родоначальник, как и его преемник, наш старший брат, император, мы также теперь даем в соответствии с теми же условиями»².

Содержание этого же ханского ярлыка выявляло еще более важное обстоятельство, обусловившее благополучное развертывание апостолата в границах Золотой Орды, а именно, благосклонность джучидских правителей к католическим миссионерам. Ханский

¹ „Nam mercatores de Lombardia et aliis terris ditissimi, qui in illis partibus degunt, et frequenter perveniunt, trahunt hos ordines ad illas partes, et eis cum auxilio aliorum mercatorum et fidelium claustra fundant et omnia necessaria largiter eis ministrant, secundum quod quivis aliquem Ordinem diligit“ (Golubovich 1913: 153).

² „In virtute eterni dei et magne maiestatis suffragio, Nos Vsbeq mandamus hec verba nostra: Istud priuilegium tenentes sacerdotes latini qui suo more se fratres minores appellant, vt videlicet animo tranquillo consistentes, deum rogando, benedictionem faciendo incedant, priuilegium quod dederat Culuk progenitor noster et successor eius, frater noster senior, inperator, nos eciam nunc dedimus secundum eundem tenorem“ (Bihl, Moule 1924: 65). См. пояснения по поводу идентификации имен предшественников Узбека в: Pelliot 1949: 58–60.

ярлык предоставлял миноритам право на беспрепятственное проповедование Евангелия на всей территории Золотой Орды и гарантировал им покровительство хана в случае конфликта с представителями альтернативных религий. Джучидская протекция оказывала неоценимую услугу миссионерам в ходе их нередких столкновений с мусульманскими резидентами золотоордынских урбанных центров, о чем ценнейшие сведения предоставляет отдельное послание брата Ладислава, францисканского кустодия Газарии (то есть Северного Причерноморья). В своем письме брат Ладислав описывал обстоятельства конфликта, возникшего летом 1286 г. между францисканцами Солхата и местными мусульманскими жителями, возмущенными обыкновением католиков звонить в колокол на своей церкви. В ходе конфликта солхатские мусульмане снесли этот колокол и разрушили католическую церковь, вызвав своими действиями подачу жалобы со стороны францисканцев, обращенную к хану Тула-Буге и Ногаю. В ответ на петицию миноритов, джучидские правители направили в Солхат своих представителей, которые, несмотря на личную приверженность к мусульманской вере, сурово наказали обидчиков францисканцев, позволив миноритам восстановить свою церковь и повесить на ней три колокола на месте одного разрушенного: «Ибо императоры Тула-Буга и Ногай направили, каждый, наиболее выдающихся из своих отдельных баронов и третьего особого посла с той целью, чтобы если первые обвинят кого-либо в разрушении церкви или сносе колокола; то этот третий, без всякого исключения или денежного заступничества, накажет того своей собственной рукой, вне зависимости от обстоятельств. Прибыв на следующий день после праздника Святого Доминика в августе [1286 г.] и неся крест с императорскими регалиями и знаменами, этот третий посол вошел с военной свитой в город Солхат в сопровождении всех латинян и других бесчисленных христиан и с торжественной процессией, также вместе с поющими гимны братьями, прошел через все улицы и площади упомянутого города. И хотя он был сарацином, поразил всех сарацин словно собак. Даже самые выдающиеся из сарацин, видя нависшую над ними угрозу их жизни, бежали, бросив все, что имели, в близлежащий с городом лес, где они и прятались в течение целых семи дней. Упомянутый же посол повесил на место колокола,

который они незаконно сняли, три колокола с великим почетом и к бесконечной радости христиан»¹.

Очевидно, что правители Золотой Орды следовали предписаниям Ясы о терпимом отношении ко всем мировым религиям и продолжали это делать и в XIV столетии, несмотря на возросшее влияние ислама на джучидскую элиту. Как послание, написанное в 1320 г. братом Иоганкой на территории современной Башкирии, так и письмо францисканцев Крыма, отправленное на Запад тремя годами позже, не скрывали восхищения миноритов в отношении склонности джучидской администрации предоставлять всем общинам полную свободу в религиозных вопросах до тех пор, пока их религиозная автономия не нарушала интересов светского законодательства Золотой Орды (Bihl, Moule 1924: 66; Аннинский 1940: 90–91, 108–109; Moule 1923: 111). В частности, послание миноритов Каффы 1323 г. содержало следующую характеристику религиозной политики золотоордынских правителей: «Они прочат твердость в вере, хоть и являются язычниками, чтобы все придерживались той религии, которой, в конечном счете, придерживались их родители. Они считают проявлением чрезвычайного непостоянства отказ от веры, была бы она христианской или иной. Ибо они терпимо допускают существование у них всех религиозных общин, вероисповеданий и духовников до тех пор, пока те исполняют в своих земных делах то, к чему их обязывает закон этой земли»².

¹ „Imperatores enim Thelebuga et Nohay, et singuli singulos de baronibus suis potiores transmiserunt, et tertium ad hoc ambasiatorem specialem, ut, quoscunque isti pro destructione ecclesiae et campanae depositione condemnassent, ille tertius sine aliqua exceptione et pecuniae interventione manu propria, casu aliquo non obstante, iugularet. Veniens itaque ille tertius secundo die Sancti Dominici de augusto [an. 1286], crucem portans cum insigniis imperatorum et vexillis, potenter intravit civitatem Solhatensem cum comitantibus ipsum omnibus Latinis et aliis Christianis infinitis, cum processione admirabili, fratribus quoque letaniam praecinentibus, pertransiit omnes vicos et plateas civitatis memoratae; et cum esset Sarracenus, faciebat omnes Sarracenos percuti velut canes. Potiores etiam Sarracenorum videntes sibi periculum mortis imminere, dimissis omnibus, quae habebant, ad silvam vicinam civitati confugerunt, ibique bene per septem dies latuerunt. Dictus vero nuntius pro campana, quam deposuerant cum iniuria, suspendit tres campanas cum maxima gloria et Christianorum infinita laetitia“ (Golubovich 1913: 444).

² „Commendant enim firmitatem, licet sint infideles, quod omnes teneant sectam quam finaliter tenuerunt parentes eorum, et autumant [finem] signum falsitatis ab illa recedere, siue sit xristiana siue aliena; omnes enim sectas et leges inter se sinunt pacienter et spirituales, ita quod in temporalibus suis faciant in quibus iure terre illius religantur“ (Moule 1923: 111).

Но наиболее красноречивое описание религиозной толерантности татар приводил умбрийский францисканец Джованни Элемозина в своем «Хрониконе» 1336 г.: «И после того, как эти тартары подчинили многие царства [...] Божьим провидением, под влиянием некоего естественного милосердия, они были настолько преобразены от своего неистовства и свирепости и обращены к доброте, что начали с любовью и заботой управлять и лелеять народы, которые они подчинили. И они позволили народам беспрепятственно следовать своим законам и продвигать свою культуру согласно своим древним ритуалам, и владеть в мире своей землей; лишь бы повиновались властителю тартар и выплачивали ему налог с имущества»¹.

Пользуясь покровительством ханов, францисканцы развернули чрезвычайно активную миссионерскую деятельность в центральных регионах Золотой Орды. Согласно упомянутому выше письму кустодия Ладислава, к 1287 г. минориты основали свои местопребывания в Каффе, Солхате, Кырк-Ере (Чуфут-Кале), Сарая и Вичине (в дельте Дуная) (Golubovich 1913: 444–445). Более поздний список опорных пунктов францисканцев в Улусе Джучи, составленный до 1318 г. и сохранившийся в копии манускрипта из коллекции Британского музея (Nero A. IX), уже указывает на существование 17 конвентов, располагавшихся, помимо упомянутых Ладиславом городов, в Солдае, Херсоне (Херсонес), Чембало (Балаклава), Барасоне (Карасу-Базар), Маврокастро (Белгород-Днестровский), Тане, Маджаре, Укеке и в месте Святой Иоанн в трех милях от Сарая (Golubovich 1919: 72). Францисканский автор Паолоино Венето прибавляет к этому списку упоминание конвента в Булгаре², а Бартоломей Пизанский — в Аксарая (Сарай аль-Джедид), Агитаркане (Астрахань) и Иличе (Ени-Кале) (Golubovich 1913: 268; *Analecta Franciscana* 1906: 557). В свою очередь, доминиканцы появились

---

¹ „Et postquam ipsi Tartari regna plura [...] subiugaverunt, Deo providente, quadam naturali mansuetudine eis infusa, adeo commutati fuerunt a furia sua et feritate, et in bonitatem conversi, gentes quas submiserant, caritate et curialitate regere et fo-
vere ceperunt. Et libere concesserunt nationibus leges suas servare, et culturam suam
agere secundum ritum antiquorum suorum, et terras suas possidere in pace, solum
quod domino Tartarorum obedirent et censum ei persolverent“ (Golubovich 1913: 125).

² См. по поводу отождествления наименования „Veler“ с Булгаром в: Richard 1998: 95 (nota 112); Pelliot 1949: 137 (nota 1).

в Золотой Орде значительно позже францисканцев и обосновались в Каффе только в конце XIII в. (Ciocîltan 2012: 186, nota 174; Jackson 2005: 257; Richard 1998: 94–95, 130, 132; Loenertz 1937: 92). Однако братья-проповедники внесли посильный вклад в развитие апостолата, обратив в католичество в 1333 году некоего Милленуса, аланского правителя Воспоро (Керчь). Со своей стороны, папа Иоанн XXII был столь обрадован отрадным известием об обращении крымских аланов, что посчитал уместным основать архиепархию Воспоро во главе с доминиканцем Франческо ди Камерино (*Annales ecclesiastici* 1880: 524–525; Richard 1998: 213; Fedalto 1976: 550; Golubovich 1919: 58, 417; Eubel 1898: 535 (nota 1); Heyd 1885–1886: 184–185).

Однако католическая миссионерская деятельность не ограничивалась урбанными центрами Улуса Джучи. Письмо францисканцев Каффы 1323 г. ясно указывает на то, что крымские минориты развили повседневную прозелитическую деятельность в степи: «...но ежечасно следуя за кочующими лагерями и всецело предаваясь столь многим нашим занятиям, у нас часто нет времени отведать еды до сияния звезд на небе. И не удивительно, что в ходе одной такой поездки некий немецкий брат вырвал из рук язычников 93 их идола, крестил все их семьи и наставил их в вере по мере возможностей. Некоторые из этих идолов мы переслали посредством неких наших братьев, отправленных к святому верховному понтифику по столь важному делу, дабы он мог увидеть наглядное доказательство истинности»¹. Данное сообщение, в значительной степени, перекликается с содержанием отчета минорита Иоганки о его шестилетнем апостолате на территории современной Башкирии (Аннинский 1940: 90, 108; Bihl, Moule 1924: 66). По всей видимости, усилия Иоганки не оказались напрасными, поскольку более поздний францисканский документ из упомянутого выше манускрипта коллекции Британского музея (Nero A. IX)

¹ „...set crebro castra sequentes ob diligenciam meram tante occupacionis gustare vicium non vacat usque ad lucentes stellas. Nec mirum, cum exitu vno frater quidam almannus 93 paganorum ydola de eorum manibus surripuit et omnes familias baptizavit et in fide quo potuit plenius instruxit, quorum aliqua ydolorum per quosdam nostrum sancto summo pontifici pro tanto negocio a nobis destinatos transmisimus ad videndum in testimonium veritatis, et per venientes mercatores viros fidedignissimos de quorum eciam consilio et assensu hec scripsimus, vt omnino vera sciat et scienter vitam habeatis, si ad hec valere non negligatis“ (Moule 1923: 107).

свидетельствует крещение «сына некоего великого тысячника по имени Тармагар, а также Эстокиса, господина всей Баскардии, с женой и детьми, и многочисленным родом»¹.

Но наиболее детальное описание апостолата в Степи содержится в «Хрониконе» Джованни Элемозина, сообщавшем, среди прочего, что «*пастухи скота*², меньшие братья Святого Франциска имеют среди этих тартар пять подвижных местопребываний в шатрах, покрытых войлоком. И вместе с тартарами передвигаются с места на место, перевоза на повозках местопребывания, книги и утварь. Они проповедуют тартарам, крестят их и исполняют правоверным таинства. И поскольку с самого начала эти братья стали благословлять жениха, невесту и свадьбы и, по примеру нашего Господа, есть с ними; то по этой причине настолько стала расти набожность среди тартар, что братьям часто нужно благословлять свадьбы и есть с ними. И тартары так любят братьев потому, что они не хотят воевать и носить оружие, и поскольку они не хотят владеть землями и виноградниками, но только ничтожными местопребываниями, где они могли бы временно останавливаться»³.

По всей видимости, католические миссионеры чувствовали себя в большей безопасности в степи, а не в джучидских урбанных центрах, где у них неоднократно возникали разногласия с местными мусульманскими резидентами⁴. Очевидно поэтому автор францисканского письма из Каффы 1323 г. приводил следующую характеристику отношения кочевников к миссионерам, явно контрастировавшую с констатацией серии мученичеств, принятых католическими проповедниками в восточных городах: «Знайте,

---

¹ „Sed iam per proximo baptizatus est per fratrem Henricum Alemanum filius cuiusdam magni millenarii vocatus Tharmagar. Item Estokis dominus totius Baschardie, cum uxore et filiis et familia multa“ (Golubovich 1913: 73).

² Бытие 13: 7.

³ „Inter istos Tartaros pastores gregum, fratres Minores Sancti Francisci habent quinque loca mobilia in papilionibus filtro coopertis, et cum Tartaris moventur de loco ad locum, in curribus portantes loca et libros et utensilia, qui Tartaris predicant et baptizant et administrant credentibus sacramenta. Et quia ipsi fratres a principio sponsum et sponsam et nuptias benedicere ceperunt, et exemplo Salvatoris nostri cum eis manducare, ideo tantum inolevit ista devotio inter Tartaros, ut fratres oporteat sepius nuptias benedicere et cum eis manducare. Et diligunt tantum fratres, quia bellare nolunt, nec arma portare, et quia terras et vineas nolunt possidere, sed solum loca humilia, ubi possint hospitari“ (Golubovich 1913: 125).

⁴ См., напр., о конфликте францисканцев с мусульманской общиной Сарая в апреле 1334 г.: *Analecta Franciscana* 1897: 515–532.

что мы часто находим проявление большей набожности у самих язычников, чем у христиан. И они охотно дают нам еду и пригодную одежду, которая у них имеется»¹.

Список литературы

Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и восточной Европе // Исторический архив. 1940. Т. III. С. 71–112.

Хаутала Р. Ярлык Узбека францисканцам Золотой Орды 1314 года: латинский текст, русский перевод и комментарии // Золотоордынское обозрение. 2014. № 3. С. 31–48.

Acta Honorii III (1216–1227) et Gregorii IX (1227–1241) e regestis vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt / Ed. by A. L. Tăutu. Romae: typis pontificae universitatis gregorianae, 1950 (Fontes. Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis. Series III. Vol. III). xxiv, 400 p.

Analecta Franciscana: sive chronica aliaque varia documenta ad historiam Fratrum minorum spectantia. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1897. Vol. III. xxvii, 748 p.

Analecta Franciscana: sive chronica aliaque varia documenta ad historiam Fratrum minorum spectantia. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1906. Vol. IV. xxxv, 668 p.

Annales ecclesiastici Caesaris Baronii. Barri-Ducis: Ex typis Consociationis Sancti Pauli, 1880. Vol. XXIV. 1313–1333 / Ed. by O. Raynaldus, J. Laderchius. vi, 540 p.

Battlori M. Teoria ed azione missionaria in Raimondo Lullo // Espansione del Francescanesimo tra Occidente e Oriente nel secolo XIII / Ed. by R. Manselli. Assisi: Società internazionale di studi francescani, 1979. P. 192–200.

Bihl M., Moule A. C. Tria nova documenta de missionibus Fr. Min. Tartariae Aquilonaris annorum 1314–1322 // Archivum Franciscanum Historicum. 1924. № 17. P. 55–71.

---

¹ „sciatis quod maioris sepe deuocionis reperimus apparenciam in ipsis paganis quam nos in multis xristianis cum et victualia nobis libenter conferunt et indumenta nobis apta qualia ipsis possident“ (Moule 1923: 108; cp.: Moule 1923: 104–106).

Bongars J. *Gesta Dei per Francos, sive Orientalium expeditionum, et regni Francorum Hierosolomitani historia*. Hanoviae: Wecheliani, 1611. Vol. II. Liber secretorum fidelium crucis super Terrae Sanctae recuperatione et conservatione: quo et Terrae Sanctae historia ab origine et eiusdem vicinarumque provinciarum geographica descriptio continetur. 361 p.

Bullarium Ordinis FF. Praedicatorum. Romae: typis & sumtibus H. Mainardus, 1729. Vol. I. Ab Anno 1215 ad 1280 / Ed. by Th. Ripoll, A. Brémond. lxxviii, 618 p.

Burke S. M. The 'Martyrdom of the Franciscans' by Ambrogio Lorenzetti // *Zeitschrift für Kunstgeschichte*. 2002. Bd. 65/4. P. 460–492.

Ciociltan V. *The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries* / Trans. by S. Willcocks. Leiden; Boston: Brill Academic Publishers, 2012. vi, 321 p.

Daniel E. R. *The Franciscan Concept of Mission in the High Middle Ages*. Lexington: University Press of Kentucky, 1975. xvi, 168 p.

DeWeese D. A. *The Influence of the Mongols on the Religious Consciousness of Thirteenth Century Europe* // *Mongolian Studies*. 1978–1979. № 5. P. 41–78.

Eubel K. *Hierachia Catholica Medii Aevi, sive Summorum Pontificum, S.R.E. cardinalium, ecclesiarum antistitum series ab anno 1198 usque ad annum [1667] perducta*. Monasterii: sumptibus et typis librariae Regensbergianae, 1898. Vol. I. 1198–1431. VIII, 558 p.

Fedalto G. *La chiesa latina in Oriente*. Verona: Mazziana, 1976. Vol. II. *Hierarchia latina Orientis*. 302 p.

Golubovich G. *Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano*. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1906. Tomo I. *Il secolo decimoterzo (1215–1300)*. vii, 479 p.

Golubovich G. *Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano*. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1913. Tomo II. *Addenda al sec. XIII e fonti pel sec. XIV*. iv, 641 p.

Golubovich G. *Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano*. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1919. Tomo III. *Dal 1300 al 1322*. v, 496 p.

Heyd W. von. *Histoire du commerce du Levant au Moyen-âge*. 2 Vols. / Trad. F. Raynaud. Leipzig: Otto Harrassowitz Verlag, 1885–1886. 799 p.

Hillgarth J. N. *Ramon Lull and Lullism in Fourteenth-Century France*. Oxford: Clarendon Press, 1971. xxvii, 504 p.

Jackson P. *The Mongols and the West, 1221–1410*. Harlow: Pearson Longman Publishing, 2005. xxxiv, 414 p.

Loenertz R. J. *La Société des Frères Pérégrinants*. Roma: Istituto Storico Domenicano, 1937. Vol. I. Étude sur l'Orient dominicain. xii, 209 p.

Marino Sanudo Torsello. *The Book of the Secrets of the Faithful of the Cross = Liber secretorum fidelium crucis* / Trans. by P. Lock. Burlington: Ashgate Publishing, 2011. 475 p.

Moule A. C. *Christians in China before the Year 1550*. London: Society for Promoting Christian Knowledge, 1930. xvi, 293 p.

Moule A. C. *Textus duarum epistolarum Fr. Minorum Tartarie Aquilonaris an. 1323* // *Archivum Franciscanum Historicum*. 1923. № 16/1–2. P. 104–112.

Muldoon J. *Popes, Lawyers, and Infidels*. Liverpool: Liverpool University Press, 1979. xi, 212 p.

Pelliot P. *Notes sur l'histoire de la Horde d'Or: suivies de quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en „ar“* // *Ouvres posthumes de Paul Pelliot publiées sous les auspices de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres et avec le concours du Centre National de la Recherche Scientifique*. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient, Adrien Maisonneuve, 1949. Vol. II. 292 p.

Richard J. *La Papauté et les missions d'Orient au Moyen Age (XIIIe–XVe siècles)*. Rome: École Française de Rome, 1998. xxiv, 331 p.

Roest B. *A History of Franciscan Education*. Leiden: Brill Academic Publishers, 2000. x, 405 p.

Schmieder F. *Nota sectam maometicam atterendam a Tartaris et Christianis: The Mongols as Non-Believing Apocalyptic Friends around the Year 1260* // *Journal of Millennial Studies*. 1998. № I/1. P. 1–11.

Schmieder F. *Tartarus valde sapiens et eruditus in philosophia. La langue des missionnaires en Asie* // *L'étranger au Moyen Âge: XXXe Congrès de la SHMES, (Göttingen, juin 1999)*. Paris: Publications de la Sorbonne, 2000. P. 271–281.

Tolan J. V. *Saracens. Islam in the Medieval European Imagination*. New York: Columbia University Press, 2002. xxiii, 372 p.

Van den Wyngaert A. *Sinica Franciscana*. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1929. Vol. I. *Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV*. cxviii, 637 p.

Vose R. Dominicans, Muslims and Jews in the Medieval Crown of Aragon. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2009. xv, 294 p.

Whalen B.E. Dominion of God: Christendom and Apocalypse in the Middle Ages. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009. 328 p.

William of Adam (Guillelmus Ade). How to Defeat the Saracens = Tractatus quomodo Sarraceni sunt expugnandi / Ed. by G. Constable, R. Chakravarti, O.R. Constable, T. Kolbaba. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2012. 138 p.

РЕЗОЛЮЦИЯ

Международной научно-практической конференции «Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии» (XIII «Фаизхановские чтения»)

|4–6 мая 2016 г.

Участники Международной научно-практической конференции «Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии» (XIII «Фаизхановские чтения»), проведенной в рамках Дней мусульманской культуры, по итогам заслушанных и обсужденных докладов, приняли следующую резолюцию.

Золотая Орда — изначально западная часть Улуса Джучи, являвшегося одним из уделов в составе единой Монгольской империи — представляла собой политическое образование того типа, когда в рамках одной социально-политической системы осуществляется объединение групп населения, принадлежавших к различным хозяйственно-культурным типам, которые упрощенно могут быть сведены к категориям кочевого и оседло-земледельческого населения. В условиях налаживания эффективного механизма взаимодействия между этими двумя категориями населения, а шире — между различными группами населения, характеризовавшихся собственными культурными и религиозными традициями, устойчивыми нормами социальной жизни, сложившимися механизмами власти, а также для координации этих взаимодействий через единый центр происходило формирование и эволюция социально-политических институтов, отвечавших интересам всей системы как единого целостно функционировавшего механизма.

Несмотря на то, что политическим ядром и центром политической жизни оставались именно территории с кочевым населением, тюркоязычным (преимущественно, кыпчакским), фактически все остальные группы населения сохранили не только свои культурные традиции, бытовой уклад, язык и нормы социальной жизни, но также обладали значительной автономией в рамках созданного политического образования. Кочевое население традиционнo сохраняло племенную структуру, на основе которой формировались

характерные административные объединения, возглавляемые потомками Джучи. Оседлое население в каждом из отдельных случаев фактически полностью сохраняло сложившуюся внутреннюю структуру, социальные институты и традиции правления. Административное управление этими территориями осуществлялось при помощи организации института специальных чиновников, осуществлявших эффективную связь центральной и местной власти, установления фискального контроля, а также введения обязанности участия местных воинских контингентов в военных предприятиях, организуемых центральным правительством. Внутренний порядок и политическая стабильность поддерживались при помощи военных контингентов центрального правительства. Выступавшие в качестве политической периферии территории, где изначально существовало полиэтническое и полирелигиозное население, продолжали жить согласно устоявшимся нормам межнационального и межрелигиозного взаимодействия, которые за некоторыми исключениями, связанными с конкретными политическими событиями, фактически не нарушались вмешательством ханской власти.

Установление политического контроля монгольских ханов над отдельными территориями совершенно не влекло разрыва налаженных здесь прежде культурных и торгово-экономических связей или снижения их интенсивности. Кроме того, объединение в одну политическую систему земель, населенных представителями различных народов и культур, способствовало интенсификации взаимодействия культурных традиций, усилению торговых связей, обмену опытом осуществления работы социально-политических институтов и механизмов взаимодействия власти и общества. Естественно, глубина взаимодействия тех или иных традиций и степень влияния друг на друга отдельных культур в каждом случае имели свои отличия. Несомненно факт влияния политических традиций, сформировавшихся в Золотой Орде, на все последующие государственные образования, возникшие в связи с утратой централизованного управления и фактическим распадом Золотой Орды. В кочевых обществах оно было, несомненно, более сильным, поскольку эти традиции были связаны с ним генетически, в то же время велико их значение и для трансформации старых и формирования

новых социально-политических и правовых институтов и ломки политической идеологии у населения русских земель.

Внутренняя история народов и территорий, связанных с политическим центром части Золотой Орды остается изученной в недостаточной степени. В тюркских республиках Центральной Азии изучению истории Золотой Орды уделяется значительное внимание в связи с тем, что это был важный период в истории кочевых народов, сыгравших роль в становлении и развитии государственности на этих территориях. В российской историографии в связи со сложившимся русоцентричным подходом к истории государства Золотая Орда рассматривается лишь в контексте истории русских княжеств, выступая, скорее, как внешнеполитический фактор в истории российской государственности, а не как один из ее этапов. Эта позиция отражена в учебной литературе. Вместе с тем, соответствующий образ Золотой Орды преподносится в кинематографе и СМИ, что поддерживает устоявшиеся стереотипы в бытовом сознании.

Участники конференции в ходе работы пришли к следующим соображениям:

- в дальнейшем необходимо развивать углубление сотрудничества между различными научными центрами СНГ в области исследований вопросов истории Золотой Орды и ее наследия в государственности и культуре народов евразийского пространства;
- опираясь на опыт проведенной конференции, продолжить практику регулярной организации научных мероприятий, связанных с обсуждением проблем истории и культуры золотоордынского периода;
- сформировать рабочую группу под условным названием «Историческое соОбщество» из числа работников научных организаций, на которую будут возложены функции постоянно действующего секретариата конференции «Фаизхановские чтения», для дальнейшего развития концепции конференции;
- создать на базе сайта Международного мусульманского форума (ММФ) специальный раздел для конференции «Фаизхановские чтения», где будут собраны данные о прошедших заседаниях конференции, а также размещена информация о предстоящих заседаниях;

- предпринимать дальнейшие усилия для углубления знаний о Золотой Орде и популяризации ее наследия среди массового читателя;
- поручить Организационному комитету издание сборника материалов конференции;
- подготовить учебное пособие, отражающее более объективный взгляд на роль и место Золотой Орды в истории Российской государственности;
- созданной рабочей группе «Историческое сообщество» принять участие в рецензировании данного пособия;
- издать названное пособие через Ученый совет ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова, либо Восточный факультет СПбГУ;
- обратиться к органам государственной власти Российской Федерации вынести на повестку дня вопрос о пересмотре роли и места Золотой Орды в официальной концепции истории Российской государственности, обсудить возможность придания Золотой Орде статуса полноправного предшественника Московского царства, включить внутреннюю историю Золотой Орды в программы основных учебных курсов, связанных с историей России, в учебных заведениях всех уровней. Данное действие будет иметь концептуальное значение с точки зрения воспитания гражданина многонационального государства, которым является Российская Федерация. Пересмотр официальной концепции истории России в этом направлении будет способствовать укреплению в массовом сознании образа российского государства как общего достояния всех проживающих в нем народов, постепенному снижению уровня радикально-националистических и ксенофобских настроений;
- подготовить к изданию и выпустить в свет альбом «Мечети Крыма на старых фотографиях...»;
- приступить к переизданию с новой редакционной группой работ В. В. Вельяминова-Зернова «Исследование о Касимовских царях и царевичах» и «Материалы для истории Крымского ханства»;
- обратиться к руководству СПбГУ с просьбой установить бюст Х. Фаизханова во дворе Восточного факультета СПбГУ;
- в связи с предстоящей датой 200-летия со дня рождения Х. Фаизханова создать Оргкомитет для подготовки конференции, приуроченной к юбилею этого выдающегося деятеля.

СПИСОК АВТОРОВ

Аксанов Анвар Васильевич, кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М. А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия).

Атыгаев Нурлан Адилбекович, кандидат исторических наук, доцент, зам. директора Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова Министерства образования и науки Республики Казахстан (Астана, Казахстан).

Беляков Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, доц. кафедры «Философия, социология и история» Московского государственного университета путей сообщения императора Николая II (филиал в г. Рязани) (Рязань, Россия).

Бондарев Алексей Владимирович, доц. кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, ст. научный сотрудник Музея-квартиры Л. Н. Гумилева (филиал Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме) (Санкт-Петербург, Россия).

Бугарчев Алексей Игоревич, мл. научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия).

Бурханов Альберт Ахметжанович, заведующий отделом истории татаро-булгарской цивилизации Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, руководитель Золотоордынской комплексной историко-археологической экспедиции Академии наук Республики Татарстан и К(П)ФУ и Средне-амударьинской комплексной историко-археологической экспедиции Института истории АН Туркменистана, заслуженный деятель науки Республики Татарстан, профессор, акад. АВИН РФ, РАН и МГА «Европа-Азия», председатель Совета Общества краеведов РТ — Татарстанского регионального Отделения Всетатарского общества краеведов (Казань, Россия).

Габбасова Кадрия Анваровна, кандидат философских наук, зам. директора, учитель татарского языка и литературы МБОУ «Татарская гимназия № 15» (Казань, Россия).

Гайнутдин Равиль, муфтий шейх, председатель Духовного управления мусульман Российской Федерации, председатель Совета муфтиев России, член Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации, член Президиума и сопредседатель Межрелигиозного совета России (Москва, Россия).

Гатин Марат Салаватович, кандидат исторических наук, доцент кафедры татароведения и тюркологии Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета кафедра (Казань, Россия).

Гиниятуллина Люция Сулеймановна, мл. научный сотрудник Центра истории Золотой Орды и татарских ханств им. М. А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия).

Джунисова Зухра Маликовна, независимый исследователь, магистр экономических наук (Астана, Казахстан).

Зайнуддинов Дамирджан Рустамджонович, имам-хатыб Соборной мечети г. Москвы; соискатель кандидатской степени в Институте истории им. Марджани АН РТ (Казань, Россия).

Зиливинская Эмма Давидовна, доктор исторических наук, вед. научный сотрудник отдела физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия).

Исхаков Дамир Мавлявеевич, доктор исторических наук, гл. научный сотрудник отдела этнологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия).

Кадырбаев Александр Шайдатович, профессор, доктор исторических наук, вед. научный сотрудник отдела истории Востока Института востоковедения РАН (Москва, Россия).

Калимуллина Фирдаус Галимовна, кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия).

Кенжаева Наргиза Соатмуминовна, ст. научный сотрудник Чирчикского городского краеведческого музея (Чирчик, Узбекистан).

Кириченко Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института археологии и этнографии Национальной Академии Наук Азербайджана (Баку, Азербайджан).

Крамаровский Марк Григорьевич, доктор исторических наук, вед. научный сотрудник отдела Востока Эрмитажа (Санкт-Петербург, Россия).

Курникова Оксана Михайловна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва, Россия).

Кушкумбаев Айболат Кайрслямович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (ЕНУ) (Астана, Казахстан).

Маслюженко Денис Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет» (Курган, Россия).

Махмудов Ойбек Анварович, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Всемирная история» исторического факультета Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека (Ташкент, Узбекистан).

Миргалеев Ильнур Мидхатович, кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М. А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Россия).

Моисеев Максим Владимирович, кандидат исторических наук, заведующий сектором научно-просветительской работы ГБУК г. Москвы «Музейное объединение „Музей Москвы“» (Москва, Россия).

Мусаханова Мадина Зульпухаровна, кандидат исторических наук, профессор Казахской национальной академии искусств имени Т. Жургенова (Алматы, Казахстан).

Недашковский Леонард Федорович, доктор исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия).

Нигматзянов Ильсур Рустамович, аспирант Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М. А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Россия).

Нигаматзянов Ильшат Ришатович, соискатель Института истории им. Ш. Марджани. Отдел истории татаро-булгарской цивилизации (Казань, Россия).

Никитин Александр Петрович, аспирант кафедры истории России. Исторический факультет Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия).

Нуриева Фануза Шакуровна, доктор филологических наук, проф. кафедры татарского языкознания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета (Казань, Россия).

Овчинников Александр Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры Философии и гуманитарных дисциплин ЧОУ ВПО «Институт социальных и гуманитарных знаний» (Казань, Россия).

Пачкалов Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, зам. заведующего кафедрой «Экономическая история и история экономических учений» Финансового университета при Правительстве РФ (Москва, Россия).

Петров Павел Николаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия).

Пилипчук Ярослав Валентинович, кандидат исторических наук, мл. научный сотрудник отдела Евразийской степи Института востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины (Киев, Украина).

Почекаев Роман Юлианович, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства НИУ «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербургский филиал).

Рахимзянов Булат Раимович, кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник отдела новой истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия).

Рябинина Елена Алексеевна, ст. преподаватель кафедры «Культурология» исторического факультета ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет» (Курган, Россия).

Сабитов Жаксылык Муратович, PhD, доц. кафедры политологии Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан).

Сайфетдинова Эльмира Гадельзяновна, кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Центра истории Золотой Орды и татарских ханств им. М. А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия).

Сараев Андрей Сергеевич, магистр истории (maîtrise histoire, Université Paris-Est Marne-la-Vallée, Champs-sur-Marne, Франция),

соискатель кафедры философии, культурологии и педагогики Казанского государственного института культуры (Санкт-Петербург, Россия).

Севастьянов Федор Леонидович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права АНОО ВПО «Межрегиональный институт экономики и права при МПА ЕврАзЭС», начальник Научно-образовательного центра Евразийская интеграция (Санкт-Петербург, Россия)

Сейдалиев Эмиль Исаевич, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым (ГБОУ ВО РК) «Крымский инженерно-педагогический университет» (Симферополь, Россия).

Сейдалиева Джемиле Эльвировна, лаборант Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия).

Сыздыкова Жибек Сапарбековна, профессор, доктор исторических наук, заведующая кафедрой стран Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки МГУ им. М..В. Ломоносова (Москва, Россия).

Тимохин Дмитрий Михайлович, кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник отдела истории Востока ФГБУН ИВ РАН (Москва, Россия).

Тишин Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории Востока ФГБУН ИВ РАН (Москва, Россия).

Трепавлов Вадим Винцерович, доктор исторических наук, гл. научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межнациональных отношений (Москва, Россия).

Ускенбай Канат Зулкарышулы, заведующий отделом древней и средневековой истории Казахстана и сопредельных стран Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова МОН РК (Алматы, Казахстан).

Фукалов Иван Алексеевич, преподаватель кафедры истории древнего и средневекового Кыргызстана Кыргызского

национального университета имени Жусупа Баласагына, соискатель кандидатской степени (Бишкек, Кыргызская Республика).

Хайдаров Тимур Фаритович, кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Центра истории Золотой Орды и татарских ханств им. М. А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия).

Хасьянова Лейла Самиуловна, профессор, кандидат исторических наук, заслуженный художник Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии художеств (Москва, Россия).

Хаутала Роман, PhD (история), ст. научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан; исследователь исторического отделения гуманитарного факультета университета г. Оулу (Оулу, Финляндия).

Хафизов Зульфат Тагирович, аспирант Центра истории Золотой Орды и татарских ханств им. М. А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия).

Худайбердыева Оксана Аширгельдиевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Одесского национального университета имени И.И. Мечникова (Одесса, Украина).

Шигапов Марат Баязитович, научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Халикова АН РТ (Казань, Россия).

ФОТОАЛЬБОМ

Участники «Фаизхановских чтений»

Подведение итогов конференции

*Президиум «Фаизхановских чтений»
Слева направо (Д. Хайретдинов (выступает), В. Трепалов,
М. Крамаровский, Д. Мухетдинов, А. Кушкумбаев,
А. Кадырбаев, О. Кобзева)*

Вадим Трепалов

*д-р ист. наук, гл. науч. сотр.
Института российской истории
РАН, руководитель Центра истории
народов России и межэтнических
отношений*

Марк Крамаровский

*д-р ист. наук, вед. научный
сотрудник Отдела Востока
Эрмитажа*

Айболат Кушкумбаев

*д-р ист. наук, проф., главный
науч. сотрудник Евразийского
национального университета
им. Л. Н. Гумилева (ЕНУ)*

Ольга Кобзева

*д-р ист. наук, и. о. проф. кафедры
«История Узбекистана» Исторического
факультета Национального университета
Узбекистана им. Мирзо Улугбека*

Валентина Черновская

*д-р ист. наук, проф. ист. факультета
Ярославского государственного университета
и Международного института экономики и права*

Александр Кадырбаев

*д-р ист. наук, проф., вед. научный
сотрудник Отдела истории Востока
Института востоковедения РАН*

Дамир Исхаков

*д-р ист. наук, главный науч.
сотрудник Отдела этнологических
исследований Института истории
им. Ш. Марджани АН РТ*

Дамир Хайретдинов

*канд. ист. наук, ректор Московского
исламского института*

Дамир Мухетдинов

*канд. полит. наук, 1-й зам.
председателя ДУМ РФ*

Для заметок

Для заметок

Научное издание

XIII Фаизхановские чтения

**НАСЛЕДИЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
И КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ**

*Материалы Международной научно-практической конференции
(Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г.)*

Редакторы: *В. В. Тишин, Р. Г. Галиев, Р. А. Шарифуллин*

Оригинал-макет: *А. А. Паньшин*

Фотограф: *А. В. Насыров*

Корректоры: *Р. Г. Галиев*

Компьютерная верстка: *А. А. Паньшин*

Подписано в печать 27.03.2017. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная.

Гарнитура PT Serif. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 35,5. Уч.-изд. л. 26.

Тираж 1000 экз.

ООО «Издательский дом „Медина“»
107078, г. Москва, Кировский проезд, 12
<http://www.idmedina.ru>

Отпечатано в ООО «ПЭКТайм»
190000, г. Москва, ул. Куликовская, д. 12, оф. 519

ISBN 9785975601490

9 785975 601490

www.dumrf.ru www.muslim.ru www.miu.su www.islamrf.ru www.islamsng.com
www.islamrf.org www.muslim-forum.info www.manuscriptaislamica.ru